

12

5

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

1101—1000000

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА

[Н. ЩЕДРИНА]

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1894.

Щ36.

М. Е. Салтыковъ

[Н. Щедринъ]

ПОМЩАДУРЫ И ПОМЩАДУРШИ

[1863—1873 гг.]

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ

[1857 — 1863 гг.]

235

ПАРТКУБИМ

Получено дел

Омской жел. дор.

~~1871~~

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ.

Управление Делами
УПРАВЛЕНИЕ Ж. Д.
950 1, 11/15 №1271

6722

~~1857~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1894.

84P1
C16

2261

43 | С. С. С. С. С.
Ц Б и м. Ленина

ЦЕНТРАЛИЗОВАНАЯ
Система государственных
массовых библиотек
г. Омск

94768-197

СОДЕРЖАНІЕ.

Помпадуры и помпадурши.

	СТР.
ОТЪ АВТОРА	1
I.—„Прощаюсь, ангель мой, съ тобою!“	2
II.—Старый котъ на покоѣ	18
III.—Старая помпадурша	37
IV.—„Здравствуй, милая, хорошая моя!“	59
V.—„На зарѣ ты ее не буди!“	76
VI.—„Она еще едва умѣетъ лепетать...“	107
VII.—Сомнѣвающійся	129
VIII.—Онь!!	150
IX.—Помпадуръ борьбы, или проказы будущаго	177
X.—Знаждитель	213
XI.—Единственный. Утопія	237
XII.—Мифыіе знатныхъ иностранцевъ о помпадурахъ	257

Невинные рассказы.

I.—Гегемоніевъ	289
II.—Зубатовъ	298
III.—Пріѣздъ ревизора	311
IV.—Утро у Хрептюгина. Драматическій очеркъ	344
V.—Для дѣтскаго возраста	362
VI.—Миша и Ваня. Забытая исторія	377
VII.—Нашъ дружескій хламъ	389
VIII.—Деревенская тишь	409
IX.—Святочный рассказъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ чиновника	429
X.—Развеселое житье. Рассказъ	453
XI.—Послѣ обѣда въ гостяхъ	482
XII.—Запутанное дѣло. Случай	493—574

I.

ПОМПАДУРЫ И ПОМПАДУРШИ

ОТЪ АВТОРА.

Молодые наши помпадурсы очень часто обращаются ко мнѣ за разъясненіями, какъ въ томъ или въ другомъ случаѣ слѣдуетъ поступить. Обращенія эти ставятъ меня въ большое затрудненіе, ибо у меня нѣтъ ни секретарей, ни канцеляріи. вслѣдствіе чего большую часть писемъ я бываю вынужденъ оставлять безъ отвѣта. Между тѣмъ никто лучше меня не понимаетъ, что единообразіе въ дѣйствіяхъ по вопросамъ внутренней политики не только полезно, но и необходимо. Поэтому я рѣшился разъяснить хотя тѣ основные пункты помпадурской дѣятельности, которые настолько необходимы для начинающаго помпадура, чтобы онъ, пріѣзжая на мѣсто, являлся не съ пустыми руками. Таковы, на примѣръ: проводы, встрѣчи, отношеніе помпадуровъ къ подчиненнымъ, къ обывателямъ и къ закону, выборъ помпадуришъ и т. д. Я выбралъ форму рассказовъ, потому что она понятнѣе. Сухія, отвлеченныя разсужденія едва ли доступны молодымъ людямъ, получившимъ воспитаніе въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ, — и во всякомъ случаѣ должны показаться имъ неслышимыми. Разказы же они прочтутъ и даже, быть можетъ, усвоятъ. Знаю, что я далеко не исчерпалъ всѣхъ случаевъ помпадурской дѣятельности, но меня утѣшаетъ то, что я первый сдѣлалъ начинъ въ этомъ смыслѣ. Быть можетъ, другіе послѣдуютъ по указанному мною пути и внесутъ въ это дѣло болѣе ясности и болѣе таланта. Я же лишь себя надеждой, что господа помпадуры пріобрѣтутъ мою книгу, хотя бы для того только, чтобы поощрить мою попытку пролить нѣкоторый свѣтъ въ эту своеобразную сферу жизненной дѣятельности, въ которой до сихъ поръ все было такъ темно и неопредѣленно.

I. — „Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою!“

Очень ужъ нынче часто приходится намъ съ начальниками прощаться. Придетъ начальникъ, не успѣвъ еще распорядительности показать—глядь, его ужъ смѣнили, новаго шлютъ! Поэтому мостовая въ Вислоуховскомъ переулкѣ и дондес не докончена, а проектъ о распространеніи въ народѣ надлежащихъ чувствъ такъ и лежитъ въ канцеляріи непереписанный на-бѣло. Одинъ начальникъ, какъ пріѣхалъ, такъ первымъ дѣломъ приступилъ къ сломкѣ пола въ губернаторскомъ кабинетѣ—и что же? сломать-то сломалъ, а новаго на его мѣсто построить не успѣлъ! „Много,—говорилъ онъ потомъ, когда прощался съ нами,—много намѣревался для пользы сдѣлать, да, видно, Богу, друзья мои, неугодно!“ И дѣйствительно, пріѣхалъ на мѣсто его новый генералъ, и тотчасъ же разсудилъ, что полъ надо было ломать не въ кабинетѣ, а въ гостиной, и соотвѣтственно съ этимъ сдѣлать надлежащее распоряженіе. Слѣдовательно, если и этого генерала скоро смѣстятъ, то другой генералъ, пожалуй, найдетъ, что надо ломать полъ въ столовой, и такимъ образомъ весь губернаторскій домъ постепенно перенакостятъ, а надлежащей распорядительности, все-таки, не покажутъ.

Говорятъ, будто это такъ нужно. Говорятъ, что прежде можно было допускать засиживаться на одномъ мѣстѣ, потому что тогда ничего больше отъ администратора не требовалось, кромѣ того, чтобъ онъ былъ администраторомъ; нынче же, будто бы, требуется, чтобъ онъ, кромѣ того, какую-то „суть“ понималъ. Я полагаю, однакожь, что все это одна пустая фанаберія, ибо, по мнѣнію моему, всякій человѣкъ всякую „суть“ всегда понимать способенъ: стбитъ только вну-

пить. Возражаютъ противъ этого, что иногда такая „суть“ бываетъ, которую, будто бы, внушить совѣстно; но это возраженіе, очевидно, неосновательное, потому что человѣкъ надежный и благонравный отъ самой природы одаренъ такою внутреннею закваскою, которая заключаетъ въ себѣ матеріаль для всякаго рода „сути“; слѣдственно, тутъ даже и внушеній прямыхъ не нужно, а достаточно только крючокъ запустить: непременно какую-нибудь бирюльку да вытащишь!

Скажу, напримѣръ, про себя: сдѣлайте меня губернаторомъ — я буду губернаторомъ; сдѣлайте цензоромъ — я буду цензоромъ. Въ первомъ случаѣ: сломаю на губернаторскомъ домѣ крышу, распространю больницу, выбѣлю въ присутственныхъ мѣстахъ потолоки и соберу старыя недоимки; если, кромѣ этого, надобно будетъ еще „суть“ какую-нибудь сдѣлать, и „суть“ сдѣлаю; останетесь довольны. Во второмъ случаѣ: многія сочиненія совѣмъ забракую, многія оциплю, многія украсу изреченіями моего собственнаго вымысла; если же, кромѣ этого, потребуетъ, чтобы я сдѣлалъ „суть“, то и „суть“ сдѣлаю. Всѣмъ быть могу; могу даже быть командиромъ фрегата „Паллада“, и если Богъ мнѣ поможетъ, то, чего добраго, выиграю морское сраженіе. Повторяю: если иногда намъ кажется, что кто-либо изъ нашихъ подчиненныхъ дѣйствуетъ не вполне согласно съ нашими видами, что онъ не понимаетъ „сути“ и недостаточно дѣлаетъ распоряженій, то это кажется намъ ошибочно; не нужно только торопиться, а просто призвать такого подчиненнаго и сказать ему: „милостивый государь! неужто вы не понимаете?“ Вѣрьте, что онъ пойметъ тотчасъ же и почнетъ такія чудеса отчеканивать, что вы даже залюбуетесь, на него глядя. Это все равно, какъ видѣлъ я однажды на желѣзодѣлательномъ заводѣ молотъ плющильный; молотъ этотъ однимъ ударомъ разбивалъ и сплющивалъ цѣлыя кувалды чугуныя, которыя въ силу было поднять двухъ человѣкамъ, и тотъ же самый молотъ, когда ему было внушаемо о правилахъ учтивости, разбивалъ кедровый орѣшекъ, положенный на стекло карманныхъ часовъ, и притомъ разбивалъ такъ ласково, что стекла нисколько не повреждалъ. Стало быть, дѣло совѣмъ не въ томъ, какой молотъ, большой или малый, а въ томъ, какое сдѣлано ему свыше внушеніе...

Но — будетъ философствовать; расскажу о томъ, какъ мы на дняхъ лишились своего начальника. Но прежде считаю нелишнимъ познакомить читателя съ моей собственной особой.

Я человекъ преданный; все начальники знаютъ это и смотрять на меня одинаково; я, съ своей стороны, тоже смотрю на всехъ начальниковъ одинаково, потому что все они — начальники. Растолковать это какъ слѣдуетъ я не могу, но полагаю, что читатель пойметъ меня и безъ объясненій. Всехъ начальниковъ я одинаково жалѣю, всемъ — одинаково радуюсь. Знаю, что если начальникъ безъ причины вспылитъ на меня, то онъ же, когда будетъ нужно, и проститъ меня. Знаю, что я виноватъ; если не виноватъ въ дѣйствительности, то виноватъ тѣмъ, что сунулся на глаза начальнику не въ-время; потому что вѣдь и онъ тоже человекъ, и по временамъ имѣетъ надобность въ уединеніи. Начальство, со своей стороны, снисходительно, и хотя знаетъ, что я виноватъ, но видитъ, что и я это очень чувствую, и потому прощаетъ мнѣ. Въ этихъ мысляхъ я воспиталъ жену свою и надѣюсь воспитать все семейство. Весь городъ за это насъ уважаетъ, и когда случается провожать стараго или встрѣчать новаго начальника, то я всегда при этомъ играю видную роль.

„Встрѣчать“ — дѣло не трудное; тутъ чѣмъ больше радушія, чѣмъ больше привѣтствій, тѣмъ лучше: начальники это любятъ. Возражаютъ иные, что и здѣсь излишествомъ можно пересолить, потому что начальникъ еще не заслужилъ; но начальникъ никогда такъ не думаетъ, а думаетъ что онъ ужъ тѣмъ заслужилъ, что начальникъ. Но „прощанья“ своего рода политики требуютъ. Тутъ надобно такъ устроить, чтобы новый начальникъ не обидѣлся излишними похвалами, отбывающему воздаваемыми, а думалъ бы только, что „и тебѣ то же современемъ будетъ“. Слѣдовательно, необходимо прежде всего, чтобы торжество прощанья имѣло исключительно характеръ преданности. А потому, если отбывающій начальникъ учинилъ что-нибудь очень великое, какъ на примѣръ: воздвигнулъ монументъ, неплодоносныя земли обратилъ въ плодоносныя, безлюдныя пустыни населилъ, изъ сплавной рѣки сдѣлалъ судоходную, промышленность поощрилъ, торговлю развилъ или приобрѣлъ новый шрифтъ для губернской типографіи и т. п., то о такихъ дѣлахъ должно упомянуть съ осторожностью, ибо сіе не всякому доступно, и новый начальникъ самое упоминаніе о нихъ можетъ принять за преждевременное ему напоминаніе: и ты, дескать, дѣлай то же. Но если отбывающій дѣлалъ дѣла среднія, какъ на примѣръ: тогда-то усмирилъ, тогда-то изловилъ, тогда-то къ наградѣ за отлично-усердную службу представилъ, то о такихъ

дѣлахъ можно говорить со всею пространностью, ибо они всякому уму доступны, а слѣдовательно и новый начальникъ будетъ ихъ непремѣнно совершать. Все это опытный устроитель прошальныхъ торжествъ долженъ имѣть въ виду. Въ особенности же надлежитъ быть мудрымъ въ такихъ случаяхъ, когда оба начальника—и выбывающій, и вновь назначенный—на-лицо. Тутъ надобно быть осторожнымъ не только въ рѣчахъ, но и въ кушаньяхъ, и въ винахъ.

Итакъ, мы лишились нашего начальника. Уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ я начиналъ ощущать жалость во всемъ тѣлѣ, а въ ночь наканунѣ самаго происшествія даже жена моя—и та спокойно металась на постели и все говорила: „другъ мой! я чувствую, что съ его превосходительствомъ что-нибудь неприятное сдѣлается!“ Дѣти тоже находились въ жару и плакали; даже собаки на дворѣ выли.

Генералъ нашъ былъ старикъ добрый, но еще годный. Назначень онъ былъ къ намъ еще при прежнемъ главноначальствующемъ, но не долго повластвовалъ. Несправедливость явная, потому что старикъ мнѣ самъ по секрету не разъ впоследствии говорилъ: „не знаю, подлинно не знаю, за чтѣ отъ общенія отметаюсь! если новое начальство новое виды имѣеть, то стоило только приказать—я готовъ!“ И если при этомъ вспомнить, сколько этотъ человекъ претерпѣлъ прежде, нежели мѣсто свое получилъ, то именно можно сказать: великій былъ стратотерпецъ! Прежде всего у начальника отдѣленія въ послушаніи былъ, да еще не у одного, а у нѣсколькихъ; по воскресеньямъ съ праздникомъ поздравлять ѣздилъ, по буднямъ между тремя и четырьмя часами въ департаментъ анекдоты разсказывать ходилъ! А въ брюхѣ-то щелкъ, а на умѣ-то только и есть одна мысль: „Господи! вскую!“ Потомъ попалъ въ передѣлъ къ директору; ну, тутъ тоже сноровку надо имѣть! ждетъ, бывало, сердечный, у двери кабинета, и не для того совѣмъ, чтобъ что-нибудь сообщить, а только чтобы показать, что готовъ, молъ... хоть на куски! Ну, и пройдетъ директоръ, улыбнется: „чтѣ, старикъ, готовъ?“ —Хоть въ Астрахань, ваше превосходительство!— „Гм... въ Астрахань! туда Шарлотта Федоровна тоже объ одномъ старичкѣ просила!“ скажетъ директоръ, и пройдетъ мимо. Даже въ кабинетъ къ себѣ не допустить, выплакаться-то не дать. „Господи! вскую!“ только и твердилъ, бывало, нашъ старикъ, покуда не подобрался, наконецъ, къ

Шарлоттѣ Ѳедоровнѣ. Поправился онъ ей, впрочемъ, не чѣмъ другимъ, а именно только строгостью правилъ. И такъ пришлось подумать, что вмѣсто Архангельска угодилъ къ намъ! Каково же, послѣ этакаго-то искуса, нѣсколько лишь мѣсяцевъ провластвовать, и вдругъ — хлопъ!

Первое извѣстіе о постигшемъ насъ ударѣ я получилъ отъ вице-губернатора. Еще невѣжественный, пріѣхалъ я утромъ къ нему и засталъ его расказывающимъ взадъ и впередъ по кабинету; по всей вѣроятности, онъ обдумывалъ, какая участь должна постигнуть нашу губернію. Нашъ вице-губернаторъ человекъ нравовъ придворныхъ, и потому чувствительности большой не имѣетъ, но и онъ былъ тронуть.

— А знаете ли вы, что нашего-то уволили? — спросилъ онъ меня съ перваго же слова.

Въ груди у меня словно оборвалось что-то. Не смѣя, съ одной стороны, предполагать, чтобы господинъ вице-губернаторъ отважился, безъ достаточнаго основанія, распускать такой серьезный слухъ, а съ другой стороны зная, что онъ любить иногда пошутить (терпѣть не могу этихъ шутокъ, въ которыхъ нельзя понять, шутка ли это, или испытаніе!), я принялъ его слова со свойственною мнѣ осмотрительностью.

— Про кого это ваше превосходительство говорить изволите? — спросилъ я, по силѣ возможности мягкостью тона умѣряя рѣзкость моего вопроса.

— Про кого? извѣстно, про кого! про Шарлотты Ѳедоровны выкормка!

Сердце въ груди моей окончательно упало. Но не прошло минуты, какъ ужъ въ головѣ моей созрѣлъ вопросъ:

— А извѣстно вашему превосходительству, кого на мѣсто ихъ назначаютъ?

При этомъ вопросѣ сердце мое мало-по-малу поднималось: я начиналъ предчувствовать, что не буду оставленъ безъ начальника.

— А назначаютъ Ударъ-Ерыгина.

— Генерала-съ?

— Генерала-съ.

Сердце мое окончательно уставилось на своемъ мѣстѣ, ибо я получилъ увѣренность, что предчувствіе мое сбылось.

— Изъ какихъ-съ они?—спросилъ я нѣсколько смѣлѣ.

— Изъ млекопитающихъ-съ! — отвѣчалъ вице-губернаторъ (онъ вообще ужаснѣйшій киникъ).

Мы оба задумались и стали въ молчаніи ходить по кабинету (въ первый разъ въ жизни я шелъ *рядомъ* съ начальникомъ, а не слѣдовалъ за нимъ „пѣтушкомъ“: несчастіе уравниваетъ всѣ ранги).

— Я думаю, нужно будетъ старому начальнику прощальный обѣдъ устроить?—первый прервалъ я молчаніе.

— Гм... да... знаю я этого Ударъ-Ерыгина... знаю!

— Я думаю, ваше превосходительство, что можно и купцовъ пригласить какую-нибудь демонстрацію сдѣлать!

— Гм... купцовъ... Однажды призываетъ меня этотъ Ударъ-Ерыгинъ къ себѣ и говоритъ: „я, говоритъ, по утрамъ занятъ, такъ вы ко мнѣ въ это время не ходите, а приходите каждый день обѣдать“ ...

— Такъ они и гостепріимные?

— Гм... да... гостепріимень... „Только, говоритъ, такъ какъ я за обѣдомъ отъ трудовъ отдыхаю, такъ люблю, чтобъ у меня было весело“.

— Преданность всякое испытаніе, ваше превосходительство, превозмочь можетъ!—прервалъ я, невольно потупляя глаза.

— Да-съ, но вѣдь веселье веселью рознь-съ; бываютъ веселья ужасныя-съ... „Такъ вы, говоритъ, съ этимъ соображайтесь“ ...

— И сообразовались, ваше превосходительство?

— И сообразовался-съ.

Мы опять умоляли: я чувствовалъ, что на душѣ у меня смутно и что сердце опять начинаетъ падать въ груди, несмотря на то, что сожалѣніе о смѣлѣ любимаго начальника умѣрялось надеждою на присылку другого любимаго начальника.

— Только этимъ и замѣчательнъ новый начальникъ?—вновь прервалъ я молчаніе.

— Только этимъ и замѣчательнъ-съ.

— Но, быть можетъ, они снисходительны?

— Для тѣхъ, кто веселиться умѣть...

— Стало быть, ваше превосходительство...

— Находимся съ его превосходительствомъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Кстати, однакожъ: вѣдь прощальный-то обѣдъ, все-таки, устроить слѣдуетъ...

— Это, ваше превосходительство, и для новаго начальника будетъ поощреніемъ...

— Ну, да; будетъ, по крайности, видѣть, что мы втунѣ не оставляемъ...

Я вышелъ на улицу и просто даже удивился. Представьте себѣ, что все стояло на своемъ мѣстѣ, какъ будто ничего и не случилось; какъ будто бы добрый нашъ старикъ не подвергнулся превратностямъ судебъ; какъ будто бы въ прошлую ночь не проросъ сквозь него и не процвѣлъ совершенно новый и вовсе нами нежданннй начальникъ! По прежнему на парѣ бойкихъ саврасенькихъ спѣшилъ съ утреннимъ рапортомъ полиціймейстеръ („вотъ-то вытянется у тебя физіономія, какъ узнаешь!“ подумаль я); по прежнему, сломя голову, летѣлъ Сеня Вирюковъ за какой-то помадой для Матрены Ивановны и издали привѣтливо махаль мнѣ шляпой; по прежнему проклятые мужичонки во все горло галдѣли и торговались изъ-за копѣйки на базарной площади. Даже воздухъ былъ совершенно такой же, какъ вчера. Все это какъ-то странно подѣйствовало на мои нервы, а ожесточенъе безчувственнаго мужичья до того меня озлобило, что я почель за нужное даже вмѣшаться.

— Чтò вы тутъ горло дерете! базаръ что-ли здѣсь!—крикнулъ я, подходя къ одной кучкѣ.

— А не базаръ пешто?—отвѣчалъ мнѣ одинъ голосъ.

Я смутился, ибо сообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ стою на базарѣ.

— А знаете ли вы, мужичье проклятое, что у насъ нынче ночью на всю губернію несчастье случилось?

Мужики глядѣли на меня съ недоумѣніемъ.

— Знаете ли вы, что его превосходительство, Анфима Евстратича, отъ должности уволили?

— О! де...

Но не успѣлъ дерзкій договорить, какъ уже рука моя исполняла свою обязанность.

— Да вѣдь, поди, новый на мѣсто его будетъ! новый будетъ!—кричалъ провинившійся.

Сначала я не слыхаль его объясненія и продолжалъ дѣлать свое дѣло; но, признаюсь, когда слова: „новый будетъ! новый будетъ!“ явственно коснулись моего слуха, то рука моя невольно опустилась.

И въ самомъ дѣлѣ, разсудилъ я, если нѣтъ стараго, то это значить, что есть новый—и ничего больше! Изъ-за чего же тутъ мѣняться воздуху? изъ-за чего предметамъ, уже установившимся и, могу сказать, вросшимъ въ землю, перескакивать съ мѣста на мѣсто? Вчерашняя смерть не содержитъ ли въ себѣ зерна сегодняшняго возрожденія? Вчерашнее помраченіе не вознаграждается ли сегодняшнимъ просвѣтленіемъ? Однимъ словомъ, я вынужденъ былъ дать гривенникъ напрасно-обиженному мной поселянину и, успокоивши себя разными солидными размышленіями, отправился съ визитомъ къ закатившейся нашей звѣздѣ.

Въ пріемной я засталъ правителя канцеляріи и полиціимейстера; оба стояли понуривши головы и размышляли. Первый думалъ о томъ, какъ его сошлютъ на покой въ губернское правленіе; второй даже и о ссылкѣ не думалъ, а просто во-очію видѣлъ себѣ съѣденнымъ.

— Вы читали бумагу?—спросилъ я правителя канцеляріи.

— Читалъ,—отвѣчалъ онъ грустно.

— Но чтò же за причина?

— Да никакой причины не приписывается. Напротивъ того, даже похвалы нашему генералу примѣчаются... Преклонность лѣтъ!

— Какая преклонность лѣтъ! и всего-то по формуляру семь-десять-пять лѣтъ значится! въ самой еще порѣ!

— Только бы управлять еще старику!

Въ это время къ намъ вышелъ самъ закатившійся старикъ нашъ. Лицо его было подобно лицу Печорина: губы улыбались, но глаза смотрѣли мрачно; повидимому, онъ весело потиралъ руками, но въ этомъ потираньи замѣчалось что-то такое, что, вотъ, казалось, такъ и сдереть съ себя человѣкъ кожу съ живого.

— Наконецъ, давнишнее желаніе моего сердца свершилось! — сказалъ онъ, обращаясь къ намъ.

— Весь городъ, ваше превосходительство... — началъ-было я.

— Наконецъ, давнишнее желаніе моего сердца свершилось! — повторилъ онъ и остановился, чтобы перевести духъ.

Я понялъ, что старикъ играетъ роль, но что роль эту онъ выучилъ довольно твердо.

— Намъ остается утѣшаться, что новый нашъ начальникъ будетъ столь же распорядителемъ, какъ и ваше превосходительство! — сказалъ я, пользуясь паузой.

Къ удивленію, генераль былъ какъ будто сконфуженъ моею фразой. Очевидно, она не входила въ его расчеты. На прочихъ свидѣтелей этой сцены она подѣйствовала различно. Правитель канцеляріи, казалось, понялъ меня, и досадовалъ только на то, что не онъ первый ее высказалъ. Но полиціймейстеръ, какъ человѣкъ, повидимому покончившій всѣ расчеты съ жизнью, далъ дѣлу совершенно иной оборотъ.

— Нѣтъ ужъ позвольте! *такого* начальника у насъ не было и не будетъ! — сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, выступая впередъ.

— Благодарю! — сказалъ генераль.

— Ваше превосходительство! — продолжалъ полиціймейстеръ, уже красный какъ ракъ отъ душивнаго его чувства преданности.

— Благодарю!

Полиціймейстеръ ловилъ генеральскую руку, которую генераль очень искусно пряталъ; правитель канцеляріи молчалъ и думалъ, что если его сошлютъ въ судное отдѣленіе, то штука будетъ еще не совсѣмъ плохая; я стоялъ какъ на иголкахъ, ибо видѣлъ, что намѣренія мои совсѣмъ не такъ поняты.

— Я хотѣлъ только выразить, — пояснилъ я, наконецъ, — что должности вашихъ превосходительствъ никогда не прекращаются, и что Провидѣніе...

— Вѣрю-съ!

— Что Провидѣніе, осчастлививши насъ однажды правителемъ, подобнымъ вашему превосходительству, конечно, озаботится и на будущее время.

— Вѣрю-съ!

Сказавши это, его превосходительство удалился во внутреннія комнаты; за нимъ послѣдовали полиціймейстеръ и правитель канцеляріи; я же долженъ былъ съ носомъ отправиться въ переднюю.

Въ передней швейцаръ улыбался и спрашивалъ: „когда будетъ новый генераль?“ Часы, пріобрѣтенные для генеральскаго дома за пять генераловъ передъ симъ, стучали „тикъ-такъ, тикъ-такъ!“ — какъ будто бы говорили: „мы видѣли пять генераловъ! мы видѣли пять генераловъ! мы видѣли пять генераловъ!“

Оставалось, слѣдовательно, отдать нашему генералу послѣдній долгъ. Избранъ былъ комитетъ изъ самыхъ опытныхъ по этой части обывателей; комитетъ, въ свою очередь, избралъ распорядителями торжества меня и Сеню Бирюкова. Для меня это дѣло привычное, потому что я не разъ ужъ въ своей жизни катафалки-то эти устраивалъ; но Сеня такъ возгордился сдѣланнымъ ему довѣріемъ, что даже шею выгнулъ, словно конь сѣдливый, да въ такомъ видѣ и носился съ утра до вечера по городу. Когда вопросъ о кушаньяхъ былъ подвергнутъ зрѣлому обсужденію, тогда самъ собою возникъ вопросъ о тостахъ и рѣчахъ. Но это такой важный предметъ, что я считаю необходимымъ сказать о немъ нѣсколько лишнихъ словъ.

Въ прежнія времена разрѣшеніе этого вопроса не представляло никакихъ затрудненій, ибо въ прежнія времена всѣ говорили вдругъ. Одинъ изъ распорядителей выступалъ на средину, провозглашалъ гость: „за здоровье его превосходительства!“ — и всѣ дружно подхватывали: „прощайте, ваше превосходительство!“ „ура, ваше превосходительство!“ Его превосходительство, въ свою очередь, обходилъ кругомъ стола и говорилъ: „нижайше вамъ кланяюсь, господа!“ „усерднѣйше васъ благодарю, почтенные мои сослуживцы!“ И, смотря по степени воодушевленія, или плакалъ, или просто только утиралъ глаза. И такимъ образомъ, за общимъ шумомъ, ничего понять было нельзя. Конечно, эта форма изъясненія чувствъ была не совсемъ правильная, но зато она была трогательна и искренна. Но нынче и этому дѣлу дали совершенно иной оборотъ. Скажу вамъ по секрету, что у насъ разнеслись недавно слухи о какомъ-то конституціонномъ началѣ, которое въ томъ, будто бы, состоитъ, что одинъ кто-нибудь говорить, а другіе молчать; и когда одинъ кончить говорить, то начинаетъ говорить другой, а прочіе опять молчать, и такимъ образомъ идетъ это дѣло съ самаго начала обѣда и до тѣхъ поръ, пока присутствующіе не сдѣлаются достаточно веселы. Тутъ-то собственно и начинается настоящая конституція, ибо все, что происходитъ прежде, считается только предварительнымъ къ ней приготовленіемъ. Повидимому, самое лучшее было бы прямо начать съ настоящей конституціи; однако этого сдѣлать нельзя, во-первыхъ, потому, что надобно, чтобъ все происходило по порядку, а во-вторыхъ, потому, что предварительныя дѣйствія освѣщаютъ путь для предстоящей веселой конституціи и служатъ для нея руководящею нитью. Понятно, что

при такихъ условіяхъ встрѣчается необходимость въ людяхъ, которые умѣли бы говорить даже въ такое время, когда другіе молчатъ; но понятно также, что это положеніе совершенно проклятое и что люди скромные принимаютъ его весьма неохотно. Это почти то же, что въ-одиночку публично производить какое-нибудь предосудительное отправленіе, когда никто кругомъ никакихъ предосудительныхъ отправленій не производитъ. А потому выборъ людей для произношенія тостовъ п спичей всегда сопрягается съ затрудненіями очень серьезными, и обязанность эта представляется такою повинностью, нарядъ на которую почти равносильнъ наряду на барщину.

На этотъ разъ ораторами выбраны были: вице-губернаторъ — отъ лица чиновъ пятаго класса, совѣтникъ губернскаго правленія Звенигородцевъ — отъ лица всѣхъ прочихъ чиновъ, Сенья Бирюковъ — отъ лица молодого поколѣнія и, наконецъ, командиръ гарнизоннаго батальона — отъ имени воинскаго сословія. Полиціймейстеръ до того разревновался, что вызвался сказать сверхштатную рѣчь отъ лица полиціи. Разумѣется, всѣ они тотчасъ же отправились домой и занялись чтеніемъ „Московскихъ Вѣдомостей“, дабы ближе ознакомиться съ политическимъ положеніемъ Россіи и усвоить себѣ нѣкоторые, необходимые въ краснорѣчій, обороты.

Но главнымъ украшеніемъ прощальнаго обѣда долженъ былъ служить столѣтній старецъ, Максимъ Гаврилычъ Крестовоздвиженскій, который еще въ семьсотъ-восемьдесятъ-девятомъ году служилъ въ нашей губерніи испцомъ въ намѣстнической канцеляріи. Идея пригласить къ участію въ праздникъ эту живую лѣтопись нашего города, этого свидѣтеля его величія и славы, была весьма замѣчательна и, какъ увидимъ ниже, имѣла совершенный и полный успѣхъ.

Я не стану описывать дѣйствій депутаціи, на которую возложено было приглашеніе генерала къ прощальному обѣду. Ничего замѣчательнаго при этомъ не произошло, кромѣ того, что отъѣзжающій прослезился и завѣрилъ депутацію, что будетъ непременно. Приступлю прямо къ описанію торжественныхъ минутъ прощанья.

Въ три часа по полудни мы собрались въ нарочно приготовленной для того залѣ. Нѣкоторые тотчасъ же выпили водки. Всѣ вообще, повидимому, уже освоились съ мыслью о предстоящей разлукѣ, и потому держали себя совсѣмъ не такъ, какъ бы торжество прощанья того требовало, а такъ, какъ бы просто собрались выпить и закусить;

одинъ правитель канцеляріи по временамъ еще вздрагивалъ. Въ четыре часа отъѣзжающій прибылъ въ залъ, сопровождаемый двумя ассистентами, и всѣ присутствующіе тотчасъ же сгруппировались вокругъ него. Начались пожатія рукъ, причежь, впопыхахъ, генераль удостоилъ пожатія даже клубнаго лакея Федора, и тутъ же очень мило самъ разсмѣялся своей ошибкѣ.

За столомъ всѣ размѣстились по старшинству безъ особенныхъ затрудненій; только операторъ врачебной управы (нѣсколько уже выпившій) заупрямился сѣсть на конецъ стола, на томъ основаніи, что, будто бы, ему будутъ доставаться плохіе куски, но и это недоразумѣніе было улажено положительнымъ удостовѣреніемъ, что кушанья наготовлено слишкомъ достаточно, чтобы могли имѣть мѣсто подобнаго рода опасенія. Генераль держалъ себя съ твердостью и достоинствомъ, но когда подали супъ, то невольная слеза канула изъ его глазъ въ тарелку. Послѣ супа слѣдовалъ первый тостъ. Вице-губернаторъ всталъ и, когда все умоляло, произнесъ:

„Ваше превосходительство! одинъ древній сказалъ: *Timeo Danaos et dona ferentes!* Это значитъ: опасаясь данайцевъ даже тогда, когда они приходятъ съ дарами...“

Кругомъ раздается одобрителный шопотъ: совѣтникъ Звенигородцевъ блѣднѣетъ, потому что „*Timeo Danaos*“ было включено и въ его рѣчь; онъ обдумываетъ, какъ бы вмѣсто этой цитаты помѣстить туда другую: „*sit venia verbo*“; операторъ врачебной управы вполголоса объяняетъ своему сосѣду:—*Timeo*—боюсь, а не опасаясь; *et dona ferentes*—и дары приносящихъ, а не „даже тогда, когда они приходятъ съ дарами“; слѣдовательно, „боюсь данайцевъ и дары приносящихъ“—вотъ какъ по настоящему перевести слѣдуетъ.—Но вице-губернаторъ не слышитъ этого зловреднаго объясненія и, ободряемый общимъ вниманіемъ, продолжаетъ:

... „съ дарами. Но здѣсь, ваше превосходительство, вы изволите видѣть не „данайцевъ“, приходящихъ къ вамъ съ дарами, а преданныхъ вамъ подчиненныхъ, приносящихъ вамъ—и не тѣ дары, о которыхъ говоритъ древній—а дары своего сердца“.

— Отлично! великолѣпно!—раздается кругомъ; отъѣзжающій тронуть, ораторъ куражится.

... „своего сердца. Въ особенности скажу я это о тѣхъ, отъ имени которыхъ обращаю къ вашему превосходительству прощальное

слово! (Ораторъ окидываетъ взоромъ небольшое пространство стола, усѣянное чинами пятого класса; отъѣзжающій кланяется и жметъ руки сосѣдямъ; управляющій удѣльной конторой лѣзетъ цѣловаться. Картина.) Эти дары, ваше превосходительство, можете принять съ полною увѣренностью, что въ нихъ нѣтъ ни орсиневскихъ гранатъ, ни другихъ разрывающихъ составовъ. Я принялъ на себя сладкую, но трудную обязанность, ваше превосходительство! Я принялъ обязанность въ устномъ словѣ изобразить передъ вашимъ превосходительствомъ эти скромные, но горячіе дары, которые безмолвно, но краснорѣчиво пламенѣютъ въ нашихъ сердцахъ. Я не боюсь упрековъ; зоилы и свистуны стоятъ ниже меня...

— Bravo! bravo! урра!—раздается кругомъ.

...„зоилы и свистуны стоятъ ниже меня. Но во всякомъ случаѣ, ваше превосходительство, не заподозрите меня, если я скажу: дары, которые приносятся здѣсь вашему превосходительству, суть дары сердца, а не тѣ дары, о которыхъ говорилъ „древній“. Ура!

Вице-губернаторъ умоляетъ; на средину залы вывели подъ руки „столѣтняго старца“, который заплакалъ. Отъѣзжающій былъ такъ тронуть, что могъ сказать только:

— Успокойте старика! успокойте старика!

Столѣтняго старца увели; подали ростбифъ; Звенигородцевъ, чувствуя приближеніе минуты, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ онъ всталъ, съ бокаломъ въ рукѣ, противъ виновника торжества и произнесъ:

„Ваше превосходительство? Еще недавно, ваше превосходительство, не изволивъ утвердить журналъ губернскаго правленія о преданіи за противозаконныя дѣйствія суду зарѣченскаго земскаго исправника, изволили сказать слѣдующее: „пусть лучше говорятъ про меня, что я баба, но не хочу, чтобъ кто-нибудь могъ сказать, что я жестокій человѣкъ!“ Какимъ чувствомъ была преисполнена грудь земскаго исправника при извѣстіи, что онъ отъ суда и слѣдствія учиненъ свободнымъ—это понять не трудно. Гораздо труднѣе понять чувства, волновавшія при этомъ насъ, подписавшихъ упомянутый выше журналъ. Нечего и говорить о томъ, что мы приняли рѣшеніе вашего превосходительства къ непремѣнному исполненію; этого мало: предоставленные самимъ себѣ, мы думали, что этого человѣка мало повѣсить за его злодѣянія; но, узнавши о вашихъ началь-

ническихъ словахъ, мы вдругъ постигли всю шаткость человѣческихъ умозаключеній и внутренно почувствовали себя просвѣтленными“...

— Bravo! прекрасно! вотъ истинныя отношенія подчиненныхъ къ начальникамъ!

„Мы поняли, что истинное искусство управлять заключается не въ строгости, а въ томъ благодушіи, которое, въ соединеніи съ прямодушіемъ, извлекаетъ дань благодарности изъ самыхъ черствыхъ и непреклонныхъ, повидимому, сердець. Эта невольная дань несется къ вашему превосходительству не только отъ лицъ, здѣсь присутствующихъ, но и отъ всей губерніи. Да, не одно благодарное сердце бьется въ настоящую минуту въ безвѣстности! не одинъ выспренный умъ содрагается при мысли о предстоящей разлукѣ. Но для того, чтобы доказать справедливость моихъ словъ, считаю нелишнимъ изложить здѣсь вкратцѣ прохожденіе службы вашего превосходительства“.

Ораторъ на мгновеніе останавливается, чтобы перевести духъ, и затѣмъ продолжаетъ:

„Умолчу о трудахъ, понесенныхъ вашимъ превосходительствомъ въ теченіе слишкомъ тридцатипяти-лѣтней службы въ различныхъ вѣдомствахъ, которыя были осчастливлены вашимъ содѣйствіемъ. Начертать такую перспективу было бы подвигомъ, далеко превышающимъ мои слабыя силы. А потому позволяю себѣ застигнуть ваше превосходительство въ тотъ моментъ, когда наша губернія, въ свою очередь, была, такъ сказать, застигнута вашимъ превосходительствомъ. У насъ прохожденія вашей службы было всего шесть мѣсяцевъ и пять дней, но и этого краткаго періода времени было достаточно, чтобы дать почувствовать, что нами руководитъ опытная рука...“

При этихъ словахъ раздается громъ рукоплесканій, и восторженное „ура!“ потрясаетъ стѣны залы. Даже лакеи взволновались. Управляющій удѣльной конторой опять идетъ цѣловаться. Ораторъ продолжаетъ:

„Прибывши къ намъ, ваше превосходительство, не посѣтили ли городовъ нашей губерніи? Посѣтивши города, не обривизовали ли во всей подробности наши присутственныя мѣста? Предложеніе объ этомъ предметѣ вашего превосходительства, по которому губернскимъ правленіемъ въ свое время ужъ сдѣлано надлежащее распоряженіе, не останется ли вѣчнымъ памятникомъ вашей распорядительности и

вашей проницательности? Отеческимъ сердцемъ вы изволили отнестись ко всѣмъ нашимъ недугамъ и слабостямъ; отъ взора вашего не укрылось ни то, что наши земскіе суды не пользуются соотвѣствующими помѣщеніями, ни то, что города наши до сихъ поръ остаются незамощенными. Все это вы поставили губернскому правленію на видъ и все это должно на будущее время служить этому высшему въ губерніи присутственному мѣсту (вице-губернаторъ охорашивается, прочіе председатели завистливо, но сомнительно улыбаются) путеводной звѣздой, къ которой имѣютъ устремляться его административныя усилія. За все это—дань благодарности вашему превосходительству! Дань благодарности отъ всѣхъ неиспорченныхъ сердець, той благодарности, о которой сейчасъ такъ краснорѣчиво выразился мой достойный начальникъ (вице-губернаторъ) и которую ваше превосходительство можете принять безъ всякихъ опасеній, ибо здѣсь нельзя (крики кругомъ: „да, нельзя! нельзя!“) даже сказать подобно „древнему“: *timeo Danaos et dona ferentes*. Ура!“

Смута, произведенная этою рѣчью, была такъ велика, что никто даже не обратилъ вниманія, какъ „столѣтній старецъ“ вышелъ на середину залы и прослезился. Всѣхъ поразила мысль: вотъ человѣкъ, который слишкомъ тридцать-шесть лѣтъ благополучно служилъ въ разныхъ вѣдомствахъ — и въ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ невинно погибъ! Этимъ же смятеніемъ воспользовался и полиціймейстеръ, чтобы наскоро сказать свою рѣчь безъ очереди.

— Ваше превосходительство!—сказалъ онъ:—я не умѣю говорить, но всегда скажу: вы заставили уважать полицію!

Волненіе насилу стихло; очевидно, что приближалась торжественная минута „настоящей конституціи“. Подали и съѣли огромнѣйшую рыбу. На сцену выступилъ Сеня Бирюковъ, въ сопровожденіи всей нашей блестящей молодежи, съ отличіемъ занимающей мѣста чиновниковъ особыхъ порученій, мировыхъ посредниковъ и судебныхъ слѣдователей. Однимъ словомъ, все наше „войнство возрожденія“ было тутъ на-лицо,

— Ваше превосходительство!—началъ Сеня:—я не ораторъ...

— Я коллежскій регистраторъ!—очень явственно прошипѣлъ сператоръ врачебной управы, бывшій ужъ очень близко къ „конституціи“.

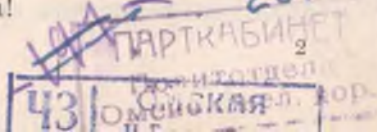
— Шш!..—пронеслось по залѣ.

„Я не ораторъ, но не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о тепломъ участіи, которое вы принимали въ благодѣтельныхъ учрежденій послѣдняго времени. На вашихъ глазахъ совершился ужаснѣйшій переворотъ, которому когда-либо былъ свидѣтелемъ изумленный міръ. Передъ вашимъ превосходительствомъ были двѣ стороны, но вы не склонились ни на ту, ни на другую. Передъ вашимъ превосходительствомъ были двѣ дороги, но вы не пошли ни по той, ни по другой. Результаты дѣятельности вашего превосходительства еще не видны, но они будутъ. Привѣтствуя васъ отъ лица нашего молодого поколѣнія, я могу прибавить одно: привѣтствіе это есть дань сердца, которую ваше превосходительство можете принять со всею безопасностью. Какъ выразились мои уважаемые предшественники, вы не имѣете даже повода сказать въ этомъ случаѣ: *timeo Danaos et dona ferentes*, потому что здѣсь великій приноситъ дары свой отъ чистаго сердца. Ура!“

— Ура! ура! ура! — дружно грянуло молодое поколѣніе, потрясая бокалами.

Генераль потупился; онъ скромно сознавалъ въ эту минуту, что успѣлъ угодить всѣмъ. Но настроеніе умовъ постепенно принимало направленіе къ веселости: на многихъ пунктахъ стола громко раздавались требованія, чтобы оркестръ сыгралъ что-нибудь русское; совѣтникъ казенной палаты Храниловъ лилъ на столъ красное вино и посыпалъ залитое пространство солью, доказывая, что при этой предосторожности всякая прачка можетъ легко вывести изъ скатерти какія угодно пятна; правитель канцеляріи уже не вздрагивалъ, но весь покрылся фіолетовыми пятнами — явный признакъ, что онъ былъ близокъ къ буйству. Однимъ словомъ, во избѣжаніе неожиданностей, я, какъ распорядитель, долженъ былъ просить батальоннаго командира, чтобъ онъ сказалъ свою рѣчь какъ можно скорѣе и какъ можно короче, что онъ, къ общему удовольствію, и исполнилъ.

— Ваше превосходительство! — сказалъ онъ: — буду кратокъ, чтобъ не задерживать драгоценные ваши часы. Я не краснорѣчивъ, но знаю, что когда понадобилось отвести для батальона огорода — вы отвели ихъ; когда приказано было варить для нижнихъ чиновъ пищу изъ общаго котла — вы приказали приобрести эти котлы въ лучшемъ видѣ. Ввѣренный мнѣ батальонъ имѣетъ честь благодарить за это ваше превосходительство. Ура!

Этою рѣчью заключалась первая часть нашего торжества. Затѣмъ уже началась такъ-называемая конституція, которую я не стану описывать, потому что, по мнѣнію моему, всё проявленія, имѣющія либеральный характеръ, какъ бы преданны они ни были, заключаютъ въ себѣ одно лишь безобразіе...

На другой день я посѣтилъ помѣщеніе, въ которомъ происходило прощальное торжество. На полу валялись объѣдки, скатерть пестрѣла пятнами, цѣлая масса прогорклаго дыма висѣла надъ столами. Сердце мое сжалось...

II.—Старый котъ на покоѣ.

I.

Новый начальникъ либеральничаетъ, новый начальникъ политиканитъ, новый начальникъ стоитъ на стражѣ. Онъ устраиваетъ союзы, объявляетъ войны и заключаетъ миръ. Одно допускаетъ, другое устраняетъ. Принимая въ соображеніе одно, не упускаетъ изъ вида и другое, причѣмъ нелишнимъ считаетъ обратить вниманіе и на третье. Въ отношеніи однихъ дѣйствуетъ мѣрами благоразумной кротости; въ отношеніи другихъ употребляетъ строгость. Онъ пишетъ обширѣйшіе циркуляры, въ которыхъ призываетъ, поощряетъ, убѣждаетъ, надѣется, а въ *случаѣ нужды*—даже требуетъ и угрожаетъ. Однимъ словомъ, создаетъ новую эру.

Въ согласность съ нимъ настраивается и подначальный людъ. Несутся сердца, задаются пиры и банкеты въ честь виновника торжества; языки безъ всякаго опасенія предаются благодѣтельной гласности; произносятся спичи и тосты; указываются новые невинные источники народнаго благосостоянія, процвѣтанія и развитія; выражаются ожиданія, упованія и надежды, которыя, при помощи шампанскаго, изъ области упованій *crescendo* переходятъ въ твердую и непоколебимую увѣренность.

Даже дамы не остаются праздными: онѣ непрерывъ устраива-

ютъ для новаго начальника спектакли, парады и живыя картины; интригуютъ его въ маскарадахъ, выбираютъ въ мазуркѣ, и при этомъ выказываютъ такое высокое чувство гражданственности, что ни одному разогорченному супругу даже на мысль не приходитъ произнести слово: „безстыдница“ или „срамница“.

Среди этого всеобщаго гвалта, среди этого ливня мѣропріятій съ одной стороны и восторговъ съ другой, никто не замѣчаетъ, что тутъ же, у насъ подъ бокомъ, увидаетъ существо, которое тоже (и какъ недавно!) испускало изъ себя всевозможныя мѣропріятія и тоже было предметомъ всякаго рода сердценесеній, упованій, переходящихъ въ увѣренность, и увѣренностей, покоящихся на упованіяхъ.

Да, онъ не оставилъ насъ, нашъ добрый старый начальникъ; онъ поселился тутъ же, вмѣстѣ съ достойною своею супругой Анной Ивановной, въ подгородномъ своемъ имѣніи, и тамъ, на лонѣ природы-матери, употребляетъ всѣ усилія, чтобы блаженствовать. Конечно, злые языки распускаютъ, будто внутри у него образовалась цѣлая урна слезъ, будто слезы эти горячими каплями льются на сердце старика и вызываютъ на его лицо горькія улыбки и судорожныя подергиванья, но я имѣю всѣ данныя утверждать, что слухи эти неосновательны. Я самъ посѣтилъ его въ благопріобрѣтенномъ селѣ Обираловѣ (и даже не скрылъ этого отъ новаго начальника) и собственными глазами убѣдился, что онъ точно блаженствуетъ. Онъ съ безпечнымъ видомъ ходитъ по полямъ и лугамъ; онъ рветъ цвѣточки и плететъ изъ нихъ вѣнки; онъ питается исключительно молочными скопами; онъ вступаетъ въ непринужденный разговоръ съ добродушными поселянами и поголовно называетъ ихъ друзьями... Какихъ доказательствъ блаженства еще надо?

Если хотите, въ немъ дѣйствительно произошла нѣкоторая перемѣна: глаза не мещутъ, носъ не угрожаетъ, уста не изрыгаютъ, длани не устремляются. Если хотите, нѣтъ недостатка и въ подергиваньяхъ, и въ горькихъ улыбкахъ... Но, по мнѣнію моему, эта перемѣна произошла совсѣмъ не вслѣдствіе унынія, а оттого единственно, что добрый старикъ, вышедши въ отставку, иробрѣлъ опасную привычку слишкомъ часто поднимать завѣсу будущаго. При такомъ непрерывномъ подниманіи довольно трудно обойтись безъ подергиваній (я зналъ одного мудреца, который даже зажималъ носъ, какъ только приходилось поднимать завѣсу будущаго). Самъ старикъ

въ этомъ сознается и даже довольно картинно выражаетъ плоды своихъ наблюденій по этому предмету.

— Да-съ, — говоритъ онъ: — я озабоченъ-съ. Посмотришь въ эту закрытую для многихъ книгу — увидишь тамъ все такое несообразное. Кружатся-съ, рвутъ другъ друга, скалятъ зубы-съ. Неутѣшительно-съ.

Итакъ, вотъ единственное облако, которое омрачаетъ тихій вечеръ отставного администратора; во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ онъ блаженствуетъ. Онъ охотно смѣшиваетъ либерализмъ съ сокращеніемъ переписки, и когда однажды у насъ зашла рѣчь о постепенномъ шествіи впередъ на пути гражданственности и устности:

— Это еще при мнѣ началось, — сказалъ онъ: — въ то время я осмѣлился подать слѣдующій совѣтъ: если позволительно такъ думать, сказалъ я, то предоставьте все усмотрѣнію главныхъ начальниковъ!

— А что вы думаете? Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ это значительно сократило бы переписку! — замѣтилъ я.

— Значительно-съ, — отвѣчалъ онъ съ одушевленіемъ, очевидно намѣреваясь сообщить дальнѣйшее развитіе этой замѣчательной темѣ, но вдругъ замолкъ, какъ бы опасаясь проронить государственную тайну.

Вообще о дѣлахъ внутренней и внѣшней политики старикъ отзывается сдержанно и загадочно. Не то одобряетъ, не то порицаетъ, не забывая, однакожъ, при каждомъ случаѣ прибавить: „это еще при мнѣ началось“, или: „я въ то время осмѣлился подать такой-то совѣтъ“.

— Отчего же мнѣніе вашества не было принято въ уваженіе? — иногда спрашиваютъ его веселые собесѣдники.

— А оттого-съ, что нынче старыхъ слугъ не уважаютъ, — отвѣчаетъ онъ съ нѣкоторою скорбью, но вслѣдъ затѣмъ веселенько прибавляетъ: — да, пора! давно пора было мнѣ отдохнуть!

О новомъ начальникѣ старикъ или вовсе умалчиваетъ, или выражается иносказательно, т.-е. начинаетъ, по поводу его, разговоръ о древнемъ языческомъ богѣ Меркуріѣ, прославившемся не столько дѣлами доблести, сколько двусмысленнымъ своимъ поведеніемъ, и затѣмъ старается замать щекотливый разговоръ и обращаетъ вниманіе собесѣдниковъ на молочные скопы и другіе предметы сельскаго хозяйства.

Однажды зашла рѣчь о пожарахъ, и нѣкоторый веселый собесѣдникъ выразилъ предположеніе, что новый начальникъ, судя по его дѣйствіямъ, долженъ быть, по малой мѣрѣ, скрытный членъ на родоваго жонда.

— Не отрицаю-сь, — скромно замѣтилъ благодушный старикъ: — но не смѣю и утверждать-сь. Скажу вамъ по этому случаю анекдотъ-сь. Однажды, когда князь Петръ Антонычъ требовалъ, чтобы я высказалъ ему мое мнѣніе насчетъ сокращенія въ одномъ вѣдомствѣ фалдъ, то я откровенно отвѣчалъ: „Ваше сіятельство, и фалды сокращенныя, и фалды удлиненныя — мы все приемъ съ благодарностью!“ — „Дипломатъ!“ выразился по этому случаю князь и изволилъ милостиво погрозить мнѣ пальцемъ. Такъ-то-сь.

Даже противъ реформъ, или — какъ онъ ихъ называлъ — „катастрофъ“, старикъ не огрызался; напротивъ того, всякое новое мѣропріятіе находило въ немъ мудраго толкователя. Самыя земскія учрежденія, и тѣ не смутили его. Конечно, онъ сначала испугался, но потомъ вникъ, взвѣсилъ, разсудилъ... и простилъ!

— Такъ, вашество, одобряете? — спрашиваютъ его иногда собесѣдники.

— Одобряю-сь, — отвѣчаетъ онъ: — сначала, конечно... опасался-сь; но теперь... одобряю-сь!

— Чего же собственно, вашество, опасаться изволили?

— Упраздненія власти-сь!

— А теперь одобряете?

— Теперь одобряю-сь. На этотъ счетъ доложу вамъ вотъ что-сь. Съ блаженной памяти государя Петра Алексѣевича исторія русской цивилизаціи принимаетъ характеръ, такъ сказать, піонерный. Являются, знаете, одни за другими піонеры. Расчищаютъ, пролагаютъ, прорубаютъ, строятъ, ломаютъ и опять строятъ... однимъ словомъ, ведутъ жизнь дѣятельную. Сперва губернаторы, прокуроры, экономіи директоры, капитанъ-исправники — это, такъ сказать, піонеры первобытныя. Потомъ-сь: окружные начальники, воспитанники училища правовѣдѣнія, акцизные чиновники, контрольные чиновники, мировые посредники — это уже піонеры второй формаціи, піонеры съ утонченными чувствами и деликатными манерами. Наконецъ, земство-сь.

— Стало быть, и Василій Петровичъ, и Николай Дмитричъ — все это пионеры?

— Пионеры-съ, и больше ничего.

Послѣ такого толкованія слушателямъ не оставалось ничего болѣе, какъ оставить всякія опасенія и надѣяться, что недалеко то время, когда русская земля процивилизуется, наконецъ, вплотную. Вотъ чтò значить опытность старика, пріобрѣвшаго, по выходѣ въ отставку, привычку поднимать завѣсу будущаго!

Такимъ образомъ тихо и неслышно текутъ дни благодушнаго старца, еще недавно удивлявшаго міръ своею распорядительностью. Въ обхожденіи онъ кротокъ и какъ-то задумчиво сдержанъ; на исправника глядитъ благосклонно, какъ будто говорить: „это еще при мнѣ началось!“ — съ мировымъ судьей холодно учтивъ, какъ будто говорить: „по этому предмету я осмѣлился подать такой-то совѣтъ!“ Въ одеждѣ своей онъ не придерживается никакихъ формальностей и предпочитаетъ бѣлый цвѣтъ всякому другому, потому что это цвѣтъ угнетенной невинности. Однажды даже онъ отпустилъ себѣ бороду, въ знакъ того, что и ему не чуждо „сокращеніе переписки“, но скоро оставилъ эту затѣю, потому что князь Петръ Антонычъ, встрѣтивши его въ этомъ видѣ, сказалъ: „Эге, братъ, да и ты, кажется, въ нигилисты попалъ!“ Вообще онъ счастливъ и увѣряетъ всѣхъ и каждого, что никогда такъ не блаженствовалъ, какъ находясь въ отставкѣ.

II.

Каждый день утромъ къ старику пріѣзжаетъ изъ города бывшій правитель его канцеляріи, Павелъ Трофимычъ Кошельковъ, старинный соратникъ и соархистратигъ, вмѣстѣ съ нимъ нѣкогда возжегшій административный свѣтильникъ и съ нимъ же вмѣстѣ погасившій его. Это гость всегда дорогой и всегда желанный; отъ него узнаются всѣ городскія новости, и, чтò всего важнѣе, онъ же, изо дня въ день, повѣдываетъ почтенному старцу трогательную повѣсть подвиговъ и дѣяній того, кто хотя и замѣнилъ незамѣнимаго, но не могъ заставить его забыть.

Утро; старикъ сидитъ за чайнымъ столомъ и кушаетъ чай съ сладкими булками; Анна Ивановна усердно намазываетъ масломъ

тартинки, которыя незабвенный проглатываетъ тѣмъ съ бѣльшею готовностью, что, со времени выхода въ отставку, онъ совершенно утратилъ инстинктъ плотоядности. Но мысль его блуждаетъ индѣ; глаза, обращенные къ окошкамъ, прилежно испытуютъ пространство, не покажется ли вдали пара саврасокъ, влекущая стариннаго друга и собесѣдника. Наконецъ, старецъ оживляется, наскоро выниваетъ остатки молока и бѣжить къ дверямъ.

— Ну-съ, чтѣ новенькаго? — спрашиваетъ онъ послѣ первыхъ взаимныхъ привѣтствій.

— Мостить базарную площадь-съ.

— Какъ? кто?

— Новый-съ.

Извѣстiе это поражаетъ изумленiемъ. Старикъ многое предвидѣлъ, многое предсказалъ; но этого ни предвидѣть, ни предсказать не могъ.

— Признаюсь! — произноситъ онъ не безъ смущенiя: — признаюсь!

— Да и мы-таки подивились! — поддакиваетъ Павелъ Трофимычъ.

Не то чтобы идея о замощенiи базарной площади была для старика новостью; нѣтъ, и его воображенiе когда-то плѣнялось ею, но онъ оставилъ эту затѣю (и не безъ сожалѣнiя оставилъ!), потому что изъ устныхъ и письменныхъ преданiй убѣдился, что до него уже семь губернаторовъ погибли жертвою этой ужасной идеи.

— Но предвидѣлъ ли онъ, этотъ безразсудный молодой человекъ, тѣ непреодолимыя трудности, даже опасности, съ которыми связано подобное предпрiятiе?

— Сказывали-съ; Яковъ Астафичъ даже примѣры представляли-съ...

— Ну?

— Остался непреклоненъ-съ.

Начинаются сѣтованiя и соболѣзнованiя; рассказывается исторiя о погибшихъ губернаторахъ, и въ особенности приводится въ примѣръ нѣкоторый Иванъ Петровичъ, который все совершилъ, чтѣ смертному совершить доступно, то-есть недоимки собралъ, безпокойныхъ укротилъ, нравственность водворилъ и даже однажды высѣкъ совсѣмъ неподлежаще одного обывателя, но по вопросу о мостовыхъ

сломился, былъ отрѣшонъ отъ должности и умеръ въ отставкѣ, не выслуживъ пенсіона.

— А я такъ вотъ выслужилъ! Мостовыхъ не строилъ, а пенсію выслужилъ!—прибавляетъ благодущный старецъ.

— Раненько, вашество, тяготы-то съ себя снять изволили! — льститъ Павелъ Трофимычъ.

— Я?.. Что-жь?.. Я послужить готовъ!... Я, мой любезный Павелъ Трофимычъ... Меня этими мостовыми не удивишь! Я не только передъ мостовыми, но даже передъ тротуарами не дрогну! Только надо къ этому предмету осторожно, мой милый... Ой, какъ осторожно надо подступить!

— Чтò говорить, вашество! съ осторожностью и гору просверлить можно!

— Это такъ. Потому, сегодня стукнешь—ямочка, завтра стукнешь—анъ она глубже, послѣ завтра—и еще глубже. Такъ-то, мой любезный!

Въ такихъ разговорахъ незамѣтно летитъ время до обѣда, послѣ чего Кошельковъ отправляется обратно въ городъ за свѣжимъ запасомъ новостей.

На другой день та же обстановка и тотъ же дорогой гость. Оказывается, что „новый“ переломалъ въ губернаторскомъ домѣ полы и потолки.

Старикъ дѣлается серъезень, почти строгъ.

— А знаетъ ли онъ, этотъ безразсудный молодой человѣкъ,—говоритъ онъ:— что въ этомъ домѣ до него жили тридцать-три губернатора! и жили, благодареніе Богу, въ изобиліи!

На третій день Павелъ Трофимычъ новѣствуетъ, что „новый“, прибывъ въ нѣкоторое присутственное мѣсто, спросилъ книгу, подложилъ ее подъ себя и затѣмъ, бія себя въ грудь, сказалъ предстоявшимъ:

— Я вамъ книга, милостивые государи! Я—книга, и больше никакихъ книгъ вамъ знать не нужно!

Старикъ начинаетъ колебаться. Онъ начинаетъ подозрѣвать, что въ „безразсудномъ молодомъ человѣкѣ“ не все сплошь безразсудства, но по временамъ являются и признаки мудрости.

— Дай Богъ!—говоритъ онъ:— дай Богъ! Но, все-таки, скажу: осторожность, мой любезный! Ой, какъ нужна осторожность!

На четвертый день—опять то же посѣщеніе; оказывается, что „новый“ выбралъ себѣ въ „помпадурши“ жену квартальнаго Толоконникова.

Чело старика проясняется; въ головѣ его шевелятся веселыя мысли.

— А что ты думаешь, любезный!—говоритъ онъ:—вѣдь онъ... тово! вѣдь онъ бабенку-то... тово!

— Толоконниковъ ужъ и шинель съ бобрами себѣ построилъ-съ!

— Въ знакъ удовлетворенія... это такъ! И полагаю даже, что онъ его куда-нибудь въ совѣтники... Потому, мой любезный, что это, такъ сказать, общая наша слабость, и... долженъ признаться... пріятнѣйшая, братъ, эта слабость!

— Ужъ чего же, вашество, лучше!

— То-то, любезный другъ! ты пойми! Насчетъ этого нельзя такъ легко говорить! Ужъ на что я къ Аннѣ Ивановнѣ привязанъ, а тоже, бывало, завидишь этакую помпадуршу—чай, помнишь?..

— Какъ не помнить-съ! Только раненъ, вашество, тяготы-то эти сбросить съ себя изволили!

— Что жъ, я послужить готовъ!.. А онъ... тово! онъ, я тебѣ скажу, эту бабенку... Это—вѣрно!

Наконецъ, въ одно прекрасное утро пріѣзжаетъ Павелъ Трофимычъ и смотритъ не то загадочно, не то торжественно.

— Ну-съ, что еще напроказили?—спрашиваетъ старикъ по обыкновенію.

— Недоимки собираетъ!!!

— Самъ собираетъ?

— Самъ-съ.

— И сѣчетъ?

— И сѣчетъ-съ! (Кошельковъ, очевидно, вретъ, но дѣлаетъ это въ тѣхъ видахъ, чтобы извѣстіе подѣйствовало на старика какъ можно живительнѣе.)

При этомъ извѣстїи съ отставнымъ начальникомъ совершается нѣчто необыкновенное. Онъ какъ бы впадаетъ въ восторженное забытье; ему мнится, что онъ куда-то вѣзжаетъ на бѣломъ конѣ, что онъ облаченъ въ свѣтозарныя одежды; что сзади него мириада исправниковъ, сотскихъ, десятскихъ, а передъ нимъ...

— Даже бабъ сѣчеть-сь!—окончательно прильгаетъ Павелъ Трофимычъ, видя успѣхъ своей стратагемы.

— Бацъ! бацъ!—ни съ того, ни съ сего, вдругъ восклицаетъ старикъ:—такъ ты говоришь, и бабъ?

— Точно такъ, вашество, потому что бабы...

— Бацъ! бацъ!

Старикъ быстрыми шагами ходитъ по комнатѣ, дѣлая движеніе рукой сверху внизъ.

— А знаешь ли, чтѣ я тебѣ скажу!—говоритъ онъ, останавливаясь сразмаху передъ своимъ собесѣдникомъ.

— Чтѣ, вашество, приказать изволите?

— Онъ... молодецъ!

III.

По вечерамъ старецъ пишетъ свои мемуары или, какъ онъ называетъ, „воспоминанія о бывшемъ, небывшемъ и грядущемъ“. Онъ занимается этимъ въ величайшемъ секретѣ, такъ что только Анна Ивановна, Павелъ Трофимычъ да я знаемъ, чему посвящаетъ свои досуги бывший глубокомысленный администраторъ.

— Я, мой милый, фрондеръ!—такъ всегда начинается онъ, когда рѣшается прочесть намъ какой-нибудь отрывокъ изъ своихъ мемуаровъ:—по выраженію старика Державина,—

Я истину царямъ съ улыбкой говорю...

Ну, и почтенъ былъ за это въ свое время... А нынче, друзья мои, этого не любятъ! Нынче нашего брата, фрондера, за ушко да на солнышко... за истину-то! Вотъ, когда я умру... тогда отдайте все Каткову! Никому, кромѣ Каткова! Хочу лечь рядомъ съ старикомъ Вигелемъ!

Нѣкоторыя выдержки изъ этихъ мемуаровъ столь любопытны, что я не могу воздержаться, чтобы не подѣлиться ими съ любезнымъ читателемъ. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ благодушный старецъ свое назначеніе въ помпадуры:

„Въ 18... году, іюля 9-го дня, поздно вечеромъ, сидѣли мы съ Анной Ивановной въ грустномъ уныніи на квартирѣ (жили мы тогда въ приходѣ Пантелеймона, близъ Соляного Городка, на хлѣбахъ у

одной почтенной нѣмки, платя за все по 50 рублей на ассигнаціи въ мѣсяць—такова была въ то время дешевизна въ Петербургѣ, но и та, въ сравненіи съ московскою, называлась дороговизною) и громко сѣтовали на неблагоклонность судьбы. Какъ вдругъ раздается у дверей громкій и продолжительный звонокъ, и слышимъ, что кѣмъ-то произносится мое имя и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (тогда ужъ я былъ онымъ). Предчувствуя въ судьбѣ своей счастливую перемѣну, наскоро запахиваю халатъ, выбѣгаю и вижу курьера, который говоритъ мнѣ: „Ради Христа, ване превосходительство, поскорѣе поспѣшите къ его сіятельству, ибо васъ сдѣлали помпадуromъ!“ Забывъ на минуту разстояніе, раздѣлявшее меня отъ сего добраго вѣстника, я нѣсколько разъ искренно облобызалъ его и, поручивъ доброй сопутницѣ моей жизни угостить его хорошимъ стаканомъ вина (съ придачею красной бумажки), не поѣхалъ, а скорѣе полетѣлъ къ князю. И дѣйствительно, былъ принятъ отъ его сіятельства съ отмѣнною ласкою. Поздравивъ меня съ высокимъ саномъ и дозволивъ поцѣловать себя въ плечо (причемъ я, вслѣдствіе волненія чувствъ, такъ крѣпко нажималъ губами, что даже князь это замѣтилъ), онъ сказалъ: „Я знаю, старикъ (я и тогда уже былъ онымъ), что ты смиренномудренъ и преданъ, но, главное, объ чемъ я тебя прошу и даже приказываю—это: обрати вниманіе на возрастающіе уснѣхи вольномыслія!“ Съ тѣхъ поръ слова сіи столь глубоко запечатлѣлись въ моемъ сердцѣ, что я и нынѣ, какъ живого, представляю себѣ этого сановника, высокаго и статнаго мужчину, серьезно и важно предостерегающаго меня противъ вольномыслія! Нечего и говорить, въ какомъ я вышелъ отъ князя настроеніи; дождливая и довольно темная ночь показалась мнѣ свѣтлѣе радостнаго утра, а Невскій проспектъ, черезъ который пришлось мнѣ проходить—эдемомъ, въ коемъ все приглашало меня къ наслажденію. И дѣйствительно, я зашелъ въ кофейную Амбіеля (въ домѣ армянской церкви) и на двугривенный пріобрѣлъ сладкихъ пирожковъ (тогда двугривенный стоилъ въ Петербургѣ восемьдесятъ копѣекъ на ассигнаціи, въ Москвѣ же цѣнность его доходила до рубля) и раздѣлил ихъ съ доброю своею подругой. На другой день явился къ намъ откупщикъ и предложилъ свои услуги. И такимъ образомъ наше грустное уныніе превратилось въ веселую и невинную радость. Такъ совершился сей достопримѣчательнѣйшій въ жизни моей фактъ, коего подробности и доднесъ

запечатлѣны въ моей памяти. Сначала я былъ назначенъ въ Вятку, потомъ, постепенно возвышаясь, достигъ, наконецъ, Саратова, гдѣ нахожусь и нынѣ, пребывая хотя и въ отставкѣ, но съ полнымъ пенсіономъ“.

Или вотъ еще эпизодъ, изображающій собственно административную дѣятельность благодушнаго старца:

„Нерѣдко случалось мнѣ слышать отъ постороннихъ людей исторію о томъ, какъ мы съ генераломъ Горячкинымъ ловили червей въ Нерехотскомъ уѣздѣ; но всегда исторія эта передавалась въ извращенномъ видѣ. Дѣло было такъ. Въ 18.. году, въ сентябрѣ, будучи уже костромскимъ помпадуромъ, получилъ я отъ исправника донесеніе, что въ Нерехотскомъ уѣздѣ появился необыкновенной величины червякъ, который поѣдаетъ озимь, сію надежду будущаго урожая, и что, несмотря на принятія полицейскія мѣры, сей червь, какъ бы посмѣиваясь надъ оными, продолжаетъ свое истребительное дѣло. Дѣлать нечего: какъ ни жаль было расставаться съ доброй спутницей жизни и теплымъ гнѣздомъ, однако отправился. Пріѣзжаю на мѣсто, требую, чтобы мнѣ показали образцы зловреднаго насѣкомаго — и что же вижу? огромной величины травоядное, съ виду точь-въ-точь похожее на солитера! Подивившись, тутъ же составили планъ кампаніи и легли спать. На другой день, едва лишь встало солнце, какъ вдругъ мнѣ докладываютъ, что на границѣ сосѣдней губерніи ожидаетъ меня генераль Горячкинъ, для совокупныхъ дѣйствій по сему же дѣлу, такъ какъ вредный тотъ червь производилъ свои опустошенія и въ смежности. Наскоро умываюсь, выхожу и вижу генерала, гарцующаго на бѣломъ конѣ близъ самой границы, но черезъ оную не переступающаго. Тогда, пригласивъ любезно добраго сосѣдущку въ свою убогую хижину и заказавъ себѣ уху изъ волжскихъ стерлядей, начали мы толковать о предстоящихъ мѣрахъ. Но какъ ночь была проведена почти безъ сна, по случаю непрерывныхъ трудовъ и совѣщаній, то вскорѣ мы заснули. Каково же было наше удивленіе, когда, проснувшись, вдругъ узнали, что червь, какъ бы по маговенію волшебства, вдругъ исчезъ! Тогда, поѣвши ухи и на-строга наказавъ обывателямъ, дабы они всячески озаботились, чтобы яйца червя остались безъ оплодотворенія, мы разстались: я — въ одну сторону, а ярославскій сосѣдущка мой — въ другую. Такимъ

образомъ происходило сіе достопамятное дѣло, стоившее мнѣ немалыхъ трудовъ и безпокойствъ“.

Или вотъ, наконецъ, третій и послѣдній отрывокъ:

„Однажды одинъ предсѣдатель, слышій въ обществѣ остроумцемъ (я въ то время служилъ уже симбирскимъ помпадуромъ), сказалъ въ одномъ публичномъ мѣстѣ: „ежели бы я былъ помпадуромъ, то всегда ходилъ бы въ колпакѣ!“ Узнавъ о семъ черезъ преданныхъ людей и уллучивъ удобную минуту, я, въ свою очередь, при многолюдномъ собраніи, сказалъ неосторожному остроумцу (весьма, впрочемъ, заботившемуся о соблюденіи казеннаго интереса): „ежели бы я былъ колпакомъ, то, навѣрно, вмѣщаль бы въ себѣ голову предсѣдателя!“ Онъ тотчасъ же понялъ, въ кого направлена стрѣла, и закусилъ языкъ. Но съ тѣхъ поръ уже не повторялъ своей дерзкой замашки, и дружба наша болѣе не прерывалась“.

Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что, независимо отъ мемуаровъ, благодушный старикъ имѣетъ и другія, еще болѣе серьезныя занятія, которымъ посвящаетъ вечерніе досуги свои. А именно, онъ пишетъ различныя административныя руководства, порою же разрабатываетъ и посторонніе философическіе вопросы.

Изъ административныхъ его руководствъ мнѣ извѣстны слѣдующія: „Три лекціи о строгости“ (планъ сего сочиненія задуманъ и даже отчасти въ исполненіе приведенъ былъ еще во время административной дѣятельности старца, и вступительная (первая) лекція была читана въ полномъ собраніи гг. исправниковъ и городничихъ; но за сіе-то именно и былъ уволенъ нашъ добрый начальникъ отъ должности!!!): „О необходимости административнаго единогласія, какъ противоядія таковому жъ многогласію“; „Краткое разсужденіе объ усмиреніяхъ, съ примѣрами“; „О скорой губернаторской ѣздѣ на почтовыхъ“; „О вредѣ, производимомъ вице-губернаторами“; „О способахъ административнаго усмотрѣнія“ и, наконецъ, „О благовидной администратора наружности“.

Изъ сочиненій философическаго содержанія мнѣ извѣстны слѣдующія: „О солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ и о преимуществѣ первыхъ надъ послѣдними“; „Что, ежели бы я жилъ на необитаемомъ островѣ и имѣлъ собесѣдникомъ лишь правителя канцеляріи?“ и, наконецъ, третье: „О непримѣтномъ для глазъ теченіи времени“.

Мы съ Павломъ Трофимичемъ не разъ приступали къ доброму

старикѣ, чтобы позволилъ опубликовать хоть одинъ изъ этихъ трактатовъ, въ которыхъ философическая мудрость до такой степени сплетена съ мудростью житейскою, что невозможно ничего разобрать; но всегда встрѣчали упорный отказъ.

— Нѣтъ, друзья! — отвѣчалъ намъ незабвенный: — вотъ когда я умру — тащите все къ Каткову! Никому, кромѣ Каткова! Хочу лечь рядомъ съ старикомъ Вигелемъ!

Тѣмъ не менѣе (несмотря на строгость и горечь этого отказа) и до сихъ поръ не могу безъ благороднаго умиленія вспомнить о тѣхъ сладостныхъ вечерахъ, которые мы проводили, слушая мастерское и одушевленное чтеніе нашего добраго, хотя и отставнаго начальника. Сидимъ мы, бывало, вчетверомъ: онъ, Анна Ивановна, Павелъ Трофимычъ и я, въ любимой его угловой комнатѣ; въ каминѣ пріятно тлѣютъ дрова; въ сторонѣ, на столѣ шипитъ самоваръ, желтѣетъ только-что сбитое сливочное масло и радуютъ взоры румяныя булки, а онъ звучнымъ, отчетливымъ голосомъ читаетъ:

„Необходимо, чтобы администраторъ имѣлъ наружность благородную. Онъ долженъ быть не тученъ и не скареденъ, роста быть не огромнаго и не излишне-малаго, долженъ сохранять пропорціональность въ частяхъ тѣла и лицо имѣть чистое, не обезображенное ни бородавками, ни тѣмъ болѣе злокачественными сыпями. Сверхъ сего, долженъ имѣть мундиръ“.

Или:

„Прежде всего замѣчу, что истинный администраторъ никогда не долженъ дѣйствовать иначе, какъ чрезъ посредство мѣропріятій. Всякое его дѣйствіе не есть дѣйствіе, а есть мѣропріятіе. Привѣтливый видъ, благосклонный взглядъ суть такія же мѣры внутренней политики, какъ и экзекуція. Обыватель всегда въ чемъ-нибудь виновать“...

— Не хотите ли простокваши съ сахаромъ? — прерветъ, бывало, милая Анна Ивановна, причемъ больше всего имѣетъ въ виду дать доброму старикѣ время передохнуть.

„Обыватель *всегда* въ чемъ-нибудь виновать, и потому всегда надлежитъ на порочную его волю воздѣйствовать“, — продолжаетъ старикъ, и вдругъ, прекращая чтеніе и отирая наворачнувшіяся на глазахъ слезы (съ нѣкотораго времени, и именно съ выхода въ отставку,

онъ пріобрѣлъ такъ-называемый „слезный даръ“), прибавляетъ:—
Друзья! отложимте чтеніе до завтра! сегодня я... взволнованъ!

О, сладкія минуты! о, милыя, гостепріимныя тѣни! гдѣ вы?

IV.

Однако старикъ не утерпѣлъ. Въ одинъ праздничный день стояли мы всѣ въ соборѣ, какъ вдругъ онъ появился среди насъ. Вошелъ онъ безъ помпы, однакожь и безъ ложной скромности, и направилъ шаги свои къ лѣвому клиросу, такъ какъ у праваго стоялъ „новый“. Легкій трепетъ прошелъ по толпѣ. Мы молча любовались изящною картиною противопоставленія сихъ двухъ административныхъ свѣтилъ, изъ коихъ одно представляло полный жизни восходъ, а другое — прекрасный, тихо потухающій закатъ; но многіе замѣтили, что „новый“, при появленіи благодушнаго старца, вздрогнулъ. Вѣроятно, воображенію его, по этому поводу, представлялись тѣ затрудненія, которыя могли возникнуть во время прикладыванья ко кресту; вѣроятно, онъ опасался, что заматерѣлый старый администраторъ, по прежней привычкѣ, подойдетъ первымъ, и при этой мысли правая нога его уже сдѣлала машинально шагъ впередъ, чтобы отнюдь не допустить столь явнаго умаленія власти. Но тонкій старикъ, появившись столь неожиданно среди насъ, очевидно имѣлъ инныя цѣли, и потому, дабы достигнуть желаемаго безпрепятственно и вмѣстѣ съ тѣмъ не поставить въ затрудненіе преосвященнаго, великодушно разрѣшилъ всѣ сомнѣнія, добровольно удалившись изъ церкви за минуту до окончанія богослуженія.

Оказалось, что цѣлью пріѣзда старика было благо и счастье той самой страны, на пользу которой онъ въ свое время такъ много поревновалъ. Надо сказать правду: въ послѣднее время въ немъ произошелъ значительный нравственный переворотъ; въ особенности же спасительно въ этомъ отношеніи повліяли дѣйствія „новаго“ по взысканію недомоковъ (а отчасти и по выбору помнадурши). Легко можетъ быть даже, что въ виду этихъ мѣропріятій нашъ незабвенный рѣшился, не предупредивъ никого, сдѣлать послѣдній шагъ, чтобы окончательно укрѣпить и наставить того, который въ нашемъ интимномъ обществѣ продолжалъ еще слыть подъ именемъ „безразсуднаго

молодого человѣка“. И дѣйствительно, немедленно послѣ обѣдни, цѣлый городъ былъ свидѣтелемъ, какъ „старый“ направился съ визитомъ къ „новому“.

Что происходило во время этого свиданія, длившася слишкомъ два часа,—осталось для всѣхъ тайной. Несомнѣнно, однакожь, что тутъ обсуждались интересы и мѣропріятія немногимъ легковѣснѣе тѣхъ, о коихъ была рѣчь во время свиданія на границѣ двухъ губерній по случаю избіенія вредоносныхъ червей. Очевидцы, стоявшіе въ это время въ пріемной комнатѣ, утверждаютъ одно: совѣщаніе происходило тихо и на какомъ-то никому невѣдомомъ языкѣ, причѣмъ восклицанія перемежались вздохами, вздохи же перемежались восклицаніями. Сверхъ того, нерѣдко слышались слова: „ваше превосходительство!“ Очевидно, что обѣимъ сторонамъ было равно тяжело. Наконецъ администраторы разомъ вышли изъ кабинета, красные и до крайности взволнованные. Нѣкоторое время они безмолвно стояли, взирая другъ другу въ глаза и пожимая руки; наконецъ „новый“ стремительно обратился къ своему правителю канцеляріи и сказалъ:

— Сейчасъ же, мой любезный, пойдите и скажите, чтобы мостовую базарной площади немедленно прекратили! Прикажите также, чтобы полы и потолки въ губернаторскомъ домѣ настилали по прежнему!

Затѣмъ, взаимно и любезно облобызавшись, оба свѣтила разстались.

Вечеромъ того же дня старикъ былъ счастливъ необыкновенно. Онъ радовался, что ему оцять удалось сдѣлать доброе дѣло въ пользу страны, которую онъ привыкъ въ душѣ считать родною, и, въ ознаменованіе этой радости, ѣлъ необыкновенно много. Съ своей стороны, Анна Ивановна не могла не замѣтить этого чрезвычайнаго аппетита, и хотя не была скупа отъ природы, но сказала:

— Ахъ, Nicolas! ты сегодня такъ много кушаешь, что у тебя непремѣнно заболитъ животъ!

На что незабвенный отвѣтилъ:

— Другъ мой! не смущай моей радости! Сегодня я убѣдился, что наше дѣло находится въ добрыхъ и надежныхъ рукахъ!

Въ этотъ же вечеръ добрый старикъ прочиталъ намъ нѣсколько отрывковъ изъ вновь написаннаго имъ сочиненія подъ названіемъ: „Увѣтъ молодому администратору“, въ коихъ меня особенно пора-

зили слѣдующія истинно вѣщія слова: „Юный! ежели ты думаешь, что наука сія легка—разувѣрся въ томъ! Самонадѣянный! ежели ты мечтаешь все совершить съ помощью одной необдуманности—оставь сіи мечты и склони свое неопытное ухо увѣту старости и опытности! Перо сіе, быть можетъ, въ послѣдній разъ...“

Когда онъ читалъ сіи строки, мы заливались слезами.

Кто могъ думать, что этотъ веселый вечеръ будетъ послѣднимъ проблескомъ нашего счастья!

V.

Вдругъ старикъ началъ хирѣть. Многіе увѣряютъ, что хворость эта началась съ того дня, какъ онъ посѣтилъ „новаго“, такъ какъ прямымъ послѣдствіемъ этого посѣщенія была неумѣренность въ пищѣ, вслѣдствіе которой сначала заболѣлъ животъ, а затѣмъ... Но не стану упреждать событій и скажу только, что подобное толкованіе кажется мнѣ поверхностнымъ уже по тому одному, что невозможно допустить, чтобы опытные администраторы лишались жизни вслѣдствіе расстройства желудка. Я объясняю себѣ эту болѣзнь иначе, а именно тѣмъ нравственнымъ переворотомъ, о которомъ говорено выше и который произошелъ въ старикѣ въ послѣднее время.

Надо сказать правду: старикъ долго не одобрялъ дѣйствій „новаго“. Всѣ эти распоряженія и мѣропріятія (таковы, напримѣръ: замощеніе базарной площади, приказъ о подвязываніи колокольчиковъ при въѣздѣ въ городъ и т. п.), которымъ съ такою неразсчетливою горячностью предался на первыхъ порахъ безразсудный молодой человѣкъ, казались ревнивому старику направленными лично противъ него. Онъ хмурился, нерѣдко ропталъ, и хотя деликатность не позволяла ему стать во главѣ недовольныхъ, тѣмъ не менѣе никто не могъ сомнѣваться насчетъ его истинныхъ чувствъ. Въ этомъ недовольствѣ уже заключалось извѣстное положеніе, прямое и даже независимое, дававшее отставному администратору право критически относиться къ дѣйствіямъ новой администраціи, право негодовать, упрекать въ неблагодарности и проч. Въ скоромъ времени это грустное право обратилось даже въ привычку и, незамѣтно для своего обладателя, поддерживало и питало его существованіе. Старикъ увидѣлъ

себя центромъ, къ которому устремились скептики и недовольные. Испытавъ на себѣ всѣ послѣдствія преждевременной отставки, онъ, какъ древле Коріоланъ, съ горькою веселостію видѣлъ, какъ въ любезномъ ему отечествѣ, на развалинахъ заведеннаго имъ порядка, водворяется анархія, то-есть безначаліе. И ежели бы у него подъ руками были вольски, то онъ, быть можетъ, не усомнился бы даже прибѣгнуть къ ихъ помощи, лишь бы предписать условіе новому Риму, утопающему въ развратѣ и гордости. Однимъ словомъ, это была своего рода пища, пища не вполне здоровая, но не лишенная извѣстной доли пріятности и возбуждительности. И вдругъ... рухнуло разомъ все это зданіе недовольства, упрековъ, критиканства и негодованій! вдругъ оказалось, что новый Римъ вовсе не утопаетъ въ развратѣ безначалія и что даже Рима совсѣмъ никакого нѣтъ... Извѣстія слѣдуютъ за извѣстіями съ быстротою молніи, и все извѣстія самыя благонадежныя, самыя благонамѣренныя! Вѣсть объ избраніи помпадурши была первою въ этомъ смыслѣ: съ нея старикъ задумался, и слово „молодецъ“ впервые сорвалось съ его языка въ примѣненіи къ „новому“. Затѣмъ извѣстіе о сборѣ недоимокъ потрясло еще болѣе; тутъ онъ положительно убѣдился, что „новый“ совсѣмъ не тотъ фанфаронъ, какимъ его произвольно создало его воображеніе, но что это администраторъ дѣйствительный, употребляющій, гдѣ нужно, мѣры кротости, но не пренебрегающій и мѣрами строгости. Наконецъ великодушная уступка, сдѣланная по вопросу о мостовыхъ, dokonчила начатое и поразила старика до того, что онъ тотчасъ же объѣлся, и вотъ въ этомъ (но только въ этомъ!) смыслѣ можетъ быть признано справедливымъ мнѣніе, что неумѣренность въ пищѣ послужила косвенною причиною тѣхъ бѣдственныхъ происшествій, которыя случились впоследствии.

На другой день послѣ описаннаго выше свиданія старецъ еще бродилъ по комнатѣ, но уже не снималъ халата. Онъ особенно охотно бесѣдовалъ въ тотъ вечеръ о сокращеніи переписки, доказывая, что всѣ позднѣйшія „катастрофы“ ведутъ свое начало изъ этого злоуряднаго источника.

— Сокращеніе переписки, — говорилъ онъ, — отняло у администраціи ея жизненные соки. Лишенная радужной одежды, которая, въ теченіе многихъ вѣковъ, скрывала ея формы отъ глазъ нескромной толпы, администрація прибѣгла къ „катастрофамъ“, какъ къ по-

слѣдному средству, чтобы опериться. Правда, новая одежда явилась, но она оказалась съ прорѣхами.

— Но неужели же, вашество, нѣтъ средствъ починить ее? — зывали мы съ Павломъ Трофимычемъ.

— Есть-съ; средство это — вырвать корень со всѣми его послѣдствіями; но, — прибавилъ онъ, вздохнувши: — для такого подвига нынѣче слугъ нѣтъ!

— Раненько, вашество, тяготы-то эти съ себя снять изволили! — заикнулся-было Павелъ Трофимычъ.

— Что-жь! Я послужить готовъ! — отвѣчалъ онъ и даже приободрился, но тутъ же почувствовалъ новый припадокъ въ желудкѣ и вышелъ.

Въ этотъ вечеръ онъ даже не писалъ мемуаровъ, Видя его въ такомъ положеніи, мы упросили его прочитать еще нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія „О благовидной администратора наружности“; но едва онъ уснѣлъ прочесть: „Я зналъ одного тучнаго администратора, который, притомъ, отлично зналъ законы, но успѣха не имѣлъ, потому что отъ тука, во множествѣскопленнаго въ его внутренностяхъ, задыхался“ ... какъ почувствовалъ новый припадокъ въ желудкѣ, и уже въ тотъ вечеръ не возвращался.

На слѣдующій день онъ казался нѣсколько бодрѣе, какъ вдругъ пріѣхалъ Павелъ Трофимычъ и сообщилъ, что вчерашняго числа „новый“ высѣкъ на пожарѣ купца (съ горестью я долженъ сказать здѣсь, что эта новость была ложная, выдуманная съ цѣлью потѣшить больного). При этомъ извѣстіи благодушный старецъ вытянулся во весь ростъ.

— Моло... — проговорилъ онъ, и вдругъ ослабѣлъ и упалъ на диванъ.

На третій день онъ лежалъ въ постели и бредилъ. Организмъ его, потрясенный предшествовавшими событіями, очевидно, не могъ вынести послѣдняго удара. Но и въ бреду онъ продолжалъ быть гражданиномъ; онъ поднималъ руки, онъ къ кому-то обращался и молитъ спасти „нашу общую, бѣдную...“ Въ рѣдкія минуты, когда воспалительное состояніе утихало, онъ разсуждалъ объ анархіи.

— Пуще всего, друзья, — обращался онъ къ намъ, — опасайтесь анархія: то-есть, безначалія. Какъ, съ одной стороны, чиновная обязанность и начальстволюбіе есть то естественное основаніе, изъ котораго

современемъ прозябнетъ для вкушающаго сладкій плодъ, такъ съ другой стороны, безначаліе, какъ и самое сіе слово о томъ свидѣтельствуетъ, есть не что иное, какъ зловонный тукъ, изъ котораго имѣютъ произрасти одни зловредные волчцы. Посему, ежели кто вамъ скажетъ: „идемъ и построимъ башню, касающуюся облакъ“, то вы того человѣка бойтесь и даже представьте въ полицію; ежели же кто скажетъ: „идемъ, преклонимъ колѣна“, то вы, того человѣка обლობызавъ, за нимъ послѣдуйте. Небоящіеся чиновъ оными награждены не будутъ; боящемуся же все дастся, и даже...

Въ одну изъ такихъ свѣтлыхъ минутъ доложили, что пріѣхалъ „новый“. Старикъ вдругъ вспрынулъ и потребовалъ чистаго бѣлья. „Новый“ вошелъ, потрясая плечами и гремя саблею. Онъ дружески подаль больному руку, объявилъ, что сейчасъ лишь вернулся съ усмиренія, и заявилъ надежду, что здоровье почтеннѣйшаго старца не только поправится, но, съ божьею помощію, получить дальнѣйшее развитіе. Старикъ былъ видимо тронутъ и пожелалъ остаться съ „новымъ“ наединѣ.

Что происходило на этой второй и послѣдней конференціи двухъ административныхъ свѣтилъ—осталось тайною. Какъ ни прикладывали мы съ Павломъ Трофимычемъ глаза и уши къ замочной скважинѣ, но могли разобрать только одно: что старикъ увѣщевалъ „новаго“ быть твердымъ и не взирать. На этомъ моментѣ насъ поймала Анна Ивановна и крѣпко-таки пожурила за нашу нескромность.

Черезъ полчаса „молодой человѣкъ“ вышелъ изъ спальни съ красными отъ слезъ глазами; онъ чувствовалъ, что лишился друга и свѣтника. Что же касается старика, то мы нашли его въ такой степени спокойнымъ, что онъ могъ безъ помѣхъ продолжать свои наставленія объ анархіи.

Увы! на другой день страшная вѣсть поразила весь городъ...

Такъ потухъ этотъ административный свѣточъ, столь долго удивлявшій міръ своею распорядительностью! Такъ закатилось это свѣтило, не успѣвшее совершить и половину предначертаннаго ему круга!

Склонился долу спѣлый гроздій! склонился подъ бременемъ собственныхъ доблестныхъ подвиговъ и дѣяній! Паль старый безстрашный боецъ! паль... жертвою сокращенія переписки!

III. — Старая помпадурша.

I.

Ни для кого внезапная отставка старого помпадура не была такъ обильна горькими послѣдствіями, ни въ чьемъ существованіи не оставила она такой пустоты, какъ въ существованіи Надежды Петровны Бламанжé. Квартальные, секретари и другіе подъячіе, въ ожиданіи новаго помпадура, все-таки продолжали именоваться квартальными, секретарями и подъячими; она одна, въ одно мгновеніе и навсегда, утратила и славу, и почести, и величіе... Были минуты, когда ей казалось, что она даже утратила свой полъ.

— Главное, *ma chère*, несите свой крестъ съ достоинствомъ! — говоритъ пріятельница ея, Ольга Семеновна Проходимцева, которая когда-то черезъ нее пристроила своего мужа куда-то секретаремъ: — не забывайте, что на васъ обращены глаза цѣлаго города!

Надежда Петровна вздрогнула и мысленно сравнивала себя съ Изабеллой Испанскою. Чтò ей теперь „глаза цѣлаго города“! чтò въ нихъ, когда они устремлялись на нее лишь для измѣренія глубины ея горести! Утративши своего помпадура, она утратила все... даже способность быть патриоткою...

Послѣднія минуты разставанія были особенно тяжелы для нея. По обыкновенію, прощаніе происходило на первой отъ города станціи, куда собрались самые преданные, чтобы проводить въ дальнѣйшій путь добрѣйшаго изъ помпадуровъ. Закусили, выпили, поплакали; секретарь Проходимцевъ даже до того обмочился слезами, что старый помпадуръ только махнулъ рукою и сказалъ:

— Уведите! уведите его... онъ добрый!

Однако Надежда Петровна была сдержанна и даже довольно искусно притворилась веселою. Ее попросили спѣть что-нибудь — она не отказалась; взяла гитару и пропѣла любимую помпадурову пѣсню:

Шли три онъ...

И только въ ту минуту, когда пришлось выводить:

Ты, Матрена!
Ты, Матрена!
Не подвертывайся!

голосъ ея какъ будто дрогнуль...

Но когда доложили, что лошади поданы, когда старый помпадуръ началъ укутываться и уже заносилъ руки, чтобы положить въ уши канатъ, Надежда Петровна не выдержала. Она быстро сдернула съ своихъ плечъ пуховую косынку и, обернувъ ею шею помпадура, вскрикнула... Отъ этого крика проснулось эхо сосѣднихъ лѣсовъ.

— *Nadine a été sublime d'abnégation!*—говорила потомъ одна изъ присутствовавшихъ на проводахъ дамъ:—представьте себѣ, она всю дорогу ѣхала съ открытой шеей и даже не хотѣла запахнуть салона.

— *Et se cri!*—прибавила другая дама:—*se cri!* Это было какое-то вдохновеніе! Это было просто что-то такое...

Какъ бы то ни было, но старый помпадуръ уѣхалъ, до такой степени уѣхалъ, что самый слѣдъ его экипажа въ ту же ночь занесло снѣгомъ. Надежда Петровна съ ужасомъ помышляла о томъ, что ее съ завтрашняго же дня начнутъ называть „старой помпадуршей“.

Ничто такъ болѣзненно не дѣйствуетъ на впечатлительныя души, какъ перемѣны и утраты. Бываетъ, что даже просто стулъ вынесутъ изъ комнаты, и то ищешь глазами, чувствуешь, что чего-то недостаетъ; представьте же себѣ, какое нравственное потрясеніе должно было произойти во всемъ организмѣ Надежды Петровны, когда она убѣдилась, что у нея вынесли изъ квартиры цѣлаго помпадура! Долгое время она не могла освоиться съ этою мыслью; долгое время ее какъ будто подманивало и подмывало. Руки ея машинально поднимались, чтобы ущипнуть или потрепать кого-то по щекамъ; голова и весь корпусъ томно склонялись, чтобы отдохнуть на чьей-то груди. Въ ушахъ явственно раздавался чей-то голосъ; талія вздрагивала отъ мнимаго прикосновенія чьей-то руки; грудь волновалась и трепетала; губы полуоткрывались, дыханіе становилось прерывистымъ и жгло. Однимъ словомъ, въ ней какъ будто самъ собой еще совершался тотъ процессъ вчерашней жизни, когда счастье полнымъ ключомъ било въ ея жилахъ, когда не было ни одного дыханія, которое не интересовалось бы ею, не удивлялось бы ей, когда вокругъ нея толпились необозримыя стада робкихъ поклонниковъ, когда она, чтобы

сдерживать ихъ почтительныя представленія и заявленія, была вынуждаема съ томнымъ самоотверженіемъ говорить: „Нѣтъ, вы объ этомъ не думайте! Это все не мое! Это все и на вѣкъ принадлежитъ моему милому помпадуру!..“

— Душенька! не мучь ты себя! Утри свои глазки!—успокаиваль Надежду Петровну мужъ ея, надворный совѣтникъ Бламанжé, стоя передъ ней на колѣняхъ: — повѣрь, такія испытанія никогда безъ цѣли не посылаются! Современемъ...

— Чтò „современемъ“? ужь не вы ли думаете замѣнить мнѣ его?—съ негодованіемъ прервала его Надежда Петровна.

— Другъ мой! голубчикъ! полно! куда мнѣ! Я говорю: современемъ...

— Отстаньте! вы мерзки!

Бламанжé удалялся въ другую комнату и оттуда робко вслушивался, какъ вздыхала Надежда Петровна.

Бламанжé былъ малый кроткій и несъ названіе „помпадуршина мужа“ безъ нахальства и безъ особенной развязности, а такъ только, какъ будто былъ имъ чрезвычайно обрадованъ. Онъ успѣлъ снискать себѣ всеобщее уваженіе въ городѣ тѣмъ, что не задиралъ носа и не гордился. Другой на его мѣстѣ непременно сталъ бы и обрывать, и козырять, и финты-фанты выкидывать; онъ же не только ничего не выкидываль, но постоянно велъ себя такъ, какъ бы его поздравляли съ праздникомъ.

— Какъ здоровье Надежды Петровны?—спрашивали его знакомые, встрѣтившись на улицѣ.

— Благодарю васъ!—отвѣчалъ онъ любезно:—въ ту минуту, какъ я оставилъ ее, у нея сидѣлъ...

И потомъ, вдругъ скорчивъ таинственную мину, онъ прибавлялъ своему собесѣднику на ухо:

— Опять повздорили!—или:—опять помирились!—смотря по тому, было ли извѣстно собесѣднику, что передъ этимъ между помпадурами произошла любовная размолвка или любовное соглашеніе.

Обыватели не только цѣнили такую ровность характера, но даже усматривали въ ней признаки доблести; да и нельзя было не цѣнить, потому что у всѣхъ былъ еще въ свѣжей памяти мужъ предшествовавшей помпадурни, корнетъ Отлетаевъ, который не только разби-

валь по ночамъ винные погреба, но однажды голый и съ штандартомъ въ рукахъ проскакалъ верхомъ черезъ весь городъ.

Поэтому, когда уѣхалъ старый помпадуръ, Бламанжé огорчился этимъ едва ли не болѣе, нежели сама Надежда Петровна. Онъ чувствовалъ, что и въ его существованіи образовался какой-то пропускъ; что ему хочется кому-то поклониться — и поклониться некому; хочется въ-время уйти изъ квартиры — и уйти не для чего; хочется сказать: „какъ прикажете?“ — и сказать нѣтъ повода. Просто, не стало резона производить тѣ дѣйствія, говорить тѣ рѣчи, которыя производились и говорились въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду и совокупность которыхъ сама собою составляла такую естественную и со всѣхъ сторонъ защищенную обстановку, что и жилось въ ней какъ-то уютнѣе, и спалось словно мягче и безмятежнѣе.

Съ своей стороны, и Надежда Петровна, за все время своего помпадуретвованія, вела себя до такой степени умно и осторожно, что не только не повредила себѣ во мнѣніи общества, но даже значительно выиграла. Правда, она гордилась своимъ положеніемъ, но гордилась только въ томъ смыслѣ, что она по совѣсти выполняетъ ту роль благодѣтельной феи, которая выпала на ея долю по волѣ судьбы. Ни одинъ подъячій не уходилъ отъ нея безъ утѣшенія, ни одинъ частный приставъ не миновалъ того, чтобъ не придти въ восторгъ отъ ея ласковаго обращенія.

— Вотъ ужъ именно можно сказать: мухъ зла не сдѣлала! — восклицали хоромъ эти ревностные исполнители начальственныхъ предначертаній.

Всякому она какъ будто говорила: „посмотри, какая я мягкая, славная, сочная, добрая! и какъ долженъ быть счастливъ со мною твой начальникъ!“ Всякому она съумѣла сдѣлать что-нибудь пріятное. У одного крестила дочь или сына, у другого была посаженою матерью; у бесплодныхъ ѣла пироги. Не сердилась даже, когда у нея цѣловали ручки и заводили при этомъ расслабляющій чувства разговоръ. Она сама не прочь была поврать; но всякій разъ, когда вранье начинало принимать двусмысленный оборотъ, она, безъ всякой впрочемъ строптивости, прерывала разговоръ словами: „Нѣтъ! объ этомъ вы, пожалуйста, ужъ забудьте! Это не мое! Это все принадлежитъ моему милому помпадурю!“ Однимъ словомъ, стояла на стражѣ помпадура добра.

Очень понятно, что обыватели и это съумѣли оцѣнить по достоинству. Вспоминали прежнихъ помпадуршъ, какія онѣ были халды и притязательныя, какъ наушничали, сплетничали и даже истязали; какъ онѣ увольняли и опредѣляли, какъ отягощали налогами и экзекуціями... Передавали другъ другу рассказы о корнетшѣ Отлетаевой, которая однажды въ своего помпадура апельсиномъ на званомъ обѣдѣ пустила, и даже не извинилась потомъ,—и, сравнивая этотъ порывистый образъ дѣйствія съ благосклонно-мягкими, почти неслышными движеніями Надежды Петровны, всё въ одинъ голосъ вопіяли:

— Мухи не обидѣла! Самому послѣднему приказному — и тому не сдѣлала зла!

Однимъ словомъ, по мѣрѣ того, какъ она утѣшала своего помпадура, общественное уваженіе къ ней возрастало все больше и больше. Поэтому выходъ ея изъ помпадуршъ былъ не только сносный, но даже блестящій. Обыкновенно бываетъ, что старую помпадуршу немедленно же начинаютъ рвать на куски, т.-е. начинаютъ не узнавать ея, дѣлать въ ея присутствіи нѣкоторыя несовѣстныя тѣлодвиженія, называть „душенькой“, подсылать къ ней извозчиковъ; тутъ же, напротивъ, все обошлось какъ нельзя прилично. Цѣлый городъ понялъ великость понесенной ею потери, и когда нѣкоторый остроумецъ, увидѣвъ на другой день Надежду Петровну, одѣтую съ ногъ до головы въ черное, стоящую въ церкви на колѣняхъ и сдержанно, но пламенно молящуюся, вздумалъ-было сдѣлать рукой какой-то вольный жестъ, то все общество протестовало противъ этого поступка тѣмъ, что тотчасъ же послѣ обѣдни отправилось къ ней съ визитомъ.

— *Jamais, au grand jamais! même dans ses plus beaux jours, elle n'a été fêtée de la sorte!* — говорила статская совѣтница Глумова, вспоминая объ этомъ торжествѣ невинности.

— Просто даже какъ будто она не Бламанжé, а какая-нибудь принцесса! — прибавлялъ отъ себя дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ.

Даже кучеръ долгое время вспоминали, какъ господа ѣздили „Бламанжейшино горе утотять“ — такъ великъ былъ въ этотъ день съездъ экипажей передъ ея домомъ.

— Вы, пожалуйста, душечка, къ намъ по прежнему! — убождала Надежду Петровну предводительша Веденѣва.

— Вы знаете, какъ мы были привязаны къ тому, что для васъ такъ дорого!—прибавляла госпожа Прохвостова.

— Вы знаете, какъ мы цѣнимъ, какъ мы понимаемъ!—перебивала статская совѣтница Глумова.

— *Mais venez donc diner, chère... sans cérémonies!*—благоклонно упрасивала дѣйствительная статская совѣтница Балбесова.

— И чѣмъ чаще-сь, тѣмъ лучше-сь!—присовокуплялъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ, поглядывая на помпадуршу масляными глазами:—горе ваше, Надежда Петровна, больное-сь; но, смѣю думать, не безъ надежды на уречение-сь.

Не мало способствовало такому благополучному исходу еще и то, что старый помпадуръ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые зажигаютъ неугасимые огни въ благодарныхъ сердцахъ обывателей тѣмъ, что принимаютъ по табельнымъ днямъ, не манкируютъ званыхъ обѣдовъ и вечеровъ и съ ангельскимъ терпѣніемъ подписываютъ подаваемые имъ бумаги. Припоминали, какъ предшествовавшіе помпадуры швыряли и даже топтали ногами бумаги, какъ они слонялись по городу, съ пѣной у рта, какъ хлопали квартальныхъ по животу, прибавляя: „что! много тутъ погребено всякихъ курочекъ да поросяточекъ!“ какъ невѣжничали на званыхъ обѣдахъ... и не могли не удивляться кротости и обходительности новаго (увы! теперь уже отставного!) помпадура. А такъ какъ и онъ, по началу, оказывалъ нѣкоторыя топтательныя поползновенія, и однажды даже, разсердившись на городническое правленіе, приказалъ всѣмъ членамъ его умереть, то не безъ основанія догадывались, что перемена, въ немъ совершившаяся, произошла единственно благодаря благодѣтельному вліянію Надежды Петровны.

— Нѣтъ, вы подумайте, сколько надо было самоотверженія, чтобы укротить такого звѣря!—говорили одни.

— Вѣдь она, можно сказать, всякую его выходку на своемъ тѣлѣ приняла!—утверждали другіе.

— Да-сь, это искусство не маленькое! Быть ввержену въ одну клѣтку съ звѣремъ—и не проштрафиться!—прибавляли третьи.

И такимъ образомъ, и старый помпадуръ, и сама Надежда Петровна, и даже надворный совѣтникъ Бламанжé — все дѣйствовало за-одно, все способствовало, чтобы привязать къ ней сердца обывателей. Такъ что когда старый помпадуръ уѣхалъ, то она очутилась

совѣмъ не въ томъ ложномъ положеніи, какое обыкновенно становится удѣломъ всѣхъ вообще уволенныхъ отъ должности помпадуршъ, а просто явилась интересною жертвою жестокой административной необходимости. Одно только казалось ей страннымъ: что въ ея существованіи вдругъ какъ будто нѣкто провелъ черту и сказалъ при этомъ: „отнынѣ быть тебѣ, по прежнему, дѣвицей!“

Однако, какъ ни велика была всеобщая симпатія, Надежда Петровна не могла не припоминать. Прошедшее вставало передъ нею, осязательное, живое и ясное; оно шло за ней по пятамъ, жгло ея щеки, тѣснило грудь, закипало въ крови. Она не могла взглянуть на себя въ зеркало безъ того, чтобы вездѣ... вездѣ не увидѣть слѣдовъ стараго помпадуря!

— Противный ты, помпадурушка! напалилъ и уѣхалъ!— говорила она, томно опускаясь на кушетку, а слезы такъ и сыпались крупными алмазами на пылающія щеки.

Надворный совѣтникъ Бламанжé обыкновенно ловилъ такіа минуты налету и неслышно, словно у него были бархатныя ноги, подползалъ къ кушеткѣ.

— Другъ мой!— начиналъ онъ: — Богъ милостивъ! Современемъ...

— Отстаньте! вы мнѣ мерзки! Все противно! все мерзко, все отвратительно!— кричала она на него и нерѣдко даже разбивала при этомъ какую-нибудь бездѣлицу.

Прежде всего ей припоминались первые, медовые дни ихъ знакомства. Что она плѣнила его—въ томъ ничего не было удивительнаго. Эта была одна изъ тѣхъ роскошныхъ женщинъ, мимо которыхъ ни одинъ человекъ, на заставахъ команду имѣющій, не можетъ пройти безъ содроганія. Въ особенности же раздражительно дѣйствовала ея походка, и когда она, неся поясницу на отлетѣ, не шла, а словно устремлялась по улицѣ, то помпадуръ, самъ того не замѣчая, начиналъ подпрыгивать. Многіе пробовали устоять противъ одуряющаго дѣйствія этой походки, но не устоялъ никто. Однажды окружной акцизный даже пари подержалъ, что устоитъ, но какъ только поровнялся съ очаровательницей, то вдругъ до такой степени взвизнулъ, что жившій неподалеку мѣщанинъ Полотебновъ сказалъ женѣ: „а что, Мариша, никакъ въ лѣсу заяцъ пѣсню запѣлъ!“ Въ этомъ положеніи засталъ его старый помпадуръ.

— Вы, государь мой, въ такихъ лѣтахъ, что можете, кажется, сами понимать, что визжать на улицѣ неприлично! — сказала онъ ему строго.

Но акцизный даже не извинился, а продолжалъ лопотагъ языкомъ что-то непонятное и указывалъ рукой на удаляющуюся Надежду Петровну.

Съ тѣхъ поръ все пошло у нихъ какъ по маслу.

Помпадуръ началъ съ того, что обласкалъ надворнаго совѣтника Бламанжé. Потомъ сталъ непрерывно прохаживаться подъ окнами дома, въ которомъ жила Надежда Петровна, и напѣвать: „*Jeune fille aux yeux noirs*“. Напѣвалъ онъ этотъ романсъ то грустнымъ фальцетомъ, то подражая звуку трубы, причемъ фальшивилъ неупустительно. Весь городъ замѣтилъ нелѣпное помпадурово шатанье и съ тревожнымъ волненіемъ ожидалъ, чѣмъ оно кончится. Надежда Петровна тоже что-то предчувствовала и, завидѣвъ изъ окна влюбленнаго помпадура, смѣялась тѣмъ тихимъ, счастливымъ смѣхомъ, какимъ смѣются маленькія дѣти, когда у нихъ слегка пощекотятъ животикъ. Наконецъ въ этомъ дѣлѣ приняла участіе Ольга Семеновна Проходимцева...

Провинція на этотъ счетъ очень услужлива. Когда замѣтитъ, что помпадуръ на охотѣ, то сейчасъ же со всѣхъ сторонъ такъ и посыплются на него всякія благодатныя случайности: и нечаянныя прогулки въ загородномъ саду, и нечаянныя встрѣчи въ домѣ какой-нибудь гостепріимной хозяйки, и нечаянныя столкновенія за кулисами во время благороднаго спектакля. Однимъ словомъ, нѣтъ такого живого дыханія, которое не подѣйствовало бы какимъ-нибудь омерзительнымъ движеніемъ успѣху сего омерзительнаго предпріятія.

Такъ было и тутъ. Помпадуръ встрѣчался съ Надеждой Петровой у Проходимцевой, и встрѣчался всегда случайно. Сначала онъ все пѣлъ: „*Jeune fille aux yeux noirs*“, и объяснялъ, что музыка этого романса была любимымъ церемоніальнымъ маршемъ въ его полку. Иногда, впрочемъ, для перемѣны, принимался разсматривать лежавшія на столѣ картинки и бормоталъ себѣ, по-дурацки, подъ носъ:

— Непреступная!

— Про кого вы тамъ еще шепчете? — спрашивала его Надежда Петровна.

— Небожительница!

О, ежели бы у него былъ хвостъ, она навѣрное увидѣла бы, какъ онъ вилялъ имъ въ это время!

Долго, однакожь, она не поддавалась обаянію его любезности; по временамъ случалось даже такъ, что онъ затынетъ:

— Des chevaliers ainsi m'ont exprimé leur flamme...

А она въ отвѣтъ:

— Et moi, j'ai refusé l'offre des chevaliers...

И съ такой усмѣшкой посмотреть на него, что онъ вдругъ, словно обожженный, перемѣнитъ матерію и затынетъ: „T'en souviens-tu?“

— Чтò это вы вдругъ какую похоронную? — спроситъ Ольга Семеновна.

— Что жъ дѣлать-съ! Вотъ Надеждѣ Петровнѣ не имѣемъ счастья нравиться! — отвѣтитъ онъ и какъ-то такъ уморительно надуетъ губы, что Надеждѣ Петровнѣ такъ вотъ и хочется попробовать, какой онъ издадутъ звукъ, если нечаянно хлопнуть по нимъ пальчикомъ.

Но такъ какъ никто своей судьбы не избѣжитъ, то и для нихъ настала рѣшительная минута.

Однажды—это было осеннимъ вечеромъ—помпадуръ, по обыкновенію, пришелъ къ Проходимцевой и, по обыкновенію же, засталъ тамъ Надежду Петровну. Въ этотъ разъ нервы у нея были какъ-то особенно впечатлительны.

— Jeune fille aux yeux noirs! tu règues sur mon âme!

—затынулъ помпадуръ. Надежда Петровна вполголоса ему вторила:

— Et moi, j'ai refusé...

— Ахъ, нѣтъ! ахъ, нѣтъ! не пойте этого! не смѣйте нѣтъ! — какъ-то нервически вскрикнула Надежда Петровна, какъ будто хотѣла заплакать.

— Вы... ты...

Сердца ихъ зажглись.

Вспоминала объ этомъ Надежда Петровна въ теперешнемъ своемъ уединеніи,—вспоминала, какъ послѣ этого она пріѣхала домой, безъ всякой причины бѣгала и кружилась по комнатамъ, какъ Бламанжé

ползалъ по полу и цѣловалъ ея руки; вспоминала... и сердце ея вотще зажигалось, и по щекамъ текли горькія, горькія слезы...

— Какой онъ, однакожъ, тогда глупенькій былъ!—говорила она:—и какъ онъ смѣшно глазами вертѣлъ! какъ онъ старался рулады выдѣлывать! какъ будто я и безъ того не понимала, къ чему эти рулады клонятся!

Отъ одного воспоминанія мысль ея невольно переходила къ другому.

Однажды у Проходимцевой состоялись живыя картины. Были только *свои*. Онъ представлялъ Іакова, она—Рахиль. Она держала въ рукахъ наклоненную амфору; складки ея туники спускались на груди и какъ-то случайно разстроились... Онъ протягивалъ губы („и какъ онъ уморительно ихъ протягивалъ... глупушка мой!“ думалось ей)...

— Эхъ, Надежда Петровна! кабы вы меня такимъ манеромъ попили!—сказалъ ей тогда дѣйствительный статскій совѣтникъ Балбесовъ; но она сдѣлала видъ, что не слышитъ, и даже не пожаловалась *ему*.

Почему она не пожаловалась? А потому, что онъ однажды сказалъ ей:

— Ты, Наденька, если будутъ къ тебѣ приставать, только скажи! Я сейчасъ его на телѣжку—и фюить!

Она же не только не добивалась ничего подобнаго, но желала одного: чтобы всѣ на нее смотрѣли и радовались.

Потомъ, однажды—было ужъ очень-очень поздно—онъ расшалился и вдругъ сказалъ ей:

— Наденька! какое, однакожъ, у тебя тѣло: такъ и таетъ!

Потомъ... они были однажды въ командировкѣ... онъ—по дѣламъ, она—случайно... Ихъ пригласилъ предводитель обѣдать... Бесѣдка... садъ... поетъ соловей... вдали ходить писмоводитель и курить сигару.

Все это такъ и металось въ глаза, такъ и вставало передъ ней, какъ живое! И что всего важнѣе,—по мѣрѣ того, какъ она утѣшала своего друга, уваженіе къ ней все болѣе и болѣе возрастало! Никто даже не завидовалъ! Всѣ знали, что это такъ и есть, такъ и быть должно... А теперь? что она такое теперь? *Старая* помпадурша! Развѣ это положеніе? развѣ это постъ?

— Ахъ, гдѣ-то онъ теперь, глупушка мой?!

Надежда Петровна томилась и изнывала. Она видѣла, что общество благосклонно къ ней по прежнему, что и квартальные нимало не утратили своей предупредительности; но это ее не радовало и даже какъ будто огорчало. Всякій новый зовъ на обѣдъ или вечеръ напоминалъ ей о прошедшемъ, когда приглашенія приходили естественно, а не изъ сожалѣнія или какой-то искусственно-вызванной благосклонности. Правда, у нея былъ другъ — Ольга Семеновна Проходимцева...

Съ этимъ другомъ она запиралась одинъ-на-одинъ и вспоминала. Она даже сама удивлялась, какой неисчерпаемый источникъ подробностей открывался передъ нею всякій разъ, какъ она принималась припоминать.

— Вотъ какой этотъ помпадурушка глупенькій! сколько онъ напашилъ! — говорила она Ольгѣ Семеновнѣ, и вновь отыскивала какую-нибудь еще неразказанную подробность и повѣствовала объ ней своему другу.

Отъ остальныхъ знакомыхъ она почти отказалась, а дѣйствительному статскому совѣтнику Валбесову даже напрямки сказала, чтобы онъ и не думалъ, и что хотя помпадуръ уѣхалъ, но она по прежнему принадлежитъ одному *ему*, или, лучше сказать, благодарному воспоминанію объ *немъ*. Это до такой степени ожесточило Валбесова, что онъ прозвалъ Надежду Петровну „ходячею панихидой по помпадурѣ“; но и за всѣмъ тѣмъ успѣха не имѣлъ.

— Вѣдь вотъ, сударь, какое этому помпадуру счастье! — говорилъ онъ: — вѣдь, кажется, только и хорошаго въ немъ было, что на обезьяну похожъ, а такую привязанность къ себѣ внушилъ!

Большую часть времени она сидѣла передъ портретомъ стараго помпадура и все вспоминала, все вспоминала. Случалось иногда, что люди, особенно преданные, успѣвали-таки проникать въ ея уединеніе и уговаривали ее принять участіе въ какомъ-нибудь увеселеніи. Но она на всѣ эти уговоры отвѣчала презрительной улыбкой. Наконецъ это сочтено было даже опаснымъ. Попробовали призвать на совѣтъ надворнаго совѣтника Бламанжé и заставили его еще разъ стать передъ ней на колѣни.

— Голубчикъ! не отъ себя, а отъ имени цѣлаго общества... — умолялъ злосчастный Бламанжé, ползая по полу.

— Вы съ ума сошли! вы, кажется, забыли, *кто* меня любилъ!

—отвѣчала она, величественно указывая на портретъ стараго помпадуръ.

А помпадуръ, словно живой, выглядывалъ изъ рамокъ и, казалось, одобрялъ ея рѣшеніе.

И вотъ, однажды утромъ, Надежда Петровна едва успѣла встать съ постельки, какъ увидала, что на улицѣ происходитъ какое-то необыкновенное смятеніе. Какъ ни поглощена была ея мысль воспоминаніями прошлаго, но сердце ея невольно вздрогнуло и заколотилось въ груди.

— Поздравляю, душенька! новыи помпадуръ пріѣхалъ! — весело сказалъ вошедшій въ это время надворный совѣтникъ Бламанжé.

II.

Между тѣмъ уваженіе къ Надеждѣ Петровнѣ все росло и росло. Купцы открыто говорили, что „еслибы не она, наша матушка, она бы, какъ святъ Богъ, и насъ всѣхъ, да и прахъ-то нашъ по вѣтру развѣялъ!“ Дворяне и чиновники выводили ее чуть не по прямой линіи отъ князя Олега. Полиціймейстеръ настолько встревожился этими слухами, что, несмотря на то, что былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ единственно Надеждѣ Петровнѣ, счелъ долгомъ доложить о нихъ новому помпадуру.

— Скажите бабѣ, чтобы она унялась, а не то... фюить! — отвѣчалъ новыи помпадуръ и какъ-то самонадѣянно-лихо щелкнулъ при этомъ пальцами.

Новыи помпадуръ былъ малый молодой и совсѣмъ отчаянный. Онъ не зналъ ни наукъ, ни искусствъ и до такой степени мало уважалъ такъ-называемыхъ идеологовъ, что даже изъ Поль-де-Кока и прочихъ классиковъ прочиталъ только избраннѣйшія мѣста. Любимѣйшія его выраженія были: „фюить!“ и „куда Макаръ телятъ не гонялъ!“

Тѣмъ не менѣе, когда онъ объѣхалъ мѣстную интеллигенцію, то, несмотря на свою безнадежность, понялъ, что Надежда Петровна составляетъ своего рода силу, съ которою не считается было бы неблагоприятно.

— Повѣрьте, mon cher, — открывался онъ одному изъ своихъ

приближенныхъ: — эта Бламанжé... это своего рода московская пресса! Столь же податлива... и столь же тверда. Но что она во всякомъ случаѣ волнуешь общественное мнѣніе—это такъ же вѣрно, какъ дважды два!

Но что всего болѣе волновало его, такъ это то, что онъ еще ничѣмъ не успѣлъ провиниться, какъ уже встрѣтилъ противодѣйствіе.

— Помилуйте! я пріѣхалъ сюда... и, кромѣ открытаго сердца... клянусь Богомъ, ничего! — говорилъ онъ: — и что-жъ!.. на пер-выхъ же порахъ...

Однако мало-по-малу любопытство взяло верхъ, и однажды, когда полиціймейстеръ явился утромъ, по обыкновенію, то новый помпадуръ не выдержалъ.

— А что... эта старая... какова?—спросилъ онъ.

— Птичка-съ!

— Гм... вы понимаете... я... Но...

— Точно такъ-съ.

— Ну да!

У полиціймейстера сперло въ зобу дыханіе отъ радости. Онъ прежде всего былъ человѣкъ доброжелательный, и не могъ не болѣть сердцемъ при видѣ какихъ бы то ни было междоусобій и неустройствъ. Поэтому онъ немедленно отъ помпадура поскакалъ къ Надеждѣ Петровнѣ и засталъ ее сидящею въ уныніи передъ портретомъ стараго помпадура. У ногъ ея ползала Бламанжé.

— Гдѣ-то ты теперь, глупушка?! Нашалилъ — и уѣхалъ! — разсуждала она сама съ собою.

Однако, когда въ передней послышалось звяканье полицейской шпаги, она не могла не вздрогнуть. Такъ вздрагиваетъ старый боевой конь, заслышавъ призывный звукъ трубы. Надо сказать, впрочемъ, что къ Надеждѣ Петровнѣ всякій и во всякое время могъ входить безъ доклада и требовать себѣ водки и закусь.

— Принеси ты мнѣ, Семень, этой рыбки — знаешь? — скомандовалъ полиціймейстеръ въ передней. — А вы, Надежда Петровна, все еще въ слезахъ! Матушка! голубушка! да что-жъ это такое? — продолжалъ онъ, входя въ комнату: — ну, поплакали! ну, и будетъ! глазки-то, глазки-то зачѣмъ же портить?

— Да-съ, вотъ не могу убѣдить! — вступился Бламанжé.

— До тѣхъ поръ, покуда... — сказала Надежда Петровна, и голосъ ея оборвался.

— Ну, да, есть резонъ, а вы бы, сударыня, и объ насъ, грѣшныхъ, тоже подумали!

— Чтò жъ я могу сдѣлать! теперь моя роль...

Надежда Петровна поникла головой.

— А я вотъ чтò вамъ доложу, сударыня!—настойчиво продолжалъ полиціймейстеръ:—вмѣсто того, чтобы передъ этимъ, прости Господи, идиломъ унывать, вамъ бы, сударыня, бразды-съ... вотъ чтò, сударыня!

Но Надежда Петровна по прежнему смотрѣла въ упоръ на стараго помпадура.

— Я, сударыня, еще сегодня имѣлъ счастье докладывать... — Полиціймейстеръ вздохнулъ.

— Чтò же?—вступился Бламанжé.

— А чтожъ, говорятъ, коли они хотятъ противодѣйствовать, такъ и пускай!.. Нехорошо это, Надежда Петровна! Богъ съ васъ за это спроситъ! такъ-то-съ!

Но она все молчала и, казалось, въ глазахъ смотрящаго на нее помпадура почерпала все бôльшую и бôльшую душевную твердость.

„Нашалиль —и уѣхал!“ думалось ей.

— Вотъ тò-то оно и есть-съ!—продолжалъ полиціймейстеръ, какъ бы предвосхищая ея мысль:—они-то уѣхали, а мы вотъ тутъ отдувайся-съ!

— Я постоянно ей это твержу!—оправдывался Бламанжé:—и не я одинъ—все общество!

Но Надежда Петровна уже не слушала болѣе. Она вскочила съ мѣста и, какъ раненая тигрица, устремилась на полиціймейстера.

— Такъ вы забыли, кто меня любилъ?—вскрикнула она на него:—а я... я помню! я все помню!

И съ этимъ словомъ она величественно удалилась изъ комнаты.

Попытки, однако, этимъ не ограничились. Чаше и чаще начали навѣщать Надежду Петровну городскія дамы, и всякая непременно заводила рѣчь о новомъ помпадурѣ. Нѣкоторые говорили даже, что онъ начинаетъ пріударять.

— Какъ жаль, что около него нѣтъ... vous savez?—прибавляла при этомъ какая-нибудь сердобольная дамочка.

— Нѣтъ, не знаю! — отвѣчала Надежда Петровна съ изумительнымъ равнодушіемъ.

— Ну, этого... какъ это лучше выразить... руководящаго...

— А!

Наступила эпоха обѣдовъ и баловъ. Надежда Петровна все крѣпилась и не спускала глазъ съ портрета стараго помпадура. Въ городѣ стали рассказывать другъ другу по секрету, что она надѣла на себя вериги.

— Mais, enfin, cela commence à devenir ridicule, ma chère! — говорили ей подружки, приглашая принять участіе въ общественныхъ торжествахъ.

— Вы не знаете, mesdames, кто меня любилъ, — былъ ея обыкновенный отвѣтъ на эти приставанья: — а я... я знаю! О! я очень-очень много знаю!

— Все это такъ... c'est sublime, il n'y a rien à dire! но все же... всему есть, наконецъ, мѣра!

— Вотъ такъ-то я съ ней каждый Божій день бьюсь! — вступался при этомъ надворный совѣтникъ Бламанжé, который въ послѣднее время истаялъ какъ свѣчка.

Въ сущности, однакожъ, сердце ея мало-по-малу подавалось. Она начинала уже анализировать фізіономію стараго помпадура и находила, что у него носъ...

— Ахъ, ma chère, посмотрите, какой у него уморительный носъ! — говорила она Ольгѣ Семеновнѣ.

— Я удивляюсь, какъ вы прежде этого не замѣтили, — отвѣчала госпожа Проходимцева, которая и съ своей стороны употребляла все усилія, чтобы заставить Надежду Петровну позабыть о прошедшемъ. — Да и губы-то не больно мудряція!

И вотъ, однажды, она рискнула даже взглянуть въ окошко... О, ужасъ! она увидѣла новаго помпадура, который шелъ по улицѣ, мурлыкая себѣ подъ носъ;

L'amour—qu'est que c'est que ça, mamselle?

L'amour—qu'est que c'est que ça?

Онъ былъ такъ хорошъ, что она невольно заглядѣлась. Брюнетъ, небольшого роста, но чрезвычайно пропорціонально-сложенный, онъ, казалось, былъ созданъ для того, чтобы повелѣвать и очаровывать. На лѣвой щекѣ его была брошена небольшая бородавка (она все за-

мѣтила!), а надъ губой прихотливо висѣлъ темный усъ, который онъ по временамъ прикусывалъ. Красота его была совѣтъмъ другого рода, нежели красота стараго помпадуръ. У того и носъ, и губы были такіе мягкіе, такіе уморительные, что такъ и позывало какъ-нибудь ихъ скомкать, смять, а потомъ, пожалуй, и поцѣловать. Но не за красоту поцѣловать, а именно за уморительность. У этого, напротивъ, все было крѣпко, все говорило о неуклонности, неупустительности и натискѣ.

Но вотъ онъ приближается больше и больше; вотъ онъ уже ровнялся съ домомъ Надежды Петровны; походка его колеблется, колеблется... вотъ онъ остановился... онъ взялся за ручку звонка... Надежда Петровна, вся смущенная и трепещущая, устремила подъ защиту портрета стараго помпадуръ. Бламанжѣ еще разъ оказала свою понятливость, стремглавъ бросившись вонъ изъ дома.

— Вы меня извините, милая Надежда Петровна,—говорилъ „онъ“ черезъ минуту своимъ вкрадчивымъ голосомъ:—я до такой степени уважалъ вашу горестъ, что не смѣлъ даже подумать потревожить васъ раньше своимъ посѣщеніемъ. Но прошу васъ вѣрить, что мое нетерпѣніе... тѣ лестные отзывы... еслибъ я могъ слушаться только голоса моего сердца...

Но у Надежды Петровны стучало въ ухахъ. Она уставилась глазами въ портретъ, и ей показалось, что старый помпадуръ сверкалъ на нее оттуда глазами!

— Повѣрьте,—продолжалъ звучать тотъ же медоточивый голосъ,—что я, тѣмъ не менѣе, отнюдь не оставался безучастнымъ зрителемъ вашего горя. Господинъ полиціймейстеръ, конечно, не откажется удостовѣрить васъ, что я неоднократно приказывалъ и даже настаивалъ, чтобы вамъ предоставлены были всѣ способы... словомъ, все, что находится въ моей власти...

Надежда Петровна сидѣла по прежнему, не шевелясь, словно съ ней происходилъ какой-то кошмаръ.

— Однако мнѣ очень обидно, — гудѣлъ помпадуръ: — скажу больше... мнѣ даже больно, что вы.... какъ будто изъ-за меня... лишаете общество, такъ сказать, лучшаго его украшенія! Конечно, я... мои достоинства... Я не могу похвалиться опытностью...

— Нѣтъ! васъ хвалятъ! — промолвила Надежда Петровна, почти не сознавая сама, что говорить.

— Общество слишкомъ ко мнѣ снисходительно! Конечно, все, чтѣ отъ меня зависить... я готовъ жертвовать жизнью... но во всякомъ случаѣ, милая Надежда Петровна, вы мнѣ позвольте уйти съ пріятною мыслью... или, лучше сказать, съ надеждою... что вы не захотите меня огорчить, лишая общество, такъ сказать, его лучшаго украшенія!

— Я-съ... если прикажете-съ! — отвѣчала она съ прежнею безсознательностью.

— Не приказываю-съ, но прошу!

Онъ взялъ ея руку и поцѣловаль.

— Это, кажется, портретъ моего предмѣстника? — спросилъ онъ.

— Да-съ; это онъ-съ.

— Какъ счастливъ онъ былъ въ своихъ привязанностяхъ! и какъ много, какъ много утратилъ съ отъѣздомъ отсюда!

Глаза помпадура становились масляными, рѣчи принимали тенденціозный оттѣнокъ; но Надежда Петровна все еще не выходила изъ своего оцѣпенѣнія.

— Да-съ, онъ былъ счастливъ-съ, — промолвила она, сама удивляясь, отчего языкъ ея говорить только однѣ глупости.

— Извините, я больше не смѣю утруждать васъ своимъ присутвіемъ, но позволяю себѣ думать, что уношу съ собою пріятную надежду, что отнынѣ всѣ недоразумѣнія между нами кончены, и вы... вы не лишите общество его... такъ сказать, лучшаго украшенія! — сказалъ онъ, наконецъ, поднимаясь съ дивана и вновь цѣлуя ручку хозяйки.

По уходѣ его Надежда Петровна нѣкоторое время стояла въ остолбенѣніи. Ей казалось, что она выслушала какую-то неуклюжую канцелярскую бумагу, которой смыслъ былъ для нея еще не совсѣмъ ясенъ, но на которую необходимо, во чтѣ бы ни стало, дать объясненіе. Наконецъ, когда она очнулась, то первымъ ея движеніемъ было схватить портретъ стараго помпадура.

— Помпадурушка! глупушка мой! Куда жъ ты уѣхаль! чтѣ ты со мной сдѣлалъ! — вскрикнула она, какъ бы предчувствуя, что въ судьбѣ стараго помпадура долженъ произойти рѣшительный переворотъ.

III.

Дни шли за днями. Въ головѣ Надежды Петровны все такъ перепуталось, что она не могла уже отличить „jeune fille aux yeux noirs“ отъ „l'amour qu'est que c'est que ça“. Она знала навѣрное, что то и другое пѣлъ какой-то помпадуръ, но какой именно—доподлинно опредѣлить не могла. Съ своей стороны, помпадуръ горичился, тосковалъ и впадалъ въ административныя ошибки.

Мало-по-малу затворническая жизнь прискучила, и Надежда Петровна начала выѣзжать. Тѣмъ не менѣе, портретъ стараго помпадура все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, и когда она уѣзжала на балъ, то всякій разъ останавливалась передъ нимъ на нѣсколько минутъ, во всемъ сіяніи бальнаго туалета и красоты, чтобы, какъ она выражалась, „не уѣхать, не показавшись своему глупушкѣ“. Балы слѣдовали за балами, обѣды за обѣдами, и на каждомъ изъ нихъ она неизбѣжно встрѣчала новаго помпадура, который такъ и пожиралъ ее глазами. Наконецъ она стала замѣчать, что между нимъ и его предмѣстникомъ существуетъ какое-то странное сходство. Долго она не могла опредѣлить, въ чемъ состоитъ это сходство, пока, наконецъ, не догадалась, что они оба „глупушки“. Съ тѣхъ поръ „показываніе“ себя передъ портретомъ стараго помпадура сдѣлалось уже пустою формальностью.

Гдѣ бы она ни была, куда бы ни пріѣхала, съ кѣмъ бы ни заговорила—вездѣ и отъ всѣхъ слышала только одно: хвалу новому помпадуру. Полиціймейстеръ хвалилъ въ немъ благородство души, секретарь—мудрость, прокуроръ—стремительность и натискъ.

— Вы, Надежда Петровна, чтò думаете?—говорилъ прокуроръ:—вы, можетъ быть, думаете, что онъ тамъ на балахъ или на обѣдахъ... что онъ пустяками какими-нибудь занимается?.. на плечи нашихъ барынь облизывается?.. Нѣтъ-съ! онъ мѣропріятіе обдумываетъ! Онъ ужъ у насъ такой! онъ шагу не можетъ ступить, чтобы чего-нибудь не рѣшить!

— Такъ-то такъ,—задумчиво отвѣчала Надежда Петровна:—да боюсь я...

— Чего же вы боитесь? вы, можетъ быть, думаете, что онъ на руку тяжелъ? Напрасно-съ! онъ у насъ вотъ какъ: мухѣ зла не сдѣлаетъ! вотъ онъ у насъ каковъ!

Заволновалась и добрая старушка Проходимцева, про которую въ городѣ говорили, что она минуты не можетъ прожить, чтобы не услужить.

Но помпадуръ былъ робокъ, чтò, впрочемъ, отчасти объяснялось уже тѣмъ, что въ самомъ формулярѣ его было отмѣчено, что онъ не былъ въ походахъ. Онъ легко обдумывалъ мѣропріятія, но чуть только выходилъ на арену практической дѣятельности — оказывался слабымъ и вялымъ. Всѣ его дѣйствія относительно Надежды Петровны были нерѣшительны и даже просто глупы. Такъ, на примѣръ, однажды, на какомъ-то званомъ обѣдѣ, онъ, въ ея глазахъ, похитилъ со стола грушу, положилъ въ карманъ и послѣ обѣда, подавая ее Надеждѣ Петровнѣ, какимъ-то отчаяннымъ голосомъ сказалъ:

— Кушайте!

— На чтò мнѣ? — изумилась Надежда Петровна.

— Такъ... это такъ! — почти закричалъ онъ, какъ будто воровство груши терзало его сердце. И вслѣдъ затѣмъ какъ-то такъ глупо заржалъ, что старая помпадурша не могла не подумать:

„Господи! да какой же онъ, однако, глупушка!“

Въ другой разъ, на балу, онъ долгое время стоялъ молча подлѣ нея и вдругъ проглаголалъ:

— Какъ бы я желалъ, чтобы въ нашемъ домѣ случился пожаръ!

— На что жъ это вамъ? — изумилась Надежда Петровна.

— Такъ! Я бы... я бы собственноручно васъ вынесъ изъ пламени!

Въ третій разъ онъ ее спросилъ:

— Вы когда-нибудь цѣлуете вашего Бламанжé!

— Зачѣмъ вамъ?

— Хочу знать!

— Не слишкомъ ли вы любопытны?

— Хочу знать!

— Ннѣ... иногда...

— Отлично! а знаете ли вы, что вашъ Бламанжé на скорохода похожъ?

Въ четвертый разъ онъ накинудся на Бламанжé и началъ его цѣловать.

— Чтò вы дѣлаете? — испугалась Надежда Петровна.

— Цѣлую!

— Да перестаньте же! развѣ не видите, что онъ весь посинѣлъ?

— Цѣлую! — повторялъ онъ, обнаруживая какое-то неестественное ожесточеніе.

Вообще дѣйствія его были не только нерѣшительны, но и загадочны. Иногда онъ возьметъ Надежду Петровну за руку, держать ее, гладить и вдругъ какъ-то такъ нелѣпо рванетъ, что она даже вскрикнетъ; иногда вскочитъ со стула, словно ужаленный, схватитъ фуражку и, не говоря ни слова, удеретъ домой. Однимъ словомъ, были все признаки; не доставало одного: словесности.

Надеждѣ Петровнѣ показалось, что его стѣсняетъ портретъ стараго помпадурѣ. Его сняли со стола и повѣсили на стѣну. Но и оттуда онъ какъ будто бы примѣчалъ. Тогда надворный совѣтникъ Бланжѣ предложилъ перенести его, какъ личнаго своего друга, въ свою комнату. Надежда Петровна задумалась, вздохнула... и согласилась.

Не надо думать, однако, чтобы новый помпадуръ былъ человѣкъ холостой; нѣтъ, онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; но жена его только и дѣлала, что съ утра до вечера ѣла печатные пряники. Это зрѣлище до такой степени истерзало его, что онъ, съ горя, чуть-чуть не погрузился въ чтеніе недоимочныхъ реестровъ. Но и это занятіе представляло слишкомъ мало пищи для ума и сердца, чтобы наполнить помпадурову жизнь. Онъ сталъ ходить въ губернское правленіе и то-сковать.

Между тѣмъ зимній сезонъ окончился; наступилъ постъ; пахнуло весной. Надежда Петровна чувствовала, какъ грудь ея млѣла и закипала. Чтобы уgomонить наплывъ жизни, она по цѣлымъ часамъ выстаивала передъ открытою форточкой, вдыхая влажный воздухъ, и выхаживала десятки верстъ, безстрашно проникая въ самые глухіе закоулки города. Усталая, полуразбитая, возвращалась она домой, опускалась на кушетку и закрывала глаза. Тяжелая, безпокойная дремота на короткое время оковывала ея члены, и цѣлыя сотни помпадуровъ вереницею проходили передъ ея умственными взорами. Тутъ были всякіе: и съ усами, и безъ усовъ, и бѣлокурые, и брюнеты, и съ бородавками, и безъ бородавокъ, и высокоствольные, и низкоствольные; но, увъ! между ними не было одного — не было новаго помпадурѣ! Что-то странное произошло съ нимъ: онъ не только пересталъ прохаживаться подъ ея окнами, но даже какъ будто избѣгалъ встрѣчи съ нею. Такъ-таки вдругъ и оборвалъ.

„Неужто жъ онъ только того и добивался, чтобъ расцѣловать этого противнаго Бламанже?“ думалось иногда Надеждѣ Петровнѣ.

Дѣло состояло въ томъ, что помпадуръ отчасти боролся съ своею робостью, отчасти кокетничалъ. Онъ не меньше всякаго другого ощущалъ на себѣ вліяніе весны, но, какъ всѣ люди робкіе и въ то же время своевольные, хотѣлъ, чтобы Надежда Петровна сама повинилась передъ нимъ. Въ ожиданіи этой минуты онъ до такой степени усилилъ нѣжность къ женѣ, что даже сталъ вмѣстѣ съ нею ѣсть печатные пряники. Такимъ образомъ дни проходили за днями; Надежда Петровна тщетно ломала себѣ голову; публика ожидала въ недоумѣніи.

Публика эта раздѣлилась на два лагеря. Часть ея, имѣя во главѣ полиціймейстера, рѣшительно во всемъ обвиняла Надежду Петровну.

— Я все ей прощу! — гремѣлъ въ клубѣ глава недовольныхъ: — но одного простить не могу: зачѣмъ она истерзала благороднѣйшее въ мірѣ сердце!

Другая часть, напротивъ, оправдывала ее. Утверждали, что помпадуръ самъ во всемъ виноватъ, что онъ сначала завлекъ благороднѣйшую въ мірѣ женщину, а потомъ своею непростительною медлительностью поставилъ ее въ фальшивое положеніе.

— Чѣмъ въ правленіе-то шататься да пустяки на бобахъ разводить, лучше бы дѣло дѣлать! — говорили защитники.

Какъ бы то ни было, но Надежда Петровна стала удостовѣряться, что уваженіе къ ней съ каждымъ днемъ умалется. То вдругъ, на какомъ-нибудь благотворительномъ концертѣ, угонять ея карету за тридевять земель; то кучера совсѣмъ напрасно въ части высѣкутъ; то Бламанжé скажутъ въ глаза язвительнѣйшую колкость. Никогда ничего подобнаго прежде не бывало, и всѣ эти маленькія непріятности тѣмъ сильнѣе язвили ея сердце, что старій помпадуръ избаловалъ ее въ этомъ отношеніи до послѣдней степени.

Наконецъ, посинѣли и разлились рѣки; въ полѣ показалась первая молодая травка; въ сосѣднемъ пруду затрещали лягушки, въ сосѣдней рощѣ защелкалъ соловей. До Надежды Петровны стали доходить слухи, что у нея явилась соперница, какая-то татарская княгиня Уланбекова, которую недовольная партія нарочно выписала изъ Казанской губерніи.

— Изъ-за чего же онъ со мной эту комедію игралъ?—спрашивала она себя, бѣгая въ отчаяньи по комнатамъ и вымещая на Бланжѣ свою досаду.

Однажды она, по обыкновенію, утомляла себя ходьбою по городскимъ улицамъ, какъ вдругъ, на углу одной изъ нихъ, столкнулась лицомъ къ лицу съ самимъ помпадуромъ. Онъ былъ обаятеленъ по прежнему, хотя на его лицѣ вскопчило нѣсколько прыщей.

— Вы что-жъ это перестали ко мнѣ ходить? —спросила она его голосомъ, въ которомъ слышались и укоръ, и строгость.

Помпадуръ растерялся и началъ разводить на бобахъ какую-то канцелярскую чепуху.

— Какъ вы смѣете не ходить ко мнѣ? —наступала она на него, не слушая возраженій.

Она была въ неописанномъ волненіи; голосъ ея дрожалъ; на глазахъ блистали слезы. Эта женщина, всегда столь скромная, мягкая и даже слабая, вдругъ дошла до такого изступленія, что помпадуръ началъ опасаться, чтобъ съ ней не сдѣлалась на улицѣ истерика.

— Знаю я! знаю я все, что вы дѣлаете! —продолжала она, не помня себя отъ волненія: — вы около этой мерзкой татарки ухаживаете! Только смѣйте у меня не придти сегодня къ Ольгѣ Семеновнѣ!

Помпадуръ не сопротивлялся. Онъ понялъ, что участь его рѣшена.

IV.

Сердца ихъ зажглись...

Но, какъ правдивый историкъ, я не могу скрыть, что новое помпадурство Надежды Петровны далеко не имѣло того кроткаго характера, какъ первое. Напротивъ того, оно ознаменовалось нѣсколькими жестокостями, которыя, по мнѣнію моему, были по малой мѣрѣ без-полезны.

Во-первыхъ, татарскую княгиню Уланбекову немедленно — фюить! и водворили въ городъ Свіяжскѣ, при слияніи рѣки Свіаги съ Волгою.

Во-вторыхъ, полиціймейстера удалили отъ должности, а прочихъ недовольныхъ разослали въ заточеніе.

Въ-третьихъ, помпадурову жену лишили послѣдняго утѣшенія: запретили ѣсть печатные пряники.

Въ-четвертыхъ, съ Бламанжé поступили до того скверно, что даже невозможно сказать...

IV.— „Здравствуй, милая, хорошая моя!“

Кому изъ петербургскихъ обывателей не извѣстенъ Дмитрій Павлычъ Козелковъ? Товарищи и сверстники звали его Митей, Митенькой, Козликомъ и Козленкомъ; старшіе при видѣ его какъ-то особенно благодушно улыбались. Должность у Козелкова была не мудреная: выйти въ двѣнадцать часовъ изъ дому въ департаментъ, тамъ потереться около столовъ и рассказать пару скандалезныхъ анекдотовъ, отъ трехъ до пяти погранить мостовую на Невскомъ, потомъ обѣдать въ долгъ у Дюссо, потомъ въ Михайловскій театръ, потомъ... всюду, куда ни потянетъ Сережу, Сережку, Левушку, Петьку и прочихъ шалуновъ возрождающейся Россіи. Вотъ и все. Козелковъ прожилъ такимъ образомъ съ самаго выхода изъ школы до тридцати лѣтъ и все продолжалъ быть Козленкомъ и Митенькой, несмотря на то, что по чину ужъ глядѣлъ въ превосходительные. Старшіе все такъ же благодушно улыбались при его появленіи, а сверстники подмигивали и на ходу спрашивали: „Что, Козликъ, сегодня хватимъ?“ — „Хватимъ“, отвѣчалъ Козликъ и продолжалъ гравить тротуары на Невскомъ проспектѣ, покуда не наступалъ часъ обѣдать въ долгъ у Дюссо.

Но въ тридцать лѣтъ Козелкова вдругъ обуяла тоска. Пересталъ онъ рассказывать скандальные анекдоты, началъ обижаться даваемыми ему въ носъ щелчками и аккуратнѣе прежняго пустился ловить взоры начальниковъ. Однимъ словомъ, обнаружилъ признаки нѣкоторой гражданственной зрѣлости.

— Митенька! да что съ тобой, милый человѣкъ?—спрашивали его сверстники.

— Mon cher! мнѣ ужъ все надоѣло!!

— Что надоѣло-то?

— Всѣ эти Мальвины... Дюссо... однимъ словомъ, эта жизнь безъ цѣли, въ которой тратятся лучшія наши силы!

— Повтори! повтори! какъ ты это сказалъ?

И т. д., и т. д. Но Козликъ былъ себѣ на умѣ и началъ все чаще и чаще похаживать къ своей тетускѣ, княжнѣ Чепчеулидзевоу-Уланбековой, несмотря на то, что она жила гдѣ-то на Пескахъ и питалась одною кашицей. „Ma tante“ Чепчеулидзева была фрейлиной въ 1778 году, но, по старости, до такой степени перезабыла русскую исторію, что даже однажды, начитавшись анекдотовъ г. Семевского, увѣряла, будто бы она еще маленькую носила на рукахъ блаженныя памяти императрицу Елизавету Петровну.

— Красавица была!—шамкала старая дѣвственница:—и бойкая кака! Однажды призываетъ графа Аракчеева,—или нѣтъ... кто, бишь, Митя при ней Аракчеевымъ-то былъ?

— Le général Munich, ma tante,—отвѣчалъ Митя на удачу.

— Ну, все равно. Призываетъ она его и говоритъ: „графъ Петръ Андреичъ!“...

Но, высказавши эти нѣсколько словъ, старуха уже утомлялась и засыпала. Потомъ, черезъ нѣсколько минутъ, опять просыпалась и начинала рассказывать:

— Вѣдь этотъ Данилычъ-то изъ простыхъ былъ! Ну, да: покойница бабушка рассказывала, что она сама разъ видѣла, какъ онъ къ покойной великой княгинѣ Софьѣ Алексѣевнѣ... А какъ Хованскій-то былъ хорошъ! Покойница царица Тамара сама говорила мнѣ, что однажды на балу у Матрены Балкъ...

Однимъ словомъ, это была старуха безтолковая, къ которой собственно и не стоило бы ѣздить, еслибъ у нея не было друга въ лицѣ князя Оболдуй-Тараканова. Князь былъ камергеромъ въ то же самое время, когда княжна была фрейлиной; годами онъ былъ даже старше ея, но могъ еще съ грѣхомъ пополамъ ходить и называлъ княжну: „ma chère enfant“. Въ то время, когда Козлику исполнилось тридцать лѣтъ, князь еще не совсѣмъ былъ сданъ въ архивъ, и потому, при помощи старыхъ связей, могъ, въ случаѣ надобности, оказать и протекцію.

Однажды вечеромъ, когда старики уже досыта наговорились, Козликъ не безъ волненія приступилъ къ дѣйствительной цѣли своихъ посѣщеній.

— *Ma tante*, — сказала онъ, — я хотѣлъ бы пристроиться.

— Что-жъ, мой другъ, это доброе дѣло! Вотъ еслибъ жива была покойница Машенька Гамильтонъ...

— *Mais comme il l'a traitée, le barbare!* — вставилъ отъ себя слово старикъ-князь.

— *Pardon, ma tante*, я не объ этомъ говорю... Мнѣ хотѣлось бы пристроиться, то-есть мѣсто найти.

— Такъ что-жъ, мой другъ! Я могу объ этомъ государю написать! Козелковы всегда были въ силѣ: это, мой другъ, старинный дворянскій домъ! Однажды, блаженная памяти императрица Анна Леопольдовна...

— *Ma tante, il ne s'agit pas de cela!* нынче ужъ даже со-всѣмъ не тотъ государь царствуетъ, о которомъ вы говорите!

— *Le gamin a raison!* мы съ вами увлеклись, *chère enfant!* — произнесъ князь.

— Я хотѣлъ, *ma tante*, просить васъ, чтобы вы замолвили за меня словечко князю, — опять началъ Козелковъ.

— Для Козелковыхъ, мой другъ, всѣ дороги открыты! Я помню, еще покойный князь Григорій Григорьевичъ говаривалъ...

— Извините меня, *ma tante*: все это было очень давно, а теперь хоть я и Козелковъ, но долженъ хлопотать!

— *Le gamin a raison!* — повторилъ князь.

— Еслибъ вы взяли, князь, на себя трудъ сказать нѣсколько словъ вашему внуку...

— Вамъ, молодой человѣкъ, при дворѣ хочется мѣсто получить?

— Нѣтъ, я хотѣлъ бы въ губернію...

— Гм!.. А въ мое время молодые люди все больше при дворѣ заискивали... Въ мое время молодые люди при дворѣ монимаску танцовали... Вы помните, *chère enfant*?

Однимъ словомъ, съ помощью ли ходатайства стараго князя, или цѣною собственныхъ усилій, но Козелковъ, наконецъ, назначенъ былъ въ Семиозерскую губернію. Извѣстіе это произвело шумную радость въ рядахъ его сверстниковъ.

— Такъ это правда, милый человѣкъ, что тебя въ Семиозерскую губернію назначили? — спрашивалъ одинъ.

— А ну, представь-ка намъ, какъ ты чиновниковъ принимать будешь? — приставалъ другой.

И т. д., и т. д.

А Митенька слушалъ эти привѣтствія и втихомолку старался придать себѣ сколько возможно болѣе степенную фізіономію. Онъ приучилъ себя говорить басомъ, началъ диспутировать объ отвлеченныхъ вопросахъ, каждый день ходилъ по департаментамъ и съ большимъ прилежаніемъ справлялся о томъ, какіе слѣдуетъ имѣть principes въ различныхъ случаяхъ губернской административной дѣятельности.

Черезъ нѣсколько дней онъ появился въ кругу своихъ товарищей уже совершенно обновленный.

— *Mon cher, il faut avoir des principes pour administrer!*— серьёзно убѣждалъ онъ Левушку Погонина.

— Да что жъ ты будешь администировать-то, душка ты этакой?!

— Однако, *mon cher*, согласишься самъ, что есть вопросы, въ которыхъ можно идти и такъ, и этакъ!

— Ну, ты и иди и такъ, и этакъ!

— Я, съ своей стороны, принялъ себѣ за правило: быть справедливымъ — и больше ничего!

Разумѣется, Митенька счелъ священнымъ долгомъ явиться и къ *ma tante*; но при этомъ видъ его уже до того блисталъ красотою, что старуха совсѣмъ не узнала его.

— Господи! да никакъ это камеръ-юнкеръ Монсъ пришелъ!— сказала она и чуть-чуть не отправилась на тотъ свѣтъ отъ страха.

Старикъ князь тоже принялъ его благосклонно и даже почтилъ наставленіемъ.

— Въ наше время, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ,—когда назначали на такіе посты, то назначаемые преимущественно старались о соединеніи общества и потомъ ужъ вникали въ дѣла...

— Я, князь, постараюсь.

— Я вами доволенъ, молодой человѣкъ, но не могу не сказать: прежде всего вы должны выбрать себѣ правителя канцеляріи. Я помню: покойникъ Маркъ Константиновичъ никогда бумагъ не читалъ, но у него былъ правитель канцеляріи... *une célébrité!* Вся губернія знала его *comme un coquin fiéffé...* но дѣла шли отлично!

На семиозерскій міръ назначеніе Козелкова подѣйствовало какимъ-то ошеломляющимъ образомъ. Чиновники спрашивали себя: кто

этотъ Козелковъ? и могли дать отвѣтъ, что это Козелковъ, Дмитрій Павлычъ — и больше ничего. Два совѣтника казенной палаты чуть не поссорились между собою, разсуждая о томъ, будетъ ли Козелковъ дерзокъ на языкъ, или же будетъ „мягко стлать, да жестко спать“. Наконецъ, однакожь, губернской прокуроръ получилъ изъ Петербурга письмо, въ которомъ писалось, что ѣдетъ, дескать, къ вамъ „Козелковъ — малый удивленія достойный“. Прокуроръ до того разозлился на своего корреспондента за такое непростительно-неясное опредѣленіе, что тутъ же разорвалъ его письмо въ клочки.

Но, въ сущности, корреспондентъ былъ правъ, ибо Козелковъ былъ именно „малый удивленія достойный“ — и ничего больше.

Тотъ, кто зналъ Козелкова въ Петербургѣ, — Козелкова, съ мучительнымъ безпокойствомъ размышлявшаго о томъ, что Дюссо во всякую минуту жизни можетъ прекратить ему кредитъ, — тотъ, конечно, изумился бы, встрѣтивши его въ Семиозерскѣ на первыхъ порахъ административной его дѣятельности. Во-первыхъ, тамъ никто не называлъ его ни Митей, ни Митенькой, ни Козликомъ, ни Козленкомъ, а звали всѣ вашествомъ; и только немногіе аристократы позволяли себѣ употреблять въ разговорѣ его имя и отчество; во-вторыхъ, въ его наружности появилась сановитость и какая-то глянцовитая непроходимость; въ-третьихъ, въ головѣ его завелось цѣлое гнѣздо принциповъ.

Тѣмъ не менѣе первое знакомство его съ семиозерской публикой произвело на послѣднюю самое благопріятное впечатлѣніе. Одинъ почтенный старецъ выразился о немъ, что онъ „достолюбезный сынъ церкви“; жена губернскаго предводителя сказала: „ничего, онъ очень милъ, но, кажется, слишкомъ серьезень“; вице-губернаторъ промышчалъ что-то невнятное; градской голова удивился, что онъ „въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, а подиткось!“ Одинъ губернской прокуроръ, какъ человѣкъ желчный, отозвался: „а что это нашъ Дмитрій-то Павлычъ какъ будто на Митьку похожь!“ Однимъ словомъ всѣ, за исключеніемъ прокурора, нашли, что это молодой администраторъ вникательный и, кажется, съ направлениемъ.

Съ своей стороны, Митенька дѣлалъ все, чтобы очаровать семиозерскихъ сановниковъ и расположить общественное мнѣніе въ свою

пользу. Онъ съ каждымъ губернскимъ тузомъ побесѣдовалъ отдѣльно, каждаго разспросилъ о подробностяхъ ввѣренной ему части и каждому любезно присовокупилъ, что онъ долженъ еще учиться, и очень счастливъ, что нашель такихъ опытныхъ и достойныхъ руководителей.

Разумѣется, дѣло началось съ губернскаго предводителя, и, надо сказать правду, это было дѣло самое щекотливое. Предводитель былъ малый суровый и безцеремонный, и на всѣхъ вообще „сатраповъ“ смотрѣлъ безразлично, то-есть какъ на лицъ, мѣшавшихъ дворянству развиваться безпрепятственно. Онъ постоянно былъ въ контрѣ со всѣми губернаторами, и когда ему замѣчали что всѣ эти лица — точно такіе же дворяне, какъ и онъ самъ, онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Чтوبъ дворянинъ пошелъ продавать себя за двугривенный — да это Боже упаси! Значить, вы, сударь, не знаете, что русскій дворянинъ служить своему государю даромъ, что дворянское, сударь, дѣло — не кляузничать, а служить!

Повторяю: это былъ малый суровый и несообразительный. Но за эту-то несообразительность онъ и держался нѣсколько трехлѣтій сряду на своемъ посту, потому что мы, русскіе, очень охотно смѣшиваемъ это качество съ твердостью характера и неподкупностью убѣжденія. Митенька зналъ это качество, и, признаться, немножко-таки потрухивалъ.

— Я надѣюсь, Платонъ Ивановичъ, что вы не оставите меня вашими совѣтами, — началъ онъ.

— Радъ-съ. Только у насъ, вашество, такая чепуха идетъ, что никакъ этого дѣла перемѣнить нельзя... Въ губернскомъ правленіи въ строительной комиссіи — просто денной грабежъ!

— Тсе... такъ вы полагаете?..

— Ничего я не полагаю, а навѣрное говорю, что въ губернскомъ правленіи денной грабежъ. Мнѣ чтѣ! я въ чужія дѣла не вмѣшиваюсь, а сказать — всегда скажу!

— Какая же причина, однакожъ?

— А та и причина, что до вашества у насъ на этомъ мѣстѣ сряду десять фофановъ сидѣло... ну, и насидѣли!

Митеньку нѣсколько покорило.

— Я всѣмъ говорилъ правду, — продолжалъ предводитель: — и вамъ буду правду говорить! Хотите меня слушать — слушайте! не хотите — мнѣ чтѣ за дѣло!

— Я, Платонъ Иванычъ, пріѣхалъ сюда учиться...

— Ну, ужъ гдѣ намъ ученыхъ учить!

— Нѣтъ, увѣрю васъ! Я очень счастливъ, что нахожу такого опытнаго и достойнаго руководителя!

— Очень радъ-съ, очень радъ-съ! Милости просимъ ко мнѣ хлѣба-соли откушать.

— Благодарю васъ. Повторяю вамъ, что я счастливъ, я совершенно счастливъ, встрѣчая такого опытнаго и достойнаго руководителя!

Такимъ образомъ, дѣло сошло съ рукъ благополучно. Съ остальными тузами и чиновниками оно пошло еще лучше. Вице-губернатора Митенька принялъ вмѣстѣ съ прочими членами губернскаго правленія. Всѣ обладали темно-оливковыми фізіономіями, напоминавшими собой изображенія эѳіоповъ. Принимая ихъ, Митенька имѣлъ видъ довольно строгій, потому что ему предстояло сдѣлать внушеніе.

— Господа! правда ли, что до свѣдѣнія моего дошло: будто вы ссоритесь между собою?—спросилъ онъ совершенно серьезно.

Члены злобно взглянули другъ на друга.

— Мы не ссоримся, а по дѣламъ диспуты имѣемъ,—выступилъ впередъ старшій совѣтникъ Штановскій.

— Вотъ изволите, вашество, видѣть!—подстрекнулъ и въ то же время сфискаллилъ вице-губернаторъ.

— Господинъ Штановскій! ваша рѣчь впереди! — замѣтилъ Митенька, слегка возвышая голосъ: — Господа! я желаю, чтобъ у меня этихъ диспутовъ не было!

— Во второмъ томѣ свода законовъ, статья... —заякнулъ-было Штановскій.

— Господинъ Штановскій! я имѣлъ честь замѣтить вамъ, что ваша рѣчь впереди! Господа! Я увѣренъ, что, имѣя такого опытнаго и достойнаго руководителя, какъ Садокъ Сосееновичъ (пожатіе руки вице-губернатору), вы ничего не придумаете лучшаго, какъ слѣдовать его совѣтамъ! Ну-съ, а теперь поговоримъ собственно о дѣлахъ. Въ какомъ, напримѣръ, положеніи у васъ недоимки?

— Тысячъ пятьсотъ, а може и побольше буде, — отозвался на этотъ вопросъ совѣтникъ Валяй-Бурляй.

— Вотъ онъ всегда такъ, вашество, отвѣчаетъ!—опять сфиска-

лил вице-губернаторъ и, обращаясь къ Валяй-Бурляю, прибавилъ: — а вы скажите, сколько поболѣ-то будетъ?

— Самы кажыты!

— Господинъ Валяй-Бурляй! извините меня, но я долженъ сказать, что вы совѣмъ не такъ говорите съ своимъ прямымъ начальникомъ, какъ слѣдуетъ говорить подчиненному! Господа! обращаю ваше вниманіе на недоимки и, въ виду этого предмета, убѣждаю прекратить ваши раздоры! Недоимка—это, такъ сказать, государственнй нервъ... Надѣюсь, что мнѣ больше не придется вамъ это повторять.

Митенька простился и пожелалъ остаться наединѣ съ вице-губернаторомъ. Но когда совѣтники были уже у дверей, онъ что-то вспомнилъ.

— Господинъ Мерзопупіосъ! — сказалъ онъ, клича третьяго совѣтника: — не знаю, правда ли, что до свѣдѣнія моего дошло: будто бы здѣсь собственность совершенно не уважается?

Мерзопупіосъ вильнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Собственность есть священнѣйшее изъ правъ человѣка! — продолжалъ Митя: — и взысканія по безспорнымъ обязательствамъ...

Митенька запнулся, потому что вспомнилъ, что самъ не заплатилъ еще своего долга Дюссо.

— Я надѣюсь, что вы не заставите меня повторять это, — продолжалъ онъ и взглядомъ отпустилъ Мерзопупіоса.

Я не буду описывать дальнѣйшихъ представленій. У управляющаго палатой государственныхъ имуществъ Митенька спросилъ, въ какомъ состояніи находится скотоводство въ губерніи; у предсѣдателя казенной палаты—до какой цифры простирается питейный доходъ, и т. д. Всѣмъ вообще сказалъ, что очень радъ найти въ нихъ достойныхъ и опытныхъ руководителей.

Не могу умолчать и объ разговорѣ съ губернскимъ полковникомъ. Впустивши его въ кабинетъ, Митенька даже счелъ за надобное притворить за нимъ дверь поплотнѣе и вообще, кажется, предположилъ себѣ власть отвести душу бесѣдой съ этимъ сановникомъ.

— Что вы скажете, полковникъ, насчетъ здѣшняго образа мыслей?—спросилъ онъ, значительно понизивши голосъ.

— Образъ мыслей здѣсь самый, вашество, благородный, — отвѣчалъ полковникъ: — и еслибъ только начальство уважило мое хода-

тайство о высылкѣ отставного поручика Шишкина, то смѣло могу сказать...

— Кто этотъ Шишкинъ? — прервалъ Митенька, нѣсколько встревожившись.

— Отставной поручикъ-съ. Вы не можете вообразить себѣ, вашество, чтѣ это за ужаснѣйшій человекъ! Намеднись, можете себѣ представить, ухитрился пролѣзть подъ водою въ женскую купальню!

— И много тамъ дамъ было?

— Въ самый, вашество, разъ попалъ! И представьте, вашество, чтѣ говоритъ въ свое оправданіе: „я, говоритъ, съ купчихой Берендеевой хотѣлъ свиданіе имѣть!“ — Да развѣ вамъ нѣтъ, сударь, другихъ мѣстъ для свиданій? развѣ вы простолоудинъ какой-нибудь, что не можете благороднымъ манеромъ свиданіе получить?

— Однако у него губа не дура, у этого Шишкина!

— Просто, вашество, весь женскій полъ цѣлую недѣлю въ смятеніи былъ.

— Гм... объ этомъ нужно подумать! Ну, а политическаго ничего нѣтъ?

— Политическаго, вашество, рѣшительно ничего въ нашей губерніи нѣтъ.

— А молодые люди есть?

— Есть, вашество, но это именно прекраснѣйшіе молодые люди, изъ которыхъ современемъ образуются прекраснѣйшіе сановники.

— Чтѣ читають?

— „Московскія Вѣдомости“, вашество, но и то — какъ бы сказать? — одно литературное прибавленіе, а не политику.

Собесѣдники на минуту смолкли.

— Знаете ли чтѣ? — первый прервалъ молчаніе Митенька: — я думаю преимущественно обратить вниманіе на общественную безопасность... а?

— Конечно, вашество, это самая главная вещь въ губерніи. Вотъ еслибъ, вашество, Шишкина...

— Потому что — вы меня понимаете? — если общественная безопасность обезпечена, то, значить, и собственность ограждена, и всякимъ удовольствіямъ мирные граждане могутъ предаваться съ полною принужденностью...

— Ужь на чтò же лучше? Только бы, вашество, Шишкина... право, вашество, это не человекъ, а зараза!

— Обь Шишкинѣ, полковникъ, не заботьтесь! Я ручаюсь вамъ, что сдѣлаю изъ него полезнаго члена общества! А еще я полагаю по-смотреть здѣшній гостинный дворъ и установить равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ!

Полковникъ потунулся, потому что не понималъ.

— Я вижу, что это для васъ ново. „Спросъ“ — это вообще... требованіе товара; „предложеніе“ — это... это предложеніе товара же. Понимаете? Теперь, значить, если спросъ великъ, а предложеніе слабо, то цѣна на товаръ возвышается, и бѣдныя отъ этого страдаютъ...

— Это, вашество, будетъ для города такая польза... такое, можно сказать, благодѣяніе...

— Я хочу, чтобъ у меня каждый могъ имѣть все, чтò ему нужно, за самую умѣренную цѣну! — продолжалъ Митенька, и даже самъ выпучилъ глаза, вспомнивъ, что почти такую же штуку вымолвилъ въ свое время Генрихъ IV.

Собесѣдники опять смолели, потому что полковникъ окончательно раскисъ.

— Ну-съ, очень радъ; очень счастливъ, что нахожу такого опытнаго и достойнаго руководителя, — заключилъ Митенька, и разстался съ полковникомъ.

Въ это же утро Митенька посѣтилъ острогъ; ѣлъ тамъ щи съ говядиной и гречневую кашу съ масломъ, выпилъ кружку квасу и велѣлъ покурить въ корридорѣ. Затѣмъ посѣтилъ городскую больницу, ѣлъ габеръ-супъ, молочную кашу и велѣлъ покурить въ палатахъ.

— *A thea chinensis* частенько прописываете? — любезно спросилъ онъ ординатора, который слѣдовалъ за нимъ какъ тѣнь.

Ординаторъ понялъ шутку и улыбнулся.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, — прибавилъ Митенька: — я нахожу, что здѣсь хоть куда! Только, пожалуйста, курите почаще! Я особенно обь этомъ прошу!

Затѣмъ, такъ какъ ужь болѣе не съ кѣмъ было бесѣдовать и нечего осматривать, то Митенька отправился домой и вплоть до обѣда размышлялъ о томъ, какого рода произвелъ онъ впечатлѣніе и не

уронилъ ли какъ-нибудь своего достоинства. Оказалось по повѣркѣ, что онъ, не смотря на свою неопытность, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ отнюдь не хуже, какъ и всѣ вообще подобныя ему помпадуръ: Чебылкины, Зубатовы, Слабомысловы, Бенескрптовы и Фютяевы.

Митенька очень хорошо запомнилъ совѣтъ Оболдуй-Тараканова. Заповѣдаваго ему прежде всего обратить вниманіе на соединеніе общества. Совѣтъ этотъ отлично гармонировалъ съ его собственными сибаритскими наклонностями (*genre Oeil de Boeuf*). „Что такое общество?“ задалъ онъ себѣ вопросъ, и тотчасъ безъ запинки отвѣчалъ, что общество составляютъ *les dames et les messieurs*. „Что нужно, чтобы общество жило въ единеніи?“ — нужно удалить отъ него такіа мысли, которыя могутъ служить поводомъ для раздоровъ и пререканій. Вотъ Мерзопуціосъ и Штановскій засѣли тамъ въ своей мурѣ и грызутся, разбирая по косточкамъ вопросъ о подсудности—это понятно, потому что они именно ничего, кромѣ этой мурьи, и не видятъ; но общество должно жить не такъ; оно должно имѣть идеи легкія. *Les messieurs et les dames* обязаны забывать обо всемъ, кромѣ взаимныхъ другъ къ другу отношеній. Поэтому города, въ которыхъ господствуетъ легкое поведеніе, процвѣтаютъ и отличаются веселостью; города же, въ которыхъ *les messieurs* вносятъ служебныя свои дразги даже въ частную жизнь, отличаются уныніемъ, и *les dames*, вслѣдствіе того, приобрѣтаютъ тамъ скверную привычку ложиться спать вмѣстѣ съ курами.

Во время утреннихъ своихъ слоняній съ визитами по Семиозерску Митенька, какъ знатокъ по части клубнички, не могъ не замѣтить, что городъ обладаетъ въ изобиліи самыми разнообразными „*charmans minois*“, которыя, однакожъ, вслѣдствіе неряшества и домошдства, кажутся заспанными и словно беременными. Въ домахъ онъ замѣтилъ какой-то странный, почти необъяснимый запахъ („чортъ его знаетъ! словно дѣтми или морскими травами пахнетъ!“) и чуть-чуть было не распорядился, чтобы покурили. „А все это оттого, что мастера нѣтъ, который вдохнулъ бы душу въ эти хорошенькія матеріалы... нѣтъ! надо ихъ подтянуть!“

Эта идея до того ему понравилась, что онъ рѣшился провести ее во что бы то ни стало, и для достиженія цѣли дѣйствовать пре-

имуущественно на дамъ. Для начала, обѣдъ у губернскаго предводителя представлялъ прекраснѣйшій случай. Тамъ можно было побесѣдовать и о spectacles de société, и о лотереѣ-аллегри, этихъ двухъ неизмѣнныхъ и неотразимыхъ административныхъ средствахъ сближенія общества.

Въ этихъ видахъ онъ отправился на обѣдъ нѣсколько пораньше („кстати, ужъ и за предводительшей пріударить!“ подумалъ онъ); но оказалось, что на этотъ разъ весь губернскій людъ словно сговорился и собрался ранѣе обыкновеннаго. Оставалось покориться.

Предводительша, пышная брюнетка, взглянула на него довольно пронзительно и указала мѣсто подлѣ себя. Кругомъ тоже сидѣли дамы, въ числѣ которыхъ было нѣсколько дѣйствительно хорошенькихъ.

— Да избавьте вы насъ, Дмитрій Павлычъ, ради Бога, отъ этого разбойника Мухоярова, который за-одно съ губернскимъ правленіемъ по дорогамъ грабитъ! -- совершенно некстати забасилъ хозяинъ.

— Pardon, cher Платонъ Ивановичъ, позвольте мнѣ на этотъ разъ не слушать васъ! Я, конечно, сдѣлаю все, что вамъ угодно будетъ мнѣ приказать, но здѣсь я исключительно въ распоряженіи дамъ,—отвѣчалъ Митенька, очень граціозно помахивая головкой.

Дамы просіяли и инстинктивно оправдали свои платья.

— Бываютъ у васъ здѣсь спектакли?—обратился Митенька къ хозяйкѣ.

— Да... зимою пріѣзжаютъ какіе-то актеры, но мы ихъ никогда не видимъ, отвѣчала хозяйка и опять взглянула на Митеньку.

„Такъ бы я тебя и съѣлъ!“ подумалъ Митенька, пожирая ее глазами, но вслухъ продолжалъ:—Нѣтъ, я, конечно, не объ городскихъ спектакляхъ говорю... Я говорю о такъ-называемыхъ spectacles de société...

Изъ дамъ нѣкоторыя перешепнулись, другія перемигнулись, какъ будто говорили другъ другу: а вотъ, погоди, заставитъ онъ насъ всѣхъ пѣть водевильные куплеты и изображать „рѣзвизихся русалокъ“!

— Нѣтъ, здѣсь этимъ некому было заняться.

— Но вы, Татьяна Михайловна?

— Я?... а почему вы предполагаете, что именно я могу этимъ заняться?

Митенька сконфузился; онъ, конечно, былъ въ состоянїи очень хорошо объяснить, почему онъ такъ думаетъ, но такое объясненіе могло бы обидѣть прочихъ дамъ, изъ которыхъ каждая, безъ сомнѣнїя, мнила себя царицей общества. Поэтому онъ только мялъ въ отвѣтъ губами. Къ счастью, на этой скользкой стезѣ онъ былъ вырученъ вошедшимъ официантомъ, который провозгласилъ, что подано кушать. Татьяна Михайловна подала Митенькѣ руку. Процессія двинулась.

— Давайте вашу руку, но за обѣдомъ вы мнѣ непременно должны объяснить, почему вы считаете, что именно я должна принять на себя устройство спектакля?—полушопотомъ сказала хозяйка дорогой.

— Стѣдуетъ только взглянуть на васъ, чтобы...—началъ Митенька, и не кончилъ.

— А?! — не то насмѣшливо, не то сочувственно произнесла Татьяна Михайловна.

За столомъ разбѣстились попарно, то-есть мужчины въ перемежку съ дамами. Излишекъ мужчинъ (преимущественно старцы, уже совсѣмъ непотребные) сгруппировался на другомъ концѣ стола, поближе къ хозяину.

— Ну-съ, „чтобы“?..—начала опять Татьяна Михайловна, очевидно кокетничая. Она кушала при этомъ супъ съ такою граціей, какъ будто играла ложкой.

— Чтобы убѣдиться, что вы—единственная женщина, которая можетъ привлечь...

— Публику?

— Вы жестоки, Татьяна Михайловна!..

— Вашество! рекомендую вамъ пирожки! у меня для нихъ особенный поваръ есть! въ Новотроицкомъ учился!—приглашалъ съ другого конца хозяйнъ дома.

— Ъмъ-съ, Платонъ Иванычъ; пирожки, дѣйствительно, безподобны!

— Шесть лѣтъ въ ученїи былъ,—продолжалъ хозяйнъ, но Митенька уже не слушалъ его. Онъ дѣлалъ всевозможныя усилїя, чтобъ соблюсти приличіе и заговорить съ своею сосѣдкой по лѣвую сторону; но разговоръ рѣшительно не вязался, хотя и эта сосѣдка была тоже очень и очень увлекательная блондинка. Онъ спрашивалъ

ее, часто ли она гуляетъ, ѣздитъ ли по зимамъ въ Москву, но далѣе этого, такъ сказать, полицейскаго допроса идти не могъ. И мысли, и взоры его невольно обращались къ хорошенькой предводительшѣ.

— Кушайте же пирожки; ихъ шесть лѣтъ учились готовить, — насмѣшливо говорила между тѣмъ хозяйка.

Митенька ободрился.

— Такъ вы согласны будете взять на себя трудъ устроить *spectacle de société*? — спросилъ онъ.

— Да, если вы будете внимательны къ нашимъ дамамъ... *Mesdames!* Дмитрій Павлычъ просить, чтобы вы приняли участіе въ предполагаемомъ имъ спектаклѣ! Но вы и сами непремѣнно должны принять въ немъ участіе, — продолжала она, обращаясь къ Митенькѣ: — вы должны быть нашимъ *premier amoureux*...

— Да, да! непремѣнно! непремѣнно! — вторили дамы.

— Увы! для меня это недоступно! Печальная необходимость... мой постъ... Но я могу, если угодно, быть вашимъ режиссеромъ, *mesdames*, и тогда — прошу меня слушаться! потому что вѣдь я очень строгъ!

— Будто бы строги! — мимоходомъ замѣтила предводительша, взглядывая на него исподлобья.

— Увы!.. боюсь, что нѣтъ!

— Это вы, вашество, ихъ спектакль устроить приглашаете? — вступился опять хозяинъ: — напрасно стараетесь! Эта штука у насъ пробована и перепробована!

— *Mon mari va dire quelque bêtise*, — шепнула предводительша про себя, но такъ, что Митенька слышалъ.

— А чтѣ же? — спросилъ онъ предводителя.

— Да наши барыни, какъ соберутся, такъ и передерутся! — отвѣтилъ хозяинъ, отнюдь не церемонясь.

— *Fi, mon ami*, какія ты вещи говоришь! — обидѣлась супруга его.

— Ну, ужъ извини меня, Татьяна Михайловна! а чтѣ правда, тѣ правда!

— Какія же пьесы мы будемъ играть? — молвила блондинка, сидѣвшая по лѣвую сторону.

— Позвольте... я знаю, напрімѣръ, водевиль... онъ называется:

„Азъ и Фертъ“ ... le titre est bizarre, mesdames, но пьеса, право, очень-очень миленькая! Есть въ ней этакое brio...

— Я однажды въ Москвѣ у князя Сергія Борисыча „Полковника старыхъ временъ“ играла, — пискнула-было вице-губернаторша, но на нее никто не обратилъ вниманія.

— Есть еще, вашество, пьеса: „Несчастія Красавца“, — откликнулся хозяинъ, можетъ быть съ намѣреніемъ, а можетъ быть и безъ намѣренія; но Митенька почувствовалъ, что его въ это время словно ударило чѣмъ въ спину.

— Да, и такая пьеса есть, но, признаюсь, я болѣе люблю живыя картины. Je suis pour les tableaux vivants, moi!

На минуту всѣ смолкли; слышенъ былъ только стукъ ножей и вилокъ.

— Дуракъ родился! — сказалъ хозяинъ.

Всѣ засмѣялись.

— Но, Платонъ Ивановичъ, позвольте вамъ замѣтить, что если всегда въ подобныя минуты долженъ непремѣнно родиться дуракъ, то, такимъ образомъ, ихъ должно бы быть ужъ черезъ-чуръ много на свѣтѣ! — замѣтилъ Митенька.

— А вашество развѣ думали, что ихъ мало?

Митенькѣ сдѣлалось положительно неловко, потому что хозяинъ, очевидно, начиналъ придирааться.

— Mon mari est jaloux! — шеннула опять-таки про себя предводительша, очень мило обгладывая крылышко цыпленка.

Начали подавать шампанское. Начались поздравленія и пожеланія. Предводительша мило чокнулась и сказала: — Je désire que vous nous restiez le plus longtemps possible! — А еще чтò? — процѣдилъ сквозь зубы Митенька. — Nous verrons, — тоже процѣдила хозяйка.

— Вашество! извините! тоста не провозглашаю, а за здоровье ваше выпью съ удовольствіемъ! — говорилъ между тѣмъ предводитель.

„Ишь вѣдь, оболтусъ! и у себя-то не хочетъ почтенія сдѣлать!“ подумалъ Митенька.

— Вотъ у меня письмоводитель въ посреднической комиссіи есть, такъ тотъ мастеръ за обѣдами предики эти говорить, — продолжалъ хозяинъ: — вотъ онъ!

Тутъ только Митенька замѣтилъ, что въ темномъ углу комнаты, около стѣны, былъ накрытъ еще столъ, за которымъ сидѣли какія-то три личности. Одна изъ нихъ встала.

— Я отъ хлѣба-соли никому не отказываю! потому—народъ бѣдный, оборванцы! — ораторствовалъ хозяинъ:—прикажете ему, вашество, привѣтствіе сказать?

— Отчего же... я съ удовольствіемъ!

— Катай, Анпетовъ!

— Ахъ, mon ami, какія у тебя выраженія!

— Ну ужъ, Татьяна Михайловна, не взыщи! каковъ есть, таковъ и есть! Чтò правда, тò правда!

Анпетовъ вышелъ къ серединѣ стола и произнесъ:

„Почтеннѣйшія госпожи и милостивые господа!

„Если солнцу восходящу всякая тварь радуется и всякая птица трепещетъ отъ живительнаго луча его, то значить, что въ самой природѣ Всеблагой Промыселъ установилъ такой законъ, или, лучше сказать, предопредѣленіе, въ силу котораго тварь обязывается о восходящемъ лучѣ радоваться и трепетать, а о заходящемъ печалиться и недоумѣвать.

„Здѣсь вижу я, благородныя слушательницы и почтеннѣйшіе слушатели, собраніе гостей именитыхъ, въ цѣломъ краѣ славныхъ, и между ними нѣкогого, который именно тотъ восходящій солнца лучъ прообразуетъ, о коемъ сказано: онъ еще младъ, но умудренъ знаніями, глава его не убѣлена сѣдинами, но умъ обогащенъ наукой. Не дерзостный и не гордостный, но благостный и душепріятный пришелъ ты къ намъ! Дерзнемъ ли же мы пренебречь тѣмъ закономъ, который сама природа всещедрая вложила въ сердца наши? Дерзнемъ ли печалиться и недоумѣвать въ такія минуты, когда надлежитъ трепетать и радоваться?

„Нѣтъ, не дерзнемъ, но воскликнемъ убо: за здравіе и долгоденствіе его вашества Дмитрія Павловича Козелкова! Ура!“

— Благодарю васъ!—отвѣчалъ Митенька и, обратившись къ дамамъ, прибавилъ:—*mais il a le don de la parole!*

— Приходи ужъ! водки дамъ!—сказалъ хозяинъ.

Наконецъ обѣдъ кончился. Провожая свою даму въ гостиную, Митенька дерзнулъ даже позать ей локоть, и хотя ему не отвѣчали

тѣмъ же, однакоже и мины непріятной не сдѣлали. Митеньку это ободрило.

— Такъ судьба нашихъ спектаклей въ вашихъ рукахъ? — сказалъ онъ.

— Да, я постараюсь... если Платонъ Иванычъ позволить...

— О, мы нападемъ на него всѣмъ обществомъ! Но вы представьте себѣ, какъ это будетъ пріятно! Можно будетъ видѣться... говорить!

Предводительша легонько вздохнула.

— Репетиціи... трепетное мерцаніе лампы... — началъ-было фантазировать Митенька.

— Вашество! милости просимъ въ кабинетъ! господа! милости просимъ! — приглашалъ гостепріимный хозяинъ.

Митенька долженъ былъ покориться печальной необходимости; но онъ утѣшался дорогой, что первый толчокъ соединенію общества уже данъ, и что, кажется, дѣло это, съ Божьею помощью, должно пойти на ладъ.

Былъ уже девятый часъ вечера, когда Митенька возвращался отъ предводителя домой. Дрожки его поровнялись съ ярко-освѣщеннымъ домомъ, сквозь окна котораго Митенька усмотрѣлъ Штановскаго, Валяй-Бурляя и Мерзопуніоса, рѣзавшихся въ преферансъ. На столикѣ у стѣны была поставлена закуска и водка. По комнатѣ шныряли дѣти. Какаля-то дама оливковаго цвѣта сидѣла около Мерзопуніоса и заглядывала въ его карты.

— Чей это домъ? — спросилъ Митенька кучера.

— Совѣтника Мерзопуніоса.

„Га! помирились-таки!“ — подумалъ Митенька: „ну, и здѣсь, съ Божьею помощью, дѣло, кажется, пойдетъ на ладъ!“

Возвратившись домой, Митенька долгое время мечталъ.

„Кажется, что дѣло недурно устраивается, — думалъ онъ: — кажется, что ужъ я успѣлъ дать ему нѣкоторое направленіе!“

Онъ подошелъ къ зеркалу, поставилъ на столъ двѣ свѣчи и посмотрѣлся: — ничего, хорошъ!

— Что же, когда Дюсъ деньги-то посылать будете? — спросилъ старикъ-камердинеръ Гаврило, снимая съ него сапоги. Митенька молчалъ и притворился погруженнымъ въ глубокія соображенія.

— Вѣдь Дюса-то Никиту маркела передъ отъѣздомъ ко мнѣ

присылалъ. „Ты смотри, говорить, какъ у барина первыя деньги будутъ, такъ безпремѣнно чтобы къ намъ посылалъ!“

Митенька все молчалъ.

— Что-жь вы молчите! нешто я у Дюсы-то ѣлъ!

— Молчать, скотина!

— Какъ я могу молчать? Я дѣло завсегда говорить долженъ!

— Цыцъ, каналья!

Митенька легъ спать и видѣлъ во снѣ Дюссо и хорошенькую предводительшу.

V.—„На зарѣ ты ее не буди!“

I.

Къ несчастію для Митеньки, въ Семиозерскѣ случились выборы — и онъ совсѣмъ растерялся. Ужь и безъ того Козелковъ замѣтилъ, что предводитель, для пріобрѣтенія популярности, сталъ грубить ему болѣе обыкновеннаго, а тутъ пошли по городу какія-то шушуканья, стали наѣзжать изъ уѣздовъ и изъ столицъ старыя и молодыя помѣщики; въ квартирѣ извѣстнаго либерала, Коли Собачкина, начались таинственныя совѣщанія; даже самыя, что называется, „сивыя“ — и тѣ собирались по вечерамъ въ клубъ и объ чемъ-то безпорядочно толковали... Дмитрій Павлычъ смотритъ изъ окна своего дома на квартиру Собачкина и, видя, какъ къ крыльцу ея непрерывно подъѣзжаетъ цвѣтъ російскаго либерализма, негодуетъ и волнуется.

— И за что они мнѣ не довѣряютъ! за что они мнѣ не довѣряютъ! — восклицаетъ онъ, обращаясь къ правителю канцеляріи, стоящему поодаль съ портфелью подъ-мышкой.

— Чувствъ, вашество, нѣтъ-съ...

— Если имъ либеральныхъ идей хочется, то надѣюсь...

— Ужь чего же, вашество, больше!

— Потому что хотя я и служу... однако не вижу, что же тутъ... предсудительнаго?

И Дмитрій Павлычъ, съ грустью въ сердцѣ, удаляется къ себѣ въ кабинетъ подписывать бумаги.

— Спустите, пожалуйста, шторы! — обращается онъ къ прави-

телю канцеляріи:—этотъ Собачкинъ... я просто даже квартиры его выносить не могу!

Но и при спущенныхъ шторахъ дѣло спорится плохо. Козелковъ подписываетъ бумаги зря и все подумываетъ о томъ, какъ бы ему „овладѣть движеніемъ“. Планъ за планомъ, одинъ другого безпутнѣе, мѣняются въ его головѣ. То онъ воображаетъ себѣ, что стоитъ передъ рядами и говоритъ: „messieurs! вы видите эти твердыни? хотите, я самъ поведу васъ на нихъ?“—и этою рѣчью приводитъ всѣхъ въ восторгъ; то мнитъ, что задаетъ какой-то чудовищный объѣдъ и, по окончаніи, принимаетъ отъ благодарныхъ гостей обязательство въ томъ, что они никогда ничего противъ него злоумышлять не будутъ, то представляется ему, что онъ, истощивъ всѣ кроткія мѣры, влетаетъ во главѣ эскадрона въ залу...

И видится ему, что, по исполненіи всѣхъ этихъ подвиговъ, онъ мчится по ухабамъ и сугробамъ въ Петербургъ и думаетъ дорогой завѣтную думу...

„Стани...“, шепчетъ эта завѣтная дума, но не дошептываетъ, потому что ухабъ заставляетъ его прикусить языкъ.

„Слава! слава! слава!“ подзвываетъ въ это время колокольчикъ, и экипажъ мчится да мчится себѣ впередъ...

— А знаете ли что?—говоритъ Дмитрій Павлычъ вслухъ правителю канцеляріи:—я полагаю, что это будетъ очень недурно, если я, такъ сказать, овладѣю движеніемъ...

Правитель канцеляріи не понимаетъ, но дѣлаетъ видъ, что понимаетъ.

— „Овладѣть движеніемъ“—это значить: встать во главѣ его, —толкуетъ Козелковъ:—я очень хорошо помню, что когда у насъ, въ Петербургѣ, буянили нигилисты, то я еще тогда сказалъ моему пріятелю, капитану Реброву: что вы смотрите, капитанъ! овладѣйте движеніемъ—и все будетъ кончено!

Дмитрій Павлычъ опять задумался, и опять въ ухахъ его загу- дѣлъ колокольчикъ, позвякивая: „слава! слава! слава!“

— Просто, пойду сейчасъ къ Собачкину, —заговорилъ онъ:—и скажу: „messieurs! за что вы мнѣ не довѣряете? новѣрьте, что хотя я и служу, но чувства мои, messieurs... я полагаю“...

— Это точно-съ, —вернулъ свое слово правитель канцеляріи.

— Потому что, въ сущности, чего они желаютъ? они желаютъ,

чтобъ всё было хорошо? Прекрасно. Теперь спросимъ: чего я желаю? я тоже желаю, чтобъ всё было хорошо! Слѣдовательно, и я, и они желаемъ, въ сущности, одного и того же. Unitibus rebus viges ctesca parvunt! какъ сказалъ нашъ почтеннѣйшій Михаилъ Никифоровичъ въ одной изъ своихъ передовыхъ статей!

Правитель канцеляріи, услышавъ эту неслыханную цитату, чуть не захлебнулся.

— А какъ поступалъ мой предмѣстникъ въ подобныхъ случаяхъ?—спросилъ его Дмитрій Павлычъ.

— Просто-съ. Они, вашество, больше такъ поступали: сначала однихъ позовуть—имъ репримандъ сдѣлають, потомъ другихъ позовуть—и имъ репримандъ сдѣлають. А иногда случалось, что и стравять-съ...

— То-есть, какъ же это—стравять?

— А такъ-съ, однихъ посредствомъ другихъ уничтожали-съ... У нихъ вѣдь, вашество, тоже безобразіе-съ! Начнуть это другъ дружкѣ докладывать: „ты тарелки лизалъ!“ — „анъ ты тарелки лизалъ!“ —и пойдеть-съ! А тѣмъ временемъ и дѣло къ концу подойдетъ-съ... и скрутятъ ихъ въ ту пору живымъ манеромъ!

— Гм... это недурно!—молвилъ Козелковъ и насунилъ брови: —только какъ же это? надобно какой-нибудь предлогъ!

— А вы, вашество, вотъ что-съ. Позовите кого постарше-съ, да и дайте этакъ почувствовать: кабы, молъ, не болтали молодые, такъ никакихъ бы реформъ не было; а потомъ попросите изъ молодыхъ кого, да и имъ тоже внушите: кабы, молъ, не безобразничали старики, не рѣзали бы дѣвкамъ косы, да руками не озорничали, такъ никакихъ бы, молъ, реформъ не было. Они на это пойдуть-съ.

— Вы полагаете?

— Вѣрно-съ. И почнуть они промежду себя считаться... А дня этакъ за два до срока, вашество и напомните, что скоро, дескать, и по домамъ пора... Шары въ руки—и дѣло съ концомъ-съ!

— Гм... это недурно. Благодарю.

Правитель канцеляріи давно уже ушелъ, а Козелковъ все ходитъ по комнатамъ и все о чемъ-то думаетъ, а по временамъ посматриваетъ на окна либерала Собачкина, за которыми видяются курація и закусываюція фигуры.

Предложенная правителемъ канцеляріи программа понравилась

ему. Мало-по-малу онъ до того вошелъ во вкусъ ея, что даже заподозрилъ, что онъ совсѣмъ не Козелковъ, а Меттернихъ. „Что такое дипломатія?“ спрашиваетъ онъ себя по этому случаю, и тутъ же сгоряча отвѣчаетъ: „дипломатія—это, братъ, такое искусство, за которое тебѣ трюховъ надавать могутъ!“ Однако и на этой горестной мысли онъ долго не останавливается, но спѣшить къ другой и, въ концѣ концовъ, даже приходитъ въ восторженность. „Дипломатія, — говоритъ онъ, — это все равно, что тонкая, чуть-чуть примѣтная паутина: паукъ стелеть себѣ да стелеть паутину, а мухи въ нее попадаютъ да попадаютъ—вотъ и „дипломатія“!“

— *A nous deux maintenant!*—воскликнулъ онъ, весело потирая руки и обращаясь къ какому-то воображаемому врагу:—посмотримъ! посмотримъ, *messieurs*, чья дипломатія одержитъ побѣду!

А *messieurs* совсѣмъ и не воображали, что Дмитрій Павлычъ строить противъ нихъ ковы. Они въ это время закусывали, прохаживались по „простычкамъ“, приготовлялись публично „проэкзаменовать“ мировыхъ посредниковъ за ихъ продерзностные поступки и вообще шутили обычныя шутки.

Уже начинали спускаться сумерки и на улицахъ показалось еще больше усиленное движеніе, нежели утромъ. По такъ-называемой Губернаторской улицѣ протянулась цѣлая вереница разнообразнѣйшихъ экипажей; тутъ были и пошевни, запряженные лихими тройками, украшенными лентами и бубенчиками съ малиновымъ звономъ, и простыя городскія сани, и уродливые, нелѣпо-тяжелые возки, и охотницкія сани, везомыя сильными, едва сдерживаемыми рысаками. Въ пошевняхъ блистали наѣзжія львицы, жены мѣстныхъ аристократовъ; охотницкими санями и рысаками щеголяли молодые наѣзжіе львы. По временамъ какая-нибудь тройка выѣзжала изъ ряда и стремглавъ неслась по самой середкѣ улицы, подымая цѣлыя облака снѣжной пыли; за нею въ догонку летѣло нѣсколько охотницкихъ саней, перегоняя другъ друга; слышался смѣхъ и визгъ; нарумяненные морозомъ, молодыя женскія лица суетливо оборачивались назадъ и въ то же время нетерпѣливо понукали кучера; тройка неслась сильнѣе и сильнѣе; догоняющіе сзади наѣзтники приходили въ азартъ и ничего не видѣли. Тутъ былъ и Коля Собачкинъ на своемъ сѣромъ, сильномъ рысакѣ; онъ ѣхалъ о-бокъ съ предводительскими санями и, по-видимому, говорилъ нѣчто очень острое, потому что пикантная пред-

водительша хохотала и грозила ему пальчикомъ; тутъ была и томная мадамъ Первагина, и величественная баронесса фонъ-Цанартцъ, урожденная княжна Абдуль-Рахметова, которой что-то напѣвалъ въ уши Сережа Свайкинъ. Однимъ словомъ, это была цѣлая выставка, на которую губернія прислала лучшіе свои цвѣты, и которая могла бы назваться вполне изящною, если бы не портили общаго впечатлѣнія дѣвицы Лоботрясовы, дѣвицы пожилыя и скаредныя, выѣхавшія на гулянье въ какомъ-то лохматомъ возкѣ, запряженномъ тройкой лохматыхъ же клячь.

Козелковъ смотрѣлъ изъ окошка на эту суматоху и думалъ: „Господи! зачѣмъ я уродился сановникомъ? зачѣмъ я не Сережа Свайкинъ? зачѣмъ я не Собачкинъ?“ Въ эту минуту ему хотѣлось побѣгать. Въ особенности привлекала его великолѣпная баронесса фонъ-Цанартцъ. „Такъ бы я тамъ...“ говорилъ онъ, и не договаривалъ, потому что у него духъ занимался отъ одного воображенія.

И въ самомъ дѣлѣ онъ ничего подобнаго представить себѣ не могъ. Цѣлый букетъ разомъ! букетъ, въ которомъ каждый цвѣтокъ такъ и прыщетъ свѣжестью, такъ и обдаетъ ароматомъ! Сами губернскія дамы понимали это и на все время выборовъ скромно, хотя и не безъ секретнаго негодованія, ступевывались въ сторонку.

Это и понятно, потому что губернскія дамы, за немногими исключеніями, все-таки были не болѣе какъ чиновницы, какія-нибудь предсѣдательши, командирши и совѣтницы, родившіяся и воспитывавшіяся въ четвертыхъ этажахъ петербургскихъ казенныхъ домовъ и только недавно, очень недавно, получившія понятіе о комфортахъ и о томъ, что такое значитъ „ни въ чемъ себѣ не отказывать“. Напротивъ того, наѣзжія барыни представляли собою такъ-называемую „породу“; онѣ являлись свѣжія, окруженыя блескомъ и роскошью; въ рѣчахъ ихъ слышались настоящія слова; ихъ жесты были настоящими жестами; онѣ не жались и не сторонились ни передъ кѣмъ, но бодро смотрѣли всѣмъ въ глаза и были въ губернскомъ городѣ какъ у себя дома. Понятно, что всѣ сердца къ нимъ неслись, и что какой-нибудь Гриша Трясучкинъ, еще вчера очень усердно приударявшій за баталіонной командиршей, вдругъ начиналъ находить ее худосочною, обтрепанною и полинявшею. Понятно, что и Козелковъ сильнѣе, нежели когда-либо, почувствовалъ всю тяжесть, всю тоску своего административнаго одиночества.

Между тѣмъ ужъ совсѣмъ стемнѣло; улица вдругъ опустѣла, во всѣхъ окнахъ замелькали огни. Козелкову представилось, что въ этихъ домахъ теперь обѣдаютъ; что тамъ шумнымъ потокомъ летаетъ бесѣда, что тамъ кто-нибудь что-нибудь нашептываетъ, и кто-нибудь эти нашептыванья выслушиваетъ...

Въ столовой его уже ожидалъ чиновникъ особыхъ порученій, французикъ Фавори, котораго Козелковъ опредѣлилъ на эту должность собственно за то, что онъ былъ ужъ очень вертлявъ и казался готовымъ на всевозможныя услуги.

Французикъ Фавори какъ-то замалодушничалъ всѣми оконечностями, какъ только на порогѣ столовой появилась фигура Козелкова. Онъ сразу догадался, что начальство пасмурно и что нужно его развеселить.

— А я намѣреваюсь дать вамъ дипломатическое порученіе, Фавори!—молвилъ Митенька, принимаясь за супъ.

Фавори весь превратился въ преданность; тѣло его словно пополамъ распалось: верхняя часть выдалась впередъ и застыла въ неподвижности, нижняя—отпятилась назадъ и судорожно виляла. Фавори былъ убѣжденъ, что Козелковъ пошлетъ его узнать о здоровьи Марьи Петровны, и потому ухмыльнулся всѣмъ своимъ поганымъ лицомъ.

— Нѣтъ, не то!—сказалъ Козелковъ, какъ бы отгадывая его мысли:—порученіе, которое я намѣренъ на васъ возложить, весьма серьезно.—Митенька выговорилъ эти слова очень строго; но, должно быть, важный видъ былъ не къ лицу ему, потому что лакей Степанъ, принимавшій въ эту минуту тарелку у Фавори, не выдержалъ и поспѣшилъ поскорѣе уйти.

— Дѣло въ томъ,—продолжалъ Козелковъ,—что я нахожусь въ величайшемъ затрудненіи. Теперь у меня здѣсь цѣлое скопище, а я рѣшительно ничего не знаю, что у нихъ дѣлается. Никто мнѣ не докладываетъ.

— Вашество...

— Я поручаю вамъ каждодневно докладывать мнѣ обо всемъ! Вы должны знать обо всемъ! Вы должны проникать всюду! Вы должны быть вездѣ—и нигдѣ!

Козелковъ до того разревновался, что даже жестами показывалъ Фавори, какъ онъ долженъ быть вездѣ и нигдѣ.

— Повѣрьте, вашество...

— Знаю. Вы должны будете говорить старикамъ: „это все молодые своей болтовней надѣлали!“ Съ другой стороны, молодымъ людямъ должно внушать, что все произошло благодаря безобразію стариковъ. Однимъ словомъ, вы обязаны употребить все усилія, чтобы поселить спасительное междоусобіе!

Козелковъ остановился и зорко посмотрѣлъ на своего собесѣдника, какъ бы желая узнать, готовъ ли онъ. Но Фавори былъ готовъ, такъ сказать, отъ самаго рожденія, и потому неудивительно, что Митенька остался доволенъ своимъ осмотромъ.

— Я долженъ раскрыть передъ вами свои виды вполне, — сказалъ онъ. — Я долженъ сказать вамъ, что смотрю на администрацію преимущественно и *даже исключительно* съ дипломатической точки зрѣнія. По моему мнѣнію, администрація есть борьба, а наука не показываетъ ли намъ, что борьба безъ дипломаціи немыслима?

Сказавши это, Дмитрій Павлычъ самъ разинулъ ротъ отъ удивленія. Фавори внималъ и благоговѣлъ.

— Исходя изъ этого принципа, я нахожу, что мы, администраторы, должны преимущественно и *даже исключительно* заботиться о томъ, чтобы выиграть время. Объясню вамъ это примѣромъ...

Козелковъ задумался: какой отыскать примѣръ? Но примѣра на этотъ разъ не отыскалось.

— Все равно, вы меня понимаете. Но, выигрывая время, мы достигаемъ разомъ двухъ результатовъ: во-первыхъ, мы отклоняемъ то, что своею преждевременностью могло бы, такъ сказать, возмутить обычное гармоническое теченіе жизни; во-вторыхъ...

Козелковъ опять задумался, ибо второй результатъ рѣшительно не приходилъ ему въ голову. Онъ зналъ, что всякая вещь непременно должна имѣть два и даже три результата, и сгоряча сболтнулъ это, но теперь долженъ былъ убѣдиться, что есть въ мірѣ вещи, которыя могутъ имѣть только одинъ, а даже, пожалуй, и вовсе не имѣть ни одного результата.

— Исполню, вашество! — возразилъ Фавори, чтобы вывести изъ затрудненія обожаемаго начальника.

— Я надѣюсь на вашу расторопность, а главное, на вашу преданность. Помните, Фавори, что я не умѣю быть неблагодарнымъ.

Сказавши это, Митенька всталъ изъ-за стола, а Фавори поспѣ-

шилъ отправиться для исполненія возложеннаго порученія. Козелковъ опять взглянулъ на окна либерала Собачкина и увидѣлъ, что въ квартирѣ его темно.

„Гдѣ-то они каверзы свои теперь сочиняютъ?“ невольно шевельнулось въ его головѣ.

II.

А въ городѣ между тѣмъ происходили толкотня и суета невообразимая. Не только гостиницы, но и постоянные дворы были биткомъ набиты; владѣльцы домовъ и квартиранты очищали лучшія комнаты своихъ квартиръ и отдавали ихъ подъ постой, а сами на время кое-какъ размѣщались на заднихъ половинахъ, чуть-чуть не въ чуланахъ. Цѣлые обозы мелкопомѣстныхъ дворянъ ежедневно прибывали въ городъ и удивляли обывателей своими новенькими полушубками и затѣйливыми мѣховыми шапками. Предводитель только пыхтѣлъ и отдувался, потому что весь этотъ людъ ему надобно было размѣстить, обогрѣть и накормить. Мелкопомѣстные понимали, что въ нихъ имѣется нужда, знали, что случаи такого рода повторяются не часто (разъ въ три года), и спѣшили воспользоваться своими правами широкою рукой. На улицахъ все чаще и чаще встрѣчался тотъ крѣпкій, сельскимъ хлѣбомъ выкормленный народъ, привидѣ котораго у замореннаго городского жителя уходитъ душа въ пятки. Румяныя щеки, жирные кадыки, круглые и обширные затылки, диковинныя шапки — вотъ спектакль, который представляли городскія улицы съ утра до вечера. Въ клубѣ шло почти-что столпотвореніе.

Предводитель пыхтитъ и отдувается. Выборы положительно живого его обжигаютъ. „Вы, батюшка, то сообразите, — жалѣючи объясняетъ мелкопомѣстный Сила Терентьичъ: — что у него каждый день, по крайности, сотни полторы человѣкъ перебиваются — ну, хоть по двѣ рюмки на cadaго: сколько одного этого винаща вылакаютъ!“ И точно, въ предводительскомъ домѣ съ самаго утра, что называется, труба нетолченная. Туда всякій идетъ какъ въ трактиръ, всякій не только ѣсть и пить, но требуетъ, чтобы его обласкали. Каждый день предводитель устраиваетъ у себя обѣды на 40—50 персонъ и угощаетъ „влиятельныхъ“; но этого мало: онъ не смѣетъ забыть и про такъ-называемую мелюзгу. Онъ шутитъ съ ними, называетъ ихъ Иванычами; онъ пожимаетъ имъ руки и влиятельнѣйшимъ изъ нихъ

посылаетъ даже бламанже („Татьяна Михайловна кланяться приказали и велѣли доложить, что сами на тарелку накладывать изволили“). Одна мысль денно и ночью преслѣдуетъ его: „а ну, какъ прокатятъ на воронныхъ!“

Супруга Платона Иваныча очень усердно ему содѣйствуетъ. Она устраиваетъ спектакли и лотереи въ пользу дѣтей бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ, хлопочетъ о стипендіяхъ въ мѣстной гимназіи и въ то же время успѣваетъ бросать обворожающіе взгляды на молодыхъ семиозерскихъ аристократовъ и не прочь пококетничать съ старымъ графомъ Козельскимъ, который уже три трехлѣтія сряду безуспѣшно добивается чести быть представителемъ „интересовъ земства“ и, какъ достовѣрно извѣстно, не отказывается отъ этого домогательства и теперь. Митенька забытъ и заброшенъ; его не приглашаютъ даже распоряжаться на ренетиціяхъ, чтобы не дать ни малѣйшаго повода подумать, что между „земствомъ“ и „бюрократіей“ существуетъ какая-нибудь связь. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ усилія предводителя достигнуть единодушія, общество видимо раздѣлилось на партіи. Главныхъ партій, по обыкновенію, двѣ: партія „консерваторовъ“ и партія „красныхъ“. Въ первой господствуютъ старцы и тѣ молодые люди, о которыхъ говорятъ, что они со старыми стары, а съ молодыми молоды; во второй бушуетъ молодѣжь, къ которой пристало нѣсколько живчиковъ изъ стариковъ. „Консерваторы“ говорятъ: шествуй впередъ, но по временамъ мужайся и отдыхай! „Красные“ возражаютъ: отдыхай, но по временамъ мужайся и шествуй впередъ! Разногласіе, очевидно, не весьма глубокое, и дѣло, конечно, разъяснилось бы само собой, еслибъ не мѣшали тѣ внутреннія развѣтвленія, на которыя подраздѣлялась каждая партія въ особенности и которыя значительно затемняли вопросъ о шествованіи впередъ.

Такихъ развѣтвленій было очень много. „Консерваторы“ насчитывали ихъ три. Была, прежде всего, партія „маркизовъ“, во главѣ которой стоялъ графъ Козельскій и которая утверждала, что главное достоинство предводителя должно состоять въ томъ, чтобы онъ обладалъ „грасами“. Самъ графъ былъ ветхій старикашка, почти совершенно выжившій изъ ума, но съ помощью парика, вставныхъ зубовъ и корсета казался еще молодцомъ: онъ очень мило сюсюкалъ, называлъ семиозерскихъ красавицъ „belles dames“ и любилъ играть маркизовъ на домашнихъ спектакляхъ. Партія эта была малочисленна,

и сколько ни старался графъ попасть въ предводители, но успѣха не имѣлъ, и, вмѣсто предводительства, всякій разъ былъ избираемъ въ попечители губернской гимназіи. Другая партія (партія „крѣпко-головыхъ“), во главѣ которой стоялъ Платонъ Иванычъ, утверждала, что для предводителя нужно только одно: чтобъ онъ шелъ неуклонно. Сторонники ея были многочисленны и славились дикою непреклонностью убѣжденій, вмѣстимостью желудковъ, исполинскими размѣрами затылковъ, необычайною громадностью кулаковъ и способностью производить всякаго рода шумныя манифестаціи, т.-е. подносить шары на блюдѣ, кричать „ура!“ и зыкомъ наводить трепеть на противниковъ. Самые отважные люди другихъ партій приходили въ смущеніе передъ свирѣпыми взглядами этихъ допотопныхъ, и въ собраніяхъ они всегда безъ труда овладѣвали всякимъ дѣломъ. Платонъ Иванычъ зналъ это, и потому ревниво слѣдилъ, чтобъ никто другой, кромѣ его, не присвоилъ права прикармливать этихъ новыхъ эѳіоповъ. Наконецъ, третья партія называлась партіей „дикихъ“, и также была довольно многочисленна. Члены ея были люди безъ всякихъ убѣжденій, пріѣзжали на выборы съ тѣмъ, чтобы попить и поѣсть на чужой счетъ, цѣлые дни шатались по трактирамъ и удивляли половыхъ силою клапштосовъ и умѣньемъ съ трескомъ всадить желтаго въ среднюю лузу. Многіе изъ нихъ были женаты и обладали многочисленными семействами, но всѣ сплошь смотрѣли холостыми, дома почти не жили, никогда путнымъ образомъ не обѣдали, а все словно перехватывали на скорую руку. Къ общественнымъ дѣламъ они были холодны и шары всегда и всѣмъ клали направо. Что касается до партіи „красныхъ“, то и она раздѣлялась на три отдѣла: на такъ-называемыхъ „стригуновъ“, на такъ-называемыхъ „скворцовъ“ и на такъ-называемыхъ „плакесъ или канюкъ“. Къ „стригунамъ“ принадлежали сливки семиозерской молодѣжи, люди съ самовѣйшими убѣжденіями и наилучшимъ образомъ одѣтые. „Стригуны“ мечтали о возрожденіи, и въ этихъ видахъ очень много толковали о *principes*. На Россію они взирали съ сострадательнымъ сожалѣніемъ, а въ крестьянской реформѣ, подобно г. Н. Безобразову, видѣли „попытку... прекрасную“, но въ то же время утверждали, что еслибъ отъ нихъ зависѣло, то, конечно, дѣло устроилось бы гораздо прочтѣе. „Скворцы“ собственныхъ убѣжденій не имѣли, но удачно передразнивали „стригуновъ“, около которыхъ преимущественно и терлись. Это

были веселые и совершенно пустые малые, которые выходили из себя только тогда, когда ихъ называли „скворушками“. Они сразу полюбили Козелкова, и Козелковъ тоже полюбилъ ихъ сразу, и, конечно, между ними непремѣнно установилось бы *entente cordiale*, еслибъ политическія теоріи „стригуновъ“ о самоуправленіи, о прерогативахъ земства и бюрократическомъ невмѣшательствѣ не держали „скворцовъ“ въ постоянномъ страхѣ. „Это бюрократъ!“ — говорили „скворушки“, съ нѣкоторымъ смущеніемъ указывая на Митеньку... Что же касается до „плаксъ или канюкъ“, то партія эта была немногочисленна и почти исключительно состояла изъ мировыхъ посредниковъ.

Таковы были эти „великія партіи“, лицомъ къ лицу съ которыми очутился Дмитрій Павлычъ Козелковъ. Мудрено ли, что, съ непривычки, онъ почувствовалъ себя въ этомъ обществѣ и маленькимъ, и слабенькимъ.

Тѣмъ не менѣе онъ все-таки рѣшился попытать счастья и съ этою цѣлью отправился вечеромъ въ клубъ.

Въ клубѣ преимущественно собирались консерваторы и лишь тѣ немногіе изъ „скворцовъ“, которымъ ужъ рѣшительно некуда было дѣваться. „Маркизы“ собирались въ такъ-называемой „уборной“, бесѣдовали о „грасахъ“, рассказывали скоромные анекдоты и играли въ лото. „Крѣпкоголовые“ занимали центръ, играли въ карты, шевелили усами и прерывали угрюмое молчаніе для того только, чтобы цапнуть водки. „Дивіе“ толпились въ билліардной; „скворцы“ порхали во всѣхъ комнатахъ понемножку, но всего болѣе въ „уборной“, ибо не только чувствовали естественное влеченіе къ „маркизамъ“, но даже навѣрное знали, что сами современемъ ими сдѣлаются.

Козелковъ вошелъ въ уборную. „Скворцы“, будучи внѣ надзора „стригуновъ“, такъ со всѣхъ сторонъ и облѣпили его („однакожь, я любимъ!“ съ чувствомъ подумалъ Митенька). „Маркизы“ толковали о какой-то Марьѣ Петровнѣ, о какомъ-то родимомъ пятнышкѣ, — толковали, вздыхали и хихикали.

— А! вашество! — привѣтствовалъ его графъ: — а я сейчасъ рассказывалъ à ces messieurs про нашу бывшую предводительшу! Представьте себѣ...

Козелковъ сочувственно хихикнулъ въ отвѣтъ. Маркизы и скворцы облизнулись.

— *Le bon vieux temps!* — вздохнул графъ: — тогда, вашество, старшихъ уважали! — внезапно прибавилъ онъ, многозначительно и строго посмотрѣвъ на „скворцовъ“ и даже на самого Дмитрія Павлыча.

Козелковъ нѣсколько застыдился; ему и самому словно совѣстно сдѣлалось, что онъ какимъ-то чудомъ попалъ въ „сановники“. Онъ уже хотѣлъ и съ своей стороны сказать нѣсколько острыхъ словъ насчетъ непочтительности и опрометчивости нынѣшняго молодого поколѣнія, хотѣлъ даже молвить, что это „отъ ихъ, именно отъ ихъ болтовни все и дѣло пошло“, но убоился „скворцовъ“, которые такъ и кружились, такъ и лепетали около него. Поэтому онъ вознамѣрился благообразно пройти по середочкѣ.

— Я полагаю, графъ, что это только недоразумѣніе, — сказалъ онъ: — и я, конечно... употребляю зависящія отъ меня мѣры...

Онъ не кончилъ и, по привычкѣ, самъ разинулъ ротъ, услышавши свое собственное изреченіе. „Маркизы“ тоже выпучили на него глаза, какъ бы спрашивая, чтѣ онъ вознамѣрился надъ ними учинить.

— Но каковъ у васъ посредникъ, графъ? — спросилъ Козелковъ, чтобы прекратить общее изумленіе.

Графа даже передернуло всего.

— Позвольте мнѣ, вашество, не отвѣчать на этотъ вопросъ, — сказалъ онъ, величественно выпрямляясь и строго озирая Митеньку.

— Но отчего же, графъ?

— А оттого-съ, что есть вещи, объ которыхъ въ обществѣ благовоспитанныхъ людей говорить нельзя-съ, — продолжалъ графъ, и потомъ, къ великому изумленію Козелкова, прибавилъ: — я, вашество, маркиза въ „*Le jeu du hasard et de l'amour*“ игралъ!

— Я самъ, графъ, игралъ нѣкогда въ „*Le secrétaire et le cuisinier*“. — съ гордостью отвѣтилъ Митенька.

— Да, Скрибъ тоже имѣетъ свои достоинства, но все это не Маривѣ? Замѣьте, вашество, что въ насъ эта грація почти врожденная была. А какъ я лакея представлялъ! Покойница Лизавета Степановна (она „маркизу“ играла) просто въ себя придти не могла.

Графъ поникъ головой на минуту и потомъ, махнувъ рукою, прибавилъ:

— А теперь у насъ даже въ предводители какихъ-то жокрисовъ выбираютъ!..

— Богъ дастъ. любезный графъ, дворянство откроетъ глаза, и твои достоинства будутъ оцѣнены!—прошамкалъ одинъ изъ „маркизовъ“.

-- Не вѣрю!

— Но не можетъ же быть, чтобъ передовое сословіе...

— Не вѣрю!

— Я, графъ, съ своей стороны, готовъ... — шепнулъ-было Митенька, но тотчасъ же и умолкъ, потому что графъ окинулъ его величественнымъ взоромъ съ ногъ до головы.

— Мы, вашество, не понимаемъ другъ друга; я о содѣйствіи не прошу!—холодно сказалъ онъ и уѣлся за лото.

Козелкову оставалось только покраснѣть и удалиться.

— Бюрократъ! — прошипѣлъ ему вслѣдъ одинъ изъ „маркизовъ“.

Черезъ минуту стукъ кресель, шарканье ногъ и смѣшанный гулъ голосовъ извѣстили „маркизовъ“, что Козелкова привѣтствуютъ „крѣпкоголовые“.

Между „крѣпкоголовыми“ самыми замѣтными личностями были Созонтъ Потопычъ Праведный и Яковъ Филиппычъ Гремикинъ. Праведный происходилъ изъ приказныхъ; это былъ мозглявый старичишка, весь словно извѣденный жолчью, весь сведенный непрерывною судорогой, которая, какъ молнія въ грозныхъ облакахъ, такъ и виляла во всемъ его брэнномъ тѣлѣ. Но репутацію этотъ человѣкъ имѣлъ ужаснѣйшую. Говорили, что во время процвѣтанія крѣпостного права у него былъ цѣлый гаремъ; говорили, что онъ по ночамъ ходилъ къ своимъ крестьянамъ съ обыскомъ, и что ни одинъ мужикъ не могъ укрыть ничего цѣннаго отъ зоркаго его глаза. Весь околотокъ трепеталъ его; крестьяне, не только его собственные, но и чужіе, блѣднѣли при одномъ его имени; даже помѣщики — и тѣ пожимались, когда зходила объ немъ рѣчь. Пять губернаторовъ сряду порывались „упечь“ его, и ни одинъ ничего не могъ сдѣлать, потому что Праведнаго защищала цѣлая неприступная стѣна, состоявшая изъ тѣхъ самыхъ людей, которые, будучи въ своемъ кругу, гадливо прижимались при его имени. За то, какъ только пронеслась въ воздухъ вѣсть о скорой кончинѣ крѣпостного права, Праведный, не мѣшая много, заколотилъ свой господскій домъ, распустилъ гаремъ и уѣхалъ навсегда изъ деревни въ городъ. Здѣсь онъ занялся

въ обширныхъ размѣрахъ ростовщичествомъ, ежедневно посѣщаль клубъ, но въ карты не играль, а поджидаль, не угостить ли его кто-нибудь изъ должниковъ чаемъ. Въ партіи „крѣпкоголовыхъ“ онъ представляль начало письменности и ехидства; говорилъ плавно, мягко, словно змѣй ползъ; голосъ имѣль дѣтскій; когда злился, то злобу свою обнаруживаль чѣмъ-то въ родѣ хныканья, отъ котораго вчужѣ морозъ подираль по кожѣ. Словомъ сказать, это былъ человекъ мысли. Напротивъ того, Гремикинъ былъ человекъ дѣла. Здоровенный, высокій, широкій въ кости и одаренный пространномъ и жирнымъ затылкомъ, онъ рыкомъ своимъ поражаль, какъ Юпитеръ громомъ. Онъ былъ не рѣчиствъ и даже угрюмъ; враги даже говорили что онъ, въ то же время, былъ глупъ и золь, но, разумѣется, говорили это по секрету и шопотомъ, потому что Гремикинъ шутить не любилъ. Употребляль онъ преимущественно для производства скандаловъ, и въ особенности былъ прелестень, когда, заложивъ одну руку за жилетъ, а другою слегка подбоченившись, молча становилъ передъ какимъ-нибудь крикливымъ господиномъ и взорами своихъ оловянныхъ глазъ какъ бы приглашалъ его продолжать разговоръ. „Крѣпкоголовые“ хихикали и надрывали животины, видя, какъ крикливый господинъ (особливо, если онъ былъ изъ новичковъ) вдругъ прикусываль язычокъ и превращалъ изъ гордаго пѣтуха въ мокрую курицу. „Стригуны“, „скворцы“ и „плаксы“ ненавидѣли и боялись его; Козельковъ тоже провидѣль въ немъ что-то таинственное, и потому всячески его избѣгалъ. И его тоже трепетали мужики, и свои, и чужіе; но онъ и не подумаль бѣжать изъ деревни, когда крѣпостное право было уничтожено, а, напротивъ, очень спокойно и въ краткихъ словахъ объявилъ, что „другіе какъ хотятъ, а у меня будетъ по прежнему“. И до него тоже добирались пять губернаторовъ, но тоже ничего не доспѣли, потому что Гремикинъ сразу отучилъ полицію ѣздить въ свое имѣніе. „Нѣтъ тебѣ ко мнѣ въѣзду“, сказалъ онъ исправнику, и исправникъ поняль, что въѣзду дѣйствительно нѣтъ и не можетъ быть. Два раза онъ былъ присужденъ на покаяніе въ монастырь за нечаянное смертоубійство, но оба раза приговоръ остался неисполненнымъ, потому что полиція даже не пыталась, а просто наизусть доносила, что „отставной корнетъ Яковъ Филипповъ Гремикинъ находится въ тягчайшей болѣзни“. Когда онъ играль въ преферансъ, то никто ему вистовать не отваживался,

какую бы сумасшедшую игру онъ ни объявилъ. Понятно, что для „крѣпкоголовыхъ“ такой человѣкъ былъ сущій кладъ и что они ревниво окружали его всевозможными предупредительностями.

Козелковъ очень любезно поздоровался съ Праведнымъ и боязливо взглянулъ на Гремикина, который, въ свою очередь, бросилъ на него исподлобья воспаленный взоръ. Онъ угрюмо объявилъ десять безъ козырей.

— Ну-съ, какъ дѣла въ собраніи, почтеннѣйшій Созонтъ Потапычъ? — любезно спросилъ Козелковъ.

— Посредниковъ, вашество, экзаменуемъ, — отвѣчалъ Праведный своимъ дѣтскимъ голосомъ, и такъ веселенько хихикнулъ, что Дмитрій Павлычъ ощутилъ, какъ будто наступилъ на что-то очень противное и ослизлое.

— Десять безъ козырей, — снова объявилъ Гремикинъ.

— Однако, мой приходъ, кажется, счастье вамъ принесъ, Яковъ Филиппычъ? — подольстился Козелковъ.

— Я иногда... всегда!.. — отвѣчалъ колоссъ, даже не поворачивая головы: — скорѣе такимъ манеромъ ремизы списываются...

— Съ Яковомъ Филиппычемъ это, вашество, бываетъ-съ, — вступился одинъ изъ партнеровъ, очевидно смущенный: — а нуте, я повнестую!

— Не совѣтую! — мрачно цыркнулъ колоссъ и тутъ же смѣшала карты.

— Такъ вы говорите, Созонтъ Потапычъ, что у васъ посредники... — обратился Козелковъ къ Праведному, чтобъ разсѣять овладѣвшее имъ смущеніе.

— Изъ поджигателей-съ! — кротко молвилъ Праведный и хныкнулъ.

— Скажите, однако!

— Всѣхъ на одну осину! — сквозь зубы произнесъ Гремикинъ.

— Прозкзаменуемъ-съ, — еще кротче продолжалъ Праведный.

— На осину — и баста! и экзаменовать нечего!

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же-съ! По формѣ, Яковъ Филиппычъ, по формѣ-съ все сдѣлаемъ-съ... Позовемъ этакъ къ столу-съ, и каждый свою лепту-съ...

— Но скажите, пожалуйста... можетъ быть, я... Еслибъ вамъ угодно было сообщить мнѣ ваши соображенія... я могъ бы...

— Нѣтъ-съ, вашество, этакъ-то лучше-съ... Вотъ мы ихъ ужъ позовемъ-съ, кроткимъ манеромъ побесѣдуемъ-съ, а потомъ и попросимъ-съ...

— Но ежели они не согласятся?

Праведный опять хныкнулъ.

— Ну, ужъ объ этомъ спросите, вашество, у Якова Филиппыча!—молвилъ онъ какъ-то особенно мягко.

Козелковъ взглянулъ на Гремикина и увидѣлъ, что тотъ уже смотреть на него во всю ширину своихъ воспаленныхъ глазъ.

— Мы, вашество, „доходить“ не любимъ!—продолжалъ между тѣмъ Праведный: потому что судиться, вашество, еще не всякій дарованіе это имѣеть! пожалуй, вашество, еще доказательствъ потребуете, а какія же тутъ доказательства представить можно-съ?

— Повѣрьте, noctenнѣйшій Созонтъ Потапычъ, что я всегда готовъ!—горячо вступился Козелковъ:—я просто по одному слову благороднаго человѣка...

— Знаемъ, вашество! и видимъ это! Это точно, что у вашества чувства самыя благородныя...

— Слѣдовательно, отчего жъ вамъ не обратиться ко мнѣ? Обратитесь съ полною откровенностью, довѣрьтесь мнѣ... откройтесь, наконецъ, передо мной!—затолковалъ Дмитрій Павлычъ, и въ самомъ дѣлѣ ощутилъ, что и въ груди его дѣлается какъ будто приливъ родительскихъ чувствъ.

— Дождидайся! — прошипѣлъ Гремикинъ, но такъ ясно, что шипъ его проникнулъ во всѣ углы комнаты.

— Нѣтъ-съ ужъ, вашество, зачѣмъ вамъ беспокоиться! мы это сами-съ... сперва одинъ къ нему подойдетъ, потомъ другой подойдетъ, потомъ третій-съ... и все, знаете, въ лицо-съ!..

— „Поджаривать“ это, по нашему, называется, — отозвался изъ угла чей-то голосъ.

— Это такъ-съ, это точно-съ. Потому онъ тутъ, вашество, словно вьюнъ живой на сковородкѣ: и на одинъ бокъ прыгнетъ, и на другой бокъ перевернется—и вездѣ жарко-съ!

Праведный вздохнулъ и умолкъ; прочіе присутствующіе тоже молчали. Гремикинъ смотрѣлъ на Козелкова такъ пристально, что послѣднему сдѣлалось совсѣмъ неловко.

— А нельзя ли, голубчикъ, стаканчикъ чайку мнѣ?— обратился Праведный къ лакею:— да жиденъкаго мнѣ, миленькій, жиденъкаго!

Митенька вздрогнулъ при звукахъ этого голоса; ему серьезно померещилось, что кто-то словно высасываетъ изъ него кровь. Снова водворилось молчаніе: только карты хляскали по столамъ, да по временамъ раздавались восклицанія игроковъ: „пасъ!“ — „а ну, гдѣ наше не пропадало!“ и т. д., или краткіе разговоры въ родѣ слѣдующихъ:

— Опять-таки ты, Семенъ Ивановичъ, характеръ не выдержалъ! вѣдь тебѣ говорено было, что сдавать тебѣ не позволимъ!

— Клянусь...

— Нечего „клянусь“! самъ своими глазами видѣлъ! Король-то бубень кому слѣдовалъ? мнѣ слѣдовалъ! а къ кому онъ попалъ? къ кому онъ попалъ?

— Да чтѣ съ нимъ толковать! Сдавайте за него, Терентій Петровичъ, да и все тутъ!

— Нѣтъ, братъ! играть съ тобой еще можно, но позволять тебѣ карты сдавать—ни-ни! и не проси впередъ!

Или:

— Ужъ я, братъ, ему рожу-то салилъ, салилъ, такъ онъ даже обалдѣлъ подъ конецъ!

— Неужто?

— Право, глядить это во всѣ глаза и не понимаетъ, ни гдѣ онъ, ни чтѣ съ нимъ... только перевертывается!

— Ха-ха-ха!

Козелковъ потихоньку всталъ съ своего мѣста и направилъ шаги въ билліардную.

— Бюрократъ! —пустилъ ему вслѣдъ Гремикинъ.

„Отчего они меня такъ называютъ? отчего они не хотятъ мнѣ довѣриться?“ мучительно подумалъ Козелковъ, услышавъ долетѣвшее до него восклицаніе.

Но въ билліардной происходила цѣлая исторія.

— Кто смѣетъ Олимпіаду Фавстовну здѣсь упоминать? — гремѣлъ чей-то голосъ.

— Да ужъ это такъ! была бы здѣсь Олимпіада Фавстовна, она бы не позволила тебѣ рыло-то мочить!—отвѣчала другой, не менѣе рѣшительный голосъ.

— Какъ ты смѣлъ самое имя моей жены въ этомъ кабацѣ проносить? — настаивалъ первый голосъ.

— Да ужъ это такъ! часто ужъ очень, братъ, къ водкѣ прикладываешься!

Митенька не рѣшился проникать далѣе и полегоныку началъ отступать къ дверямъ. Ему даже показалось, что кто-то задушевною голосомъ крикнулъ: „караулъ“, но онъ рѣшился игнорировать это обстоятельство, и только спросилъ у швейцара, суетившагося около него съ шинелью:

— Каждый день у васъ такъ бываетъ?

— Каждый, вашество, день!

Какъ-то легко и хорошо почувствовалъ себя Дмитрій Павлычъ, когда очутился на улицѣ и его со всѣхъ сторонъ охватило свѣжимъ, морознымъ воздухомъ. Кругомъ было пустынно и тихо, только кучера дремали на козлахъ у подвѣздовъ, да изрѣдка бойко пробѣгалъ по тротуарамъ какой-нибудь казачокъ, поспѣвая въ погребокъ за виномъ. Козелковъ хотѣлъ вывести какое-нибудь заключеніе изъ того, чтò онъ видѣлъ въ тотъ вечеръ, но не могъ ничего сообразить. Съ одной стороны, онъ понималъ, что не выполнилъ ни одной юты изъ программы, начертанной правителемъ канцеляріи; съ другой стороны, ему казалось, что программа эта должна выполниться сама собой, безъ всякаго его содѣйствія.

„Съ Божьею помощью“... подумалъ онъ, и въ это самое время поровнялся съ квартирою Коли Собачкина.

Квартира Собачкина была великолѣпно освѣщена и полна народу. Повидимому, тутъ было настоящее сходбище, потому что всѣ „стригуны“ и даже бѣльшая часть „скворцовъ“ состояли на-лицо. Митеньку такъ и ткнуло туда, даже сердце его расширялось. Онъ живо вообразилъ себѣ, какъ бы онъ сѣлъ тамъ на канapé и началъ бы рѣчь о principes; кругомъ внимали бы ему „стригуны“ и лепетали бы безпечные „скворцы“, а онъ все бы говорилъ, все бы говорилъ...

— Итакъ, messieurs! если на предстоящее намъ дѣло взглянуть съ точки зрѣнія вѣчной идеи права... — заговорилъ-было Козелковъ вслухъ, но оглянулся и увидѣлъ себя одного среди пустынной улицы.

III.

А у Коли Собачкина было дѣйствительно цѣлое сходбище. Тутъ присутствовали именно весь цвѣтъ семиозерской молодежи: былъ и Сережа Свайкинъ, и маленькій виконтикъ де-Сакрекокенъ, и длинный баронъ фонъ-Цанарцтъ, былъ и князёкъ Соломенныя Ножки. Изъ „не-нашихъ“ допущенъ былъ одинъ Родивонъ Петровъ Храмолобовъ, но и тотъ преимущественно въ видахъ увеселенія. Тутъ же забрался и Фавори, но говорилъ мало, а все больше слушалъ.

Собрались, усѣлись въ кружокъ противъ камелька и начали говорить о principes. Юные семиозерцы были въ большомъ затрудненіи, ибо очень хорошо сознавали, что если не придумаютъ себѣ какихъ-нибудь principes, то имъ въ самомъ непродолжительномъ времени носу нельзя будетъ никуда показать.

— Позвольте, messieurs, — сказалъ, наконецъ, Коля Собачкинъ: — по моему мнѣнію, вы излишне затрудняетесь! Я нахожу, что principes можно изъ всего сдѣлать... даже изъ регулярнаго хожденія въ баню!

Присутствующіе нѣсколько изумились.

— Во всякомъ случаѣ, это не будутъ крестовые походы! — скромно замѣтилъ князёкъ Соломенныя Ножки.

— Не прерывай, князёкъ! и вы, господа, не изумляйтесь, потому что тутъ совсѣмъ нѣтъ никакого парадокса. Что такое principe? спрашиваю я васъ. Principe — это вообще такая суть вещи, которая принадлежитъ или отдѣльному лицу, или цѣлой корпораціи въ исключительную собственность; это, если можно такъ выразиться, девизъ, клеймо, которое имѣетъ право носить Иванъ и не имѣетъ права носить Петръ. Слѣдовательно, если вы приобретете себѣ исключительное право ходить въ баню, то ясно, что этимъ самымъ приобретаете и исключительное право опрятности; ясно, что на васъ будутъ указывать и говорить: „вотъ люди, которые имѣютъ право ходить въ баню, тогда какъ прочіе ихъ соотечественники вынуждены скабливать съ себя грязь ножомъ или стекломъ!“ Ясно, что у васъ будетъ принципъ! Ясно?

„Стригуны“ молчали; они понимали, что слова Собачкина очень послѣдовательны и что со стороны логики подъ нихъ нельзя иголки подточить; но въ то же время чувствовали, что въ нихъ есть что-то

такое неловкое, какъ будто похожее на парадоксъ. Это всегда такъ бываетъ, когда дѣло идетъ о великихъ principes, и, напротивъ того, никогда не бываетъ, когда идетъ рѣчь о предметахъ низкихъ и обыкновенныхъ. Такъ напримѣръ, когда я вижу столъ, то никакъ не могу сказать, чтобы тутъ скрывался какой-нибудь парадоксъ; когда же вижу передъ собой нѣчто невѣсомое, какъ напримѣръ: геройство, расторопность, самоотверженность, либеральныя стремленія и проч., то въ сердце мое всегда заползаетъ червь сомнѣнія и формулируется въ видѣ вопроса: „вѣдь это кому какъ?“ Для чего это такъ устроено —я хорошенько объяснить не могу, но думаю, что для того, чтобы порядочные люди всегда имѣли такія sujets de conversation, по поводу которыхъ одни могли бы ораторствовать утвердительно, а другіе —ораторствовать отрицательно, а въ результатѣ... *du choc des opinions jaillit la vérité!* Такъ точно было и въ настоящемъ случаѣ. „Стригуны“ сознавали, что Собачкинъ правъ, но въ то же время ехидныя слова князька: „а все-таки крестовыхъ походовъ изъ этого не выйдетъ!“ —неволью отдавались въ ухахъ. Собачкинъ угадалъ молчаніе, послѣдовавшее за его словами.

— Я понимаю, — сказалъ онъ: — васъ сбиваютъ съ толку крестовые походы... *Mais entendons-nous, messieurs!* Я совсѣмъ не изъ тѣхъ, которые отрицаютъ важность такого историческаго précédent; однако, позвольте вамъ замѣтить, что вѣдь въ крестовыхъ походахъ участвовали цѣлыя толпы, но развѣ всѣ участвовавшіе получили право ссылаться на нихъ? Нѣтъ, это право получили только *les preux chevaliers!* Вы слышите... вы чувствуете, что и здѣсь сила совсѣмъ не въ фактѣ участія, а въ правѣ ссылаться на него... Ясно?

Собачкинъ окинулъ присутствующихъ торжествующимъ взоромъ; „стригуны“ поколебались и начали что-то понимать.

— Пропинаціонное право... — задумчиво пробормоталъ длинноногій фонъ-Цанарцъ.

— *Mais vous concevez, mon cher.* что право хожденія въ баню я привелъ вовсе не съ точки зрѣнія какой-нибудь драгоцѣнности!

— Пропинаціонное право полезно было бы получить... —еще разъ и задумчивѣе прежняго повторилъ Цанарцъ.

— Господа! въ шестисотыхъ годахъ, въ Малороссіи, жида имѣли право... — заикнулся князекъ.

— Такъ то жиды!—отвѣчалъ Собачкинъ и бросилъ такой леденящій взоръ, что князёкъ даже присѣлъ.

— Messieurs! расшибемъ князёнку голову!—вдругъ воскликнулъ кто-то, какъ бы озаренный свыше вдохновеніемъ.

— Bravo! bravo! расшибемъ князёнку голову! — повторили „скворцы“ хоромъ.

— Chut, messieurs! Ваша выходка напоминаетъ каннибальское времяпровожденіе нашего старичья! Я увѣренъ, что они даже въ настоящую минуту дуютъ водку и занимаются расшибаніемъ кому-нибудь головы въ клубѣ—неужели вы хотите идти по стопамъ ихъ? Ахъ, messieurs, messieurs!—неужели же и дѣйствительно такова наша участь, что мы никогда не будемъ въ состояніи ни до чего договориться?

Тонъ, которымъ были сказаны Собачкинымъ эти послѣднія слова, звучалъ такую грустью, что „стригуны“ невольно задумались. Вся обстановка была какая-то унылая; отъ камелька разливался во всѣ стороны синеватый, трепещущій свѣтъ; съ улицы доносилось какое-то гудѣніе: не то вѣтеръ порхалъ властелиномъ по опустѣлой улицѣ, не то „старичье“ хмельными ватагами развѣзжалось по домамъ; частый мерзлый снѣжокъ дребезжалъ въ окна, наполняя комнату словно жужжаніемъ безчисленнаго множества комаровъ...

— Господа! необходимо, однакожь, чѣмъ-нибудь рѣшить наше дѣло!—первый прервалъ молчаніе тотъ же Собачкинъ:—мнѣ кажется, что если мы и на этотъ разъ не покажемъ себя самостоятельными, то утратимъ право быть твердыми безвозвратно и на вѣки вѣковъ!

Фавори, до сихъ поръ смирененько сидѣвшій въ уголку и перелистывавшій какой-то кипсекъ, наострилъ уши.

— Новгородцы такали-такали, да и протакали!—меланхолически замѣтилъ князёкъ.

— „Les novogorodiens disaient: oui, disaient: oui,—et perdirent leur liberté“; „Die Novogorodien sagten: ja, und sagten: ja,—und verloren ihre Freiheit“,—вдругъ отозвались голоса изъ разныхъ угловъ комнаты. Лица на минуту изъ хмурыхъ опять сдѣлались веселыми.

— Я все-таки полагаю, что узелъ вопроса заключается въ пропинаціонномъ правѣ,—глубокомысленно отрубилъ Цанарцтъ. —Вино,

messieurs, — это такой продуктъ, относительно котораго всѣ руки развязаны. Съ одной стороны, употребленіе его возбранається законами нравственности, и, слѣдовательно, ограниченіе его производства не противорѣчить требованіямъ самыхъ строгихъ моралистовъ; съ другой стороны — это продуктъ не только необходимый, но и вполне соотвѣтствующій требованіямъ народнаго духа. Слѣдовательно, правильный и изобильный истокъ его обезпеченъ на долгія времена! Вотъ, messieurs, тѣ данныя, которыя заставляютъ меня особенно настаивать на этомъ предметѣ!

Однакожь эта рѣчь произвела дѣйствіе не столь благопріятное, какъ можно было ожидать, потому что всякій очень хорошо понималъ, что для того, чтобъ сообщить пропинаціонному праву тотъ полезительный характеръ, о которомъ упоминалъ Цанарцъ, необходимо было обладать достаточными капиталами. Но капиталовъ этихъ ни у кого, кромѣ Цанарцта, не оказывалось, по той простой причинѣ, что они давнымъ-давно были просвистаны достославными предками на разныя головушибательныя увеселенія. Поэтому, если и чувствовалась надобность въ какомъ-либо исключительномъ правѣ, то отнюдь не въ видѣ пропинаціоннаго, а въ такомъ, которое имѣло бы основаніе преимущественно нравственное и философическое („вотъ кабы въ зубы безпрекословно трескать можно было!“ секретно думалъ князёкъ, но мысли своей, однако, не высказалъ). Мысль эту въ совершенствѣ усвоилъ себѣ Коля Собачкинъ.

— Я вполне согласенъ съ доводами Цанарцта насчетъ пропинаціонной привилегіи, — сказалъ онъ: — но могу допустить ее только на второмъ планѣ и, такъ сказать, между прочимъ. Это право носить на себѣ слишкомъ явную печать эгоистическихъ цѣлей, чтобы можно было прямо начать съ него. По мнѣнію моему, мы обязаны прежде всего показать себя безкорыстными и великодушными; мы должны дать чувствовать, что въ насъ заключается начало цивилизующее. Я знаю, что и знаменитѣйшій изъ публицистовъ нашего времени не отвергаетъ важности пропинаціоннаго права, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указываетъ и на нѣчто другое, на чтѣ преимущественно должны быть устремлены наши взоры. Это нѣчто, эта драгоцѣнная панацея, отъ которой мы должны ожидать уврачеванія всѣхъ золъ... есть selfgovernment, въ томъ благонадежномъ смыслѣ, въ которомъ его понимаютъ лучшіе люди либерально-консервативной партіи!

Фавори наострилъ уши сугубо. Общій одобрительный шопотъ пронесся по комнатѣ, хотя, по правдѣ сказать, очень немногіе усвоили себѣ истинный смыслъ рѣчи Собачкина.

— Потому что главная цѣль, къ которой мы должны стремиться, — продолжалъ Собачкинъ: — это пріобрѣсти въ свою собственность принципъ, такъ сказать, нравственный! А затѣмъ...

Ораторъ остановился на минуту, какъ бы смакуя ту сладость, которую онъ намѣревался выпустить въ свѣтъ.

— А затѣмъ и всѣ прочіе принципы естественнымъ порядкомъ перейдутъ къ намъ же! — договорилъ онъ вполголоса.

„Скворцы“ встрепенулись и, считая предметъ исчерпаннымъ, вознамѣрились-было, по обыкновенію, шутки шутить, но Собачкинъ призвалъ ихъ къ порядку и продолжалъ:

— Въ этомъ смыслѣ, — сказалъ онъ, — мы должны начать дѣйствовать съ завтрашняго же дня, и притомъ дѣйствовать рѣшительно и единодушно!

— А старики? — произнесъ кто-то изъ присутствующихъ.

„А старики?“ — пронеслось надъ душою каждаго. Начались толки; предложенія слѣдовали одни за другими. Одни говорили, что ежели привлечь на свою сторону Гремикина, то дѣло будетъ выиграно навѣрное; другіе говорили, что надобно ближе сойтись съ „маркизами“ и ополчиться противу деспотизма „кѣрѣпкоголовыхъ“; одинъ голосъ даже предложилъ подать руку примиренія „плаксамя“, но противъ этой мысли вооружились рѣшительно всѣ.

— Да вспомните же, господа, кто у насъ у шаровъ-то стоитъ! — горячился князь Соломенная Ножки: — вѣдь Гремикинъ стоитъ! Гремикинъ! поймите вы это!

— Гремикина! Гремикина, messieurs, надо пріобрѣсти! — кричали „скворцы“.

— Вотъ вы увидите, что мы и теперь накидаемъ только шаровъ, да и развѣдемся, ничего не сдѣлавши!

— Ну, нѣтъ, это дудки!

— Messieurs! да позвольте же мнѣ высказать свое мнѣніе!

— Messieurs! выслушайте, ради Христа!

Поднялся шумъ и гамъ, столь родственный русскому сердцу; когда же лакей доложилъ, что подано кушать, то всѣ principes окончательно забылись. Фавори только этого и дожидался, потому

что зналъ, что настоящее его торжество начнется за ужиномъ. Онъ мастерски пѣлъ гривуазныя пѣсни и при этомъ какъ-то лихо вертѣлъ направо и налево головою и шевелилъ плечами. Все это очень нравилось искателямъ принциповъ, которые все-таки канканъ цѣнили выше всего на свѣтѣ. И дѣйствительно, какъ только подали ужинать, Фавори мало-по-малу началъ вступать въ свои права. Уже за первымъ блюдомъ онъ очень шикарно спѣлъ „Un soir à la barrière“, а за вторымъ — до того расходился, что вышелъ изъ-за стола и представилъ, какъ, по его мнѣнiю, Гремкинъ долженъ канканъ танцовать. Но, сдѣлавши это, онъ струсилъ и вналъ въ унынiе, потому что очень живо вообразилъ себѣ, что сдѣлаетъ съ нимъ Гремкинъ, если узнаетъ объ его продерзости. Но такъ какъ впечатлѣнiя проходили по его французской душѣ быстро, то и это мгновенное унынiе скоро уступило главному, всеильно имъ овладѣвшему чувству — чувству доказать всѣмъ и каждому, что онъ славный малый и что для общаго увеселенiя готовъ во всякое время сглонуть живьемъ своего собственнаго отца. Даже Козелкову досталось въ этихъ юмористическихъ упражненiяхъ, хотя и тутъ Фавори не преминулъ слегка потрещетать. Подъ-конецъ онъ даже притворился пьянымъ, чтобы окончательно отнять у своихъ амфитрионовъ поводъ жениться съ нимъ и въ то же время приобрести для себя нѣкоторое оправданiе въ будущемъ.

— А что вы скажете насчетъ Марьи Петровны? — приставали къ нему „скворцы“.

— Марья Петровна, messieurs... это я вамъ скажу... у ней... — болталъ Фавори, и выбалтывалъ такую мерзость, отъ которой у „скворцовъ“ и у „стригуновъ“ захватывало духъ отъ наслажденiя.

IV.

Время шло да шло, а въ собранiи все „экзаменовали“ посредниковъ. Напрасно вопiяли „стригуны“, что въ настоящiя „торжественныя минуты“ не до дразговъ, а надо, дескать, подумать о спасенiи принципа и дать хорошiй отпоръ бюрократiи — никто не убѣждался и не унимался. Платонъ Иванычъ, которому пуще всего хотѣлось посидѣть на своемъ мѣстѣ еще трехлѣтiе, очень основательно

разсудилъ, что чѣмъ больше господа дворяне проводятъ такъ время, тѣмъ лучше для него, потому что на этой почвѣ онъ всегда будетъ имъ пріятенъ, тогда какъ на почвѣ болѣе серьезной, пожалуй, найдутся и другіе выскочки, которые могутъ пустить въ глаза пыль. Поэтому онъ всячески разжигалъ рьяныхъ экзаменаторовъ, число которыхъ росло не по днямъ, а по часамъ. Большинство до того увлеклось „экзаменами“, что даже возвышалось нѣкоторымъ образомъ до художественности, придавало своимъ запросамъ разнообразныя литературныя формы, изображало ихъ въ лицахъ и т. п.

— Вы вынудили меня, милостивый государь, прибѣгнуть къ ручной расправѣ!—ораторствовалъ одинъ:—я отъ роду, государь мой!—слышите ли?—отъ роду пальцемъ никого не тронулъ, а, по милости вашей, долженъ былъ—понимаете ли?—вынужденъ былъ „легко“ потрепать его за бороду!

— Вы сдѣлали меня воромъ!—вопіялъ другой.

— Каково мнѣ эти плюхи-то ѣсть?—вопросалъ третій.

— Нѣтъ, вы представьте себѣ, что онъ со мной сдѣлалъ! — докладывалъ четвертый:—сидитъ этакъ онъ, этакъ я, а этакъ стоитъ Катька мерзавка... Хорошо. Только, слышу я, говоритъ онъ ей: „вы тоже, голубушка, можете съѣсть“ ... это Катькѣ-то! Хорошо. Только я, знаете, смотрю на него, да и Катька тоже смотреть: не поместилось ли ему! Ничуть не бывало! Сидитъ себѣ да бородку пощипываетъ: „Садитесь, говорить, садитесь!“ Это Катькѣ-то!

— Какъ вы оправдаете такой поступокъ? — сурово произносить предводитель.

— Позвольте, господа, заявить мнѣ здѣсь жалобу отъ имени доброй, больной жены моей!—начинаетъ пятый.

Однимъ словомъ, жалобамъ и протестамъ не предвидится конца. Посредники пыhtятъ и дѣлаютъ презрительныя мины, но внутренне обливаются слезами. Изрѣдка Праведный пуститъ шипъ по змѣиному: „поджигатели!“ —и посмотритъ не то на окошко, не то на экзаменуемаго посредника; отъ шипа этого виноватаго покоробитъ, какъ бересту на огнѣ, но привязаться онъ не можетъ, потому что Праведный сейчасъ и въ кусты: „это я такъ, на окошко вотъ посмотрѣлъ, такъ вспомнилось!“ И опять обольется сердце посредника кровью. Словомъ сказать, такое положеніе—хоть не кажи морды!

— И на что мы сюда притащились!—толкуютъ между собой „плаксы“.

— Всѣхъ на одну осину повѣсить—и баста! — цыркаетъ во все горло проходящій мимо Гремикинъ и *нечаянно* задѣваетъ одного изъ плаксъ локтемъ.

Въ эту минуту голосъ Платона Ивановича покрываетъ общій шумъ.

— Господа!—говоритъ онъ:—баллотируется предложеніе объ исключеніи господина Курилкина изъ собранія! Не угодно ли брать шары?

Курилкинъ обращается къ прокурору и проситъ разяснить законъ; прокуроръ встаетъ и разясняетъ. Происходитъ общая суматоха; „крѣпкоголовые“ не вѣрятъ, „стригуны“ презрительно улыбаются, „плаксы“ временно торжествуютъ.

Козелковъ слѣдитъ изъ своего кабинета за этою суматохой и весело потираетъ руки.

— А вѣдь я ловко-таки продернулъ ихъ!—говоритъ онъ правителю канцеляріи.

— Я, вашество, докладываль-сь...

— Да; это вы хорошо дѣлаете, что излагаете передо мной ваши мысли, но, конечно, я бы и самъ...

Однимъ словомъ, такъ развеселился нашъ Дмитрій Павлычъ, что даже похорошѣлъ. Онъ видѣлъ, что надобность пскать броду уже миновалась, и потому не избѣгалъ даже Гремикина; напротивъ того, заигрывалъ съ нимъ и потомъ увѣрялъ всѣхъ и каждого, что „если съ нимъ (Гремикинимъ) хорошенько сойтись, то онъ совсѣмъ даже и не страшенъ, а просто добрый малый“.

Мало того: онъ почувствовалъ потребность выкинуть какую-нибудь штуку. Это бываетъ. Когда человѣка начинаетъ со всѣхъ сторонъ одолевать счастье, когда у него на лопаткахъ словно крылья какія-то вырастаютъ, которыя такъ и взмываютъ, такъ и взмываютъ его на воздухъ, то въ сердцѣ у него все-таки нѣчто сосетъ и зудитъ, точно вотъ такъ и говоритъ: „да сооруди же, братецъ, ты такое дѣло разлюбезное, чтобы такой-то сударь Иванычъ не усидѣлъ, не устоялъ!“ И до тѣхъ поръ не успокоится бѣдное сердце, покуда дѣйствительно не исполнитъ человѣкъ всего своего предѣла.

Козелкову давно ужъ не нравился Платонъ Иванычъ. Не то

чтобы они не сходились между собой въ воззрѣнiяхъ—воззрѣнiй ни у того, ни у другого никакихъ ни на что не было,—но Дмитрiю Павлычу почему-то постоянно казалось, что Платонъ Иванычъ словно грубитъ ему. Козелкову собственно хотѣлось чего?—ему хотѣлось, чтобы Платонъ Иванычъ былъ ему другомъ, чтобы Платонъ Иванычъ его уважалъ и объяснялся передъ нимъ въ любви, чтобы Платонъ Иванычъ прiѣзжалъ къ нему совѣтоваться: „вотъ, вашество, въ какое я затрудненiе поставленъ“... А вмѣсто того Платонъ Иванычъ смотрѣлъ сурово, и постоянно, ни къ селу, ни къ городу, упоминалъ о какихъ-то „фофанахъ“. Каждое изъ этихъ упоминаенiй растопленнымъ оловомъ капало на сердце Козелкова, и, несмотря на врожденное его расположенiе къ веселости, дѣло доходило иногда до того, что онъ готовъ былъ растерзать своего врага. Конечно, растерзать онъ не растерзалъ, но зло таки-порядочно укоренилось въ немъ и ждало только удобнаго случая, чтобы устроить свое маленькое дѣльце.

Настоящая минута казалась благопрiятною. Опасенiя миновались, затрудненiй не предвидѣлось, и Козелковъ могъ дерзать безъ риска. До срока ужъ оставалось только два дня; завтра должны состояться уѣздные выборы, на послѣ-завтра назначалось самое настоящее, генеральное сраженiе.

Козелковъ имѣлъ по этому случаю совѣщанiе.

— Платошка этотъ... претить!—сказалъ онъ и впился глазами въ правителя канцелярiи.

— Человѣкъ необрѣзанный-сь.

— Я, знаете, думаю даже, что онъ много общимъ интересамъ вредить!

— Ужъ на что же, вашество, хуже-сь!

— Потому что возьмите хоть меня! Я—человѣкъ располженный! я прямо говорю: я человѣкъ располженный! но за всѣмъ тѣмъ... когда я имѣю дѣло съ этимъ грубияномъ... я не знаю... я не могу!

— А вы, вашество, сюрпризъ имъ сдѣлайте-сь!

— Ну, да, я объ этомъ и подумываю!

— Вы, вашество, вотъ чтѣ-сь: завтра, какъ уѣздные-то выборы кончатся, вы вечеромъ на балу и подойдите къ нимъ, да такъ при всѣхъ и скажите-сь: „благодарю, молъ, васъ, Платонъ Иванычъ, что вы согласно съ моими видами въ этомъ важномъ дѣлѣ дѣйствовали. Господа дворяне на это пойдутъ-сь.

— А что вы думаете! въ самомъ дѣлѣ!

— Это вѣрно-съ. Они на этотъ счетъ просты-съ.

Козелковъ повеселѣлъ еще больше. Онъ весь этотъ день, а также утро другого дня употребилъ на дѣланіе визитовъ и вездѣ говорилъ, какъ онъ доволенъ „почтеннѣйшимъ“ Платономъ Иванычемъ и какъ желалъ бы, чтобъ этотъ достойный человѣкъ и на будущее трехлѣтіе удержалъ за собой высокое довѣріе дворянства.

— Согласитесь сами, — говорилъ онъ: — вотъ теперь у насъ выборы — ну, гдѣ же бы мнѣ, при моихъ занятіяхъ, управить такимъ обширнымъ дѣломъ? А такъ какъ я знаю, что тамъ у меня вѣрный человѣкъ, то я спокоенъ! Я увѣренъ, что тамъ ничего такого не сдѣлается, что было бы противно моимъ интересамъ!

Козелковъ говорилъ такимъ образомъ преимущественно барынямъ, такъ какъ мужей никогда нельзя было найти дома. Барыни, разумѣется, тотчасъ же пересказали мужьямъ и, разумѣется же, такъ перепутали слова Козелкова, что нельзя было даже разобрать, кто о комъ говорилъ: Козелковъ ли о Платонѣ Иванычѣ, или Платонъ Иванычъ о Козелковѣ. Но обстоятельство это не только не повредило дѣлу, а, напротивъ того, содѣйствовало его успѣху, ибо оно раздражило любопытство мужской половины, сдѣлало сердца ихъ готовыми къ воспріятію сплетни, но самую сплетню, до поры, до времени, еще скрыло. Наконецъ, наступилъ и вечеръ, во время котораго все сіе должно было совершиться.

Просторная зала клуба вся залита свѣтомъ. Отъ огромнаго количества зажженныхъ свѣчъ и множества народа атмосфера душна и влажна. Около дамъ, замѣчательныхъ либо красотою, либо развязностью манеръ, живо образовались цѣлыя кружки молодежи. Демуазельки прохаживаются по залу вереницами, очень часто убѣгаютъ въ уборную и, возвратившись оттуда, о чемъ-то шепчутся и хихикаютъ. Баронесса фонъ-Цанарцъ, высокая, стройная, роскошная, рѣшительно привлекаетъ всѣ сердца; она одѣта въ великолѣпное желтое платье, которое очень идетъ къ ея смуглому и рѣзко выразительному лицу; около нея такъ и жужжитъ цѣлый рой вздыхающихъ и пламенѣющихъ „стригуновъ“. Въ одномъ изъ угловъ сидитъ томная мадамъ Первагина и какъ-то знойно дышетъ подъ вліяніемъ рѣчей и взглядовъ Сережи Свайкина; она счастлива и, быть можетъ,

одна изъ всѣхъ наличныхъ дамъ не завидуетъ баронессѣ. „Брѣвко-головыхъ“ не видать никого; они изрѣдка выглядываютъ изъ внутреннихъ комнатъ въ залу, постоять съ минуту около дверей, зѣвнуть, подумаютъ: „а вѣдь это все наши!“ — и исчезнуть въ ту зіяющую пропасть, которая зовется собственно клубомъ. „Маркизы“ всѣ на-лицо въ залѣ и показываютъ публикѣ свои грасы. Музыка слаживается и ждетъ только сигнала, чтобы наполнить залу цѣлыми потоками посредственнаго достоинства гарнизонной гармоніи. Господа офицеры натягиваютъ перчатки.

И вдругъ весь этотъ людъ закружился, а съ нимъ вмѣстѣ заколыхался и горячій воздухъ. „Стригуны“ вальсируютъ солидно; „скворцы“ прыгаютъ и изгибаются; князекъ Соломенный Ножки, при маломъ своемъ ростѣ, представляется бесплодно стремящимся достать до плеча своей дамы; Свайкинъ до того перегнулся, что издали кажется совершеннымъ складнымъ ножикомъ; Цанарцъ выбралъ какого-то подростка изъ demuазелекъ и мнется съ нимъ на одномъ мѣстѣ, словно говорить: „а ну, душенька, вотъ такъ ножкой! ну, и еще такъ!“ Мадамъ Первагина не вальсируетъ, а, такъ сказать, мѣтеть.

— Приходите завтра утромъ, — шепчетъ она своему кавалеру, Свайкину. — Я вамъ покажу картинки...

Но вотъ и опять музыка смолкла; demuазельки тотчасъ же ринулись въ уборную, и вслѣдъ затѣмъ оттуда послышалось невинное хихиканье. Баронесса опять стояла среди залы, окруженная цѣлой толпой, и по временамъ взглядывала на входную дверь, какъ будто ждала кого-то. Читатель! увы, я долженъ сознаться, что она ждала Козелкова! Да; въ теченіе какихъ-нибудь семи, восьми дней успѣло многое измѣниться, и баронесса не устояла-таки противъ обаяній, которыя тонкою струей источаетъ изъ себя соблазнъ. Отъ нея одной Козелковъ не утаилъ своихъ намѣреній и даже успѣлъ сдѣлать изъ нея вѣрную союзницу, очень ловко намекнувъ, что баронъ слишкомъ ужъ скромнень, что отъ него зависѣло бы, и т. д. При этомъ Козелковъ такими жадными глазами смотрѣлъ на баронессу, что ей дѣлалось, въ одно и то же время, и жутко, и сладко. Цѣлая цѣпь губернскихъ торжествъ и поклоненій въ одно мгновеніе пронеслась въ ея воображеніи; цѣлое облако острыхъ губернскихъ оштрафовъ разомъ нахлынуло на нее и отуманило ее голову. И какъ ни упирался ска-

редный сынъ Эстляндіи противъ искушеній жены, какъ ни доказывалъ, что винокуренная операція требуетъ неотлучнаго пребыванія его въ деревнѣ, лукавая дочь Евы успѣла-таки продолбить его твердый черепъ и съ помощью обмороковъ, спазмовъ и другихъ всеильныхъ женскихъ обольщеній заставила мужа положить орудіе.

Наконецъ Козелковъ явился весь радостный и словно даже свѣтящійся. Онъ прямо направилъ стопы къ баронессѣ, и такъ какъ въ это время оркестръ заигралъ ритуфель кадрили, то они сѣли въ парѣ. Визави у нихъ былъ графъ Козельскій и пикантная предводительша.

— Прикажете, вашество, начинать?—вдругъ грянулъ надъ самымъ его ухомъ баталіонный командиръ, который въ то же время былъ и распорядителемъ танцевъ.

Козелковъ вздрогнулъ и граціозно склонился къ баронессѣ, которая, въ свою очередь, бросила на усерднаго командира не то насмѣшливый, не то утвердительный взглядъ. Командиръ махнулъ платкомъ, и пары заколыхались.

— Онъ согласенъ,—сказала баронесса Козелкову.

— Стало быть, вамъ остается только быть любезной нынѣшній вечеръ съ молодыми людьми и графомъ.

— А вы?

— Я свое дѣло сдѣлаю... Но, баронесса...

Митенька вздохнулъ такъ, какъ будто бы ему было очень жарко.

— Чтѣ еще? — спросила баронесса и, обернувшись къ нему, улыбулась всѣмъ своимъ прекраснымъ лицомъ.

Но онъ не отвѣчалъ и все продолжалъ вздыхать.

— Какой вы еще мальчикъ, однакожъ!

— Баронесса!—чуть-чуть простоналъ Козелковъ.

— Молчите! вы смотрите на меня съ такимъ ужаснымъ краснорѣчіемъ, что даже самые непонятливые—и тѣ могутъ легко убѣдиться. Давайте лучше говорить *de choses indifférentes* и потомъ оставьте меня на цѣлый вечеръ.

— Я, баронесса, уѣду домой.

— Это жаль; но если нужно... Впрочемъ, я сама думаю, что такъ будетъ лучше...

Въ это время Платонъ Ивановичъ, конечно, всего менѣе ожидалъ какихъ-либо нападеній или подвоховъ и преспокойно стоялъ себѣ въ одной изъ карточныхъ залъ, окруженный приверженцами и заранѣе

предвкушая завтрашнее свое торжество. Онъ даже слегка разсуждалъ о принципахъ и въ „шутливомъ русскомъ тонѣ“ проходилъ насчетъ бюрократіи, и хотя разсужденія его были отчасти глупы, но они удовлетворяли „крѣпкоголовыхъ“, которые, въ отвѣтъ ему, ласково сошлись. Однимъ словомъ, Платонъ Ивановичъ торжествовалъ, а въ городѣ носились уже слухи насчетъ какого-то чудовищнаго обжорства, которое готовилъ предводитель въ заключеніе выборовъ.

Въ такую-то минуту въ эту самую комнату вошелъ Дмитрій Павлычъ Козелковъ и прямо подошелъ къ Платону Ивановичу.

— Господа! — сказалъ онъ голосомъ, нѣсколько дрожавшимъ отъ волненія: — пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы передъ лицомъ вашимъ засвидѣтельствовать мою искреннюю признательность достойнѣйшему Платону Ивановичу! Платонъ Ивановичъ! мнѣ пріятно сознаться, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково настоящее собраніе гг. дворянъ, вы вполне оправдали мое довѣріе! Вы не только дѣйствовали совершенно согласно съ моими видами и предначертаніями, но, такъ сказать, даже благосклонно предупреждали ихъ. Еще разъ благодарю!

Платонъ Ивановичъ сгоряча ничего не понялъ и съ чувствомъ пожалъ протянутую ему Козелковымъ руку. Окружающіе, большею частью, были умилены, но нѣкоторыхъ уже нѣчто кольнуло. Сказавши свою рѣчь, Козелковъ рысцей поспѣшилъ оставить клубъ.

Гремикинъ, какъ говорится, взвился...

На другой день съ самаго утра по городу уже ходилъ слухъ о кандидатурѣ барона фонъ-Цанарцта, какъ о такой, которая имѣетъ всего болѣе шансовъ на успѣхъ. И дѣйствительно, къ четыремъ часамъ пополудни эти слухи получили полное осуществленіе. Платона Ивановича, по обыкновенію, окружили и просили еще разъ пожертвовать собой на пользу сословія; но когда онъ изъявилъ готовность баллотироваться (и при этомъ даже заплакалъ), то, противъ обыкновенія, его прокатили на воронныхъ. Графа Козельскаго вновь и огромнымъ большинствомъ выбрали въ попечители губернской гимназіи.

Нахожу излишнимъ прибавлять здѣсь, что чудовищное обжорство, задуманное Платономъ Ивановичемъ, не состоялось, и городъ, дня черезъ два, принялъ свою будничную, пустынную фізіономію.

Я охотно изобразилъ бы, въ заключеніе, какъ Козелковъ окончательно увѣрился въ томъ, что онъ—Меттернихъ, какъ онъ соби-
рался въ Петербургъ, какъ онъ поѣхалъ туда и объ чемъ дорогой
думалъ, и какъ, наконецъ, пріѣхалъ; я охотно остановился бы даже
на томъ, что онъ говорилъ о своихъ подвигахъ въ вагонѣ на желѣз-
ной дорогѣ (до такой степени все въ жизни этого „героя нашего вре-
мени“ кажется мнѣ замѣчательнымъ), но предпочитаю воздержаться.

VI.— „Она еще едва умѣетъ лепетать“...

I.

Побывавши въ Петербургѣ, Козелковъ окончательно убѣдился,
что для того, чтобы хорошо вести дѣла, нужно только всѣхъ удов-
летворить. А для того, чтобы всѣхъ удовлетворить, нужно всѣхъ
очаровать; а для того, чтобы всѣхъ очаровать, нужно—не то чтобы
лгать, а такъ объясняться, чтобы никто ничего не понималъ, а всякій
бы облизывался. Онъ припомнилъ, что всякій предметъ имѣетъ нѣ-
сколько сторонъ: съ одной стороны—то-то, съ другой стороны—
то-то, между тѣмъ — то-то, а если принять въ соображеніе то и то
—то-то, и наконецъ, въ заключеніе—то-то. Да, пожалуй, въ край-
немъ случаѣ, можно обойтись и безъ „заключенія“, и „очарованіе“
не только отъ этого не терпитъ, но даже дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе,
чѣмъ болѣе открывается всякаго рода сторонъ и чѣмъ меньше выво-
дится изъ нихъ заключеній. Ибо такимъ образомъ слушатель по-
стоянно держится, такъ сказать, на привязи, постоянно чего-то
ждетъ, постоянно что-то, какъ будто, получаетъ и въ то же время
никакимъ родомъ это получаемое ухватить не можетъ.

Козелковъ даже и говорить сталъ какъ-то иначе. Прежде онъ
совѣтился; скажетъ, бывало, чепуху—сейчасъ же самъ и ротъ рази-
нетъ. Теперь же онъ словно даже и не говорилъ, а гудѣлъ; гудѣлъ
изобильно, плавно и мѣрно, точно муха, не повышающая и не пони-
жающая тона, гудѣлъ неустанно и часъ, и два, смотря по тому, сколько
требовалось времени, чтобы очаровать,—гудѣлъ самоувѣренно и,
такъ сказать, резонно, какъ человѣкъ, который до тонкости пони-

маеть, о чемъ онъ гудить. И при этомъ не давалъ слушателю никакой возможности сдѣлать возраженіе; а если послѣдній ухитрялся какъ-нибудь вернуть свое словечко, то Митенька не смущался и этимъ: выслушавъ возраженіе, соглашался съ нимъ и вновь начиналъ гудѣть, какъ ни въ чемъ не бывало. И дѣйствительно, внимая ему, слушатель, съ теченіемъ времени, мало-по-малу впадалъ какъ бы въ магнетическій сонъ и начиналъ ощущать признаки разслабленія, сопровождаемаго одновременнымъ пораженіемъ всѣхъ умственныхъ способностей. Мнилось ему, что онъ куда-то плыветъ, что его что-то поднимаетъ, что впереди у него мелькаетъ свѣтъ не свѣтъ, а какое-то тайное пріятство, которое потому именно и хорошо, что оно тайное, и что его слѣдуетъ прямо вкушать, а не анализировать.

Самая фигура Митеньки измѣнилась. Былъ онъ въ первобытномъ состояніи невысокъ ростомъ и нѣсколько сутуловатъ, а теперь сдѣлался, что называется, бель-омомъ и даже излишне выпрямился: прежде было въ лицѣ его что-то до такой степени уморительное, что всякій такъ и порывался взять его за цацы; теперь и это исчезло, а взамѣнъ того явилось какое-то задумчивое, скорбное, почти-что гражданственное выраженіе. Точно онъ вотъ-вотъ сейчасъ о чемъ-то думалъ и пришелъ къ безрадостному заключенію, что надо и еще думать, все думать... думать безъ конца. Манеры онъ приобрѣлъ благосклонныя, но сдержанныя, и хотя всѣмъ безъ исключенія протягивалъ руку, но актъ этотъ совершалъ съ такою щепетильною осмотрительностью, что лицу, до котораго онъ относился, оставалось или благоговѣть, или же прыснуть со смѣху.

Къ нововведеніямъ Митенька сталъ относиться критически. Находилъ, что многого еще остается желать и что хотя, конечно, всего вдругъ нельзя, однако не мѣшало бы кое-что и поприскинуть. Но и въ этомъ случаѣ онъ надѣялся, что практика значительно поправитъ теорію, а подъ практикою разумѣлъ себя и другихъ Козелковыхъ, разсѣянныхъ по лицу Россійской Имперіи. „Вся суть, mon cher, заключается въ исполнителяхъ“, развивалъ онъ по этому случаю свою теорію: „если исполнители хороши, и главное (c'est le mot) если они съ направлениемъ, то всякій законъ...“

Уже съ самой минуты вшествія своего въ вагонъ желѣзной дороги онъ началъ поражать всѣхъ своимъ глубокомысліемъ, зрѣлостью сужденій и, такъ сказать, преданнымъ фрондерствомъ. Во-первыхъ,

онъ встрѣтился тамъ съ Петей Боковымъ, своимъ другомъ, сослуживцемъ и однокашникомъ, который тоже ѣхалъ по направленію къ Москвѣ. Разумѣется, образовался обмѣнъ мыслей.

— Ты къ себѣ?—спросилъ Митя.

— Да; а ты тоже къ себѣ?—въ свою очередь спросилъ Петя.

— Да. Пора. Надо дѣло дѣлать.

Оба друга умоляли и устались глазами въ землю, какъ будто застыдились. Спутники ихъ переглянулись; одни, которые понеопытнѣе, заключили, что съ ними путешествуютъ инкогнито два среднихъ лѣтъ чимпандзе *), возвращающіеся къ стадамъ своимъ; другіе же, которые поопытнѣе и преимущественно изъ помѣщиковъ, тотчасъ догадались, въ чемъ дѣло, и, взирая то на Митеньку, то на Петеньку, думали: „а чтò, вѣдь это, кажется, нашъ?“

— Знаешь ли, чтò я полагаю? я полагаю, что обязанности, подобныя моимъ, совершенно ни съ чѣмъ несообразны!—продолжалъ между тѣмъ Митенька, вдругъ переставши стыдиться.

Петенька гамкнулъ что-то въ отвѣтъ. Спутники опять переглянулись; опытные сказали себѣ: „ну, да, это онъ! это нашъ!“ неопытные: „эге! какъ нынче чимпандзе-то выравниваться начали!“

— Я полагаю, что на моемъ мѣстѣ надобно заниматься, такъ сказать, одною внутреннею политикою,—продолжалъ умствовать Митенька.—А то представьте себѣ, наприимѣръ, мое положеніе: однажды мнѣ случилось—à la lettre вѣдь это такъ!—разрѣшать вопросъ о выдачѣ вдовьяго паспорта какой-то ратничихѣ!

— Я тебѣ лучше скажу!—вступился Петенька:—предмѣстникъ мой завелъ, чтобы всѣ низшія присутственныя мѣста представляли ему на утвержденіе дѣла о покупкѣ церьевъ, нитокъ и прочей канцелярской дряни! Разумѣется, я это уничтожилъ, но спрашиваю тебя: каковъ гусь мой предмѣстникъ?!

— Я говорилъ и повторяю: если вы желаете, чтобы мы дѣло дѣлали, развяжите намъ руки! Развяжите намъ руки! повторяю я, потому что странно, наконецъ, и требовать отъ человѣка съ связанными руками, чтобы онъ дѣйствовалъ!

*) Чимпандзе—особый видъ изъ семейства человѣкоподобныхъ обезьянъ, постѣ *гориллы* наиболѣе подходящій своею физическою организаціей къ человѣку.

Въ этомъ духѣ бесѣдовалъ Козелковъ довольно продолжительное время; въ заключеніе же объявилъ себя рѣшительно противъ излишней, изсушающей соки централизаціи, и угрожалъ, что если эта система продолжится, то „нѣкогда плодоносныя равнины Россіи въ самомъ скоромъ времени обратятся въ пустыню“.

— Намъ надо дать возможность дѣйствовать, — прибавилъ онъ: — надо, чтобы каждый изъ насъ былъ хозяиномъ у себя дома и свободенъ въ своихъ движеніяхъ. Наполеонъ это понималъ. Онъ понималъ, что страсти тогда только умолкнуть, когда префекты получаютъ полную свободу укрощать ихъ.

— Я совершенно съ тобою согласенъ, — отозвался съ чувствомъ Петенька.

Я не знаю, согласились ли съ Козелковымъ прочіе пассажиры, но съ своей стороны спѣшу заявить, что никакихъ препятствій къ приведенію въ исполненіе его преднамѣреній не встрѣчаю.

Только пріѣздъ въ Москву остановилъ потоки Козелковскаго краснорѣчія, но и тутъ, выходя изъ вагона, онъ во всеуслышаніе сказалъ другу своему Петенькѣ:

— Я полагаю, *mon cher*, что намъ не мѣшало бы вступить въ соглашеніе съ здѣшними публицистами!

Однакожь къ публицистамъ не поѣхалъ, а отправился обѣдать къ „*ma tante*“ Селижаровой, и за обѣдомъ до такой степени очаровалъ всѣхъ умнымъ разговоромъ о необходимости децентрализаціи и о томъ, что децентрализація не есть сепаратизмъ, что молоденькая и хорошенькая кузина Вѣра не выдержала и въ глаза сказала ему:

— Какой вы, однакожь, Митенька, сдѣлались умный!

II.

Пріѣхавши къ „себѣ“, Митенька былъ встрѣченъ гурьбою „преданныхъ“. Еще до отъѣзда своего въ Петербургъ, онъ постепенно образовалъ около себя цѣлое поколѣніе молодыхъ бюрократовъ, которые отличались тѣмъ, что ходили въ щегольскихъ пиджакахъ, цѣлые дни шатались съ визитами, очаровывали дамъ отличнымъ знаніемъ французскаго діалекта и немилосерднѣйшимъ образомъ лгали. Во главѣ этой камарилы стоялъ правитель канцеляріи, который хотя

былъ малый на возрастъ и происходилъ изъ семинаристовъ, однако, какъ человѣкъ сообразительный, вынужденъ былъ слѣдовать за общимъ потокомъ. Митенька гордился этою молодежью и называлъ ее своею гвардіею.

Нынче довольно много развелось такихъ бюрократовъ. Начальники неумоимо стараются о томъ, чтобы окружить себя молодыми людьми, которые бы имѣли отчетливое понятіе объ англійскомъ проборѣ и показывали въ приемахъ грацію. Это, по мнѣнію ихъ, возвышаетъ администрацію, сообщая ей извѣстнаго рода шикъ. Нѣкоторые даже снимаютъ съ себя фотографическіе портреты въ такомъ видѣ: по срединѣ сидитъ молодой начальникъ, по бокамъ — молодые подчиненные — и, право, группы выходятъ хоть куда! Начальникъ обыкновенно представляется нѣчто разъясняющимъ, подчиненные — понимающими. Чтò разъясняетъ начальникъ и чтò понимаютъ подчиненные — объ этомъ до сихъ поръ не могъ дать отчета ни одинъ фотографъ; однако я никакъ не позволю себѣ предположить, чтобы это былъ съ ихъ стороны наглый обманъ.

Итакъ, „преданные“ гурьбой встрѣтили Митеньку. Произошла сцена. Въ былыя времена администраторъ ограничился бы тѣмъ, что прослезился; но Митенька, какъ человѣкъ современный, произнесъ рѣчь.

— Въ настоящую минуту, господа, — сказалъ онъ, — мнѣ болѣе, нежели когда-нибудь, необходимо ваше усердіе. Прежде я многое предугадывалъ, теперь — убѣдился. Виды выяснились совершенно. Намъ предстоитъ только условиться насчетъ плана будущей кампаніи — о планѣ этомъ вы будете въ свое время поставлены мною въ извѣстность — и затѣмъ дружно направить свои усилія къ единой общей цѣли. Не общаю вамъ, что трудъ будетъ легкій; напротивъ того, не скрою, что онъ даже будетъ очень и очень тяжелъ, но надѣюсь, что, съ Божьею помощію, мы преодолѣмъ препятствія и уничтожимъ преграды. Главное, messieurs, — быть всегда на стражѣ. Вы поставлены, такъ сказать, у кормила общественнаго спокойствія; а съ общественнымъ спокойствіемъ — по крайней мѣрѣ, таково мое мнѣніе — въ сильной степени связано общественное благосостояніе. Съ одной стороны, ничто такъ не обезпечиваетъ благонамѣренный человѣческій трудъ, какъ общая тишина; съ другой стороны, что же можетъ намъ гарантировать тишину, какъ не благонамѣренный человѣческій

трудъ? Эти двѣ великія общественныя силы неразрывны (Митенька соединилъ при этомъ пальцы обѣихъ рукъ и сдѣлалъ видъ, что не можетъ ихъ растащить), и если мы взглянемъ на дѣло глазами проницательными, то поймемъ, что въ тѣсномъ ихъ единеніи лежитъ залогъ нашего славнаго будущаго. Тѣмъ не менѣе, взирая на предметъ безпристрастно, я не могу не сказать, что намъ еще многого кой-чего въ этомъ смыслѣ недостаетъ; а если принять въ соображеніе, съ одной стороны, славянскую распущенность, а съ другой стороны, что время никогда терять не слѣдуетъ, то мы естественно придемъ къ заключенію, что дѣло не ждетъ и что необходимо приступить къ нему немедленно. Eheu, Posthume, Posthume!—такъ предостерегаетъ насъ древній поэтъ, и мы не имѣемъ права не воспользоваться его совѣтомъ. Итакъ, господа, бодрость и смѣлость! Будемъ вмѣстѣ работать и вмѣстѣ надѣяться. Съ своей стороны, я всегда, какъ вы знаете, готовъ ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ за достойнѣйшихъ.

Такова была, въ первый разъ по возобновленіи, вступительная рѣчь Митеньки. Правитель канцеляріи сейчасъ же опредѣлилъ ея достоинство, сказавъ, что эта рѣчь безъ подлежащаго, безъ сказуемаго и безъ связки, но „преданные“ поняли. Съ своей стороны, хотя я и согласенъ съ мнѣніемъ правителя канцеляріи, но нахожу, что такого рода краснорѣчіе составляетъ истинное благополучіе и положительный ресурсъ при нашей бѣдности. Съ помощью его можно администрировать, можно издавать журналы, можно даже написать цѣлый ученый трактатъ. И будетъ хорошо.

Разумѣется, если бы у насъ были другія средства, если бы мы, по крайней мѣрѣ, впрямь желали что-нибудь сказать—тогда дѣло другое; а то вѣдь и сказать-то мы ничего не хотимъ, а только такъ, зря выбрасываемъ слова изъ гортани, потому что на языкѣ болона выросла. Стало быть, тутъ рѣчи безъ подлежащаго, сказуемаго и связки приходится именно какъ разъ въ пору. Во-первыхъ, обиліе словотеченія можетъ обмануть слушателя; во-вторыхъ, ежели слушатель и не обманется, то чтѣ же онъ сдѣлаетъ?—плюнетъ и отойдетъ прочь, и ничего больше.

Сказавъ свое слово, Козелковъ не устыдился, какъ дѣлывалъ это прежде, но зажмурилъ глаза и представился утомленнымъ.

— Безъ вашества къ намъ „земскія учрежденія“ пришли-сь,— робко молвилъ правитель канцеляріи.

— Будемъ орудовать-сь.

— Прикажете, вашество, распоряженіе сдѣлать?

— Будемъ распоряжаться-сь.

Присутствующіе думали, что Козельковъ вновь вступаетъ въ состояніе единословія, однако ошиблись. Дѣйствительно, онъ нѣсколько минутъ простоялъ, словно отуманенный, но такъ какъ закваска была положена, то не успѣли слушатели оглянуться, какъ уже толчея была въ исправности и по прежнему толкла безостановочно.

— „Земскія учрежденія“, messieurs, — сказалъ онъ. — вотъ часть той перспективы, которая виднѣется передъ нами въ будущемъ. Всѣ картины, messieurs, пишутся по частямъ и постепенно, и ни одна изъ нихъ никогда еще не являлась на свѣтъ вдругъ, готовою во всѣхъ своихъ частяхъ. Начатая съ извѣстнаго пункта, картина растетъ, растетъ, развивается, развивается, все дальше и дальше, покуда, наконецъ, художникъ не почувствуетъ потребности довершить начатое, освѣтивъ дѣло рукъ своихъ лучами солнца. И все въ мірѣ слѣдуетъ этому мудрому закону постепенности. Все живетъ, все работаетъ, все дѣлаетъ свое дѣло потихоньку и не спѣша. Все смотритъ впередъ, messieurs. И я почитаю себя счастливымъ, что могу быть передъ вами истолкователемъ тѣхъ чувствъ, которыми болѣе или менѣе всякій изъ васъ волнуется. Да; еще въ школахъ насъ заставляли заучивать мудрое изреченіе; надежда утѣшаетъ царя на тронѣ, земледѣльца за сохою, страждущаго на одрѣ смерти“, и еще:

Надежда кроткая посланница небесъ!

И я нахожу, что незабвенные наши педагоги очень хорошо поступали, что упражняли наши молодые умы подобными изреченіями. И такъ, повторяю: картина еще не нарисована, но она будетъ нарисована—въ этомъ порукой вамъ... я! Я многое могъ бы сказать вамъ по этому поводу, о многомъ желалъ бы условиться, объясниться, посоветоваться (я человѣкъ, messieurs, и, какъ человѣкъ, могу ошибаться), но нахожу полезнѣйшимъ оставить этотъ предметъ до времени. А покамѣстъ, messieurs, подумайте! и ежели встрѣтите какія-либо сомнѣнія, обращайтесь ко мнѣ съ полною откровенностью. Подумайте, messieurs!

Единодушное „ура!“ было отвѣтомъ на эту новую предикую обожаемаго начальника. Но Козелковъ уже утомился и только махнулъ рукой на шумныя заявленія „преданныхъ“.

Дѣло было вечеромъ, и Митенька основательно разсудилъ, что самое лучшее, что онъ можетъ теперь сдѣлать — это лечь спать. Отходя на сонъ грядущій, онъ старался дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлалъ и говорилъ въ теченіе дня, — и не могъ. Во снѣ тоже ничего не видалъ. Тѣмъ не менѣе, далъ себѣ слово и впредь поступать точно такимъ же образомъ.

III.

А на дворѣ, между тѣмъ, не на шутку разыгралась весна. Крыши домовъ ужь сухи; на обнаженныхъ отъ лдяного черепа улицахъ стоятъ лужи; солнце на пригрѣвѣ печеть совершенно по лѣтнему. Прилетѣли съ юга птицы и стали вить гнѣзда; жаворонокъ кружится и заливаается въ вышинѣ колокольчикомъ. Поползли червяки; гдѣ-то въ вскрывшемся прудѣ сладострастно квакнула лягушка. Огнемъ залило все тѣло молодой купчихи Безселендѣвой.

— Не могу я ноченьки спать! все тебя, ненагляднаго вижу! — говорить она старому, дряхлomu мужу своему.

— Спи! — рычитъ старый мужъ и, перекрестивши ротъ, перевертывается на другой бокъ.

Словомъ, все, въѣ улицы города Семиозерска переполнены какою-то особенною, горячею атмосферой.

Митенька тоже ощущаетъ на себѣ признаки всемогущей весны. Во-первыхъ, на лицѣ у него появилось безчисленное множество прыщей, что очень къ нему не идетъ. Каждый разъ, вечеромъ, передъ сномъ, онъ садится передъ зеркаломъ и спрашиваетъ камердинера своего Ивана:

— А что, братъ, кажется, ужь и въ самомъ дѣлѣ весна?

— Сами видите! — угрюмо отвѣчалъ Иванъ.

— Много?

— Не есть числа!

— Дай пудру!

Во-вторыхъ, онъ каждый день, около сумерокъ, пробирается

окольными переулками къ дому, занимаемому баронессой фонъ-Цанарцъ. Въ отдаленіи, на почтенномъ разстояніи, рѣютъ кварталныя.

Но административныя заботы парализируютъ все, даже порывы любви. Нѣтъ той силы, нѣтъ той страсти, которая изгнала бы изъ головы Митеньки земскія учрежденія. „Что такое земскія учрежденія?“ — спрашиваетъ онъ себя сто разъ на дню, и хотя объяснить не можетъ, но понимаетъ, чувствуетъ, что понимаетъ. И такимъ образомъ вліяніе весны уничтожается само собою и выражается въ однихъ прыщахъ. Напрасно хотеть онъ забыть свои преждевременныя опасенія, напрасно хотеть упиться виномъ любви: въ ту самую минуту, когда уста его уже отваживаются прикоснуться къ чашѣ, вдругъ что-то словно кольнетъ его въ бокъ: „а про земскія-то учрежденія и забылъ?“

— Вы не повѣрите, Marie, какъ я озабоченъ! — говоритъ онъ баронессѣ, которая смотритъ на него отчасти съ досадой, отчасти проницательно: — эти земскія учрежденія... я начинаю, наконецъ, думать о нигилизмѣ!

— Такъ вы... нигилистъ? — произноситъ баронесса и смотритъ еще насмѣшливѣе, какъ будто хотеть сказать: — Базаровъ никогда не позволилъ бы себѣ поступать такимъ нелѣпнымъ образомъ съ хорошенькой женщиной...

— Скажу вамъ, Marie, по секрету: мы всѣ, сколько насъ ни есть, мы всѣ немножко нигилисты... да! Разумѣется, мы обязаны, покамѣстъ, держать это подъ спудомъ, но вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь, и истина, *bon gré, mal gré*, должна же когда-нибудь открыться!

Баронесса съ изумленіемъ слушаетъ это новаго рода признаніе, но оно начинаетъ интересовать ее.

— *Au fait*, что такое нигилизмъ? — продолжаетъ ораторствовать Митенька: — отвиньте уродливыя крайности, урезоньте стриженыхъ дѣвиць... и, спрашиваю я васъ, что вы получите въ результатѣ? Вы получите: *vanitas vanitatum et omnia vanitas* — и больше ничего! Но развѣ это не правда? развѣ всѣ мы, начиная съ того древняго философа, который въ первый разъ выразилъ эту мысль, не согласны насчетъ этого?

Митенька наклоняется очень близко къ плечу баронессы и заискивающими глазами смотритъ ей въ лицо.

— Не нужно только бунтовать, — прибавляет онъ нѣжно.

— Но надѣюсь, что вы бунтовать не будете?

— Конечно, противъ васъ, Marie, какой же бунтъ съ моей стороны возможенъ?

— Вы меня не знаете, Marie, — говоритъ онъ таинственно: — я совсѣмъ не таковъ, какимъ кажусь съ перваго взгляда. Конечно, я служу... но вѣдь я честолюбивъ! Marie! поймите, вѣдь я честолюбивъ! Откиньте это, взгляните въ меня пристальнѣе — и вы увидите, что административная оболочка далеко не исчерпываетъ всего моего содержанія!

— Итакъ... вы повстанецъ?

— Я не говорю этого, баронесса, — опять-таки, зачѣмъ впадать въ крайности? но я могу... я, во всякомъ случаѣ, могу сохранить свою независимость! Этого, я надѣюсь, никто отъ меня не отниметъ!

Митенька чувствуетъ, что онъ все болѣе и болѣе запутывается, но приходъ барона очень кстати выводитъ его изъ неловкаго положенія.

— А знаешь ли, Шарль, вѣдь Дмитрій Павлычъ хочетъ идти... какъ еще это въ газетахъ пишутъ... „до лясу“, кажется? — продолжаетъ приставать баронесса.

— Что-жъ, вашество, въ городской лѣсъ уединиться изволите? — любезно шутить баронъ.

— Баронесса меня просто сегодня преслѣдуетъ... но, серьезно, у меня есть много кой о чемъ переговорить съ вами, баронъ!

— Къ вашимъ услугамъ, вашество.

— Во-первыхъ, баронъ, какъ хотите, а эти земскія учрежденія ужасно заботятъ меня...

— Что же въ особенности внушаетъ вашему опасенія?

— Нѣтъ, не опасенія собственно, но... какъ хотите, а это предметъ такой важности, что прежде, нежели приступить къ нему, необходимо, по моему мнѣнью, обсудить его внимательно и со всѣхъ сторонъ.

— Я, съ своей стороны, полагаю, вашество, что намъ предстоитъ только исполнить...

— Исполнить — это такъ; но, съ другой стороны, нельзя не принять во вниманіе и того, что и при самомъ исполненіи необходимо принять мѣры къ обезпеченію нѣкоторой свободы совѣсти...

Баронъ кусаетъ губы; баронесса просто хохочетъ.

— Нѣтъ, мсьё Козелковъ, я вижу, что вы и въ самомъ дѣлѣ помышляете „до лясу“!—говоритъ она.

— Вы смѣтаетесь, баронесса, а между тѣмъ тутъ дѣйствительно идетъ дѣло о предметѣ первой важности.

Митенька окончателно начинаетъ гнѣваться, и разговоръ упадаетъ самъ собою. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ удаляется, сопровождаемый насмѣшливыми взглядами баронессы. Въ отдаленіи рѣютъ квартальные.

На другой день губернскіе остроумцы развозятъ по городу извѣстіе, что Козелковъ скрылся „до лясу“ и что его даже видѣли въ городскомъ лѣсу токующимъ съ тетеревами.

IV.

Дни проходятъ за днями; Митенька все болтаетъ.

— Вы поймите мою мысль, —твердитъ онъ каждый день правителю канцеляріи:—я чего желаю? я желаю, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы священное право собственности было вполне обезпечено, чтобы порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ и; наконецъ, чтобы вездѣ и на всемъ видна была рука! Вы понимаете: „рука“! Вотъ программа, съ которою я выступаю на административное поприще; и натурально, что покуда я не осуществлю всѣхъ своихъ предположеній, покуда, такъ сказать, не увѣнчаю зданія, я не буду въ состояніи успокоиться. Не претендуйте же на меня, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ, что я частенько-таки буду повторять вамъ: впередъ! впередъ! впередъ! Есть вещи, объ которыхъ никогда нельзя достаточно наговориться, и къ числу ихъ принадлежатъ именно тѣ дѣла, о которыхъ я вамъ говорю и которыхъ достиженіе составляетъ всю задачу моей администраціи. Повторяю: покуда мы съ вами не достигнемъ ихъ, покуда я не приду къ убѣжденію, что, гдѣ бы я ни былъ, рука моя, все-таки, вездѣ будетъ давать себя чувствовать необременительнымъ, но, тѣмъ не менѣе, равномернымъ давленіемъ, — до тѣхъ поръ, говорю, я не положу оружія. А теперь будемъ подписывать бумаги.

Рѣчи эти, ежедневно и регулярно повторяемыя, до такой степени

остервенили правителя канцеляріи, что онъ, несмотря на всю свою сдержанность и терпкость, нѣсколько разъ покушался крикнуть: „молчать!“ И дѣйствительно, надо было войти въ кожу этого человека, чтобы понять весь трагизмъ его положенія. Каждый день, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, быть обязательнымъ слушателемъ длинноушихъ рѣчей и не имѣть права заткнуть уши, убѣжать, плюнуть или инымъ образомъ выразить свои чувства—какъ хотите, а такое положеніе можетъ навести на мысль о самоубійствѣ. Во время этихъ рѣчей почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ блѣднѣлъ и краснѣлъ, и ощущалъ въ рукахъ судорогу и даже чуть ли не колики въ желудкѣ. А Митенька, между тѣмъ, подписывалъ бумаги одна за другой, и все болталъ, все болталъ.

— Я бы желалъ,—ораторствовалъ онъ,—чтобы всѣ, начиная отъ самаго приближеннаго ко мнѣ лица и до самаго послѣдняго субалтернъ-офицера, поняли мою мысль такъ же точно, какъ я ее самъ понимаю. Я желалъ бы собрать всю губернію, соединить, такъ сказать, на одно мгновеніе всѣ административные рычаги въ одинъ пунктъ и сказать имъ: „Господа! вотъ моя мысль! вотъ моя программа! Поймите, господа, чтѣ я вамъ говорю, и сообразуйтесь!“ Да-съ, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ, я былъ бы совершенно счастливымъ начальникомъ, если бы это оказалось возможнымъ!

— Что-жь, вашество, это не трудно-съ; можно завтра же оповѣстить-съ,—отвѣчалъ правитель канцеляріи, заранѣе обольщаясь мыслью, что часть лежащей на немъ тяжести обрушится на другихъ.

— Вы полагаете оповѣстить здѣшнихъ?

— Точно такъ, здѣшнихъ-съ.

— Да, это недурно; но все же это не то. Я желалъ бы, чтобы вся губернія—понимаете, *вся* губернія?—присутствовала при этой моей, такъ сказать, внутренней исповѣди. Вы читали Карамзина?

— Такъ точно-съ.

— Помните тамъ одно мѣсто, когда Іоаннъ Грозный, убѣжденный добродѣтельнымъ Сильвестромъ, рѣшается... это можетъ вамъ дать нѣкоторую идею о томъ, чего бы именно я желалъ!

— Осмѣлюсь, вашество, доложить, что царь Иванъ Васильевичъ не долженъ былъ испрашивать разрѣшенія высшаго начальства, чтобы устроить подобное торжество, а вашество...

Митенька закручинился.

— Да, — сказалъ онъ: — вѣдь я забываю объ этихъ подробностяхъ. Да, Разумникъ Семенычъ, вся жизнь наша — подробности, и притомъ жалкія, несносныя подробности! Желалъ бы парить, желалъ бы летѣть — анъ, смотришь, крылья вдолъ и поперекъ связаны!

— Такъ прикажете, вашество, здѣшнихъ покамѣсть оповѣстить?

— Да, покамѣсть... а впоследствии надѣюсь постепенно, съ Божьею помощію, и прочихъ пріобщить къ осуществленію моихъ плановъ!

Разумѣется, правитель канцеляріи поспѣшилъ исполнить данное приказаніе, но исполнилъ его такимъ образомъ, что по городу сей-часъ же разнеслись цѣлыя легенды.

Послѣдствіемъ этого было, что на другой день мѣстные гранды сказались больными (такъ что все присутственныя мѣста въ Семиозерскѣ были въ этотъ день закрыты), а исправникъ, какъ только прослышалъ о предстоящей исповѣди, ту-жь минуту отправился въ уѣздъ. Явился только городской голова съ гласными да бургомистръ съ ратманами, но Митенька и тутъ нашелся.

— Много званыхъ, но мало избранныхъ, — такъ началъ онъ рѣчь свою: — очень радъ, господа, что имѣю дѣло съ почтенными представителями одного изъ почтеннѣйшихъ сословій нашего любимого отечества, нашей дорогой сердцу Россіи! Милостивые государи! нѣтъ сомнѣнія, что трудъ есть то оживляющее начало, которое въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ представляетъ собой главный государственный нервъ. Трудящійся человѣкъ тихъ, скромнъ, покорнъ начальству и заботится объ исправномъ платежѣ податей и повинностей. Трудящійся человѣкъ спѣшитъ на защиту отечества въ минуту опасности, ибо знаетъ, что опасность эта угрожаетъ и его труду. Лѣнливый, напротивъ того, безпокоенъ, строптивъ, къ начальству непочтителенъ и къ уплатѣ податей равнодушенъ. Лѣнливый на самую опасность отечества взираетъ беззаботно и на защиту его не спѣшитъ. Таково, милостивые государи, значеніе труда въ общей государственной системѣ, и я совершенно счастливъ, что имѣю честь объяснить это передъ вами, какъ передъ естественными его представителями.

Дмитрій Павлычъ остановился, чтобы перевести духъ и въ то же время дать возможность почтеннымъ представителямъ сказать свое

слово. Но послѣдніе стояли выпучивши на него глаза и тяжко вздыхали. Городской голова понималъ, однакожь, что надобно что-нибудь сказать, и даже нѣсколько разъ раскрывалъ ротъ, но какъ-то ничего у него, кромѣ: „мы, вашество, всѣ силы-мѣры“, не выходило. Такимъ образомъ Митенька вынужденъ былъ одинъ нести на себѣ всѣ тяжести предпринятаго имъ словеснаго подвига.

— Я желалъ бы, чтобы вы поняли мою мысль, господа!—продолжаетъ онъ.—Чего я хочу, къ чему я стремлюсь? Отвѣтъ на это очень простой. Я хочу, чтобы всѣ, по возможности, были довольны, чтобы никто не былъ обиженъ, чтобы всякій могъ беззаботно пользоваться плодами рукъ своихъ. Я стремлюсь къ тому, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы священное право собственности было для всѣхъ обезпечено и чтобы порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ. Надѣюсь, почтенные представители, что въ этихъ желаніяхъ и стремленіяхъ нѣтъ ничего такого, чему бы вы не сочувствовали. (Представители еще болѣе пялятъ глаза на Митеньку; нѣкоторые, однакожь, кланяются; городской голова шепчетъ: „мы, вашество, всѣ силы-мѣры!“) Не сомнѣваюсь, друзья мои, не сомнѣваюсь! знаю и вижу. Но, съ другой стороны, ежели я буду желать и стремиться одинъ, ежели я буду усиливаться, а почтенные представители отечественной гражданственности и обществнности не будутъ оказывать мнѣ содѣйствія („мы, вашество, всѣ силы-мѣры!“ озлобленно сопить голова), то спрашиваю я васъ: чтѣ изъ этого можетъ произойти? А вотъ чтѣ, друзья мои: я могу уподобиться форрейтору, который, не замѣчая, что постромки, привязывавшія къ экипажу выносныхъ лошадей, оборвались, все мчитъ впередъ и впередъ, между тѣмъ какъ экипажъ давно остановился и погрязъ въ болотѣ...

Вымолвивши такую штуку, Митенька окончательно сталъ въ тупикъ и даже раскрылъ ротъ. Проходитъ нѣсколько томительныхъ минутъ, покуда Митенька, наконецъ, убѣждается, что кончить какъ-нибудь, все-таки, надобно. На сей разъ онъ рѣшается „завершить зданіе“ посредствомъ фигуры воззванія, поощренія или возбужденія.

— Итакъ, господа, впередъ! Бодрость и смѣлость! Вы знаете мою мысль, я знаю вашу готовность! Если мы соединимъ то и другое, а главное если дадимъ нашимъ усиліямъ надлежащее направленіе, то, будьте увѣрены, ни зависть, ни неблагонамѣренность не осмѣлятся

уязвить насъ своимъ жаломъ; я же, съ своей стороны, во всякое время готовъ буду ходатайствовать о достойнѣйшихъ предъ высшимъ начальствомъ. Прощайте, господа! не смѣю удерживать васъ посреди вашихъ полезныхъ занятій. До свиданія!

Митенька сдѣлалъ прощальный знакъ рукою и вышелъ. Но почтенные представители долго еще не могли придти въ себя отъ удивленія. Все мнилось имъ, что это не даромъ, и что хотя Митенька ни слова не упомянулъ о пожертвованіи, но пожертвованіе требуется. Градской голова до такой степени былъ убѣжденъ въ этомъ, что, сходя съ крыльца Митенькиной квартиры, обратился къ своимъ сотоварищамъ и молвилъ:

— Что-жъ, православные, по мѣрѣ силы-возможности каждого есть долгъ и обязанность! А нутко, Господи благослови! ура!

V.

Дни идутъ за днями, а Митенька все болтаетъ.

— Знаете ли что?—говоритъ онъ однажды правителю канцеляріи.

При этомъ вступленіи Разумникъ Семенычъ зеленѣеть, запускаетъ подъ жилетъ руку и всею пятерней до крови скребетъ себѣ грудь.

— Я желалъ бы имѣть въ своемъ распоряженіи публициста!—продолжаетъ между тѣмъ Митенька съ невозмутимѣйшимъ хладнокровіемъ.

— Лгунице ты необузданный?—шипитъ про себя Разумникъ Семенычъ, но вслухъ говоритъ:—То-есть, какъ же это, вашество, публициста?

— Подъ публицистомъ я разумѣю такого механика, которому я могъ бы подать мысль, намекнуть, а онъ бы сейчасъ привелъ все это въ порядокъ!

— Если вашему угодно что-нибудь приказать, то, кажется, мы всегда...

— Нѣтъ, это не то! я вижу, что вы меня не понимаете! Вы исполняете свои обязанности, а публицистъ долженъ исполнять свои! Въ Петербургѣ это ведется такъ: чиновники пишутъ свое, публи-

цисты—свое. Ежели начальникъ желаетъ распорядиться келейно, то приказываетъ чиновнику; ежели онъ желаетъ выразить свою мысль въ приличной формѣ, то призываетъ публициста! Вы меня поняли?

— Поняль-сь.

— Слѣдственно, вы должны понять и то, что человѣкъ, который бы могъ быть готовымъ во всякое время слѣдовать каждому моему указанію, который былъ бы въ состояніи не только понять и уловить мою мысль, но и дать ей приличныя формы, что такой человѣкъ, повторяю я, мнѣ рѣшительно необходимъ. Въ настоящее время я безъ рукъ: ибо, спрашиваю я васъ, въ чемъ собственно заключается моя обязанность? Моя обязанность заключается въ томъ, чтобы подать мысль, начертить, сдѣлать наметку... но сплотить все это, собрать въ одно цѣлое, сообщить моимъ намѣреніямъ гармонію и стройность—все это, согласитесь, находится уже, такъ сказать, внѣ круга моихъ обязанностей, на все это я долженъ имѣть особаго человѣка! Вы меня поняли? Вы поняли, что я хочу вамъ сказать?

— Но какія же, вашество, будутъ занятія у этого публициста?

— Выслушайте меня. Вы уже знаете изъ объясненій со мной, что на мнѣ собственно лежитъ, такъ сказать, внутренняя политика—и ничего больше. Всѣ эти бумаги: донесенія, предписанія, подтвержденія—все это только печальная необходимость, которой я подчиняюсь единственно потому, что куда это такъ требуется. Но главное—все-таки, политика. Что такое „политика“? Политика, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ,—это такое обширное понятіе, которое въ немногихъ словахъ объяснить довольно трудно. Политика—это все. Достаточно будетъ, если я на первый разъ скажу вамъ, что политика можетъ быть разныхъ родовъ; можетъ быть политика здравая ■ можетъ быть политика гибельная; можетъ быть политика, ведущая къ наилучшему концу, и можетъ быть политика, которая ни къ чему, кромѣ разстройства, не приводитъ. Но для того, чтобы мысль моя была для васъ еще яснѣе, очерчу въ легкомъ абрисѣ мою собственную политику. Я желаю, во-первыхъ, чтобы у меня процвѣтала торговля; во-вторыхъ, чтобы священное право собственности было вполне обезпечено, и, въ-третьихъ, наконецъ, чтобы порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ. Вотъ моя внутренняя политика. Но будемъ продолжать нить нашего разсужденія. Имѣя, такимъ образомъ, опредѣленную внутреннюю политику, я, съ одной стороны, долженъ

быть весьма озабоченъ ею; съ другой же стороны, эта самая озабоченность должна на каждомъ шагѣ возбуждать во мнѣ самыя разнообразныя мысли. При настоящемъ моемъ, такъ сказать, изолированномъ положеніи, чтò дѣлается съ моими мыслями? Хоть и горько, но я долженъ сознаться, чтò большая ихъ часть забывается и исчезаетъ безслѣдно. Я мыслю, и въ то же время не мыслю, потому что не имѣю въ распоряженіи своемъ человѣка, который слѣдилъ бы за моими мыслями, могъ бы уловить ихъ, такъ сказать, налету и, въ концѣ концовъ, изложить въ приличныхъ формахъ. Вотъ здѣсь-то, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ, именно и нуженъ мнѣ публицистъ, то-есть такой механикъ, которому я могъ бы во всякое время сказать: „вотъ, милостивый государь, моя мысль! Теперь не угодно ли вамъ привести ее въ надлежащій видъ!“ Вы меня поняли?

— Понимаю, вашество, и осмѣлюсь, съ своей стороны, доложить...

— Знаю, почтеннѣйшій Разумникъ Семенычъ, знаю! и ко всему мною уже высказанному могу прибавить одно: вы меня знаете, и слѣдственно можете быть увѣрены, что я всегда готовъ ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ за достойнѣйшихъ!

Въ тотъ же день публицистъ былъ отысканъ. Это былъ нѣкто Златоустовъ, учитель словесности въ семиозерской гимназій, homo scribendi peritus, уже нѣсколько разъ помѣщавшій въ мѣстной газетѣ статьи о предполагаемыхъ водопроводахъ и о преимуществѣ спиртового освѣщенія передъ маслянымъ. Вечеромъ онъ уже имѣлъ съ Митенькой продолжительное совѣщаніе, во время котораго держалъ себя очень ловко, то-есть смотрѣлъ своему амфитріону въ глаза, улыбался и по временамъ нетерпѣливо повертывался въ креслѣ, словно конь, готовый по первому знаку заржать и пуститься въ атаку. Однимъ словомъ, показалъ видъ, что сочувствуетъ и понимаетъ. А въ слѣдующемъ же номерѣ губернскихъ вѣдомостей былъ напечатанъ слѣдующій leading къ читателямъ:

„НАШИ ЖЕЛАНІЯ“

„Читатель! тебѣ покажется страннымъ, что мы чего-нибудь желаемъ. Тебѣ все еще сдается, что мы не созрѣли, не имѣемъ права желать, и что за насъ долженъ желать кто-то другой... Разувѣрся!

Посмотри кругомъ себя и вложи пальцы въ язвы. Чтò ты видишь окрестъ? ты видишь просвѣщенное начальство, которое, съ своей стороны, ничего такъ страстно не жаждетъ, какъ того, чтобы ты желалъ, и не только желалъ, но и выражалъ свои желанія устно и письменно. Чтò такое „начальство“? спросишь ты меня. — Начальство, отвѣчаю я тебѣ, есть то зиждущее, всепроникающее начало, которое непрестанно бдитъ и изыскиваетъ. О чемъ бдитъ? чтò изыскиваетъ? Вотъ тѣ вопросы, надъ которыми тебѣ предстоитъ задуматься, читатель, и надъ которыми ты несомнѣнно задумаешься, если дашь себѣ трудъ вникнуть въ смыслъ моихъ словъ. Я же, съ своей стороны, продолжаю.

„Итакъ, несмотря на кажущуюся странность подобной претензіи, мы желаемъ. Чего мы желаемъ? Мы желаемъ: во-первыхъ, чтобы промышленность въ нашемъ краю процвѣтала; во-вторыхъ, чтобы священное право собственности повсюду и для всѣхъ было обеспечено, и, въ-третьихъ, наконецъ, чтобы порядокъ ни въ какомъ случаѣ нарушенъ не былъ. Желанія, повидимому, очень скромныя; да они и не „повидимому“ только скромны, но и въ самомъ существѣ своемъ. Ибо кто же изъ васъ, читатели, желалъ бы, чтобы рынки наши представляли картину запустѣнія, чтобы собственность наша была отнята или поругана или чтобы мѣръ потрясается громами революцій? Конечно, врядъ-ли найдется такой чудакъ, а это несомнѣнно доказываетъ, что стремленія, нами высказанныя, не только скромны, но и вполне осуществимы. Однако на дѣлѣ оно выходитъ не совѣтъ такъ.

„Чтò такое промышленность? спрашиваемъ мы самихъ себя. — Промышленность (industrie), отвѣчаютъ намъ экономисты, есть совокупность тѣхъ плодовъ, которые составляютъ необходимый результатъ занятія рукъ человѣческихъ. Слѣдственно, гдѣ руки человѣческія не праздно, тамъ есть занятіе; гдѣ есть занятіе — тамъ въ результатѣ плоды, то-есть промышленность. Тò ли мы видимъ у насъ? На это позволимъ себѣ отвѣчать фактомъ, котораго мы, къ несчастію, были очевидцами. На дняхъ, отправившись, для прогулки, въ загородный садъ, мы шли мимо заведенія, надъ дверьми котораго нахально красуется вывѣска: „и дешево, и сердито“. И въ самомъ заведеніи, и около него толпилось простонародье, хотя день былъ не праздничный, погода стояла ясная и теплая и все, казалось, приглашало къ живо-

творящему труду. Насъ это изумило; мы обратились къ одному пзъ стоявшихъ у дверей съ вопросомъ: какая причина такого многочисленнаго сборища?—и получили отвѣтъ: „извѣстно, зачѣмъ въ кабакъ ходять!“ Не удовлетворившись этимъ, мы вновь спросили: „но отчего же вы не работаете, друзья?“ но на этотъ вопросъ, вмѣсто отвѣта, послѣдовалъ наглый, возмущающій душу смѣхъ!! Вотъ наша промышленность!

„Затѣмъ, чтò такое собственность? и въ чемъ должно заключаться ея обезпеченіе? Тѣ же экономисты отвѣчаютъ намъ: собственность есть прямое и законное продолженіе промышленности, это есть промышленность, такъ сказать, консолидированная. Изъ такого опредѣленія не въ правѣ ли мы будемъ вывести слѣдующій силлогизмъ: гдѣ человѣческія руки не празды, тамъ есть занятіе; гдѣ есть занятіе, тамъ въ результатѣ есть плодъ, а гдѣ есть плодъ, тамъ неминуюемо должна быть и собственность (proprietas)? Tout s'enchaîne, tout se lie dans ce monde, говорить одинъ знаменитый писатель, и ежели мы признаемъ законность этой связи (а не признать ея невозможно), то, само собой разумѣется, должны будемъ признать и законность того явленія, которое изъ нея выходитъ. Но то ли мы видимъ у насъ? На это, опять-таки, позволимъ себѣ отвѣтить разсказомъ объ одномъ происшествіи, котораго мы были на дняхъ не только очевидцами, но и жертвою. Не далѣе, какъ 7-го сего мѣсяца, ночью, въ квартиру нашу вошли воры. Мы спали. Только на другой день утромъ уже удостовѣрились мы, что были самымъ наглýmъ образомъ лишены наиболѣе цѣннаго имущества. Разумѣется, мы тотчасъ же обратились въ полицію — и чтò же встрѣтили? Вмѣсто того, чтобы немедленно броситься по горячимъ слѣдамъ и отыскать преступниковъ, полиція къ намъ же обратилась съ вопросами: гдѣ мы во время происшествія были, чтò дѣлали и не вымысленъ ли нами самый фактъ съ какими-либо противозаконными цѣлями!!! Вотъ наши понятія о собственности!

„Все это прямо приводитъ насъ къ вопросу объ обезпеченіи. Ежели собственность есть явленіе законное, то само собой разумѣется, что она должна быть обезпечена и что пользованіе ею должно считаться неприкосновеннымъ правомъ того, кому оно путемъ наслѣдованія или купли принадлежитъ. Но чтò больше и дѣйствительнѣе всего можетъ обезпечить спокойное обладаніе собственностью? Отвѣтъ

на этотъ вопросъ заключается въ третьемъ и главномъ нашемъ желаніи—въ томъ, *чтобы порядокъ ни въ какомъ случаѣ нарушенъ не былъ.*

„И дѣйствительно, разсматривая „порядокъ“ съ точки зрѣнія полного и гармоническаго соотвѣтствія всѣхъ частей цѣлаго, мы безъ труда найдемъ, что въ немъ одномъ заключается зиждительная государственная сила. Онъ даетъ намъ обезпеченіе и ограду; съ одной стороны, онъ успокаиваетъ и проливаетъ утѣшеніе въ сердце труженика; съ другой—устрашаетъ и полагаетъ препону тунеядцу, ищущему безъ труда воспользоваться плодами рукъ своего ближняго; онъ поощряетъ гражданина скромнаго, вѣрнаго и преданнаго и угрожаетъ карой гражданину наглому, безпокойному и преданному анархическимъ стремленіямъ.

„Итакъ, мы всѣ желаемъ порядка—это несомнѣнно; но для того, чтобы достигнуть этой дорогой для насъ цѣли, что должны мы сдѣлать, читатель? И на это есть отвѣтъ очень простой: мы должны всѣ вообще и соединенными силами содѣйствовать просвѣщенному начальству въ его благихъ стремленіяхъ къ прекращенію безпорядковъ. Знаемъ, что вошло въ обычай и даже сдѣлалось какъ бы модой обвинять начальство въ тѣхъ неустройствахъ, которыхъ мы, къ сожалѣнію, нерѣдко бываемъ свидѣтелями. Но справедливо ли это? сойдемте въ глубину нашей совѣсти, исповѣдуемте самихъ себя: исполняемъ ли мы, общество, какъ слѣдуетъ, наши обязанности въ отношеніи къ начальству? Мы, конечно, могли бы въ отвѣтъ на это привести великое множество фактовъ, очень знаменательныхъ, но... на сей разъ умолкаемъ.

„Однакоже умолкаемъ лишь на время. А куда попросимъ читателя поразмыслить надъ нашимъ настоящимъ обращеніемъ: быть можетъ, ему удастся разрѣшить кое-что и безъ нашей помощи“.

Когда Митенькѣ принесли нумеръ вѣдомостей, въ которомъ была напечатана эта статья, то онъ, не развертывая, подалъ его правителю канцеляріи и сказалъ:

— Вотъ мой публицистъ!

VI.

Дни идутъ за днями, а Митенька все болтаетъ.

Всѣ его оставили, всѣ избѣгаютъ. Баронесса ощущаетъ нервныя припадки при одномъ его имени; супругъ ея говоритъ: „этотъ чело-вѣкъ испортилъ мою Marie!“ и безъ церемоніи называетъ Митеньку наѣзжею слякотью; обыватели, завидѣвши его на улицѣ, поспѣшно перебѣгаютъ на другую сторону; долго крѣпился правитель канцеляріи, но и тотъ, наконецъ, не выдержалъ и подалъ въ отставку.

— Я васъ рѣшительно не понимаю, Разумникъ Семенычъ!— сказалъ ему Козелковъ, когда тотъ объяснилъ предметъ своего прошенія.

— Имѣю желаніе отдохнуть-съ.

— Помилите! теперь такое время... съ одной стороны, земскія учрежденія, съ другой стороны, внѣшнія и внутреннія неурядицы...

— Не въ мѣру, вашество, притѣснять меня изволите!

— Я васъ притѣсняю? я?

— Предика эта... каждый день-съ!

Правитель канцеляріи даже побагровѣлъ отъ изступленія при этомъ воспоминаніи.

— Но, согласитесь сами, долженъ же я убѣдиться, что вы поняли мою мысль!

— Имѣю желаніе отдохнуть-съ!

— Странно!

Митенька съ горечью швырнулъ прошеніе на столъ.

— Будетъ сдѣлано распоряженіе-съ,—сказалъ онъ сухо и расшаркнулся.

Когда правитель канцеляріи вышелъ, Митенька раздумался.

— Вотъ,—думалъ онъ:—человѣкъ, который отчасти уже понималъ мою мысль—и вдругъ онъ оставляетъ меня, и когда оставляетъ въ самую рѣшительную минуту! Въ ту минуту, когда у меня все созрѣло, когда планъ кампаніи былъ уже начертанъ, и только оставалось, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ ринуться, чтобъ овладѣть!

Митенька въ одну минуту одѣлся и полетѣлъ въ губернское правленіе съ секретною цѣлью застать членовъ врасплохъ и сразу обдать ихъ потокомъ своего краснорѣчія. Тѣ такъ и ахнули.

— Господа!—сказаль онъ, засѣвши въ кресло:—я желаль бы, чтобы вы поняли мою мысль. Покуда мы будемъ тянуть въ разныя стороны: я въ одну, а вы въ другую—до тѣхъ поръ, говорю я, управленіе у насъ идти не можетъ! Быть можетъ, вы захотите знать, чего я желаю?—въ такомъ случаѣ, прошу разъ навсегда, выслушайте меня внимательно и запомните, что я вамъ скажу. Желанія мои болѣе нежели скромны; я желаю, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы священное право собственности было вполне обезпечено и чтобы порядокъ, ни подъ какимъ видомъ, нарушенъ не былъ. Вотъ программа, съ которою я вступилъ на поприще административной дѣятельности. Конечно, программа эта обширна, даже, смѣю сказать, слишкомъ обширна; конечно, она обнимаетъ собой все, такъ сказать, нервы общественнаго благоустройства; но, съ другой стороны, развѣ вы не имѣете во мнѣ совѣтника, всегда готоваго разрѣшить все ваши недоумѣнія? развѣ вы не имѣете во мнѣ всегда вѣрную и надежную опору? Господа! я ничего болѣе не желаю, кромѣ того, чтобы вы поняли мысль мою и приняли ее къ соображенію. Все остальное я беру на себя. Излишнимъ считаю повторять вамъ, что я, съ своей стороны, всегда готовъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ за достойнѣйшихъ. Вы знаете, что въ этомъ отношеніи я твердо держу свое слово. Прощайте.

Это было послѣднее словесное торжество Митеньки. Онъ изнемогъ подъ бременемъ собственнаго своего краснорѣчія и вечеромъ почувствовалъ себя дурно, а къ ночи уже бредилъ.

— Доврался-таки! — говорилъ Иванъ съ укориною, когда Митенька, весь въ огнѣ, показываль уже признаки горячечнаго состоянія.

— Ты пойми мою мысль, болванъ!—отвѣчалъ ему Митенька:—я чего желаю? я желаю, чтобы у меня процвѣтала промышленность, чтобы поля были тщательно удобрены, но чтобы въ то же время порядокъ ни подъ какимъ видомъ нарушенъ не былъ!

И вдругъ, среди самаго, повидимому, мирнаго настроенія мысли, онъ вскочилъ, какъ озаренный, и не своимъ голосомъ закричалъ:

— Раззорю!

VII. — Сомнѣвающійся.

„Онѣ“ началъ задумываться почти внезапно.

Видѣ задумывающагося человѣка вообще производитъ тягостное впечатлѣніе; но когда видишь задумывающагося помпадурѣ, то дѣлается не только тяжело, но даже неловко. И тутъ, и тамъ — тайна; но въ первомъ случаѣ — тайна, отъ которой никому ни тепло, ни холодно; во второмъ — тайна, къ которой всякій невольнымъ образомъ чувствуетъ себя прикосновеннымъ. Эта послѣдняя тайна очень мучительна, ибо неизвѣстно, чтѣ именно она означаетъ: сомнѣніе или рѣшимость?

Если задумчивость имѣетъ источникомъ сомнѣніе, то она для обывателей выгодна. Сомнѣніе (на помпадурскомъ языкѣ) — это не что иное, какъ разбродъ мыслей. Мысли бродятъ, какъ въ лѣтнее время мухи по столу; побродятъ, побродятъ и улетятъ. Сомнѣвающійся помпадуръ — это простой смертный, предпринявшій ревизію своей души; а такъ какъ мѣстопробываніе послѣдней неизвѣстно, то и выходятъ пустое дѣло.

Совѣтъмъ другого рода задумчивость, предшествующая рѣшимости: это задумчивость полная содержанія, но содержанія неизвѣстнаго, угрожающаго. А такъ какъ исторія слишкомъ рѣдко представляетъ примѣры помпадуровъ сомнѣвающихся, то и обыватели охотнѣе истолковываютъ помпадурскую задумчивость рѣшимостью, нежели сомнѣніемъ. Задумался — значитъ вознамѣрился нѣчто предпринять. Чтѣ именно?

На этотъ разъ, однакожь, содержаніе задумчивости составляло сомнѣніе. Вчера еще онѣ былъ полонъ силъ и вѣры — и вдругъ усомнился.

Изъ объясненій съ правителемъ канцеляріи онѣ совершенно случайно узналъ, что существуетъ законъ, который въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшаетъ, въ другихъ — связываетъ. И до того времени ему, конечно, было небезызвѣстно, что законъ есть, но онѣ представлялъ его себѣ въ видѣ переплетенныхъ книгъ, стоящихъ въ шкафу. Когда эти книги валялись по столамъ и имѣли разорванный и замасленный видъ, то онѣ называлъ это безпорядкомъ; когда онѣ стояли чинно на

полкъ, онъ былъ убѣжденъ, что порядокъ у него въ лучшемъ видѣ. Но разрѣшающей или связывающей силы закона онъ не зналъ, и даже скорѣе предполагалъ, что законъ есть не что иное, какъ дикюрамбъ, сочиненный на пользу и въ поощреніе помпадурамъ. И такъ какъ онъ былъ человекъ скромный и всегда краснѣлъ, когда его въ глаза хвалили, то понятно, что онъ не особенно любилъ заглядывать въ законы.

И вотъ, въ одно прекрасное утро, когда онъ предположилъ окончательно размахнуться, правитель канцеляріи объявилъ ему о существованіи закона, который маханію руками поставляетъ извѣстные предѣлы.

— Возьмемъ хоть бы лозу, — сказалъ онъ: — есть случаи, въ которыхъ дѣйствіе ея признается полезнымъ, и есть другіе, въ которыхъ дѣйствіе сіе совсѣмъ не допущается-сь.

— Что-жь, вы, что-ли, будете указывать мнѣ, когда можно и когда нельзя? — спросилъ „онъ“ нѣсколько проницески.

— Не я-сь, а законъ-сь.

— Весьма любопытно.

На этотъ разъ разговоръ исчерпался; но въ то же утро, придя въ губернское правленіе и проходя мимо шкафа съ законами, помпадуръ почувствовалъ, что его нѣчто какъ бы обожгло. Подозрѣніе, что въ шкафу скрывается змій, уже запало въ его душу и породило какое-то странное любопытство.

Что заключается въ этихъ томахъ, глядящихъ корешками наружу? Какимъ слогомъ написано то, что тамъ заключается? Употребляются ли слова, въ родѣ: „закатить“, „влѣпить“, которыя онъ считалъ совершенно достаточными для отправленія своего несложнаго правосудія? или, быть можетъ, тамъ стоятъ совершенно другія слова? И точно ли тамъ заключается это странное слово „нельзя“, которое, съ самой минуты своего вступленія въ помпадуры, онъ считалъ упрядненнымъ, и о которомъ такъ не въ пору напомнилъ ему правитель канцеляріи?

Все это было до такой степени любопытно, что, несмотря на то, что онъ всячески старался не выказать своего безпокойства, но подъ конецъ не выдержалъ-таки и, какъ-то боязливо улыбаясь, обратился къ правителю канцеляріи:

— А ну-те-сь: желаю я, напимѣрь, подвергнуть тѣлесному наказанію мѣщанина Прохорова... какъ-сь? разрѣшите вы мнѣ пли нѣтъ?

— Мнѣ что-же-съ! не я, а законъ-съ.

— Ну, положимъ, хоть бы и законъ-съ?

Правитель канцеляріи направился-было къ шкафу, но на полъ-дорогѣ остановился.

— Келейно высѣчь-съ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не келейно, а какъ слѣдуетъ... по закону-съ!

Правитель канцеляріи раскрылъ томъ и показалъ статью о лицахъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія.

„Онъ“ прочиталъ однажды; потомъ какъ-то механически повторилъ прочитанное по складамъ. На него вдругъ пахнуло чѣмъ-то совершенно новымъ и неожиданнымъ.

— А въ указѣ, который по сему предмету изданъ былъ, даже прямо истолковано, — объяснялъ, между тѣмъ, правитель канцеляріи, — что мѣщане потому отъ тѣлеснаго наказанія изъемяются, что они, какъ образованные, имѣютъ больше чувствительности...

— А въ какомъ университетѣ Прохоровъ образованіе получилъ?

— Какое образованіе-съ!.. просто дикій человѣкъ-съ!

— Влѣпите ему!

Никогда „онъ“ не былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи духа. Опасность, казалось, придала ему крылья и превратила предназначенную Прохорову казнь въ какую-то личную противъ него месть. При обыкновенномъ ходѣ вещей Прохоровъ, быть можетъ, былъ бы отпущенъ съ однимъ внушеніемъ; теперь же онъ представлялъ собою врага, на которомъ должна была найти себѣ примѣненіе первая изъ помпадурскихъ доблестей: презрѣніе къ опасностямъ. До сихъ поръ, не сомнѣваясь въ диэирамбическомъ содержаніи закона, помпадуръ руководился исключительно инстинктомъ, и потому размахивался лишь въ такихъ случаяхъ, когда того требовала его широкая натура. Теперь эта самая широкая натура, разожженная непредвидѣннымъ препятствіемъ, выступила разомъ со всѣми своими правами и какъ бы подсказывала ему: да докажи ты ему, милый человѣкъ, каково-такое существуетъ въ пользу его изъятіе!

— Не позволите ли келейно-съ?—докладывалъ встревоженный правитель канцеляріи:—все одно свою норцію получить-съ!

Но „онъ“ уже не слушалъ, а съ какою-то дурной ироніей повторялъ:

— Нѣтъ, по закону-сь! Я—по закону-сь! Не отступаю-сь... ни на шагъ-сь... ни на волосъ-сь!

И затѣмъ приготовился выйти изъ присутствія, но въ дверяхъ, какъ бы вспомнивъ нѣчто, опять повернулся всѣмъ корпусомъ и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Влѣпите-сь!

Очевидно было, однакожь, что это былъ послѣдній, почти насильственный взрывъ темперамента, не вѣдаваго узды. Мысль была ужъ возбуждена, и ежели не осадила человѣка сразу, то въ ближайшемъ будущемъ должна была выйти побѣдительницей.

Мучимый любопытствомъ, онъ напрасно старался подавить тревожное чувство, овладѣвшее всѣмъ существомъ его. Онъ дурно обѣдалъ, дурно спалъ послѣ обѣда. Работа разложенія дѣлала свое дѣло, и прежнее прочное и цѣльное міросозерцаніе терпѣло видимые ущербы. До сихъ поръ онъ относился къ встрѣчающимся въ природѣ разнообразностямъ почти безсознательно, какъ къ созданію своего внутренняго я. И вдругъ оказывается, что разновидности существуютъ въ природѣ вполне независимо отъ личныхъ его вкусовъ и даже предъ-являютъ претензію на обязательное ихъ признаніе.

„Изъ сего изъемяются...“ Эти слова онъ видѣлъ самъ, собственными глазами, и чѣмъ больше вдумывался въ нихъ, тѣмъ больше они его поражали. Первая степень изумленія формулировалась такъ: „отчего же я этого не зналъ?“ Во второй степени формула уже усложнилась и представлялась въ такомъ видѣ: „отчего же, несмотря на несомнѣнность изъятій, я всегда дѣйствовалъ такъ, какъ бы ихъ не существовало, и никакого ущерба отъ того для себя не получалъ?“

Это былъ вопросъ настолько для него существенный, что онъ даже предложилъ его правителю канцеляріи.

— До поры, до времени-сь,—уклончиво отвѣчалъ послѣдній:—вотъ и Филиппъ Филиппычъ (предмѣстникъ помпадура) тоже блаженствовалъ, да пріѣхалъ ревизоръ-сь...

— Позвольте! не объ этомъ васъ спрашиваютъ. Ревизоръ—это само собою. Это—коли и я захочу: пріѣду и прекращу. Но вѣдь вы говорите, что они, эти изъятія-то, всегда существуютъ и существовали?

— Всегда-съ.

— Не въ ревизорѣ, а въ законѣ... вотъ здѣсь, у васъ въ шкафу?

— Точно такъ-съ.

— Почему же?!

Онъ выпрямился во весь ростъ, какъ бы говоря: ты видишь, однако, что я до сихъ поръ живѣхонекъ!

— То-то, все до поры, до времени-съ.

Отвѣтъ этотъ, однакожь, не удовлетворилъ его, потому что правитель канцеляріи только представлялъ центръ тяжести: отъ помпадура къ ревизору. А ему хотѣлось знать, какимъ образомъ этотъ центръ тяжести, будучи первоначально заключенъ въ шкафу съ законами, вдругъ оттуда исчезъ, а теперь, въ роли непомняшаго рода, перебѣгаетъ отъ помпадура къ ревизору, а отъ ревизора опять къ помпадуру.

— Дуракъ!—сказалъ онъ рѣзко.

Правитель слегка зарумянился и уткнулся въ бумагу.

Онъ это замѣтилъ и поспѣшилъ поправиться.

— Извините, пожалуйста, я погорячился. Постараетесь привести это дѣло въ ясность. Итакъ, вы утверждаете, что изъятія существуютъ?

— Существуютъ-съ.

— Что они не могутъ быть ни отмѣнены, ни измѣнены? Что и я, и ревизоръ, и чортъ, и дьяволъ—всѣ одинаково обязаны имѣть ихъ въ виду и соображаться съ ними? Такъ, что-ли?

— Точно такъ-съ.

— Почему-жь?!

Онъ опять выпрямился во весь ростъ, какъ бы спрашивая: да почему жъ я до сихъ поръ живъ-живѣхонекъ?

— Все до поры, до времени-съ...

— Садитесь!

Загадка не давалась, какъ кладъ. На всѣ лады перевертывалъ онъ ее, и все оказывалось, что онъ кружится какъ бѣлка въ колесѣ. Съ одной стороны складывалось такъ: ежели эти изъятія, о которыхъ говоритъ правитель канцеляріи—изъятія солидныя, то, стало быть, мнѣ мать. Съ другой стороны выходило и такъ: ежели я никакихъ изъятій никогда не зналъ и не знаю, и за всѣмъ тѣмъ чувствую себя совершенно хорошо, то, стало быть, мать изъятіямъ.

Что правитель смѣшалъ тутъ два предмета совершенно разнородныхъ: ревизора и шкафъ съ законами—это было для него ясно. Что такое ревизоръ? это человѣкъ, сложенный изъ такого же матеріала, какъ и онъ, помпадуръ. Это—помпадуръ въ квадратъ, — и ничего больше. Онъ приступаетъ къ дѣлу съ такими же голыми руками, какъ и самый послѣдній изъ помпадуровъ. Онъ можетъ знать, что происходитъ въ шкафу съ законами, но можетъ и не знать — дѣло отъ того отнюдь не пострадаетъ. Онъ тоже ограниченъ словами: „до поры, до времени“ и, стало быть, въ свою очередь, долженъ состоять въ непрерывномъ опасеніи другого ревизора. Этотъ послѣдній будетъ уже помпадуръ въ кубъ, но, все-таки, не болѣе какъ помпадуръ, имѣющій въ виду грядущаго вдали помпадура четвертой степени. Какое же отношеніе ко всему этому можетъ имѣть шкафъ съ законами?

Но, быть можетъ, въ этомъ шкафу заключался не самый источникъ „поры“ и „времени“, а только тотъ матеріалъ, который давалъ возможность въ удобный, по усмотрѣнію, моментъ, опредѣлить „пору“ и „время“? Это ли хотѣлъ сказать правитель канцеляріи?

Вѣроятно же всего, послѣдній именно такъ и разумѣлъ это дѣло. Онъ былъ слишкомъ опытенъ въ обращеніи съ шкафами, чтобы видѣть въ нихъ что-нибудь больше, нежели простые шкафы. За бытность его въ этой должности, передъ глазами его преемственно прошло до десятка помпадуровъ, и всѣ они исчезли какъ дымъ, именно въ силу правила: до поры, до времени. Въ этомъ правилѣ заключалась, по мнѣнію его, вся жизнь. Онъ распространялъ его не только на помпадуровъ, но и на всю природу, на все окружающее. Видѣлъ ли онъ беззавѣтное ликованіе, или осторожность, доходящую до трепета, онъ говорилъ: „до поры, до времени“, и всегда оказывался пророкомъ. На ликующаго человѣка набѣгалъ помпадуръ и съ словами: „ты что горло-то распустилъ?“ — приказывалъ взять его въ часть. Тотъ же помпадуръ набѣгалъ и на осторожнаго человѣка, и съ словами: „прятаться, что-ли, ты отъ меня хочешь?“ — тоже приказывалъ взять его въ часть. Даже и самого себя правитель канцеляріи не исключалъ изъ этого правила, и зналъ, что и для него придетъ пора и время.

Но здѣсь онъ былъ непослѣдователенъ и вмѣсто того, чтобы ждать бодро и твердо наступленія своего часа, уклонялся, лавировалъ и всячески старался объ его отдаленіи. Инстинктъ самосохраненія

былъ слишкомъ силенъ, именно тотъ инстинктъ, который заставляетъ осужденнаго на казнь питать надежды, которымъ никогда не суждено сбыться. Подстрекаемый этимъ инстинктомъ, онъ обращалъ тоскливые взоры къ шкафу съ законами и какъ бы выжидаль отъ него защиты. Онъ зналъ, что ожиданія его тщетны — и, все-таки, ждалъ. Это была слабая сторона его философіи, почти отрицаніе ея, и нельзя сказать, чтобъ онъ не понималъ этого. Иногда огораживаніе себя отъ преждевременнаго наступленія „часа“ требовало отъ него такихъ усилій, что онъ даже помышлялъ бросить это дѣло. „Брошусь, да и поплыву по всему раздолью, какъ прочіе!“ раздумывалъ онъ; но инстинктъ самосохраненія такъ и зудилъ, такъ и нашептывалъ: „погоди! можетъ быть, и завтра живъ будешь!“ И такимъ образомъ онъ жилъ, питая, съ одной стороны, твердое упованіе, что „часъ“ неизбѣженъ, съ другой — ободряя себя смутною надеждою, не придетъ ли къ нему въ этотъ страшный моментъ на выручку шкафъ съ законами.

Помпадуръ понялъ это противорѣчіе, и для начала призналъ безусловно-вѣрною только первую половину письменоводительской философіи, то-есть, что на свѣтѣ нѣтъ ничего безусловно-обезпеченнаго, ничего такого, чтò не подчинялось бы закону поры и времени. Онъ обнялъ совокупность явленій, лежавшихъ въ районѣ его духовнаго ока, и вынужденъ былъ согласиться, что весь міръ стоитъ на этомъ краеугольномъ камнѣ. „Все тутъ-съ“. Придя къ этому заключенію и примѣняя его спеціально къ обывателю, онъ даже расчувствовался.

— Вѣдь вотъ, — говорилъ онъ самъ съ собою: — у него даже минуты нѣтъ... совсѣмъ безопасной! Возьмемъ, на примѣръ, хоть меня. Ну, ревизоръ, ну, тамъ чортъ-дьяволъ... конечно, это въ своемъ родѣ моментъ! Но вѣдь не свалится же онъ ко мнѣ какъ камень на голову. Все же предупредить какъ-нибудь: цидулочку, по секрету, добрый человекъ напишетъ: ѣдетъ, моль. Ну, вотъ тогда хоть бы этого самаго Прохорова на время и убрать можно, чтобы ревизору въ глаза не кинулся. Да и самый ревизоръ — вѣдь онъ тоже помпадуръ! развѣ ему эти чувства не извѣстны? Стало быть, можно и разговоръ съ нимъ вести. А обыватель? кто его предупредить? и чтò онъ предпринять можетъ? для него всегда „пора“ и всегда „время“. Завсегда онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ. Онъ думаетъ кусокъ до рта донести, а нѣ тутъ пришла „пора“ — и полетѣлъ кусокъ на полъ. Вотъ-съ.

Богъ-вѣсть, куда привело бы его это грустное настроеніе мыслей, еслибъ онъ не сознавалъ, что вопросъ долженъ быть разрѣшенъ, помимо сантиментальныхъ соображеній, лично для него самого. И онъ приступилъ къ этому разрѣшенію прямо, безъ колебаній.

— Если пора и время неизбѣжны, — размышлялъ онъ: — то, стало быть, нечего объ нихъ и думать. Существованіе ихъ равняется несуществованію, ибо необезпеченность, возведенная въ принципъ, вполнѣ равняется обезпеченности. *Omnia mea mecum porto*—что съ меня возьмешь! Если я совсѣмъ-совсѣмъ не обезпеченъ, то это значитъ, что я обезпеченъ вполнѣ. *Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ уробъ стоитъ*, — и ничего больше. Сегодня я помпадуръ, стою прямо и бодро; завтра явился помпадуръ въ евадратѣ — прилетѣлъ и переломилъ. *Гдѣ пиришествъ раздавались крики, надгробные тамъ воютъ лики*, — вотъ и все.

— Да-съ, все-съ, — повторилъ онъ уже влухъ, и это теченіе мыслей было бы крайне для него благопріятно, еслибъ оно не было разстроено однимъ совершенно случайнымъ обстоятельствомъ.

Дѣло въ томъ, что, разгуливая безпокойно по комнатѣ, онъ какъ разъ налетѣлъ на шкафъ съ законами.

— Вотъ гдѣ „пора“ и „время“! — шепнулъ ему какой-то таинственный голосъ.

— Вздоръ-съ! — заревѣлъ онъ во все горло въ отвѣтъ этому предостереженію, но тутъ же сконфузился и поблѣднѣлъ.

Истиннѣе самосохраненія, уже испортившій цѣльность міросозерцанія письмоводителя, вспыхнулъ и въ немъ.

Онъ судорожно схватилъ въ руки томъ и началъ его перелистывать. Чтѣ онъ тамъ увидѣлъ! Боже! чтѣ онъ увидѣлъ!

Онъ увидѣлъ, что вся жизнь человѣческая предусмотрѣна и опредѣлена. Все, начиная съ питанія и кончая просвѣщеніемъ и обязанностию устраивать фабрики и заводы и содержать въ исправности мосты и перевозки. На все — подробное правило, и за неисполненіе каждаго правила — угроза. Ему, ему... угроза! Да, и ему. И его жизнь предусмотрѣна и опредѣлена, и она обставлена многосложнѣйшими обязанностями и отношеніями. Онъ былъ центромъ, около котораго группировались: и обывательское продовольствіе, и обывательская нравственность, и просвѣщеніе, и торговля. И всему этому присвоилось названіе „обязанностей“, но отнюдь не „правъ“. Правда,

что для выполненія этихъ обязанностей онъ былъ вооруженъ угрозою, но размѣры этой угрозы также были опредѣлены заранее и выходить изъ этихъ размѣровъ представлялось небезопаснымъ.

„Воспрещается“, „вмѣняется въ обязанность“ — вотъ выраженія, съ которыми онъ совершенно неожиданно вынужденъ былъ познакомиться. Ни „закатить“, ни „влѣпить“ — ничего подобнаго. Прохоровъ же былъ „изъятъ“ несомнѣнно.

Онъ былъ подавленъ, уничтоженъ. Тѣмъ не менѣе, капризная мысль его и тутъ не измѣнила своему обычному характеру. Онъ не сказалъ себѣ: — вотъ какое бремя лежитъ на мнѣ, безвѣстномъ кадетѣ, выбравшемся въ помпадуры! вотъ съ чѣмъ надлежало мнѣ познакомиться, прежде чѣмъ расточать направо и налево: „влѣпить“ да „закатить“! — но вскочилъ, какъ ужаленный, и съ какимъ-то горькимъ, нервнымъ смѣхомъ воскликнулъ:

— Послѣ этого... послѣ этого... зачѣмъ же мы, помпадуры, нужны?!

„Нужны ли помпадуры?“ Неотразимая ясность этого вопроса оскорбляла нашего помпадура до крови. И всего больнѣе при этомъ было то, что оскорбленіе шло изнутри, что онъ самъ, своею неуемною пытливостью, вызвалъ его.

Съ этой минуты горькое чувство окрасило все его существованіе. Прямого врага не было, но чувствовалось по всему, что врагъ этотъ существуетъ, что онъ невидимо сопутствуетъ всюду, во всякое время. Явилась страстная потребность полемизировать; но когда полемика воспріяла начало, то оказалось, что она имѣетъ характеръ косвенный, робкій. Въ ея ироніи не сказывалось свободы; ея дерзость проявлялась порывами и свидѣтельствовала о напряженномъ состояніи душевныхъ силъ. Проходя мимо шкафа, онъ улыбался и дѣлалъ головой ироническій жестъ, но даже мало-проницательный человѣкъ могъ догадаться, что и улыбкой, и жестомъ онъ только обманываетъ самого себя. Съ такою неувѣренностью улыбается человѣкъ передъ врагомъ, котораго онъ имѣетъ причины опасаться, но передъ которыми считаетъ, однакожъ, нужнымъ слегка похорохориться. Какъ-то сойдетъ ему съ рукъ эта улыбка? Пройдетъ ли врагъ мимо, не замѣтивъ ея, или же замѣтитъ и тутъ же за нее покараетъ?

Онъ начиналъ полемизировать съ утра. Когда онъ приходилъ въ правленіе, первое лицо, съ которымъ онъ встрѣчался въ передней, былъ неизмѣнный мѣщанинъ Прохоровъ, подобранный въ безчувственномъ видѣ на улицѣ и посаженный въ часть. Въ прежнее время свиданіе это имѣло, въ глазахъ помпадуръ, характеръ обычая и заканчивалось словомъ: „влѣпнуть!“ Теперь на первый планъ выступила полемика, то-есть терзаніе, отражающееся не столько на Прохоровѣ, сколько на самомъ помпадурѣ.

— Ну-съ, господинъ Прохоровъ, чтѣ скажете? — начинаетъ онъ, останавливаясь передъ безобразнымъ малымъ съ отекившимъ лицомъ и налитыми кровью глазами.

— Виновать, ваше благородіе!

Горькая улыбка появляется на лицѣ помпадуръ.

— Что-же-съ... съ Богомъ! Будто вы не знаете, что вы изъятые!.. Да-съ, изъятые. Это не я говорю, а законъ-съ. По случаю вашей образованности-съ...

— Ваше высокоблагородіе! помилосердуйте! съ нынѣшняго дня даже зарокъ себѣ положилъ.

— Зачѣмъ же зарокъ-съ? кушайте! Въ прежнее время я васъ за это по спинѣ глаживалъ, а теперь... законъ-съ! Да что же вы стоите, образованный молодой человекъ? Стулъ господину Прохорову! По крайности, посмотрю я, какъ-ты, к-к-каналья, сидѣть передо мной будешь!

Онъ не выдерживаетъ роли и, хлопнувъ дверь, весь кипящій и колышущійся, входитъ въ канцелярскую камору. Но тамъ ожидаютъ его новые поводы для полемики: журналы, исходящія бумаги, нераспечатанная почта и проч.

— Зачѣмъ вы всю эту чепуху на столъ ко мнѣ навалили? — обращается онъ къ правителю, указывая на ворохъ.

— Бумаги-съ...

— Знаю, что бумаги. Да вѣдь вы говорили, что есть законъ?

— Точно такъ-съ.

— Слѣдственно, и докладывайте ихъ господину закону, а меня отъ каверзъ увольте!

Правитель безпокойно слѣдитъ за его тѣлодвиженіями.

— Я теперь такъ поступать буду, — продолжалъ ораторствовать помпадуръ: — чтѣ бы тамъ ни случилось — законъ. Пѣшкомъ человекъ

идеть—покажи законъ! въ телѣгѣ ѣдетъ—законъ! Я васъ дойму, милостивый государь, этимъ закономъ! Вонъ онъ! вонъ онъ!—восклицаетъ онъ, завидѣвъ изъ окна мужика, ѣдущаго на базаръ:—съ огурцами на базаръ ѣдетъ! гдѣ законъ? остановить его!

— Не возбраняется-сь.

— Гдѣ сказано: „не возбраняется“? Покажите!

Правитель краснѣетъ и извивается, какъ вьюнъ на сковородѣ. Къ счастью, помпадуръ, исчерпавъ одинъ предметъ, уже чувствуетъ потребность перейти къ другому.

— Вонъ у меня на пожарномъ дворѣ всѣ рукава у трубъ сохлисъ,—говоритъ онъ:—посмотримъ, какъ-то починить ихъ господинъ законъ!

Водворяется временное молчаніе. Правитель канцеляріи садится на мѣсто и тихо поскрипываетъ перомъ. Самъ помпадуръ, нѣсколько успокоенный, останавливается передъ зеркаломъ и вглядывается въ вклеенные по бокамъ его указы. Но, увъ! онъ не только не извлекаетъ изъ нихъ никакихъ поученій, но, напротивъ того, съ какимъ-то безконечно-горькимъ упрекомъ произноситъ:

— Ты!!

Бумаги, однакожъ, не ждутъ. Какъ ни постылы кажутся ему онѣ въ настоящую минуту, но онъ, волей-неволей, садится къ столу и начинаетъ съ ожесточеніемъ распечатывать одинъ пакетъ за другимъ.

— И зачѣмъ они мнѣ предписываютъ!—восклицаетъ онъ:—знаютъ, что есть законъ—ну, и предписывали бы закону! Анъ нѣтъ—все ко мнѣ да ко мнѣ!

Слышится шелестъ бумаги и бормотаніе: „предписывается вамъ“, „велѣтъ ему, помпадуру“, „неотложно“, „немедленно“, „подъ опасеніемъ взысканія по законамъ“...

— Я вамъ говорю!—придирается онъ къ правителю канцеляріи.

— Чтò изволите приказать-сь?

— Я не приказываю, а говорю. Приказываетъ законъ, а я только говорю. Я спрашиваю васъ: зачѣмъ они мнѣ предписываютъ, коли законъ есть?

— Потому собственно...—оправдывается правитель, но оправданіе его выходитъ неловкое, спутанное.

Правитель канцеляріи самъ чувствуетъ эту неловкость. Случайно затѣявши кутерьму, онъ всталъ въ тупикъ при видѣ бездны противорѣчій, въ которую ввергло его совмѣстное существованіе закона и помпадура.

— Садитесь.

Помпадуръ подмахиваетъ одну бумагу за другой, но однажды начатая работа мысли уже не покидаетъ его. Онъ смутно сознаетъ, что объясненія ему ждать неоткуда. По крайней мѣрѣ, онъ найдетъ его не здѣсь, не въ стѣнахъ канцелярской каморы. Эти стѣны положительно начинаютъ давить его. Пространство, окруженное ими, кажется ему заколдованнымъ кругомъ, въ который не можетъ пробраться ни одинъ простой и ясный отвѣтъ. Здѣсь все заколочено наглухо, все смотреть упрекомъ, все допрашиваетъ, язвить, загадываетъ загадки и тутъ же бросаетъ эти загадки безъ всякой попытки къ ихъ разрѣшенію. Гдѣ взять это разрѣшеніе? гдѣ искать его?

Онъ еще въ кадетскомъ корпусѣ слышалъ, что есть на свѣтѣ явленіе, именующееся „борьбою съ закономъ“. Что многіе боролись успѣшно, но многіе же и изнемогали въ этой борьбѣ. Такъ напри- мѣръ, одинъ губернаторъ болѣе двухъ десятилѣтій боролся, и даже чуть-было не побѣдилъ, но пріѣхалъ ревизоръ и сразу заставилъ побѣдителя положить оружіе. Минута этого плѣненія губернаторскаго была страшною минутой для многихъ. Помпадуры гибли десятками; зеркальная поверхность административнаго моря возмутилась почти мгновенно; униженные и оскорбленные подняли голову, ликующіе и творящіе расправу опустили ее долу; такъ-называемые лбедники выползли изъ своихъ норъ и прдерзостно называли себя представителями общественной совѣсти. Крушеніе было общее.

Роль борющагося съ законами человѣка имѣла свою привлекательность, и очень можетъ быть, что въ другое время онъ охотно остановился бы на ней. Но, во-первыхъ, онъ понималъ, что бороться (успѣшно или неуспѣшно) могутъ только очень сильные люди, и что ему, безвѣстному помпадуру Богъ-вѣсть которой степени, предоставлена въ этомъ случаѣ лишь мелкая полемика, которая ни къ чему другому не можетъ привести, кромѣ изнуренія. Во-вторыхъ, онъ зашелъ уже слишкомъ вглубь вопроса, чтобы увлечься какою-нибудь эпизодическою подробностью, какъ бы блестяща она ни была. Его занимало совсѣмъ не то, что борьба возможна, а то, *въ силу чего она*

возможна, и почему для однихъ она оканчивается лаврами, а для другихъ—постыднымъ бѣгствомъ въ отставку и даже подь судъ. Что-нибудь изъ двухъ: либо законъ, либо онъ, помпадуръ. Такъ, по крайней мѣрѣ, представлялось это дѣло его пониманію. Если законъ можетъ умиротворить мѣщанина Прохорова—пускай и умиротворить; если законъ можетъ исправить сохшіеся рукава у пожарныхъ трубъ—пускай и исправить!

— Пускай-съ!—воскликаетъ онъ мысленно.

Но если законъ не можетъ ни исправить, ни умиротворить, то пусть же онъ и не мѣшаетъ ему, помпадурю, пусть не становится поперекъ его предначертаній.

Неуязвимость этой логики была ясна какъ день.

Но вотъ нить его размышленій прерывается криками, несущимися съ пожарнаго двора. То бунтуетъ Прохоровъ, требуя, чтобы его рѣшили немедленно. Полемика возобновляется.

— Какъ прикажете?—спрашиваетъ письмоводитель.

— Зачѣмъ вы спрашиваете? вѣдь вы знаете, что и ничего не могу! Что теперь—Законъ! Какъ тамъ написано, такъ тому и быть. Ежели написано: господину Прохорову награду дать—я радъ-съ; ежели написано: влѣпить!—я и противъ этого возраженій не имѣю!

Въ такихъ безрезультатныхъ рѣшеніяхъ проходитъ все утро. Наконецъ, присутственные часы истекаютъ: бумаги и журналы подписаны и сданы; дѣло Прохорова разрѣшается само собою, то-есть изморомъ. Но даже въ этотъ вождедѣнный моментъ, когда вся природа свидѣтельствуетъ о наступленіи адмиральскаго часа, чело его не разглаживается. Въ былое время онъ зашелъ бы передъ обѣдомъ на пожарный дворъ; осмотрѣлъ бы рукава, ящики, насосы; при своихъ глазахъ велѣлъ бы все зачинить и заклепать... Теперь онъ думаетъ: „пускай все это сдѣлаетъ законъ“.

Онъ положительно озлобленъ и даже домой идетъ какою-то нервной, оскорбленной походкой.

Къ обѣду является стряпчій, бездомный малый, давно ужъ приобрѣвшій привычку питаться на счетъ помпадуря. Но разговоръ какъ-то не клеится. Первое кушанье съѣдается молча; передъ вторымъ помпадуръ рѣшается пустить въ ходъ мучающую его загадку.

— Давеча мнѣ письмоводитель цѣлую предіку насчетъ законовъ прочиталъ,—произноситъ онъ.

— Что же такое?

— Да все насчетъ этой... обязательной силы, что-жи...

Стряпчій выпиваетъ рюмку водки и совершенно флегматично отвѣчаетъ:

— Давненько ужъ эти слухи-то ходять!

— А по твоему какъ?

— По моему, все до поры, до времени.

— Фу! опять это слово! Да пойми же, братецъ, что ежели есть законъ и можетъ этотъ законъ все сдѣлать, такъ при чемъ же я-то въ помпадурахъ состою?

— Надоѣло, видно, тебѣ жалованье-то получать!

Помпадуръ пробуетъ продолжать споръ, но оказывается, что почва, на которой стоять стряпчій, та самая, на которой держится и писмоводитель, что, слѣдовательно, тутъ можно найти только обходъ и отнюдь не рѣшеніе вопроса по существу. „Либо законъ, либо я“ — вотъ какую дилемму поставилъ себѣ помпадуръ, и требовалъ, чтобы она разрѣшена была прямо, не норовя ни въ ту, ни въ другую сторону.

„Нѣтъ, это все не то! — думалось ему. — Еслибы я собственными глазами не видѣлъ: „законъ“ — ну, тогда точно! И я бы могъ жалованье получать, и законъ бы своимъ порядкомъ въ шкафу стоялъ. Но теперь вѣдь я видѣлъ, стало быть знаю; стало быть даже невѣдѣніемъ отговариваться не могу. Какъ ни поверни, а соблюдать долженъ. А попробуй-ка я соблюдать — да тутъ одинъ Прохоровъ такую задачу задастъ, что ногъ не унесешь!“

Въ такихъ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ проходятъ дни за днями. Очень возможно, что онъ и совсѣмъ не добился бы отвѣта на мучившіе его вопросы, еслибы внезапно не освѣтила его героическая рѣшимость, которую онъ и привелъ немедленно въ исполненіе.

Рѣшимость эта заключалась въ томъ, чтобы изслѣдовать въ самомъ источникѣ, узнать отъ чистыхъ сердцемъ и нищихъ духомъ (сіи суть столпы), нужны ли помпадуры. Въ какихъ отношеніяхъ находится къ этому источнику практика помпадурская и въ какихъ — практика законовъ? которая изъ нихъ имѣетъ перевѣсъ? въ какомъ смыслѣ — въ смыслѣ ли творческомъ, или просто въ смыслѣ реактива, производящаго баламутъ?

Чтобы осуществить эту мысль, онъ прибѣгнулъ къ самому первоначальному способу, то-есть переодѣлся въ партикулярное платье, и въ первый воскресный день incognito отправился на базарную площадь.

День былъ веселый и базаръ многолюдный; площадь была загромождена возами съ осенними продуктами; говоръ несся отовсюду. Въ воздухѣ пахло кашустой, грибами и овощами. Звикали мѣдные гроши, слышалось хлопанье по рукамъ, пробное щелканье глиняной посуды, ржаніе лошадей. Въ одномъ мѣстѣ пѣли пѣсни, въ другомъ ругались; тамъ и сямъ кричали: „караулъ!“ Бабы торговались съ такой энергіей, что, казалось, готовы были перервать другъ другу горло. Были и случаи неповиновенія властямъ: будочникъ просилъ у торговки пять грибовъ на щи, а она давала два, и будочникъ качалъ головой, какъ бы обдумывая, не разстрѣлять ли бабу за упорство...

Но помпадуръ ничего не замѣчалъ. Онъ былъ отъ природы несентименталенъ, и потому вопросъ, счастливы ли подвѣдомственные ему обыватели, интересовалъ его мало. Быть можетъ, онъ даже думалъ, что они не смѣютъ не быть счастливыми. Поэтому проявленія народной жизни, проходившія передъ его глазами, казались не болѣе какъ фантазмагоріей, ключъ къ объясненію которой, быть можетъ, когда-то существовалъ, но уже въ давнее время однимъ изъ наѣзжихъ помпадуровъ былъ закинутъ въ колодезь, и съ тѣхъ поръ никто оттуда достать его не можетъ.

Тѣмъ не менѣе кое-что изъ происходившаго даже ему бросилось въ глаза.

Прежде всего его поразило слѣдующее обстоятельство. Какъ только онъ сбросилъ съ себя помпадурскій образъ, такъ тотчасъ же всѣ перестали оказывать ему знаки уваженія. Стало быть, того особаго помпадурскаго вещества, которымъ онъ предполагалъ себя пропитаннымъ, вовсе не существовало; а если и можно было указать на что-нибудь въ этомъ родѣ, то очевидно, что это „что-нибудь“ скорѣе принадлежало мундиру помпадура, нежели ему самому.

Второе поразившее его обстоятельство было такого рода. Шелъ по базару полицейскій унтеръ-офицеръ (даже не квартальный),—и всѣ передъ нимъ разступались, снимали шапки. Вскорѣ, вслѣдъ за унтеръ-офицеромъ прошелъ по тому же базару такъ-называемый ябедникъ съ томомъ законовъ подъ мышкой,—и никто передъ нимъ даже

пальцемъ не пошевелилъ. Стало быть, и въ законѣ нѣтъ того особеннаго вещества, которое заставляетъ держать руки по швамъ; ибо если бы это вещество было, то оно, конечно, дало бы почувствовать себя и подъ мышкой у ябедника.

Стало быть, вещество заключено собственно въ мундирѣ; взятые же независимо отъ мундира, и онъ, помпадуръ, и законъ—равны.

Заключеніе это вскорѣ было самымъ блистательнымъ образомъ подтверждено и другими изслѣдованіями.

Какъ ни старательно онъ прислушивался къ говору толпы, но слова: „помпадуръ“, „законъ“—ни разу не долетѣли до его слуха. Либо эти люди были счастливы сами по себѣ, либо они просто дикіе, не имѣющіе даже элементарныхъ понятій о томъ, что во всемъ образованномъ мірѣ извѣстно подъ именемъ общественнаго благоустройства и благочинія. Долго онъ не рѣшался заговорить съ кѣмъ-нибудь, но, наконецъ, замѣтилъ довольно благообразнаго старика, стоявшаго у воза съ кожами, и подошелъ къ нему.

— Вотъ что, почтеннѣйшій, — началъ онъ: — человекъ я приѣзжій, и нужно мнѣ до вашего градоначальника идти. Каковъ онъ у васъ?

— Это какой же начальникъ?

— Да вонъ тотъ... главный... что на пожарномъ дворѣ живетъ.

— А кто его знаетъ! надобности намъ въ немъ не видится.

Помпадуръ даже передернуло при этомъ отвѣтѣ.

— Какъ же это, почтеннѣйшій! до градоначальника—да надобности нѣтъ? А ну, ежели, напримѣръ... что бы, напримѣръ...

Онъ сталъ отыскивать подходящій примѣръ, но какъ ни усиливался—могъ отыскать только слѣдующій:

— А ну, напримѣръ, ежели въ часть попадешь?

— До сихъ поръ Богъ миловалъ. А ежели когда попадемъ, тогда и узнаемъ.

— Но, можетъ быть, слухи какіе-нибудь ходятъ... Вѣдь это градоначальникъ, почтеннѣйшій! говорятъ же о немъ что-нибудь!

— И слуховъ не знаемъ. Потому ничего намъ этого не надобно.

— Гм... Стало быть, такъ и живете? и ничего не опасаетесь?

— Опасаться какъ не опасаться! всегда опасаемся, потому что все до поры, до времени.

— Можетъ, закона бояшься?

— Говорю тебѣ: до поры, до времени. Выѣдешь это изъ дому хоть бы на базаръ, а воротиться ли домой—впередъ сказать не можешь. Вотъ тебѣ и сказъ. Можетъ быть, законъ тебѣ пропишутъ, али-бы что...

— Странно это. Если ты ведешь себя хорошо, если ты ничего не дѣлаешь... я надѣюсь, что господинъ градоначальникъ настолько справедливъ...

— Ты и надѣйся, а мы надежды не имѣемъ. Никакихъ мы ни градоначальниковъ, ни законовъ твоихъ не знаемъ, а знаемъ, что у каждаго человѣка своя планида. И ежели, примѣрно, сидѣть тебѣ, милый человѣкъ, сегодня въ части, такъ ты хоть за сто верстъ отъ нея убѣги—все къ ней же воротиться!

Таково было содержаніе перваго разговора. Покончивъ съ кожевникомъ, помпадуръ устремился къ старичку-мѣщанину, стоявшему у палатки, увѣщенной лубочными картинками. Старикъ былъ обритъ и одѣтъ въ нѣмецкое платье и сквозь круглые очки читалъ одну изъ книгъ московскаго издѣлія, которыми тоже, повидимому, производилъ торгъ.

— Почтеннѣйшій! — обратился онъ къ мѣщанину: — я человѣкъ пріѣзжій и имѣю надобность до вашего градоначальника. Какъ оны?

— А какъ вамъ, сударь, сказать. Нужды мы до сихъ поръ въ господинѣ градоначальникѣ не видѣли.

— Однакожь?

— Такъ точно-съ. Отъ съѣзжей покуда Богъ миловалъ, а о прочемъ о чемъ же намъ съ господиномъ градоначальникомъ разговоръ имѣть?

— Стало быть, такъ живете, что опасаться вамъ нечего!

— Ну, тоже не безъ опаски живемъ. И въ писаніи сказано: блюдите да опасно ходите. По вашему званію, каждую минуту опасаться должно.

— Чего же вы боитесь? О градоначальникѣ, какъ вы сами сейчасъ сказали, даже понятія не имѣете—законъ, что-ли, вамъ страшенъ?

— И о законѣ доложу вамъ, сударь: законъ для вельможъ да для дворянъ дѣйствіе имѣеть, а простой народъ ему не подверженъ!

— Не понимаю.

— Да и не легко понять-сь, а только дѣйствительно оно такъ точно. Потому народъ — онъ больше натуральными правами руководствуется. Повѣрите ли, сударь, даже податей понять не можетъ!

— Однако, чего же nibудь да боитесь вы?

— Планиды-сь. Все до поры, до времени. У всякаго своя планида, все равно, какъ камень съ неба. Выйдешь утромъ изъ дому, а воротиться ли — не знаешь. Въ темномъ страхѣ такъ и проводишь всю жизнь.

— Но я надѣюсь, что господинъ градоначальникъ настолько справедливъ, что ежели вы ничего не сдѣлали...

Въ это время къ бесѣдующимъ подошелъ сельскій священникъ и дружески поздоровался съ продавцомъ картинъ.

— Вотъ, отецъ Трофимъ, господинъ прїѣзжій свѣдѣніе о господинѣ градоначальникѣ получить желаютъ.

— Надобность имѣете? — спросилъ отецъ Трофимъ.

— Да-сь, надобность.

— Личнаго знакомства съ господиномъ градоначальникомъ не имѣю, да и надобности до сихъ поръ, признаться, не видѣлось, но, по слухамъ, рекомендовать могу. Къ храму Божьему прилежень и мзду прїемлетъ безъ затрудненія... Только вотъ съ закономъ, повидимому, въ ссорѣ находится.

— А они вотъ и насчетъ законовъ тоже разговорились, — вставилъ свое слово продавецъ картинъ: — спрашиваютъ, боится ли простой народъ закона?

— Законъ, я вамъ доложу, наверху начертанъ. Все равно, какъ планета...

Но „онъ“ уже не слушалъ дальше. Завидѣвъ пошатывающегося вдали, съ гармоніей въ рукахъ, мастерового, онъ правильно заключилъ, что этотъ человѣкъ несомнѣнно сиживалъ на съѣзжей, а слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, имѣеть понятіе о степени и предѣлахъ власти градоначальника.

— Эй, почтенный, слышь!

Но не успѣлъ онъ формулировать свой вопросъ, какъ мастеровой сразу огорошилъ его восклицаніемъ:

— Вашему благородію, господину пряхвостову!

Онъ шарахнулся, какъ обожженный, и скрылся въ толпу. Тамъ,

чтобы не быть узнаваемым, подселъ онъ на скамеечку къ торговкѣ, продававшей сусло и гречневика.

— А позвольте, голубушка, узнать, — сказалъ онъ: — каковъ таковъ здѣшній градоначальникъ?

Но торговка даже не взглянула на него, а просто сказала краткое, но сильное слово.

— А что? видно, давно ты на съѣзжей не сиживалъ?

Онъ былъ удовлетворенъ и уже хотѣлъ возвратиться во-свояси, но по дорогѣ завидѣлъ юродивую Устюшу и не вытерпѣлъ, чтобы не подойти къ ней.

— Устюша! скажи ты мнѣ, сдѣлай милость...

Но блаженная, не давъ ему кончить, не своимъ голосомъ закричала:

— Воняетъ! воняетъ!

Въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, очевидно, не предстояло никакой надобности.

Результатъ перешелъ за предѣлы его ожиданій. Ни помпадуры, ни законъ — ничто не настигаетъ полудикую массу. Ее настигаетъ только „планида“, — и дорого бы онъ далъ въ эту минуту, чтобы имѣть эту „планиду“ въ своихъ рукахъ.

Что такое „законъ“, что такое „помпадура“ въ глазахъ толпы? — это не что иное, какъ страдательные агенты „планиды“, и притомъ не *всей* „планиды“, а только той ея части, которая осуществляетъ собою карательный элементъ. Они не могутъ ни оплодотворить земли, ни послать дождь или вѣдро, ни предотвратить наводненіе — однимъ словомъ, не могутъ принять творческаго участія во всемъ томъ кругѣ явленій, среди которыхъ движется толпа и влияние которыхъ она исключительно на себѣ ощущаетъ. Они могутъ воспріять, возбранить, покарать; но творчество никогда имъ принадлежать не будетъ, а будетъ принадлежать „планидѣ“. Даже самая кара ихъ имѣетъ свойство далеко не „планидное“, ибо, настигая однихъ, она не замѣчаетъ, что тутъ же рядомъ стоятъ десятки и сотни другихъ, которыхъ тоже не мѣшаетъ подобрать и посадить на съѣзжую. А потому толпа даже и въ карѣ видитъ не кару, а несчастье.

Въ хаотическомъ видѣ всѣ эти мысли мелькали въ головѣ помпадура. Одну минуту ему даже померещилось, что онъ какъ будто

совсѣмъ лишній человѣкъ, въ родѣ пятаго колеса къ колесницѣ; но въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе эта мысль представилась ему до того обидною и дикою, что онъ даже весь покраснѣлъ отъ негодованія. А такъ какъ онъ вообще не могъ порядкомъ разобраться съ своими мыслями, то выходили какія-то душевныя сумерки, въ которыхъ свѣтъ хотя и борется съ тьмою, но въ концѣ концовъ тьма все-таки должна остаться побѣдительницею.

Впрочемъ, во всемъ этомъ была и утѣшительная для его самолюбія сторона, та именно, что ни помпадуру, ни закону никакихъ преимуществъ другъ передъ другомъ не отдавалось. Эту сторону онъ понялъ сразу и ухватился за нее съ жадностью. Конечно, изслѣдованіе раскрыло ему не одно это, а гораздо больше: оно доказало, что онъ не что иное, какъ микроскопическій агентъ великой силы, называемой „планидою“, и что, затѣмъ, самая полезность его существованія вовсе не такъ несомнѣнна, какъ это казалось ему самому. Но онъ поспѣшилъ скомкать этотъ главный результатъ и проглотить заключавшуюся въ немъ обиду, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ ея. Зато тѣмъ съ болѣющимъ жаромъ онъ привязался къ другому частному результату, гласившему объ упрядненіи привилегій и преимуществъ, приписываемыхъ закону. Онъ даже шелъ дальше этого результата; онъ провидѣлъ перспективы и надѣялся оттягать частичку въ свою пользу.

— Да-съ; мы еще потягаемся! — бормоталъ онъ въ забвеніи чувствъ: — посмотримъ еще, кто кого!

Но первоначальный толчокъ, возбудившій потребность изслѣдованія, былъ такъ силенъ, что собственными средствами отдѣлаться отъ него было невозможно. Такъ какъ вопросъ пришелъ извнѣ (отъ писемоводителя), то надобно было, чтобы и найденное теперь рѣшеніе вопроса было нровѣрено въ горниль чьего-нибудь посторонняго убѣжденія.

Съ этою цѣлью онъ отправился вечеромъ въ клубъ, это надежнѣйшее и вѣрнѣйшее горнило, въ которомъ провѣряются и крѣпнутъ всевозможныя помпадурскія убѣжденія. Обычная картина вышенаго провинціального увеселительнаго учрежденія представилась глазамъ его. Кухонный чадъ, смѣшанный съ табачнымъ дымомъ, облаками ходилъ по комнатамъ; помѣщики сидѣли за карточными столами; въ столовой предводитель одолѣвалъ ростбифъ; издали доно-

силось щелканье бильярдных шаровъ; стряпчій стоялъ у буфета и, какъ онъ выражался, принималъ внутрь.

— А я, братъ, пятнадцатую! — зазѣвалъ онъ, увидѣвъ приближающагося помпадуръ: — примемъ, что-ли?

Но помпадуръ былъ серьезенъ и не хотѣлъ, чтобы, по милости водки, плоды его давешнихъ изнуреній пропали даромъ.

— Ты вотъ пятнадцатую пропускаешь, — сказалъ онъ: — а я между тѣмъ уснокоиться не могу!

— Что такое?

— Да все по поводу того разговора... за обѣдомъ; помнишь?

— Врешь!

— Куда тутъ бросишь? законъ, братецъ!

— Ну, и пушай его! законъ въ шкафу стоитъ, а ты напирай!

— Но вѣдь ты же самъ говорилъ: до поры, до времени?

— А это именно и значитъ: напирай плотнѣе!

— Чудакъ! а подъ судъ?

— Вотъ потому-то и напирай!

Стряпчій выпилъ шестнадцатую, поморщился и прибавилъ:

— А законъ пушай въ шкафу стоитъ!

Очень возможно, что помпадуръ удовлетворился бы этимъ подтвержденіемъ, потому что оно соотвѣтствовало направленію его собственныхъ мыслей. Но „шестнадцатая“ смутила его, и онъ рѣшился продолжать провѣрку. Съ этою цѣлью онъ подѣлалъ къ предводителю, который въ это время уже побѣдилъ ростбифъ и, хлопая глазами, обдумывалъ планъ кампаніи противъ осетра.

Но настоящимъ образомъ онъ могъ изложить только введеніе; ибо едва онъ выговорилъ слово: „законъ“, какъ предводитель вскричалъ:

— Врешь!

— Законъ-съ... — повторилъ помпадуръ.

— Оставь!

Въ тотъ же вечеръ, за ужиномъ, стряпчій, подъ веселую руку, рассказывалъ посѣтителямъ клуба о необыкновенномъ казусѣ, случившемся съ помпадуромъ. Помпадуръ сидѣлъ тутъ же, краснѣлъ и изрѣдка бормоталъ: „законъ-съ“.

— Врешь! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Напирай плотнѣе!

На другой день, утромъ, помпадуръ, по обыкновенію, пришелъ въ правленіе. По обыкновенію же, въ передней первое лицо, съ которымъ онъ встрѣтился, былъ Прохоровъ.

Но время полемики уже миновало.

— Влѣпнуть!—сказалъ онъ твердымъ и яснымъ голосомъ, и съ этимъ словомъ благополучно прослѣдовалъ въ канцелярскую камору.

VIII.—Онъ!!

Lui!.. toujours lui!!

Victor Hugo.

Совершенно неожиданно, вслѣдствіе какихъ-то „новыхъ вѣяній времени“, въ нашемъ городѣ сдѣлалось празднымъ мѣсто помпадурра. Само собой, въ ожиданіи назначенія новаго помпадурра, провинція всецѣло предалась ажитации. Загадывали и на того, и на другого, и на третьяго, и, какъ всегда, въ этихъ загадываніяхъ первое мѣсто принадлежало личнымъ качествамъ тѣхъ, на которыхъ могъ пасть жребій уловлять вселенную. При отсутствіи руководства, которое давало бы опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: чтѣ такое помпадуръ?—всякій чувствовалъ себя какъ бы отданнымъ на поруганіе, и ни къ чему другому не могъ приурочить колеблющуюся мысль, кромѣ тѣхъ смутныхъ данныхъ, которыя давали свѣдѣнія о темпераментѣ, вкусахъ, привычкахъ и степени благовоспитанности той или другой изъ предполагаемыхъ личностей. Про одного говорили „строгонекъ!“; про другого: „этотъ подтянетъ!“ про третьяго: „всѣмъ былъ бы хорошъ, да жена у него анаема!“; про четвертаго: „вы не смотрите, что онъ ротъ распахивать ходитъ, а онъ бѣдовый!“; про пятаго прямо рассказывали, какъ онъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго колебанія, пришелъ въ какое-то присутственное мѣсто и прямо сѣлъ на тотъ самый законъ, который, такъ сказать, регулировалъ самое существованіе того мѣста. И никому не приходило въ голову сказать себѣ: чтѣ же мнѣ за дѣло до того, каковъ будетъ новый помпадуръ, хорошъ собой или дуренъ, добрая у него жена или анаема? Какъ будто всякій, сознательно или бессознательно, чувствовалъ, что въ

этой-то комбинаціи личнаго темперамента и внѣшней обстановки именно и замыкается разгадка будущаго...

Какъ сказано выше, старый нашъ помпадуръ упразднился совершенно неожиданно. Мы жили съ нимъ въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ. Ни онъ насъ не трогалъ, ни мы его не обижали. Хотя нравственныя и умственныя его качества всего ближе опредѣлялись пословицей: „не лыкомъ шить“, но такъ какъ вопросъ о томъ, насколько полезны щегольской работы помпадуры, еще не рѣшенъ, то мы довольствовались и тѣмъ, что у насъ хоть плохенькій, да зато дешевенькій. Мы не страдаемъ повинизмомъ; намъ не нужно ни блестящихъ усмирений, ни смѣлыхъ переходовъ черезъ валдайскія горы. Нашъ помпадуръ сидѣлъ смирно, — и этого было съ насъ достаточно. Бывало, какъ ни послушишь, — кругомъ насъ вездѣ война. Бьютъ въ барабаны, въ трубы играютъ. Въ одномъ мѣстѣ помпадуръ цѣлое присутствіе на голову разбилъ; въ другомъ — разсѣялъ цѣлый легіонъ прохожихъ людей, причемъ многихъ услалъ въ заточеніе; въ третьихъ — въ двухъ словахъ изъяснилъ столько, сколько другому не изъяснить въ цѣлой сотнѣ округленныхъ періодовъ. А у насъ — благодать. О внѣшнихъ и внутреннихъ врагахъ — пѣтъ слуха; походовъ — не предвидится даже въ отдаленномъ будущемъ; ни барабаннаго боя, ни трубныхъ звуковъ, которые свидѣтельствовали бы о свѣтопреставленіи — ничего! Даже междоусобія — и тѣ исключительно нашли себѣ убѣжище въ мѣстномъ клубѣ и были такого сорта, что никто не рѣшался сказать, дѣйствительно ли это междоусобія, или просто драки. Именно съ этой точки зрѣнія относился къ этому явленію и нашъ старый, почтенный помпадуръ.

— Я знаю, — говорилъ онъ, — что въ нашемъ клубѣ междоусобія нерѣдки; вѣроятно, они не менѣе часты и въ клубахъ другихъ городовъ. Но я рѣшительно отказываюсь понять, почему столь обыкновенное въ нашемъ обществѣ явленіе можетъ тревожить моихъ сопотнадуровъ! Не понимаю-сь. Возьмите, напримѣръ, хоть послѣднее наше междоусобіе: князю Балаболкину, за неправильно сдѣланный въ карты вольтъ, вымазали горячей котлеткой лицо. Поступокъ прискорбный — это такъ, но чтобы въ немъ крылось распространеніе вредныхъ мыслей или поползновеніе къ умаленію чьей-нибудь власти — съ этимъ я никогда не могу согласиться! Никогда-сь.

Поэтому, въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ этого помпадурства,

мы порядочно-таки отдохнули. Освобожденный от необходимости на каждом шагу доказывать свою независимость, всякій дѣлалъ свое дѣло спокойно, безъ раздраженія. Земство облагало себя сборами, суды карали и миловали, чиновники акцизнаго вѣдомства дѣлили дивиденды, а контрольная палата до того осмѣлилась, что даже на самого помпадурѣ сдѣлала начеть въ 1 рубль 43 копѣйки. И помпадуръ—ничего, даже не поморщился. Ни криковъ, ни воззванія къ оружію, ни революцій,—ничего при этомъ не было. Просто взял и вынулъ изъ кармана 1 р. 43 к., которые и теперь хранятся въ казнѣ, яко живое свидѣтельство покорности законамъ со стороны того, который не токмо былъ вправѣ утверждать, что для него законъ не писанъ, но могъ еще и накричать при этомъ на цѣлыхъ 7 копѣекъ, такъ чтобы вышло ужъ ровно полтора рубля.

Тѣмъ болѣе должно было изумить насъ извѣстіе, что нашъ добрый помпадуръ вынужденъ навсегда прекратить административный свой бѣгъ. Всѣ оглядывались, всѣ спрашивали себя: почему, за что?—и никакихъ отвѣтовъ не обрѣтали, кромѣ отрывочныхъ фразъ, въ родѣ: „распустилъ“ и „не удовлетворяетъ новымъ вѣяніямъ времени“ (въ старину это, кажется, означало: не подтягиваетъ). Но почему же не удовлетворяетъ? развѣ мы—заговорщики, бунтовщики? развѣ мы безъ ума бѣжимъ впередъ, рискуя самимъ собой сломать голову? развѣ мы не всецѣло отдали самихъ себя и всѣ помысленія наши тому среднему дѣлу, которое, казалось бы, должно устранить отъ насъ всякое подозрѣніе въ превыспренности?

Но, разсуждая такимъ образомъ, мы, очевидно, забывали завѣщанную преданіемъ мудрость, въ силу которой „новыя вѣянія времени“ всегда приходили на сцену отнюдь не въ качествѣ поправки того или другаго уклоненія отъ историческаго теченія жизни, а прямо какъ одинъ изъ основныхъ элементовъ этой жизни. Вѣяніе прорывалось естественно, само собой; необходимость его жила во всѣхъ умахъ, пе нуждаясь ни въ какихъ обусловливающихъ побужденіяхъ. Не бунтовской вопросъ „за что?“ служилъ для него исходною точкой, а совершенно ясное и положительное правило: „будь готовъ“. Будь готовъ, то-есть ходи весело, ходи грустно, ходи прямо, ходи вкось, ходи вкривь. Тебѣ ничего не приказываютъ, ни отъ чего не предостерегаютъ; тебѣ говорятъ только: будь готовъ. Не къ тому будь готовъ, чтобы исполнить то или другое; а къ тому, чтобы претерпѣть.

Ты спрашиваешь: что долженъ ты сдѣлать, чтобы избѣжать „претерпѣнія“; но развѣ кто-нибудь знаетъ это? Не чувствуешь ли ты, что даже самый вопросъ твой является въ ту минуту, когда уже все рѣшено и подписано, и когда ничего другого не остается, какъ претерпѣть? Слѣдовательно, это вопросъ запоздалый, ненужный. Ты идешь прямо, а полчаса тому назадъ ты шелъ вкось — тутъ-то вотъ я и налетаю на тебя. Ни ты, ни я, мы оба не можемъ себѣ объяснить, почему нужно, чтобы дѣло происходило наоборотъ, то-есть, чтобы полчаса тому назадъ ты шелъ прямо, а теперь вкось. Мы чувствуемъ только, что мы столкнулись и ни подъ какимъ видомъ разшпнуться не можемъ. Но если ни ты, ни я не въ состояніи угадать, что будетъ происходить въ моей головѣ въ предстоящей моментъ, то ясно, что единственный практическій выходъ изъ этого лабиринта — это „претерпѣть“. И это советъ не капризъ съ моей стороны, советъ не преднамѣренное желаніе узвить тебя; это „порядокъ“, съ которымъ я безразлично отношусь и къ тебѣ, и ко всякому другому: это — „вѣяніе времени“...

Словомъ сказать, общее недоумѣніе, возбужденное полученнымъ извѣстіемъ, было таково, что даже воинскій начальникъ, человекъ крутой и бывалый, — и тотъ сказалъ:

— Ангель-съ! Ангелы Богу нужны-съ!

Само собою разумѣется, что педѣля, предшествовавшая отъѣзду стараго помядура, была рядомъ цѣлодневныхъ празднествъ, которыми наше общество считало долгомъ выразить свою признательность и сочувствіе отъѣзжающему. Это былъ очень яркій и сильный протестъ, въ основаніи котораго лежала благоразумная мысль: авось не повѣсятъ! Всѣ лица сохраняли трогательное и въ то же время сконфуженное выраженіе; но всѣхъ болѣе сконфуженнымъ казался самъ виновникъ торжествъ. Полный мысли о бренности всего земного, онъ наклонялся къ тарелкѣ и ронялъ невольную слезу въ стерляжью уху. Затѣмъ, хотя, въ продолженіе дальнѣйшихъ перемѣтъ, онъ и успѣвалъ придать своему лицу спокойное выраженіе, но съ первымъ же тостомъ эта напускная твердость исчезала, глаза вновь наполнялись слезами, а голое, отвѣчавшій на напутственныя пожеланія, звучалъ безконечною тоскою, почти напоминавшею предсмертную агонію.

Безчисленныя картины непріятнаго, сѣренькаго будущаго проносились въ эти мгновенія въ его воображеніи. То, что происходило

передъ нимъ въ эту минуту, несомнѣнно происходило *въ послѣдній разъ*, ибо не было примѣровъ, чтобы помпадуръ, однажды увядшій, вновь расцвѣталъ въ качествѣ помпадура. Все милое сердцу оставлялъ онъ, и оставлялъ не для того, чтобы украсить собой одну изъ залъ величественнаго зданія, выходящаго окнами на Сенатскую площадь, а для того, чтобы примкнуть въ ряды ропщущихъ и бесплодно чающихъ, которыми въ послѣднее время какъ-то особенно переполнены стогны Петербурга. „Вѣднѣй!“ читалъ онъ на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ глазахъ, и это тѣмъ болѣе усугубляло его страданія, что никто глубже его самого не сознавалъ всю наготу будущаго, въ которое судьба, съ обычною безсознательности жестокостью, погружала его. Да, все, что онъ теперь ѣстъ—онъ ѣстъ *въ послѣдній разъ*; все, что онъ теперь видитъ и слышитъ—онъ видитъ и слышитъ *въ послѣдній разъ*. Сегодня, послѣ обѣда, онъ *въ послѣдній разъ* будетъ играть въ ералашъ по три копѣйки (въ будущемъ эта игра ему уже не по средствамъ); сегодня, *въ послѣдній разъ*, полиціймейстеръ молодцомъ подлетитъ къ нему съ рапортомъ, что по городу все обстоитъ благополучно; сегодня частные пристава въ послѣдній разъ сдѣлаютъ подъ козырекъ, когда онъ поѣдетъ съ прощальнымъ визитомъ къ архіерею. И вотъ онъ съ какимъ-то испугомъ осматривается кругомъ. Все обстоитъ здѣсь по прежнему и на прежнихъ мѣстахъ, но ему кажется, что и люди, и предметы, и даже стѣны—все сошло съ мѣсть и уходитъ куда-то вдаль. Онъ уподобляетъ себя свѣточу; вчера еще этотъ свѣточъ горѣлъ свѣтлымъ и яркимъ огнемъ; сегодня онъ потушенъ и ужъ начинаетъ чадить; завтра онъ будетъ окончательно затоптанъ и выброшенъ на улицу вмѣстѣ съ прочею никуда ненужною ветошью...

Увы! въ человѣческомъ сердцѣ нѣтъ неизгладимыхъ воспоминаній, а воспоминанія о помпадурахъ меньше, нежели всякія другія, выдерживаютъ клеймо неизгладимости. Всѣ эти люди, которые сегодня такъ тепло чувствуютъ его, завтра ни единымъ словомъ, ни единымъ жестомъ не помянутъ о немъ. И какъ нарочно, въ послѣднее время все такимъ образомъ устроилось, чтобы какъ можно скорѣе изглаживать помпадурскіе слѣды. Прежде, бывало, помпадуръ, возвращаясь съ своего помпадурства вспять, все-таки сутки и больше ѣдетъ въ предѣлахъ этого помпадурства. Слѣдовательно прошедшее оставляетъ его не вдругъ. На каждой стациі онъ слышитъ сѣтова-

нія и пожеланія: смотритель ахаетъ, ямщикъ старается прокатить за славу... *въ послѣдній разъ!*.. „Добрый я! добрый!“ — мечталь, бывало, помпадуръ подь звонъ почтоваго колокольчика: „всѣ-то словія жалѣють обо мнѣ!“ И затѣмъ, не торопясь, станція за станціей, погружался въ бездны будущаго. А нынче упряденному помпадурѣ предстоитъ только пріѣхать на станцію желѣзной дороги (благо она тутъ же подь бокомъ), наскоро всѣхъ расцѣловать, затѣмъ свиснуль паровозъ—и нѣтъ его! До такой степени нѣтъ, что не успѣлъ еще скрыться поѣздъ за горой, какъ поѣзжане, покончивъ съ проводами, уже предаются злобѣ дня и заводятъ разговоры о предстоящей „встрѣчѣ“. Кто тотъ разнузданный романтикъ, который, въ виду этого упрощенія проводовъ и встрѣчъ, пребудеть настолько закосянѣлъ, чтобы, подь впечатлѣніемъ проводовъ какого-нибудь помпадура, оглашать стогны города кликами: „нѣтъ Агатона! нѣтъ моего друга!“?..

Но это былъ еще только уголь картины, которая проносила въ воображеніи помпадура въ то время, когда онъ взволнованнымъ голосомъ благодарилъ за участіе и пожеланія. Дальше картина развертывалась мрачнѣе и мрачнѣе и уже прямо ставила его лицомъ къ лицу съ самимъ таинственнымъ будущимъ.

Нѣтъ Агатона! Мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ, сейчасъ же простыло, и губернской архивариусъ тщетно отыскивалъ на полкахъ архива дѣло объ административныхъ намѣреніяхъ помпадура Агатона 2-го. Такого дѣла не было заведено, потому что не было самихъ „намѣреній“. У Агатона могъ быть благосклонный (или потерпящій возраженій) жестъ; у него могла быть благодушная (или отгрызающаяся) улыбка; у него могло быть привѣтливое (или ругательное) слово; но административныхъ намѣреній у него не было. Онъ, подобно актеру, могъ нравиться или не нравиться очевидцамъ-современникамъ; но для потомства (которое для него наступаетъ съ какою-то особенной быстротою) онъ—мертвая буква, ничего никому не говорящая, ни о чемъ никому не напоминающая...

Нѣтъ Агатона! Онъ мчится на всѣхъ парахъ въ Петербургъ и уже съ первой минуты чувствуетъ себя угнетеннымъ. Онъ *равенъ* *всѣмъ*; здѣсь, въ этомъ вагонѣ, онъ находится точно въ такихъ же условіяхъ, какъ и *всѣ*. *Въ послѣдній разъ* онъ путешествуетъ во II-мъ классѣ, и уже не слышитъ того таинственнаго шопота: „это онъ!“

это помпадуръ!“ — который встрѣчалъ его появленіе въ прежнія времена.

И вотъ, въ то время, какъ паровозъ, свистя и пытя, все больше и больше отдаляетъ его отъ милыхъ сердцу, къ нему подсаживается совершенно посторонній человѣкъ и сразу, самъ того не зная, берeditъ дымящуюся рану его сердца.

— Вы изволите ѣхать изъ N? — спрашиваетъ его незнакомецъ.

Съ какимъ самоувѣреннымъ видомъ, съ какимъ ликованіемъ въ голосѣ отвѣтилъ бы онъ въ былое время: да... я тамоншій помпадуръ! я ѣду въ Петербургъ представить о пуждахъ своихъ подчиненныхъ! я полагаю, что первая обязанность помпадурѣ — это заботиться, чтобъ законныя требованія его подчиненныхъ были удовлетворены! и т. д. Теперь, напротивъ того, онъ чувствуетъ, что отвѣтъ словно путается у него на языкѣ, и что гораздо было бы лучше, еслибъ ему совѣтъ-совѣтъ пичего не приходилось отвѣчать.

— Да... то-есть, я... конечно, я ѣду изъ N... — смущенно произноситъ онъ, наконецъ.

— Вы тамоншій? — продолжаетъ нескромно приставать спутникъ.

— Да... то-есть, не совѣтъ... я служу... то-есть, служилъ...

Онъ старается замять всякій разговоръ; онъ даже избѣгаетъ всѣхъ взоровъ... И только, быть можетъ, черезъ сутки, уже на послѣднихъ станціяхъ къ Петербургу, онъ разгуляется настолько, чтобъ открыть свое дѣйствительное положеніе и повѣдать печальную исторію своей отставки. Тогда съ души его спадетъ бремя, его тяготившее, и изъ устъ его впервые вырвется ропотъ. Этотъ ропотъ начнетъ новую эпоху его жизни; онъ наполнитъ все его будущее и проведетъ въ его существованія черту, которая рѣзко отдѣлитъ его прошедшее отъ настоящаго и грядущаго.

Нѣтъ Агатона! Въ первое время, непосредственно слѣдующее за отставкой, онъ, впрочемъ, еще бодрится и старается водиться съ такъ-называемыми „людьми“. Какъ бывшій помпадуръ и какъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, онъ легко вторгается въ домъ къ финансисту Фалелею Губошлепову и даже исполняетъ разныя мелкія его порученія. Встрѣчаетъ гостей, которые попроще, и занимаетъ ихъ, представляя лицо хозяина; ѣздитъ въ гостинный дворъ за игрушками для Губошлеповскихъ дѣтей; показываетъ Губошлепову, какъ

надѣвають на шею орденъ св. Анны; бѣгаетъ на кухню поторонить француза-повара; предшествуетъ Фалелею въ ресторанахъ въ тѣ дни, когда устраиваются тонкіе обѣдцы для лицъ, почему-либо не желающихъ показываться въ Фалелеевскихъ салонахъ; по вечерамъ, вмѣстѣ съ другими двумя дѣйствительными статскими совѣтниками, составляетъ партію въ вистъ для мадамъ Губошлеповой, и проч., и проч. За всѣ эти послуги онъ имѣетъ готовый столъ и возможность съ утра до вечера оставаться въ хорошо натопленныхъ и роскошно убранныхъ салонахъ своего патрона и, сверхъ того, отъ времени до времени, пользуется небольшими подачками, которыя онъ, впрочемъ, принимаетъ съ большимъ чувствомъ собственнаго достоинства. Среди этого изобилія онъ какъ будто даже повеселѣлъ. Узналъ толкъ въ винахъ и сигарахъ, вѣрно угадывалъ цѣну каждаго фрукта, прямо заускалъ лапу туда, гдѣ раки зимуютъ, отпустилъ брюшко, сшилъ себѣ легкій костюмчикъ, ѣлъ такъ смачно и аппетитно, что губы у него припухли и покрылись глянцемъ... Но поэтъ сказалъ правду:

...на счастье прочпо
 Всякъ надежду кипь...

И правдѣ этой пришлось осуществиться на Агатонѣ самымъ жестокимъ образомъ. Не успѣлъ еще онъ пустить корни въ домѣ Губошлепова, какъ послѣдній ужъ подыскалъ себѣ какого-то бывшего полководца. Съ этихъ поръ патронъ уже видимо охладѣваетъ къ Агатону. Являются на сцену столкновенія и пререканія. Вопросъ о томъ, кому изъ двухъ соперниковъ владѣть сердцемъ Губошлепова, съ каждымъ днемъ дѣлается больше и больше назойливымъ и, конечно, долженъ разрѣшиться въ ущербъ Агатону. Начинается съ того, что однажды Агатонъ ужъ совсѣмъ-было запустилъ лапу въ ящикъ съ сигарами какой-то несслыханной красоты, какъ вдругъ почувствовалъ, что его обожгло.

— Вотъ эти... поменьше... онѣ скусятъ будутъ! — сразу озадачилъ его Губошлеповъ, указывая взглядомъ на другой ящикъ съ менше цѣнными сигарами.

Услышавъ эту апострофу, Агатонъ поблѣднѣлъ, но смолчалъ. Онъ какъ-то смѣшно заторошился, досталъ маленькую сигарку и усѣлся противъ бывшего полководца, понюхивая дымкомъ, какъ ни

въ чемъ не бывало. Но дальше — хуже. На другой день, какъ нарочно, назначается тонкій обѣдецъ у Донона, и распорядителемъ его, какъ-то совершенно неожиданно, оказывается бывший полководецъ, а Агатонъ вынуждается обѣдать дома, съ мадамъ Губошлеповой и дѣтьми.

На третій день Агатонъ, по порученію Губошлепова, купилъ какой-то совершенно новый сыръ, и только-что вознамѣрился похвастаться своей находкой, какъ вдругъ пріѣхалъ бывший полководецъ и привезъ кусокъ точно такого же сыра. Разумѣется, сыръ полководца оказался „много превосходнѣе“...

Тогда Агатонъ не выдержалъ и пустился въ объясненія. Выдержки онъ, стерши—онъ, можетъ быть, и теперь покуривалъ бы прекраснѣйшія (хоть и не первой красоты) сигарки, попивалъ бы отличнѣйшее бордо, ѣлъ бы сочную дюшесу и проч. Но онъ возропталъ, заплакалъ — и тѣмъ окончательно выказалъ свой безпокойный характеръ.

— Это все въ тебѣ зависть плачетъ!—сразу осадилъ его Губошлеповъ: — а ты бы лучше на себя посмотрѣлъ! Какая у тебя звѣзда (у Агатона была всего одна звѣзда, и то самая маленькая)? А у него ихъ три! Да и человекъ онъ безстрашный: сколько однѣхъ областей завоевалъ — а ты! На печи лежа, безъ порошу палилъ! И хоть бы ты то подумалъ, что этакихъ-то, какъ ты — какая орава у меня! По одной рублевой цыгаркѣ каждому дай — сколько денегъ-то будетъ! А ты лѣзешь! И легъ ты, и всталъ у меня, и все тебѣ мало!

Агатонъ обидѣлся...

Нѣтъ Агатона! Онъ поселился въ четвертомъ этажѣ, во дворѣ того самаго дома, гдѣ живетъ и бывший его патронъ, и прозябаетъ подъ командой у выборгской шведки Лотты, которая, въ одно и то же время, готовитъ ему кушанье, чиститъ сапоги и исполняетъ другія неприхотливыя его требованія. Лотта безобразна, рѣдковолоса, лишена бровей и рѣсницъ, и за всѣмъ тѣмъ съ ожесточеніемъ упрекаетъ его въ томъ, что онъ загубилъ ея молодость. Чтобъ загладить этотъ поступокъ, онъ старается исполнить малѣйшій ея капризъ. Сначала она варила ему кофе, пока онъ нѣжилъ на постели, теперь — онъ самъ варитъ кофе, пока она, неопрятная и сонная, барахтается въ пуховикѣ. Чтобъ быть ей пріятнымъ, онъ даже выучился говорить „по ейному“, и такъ чисто произноситъ: „анна-

„анна-нуса“, что Лотта не может удержаться, чтобъ не дать ему за это цинка. По воскресеньямъ къ Лоттѣ ходитъ „ейный“ двоюродный братъ, и тогда Агатонъ на цѣлый день уходитъ изъ дома, сначала въ греческую кухмистерскую, потомъ на ералашъ (по $\frac{1}{10}$ копѣйки за пунктъ) къ кому-нибудь изъ бывшихъ помпадуровъ, который еще настолько богатъ средствами, чтобъ на сонъ грядущій побаловать своихъ гостей рюмкой очищенной и кускомъ селедки. Тамъ, въ интервалахъ сдачи, рощущіе эксъ-помпадуры рассказываютъ другъ другу о бывшемъ привольномъ житіи, о стерляжьей ухѣ, о цѣнѣ на рубчиковъ и индюковъ, о любопытнѣйшихъ сенатскихъ указахъ, о столкновеніяхъ, пререканіяхъ и проч. Затѣмъ, проглотивъ по рюмкѣ живительной, всѣ расходятся, а на утро опять наступаетъ понедѣльникъ, опять „анна-мина-нуса“, обѣдъ цѣною не свыше тридцати копѣекъ, послѣ обѣда спанье, гранъ-насыансь, вечерній чай и опять спанье. И такъ вся недѣля...

Нѣтъ Агатона! Онъ до такой степени самъ сознаетъ это, что въ знакъ покорности велѣніямъ судебъ отпустилъ бороду и усы. Худой и выцвѣтшій, въ поношенномъ пальто съ сильно порыжѣвшимъ бобровымъ воротникомъ онъ перваго числа каждаго мѣсяца сидитъ на площадкѣ лѣстницы главнаго казначейства и, въ ожиданіи своей очереди для полученія пенсій, бесѣдуетъ съ „старушкой“. „Старушка“ съ ридикюлемъ въ рукахъ—это непремѣнная принадлежность главнаго казначейства. Съ костылями или безъ костылей, въ кашорѣ или въ драдедамовомъ платкѣ, въ старомъ бѣличьемъ салопѣ или въ ватномъ поношенномъ пальто, она всегда тутъ, сидитъ на площадкѣ, твердою рукою держитъ ридикюль, терпѣливо выжидаетъ выслуженную и выстраданную зелененькую кредитку и слезающимися глазами слѣдитъ за проходящими франтами, уносящими уймы денегъ въ видѣ арендъ, вспомошествованій и болѣе или менѣе значительныхъ пенсій.

Сказать ли правду?—взирая на нее, помпадуръ чувствуетъ себя какъ-то бодрѣе. Не онъ одинъ забить, не онъ одинъ погруженъ въ бездну. Есть на свѣтѣ существо и еще забитѣе, еще подавленнѣе. И онъ безъ умолку готовъ болтать со „старушкой“, ибо отнынѣ только такого рода бесѣда и можетъ влить въ его сердце восстанавливающей бальзамъ. Да, онъ былъ имъ! онъ несомнѣнно былъ помпадуромъ! И если напоминаніе объ его помпадурствѣ не возбуждаетъ

въ людяхъ счастливыхъ и довольныхъ ничего кромѣ обиднаго равнодушія, то пусть хоть эта „старушка“ услышитъ объ этомъ и позавидуетъ ему!

— Всей-то моей пенсіи, — говоритъ „старушка“, — никакъ двѣнадцать рублей сорокъ-три копейки въ мѣсяцъ будетъ. На себя, значить, семь рублей получаю, да на внучекъ — сынъ у меня на службѣ померъ — такъ вотъ на нихъ пять рублей сорокъ-три копейки пожаловали!

— Немного, сударыня!

— Четыре зелененькихъ, сударь; тутъ и въ ниръ, и въ міръ. Вотъ старшей-то внучкѣ скоро года выходитъ, такъ, сказываютъ, два рубля семь гривенъ вычету будетъ!

— И живете-съ?

— Живемъ, сударь. Только, надо сказать, житье наше такое: и жить-то бы не надо, да и умирать не хочется. Не разберешь. А тоже вотъ хоть бы и я: такое ли прежде мое житье было! Домъ-то полная чаша былъ, хоть кто приходи — не стыдно! И мы въ гости — и къ намъ гости! Ну, а теперь — не прогибайся! Одинъ день съ квасомъ, а другой и такъ въ сухомятку пофдимъ! Ну, а вы, сударь, чай, много суммы-то получаете?

— Да въ мѣсяцъ восемьдесятъ-одинъ рубль шестьдесятъ копѣекъ. Не развернешься тоже, сударыня!

— И! что вы! Да кабы намъ такія деньги... Вы, стало быть, большую службу-то несли?

— Да... я... помнадуромъ былъ, — не безъ фатовства отвѣчаетъ Агатонъ, и видимо наслаждается, замѣчая, какъ „старушку“ беретъ оторопь при этомъ признаніи.

Эта оторопь есть цѣль всѣхъ его разговоровъ. Достигнувъ ея, помнадуръ счастливъ; онъ чувствуетъ, что онъ не весь еще погасъ и что есть на свѣтѣ существо, которое можетъ позаимствоваться отъ него свѣтомъ.

— Былъ, сударыня, былъ-съ! — продолжаетъ онъ съ увлеченіемъ и вытягиваясь во весь ростъ. — Встрѣчали-съ! Провожали-съ! Шагу по улицѣ не дѣлалъ, чтобы квартальный впереди народъ не разгонялъ-съ! Безъ стерляжьей ухи за столъ не саживался-съ! А что насчетъ этихъ помнадуршъ-съ...

Агатонъ махаетъ рукой и направляется къ стойкѣ, за которую

производится раздача пенсій. Защемивъ въ руку пачку красненькихъ кредитокъ, онъ проходитъ назадъ мимо „старушки“ и такъ дружески бьетъ головой на ея почтительный поклонъ, что оставляетъ ее въ совершенномъ недоумѣнн, дѣйствительно ли съ ней говорилъ одинъ изъ тѣхъ помпадуровъ, о которыхъ въ газетахъ пишутъ: и придутъ во градъ, и имутъ младенцевъ, и разбѣютъ ихъ о камни!..

Нѣтъ Агатона! до такой степени нѣтъ, что никому изъ Н-скихъ обывателей, прѣзжающихъ въ Петербургъ понюхать, чѣмъ пахнетъ, не приходило даже на мысль провѣдать, гдѣ онъ и какъ ему живется. Сначала ему такъ и казалось, что вотъ-вотъ ему сейчасъ доложить: „корнетъ Берендѣевъ прѣехалъ, прапорщикъ Солонина желаютъ васъ видѣть!“ Однако проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы, годы, но ни Берендѣевъ, ни Солонина и ухомъ не ведутъ. Помпадуръ долгое время не можетъ освоиться съ мыслью, что онъ забытъ. Слыша, что Берендѣевъ и Солонина ужъ не одинъ разъ наѣзжали въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ домахъ терпимости отрекомендовать себя какъ непоколебимѣйшихъ консерваторовъ, онъ не хочетъ вѣрять ушамъ своимъ. Да тѣ ли это? „его“ ли это Берендѣевъ и Солонина? назойливо допрашиваетъ онъ очевидцевъ консерваторскихъ подвиговъ этихъ людей, и только тогда уже, когда нѣтъ больше мѣста сомнѣннмъ, раздражается цѣлымъ ливнемъ безсильныхъ жалобъ противъ людской неблагодарности. „По цѣлымъ часамъ въ пріемной у меня контѣль! у притолоки стоялъ! за честь себѣ считалъ, когда я не то что рукой—мизинцемъ его поманю!“—восклицаетъ онъ, весь дрожа и захлебываясь отъ негодованія. Дай волю своему языку, онъ навѣрное присовокупилъ бы: „а вотъ погоди! я васъ ужъ въ бараній рогъ согну!“—но нелѣпость этой угрозы столь очевидна, что самое возникновеніе ея въ разгоряченномъ мозгу уже производитъ въ немъ реакцію въ совершенно обратномъ смыслѣ. Все кончено! все пусто, все голо, все дышетъ холодомъ, все исполнено мрака и безцѣльной, щемящей тоски... Впереди нѣтъ мѣста ни для угрозъ, ни для осаживаній, ни для ошеломленій. Кому какое дѣло, привѣтливая или огрызющаяся улыбка играетъ у него на устахъ? кому надобность знать, благосклонный или нетерпящій возраженій у него жестъ? Все это имѣло значеніе прежде, а теперь...

— Ну, и чортъ съ ними! имъ до меня нѣтъ дѣла, и мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ!—принимаетъ онъ, наконецъ, героическое рѣшеніе,

и, остановившись на немъ, все больше и больше погрязаетъ подъ ферулой у выборгской шведки Лотты...

Эта картина не послѣдняя. Не вся перспектива исчерпана; вслѣдъ за описанными выше проносятся новыя картины наготы и бѣдности, проносятся съ быстротою молніи, до тѣхъ поръ, пока отуманенный взоръ окончательно не отказывается различать въ этой мрачной, зіяющей безднѣ будущаго.

„О, еслибъ помпадуръ знали! еслибъ они могли знать!!—мысленно обращается онъ къ самому себѣ:—сколь многого бы они не совершали, что безъ труда могли бы не совершить! И если даже меня, который ничего или почти ничего не совершилъ, ждать въ будущемъ возмездіе, то что же должно ожидать тѣхъ, конхъ вся жизнь была непрерывнымъ служеніемъ мятежу и сквернословію?“

— Господа! предлагаю тостъ за нашего дорогого, многолюбимаго отъѣзжающаго! — прерываетъ на этомъ мѣстѣ мучительныя мечты помпадура голосъ того самаго Берендѣва, который въ этихъ мечтахъ игралъ такую незавидную роль. — Вашество! позвольте мнѣ, какъ хозяину дома, которому вы сдѣлали честь... однимъ словомъ, удовольствіе... или, лучше сказать, удовольствіе и честь... Вашество! языкъ мой нѣмѣть! Но позвольте... отъ полноты души... въ этомъ дѣмѣ... Господа! поднимемъ наши бокалы! Урра!

При этомъ возгласѣ картины будущаго оставляютъ на время помпадура и онъ возвращается къ чувству дѣйствительности, то-есть чокается и благодарить.

— Благодарю васъ, господа! — говоритъ онъ: — хотя, признаться, я бы желалъ, чтобы все здѣсь происходящее было сномъ! Пусть это былъ бы пріятный, сладкій сонъ, доставившій вамъ случай выразить мнѣ сочувствіе, а мнѣ—лучшую награду, которой только можетъ желать честолюбивѣйшій изъ помпадуровъ... Но все-таки пусть бы это былъ сонъ!

— А ужъ мы-то, вашество, какъ бы мы-то! — шипитъ но змѣиному будущій Гуда-Берендѣвъ.

Однако это былъ не сонъ, и какъ мы ни ухитрялись отдалить минуту помпадурскаго отъѣзда, но, наконецъ, все-таки были вынуждены заколоть тельца, чтобы *въ послѣдній разъ* упитать достойнаго юбиляра.

Прекрасно и умирительно было это послѣднее торжество. Распо-
ряжалась имъ цѣлая комиссія изъ чиновниковъ особыхъ порученій,
подъ высшимъ наблюденіемъ губернскаго предводителя дворянства.
Въ четыре часа пополудни прибылъ почтенный юбиляръ и подѣ
звуки военного марша, словно гонимый сквозь строй, вступилъ въ
залу собранія въ сопровожденіи двухъ ассистентовъ. На особомъ
столѣ была сервирована роскошнѣйшая закуска, но взволнованный
помпадуръ почти не прикоснулся къ ней, а только оросилъ слезою
великолѣпный страсбургскій наштеть. За обѣдомъ подавали стер-
ляжью уху и *soûpe à la reine* (къ нимъ: растегаи и семь или восемь
сортовъ пирожковъ), затѣмъ: громаднѣйшій ростбифъ, *salade de ho-
mards et de foie de lotte, épigramme de chevreuil, punch glacé,*
жаренные фазаны и перепела, *fonds d'artichauts à la lyonnaise* и,
въ заключеніе, три или четыре сорта пирожныхъ. Тосты предлага-
лись въ безчисленномъ количествѣ, ибо не только начальники отдѣль-
ныхъ частей, но даже совѣтники и ревизоры пожелали чѣмъ-нибудь
порадовать отъѣзжающаго на прощаніе. Предсѣдатель суда сказалъ:
„Никогда бы нашъ гласный, правый и скорый судъ не всталъ такой
прочною ногою, еслибъ вашество не удостоили его вашимъ истинно
просвѣщеннымъ сочувствіемъ“. Предсѣдатель земской управы ска-
залъ: „Никогда земство не привилось бы такъ счастливо въ нашемъ
краю, еслибъ вашество, съ первыхъ же шаговъ, не ободрили его вашимъ
благосклоннымъ содѣйствіемъ!“ Управляющій казенной палатой ска-
залъ: „Никогда выкупные платежи не поступали въ такомъ изоби-
ліи!“ Управляющій акцизными сборами сказалъ: „Никогда акцизъ
съ вина, а равно и питейный сборъ съ мѣсть оптовой и розничной
распродажи питей всѣхъ наименованій не достигали такихъ размѣ-
ровъ!“ Управляющій контрольной палатой сказалъ: „Никогда въ
нашемъ краю законность не процвѣтала; вашество первый подали
примѣръ благосклонной покорности законамъ, внеся 1 руб. 43 коп.,
начтенные на васъ контрольной палатой. Фактъ этотъ навсегда оста-
нется незабвеннымъ въ сердцахъ всѣхъ чиновъ ввѣренной мнѣ па-
латы, начиная съ меня и кончая сторожемъ!“ Совѣтники и ревизоры,
каждый порознь, сказали: „Позвольте, вашество, и намъ! Никогда
законность не процвѣтала въ нашемъ краю! Никогда!“ И такъ далѣе.
Одни предводители не говорили рѣчей, а только кричали: „уррра!“

Наконецъ, выступилъ и самъ юбиляръ съ отвѣтнымъ прощальнымъ тостомъ.

— Господа!—сказалъ онъ.—Я знаю, что я ничего не совершилъ! Но именно потому-то я и позволяю себѣ на прощаньи пожелать вамъ одного. Я отъ души желаю вамъ... я желаю... чтобъ и другой... чтобъ и тотъ, кто замѣнитъ вамъ меня (крики: „никто не замѣнитъ! никто!..“), чтобы и онъ тоже... ничего, подобно мнѣ, не совершилъ! Смѣю думать... да, я именно такъ позволяю себѣ думать... что это самое лучшее... что это самое пріятное пожеланіе, какое я могу сдѣлать вамъ въ эту торжественную минуту.

— Урра!—стономъ застонала въ отвѣтъ вся зала.

Въ семь часовъ вечера помпадуръ, усталый и измученный, оставилъ, насъ, чтобы заѣхать въ свою квартиру и переодѣться. Въ 9 мы собрались на станціи желѣзной дороги въ ожиданіи поѣзда. Въ 9¹/₂ помпадуръ наскоро перецѣловалъ насъ, выпилъ прощальный бокалъ и усѣлся въ вагонъ. Черезъ минуту паровозъ свиснулъ, и помпадуръ вмѣстѣ со всѣмъ поѣздомъ потонулъ во мракѣ!..

„Его ужъ нѣтъ!“ — заплѣлъ кто-то въ толпѣ, и этимъ простымъ восклицаніемъ сразу возвратилъ насъ къ дѣйствительности.

Дѣйствительность, которая предстояла впереди, для многихъ изъ насъ была болѣе нежели серьезна.

Какъ я объяснилъ выше, главную черту стараго помпадура составляла кроткая покорность закону и законности. Окруженный ореоломъ власти и пользуясь всѣми омиамами, онъ не былъ, однакожь, опьяненъ ими, но любилъ соединять величіе съ прिवѣтливостью и даже допускалъ, что самыя заблужденія людей не всегда должны имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ разстрѣляніе. Устраняясь лично отъ преній по предметамъ внутренней политики, онъ, тѣмъ не менѣе, не находилъ противнымъ челоувѣческому естеству, если кто-либо изъ его подчиненныхъ, въ приличныхъ формахъ, позволялъ себѣ оспаривать пользу и цѣлесообразность того или другого мѣропріятія. Онъ даже съ удовольствіемъ велушивался, какъ люди разговариваютъ, какъ изъ устъ ихъ по временамъ вылетаютъ умныя слова и какъ по поводу какого-нибудь непонятнаго для него выраженія вдругъ возникаетъ горячій, но скромный споръ. Какъ будто онъ догадывался, что ни этотъ споръ, ни возбудившія его непонятныя слова, не заключаютъ въ себѣ ничего угрожающаго общественному спокойствію, и

что дѣло кончится, все-таки, тѣмъ, что оппоненты, поспоривъ другъ съ другомъ, возьмутся за шапки и разбредутся по домамъ.

Такое благодушное настроеніе помпадура сообщало нашему обществу, или, по крайней мѣрѣ, просвѣщенному его меньшинству, совершенно особенный, такъ сказать, скромно-либеральный характеръ. Мы составляли единую дружественную семью, которая днемъ насаждала древо гражданственности въ присутственныхъ мѣстахъ, а по вечерамъ собирались въ томъ или другомъ домѣ, тоже для насажденія древа гражданственности. Коли хотите, эти собранія были немножко скучны, но за то вполне благонадежны. Мы читали передовыя статьи „Старѣйшей Россійской Пѣнокснимательницы“ и удивлялись благонамѣренной ихъ дерзости. Затѣмъ мы обсуждали казусы, возникавшіе во время утреннихъ засѣданій въ присутственныхъ мѣстахъ, и общимъ совѣтомъ рѣшали вопросы объ истинныхъ свойствахъ ассигновки, подлежащей удовлетворенію, объ единокровіи и единокровіи, о границахъ, далѣ которыхъ усышка не должна быть допускаема, о томъ, слѣдуетъ ли вынудить изъ пробоя затычки признавать признакомъ взлома, и т. д. Въ заключеніе, мы предавались радости, что всѣ мы — такіе усердные, нелицепріятные, преданные интересамъ казны, и, закончивши свой день этимъ, такъ сказать, актомъ самооблюбованія, несуетливо расходились во-свои.

Повторяю: каждый изъ насъ былъ искренно преданъ своему скромному, среднему дѣлу, и ежели въ этой преданности можно было отыскать что-нибудь предосудительное, то развѣ только то, что мы не шутя были убѣждены, что наше „дѣло“ можетъ развиваться полегоньку, безъ трубныхъ звуковъ, безъ оглашеній, а тѣмъ болѣе безъ сквернословія. „Наше время—не время широкихъ задачъ!“ — восклицали мы, и съ непреодолимую серьезностью корѣли надъ рапортами, вѣдомостями, рѣшеніями и предписаніями. Предсѣдатель суда, конечно, соболѣзновалъ, когда присяжные засѣдатели слишкомъ охотно оправдывали обвиняемыхъ, но въ то же время никогда не позволилъ бы себѣ утверждать, что институтъ присяжныхъ долженъ быть подвергнутъ за это посрамленію. Предсѣдатель казенной палаты всѣмъ сердцемъ желалъ, чтобы подати поступали въ казну бездоимочно, но былъ бы глубоко огорченъ, еслибъ это поступленіе сопровождалось взломомъ головъ у плательщиковъ. Предсѣдатель земской управы страстно лелѣялъ въ душѣ своей идеаль переложенія дорожной по-

винности изъ натуральной въ денежную, но первый отступилъ бы въ ужасъ, еслибъ ему сказали, что для достиженія этого необходимо ту или другую мѣстность объявить въ осадномъ положеніи. Управляющій акцизными сборами охотно принималъ участіе въ дѣлежѣ дивиденда, но при этомъ всегда уповалъ, что наступитъ время, когда количество дивиденда будетъ зависѣть не столько отъ увеличенія арміи пьяницъ, сколько отъ болѣе правильнаго распредѣленія напитка между желающими пользоваться имъ. И такъ далѣе. Но при всемъ либерализмѣ мы не только не отрицали необходимости помпадура, но даже прямо говорили, что безъ помпадура мы пропадемъ, какъ шведы подъ Полтавой. Въ безграничномъ нашемъ усердіи мы желали отъ помпадура только одного: чтобъ онъ не отвлекалъ насъ отъ рапортовъ, предписаній и вѣдомостей, чтобъ не истощалъ казны черезъ-чуръ блестящими предпріятіями и простилъ бы, еслибъ кто-нибудь изъ насъ, по разсѣянности, выказалъ *простую* теплоту чувствъ въ такую минуту, когда принято выказывать теплоту чувствъ *особенную*.

Такимъ образомъ мы жили и, надо сказать правду, не видя ни откуда притѣсненій, даже возгордились. Стали въ глаза говорить другъ другу комплименты, называть другъ друга „гражданами“, увѣрять, что другой такой губерніи днемъ съ огнемъ поискать, устраивать по подпискѣ обѣды въ честь чьего-нибудь пятилѣтія или десятилѣтія, а иногда и просто въ ознаменованіе безпримѣрнаго дотолѣ увеличенія дохода съ питей или бездоимочнаго поступленія выкупныхъ платежей.

Понятно поэтому, какое горькое впечатлѣніе произвело на насъ косвенное извѣстіе о *закомѣ*-то „вѣяніи времени“, которое должно было немедленно насъ сократить.

Многіе изъ насъ думали: какъ, однакожъ, постыдно, какъ глубоко оскорбительно положеніе человѣка, который постоянно долженъ задавать себѣ вопросъ: за что? — и не находить другого отвѣта, кромѣ: будь готовъ! Я, на примѣръ, сижу за столомъ и весь углубленъ въ провѣрку вѣдомостей. Никакой вины за собой я не чувствую. Цифры шеренгами и столбцами мелькаютъ въ моихъ глазахъ; мнѣ тошно отъ нихъ, я радъ бы бѣжать, куда глаза глядятъ, чтобъ только не видѣть ихъ; однако я преодолеваю свою тошноту и цѣлымъ рядомъ героическихъ насилій надъ собою достигаю, наконецъ, итога, не только понятнаго для меня самого, но такого, который — я положи-

тельно въ томъ увѣренъ — пойметъ и мое начальство. И вдругъ, въ самомъ разгарѣ торжества моего усердія, мнѣ приходится сказать: „Ты преступенъ! ты преступенъ потому, что когда-то, въ какомъ-то мѣстѣ, не выказалъ *достаточной* теплоты чувствъ!“ — Помилуйте, говорю я: — я вотъ этими вѣдомостями, я числомъ входящихъ и исходящихъ нумеровъ — вотъ чѣмъ доказываю я теплоту своихъ чувствъ! — „Вздоръ! — отвѣчаютъ мнѣ: — наплевать намъ на твои вѣдомости! Пусть будутъ всѣ итоги перевераны, пусть будутъ исходящія бумаги исполнены бессмыслицы — подавай намъ не *эту*, а настоящую теплоту чувствъ!“ — Позвольте, однако! стало быть, у васъ есть термометръ, съ помощью котораго вы... — „Ба! ты еще остришь! Живо! Faites vos bagages, messieurs! faites vos bagages! Фюить!“

И вотъ я, преданнѣйшій изъ либераловъ, я, который всю жизнь мечталъ: какъ бы славно, еслибъ крестьянинъ вносилъ выкупные платежи полностью, и притомъ не по принужденію, а съ сладкимъ сознаніемъ выполненнаго долга, — я долженъ, не оглядываясь, бѣжать „отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ“, бѣжать безъ прогоновъ, съ опасной кличкой человѣка, не выказавшаго *достаточной* теплоты чувствъ!

За что?!

Поймите меня. Если я желалъ, чтобъ выкупные платежи вносили бездоимочно, то вѣдь я желалъ этого не для себя, не для приобрѣтенія себѣ эфемерной популярности, а для того, что сердце мое обливалось кровью при одной мысли, что государственное казначейство можетъ быть поставлено въ затрудненіе. Какой еще нужно теплоты чувствъ? А если я, сверхъ того, желалъ, чтобъ эти взносы дѣлались не по принужденію, то, опять-таки, не затѣмъ, чтобъ дать поблажку непросвѣщенной и грубой черни, а затѣмъ, что если однажды, въ видахъ скорѣйшаго полученія денегъ, проломить плательщику голову, то онъ умретъ, и въ другой разъ казнѣ уже не съ кого будетъ взыскивать. Ужели и это не теплота чувствъ?!

Теплота чувствъ! О, вы, которые такъ много говорите объ ней, объясните, по крайней мѣрѣ, въ чемъ должны заключаться ея признаки? Но, увы, никто даже не даетъ себѣ труда отвѣтить на этотъ вопросъ. Напротивъ того, вопросъ мой возбуждаетъ негодованіе, почти ужасъ. Какъ! ты даже этого, врожденнаго всякому человѣку, понятія не имѣешь! ты *этого* не понимаешь! *Этого!!* Брысь!

Въ тоскѣ, я обращаюсь къ моему сердцу. Сердце-вѣшунъ! — говорю я:—ты, которое, десятки лѣтъ состоя на казенной службѣ, должно знать всѣ формы и степени казенной теплоты! Повѣдай мнѣ, въ чемъ прегрѣшаю я противъ нихъ?

И вотъ сердце отвѣчаетъ мнѣ: тогда-то, сиѣша по улицѣ въ присутствіе, ты забылъ сдѣлать подъ козырекъ! тогда-то, гуляя въ публичномъ саду, ты разсуждалъ съ управляющимъ контрольной палаты на тему о бесполезности писать законы, коль скоро ихъ не исполнять, между тѣмъ какъ, *по настоящему*, ты долженъ былъ стоять въ это время смирно и распѣвать: „громъ побѣды раздавайся!“

О, ужасъ! я припоминаю! Да... это такъ... это дѣйствительно было! Дѣйствительно, я и подъ козырекъ не сдѣлалъ, и не распѣвалъ... Но почему же, о, сердце, ты не предупредило меня?! Ты, которое знаешь, какъ охотно я дѣлаю подъ козырекъ и съ какимъ увлеченіемъ я всегда и на всякомъ мѣстѣ готовъ повторить:

О россъ! о родъ непобѣдимый!

О твердокаменная грудь!

Положимъ, однакожь, что я преступень; но развѣ нѣтъ для меня смягчающихъ вину обстоятельствъ? Та поспѣшность, съ которою я устремился въ присутствіе и которая была причиной, что я не сдѣлалъ подъ козырекъ—развѣ это не оиміамъ въ своемъ родѣ? Тотъ восторженный разговоръ, который я велъ о необходимости покоряться законамъ даже въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что законъ для насъ не писанъ—развѣ это не перифраза того же самага „громъ побѣды раздавайся“, за нераспѣваніе котораго я такъ незаслуженно оскорбленъ названіемъ преступника?

Но никто не внимааетъ мнѣ; никто не хочетъ признать за мной даже смягчающихъ обстоятельствъ!! *Faites vos bagages, messieurs! faites vos bagages!*

Въ ожиданіи такихъ перспективъ очень естественно, что мы и не замѣтили, какъ простыль слѣдъ нашего добраго стараго помпадуря. Намъ было не до того. Не неблагодарность руководила нами, а простое чувство самосохраненія. Въ тоскливой суетѣ сообщали мы другъ другу различныя предчувствія и предположенія; но всѣ эти предчувствія блѣднѣли и меркли передъ однимъ капитальнымъ и, такъ сказать, немеркнувшимъ вопросомъ:

Кто... ОНЪ?

Кто онъ? Кто тотъ благовѣстникъ самоновѣйшаго духа времени, которому суждено и на насъ распространить его вѣянія, или, лучше сказать, вывести насъ въ нѣкоторое пустынное и ни откуда не защищенное мѣсто, гдѣ всевозможные вихри будутъ нещадно трепать насъ и сзади, и спереди, и съ боковъ?

Въ чемъ состоятъ „вѣянія“ времени?

Que les méchants tremblent! que les bons se rassurent! Все это прекрасно, но кто же тѣ „злые“, которые обязываются трепетать? Кто тѣ „добрые“, которые могутъ съ довѣріемъ взирать въ глаза прекрасному будущему?

Надо сказать правду, что, предложивъ себѣ эти вопросы, мы отвѣтили на нихъ довольно рутиннымъ образомъ. По прежнимъ примѣрамъ, а можетъ быть и не по примѣрамъ, а просто на основаніи давно упраздненныхъ афоризмовъ административной азбуки, мы думали, что подъ „злыми“ слѣдуетъ разумѣть, во-первыхъ, взяточниковъ, во-вторыхъ, такъ-называемыхъ дантистовъ и, въ-третьихъ, всякаго рода шалопаевъ и „шлющихся людей“. Нѣкоторые изъ насъ (либералы, но уже съ значительнымъ консервативнымъ оттѣнкомъ) прибавляли къ этимъ тремъ категоріямъ еще четвертую, подъ наименованіемъ „людей политически-неблагонадежныхъ“. Но во всякомъ случаѣ, такъ какъ мы ни къ одной изъ этихъ категорій (даже къ четвертой) себя не причисляли, то многіе чуть-было тутъ же не начали взирать съ довѣріемъ въ глаза прекрасному будущему. Однакожь болѣе пристальное разсмотрѣніе дѣла дало намъ почувствовать, что тутъ есть ошибка, и притомъ довольно грубая.

Начать хоть со взяточниковъ—могутъ ли быть они названы „злыми“ въ новѣйшемъ значеніи этого слова?

Извѣстно, что въ концѣ пятидесятихъ годовъ воздвигнуто было на взяточниковъ очень сильное гоненіе. Съ понятіемъ о „взяточничествѣ“ сопрягалось тогда представленіе о какой-то язвѣ, которая якобы разъѣдаетъ русское чиновничество и служить немалой помѣхой въ дѣлѣ народнаго преуспѣянія. Казалось, что ежели уничтожить взятку и населить міръ неумытными становыми приставами, то вдругъ потекутъ рѣки млека и меда, а къ нимъ на придачу водворится и правда. Такъ понимало „взятку“ тогдашнее общество; такъ объясняли это слово и составители толковыхъ словарей. Но съ тѣхъ поръ по-

нятія наши значительно расширились, и мы не только не указываемъ на взяточничество какъ на язву, но даже не интересуемся знать, прекратилось оно или существуетъ. Утративши прежнія наглядныя формы, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, утратило и права на наше вниманіе. Прежнія страстныя преслѣдованія этого гнуснаго порока утихли или, лучше сказать, замѣнились иными преслѣдованіями иныхъ пороковъ... пороковъ, порожденныхъ новыми вѣяніями времени. Словомъ сказать, вопросъ о взяточницествѣ, нѣкогда столь славный, является въ настоящее время до такой степени забытымъ, что самое напоминаніе о немъ кажется ребяческою назойливостію.

Такъ бываетъ всегда, когда общественное развитіе идетъ слишкомъ быстро и когда общество, въ своемъ нетерпѣннѣ, отъ копѣечной взятки прямо переходитъ къ тысячной, десятитысячной и т. д. Филологи, не успѣвая слѣдить за измѣненіями, которыя вносятъ жизнь въ извѣстныя выраженія, впадаютъ въ невольныя ошибки и продолжаютъ звать „взяткой“ то, чему уже слѣдуетъ, по всей справедливости, присвоить наименованіе „купа“. Отсюда—путаница понятій. Содержаніе „взятки“ измѣнилось, границы ея получили совсѣмъ другія очертанія; притягательныя ея силы приобрѣли особый полѣтъ и изумительнѣйшее, дотолѣ неслыханное развитіе, а составители толковыхъ словарей упорствуютъ утверждать, что „взятка“ есть то самое, чтó въ древности собиралъ становой приставъ въ формѣ куръ и яицъ и лишь по временамъ находилъ, въ видѣ полуимперіала, во внутренностяхъ какого-нибудь вонючаго распотрошеннаго трупа. Къ счастью, однакъ, жизнь не вѣритъ этимъ объясненіямъ и утверждаетъ прямо, что „взятка“ окончательно умерла и на ея мѣсто родился „кушъ“.

Но понятно, что „кушъ“ уже совсѣмъ другого рода дѣло, и что для разъясненія, въ какой мѣрѣ этотъ новый экономическій дѣятель препятствуетъ или способствуетъ народному преуспѣванію, необходимо не мало времени. До сихъ поръ, и то лишь на этихъ дняхъ, только прусскій депутатъ Ласкеръ возбудилъ объ этомъ вопросъ, неосторожно назвавъ „взяткою“ двадцатитысячный „кушъ“, полученный нѣкимъ тайнымъ совѣтникомъ за содѣйствіе при выдачѣ желѣзнодорожной концессіи. Разумѣется, газетчики обрадовались этому обличенію и увидѣли въ немъ фактъ, свидѣтельствующій о прусской испорченности. Но вотъ выискивается австрійскій журналистъ, который по

поводу этого же самаго происшествія совершенно наивно восклицаетъ: „О! еслибы намъ, австрійцамъ, Богъ послалъ такую же испорченность, какая существуетъ въ Пруссіи, какъ были бы мы счастливы!“ Какъ хотите, а это восклицаніе проливаетъ на дѣло совершенно новый свѣтъ, ибо кто же можетъ поручиться, что велѣдъ за австрійскимъ журналистомъ не вышется журналистъ турецкій, который пожелаетъ для себя австрійской испорченности, а потомъ нубійскій или коканскій журналистъ, который будетъ сгарать завистью уже по поводу испорченности турецкой? Очевидно, что разногласія этого не могло бы существовать, еслибъ строгимъ опредѣленіемъ понятія о „кушъ“ была сразу устранена возможность заслонить одну громадную мерзость посредствомъ другой, еще болѣе громадной. Но вотъ этого-то именно и нѣтъ. А покуда не будетъ достигнуто это устраненіе, много пройдетъ времени въ спорахъ, какая степень испорченности желательна, какая терпима и какая, наконецъ, и нежелательна, и нетерпима.

До тѣхъ поръ мы будемъ имѣть основаніе сказать только одно: да, если взятка еще не умерла, то она существуетъ въ такой облагороженной формѣ, что лучше всего дѣлать видъ, что не примѣчаешь ее. Но, кромѣ того, имѣются и высшія соображенія, которыя не позволяютъ считать взяточниковъ въ числѣ „злыхъ“. Новѣйшія вѣянія времени учатъ все болѣе цѣнить въ человѣкѣ не геройство и способность претерпѣвать лишенія, сопряженныя съ ограниченнымъ газетнымъ содержаніемъ, а покладистость, уживчивость и готовность. Но чтѣ же можетъ быть покладистѣе, уживчивѣе и готовнѣе хорошаго, добраго взяточника? Ради возможности стянуть лишнюю копѣечку, онъ готовъ ужитья съ какою угодно внутренней политикой, увѣрвать въ какого угодно бога. Сегодня, напяливъ мундиръ, онъ отправляется въ соборъ поклониться Богу истинному, а завтра — только прикажите! — въ томъ же мундирѣ выйдетъ на лобное мѣсто и будетъ кричать: распни! распни Его!

Ясно, что „новѣйшія вѣянія времени“ къ нимъ относиться не должны...

Другая категорія людей, которая, на основаніи азбучныхъ опредѣленій, заслуживала бы наименованія „злыхъ“, состоитъ изъ тѣхъ нервно-разстроенныхъ людей, которые въ оглушеніяхъ и заушеніяхъ ищутъ успокоенія для своей разстроенности. Должны ли они трепетать? Нѣкоторые изъ насъ отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно;

другіе говорили прямо: нѣтъ, не должны. Но аргументы первыхъ до того страдали риторическою амплификаціей, что невольно напоминали знаменитое и, какъ извѣстно, окончившееся полнѣйшимъ фіаско выраженіе: „въ наше время, когда“... Напротивъ того, аргументы вторыхъ такъ плотно стояли на реальной почвѣ, что своею осязаемостью поражали слушателя въ самое сердце. „Помилюте!—говорили послѣдніе:—что же такое оглушенія и заушенія, какъ не самое яркое выраженіе новѣйшихъ вѣяній времени, какъ не роскошный плодъ, въ которомъ они находятъ свое осуществленіе?“

И точно, знаменитѣйшіе изъ нашихъ оглушителей:—маіоръ Зуботычкинъ и капитанъ Рылобейщиковъ, присутствуя при нашихъ спорахъ, здоровымъ и цвѣтущимъ своимъ видомъ выражали не только отсутствіе всякихъ опасеній, но и полнѣйшее довѣріе къ будущему. И при этомъ оба такъ простодушно удостовѣряли: „какъ хотите, а съ простымъ народомъ безъ того нельзя-съ“, что даже несомнѣнные противники системы оглушенія—и тѣ становились въ тупикъ: слѣдуетъ ли ставить въ вину такіе подвиги, которые служатъ лишь выраженіемъ самыхъ завѣтныхъ и искреннихъ убѣжденій? Что могъ почувствовать при видѣ ихъ помпадуръ, который самъ являлся вѣстникомъ „вѣяній времени“? какъ могъ онъ поступить относительно ихъ? Очевидно, онъ долженъ былъ призвать къ себѣ Зуботычина и Рылобейщикова и сказать имъ: „вы—избранники моего сердца! идите, сѣйте зубы, сокрушайте челюсти и превращайте вселенную въ пустыню! Я съ удовольствіемъ буду слѣдить за вашими успѣхами!“

Ясно, стало быть, что и „дантисты“ стоятъ внѣ того круга, которому угрожаетъ опасность...

Третья категорія „злыхъ“ — шалопаи и разнаго рода „плющіяся“ люди. Но относительно ихъ современныя воззрѣнія до того уже выяснились, что мы сами тотчасъ же поняли неумѣстность этой категоріи. Когда Петръ Великій билъ „плющящихся людей“ палкой и приказывалъ брить имъ лбы и записывать на службу — это было понятно. Для преобразованія Россіи нужно было, чтобъ шалопаи были на глазахъ, чтобъ они не гадили втихомолку, а дѣлали это, буде хватить смѣлости, въ виду всей публики. Но впоследствии мы приобрѣли такъ много всякаго рода свободъ, что между ними совершенно незамѣтно проскользнула и свобода шалопайствовать. Шалопаи проникли всюду, появились на всѣхъ ступеняхъ общества и посте-

менно образовали такое компактное ядро, что, за неимѣніемъ другого, болѣе доброкачественнаго, многіе усомнились, не тутъ ли именно и находится та несокрушимая крѣпость, изъ которой новыя вѣянія времени могутъ производить смѣлѣйшіе набѣги свои. Въ какой степени основательно или неосновательно такое предположеніе — это предстоитъ разрѣшить времени: но до тѣхъ поръ, пока разрѣшенія не послѣдовало, ясно, что „шлющіяся люди“, равно какъ взяточники и дантисты, должны стоять внѣ всякихъ угрозъ.

Оставалась, сталобыть, четвертая и послѣдняя категорія „злыхъ“, категорія людей „политически-неблагонадежныхъ“. Но едва мы приступили къ опредѣленію признаковъ этой категоріи, какъ съ нами вдругъ, ни съ того, ни съ сего, приключился ознобъ. Ознобъ этотъ еще болѣе усилился, когда мы встрѣтились съ прикованными къ намъ взорами нашихъ консерваторовъ. Эти взоры дышали злорадствомъ и проніей и сопровождались улыбками самаго загадочнаго свойства...

Боже! ужели же мы, всегда считавшіе себя „добрыми“, мы, носители идеаловъ о начетахъ не свыше 1 руб. 43 коп., мы, преданное среднему дѣлу меньшинство, мы, „граждане“ — ужели именно мы-то и обязываемся „трепетать“?!

Да! Это жестоко, но это такъ! Это можно было угадать уже по тому конфузу, который овладѣлъ самими нами, какъ только произнесены были слова: политическая неблагонадежность. Скажу по секрету: мы уже давно очень хорошо пощили, что рѣчь пойдетъ не о комъ другомъ, а именно о насъ, и лишь по малодушію скрывали это не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя. Все какъ-то думалось, не совершится ли чудо, не сознаются ли консерваторы, что къ нимъ всего больше подходитъ та кличка политически-неблагонадежныхъ людей, которую такъ удачно создало вѣяніе времени? Не снимутъ ли они на себя тяготѣющій на насъ оговоръ? Но консерваторы не сознавались, а потому пришлось сознаваться намъ самимъ.

Какимъ образомъ случилось, что мы хоть косвенно, но сами признавали себя въ числѣ тѣхъ, противъ которыхъ вѣяніе времени должно было прежде всего направить свои стрѣлы — объяснить это довольно легко. Въ послѣднее время нашъ клубъ былъ ареною такихъ непрерывныхъ и раздражительныхъ междоусобій, что мы, носители идеала о начетахъ не свыше 1 руб. 43., коп., лишь благодаря

Благосклонному содѣйствію стараго помпадура, одерживали въ нихъ слабый верхъ. Но даже и при существованіи этого могущественнаго прикрытія мы никогда не могли предотвратить, чтобы наши политическіе противники не напоминали намъ, съ едва скрываемою дерзостью, кто мы и изъ какихъ мы принциповъ выходимъ. Повторяю: принципы эти были очень просты и заключались въ томъ, чтобы взятокъ не брать, къ рылобитію не прибѣгать и съ самоотверженіемъ корпѣть надъ рапортами и вѣдомостями. Но консерваторамъ и это казалось ужаснымъ. Чтѣ бы мы ни предпринимали, какое бы сужденіе ни высказывали, мы совершенно явственно слышали, какъ тутъ же, о-бокъ съ нами, раздавался ехиднѣйшій шопотъ, который произносилъ: „красные!“ Это восклицаніе преслѣдовало насъ всюду: въ клубѣ, на улицѣ, въ присутственномъ мѣстѣ. Да, и въ присутственномъ мѣстѣ, потому что даже просьбы на гербовой бумагѣ, которыя приходилось намъ разбирать, — и тѣ были насквозь пропитаны ядомъ этого выраженія. Вотъ почему это слово не было для насъ новостью и вотъ почему, какъ только оно было произнесено, мы тотчасъ же поняли, что „красные“ — это мы. Прежде мы могли относиться къ этой кличкѣ равнодушно и даже шутливо; но теперь, когда мы сознавали себя предоставленными лишь собственнымъ силамъ, она предстала передъ нами во всей наготѣ. Могли ли мы примѣнить ее къ кому бы то ни было, кромѣ самихъ себя? Могли ли мы утверждать, что намъ и на умъ никогда не приходило называть себя „красными“, а тѣмъ менѣе быть оними? Увы! улики были на-лицо, улики страшныя, подавляющія! Такія улики, что начеть въ 1 руб. 43 коп. сразу выступилъ въ видѣ холодныхъ капель пота на лбу у управляющаго контрольной палатой, какъ только онъ вспомнилъ о немъ!

Это была неправда, это была вопіющая клевета. Но тѣмъ не менѣе, какъ ни обдумывали мы свое положеніе, никакого другого выхода не находили, кромѣ одного: да, мы, именно мы одни обязуемся „трепетать“! Мы — „злые“, лишь по недоразумѣнію восхитившіе наименованіе „добрыхъ“. Мы — волки въ овечьей шкурѣ. Мы — „красные“. На насъ прежде всего должно обрушиться вѣяніе времени, а затѣмъ, быть можетъ, задѣтъ на ходу и другихъ...

Уныніе овладѣло нами. Одни изъ насъ дребезжащимъ голосомъ разучивали „Громъ побѣды раздавайся!“ Другіе выстаивали по цѣ-

лымъ часамъ, дѣлая рукою подъ козырекъ. Нѣкоторые замыслили измѣну дорогимъ убѣжденіямъ...

Но всѣ средства оказались непрактичными и нецѣлесообразными. Не то слѣдуетъ доказать, умѣешь ли ты дѣлать подъ козырекъ, а то, возведено ли въ тебѣ это дѣланіе на степень врожденной идеи. Не о томъ рѣчь, твердо ли ты заучилъ романсъ „Громъ побѣды раздавайся“, а о томъ, составляетъ ли онъ операціонный базисъ твоихъ мыслей и дѣйствій. Измѣна же хотя и казалась наиболѣе практическимъ выходомъ, но вѣдь и ее прежде надобно доказать или, по малой мѣрѣ, доложить объ ней, а это тоже почти невозможно, потому что „вѣянія времени“ обращаютъ человѣка въ пчелъ, прежде нежели онъ успѣетъ разинуть ротъ...

Однимъ словомъ, оставалось только ждать.

Въ этомъ ожиданіи прошло нѣсколько томительныхъ недѣль, въ продолженіе которыхъ только одинъ вопросъ представлялся намъ съ полною ясностью:

За что?

Мы ничего не имѣли въ мысляхъ, кромѣ интересовъ казны; мы ничего не желали, кромѣ благополучнаго разрѣшенія благихъ начинаній: мы трудились, усердствовали, лѣзли изъ кожи и въ свободное отъ усердія время мечтали: о, еслибы и волки были сыты, и овцы цѣлы!.. Словомъ сказать, мы день и ночь хлопотали о насажденіи древа гражданственности. И вотъ теперь намъ говорятъ: „вы должны претерпѣть!“

За что?!

Да пересмотрите же наши вѣдомости! Загляните въ наши предписанія, донесенія, журнальныя постановленія! Сличите, какой сумбуръ царствовалъ до насъ и какъ рѣшительно двинули мы впередъ многосложное и трудное дѣло сличенія вѣдомостей, поправки кассовыхъ журналовъ, бухгалтерскихъ книгъ, и проч., и проч.

Отвѣтъ: быть можетъ, это все такъ, но вы *должны* претерпѣть.

Примите, по крайней мѣрѣ, во вниманіе, что ежели мы и провинились, то безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, по разсѣянности, недоразумѣнію, неопытности, глупости и т. д.

Вы должны претерпѣть!

За что?!

Наконецъ ОНЪ пріѣхаль...

По внѣшнему виду въ немъ не было ничего ужаснаго, но внутри его скрывалась молнія.

Какъ только онъ почувяль, что передъ нимъ стоятъ люди, которые хотя и затаили дыханіе, но все-таки дышуть, — такъ тотчасъ же вознегодовалъ.

Но онъ былъ логиченъ. Онъ не вошелъ даже въ разбирательство, кто передъ нимъ: консерваторы или либералы.

И вотъ онъ раскрылъ ротъ. Едва онъ сдѣлалъ это, какъ молнія, въ немъ скрывавшаяся, мгновенно вылетѣла и, не тронувъ насъ, прямо зажгла древо гражданственности, которое было насаждено въ душахъ нашихъ...

Случайность эта спасла насъ. При кликахъ всеобщей суматохи онъ далъ каждому изъ насъ по нѣскольку щипковъ и затѣмъ всецѣло предался внутреннему ликоваію.

Но по мѣрѣ того, какъ онъ щипалъ насъ, мы чувствовали, какъ догораетъ наше милое, дорогое древо гражданственности.

— О, древо! — уныло восклицали мы: — съ какими усиліями мы возрастили тебя и, возрадивъ, съ какимъ торжествомъ публиковали о томъ всему міру! И что-жь! пришелъ нѣкто — и въ одну минуту испепелилъ всѣ наши насажденія!

Мы уцѣлѣли — но ужъ безъ древа гражданственности. Мы не собираемся вокругъ него и не щебечемъ. Мы не знаемъ даже, надолго ли „онъ“ оставилъ намъ жизнь... Но, соображаясь съ вѣяніями времени, твердо уповаемъ, что жизнь возможна для насъ лишь подъ однимъ условіемъ: подъ условіемъ, что мы обязываемся ежемгновенно и неукоснительно трепетать.

ІХ.—Помпадуръ борьбы

или

ПРОКАЗЫ БУДУЩАГО.

Я съ дѣтскихъ лѣтъ знаю Ѳеденьку Кротикова. Въ школѣ это былъ отличный товарищъ, готовый и въ форточку покурить, и прокатиться въ воскресенье на лихачѣ, и кутнуть гдѣ-нибудь въ заднихъ комнатахъ рестораника. По выходѣ изъ школы, продолжая оставаться отличнымъ товарищемъ, онъ въ какихъ-нибудь три-четыре года напилъ и наѣлъ у Дюссо на десять тысячъ рублей и задолжалъ нѣсколько тысячъ за ложу на Минерашкахъ, изъ которой имѣлъ удовольствіе апплодировать *m-lle Blanche Gandon*. Это заставило его взглянуть на свое положеніе серьезно. Роль добраго товарища обходилась слишкомъ дорого; надо было остепениться и избрать себѣ карьеру. И вотъ не прошло четырехъ лѣтъ—слышимъ, что онъ прямо изъ-подъ ферулы Дюссо вдругъ выказалъ необыкновенный административный блескъ. Еще немного — и Ѳеденька былъ уже помпадуромъ въ городѣ Навозномъ...

Какимъ образомъ все это случилось—никто не могъ дать себѣ отчета. Всѣ видѣли, что Ѳеденька сидитъ у Дюссо, но никто не подозревалъ, что онъ сидитъ не сирота, а изучаетъ духъ времени. У Дюссо же, кстати, собираются наѣзжіе помпадуры и за бутылкой добраго вина развиваютъ виды и предположенія, какіе кому Богъ на душу пошлетъ, а слѣдовательно для молодыхъ кандидатовъ въ администраторы лучшей школы не можетъ быть. И Ѳеденька воспользовался ею вполне, то-есть прислушивался и смекалъ. И вотъ, когда онъ понялъ, что для современнаго администратора ничего больше не требуется, кромѣ свободныхъ манеръ, то тотчасъ же сообразилъ, что и онъ въ этомъ отношеніи не лыкомъ шить. Проникнувъ въ извѣстныя сферы, изъ которыхъ, какъ изъ нѣкоего водохранилища, изливается на Россію многоводная рѣка помпадурства, Ѳеденька, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, сболтнулъ хлѣсткую фразу, въ родѣ того, что Россію губить излишняя централизація; что необходимо децентрализовать, то-есть эмансипировать помпадуровъ, усиливъ ихъ власть; что высшая администрація слишкомъ погружена въ подробности и мелочи; что мелочи отвлекаютъ ее отъ главныхъ задачъ, то-

есть отъ внутренней политики и т. д. Однимъ словомъ, высказалъ все, что говорится у Дюссо за стаканомъ добраго вина наѣзжими и жаждущими эмансипироваться помпадурами. Сболтнулъ — и понравился; понравился — и былъ признанъ способнымъ уловлять вселенную...

Я первый порадовался возвышенію Оеденьки. Во-первыхъ, я зналъ, что у него доброе сердце, а по моему мнѣнію въ помпадурѣ это главное. Если помпадуръ настолько простодушенъ, что ничѣмъ другимъ, кромѣ внутренней политики, заниматься не можетъ, и если при этомъ онъ еще золъ, то очевидно, что онъ не сумѣетъ дать другого употребленія своему досугу, кромѣ угнетенія обывателя. Злая праздность подозрительна и ревнива. Лишенная знанія и тѣхъ ограниченій, которыя она приноситъ съ собой, она замѣняетъ его простымъ нахальствомъ, и потому всюду вмѣшивается, во всемъ сознаетъ себя компетентною, всѣмъ мѣшаетъ, вездѣ видитъ посягательство, покушеніе, оскорбленіе. Она съ утра до вечера хлопаешь глазами и все ищетъ, какъ бы кого истребить, скрутить, согнуть въ бараній рогъ. Клянусь, ничего тутъ хорошаго нѣтъ. Напротивъ того, праздность невѣжественная, но соединенная съ добродушіемъ, не только не вредитъ, но даже представляетъ нѣкоторыя выгоды. Добрый помпадуръ застѣнчивъ; онъ никому не мѣшаетъ и даже избѣгаетъ лишнихъ объясненій, потому что боится сболтнуть что-нибудь несообразное и выказать несостоятельность. Сознавая себя осужденнымъ исключительно на внутреннюю политику, онъ все значеніе послѣдней полагаетъ въ томъ, чтобы не препятствовать другимъ. Онъ посѣщаетъ клубъ — и всѣхъ призываетъ къ согласію. Онъ ѣздитъ на пироги, обѣды и ужины — и всѣмъ желаетъ благополучія. Хороши добрые, невѣжественные помпадуры! При нихъ обыватель съ довѣріемъ смотритъ въ глаза завтрашнему дню, зная, что онъ встрѣтитъ его въ своей постели, а не на съѣзжей, и что никто не перевернетъ вверхъ дномъ его существованія по обвиненію въ недостаточной теплотѣ чувствъ. И вотъ этого именно, этой незлобивой невѣжественности, соединенной съ доброжелательнымъ отношеніемъ къ обывателю, ждалъ я и отъ Оеденьки.

Во-вторыхъ, мнѣ было извѣстно, что Оеденька имѣетъ и другое драгоцѣнное качество: — что онъ либераль. Это было время либерализма почти повальнаго, то время, когда вдругъ всѣмъ сдѣлалось

тошно и душно. Оеденька отлично выразилъ это чувство въ особенной докладной запискѣ, представленной имъ по этому случаю. „Воспрещеніе курить на улицахъ“, писалъ онъ въ этой запискѣ. „ограниченія относительно покроя одежды, въ особенности же истинно-деоклитіановскія гоненія противу лицъ, носящихъ бороды и длинные волосы, — все это, вмѣстѣ взятое, не могло не оказать пагубнаго воздѣйствія на общественную самодѣятельность. Чувствуя себя на каждомъ шагу подъ угрозой мѣропріятій, большею частью направленныхъ противу невиннѣйшихъ поползновеній человѣческаго естества, общество утратило вѣру въ свои творческія силы и поникло подъ игомъ постыднаго равнодушія къ собственнымъ интересамъ. Посему и въ видахъ поднятія народнаго духа я полагаю бы необходимымъ всенародно объявить: 1) что занятіе куреніемъ табака свободно вездѣ, за нижеслѣдующими исключеніями (слѣдовалъ 81 п. исключеній; 2) что выборъ покроя одежды предоставляется личному усмотрѣнію каждаго, съ таковымъ, однакожъ, изъятіемъ, что появленіе на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ въ обнаженномъ видѣ, по прежнему, остается недозволительнымъ, и 3) что преслѣдованіе за ношеніе бороды и длинныхъ волосъ прекращается, а всѣ начатія по сему предмету дѣла предаются забвенію, за исключеніемъ лишь нижеслѣдующихъ случаевъ (поименовано 33 исключенія)“. Какъ хотите, а человѣкъ, начинавшій свой административный бѣгъ съ такими смѣлыми задатками, не могъ не заслуживать нѣкотораго довѣрія. Притомъ же, излагая столь ясно свои либеральныя убѣжденія, онъ вѣдь и рисковалъ. Онъ ставилъ на карту все свое административное будущее, ибо ежели смѣлость его могла понравиться, то она же могла и не понравиться, и слѣдовательно надѣлать ему хлопотъ. Мало того, онъ могъ прослыть опаснымъ мечтателемъ. Къ счастью, онъ попалъ въ такую минуту, когда смѣлыя начинанія нравились...

Какъ бы то ни было, но Оеденька достигъ предмета своихъ вождельнѣй. Напутствуемый всевозможными пожеланіями, онъ отправился въ Навозный край, а же остался у Дюссо. Съ тѣхъ поръ мы видѣлись рѣдко, урывками, во время наѣздовъ его въ Петербургъ. И я съ сожалѣніемъ долженъ сознаться, что мои надежды на его добросердечіе и либерализмъ очень скоро разрушились.

Первое время административныхъ подвиговъ Оеденьки было лучшимъ его временемъ. Это было время либерализма безусловнаго, ко-

тому не только не служило помѣхой отсутствіе мудрости, но, противъ того, сообщало какой-то ликующій характеръ. Оеденька рвался впередъ, нимало не думая о томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть его рвеніе. Онъ писалъ циркуляры о необходимости заведенія фабрикъ, о возможности, при добромъ желаніи, населить и оплодотворить пустыни, о пользѣ развитія путей сообщенія, промысловъ, судоходства, торговли, и изъявиль надежду, что земледѣліе, споспѣшествуемое, съ одной стороны, садоводствомъ, а съ другой—разведеніемъ улучшенныхъ породъ скота, принесетъ желаемые плоды и, такимъ образомъ, оправдаетъ возлагаемыя на него надежды. Онъ призывалъ къ себѣ для совѣщанія купцовъ и доказывалъ имъ неотложность учрежденія кожевенныхъ и мыловаренныхъ заводовъ, причеиъ говорилъ: „прошу васъ, господа, а въ случаѣ надобности, даже требую“. Онъ приглашалъ дворянъ и говорилъ, что дворянское сословіе всегда было опорю, а потому и теперь должно первое подать примѣръ. Въ ожиданіи же результатовъ этой судорожной дѣятельности онъ дѣлалъ внезапныя вылазки на пожарный дворъ, осматривалъ лавки, въ которыхъ продавались съѣстные припасы, требовалъ исправнаго содержанія мостовыхъ, пробовалъ похлебку, изготовленную въ тюремномъ замкѣ для арестантовъ, прекращалъ чуму, холеру, осну и сибирскую язву, собиралъ деньги на учрежденіе дѣтскаго пріюта, городского театра и публичной библіотеки, предупреждалъ и пресѣкалъ бунты и въ особенности выказывалъ страстные порывы при взысканіи недоимокъ.

Но, увы! изъ всѣхъ этихъ либеральныхъ затѣй Оеденька достигъ относительнаго успѣха лишь по части пресѣченія бунтовъ и взысканія недоимокъ. Ко всѣмъ прочимъ его запросамъ общество отнеслось тупо, почти безучастно. Фабрики не учреждались, холера не прекращалась, судоходство не развивалось, купцы продолжали коснѣть въ невѣжествѣ, а земледѣліе, споспѣшествуемое сибирскою язвою, давало въ результатъ болѣе лебеды, нежели истиннаго хлѣба. Это тѣмъ болѣе озадачило Оеденьку, что онъ, какъ вообще всѣ администраторы, кончившіе курсъ наукъ въ ресторанѣ Дюссо, не имѣлъ надлежащей выдержки и былъ скорѣе способенъ являть сердечную пылкость, нежели упорство въ преслѣдованіи административныхъ цѣлей.

Тогда наступилъ второй періодъ Кротиковскаго либерализма, либерализма меланхолическаго, жалующагося, укоряющаго. Хотя

Өеденька еще не пришелъ къ отрицанію самого либерализма, но онъ уже разочаровался въ *либералахъ* и довольно громко выражалъ это разочарованіе.

— Любезный другъ! — говорилъ онъ мнѣ въ одинъ изъ своихъ прїѣздовъ въ Петербургъ. — Я просилъ бы тебя ясно представить себѣ мое положеніе. Я прїѣзжаю въ Навозный и вижу, что торговля у меня въ застоѣ, что ремесленность упала до того, что à la lettre некому пришить пуговицу къ сюртуку, что земледѣліе, эта опора нашего отечества, не приноситъ ничего, кромѣ лебеды... J'espère que c'est assez navrant, ça? hein! qu'en diras-tu?

— Mais oui... le tableau n'est pas des plus agréables...

— Eh bien, я вижу все это — и, разумѣется, принимаю мѣры. Я пишу, предлагаю, настаиваю — и что-жъ! Хоть бы одна каналья откликнулась на мой голосъ! Ничего, кромѣ какого-то подлаго сопѣнія, которое раздается изъ всѣхъ угловъ! Вотъ они! вотъ эти либералы, на которыхъ мы возлагали столько надеждъ! Вотъ тотъ либеральный духъ, который, по отзывамъ газетъ, „охватилъ всю Россію“! Чорта съ два! Охватилъ!!

Тѣмъ не менѣе, Өеденька не сразу унылъ духомъ; напротивъ того, онъ сдѣлалъ надъ собой новое либеральное усиліе и по всѣмъ полиціямъ разослалъ жалостный циркуляръ, въ которомъ подробно изложилъ свои огорченія и разочарованія.

„Неоднократно замѣчено было мною, — писалъ онъ въ этомъ циркулярѣ, — что въ нашемъ обществѣ совершенно отсутствуетъ тотъ духъ инициативы, съ помощью котораго великіе народы совершаютъ великія дѣла. Не разъ указывалъ я, что путей сообщенія у насъ, можно сказать, не существуетъ, что судоходство наше представляетъ зрѣлище въ высшей степени прискорбное для сердца всякаго истиннаго патріота, что въ торговлѣ главнымъ двигателемъ является не благородная и вполне согласная съ предписаніями политико-экономической науки потребность быть посредникомъ между потребителемъ и производителемъ, а гнусное желаніе наживы; что земледѣліе, этотъ главный источникъ благосостоянія странъ, именующихъ себя земледѣльческими, не радуется земледѣльцу, а землевладѣльцу даже приноситъ чувствительное огорченіе. Указывая на все вышеизложенное, я питалъ надежду, что голосъ мой будетъ услышанъ и что здоровыя силы страны воспрянутъ отъ многолѣтняго безмятежнаго сна, дабы

воспользоваться плодами онаго. Скажу болѣе: я былъ увѣренъ, что отечество наше, искони превосходя государства Западной Европы безпрекословнымъ исполненіемъ начальственныхъ предписаній и непреоборимымъ благочестіемъ, станеть на ряду съ ними и съ точки зрѣнія промышленности и полезныхъ изобрѣтеній. И тогда, думалось мнѣ, то-есть еслибъ все сіе осуществилось, не имѣли ли бы мы полное основаніе воскликнуть: съ нами Богъ—кто же на ны?!

„Но, къ великому и душевному моему огорченію, я усматриваю, что наше общество продолжаетъ коснѣть все въ томъ же бездѣйствіи, въ какомъ я засталъ его въ первое время по прїѣздѣ моемъ въ Навозный край. А именно: путей сообщенія не существуетъ, судоходство въ упадкѣ, торговля преслѣдуетъ цѣли низкія и неблагородныя, а при взглядѣ на земледѣліе единственная мысль, которая приходитъ въ голову, есть слѣдующая: все трудятся зиждущіе! Къ сему, съ теченіемъ времени, присоединились: процвѣтаніе кабаковъ и необыкновенный усѣхъ сибирской язвы. Спрашивается: при всемъ предыдущемъ и при дѣятельномъ пособничествѣ послѣдующаго, какое имѣемъ мы основаніе восклицать: кто же на ны?!

„Уже умтвенному моему взору безъ труда представляется удручающая сердце картина будущаго. Край пустыненъ; полезныя и кроткія породы птицъ и звѣрей уничтожились, а вмѣсто оныхъ господствуютъ породы хищныя и не полезныя; благочестіе упразднилось, а вмѣсто онаго царствуютъ пьянство и развратъ! Какое сердце патріота не содрогнется при видѣ столь ужаснаго зрѣлища, даже если бы оно было лишь плодомъ моей предусмотрительной фантазіи?!

„А между тѣмъ изъ архивныхъ дѣлъ достовѣрно усматривается, что нѣкогда нашъ край процвѣталъ. Онъ изобиловалъ туками (какъ это явствуетъ изъ самаго названія „Навозный“); туки же, въ свою очередь, способствовали произрастанію разнородныхъ злаковъ. А отъ сего процвѣтало сельское хозяйство. Помѣщики наперерывъ стремились пріобрѣтать здѣсь имѣнія, не пугаясь отдаленностью края, но думая открыть и дѣйствительно открывая золотое дно. Теперь—нѣтъ ни туковъ, ни злаковъ, ни золотого дна. Какая же причина такого прискорбнаго оскудѣнія?

„Я знаю, что упраздненіе крѣпостного права многія надежды оставило безъ осуществленія, а прочія и совсѣмъ прекратило; я вмѣстѣ съ другими оплакиваю сей фактъ, но и за всѣмъ тѣмъ спра-

шиваю себя: имѣется ли законное основаніе, дабы впадать, по случаю онаго, въ уныніе или малодушіе.

„Тѣмъ не менѣе, я не вхожу въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, ибо разсмотрѣніе привело бы меня къ разслѣдованію, которое, въ свою очередь, повлекло бы за собою полемику, которой въ моемъ положеніи я всячески долженъ избѣгать. Ограничиваюсь лишь слѣдующимъ краткимъ замѣчаніемъ. Помѣщики, подъ вліяніемъ досады, возбужденной въ нихъ упраздненіемъ крѣпостного права, бросились вырубать принадлежащіе имъ лѣса и продавать оныя за безцѣнокъ. Къ сожалѣнію, ощутительной выгоды отъ сего они не получили никакой, а странѣ между тѣмъ причинили несомнѣннѣйшій ущербъ. Съ истребленіемъ лѣсовъ надолго, если не навсегда, утвердилось господство изсушающихъ вѣтровъ, которые, не встрѣчая преградъ въ своемъ вѣяніи, повсюду производятъ пагубнѣйшее дѣйствіе. Обмелѣніе рѣкъ уже возымѣло начало, а въ близкомъ будущемъ предвидится и недостатокъ влажности въ воздухѣ. Поля угрожаютъ хроническимъ бесплодіемъ, а человѣческія легкія будутъ лишены возможности вдыхать животворную влажность воздуха. Въ какомъ же положеніи, среди всего сего, нахожусь я, на котораго довѣріе начальства возложило заботы по обезпеченію народнаго продовольствія, равно какъ и по охраненію народнаго здравія?!

„Въ виду всего вышеизложеннаго я вновь и въ послѣдній разъ предлагаю принять рѣшительныя мѣры (не прибѣгая, однакожь, до времени, къ экзекуціямъ) къ поднятію общественнаго духа и возбужденію въ ономъ наклонности къ дѣяніямъ смѣлымъ и великимъ. Съ этою цѣлью имѣете вы непрестанно увѣщевать купцовъ, разночинцевъ и мѣщанъ; помѣщикамъ же и прочимъ благороднымъ людямъ кратко, но убѣдительно доказывать, что временныя лишенія должны быть переносимы безропотно, съ надеждой на милость Божію въ будущемъ. Всѣмъ же вообще внушать за достовѣрное, что я, съ своей стороны, готовъ вездѣ и во всякое время оказывать дѣятельнѣйшее содѣйствіе всякому благому начинанію.

„Объ успѣхѣхъ вашихъ увѣщаній, внушеній и собесѣдованій обязываетесь сообщать мнѣ чрезъ каждыя двѣ недѣли всенепремѣнно и неупустительно“.

Одинъ экземпляръ этого циркуляра Ѳеденька прислалъ мнѣ при письмѣ, въ которомъ говорилъ: „Ты видишь, душа моя, что я еще

бодрѣе; но если и за симъ наше судоходство останется въ прежнемъ жалкомъ положеніи, тогда — *ma foi* — я не остановлюсь даже передъ *мелюкшей*“. На чтѣ я съ первой же почтой отвѣтилъ: „Мы всѣ удивляемся экспрессіи твоего циркуляра; это своего рода *chef d'oeuvre*. Ахъ! еслибъ ты жилъ во времена великой французской революціи! Теорія, отыскивающая въ помѣщицкѣй мстительности причину происхожденія вѣтровъ и обмелѣнія рѣкъ, смѣла и нова. Но не слишкомъ ли, однакожъ, смѣла? Подумалъ ли ты объ этомъ, мой другъ? Смотри, чтобы не было запроса!“

Уви! это былъ послѣдній пароксизмъ Феденькина либерализма. Вскорѣ послѣ этого я на долгое время уѣхалъ за границу и совершенно потерялъ Феденьку изъ виду. Затѣмъ, по возвращеніи въ Петербургъ, встрѣтившись съ однимъ пріѣзжимъ изъ Навознаго (то былъ Рудинъ, котораго Феденька взялъ къ себѣ въ чиновники для особыхъ порученій, несмотря на его крайній образъ мыслей), я услышалъ отъ него слѣдующую краткую, но выразительную аттестацію о Кротиковѣ: „поретъ дичь“. Это вдвойнѣ меня огорчило: во-первыхъ, потому что я искренно любилъ Феденьку, и мнѣ всегда казалось, что онъ можетъ сдѣлать свою карьеру только на либеральной почвѣ, а вторыхъ и потому, что меня въ это время уже сильно начали смущать будущія судьбы русскаго либерализма. Одновременно съ Кротиковымъ стезю свободомыслія покинули: Иванъ Хлестаковъ, Иванъ Тряпичкинъ и Кузьма Прутковъ. Все это было тѣмъ болѣе горько, что и до этого времени нашъ либерализмъ существовалъ лишь благодаря благосклонному попустительству нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ лицъ.

И вотъ теперь — еще однимъ просвѣщеннымъ попустителемъ меньше!

Подъ вліяніемъ этого горькаго чувства я не выдержалъ и написалъ къ Кротикову письмо, исполненное укоризнъ. А черезъ два мѣсяца получилъ слѣдующій сухой отвѣтъ:

Извини, что не скоро отвѣтилъ, да и теперь пишу лишь нѣсколько строкъ: въ моемъ положеніи, право, не до переписки съ бывшими товарищами и друзьями. На вопросы твои, впрочемъ, считаю долгомъ объяснить, что, кромѣ либеральныхъ идей, о которыхъ ты такъ много и краснорѣчиво написалъ, есть еще идеи консервативныя, о которыхъ ты вовсе умалчиваешь. Вотъ чтѣ ты упустилъ изъ вида и что я не лишнимъ считаю тебѣ напомнить. Какимъ образомъ я при-

шелъ къ убѣжденію, что либеральныя идеи скрываютъ въ себѣ пагубное заблужденіе—здѣсь объяснять не мѣсто. Надѣюсь, однакожь, что ты безъ труда поймешь, что въ моемъ положеніи заблуждаться не только неприлично, но и непозволительно. Изъ всѣхъ золь, которыя до сихъ поръ извѣстны, нѣтъ зла болѣе ужаснаго, какъ заблуждающійся помпадуръ, ибо съ его заблужденіемъ неизмѣнно связывается заблужденіе цѣлаго края. Я думаю, это довольно ясно и прибавлять къ этому нечего. Затѣмъ, моля Подателя всѣхъ благъ, дабы Онъ просвѣтилъ тебя, остаюсь не раздѣляющій твоихъ заблужденій, но все еще любящій тебя, *Федоръ Кротиковъ*“.

Однако я не только не возмущился этимъ наставленіемъ, но, возгорѣвъ въщешю ревностью по либерализмъ, попытался вразумить самого Феденьку.

„Феденька!—писалъ я ему:—когда ты былъ либераломъ, какъ резюмировалась твоя политическая программа?—Она резюмировалась слѣдующимъ образомъ; учрежденіе фабрикъ и заводовъ, устройство путей сообщенія, развитіе торговли, процвѣтаніе земледѣлія, неустанная разработка нѣдръ земли, устность, гласность и т. д. Теперь, когда ты сдѣлался консерваторомъ, какая возможна для тебя программа?—Очевидно, отсутствіе фабрикъ и заводовъ, разстройство путей сообщенія, застой въ торговлѣ, упадокъ земледѣлія, господство иссушающихъ вѣтровъ, обмелѣніе рѣкъ и т. д. Ибо ты желаешь сохранить то, что есть, а есть именно то, что сейчасъ мною исчислено. Или, быть можетъ, ты надѣешься на кабаки и сибирскую язву? Но въ такомъ случаѣ вырази прямо. Въмѣсто прежнихъ блестящихъ циркуляровъ издай новый, въ которомъ категорически объяви, что впредь воспрещается какое бы то ни было развитіе, кромѣ развитія сибирской язвы“.

Отвѣта на это письмо не послѣдовало.

Послѣ того я имѣлъ о Кротиковѣ лишь смутныя свѣдѣнія. Я слышалъ, что первымъ поводомъ къ отреченію его отъ либерализма было появленіе гласныхъ судовъ и земскихъ управъ. Это навело его на мысль, что существуютъ какіе-то корни и нити, которые надобно разыскать и истребить, ибо въ противномъ случаѣ ему, Кротикову, не будетъ житья. Затѣмъ наступили извѣстныя событія въ Западной Европѣ: интернаціоналка, франко-прусская война, парижская коммюна и т. д., и все это сильно заботило его, потому что онъ видѣлъ

въ этихъ событіяхъ связь съ новыми судами и земскими учрежденіями. Онъ внимательно слѣдилъ за газетами, предполагая, сообразно съ тѣмъ или другимъ исходомъ событій, дать и своей внутренней политикѣ болѣе рѣшительное направленіе. Въ ожиданіи же того, какія идеи восторжествуютъ, здравыя или такъ-называемыя сюберсивныя, онъ волновался и угрожалъ.

— Если восторжествуютъ здравыя идеи,—говорилъ онъ:— я, конечно, буду очень радъ. Да-съ, очень радъ-съ. Но, признаюсь откровенно, съ политической точки зрѣнія, я былъ бы не доволенъ, еслибъ восторжествовала и революція... разумѣется, временно... По крайней мѣрѣ мы, безъ всякой опасности для себя, могли бы узнать, кто наши внутренніе враги, кто эти сочувствователи, которые поднимаютъ голову при всякомъ успѣхѣ превратныхъ идей, какъ велика ихъ сила и до чего можетъ дойти ихъ дерзость. Et alors, messieurs...

Өеденька умолкалъ и загадочно грозился въ ту сторону, гдѣ помѣщались земская управа, окружной судъ и акцизное управленіе.

Но здравыя идеи восторжествовали; Франція подписала унизительный миръ, а затѣмъ пала и парижская коммуна. Өеденька, который съ минуты на минуту ждалъ взрыва, какъ-то опѣшилъ. Ни земская управа, ни окружной судъ даже не шевельнулись. Это до того сконфузило его, что онъ бродилъ по улицамъ и придирался ко всякому встрѣчному, испытывая, обладаетъ ли онъ надлежащею теплотою чувствъ. Однако чувства были у всѣхъ не только въ исправности, но, повидимому, послѣднія событія даже поддали имъ жару...

Өеденька недоумѣвалъ. Онъ былъ убѣжденъ, что тутъ есть какая-то интрига, но въ чемъ она состоитъ—объяснить себѣ не умѣлъ. Бѣдный! Онъ, видимо, слѣдовалъ старой рутинѣ и все искалъ какихъ-то фактовъ, которые дали бы ему поводъ объявить походъ. Онъ не подозрѣвалъ, что система фактовъ есть система устарѣлая, что нарождается и уже народилась совершенно иная система, которая позволяетъ безъ всякаго повода, безъ малѣйшаго факта бить тревогу и ходить войною вдоль и поперекъ, приводя въ трепетъ оторопѣлыхъ обывателей...

И вотъ, какъ бы для того, чтобы вывести его изъ недоразумѣнія, въ газетахъ появилось извѣстіе, что въ версальскомъ національ-

номъ собраніи образовалась партія, которая на развалинахъ любезнаго отечества водрузила знамя „борьбы“...

Слово это было для Ѳеденьки цѣлымъ откровеніемъ. Да, это оно, это то самое слово, до котораго онъ столько лѣтъ такъ тщетно додумывался. Все, что безсвязно копошилось въ немъ съ той самой минуты, когда онъ внезапно объявилъ себя консерваторомъ, все, къ чему онъ порывался и къ пріобрѣтенію чего дѣлалъ тщетныя попытки,—все нашло для себя осуществленіе въ словѣ: „борьба“. Не то чтобы онъ понялъ смыслъ этого слова, но онъ достигъ результата еще болѣе существеннаго: онъ понялъ, что ему нѣтъ надобности что-нибудь понимать. До сихъ поръ онъ отыскивалъ корни и нити; теперь онъ убѣдился, что ни въ чемъ подобномъ нѣтъ надобности и что на будущее время онъ окончательно освобожденъ отъ труда что-нибудь отыскивать.

Это было очень удобно, ибо давало возможность объявить походъ, не уяснивъ себѣ даже цѣли его. Отсутствіе ясно сознанный цѣли—вотъ ахиллесова пята всѣхъ администраторовъ, получившихъ воспитаніе у Дюссо и въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ. И Ѳеденька почувствовалъ себя какъ-то необыкновенно легко и свободно, когда убѣдился, что ему не нужно ни фактовъ, ни цѣлей, а нуженъ только „духъ“, „направленіе“, „превратныя толкованія“—и ничего больше. Что означаютъ эти слова—это до него не касается; онъ радъ уже и тому, что есть такія слова, которые хоть и чортъ знаетъ что означаютъ, но даютъ исходную точку для борьбы. Борьба, сама себѣ дающая начало, сама себя питающая и сама себя имѣющая пожрать (Ѳеденька, впрочемъ, не рассчитывалъ на эту послѣднюю особенность), борьба противъ привидѣній прошлаго, настоящаго и будущаго, борьба необъяснимая въ своихъ источникахъ и неуловимая въ своихъ послѣдствіяхъ—вотъ программа, которую предстояло ему разрабатывать въ будущемъ. Она страдаетъ отсутствіемъ содержанія, но за то легче ея ничего нельзя вообразить. Не нужно ни ума, ни изобрѣтательности, ни предусмотрительности; нуженъ только темпераментъ да еще кой-какой внѣшній церемоніаль, который помогъ бы скрыть безсодержательность системы и отсутствіе цѣлей.

Темпераментом Өеденька обладалъ въ изобиліи; но хотя этого одного было вполне достаточно для совершенія великаго дѣла борьбы, однако онъ почему-то рѣшилъ, что нужно прибавить кой-что и еще. Задача, предстоявшая ему, была слишкомъ нова, чтобъ приступить къ ней сплеча, подобно тому, какъ приступили къ разрѣшенію *своихъ* задачъ его предшественники-помпадуръ. Всѣ бывшія до него помпадурства заимствовали свои опредѣленія отъ котораго-нибудь изъ семи смертныхъ грѣховъ; его же помпадурство должно быть исключительно помпадурствомъ борьбы. „Да-съ, это не то, чтобъ брать ханцы или бить по зубамъ-съ; эта штука будетъ пограндіознѣе-съ“, — хвастался Өеденька, и, весь исполненный жажды славныхъ дѣлъ, рѣшился прежде всего поразить воображеніе обывателей Навознаго.

Церемоніаль, который придумалъ по этому случаю Өеденька, былъ очень сложенъ. Онъ перебралъ въ своей памяти весь курсъ исторіи Смарагдова, весь репертуаръ театра Буффъ и всѣ газетныя известія о чудесахъ въ рѣшетѣ, происходящихъ въ современной Франціи. Образовалось нѣчто волшебное. Крестовые походы, Іоанна д'Аркъ, храбрый рыцарь Дюна, лурдскія богомолья, отреченіе отъ сатаны въ Паро-дю-Моніаль — все нашло себѣ мѣсто въ этомъ громадномъ планѣ. Въ виду предстоящаго нравственнаго возрожденія Навознаго онъ не щадилъ ничего. Пусть завистники утверждаютъ, что его планъ „борьбы“ напоминаетъ оперетту Лекока: „Le beau chevalier Dupois“ и не имѣетъ никакого отношенія къ Навозному; онъ знаетъ, что въ Навозномъ уже давно прорываются факты, свидѣтельствующіе, что ядъ, погубившій Францію, проникъ и туда, и что, слѣдовательно, именно теперь планъ его какъ нельзя болѣе умѣстенъ и своевремененъ. Не дальше какъ вчера предсѣдатель земской управы въ клубѣ публично разсуждалъ о какой-то независимости и утверждалъ, что онъ самъ по себѣ, а Өеденька — самъ по себѣ. Вотъ фактъ. Скажутъ, что въ этомъ фактѣ еще нѣтъ настоящихъ корней и нитей — допустимъ, что это и такъ! Нѣтъ корней и нитей, но есть ядъ! „понимаете ли: ядъ-съ!“ И надо этотъ ядъ истребить. „Да-съ“.

Душою задуманнаго заговора будетъ, конечно, онъ самъ. Онъ — рыцарь безъ страха и упрека; онъ — Баяръ изъ исторіи Смарагдова и Дюна изъ театра Буффъ. Пособниками у него будутъ: правитель канцеляріи, два чиновника особыхъ порученій, отречшіеся отъ либерализма, и всѣ частные пристава. Для бѣльшаго эффекта можно

будетъ еще прихватить Ноздрева, Тараса Скотинина и Держиморду. Ассистенты: предводитель и командиръ гарнизоннаго батальона. По окончаніи похода, городской голова, въ мундирѣ, поднесетъ ему хлѣбъ-соль. А дабы сообщить предстоящему походу вполне волшебный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить его успѣхъ, предстояло еще отыскать что-нибудь въ родѣ Иоанны д'Аркъ (безъ нея невозможно чудесное возрожденіе Навознаго), очистить администрацію отъ плевелъ и торжественно отречься отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его. Тогда „борьба“ пойдетъ какъ по маслу.

Иоанну д'Аркъ онъ имѣлъ уже въ виду. То была дѣвица Анна Григорьевна Волшебнова, дочь начальника одной изъ мѣстныхъ командъ, съ которою Оеденька находился въ открытой любовной связи, но которая и за всѣмъ тѣмъ упорно продолжала именовать себя дѣвицею.

Положеніе m-lle Волшебновой было очень фальшивое. Оеденька увлекъ ее обѣщаніемъ жениться, но впоследствии не только забылъ о своихъ клятвахъ, но даже прямо объявилъ, что званіе помпадурши и само по себѣ достаточно почтенно. Вѣроломство Кротикова не обошлось, однакожь, безъ скандала, ибо штабсъ-капитанъ Волшебновъ счелъ долгомъ протестовать. Чтобъ усмирить его, Оеденька былъ вынужденъ утвердить какія-то неслыханныя цѣны на провіантъ и фуражъ, и только этимъ актомъ великодушія достигъ того, что оскорбленный отецъ явился къ нему съ повинною и объявилъ, что отнынѣ и навсегда всѣ недоразумѣнія между ними покончены.

Обзаведясь помпадуршей, Оеденька предназначалъ ей очень блестящую роль. Онъ желалъ, чтобъ она блистала на балахъ и имѣла салонъ, который служилъ бы средоточіемъ внутренней политики и въ которомъ она царила бы, окруженная толпою почтительныхъ поклонниковъ и плѣняя всѣхъ остроуміемъ, любезностью и граціей. Но Анна Григорьевна была простая и робкая дѣвушка, которая очень серьезно привязалась къ своему помпадуру и въ то же время никакъ не могла освоиться съ такимъ положеніемъ, въ которомъ было слишкомъ много блеска. При всей ея миловидности и граціи, ей было далеко до настоящей, заправской помпадурши. Природа не дала ей ни величественнаго роста, ни роскошнаго бюста, передъ которымъ бы въ умиленіи останавливался прохожій. Не блистала она и нарядами, и какъ-то наивно краснѣла, когда навозныя Севинье и Рекамье заво-

для при ней разговоръ на тему о мужчинѣ и его свойствахъ. Самое возвышеніе ея произошло совершенно неожиданно, такъ что предводительши и совѣтницы, съ нетерпѣніемъ ждавшія, на комъ остановится Ѳеденькинъ выборъ, были изумлены и сконфужены такимъ страннымъ исходомъ дѣла.

Ѳеденька очень хорошо видѣлъ недостатки Анны Григорьевны и даже скорбѣлъ о нихъ. На нѣкоторое время онъ все еще не терялъ надежды и почти насильно навязывалъ ей политическую роль.

— Vous devez être à la hauteur de votre position, ma chère! — непрерывно твердилъ онъ ей и, чтобъ не слышать никакихъ отговорокъ, выписалъ для нея на свой счетъ нѣсколько дорогихъ нарядовъ отъ Минангуа изъ Москвы.

Но какъ ни была она малоопытна, однакожь поняла, что дватри хорошихъ наряда (Ѳеденька не былъ въ состояніи дать больше) въ такомъ обществѣ, гдѣ проматывались тысячи и десятки тысячъ, съ единственною цѣлью быть какъ можно болѣе декольте— все равно, что капля въ морѣ. Въ угоду ему она сдѣлала, однакожь, нѣсколько попытокъ, но— Боже!— сколько изобрѣтательности нужно ей было имѣть, чтобъ тутъ пришить новыи бантъ, тамъ перемѣнить тюникъ — и все для того, чтобъ отвести глаза публикѣ и убѣдить, что она является въ общество не въ „мундирѣ“, какъ какая-нибудь ассесорша, а всегда въ новомъ и свѣжемъ нарядѣ! И какъ бесплодны были эти усилія! Какъ быстро разлетались они передъ пронизательностью этихъ дамъ, съ перваго же взгляда безъ ошибки угадывавшихъ однажды видѣнное платье, подъ какими бы сложными комбинаціями оно ни являлось на сцену во второй разъ!

Ей было почти страшно, когда она въ первый разъ шла съ предводителемъ во второй парѣ въ польскомъ (въ первой парѣ шелъ онъ съ предводительшей). Она видѣла, что кругомъ дебелия дамы шепчутся, что ей даютъ мѣсто съ какой-то нахальной торжественностью, что самъ предводитель, ведя ее за руку, чуть не напрямки высказываетъ, что онъ никогда не снизошелъ бы до дочери штабс-капитана Волшебнова, еслибъ не требованія внутренней политики. Но вотъ польскій кончился: не успѣла она занять свое мѣсто, какъ музыка заиграла вальсъ; къ ней подлетаетъ пріѣхавшій въ отпускъ гусаръ и съ утонченною любезностью, въ которой она, однакожь, угадываетъ худо скрываемую развязность, приглашаетъ ее на туръ.

Затѣмъ, точно въ сновидѣнїи, одни за другими слѣдуютъ: кадрили, полька, опять кадрили, опять вальсъ и, наконецъ, мазурка. И все время, съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, слѣдить за нею Өеденька и какъ-то невыразимо страдаетъ, когда она съ добросовѣстностью недавней институтки выдѣлываетъ шассе-круазе.

— *Ma chère! vous êtes par trop La Valière!*—шепчетъ онъ, подходя къ ней въ одинъ изъ танцевальныхъ промежутковъ:—я желалъ бы, чтобъ вы взяли себѣ за образецъ *m-me de Maintenon!*

И вотъ, опять-таки въ угоду ему, она рѣшается сказать нѣсколько словъ объ усиленїи власти и о томъ, что на помпадурахъ долженъ лежать лишь высшїй надзоръ, а не подробности; но она дѣлаетъ это такъ нерѣшительно и съ такимъ множествомъ оговорокъ, что Өеденька чувствуетъ свою власть не только не усиленную этимъ наивнымъ вмѣшательствомъ, но даже значительно уменьшенною.

Къ счастью, все эти промахи имѣли мѣсто въ самый разгаръ Өеденькина либерализма и потому сошли Аннѣ Григорьевнѣ съ рукъ довольно легко. Испытавъ неудачу въ своихъ предположенїяхъ относительно блестящаго салона, въ которомъ онъ могъ бы съ полною искренностью развивать свои виды и предположенїя, Өеденька далъ своей фантазїи болѣе буржуазное направленїе. Небольшая, уютная гостиная, тѣсный кружокъ друзей-либераловъ, скромная бесѣда о томъ, что Россїя быстрыми шагами стремится на пути къ преуспѣянїю, и наконецъ безпредѣльно-любящее сердце женщины — ужели это не достаточно-завидная обстановка даже для наиболѣе взыскательнаго помпадура? Өеденька рѣшилъ, что въ крайнемъ случаѣ это еще будетъ очень недурно, а пожалуй даже лучше, нежели тщетный блескъ, который требуетъ значительныхъ денежныхъ издержекъ и, сверхъ того, почти всегда сопровождается скандалами...

Когда она узнала объ этомъ рѣшенїи, то радости ея не было предѣловъ. Двѣ вещи она ненавидѣла: представительность и внутреннюю политику — и вотъ онъ, ея *roi-soleil*, навсегда освобождаетъ ее отъ нихъ. Отнынѣ она будетъ имѣть возможность безъ помѣхи удовлетворять своимъ нетребовательнымъ вкусамъ: своей набожности и любви къ домашнему очагу.

Она еще въ институтѣ была набожна (законоучитель, указывая на нее, говорилъ: „вотъ истинная дочь церкви!“), а теперь эта склонность еще болѣе усилилась, ибо у нея есть предметъ для мо-

литвъ. Она молится за *него*; она проситъ у неба успѣха его благимъ начинаніямъ и прощенія невольнымъ его прегрѣшеніямъ. Скромно-одѣтая въ темненькое платьѣ, она становится у клироса въ женскомъ монастырѣ, и съ ея появленіемъ дѣлается словно свѣтлѣе и пріютнѣе среди этихъ темныхъ стѣнъ. Молодые монахини юрче перебѣгаютъ отъ клироса къ клиросу и на-бѣгу съ добродушнымъ лукавствомъ привѣтствуютъ ее. Сама мать-игуменья, при видѣ ея, смягчаетъ постоянно строгое выраженіе своего лица. Всѣ ее любятъ здѣсь, всѣ готовы оказать ласку и привѣтъ, не справляясь, согласно или несогласно это будетъ съ видами внутренней политики. Когда она подаетъ любимой своей крылошанкѣ бархатную поминальную книжку, монашка не даетъ ей даже сказать, кого слѣдуетъ помянуть.

— Знаю, сударыня, знаю, за кого молитесь!—говоритъ она съ выраженіемъ добродушнаго себѣ на умъ и почти бѣгомъ бѣжить сообщить на ухо отцу протоіерею имя раба Божія Феодора.

Какъ хорошо, какъ спокойно ей здѣсь, подъ сѣнію этихъ мирныхъ стѣнъ! Какое прекрасное варенье подаютъ у матери-игуменни, какой вкусный квасъ! Она готова по цѣлымъ днямъ болтать съ молодыми монашками; у нея есть между ними фаворитки, которыя даже вступаютъ съ нею въ разговоръ о *немъ*, и она нимало не чувствуетъ себя при этомъ сконфуженной. Всѣ хвалятъ *его* умъ, всѣ утверждаютъ, что никогда не бывало такого помпадура въ Навозномъ. Даже въ тѣ горькія минуты, когда она убѣждалась, что Феоденька измѣняетъ ей (а это случалось нерѣдко, потому что онъ далеко не былъ равнодушенъ къ сверкающимъ плечамъ и бюстамъ навозныхъ львицъ), она спѣшила сюда, чтобъ излить свое горе на груди одной изъ юныхъ затворницъ. Она была увѣрена, что услышитъ здѣсь не насмѣшку и злорадство, а слова ободренія и надежды. Въ этихъ случаяхъ она молилась еще усерднѣе и пламенинѣе, и все кругомъ, казалось, молилось вмѣстѣ съ нею о просвѣщеніи раба Божія Феодора свѣтомъ истины. И когда, успокоенная и умиротворенная, она возвращалась домой и встрѣчала тамъ раскаявшагося Феоденьку, то ни единымъ движеніемъ не давала ему знать, что замѣчаетъ его продѣлки, а только говорила:

— Théodore! помните, что нигдѣ вы не найдете той преданности, той беззавѣтной любви, какую нашли здѣсь, въ этомъ сердцѣ! И потому, когда вамъ наскучатъ дурныя наслажденія, когда вы убѣ-

дите, что за ними таятся коварство и обманъ — возвратитесь ко мнѣ и отдохните на этой груди!

Дома она чувствовала себя счастливою. Она любила стиранию и предпочитала блузу всякому другому платью. Днем, покуда „онъ“ распорядился по службѣ, она хлопотала по хозяйству и всю изобрѣтательность своего ума употребляла на то, чтобъ Феденька нашелъ у нея любимое блюдо и сладкій кусокъ. Вечеромъ, управившись съ дѣлами, онъ являлся къ ней, окруженный блестящей плеядой навозныхъ свободныхъ мыслителей, и читалъ свои циркуляры.

Онъ былъ либераленъ, и она была либеральна. Оба выписали изъ Петербурга двухъ товарокъ ея по институту, ходившихъ съ остриженными волосами и отрицавшихъ авторитеты, и ѣздили съ ними въ открытыхъ экипажахъ по городу. Оба страстно желали, чтобъ торговля развивалась, а судоходство оправдывало надежды начальства. Оба вѣрили, что кредитъ возродитъ земледѣліе и дастъ толчокъ нашей заснувшей промышленности. И въ ожиданіи всего этого оба сладко вздыхали...

Иногда на интимныхъ вечернихъ собраніяхъ присутствовалъ и папѣ Волшебновъ, и тогда вечеръ принималъ окончательно семейный характеръ. Анна Григорьевна ласкалась то къ отцу, то къ Феденькѣ, то у одного, то у другого спрашивала, достаточно ли сладокъ чай. Читали статьи В. П. Безобразова и удивлялись, что такая плодотворная вещь, какъ кредитъ, не только не ошлодотворяетъ Навознаго, но даже служить какъ бы къ заустѣнію. Упивались передовыми статьями „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, въ которыхъ доказывалось, что нѣтъ ничего легче, какъ отрицать и глумиться надъ прогрессомъ, и что, напротивъ того, нѣтъ задачи болѣе достойной истиннаго либерала, какъ съ довѣріемъ ожидать дальнѣйшихъ разъясненій.

И пока въ гостиной шли либеральные разговоры, папѣ Волшебновъ хлопоталъ около закуски и, залучивъ подъ шумокъ чиновника особыхъ порученій Веретьева, выкушивалъ съ нимъ по „предварительной“.

Но вдругъ чортъ двинулъ Феденьку сдѣлаться консерваторомъ, и онъ сразу оборвалъ съ своими прежними сподвижниками по либерализму. Не стало интимныхъ вечеровъ, замолкли либеральные разговоры, на сцену опять выступила внутренняя политика, сопровож-

даемая сибирскою язвою и греческимъ языкомъ. Ѳеденька отыскивалъ корни и нити и, не находя ихъ, былъ безпокоенъ и золь.

Перемѣна эта до того озадачила Анну Григорьевну, что она по началу даже сдѣлала нѣсколько либеральныхъ промаховъ. Ей казалось страннымъ, что чиновники особыхъ порученій, Рудинъ и Волоховъ, еще такъ недавно проповѣдовавшіе въ ея квартирѣ теорію возрожденія Россіи посредствомъ социализма, проводимаго мощною рукою администраціи, вдругъ стушевались, прекратили свои посѣщенія и уступили мѣсто какимъ-то двужилнымъ ретрографамъ, которые большую часть времени проводили въ каморкѣ у паня Волшебнова и прежде, нежели настоящимъ образомъ приступить къ закускѣ, выпивали отъ пяти до десяти „предварительныхъ“. Но вскорѣ Ѳеденька раскрылъ передъ нею загадочность своего поведенія. Онъ объяснилъ ей, что общество въ опасности, что куда остается неразореннымъ очагъ революцій, до тѣхъ поръ Европа не можетъ наслаждаться спокойствіемъ, что въ самомъ Навозномъ существуетъ громадный наплывъ неблагонадежныхъ элементовъ, которые, благодаря интригѣ, всюду распространяють корни и нити, и что онъ, Ѳеденька, поставилъ себѣ священнѣйшею задачею объявить имъ войну, начавъ съ акцзнаго вѣдомства и кончая судебными земскими учрежденіями.

— Je ferai une guerre à outrance! — гремѣлъ онъ, потрясая кулаками: — une guerre sans merci... oui, c'est ça!

— Однако, какой ты строгій, Théodore!

— Нельзя, ma chère! вспомни, сколько времени они насъ морочили! вспомни этихъ двухъ нигилистоѣвъ, которыхъ мы возили по городу! га! я никогда имъ не прощу этого!

— Но онѣ были миленькія, Théodore!

— Миленькія! Vous perdez la tête, ma chère! Des gueuses! des pétroleuses! des filles sans foi ni loi! Дѣвчонки, которыя не признавали авторитетовъ, которыя мнѣ... мнѣ... прямо въ глаза говорили, что я порю дичь!.. Нѣтъ, дальнѣйшая слабость была бы ужъ преступленіемъ! Миленькія! D'un seul coup elles vous demandent cent mills têtes à couper! Excusez du peu!

И онъ метался изъ стороны въ сторону, отыскивая хоть какой-нибудь фактъ, который далъ бы ему поводъ приступить къ разслѣдованію корней и нитей. Но фактовъ не было. Никогда еще съ та-

кимъ рвеніемъ не снимали передъ нимъ шляпы акцизные чиновники; никогда окружной судъ не обнаруживалъ бѣльшей строгости относительно лицъ, дозволявшихъ себѣ взломъ съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ воспользоваться чужимъ пятакомъ; никогда земская управа съ бѣльшею страстностью не пріобрѣтала для мѣстной больницы новыхъ умывальниковъ и плевальницъ, взаимѣмъ таковыхъ же, пришедшихъ въ ветхость. Все какъ бы сговорилось усердіемъ и прилежаніемъ радовать сердце опечаленнаго помпадуръ...

Это было самое тяжелое время для Анны Григорьевны. Оеденька ходилъ сумрачный и громко выражался, что онъ — жертва интриги. Дни проходили за днями; съ каждымъ новымъ днемъ онъ съ бѣльшимъ и бѣльшимъ усиліемъ искалъ фактовъ, и ничего не находилъ.

— *A la fin ça devient monstrueux!*—говорилъ онъ ей:—вездѣ есть факты; даже Петька Толстолобовъ, соломенный помпадуръ—и тотъ нашелъ фактъ! И вдругъ у одного меня—*penni!* Кто жъ этому повѣрить!

Дошло до того, что онъ даже ее однажды упрекнулъ въ тайномъ содѣйствіи интригѣ. Ее, которая... Ахъ! это была такая несправедливость, что она могла только заплакать въ отвѣтъ на обвиненіе. Но и тутъ она не упрекнула его, а только усерднѣе стала молиться, прося у неба о испосланіи Оеденькѣ фактовъ.

И вотъ, въ ту самую минуту, когда Оеденька уже думалъ погибнуть, онъ прочелъ въ газетахъ слово: „борьба“. Онъ понялъ, что ему ничего не нужно понимать, что не нужно ни фактовъ, ни корней, ни нитей, что можно съ пустыми руками, съ одной доброй волей, начать дѣло нравственнаго возрожденія Навознаго, сопровождаемое борьбою *à grand spectacle*, съ истребленіями, разореніями, расточеніями и другими принадлежностями возрождающейся власти. Невольнымъ образомъ мысль его обратилась къ Аннѣ Григорьевнѣ, и тутъ только онъ сообразилъ, какъ хорошо, что она не едѣбалась Ментеноншей, какъ онъ когда-то настаивалъ, а осталась простою и скромною Лавальершей.

— *Elle sera ma Jeanne d'Arc!*—воскликнулъ онъ и, какъ озаренный, побѣжалъ къ ней.

А она уже ждала его, какъ будто знала, что ему нужна ея помощь.

— *Ah! ça! vous serez ma Jeanne d'Arc!*—сказалъ онъ ей, простирая руки:—я всегда видѣлъ, что роль, которую вы до сихъ

поръ играли, не по васъ! Наконецъ ваша роль нашлась. Но, конечно, вы знаете, кто была Jeanne d'Arc!

Она безъ запинки прочла ему то мѣсто изъ исторіи Смарагдова, гдѣ говорится о Іоаннѣ д'Аркѣ и ея подвигѣ.

— Oui, c'est cela même! въ случаѣ надобности, вы сядете на коня... знаете, какъ изображаютъ ее на картинкахъ... и тогда... gare à vous, messieurs les communalistes de la zemsskaïa ouprava!

Өеденька сдѣлался веселѣе и забавнѣе—ужь и это былъ выпрышъ для Анны Григорьевны. Покончивши съ Іоанной д'Аркѣ, онъ необыкновенно дѣятельно принялся за осуществленіе другихъ частей церемоніала борьбы.

Прежде всего онъ бросился очищать персоналъ своей собственной администраціи. Покуда онъ былъ только консерваторомъ, въ дѣйствіяхъ его замѣчалась нѣкоторая осторожность. Онъ еще какъ бы стыдился. Онъ выказывалъ холодность въ обращеніи съ бывшими сподвижниками по либерализму, избѣгалъ имѣть съ ними дѣло, но открыто преслѣдовать ихъ не рѣшался. Съ своей стороны, либералы хотя и замѣтили перемѣну въ образѣ мыслей Өеденьки, но не только не приняли ее къ руководству, а напротивъ того, какъ бы въ пику ему, даже усугубили свое рвеніе къ интересамъ казны. И такимъ образомъ дѣло продолжало идти, какъ говорится, ни шатко, ни валко, ни на сторону. Но теперь онъ разомъ потерялъ всякій стыдъ. Онъ былъ не просто консерваторъ, а представитель принципа нравственнаго возрожденія, и потому долѣе терпѣть не могъ. Начавъ съ своихъ приближенныхъ, онъ выказалъ при этомъ такую рѣшимость, что многіе тутъ же раскаялись—и только этимъ успѣли избѣгнуть заслуженной кары. Первымъ принесъ покаяніе правитель канцеляріи Лаврецкій и увлекъ за собой чиновниковъ особыхъ порученій, Райскаго и Веретьева. Лаврецкій въ это время уже являлъ собой только жалкое подобіе прежняго Лаврецкаго. Онъ до того ожирѣлъ, что лишь съ трудомъ понималъ, какія идеи—либеральныя и какія—консервативныя. Притомъ же, имѣя большое семейство и мотовку-жену, онъ не могъ пренебрегать и жалованьемъ, тѣмъ больше, что Дворянское Гнѣздо, приносившее при крѣпостномъ правѣ прекрасный доходъ, теперь ровно ничего не давало. Поэтому, когда Өеденька объявилъ ему, что отнынѣ имъ предстоитъ борьба, то онъ какъ-то

апатически пожевалъ губами и, сказавъ: „что-жь... по мнѣ, пожалуй“, отправился въ канцелярію писать циркуляръ о благополучномъ вступленіи Оеденьки въ новый фазисъ административной проказливости. Что же касается до Райскаго и Веретьева, то первый изъ нихъ не рѣшался выйти въ отставку, потому что боялся огорчить бабушку, которая надѣялась видѣть его камеръ-юнкеромъ; второй же и прежде, собственно говоря, никогда не былъ либераль, а любилъ только пить водку съ либералами, какового времяпровожденія, въ обществѣ консерваторовъ, предстояло ему пожалуй еще больше. Изъ остальныхъ либераловъ Маркъ Волоховъ отнесся къ Оеденькинымъ проказамъ какъ-то загадочно, сказавъ, что ему кто ни попъ, тотъ батька, и что такихъ курицыныхъ дѣтей, какъ обыватели Навознаго, всяко возродить можно. Затѣмъ остался Рудинъ, который, подобравъ небольшую шайку „вѣрныхъ“, на скорую руку устроилъ комитетъ общественнаго спасенія и въ полномъ его составѣ отправился агитировать страну въ тотъ край, гдѣ помпадурствовалъ Петька Толстолобовъ.

Но такъ какъ административная машина не имѣла права останавливаться, то всѣхъ выбывшихъ изъ строя либераловъ Оеденька немедленно замѣнилъ шалопаями, опредѣливъ множество таковыхъ и сверхъ штата, на случай, еслибъ Лаврецкій и другіе раскаявшіеся, подвергшись угрызениямъ, снова сдѣлались либералами. Тутъ прежде всего фигурировали: Ноздревъ, Тарасъ Скотининъ и Держиморда (разыскивали и Сквозника-Дмухановскаго, но оказалось, что онъ умеръ, состоя подъ судомъ), которые и сдѣлались главными исполнителями всѣхъ Оеденькиныхъ предначертаній. Шалопаи снова шли по улицамъ, насупивши брови, фыркая во всѣ стороны и не произнося ни единого звука, кромѣ: „го-го-го!“ Видъ ихъ навелъ въ либеральномъ лагерѣ такую панику, что даже либералы потороннихъ вѣдомствъ („независимые“, какъ они сами себя называли) — и тѣ трусили. Уныло бродили они по улицамъ, коптя вздохами твердь небесную, не рѣшаясь оставить ни службы, ни либерализма, путаясь между зависимостью и независимостью и ежемгновенно терзаясь надеждой, что ихъ простятъ. Но шалопаи не прощали. Съ зоркостью коршуна намѣчали они скрывающагося въ кустахъ либерала и тотчасъ же ошпыливали его, испуская при этомъ злорадно-проницательное цырканье. Ряды либераловъ страннымъ образомъ порѣдѣли и затѣмъ въ теченіе какого-нибудь мѣсяца погибли всѣ моло-

дья насажденія либерализма. Земская управа прекратила покупку плевальницъ, ибо Ѳеденька по каждой покупкѣ входилъ въ пререканія; присяжные выносили какіе-то загадочные приговоры, въ родѣ: „нѣтъ, не виновенъ, но не заслуживаетъ снисхожденія“, потому что Ѳеденька всякій оправдательный или обвинительный (все равно) приговоръ, если онъ былъ выраженъ ясно, считалъ внушеннымъ сочувствіемъ къ коммунизму и галдѣлъ объ этомъ по всему городу, зажигая восторги въ сердцахъ предводителей и предводительшъ. Вдали показывался грозный призракъ сибирской язвы.

Ѳеденька зналъ это, и по временамъ ему даже казалось, что шалопаи, въ дикомъ усердіи своемъ, извращаютъ его мысль. Какъ ни скромно держала себя Анна Григорьевна, но и ее утратила перспектива сибирской язвы. Маркъ Волоховъ подмѣтилъ въ ней этотъ спасительный страхъ (увы! она противъ воли чувствовала какое-то неопредѣленное влеченіе къ этому змію-искусителю, уже успѣвшему погубить родственницу Райскаго) и всячески старался эксплуатировать его.

— Съѣдятъ они и васъ, и вашего помпадура, и водку всю у васъ вылакаютъ!—угрожалъ онъ ей.—Это, сударыня, сила! Берегитесь, да и помпадура-то поберегите! Мнѣ что! Я уложилъ чемоданъ—и былъ таковъ! А мнѣ васъ жалко! Васъ я жалѣючи говорю—вотъ что, красавица вы наша!

— Ахъ, нѣтъ! ужъ вы пожалуйста! Пожалуйста, хоть вы не оставляйте Ѳеденьку!—всполошилась она и однажды, преодолевъ природную робость, очень настоятельно стала доказывать Ѳеденькѣ, что нельзя жить безъ плевальницъ, безъ приговоровъ, съ одною только сибирскою язвою.

— Шалопаи погубятъ васъ, Théodore! — сказала она: — а вмѣстѣ съ вами погубятъ и меня! Pensez y, mon ange, прогоните ихъ, покуда еще есть время! Возвратите Рудина (il était si amusant, le cher homme!) и прикажите Лаврецкому, Райскому и Веретьеву быть, по прежнему, либералами.

Ѳеденька на минутку задумался: въ немъ шевельнулись проблемски недавняго либерализма и чуть-чуть даже не одержали верхъ. Но фатумъ ужъ тяготѣлъ надъ нимъ.

— Que voulez-vous, ma chère!—отвѣтилъ онъ какъ-то безнадежно:—мнѣ мерзавцы необходимы! Превратныя толкованія взяла

такую силу, что долше медлить невозможно. Послѣ... быть можетъ... когда я достигну извѣстныхъ результатовъ... тогда, конечно... Но въ настоящее время, кромѣ мерзавцевъ, я не вижу даже людей, которые бы съ пользою могли мнѣ содѣйствовать!

— Какъ хотите, мой другъ! Вы знаете: чтѣ бы съ вами ни случилось, я всегда раздѣлю вашу участь! Но все-таки... отчего бы не обратиться вамъ, напримѣръ, къ Волохову? Я не знаю... мнѣ кажется, что онъ преданный!

— Я знаю это, и не разъ объ этомъ думалъ, душа моя! Но Волоховъ еще такъ недавно сдѣлался консерваторомъ, что не успѣлъ заслужить полного довѣрія. Не моего, конечно—я искренно вѣрую его раскаянію!—но довѣрія общества... *C'est un conservateur du lendemain, ma chère, tandis que les autres... les chénarans... sont des vrais conservateurs de la veille!* Вотъ чтѣ для меня важно. Что же касается до сибирской язвы, то ты можешь быть на этотъ счетъ спокойна: ни меня, ни тебя она коснуться не посмѣетъ.

Однимъ словомъ, умопомраченіе, по обыкновенію, восторжествовало. То злое и проказливое умопомраченіе, которое находить для себя смягчающія вину обстоятельства лишь въ невмѣняемости помрачившихся.

Къ этому времени какъ разъ подоспѣло извѣстіе о публичномъ отреченіи отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, происшедшемъ во Франціи въ Парэ-ле-Моніалѣ. Прочитавъ объ этомъ въ газетахъ, Оеденька сообразилъ, что необходимо устроить нѣчто подобное и въ Навозномъ. А дабы облечь свое намѣреніе надлежащею торжественностью, онъ отправился за совѣтомъ къ Пустыннику.

Въ Навозномъ, среди мірскаго круговорота, спасался Пустыникъ. Несмотря на свое званіе и преклонныя лѣта, это былъ мужчина веселый, краснощекій, кровь съ молокомъ. Любилъ онъ въ мѣру поѣсть и въ мѣру же выпить, а еще болѣе любилъ другихъ угостить. Любилъ пѣть духовные и свѣтскіе стихи (последніе всегда старыя, сочиненные до „Прощаюсь, ангель мой, съ тобою“) и терпѣть не могъ уединенія. Почему онъ назывался пустынникомъ—этого никто, и всего меньше онъ самъ, не могъ объяснить; извѣстно было только, что ни у кого не пекутся такіе вкусные рыбные пироги, ни у кого не подается такой ядреный квасъ, такіа вкусныя наливки, соленья и варенья, какъ у него. Все лучшее въ губерніи по части

провизіи стекалось у него и ставилось на столъ на радость и утѣшеніе посѣщавшимъ его гостямъ.

— Люблю радоваться!—говаривалъ онъ:—и самъ себѣ радуюсь, а еще больше радуюсь, когда другіе радуются! Нѣсть мѣста для скорби въ сердцѣ моемъ. Все прійдите! все насладитесь!—вотъ какихъ, сударь, правилъ я держусь! Чтò толку кукситься да исподлобья на всѣхъ смотрѣть! И самому тоска, да и на другихъ тоску нагонись!

Өеденька засталъ Пустынника въ обществѣ цѣлаго хора домашнихъ пѣвчихъ, которые пѣли:

Не дивитесь, друзья,
 Что не разъ
 Между васъ
 На пиру веселомъ я
 Призадумывался!

— „Призадумывался!“—вздыхнулъ Пустынникъ, грузно поднимаясь съ дивана и идя на встрѣчу Өеденькѣ:—до здѣ задумывались, а днесъ возвеселимся! Мы было пироги рушить собиравлись, да я думаю: кого, моль, это недостаетъ—анъ ты и вотъ онъ! Накрывать на столъ—живо! Да веселую!—чтò встали? „Ахъ вы, сѣни мои, сѣни!“

Но Өеденька охладилъ порывы Пустынника, сказавъ, что имѣетъ сообщить нѣчто важное.

— Вы, гражданскіе, вѣчно съ дѣлами! А посмотришь, дѣла-то ваши все вмѣстѣ выѣденнаго яйца не стоятъ! Ну, сказывай, чтò еще накуралесилъ?

— Слышали ли вы, Пустынникъ, чтò во Франціи дѣлается?

Пустынникъ удивленно взглянулъ на Өеденьку.

— Не любопытенъ я; а впрочемъ почтмейстеръ заѣзжаетъ—сказываетъ.

— О томъ, что почти вся палата, въ полномъ составѣ, ѣздила въ городъ Парэ-ле-Моніаль и отъ сатаны отреклась—слышали?

— Что-жъ, пусть лучше Богу молятся, не-чѣмъ шалберничать!

— Не въ томъ дѣло, Пустынникъ! а каковъ фактъ!

— Хоть пновѣрцы, а тоже по своему Бога почитаютъ. Ничего нѣтъ. Да скажи ты мнѣ на милость, къ чему ты эту канитель завелъ? Мнѣ что-то даже скучно стало.

— А къ тому, что я эту самую церемонію хочу здѣсь устроить! Это было до того удивительно, что Пустынникъ ничего не нашелся отвѣтить, а только хлопнулъ Ѳеденьку по ляжкѣ и сказалъ:

— Закусимъ!

— Нѣтъ, Пустынникъ, я безъ шутокъ хочу это здѣсь устроить.

— Да ты опомнись, сударь! вѣдь мы здѣсь, въ Навозномъ, даже вѣдать не вѣдаемъ, кто таковъ онъ есть, сатана-то!

— Ну, нѣтъ-съ! вы не знаете! вы здѣсь сидите, а о томъ и не знаете, какія вездѣ пошли превратныя толкованія!

— Чего не знаю, о томъ и говорить не могу!

— А я такъ знаю. Свобода-съ! несмѣняемость-съ! независимость-съ! Вотъ оно куда пошло!

— Слыхалъ, сударь.

— Надо все это истребить!

— Сдѣлай милость, закусимъ!

Ѳеденька, наконецъ, обидѣлся.

— Я думалъ, что вы содѣйствіе окажете, а вы съ закуской!

— Да какое же я тебѣ содѣйствіе оказать могу? Зависимые вы или независимые, смѣняемые или несмѣняемые—это ваше, гражданское дѣло! Вотъ свобода—это точно, что ядъ! Это и я скажу!

— Я вотъ чтò придумалъ, слушайте. На этихъ дняхъ, какъ только будетъ хорошая погода, я, во главѣ благонамѣренныхъ, отправляюсь въ подгородную слободу и произношу обѣтъ...

— Убѣдительноѣше тебя прошу: закусимъ!

— Отстаньте вы съ вашей закуской! Говорите: можете ли вы разсуждать или нѣтъ?

— Ну, давай разсуждать натошакъ!

— Итакъ, я иду въ подгородную слободу и произношу обѣтъ...

— По примѣру, значить?

— Ну, да, по примѣру. Оттого мы, благонамѣренные, и слабы, что всѣ врозь идемъ. Нѣтъ, чтобы хорошему примѣру подражать, а все какъ бы на смѣхъ другъ друга поднять норовимъ!

— Не смѣяться-то нельзя!

— Чтò же тутъ, однако, смѣшного?

— Ну, какъ же не смѣшно—посуди ты самъ. Идешь ты нѣвѣсть куда, съ сатаной полемику вести хочешь! А я такъ думаю, что

изъ всего этого пикникъ у васъ, у благонамѣренныхъ, выйдетъ! Дѣлать тебѣ нечего—вотъ что!

Оденька даже вспыхнулъ весь.

— Это о комъ-нибудь другомъ можно сказать, что дѣлать нечего, только не обо мнѣ!—произнесъ онъ пронически:—я не закусываю, какъ другіе, а съ утра до вечера точно въ котлѣ киплю!

— Если ты это на мой счетъ сказалъ, что нѣкто закусываетъ—такъ что-жъ! Нечего мнѣ дѣлать—это я и самъ скажу! Сижу, пѣсни пою, закушу малость—конечно, не Богъ знаетъ какое государственное это дѣло, однако и вреда отъ него никому нѣтъ. А ты, извини ты меня, завистливъ очень. Своего-то у тебя дѣла нѣтъ, такъ ты другимъ помѣшать норовишь. Ань вотъ и вредъ. Изволь, спрошу я тебя: управа ли, судъ ли—чѣмъ они тебѣ поперекъ горла встали? пошто ты на всякъ часъ ихъ клянешь? Дѣло свое они дѣлаютъ—достоверно знаю, что дѣлаютъ! тебя не замаютъ—чего еще нужно? Да и люди отмѣнные! Заговаряютъ—заслушаешься; ровно на гусяхъ играютъ! Скажи ты мнѣ, Христа ради: какую-такую строптивость ты въ нихъ замѣтилъ?

— Ну, Пустынникъ, съ вами говорить—пожалуй, и до ссоры недалеко. Скажите-ка лучше прямо: съ нами вы или нѣтъ?

— Это на пикникъ-то?—нѣтъ, ужъ меня уволь: у меня плоть немощна.

— А еще Пустынникомъ называется!

— А почему ты знаешь, какъ я въ Пустынки-то попалъ! Можетъ, мнѣ петля была! Можетъ, по естеству-то, мнѣ вотъ такъ же, какъ и тебѣ, по пикникамъ бы ѣздить хорошо! А я сижу да сохну.

— Ну-съ, такъ прощайте-съ.

— Да закуси ты, сдѣлай милость! Авось у тебя сердце-то отойдетъ!

— Нѣтъ ужъ, увольте.

— Ну, не хочешь, какъ хочешь. А то закусилъ бы нивъ! Это все у тебя отъ думы. Брось! пушай другіе думаютъ! Эку сухоту себѣ нашель: завидно, что другіе дѣлами занимаются—зачѣмъ не къ нему все дѣла приписаны! Ну, да ужъ прощай, прощай! Вижу, что сердишься! Увидишься съ сатаной—плюнь ему отъ меня въ глаза! Только врядъ ли увидишь ты его. Потому живемъ мы здѣсь въ благо-

честнѣи и во всякомъ благомъ поспѣшеніи, властямъ предержавшимъ повинемся, старшихъ почитаемъ—неповадно ему у насъ!

Өеденька вышелъ отъ Пустынника опечаленный, почти раздраженный. Это была первая его неудача на поприщѣ борьбы. Онъ думалъ окружить свое вступленіе въ борьбу всевозможною помпой—и вдругъ нѣтъ главнаго украшенія помпы, нѣтъ Пустынника! Пустынникъ, съ своей стороны, вышелъ на балконъ и долго слѣдилъ глазами за удаляющимся экипажемъ Өеденьки. Сѣдые волосы его развѣвались по вѣтру и лицо казалось какъ бы закутаннымъ въ облако. Онъ тоже былъ раздраженъ и чувствовалъ, что нелѣпое объясненіе съ Өеденькой разстроило весь его день.

— И чортъ тебя баламутить!—бормоталъ онъ, тряся головой: —именно онъ, духъ праздности, унынія и любоначалія, вселился въ тебя!

Несмотря на неудачу съ Пустынникомъ, Өеденька не оставилъ своей затѣи. На другой же день (благо время случилось красное), онъ, въ сопровожденіи правителя канцеляріи, чиновниковъ особыхъ порученій и частныхъ приставовъ, съ ранняго утра двинулся въ подгородную слободу. Шестіе открывалъ Ноздревъ, а замыкалъ Держиморда; Тарасъ же Скотининъ шелъ рядомъ съ Өеденькой и излагалъ программу будущаго. Лаврецкій съ прочими раскаявшимися разсѣялись по сторонамъ и притворились, что рвутъ цвѣты. Придя въ подгородную слободу, Өеденька выбралъ пустопорожнее пространство, гдѣ было не такъ загажено, какъ въ прочихъ мѣстахъ, велѣлъ удалить куръ и порослятъ и подвергнулъ себя двухчасовому воздержанію. Затѣмъ всталъ и предъ лицомъ неба проклялъ свои прежнія заблужденія; а дабы запечатлѣть эту клятву самымъ дѣломъ, тутъ же написалъ заранѣе изготовленный Лаврецкимъ циркуляръ. Въ циркулярѣ этомъ описывался церемоніаль проклятія и выражалась надежда, что всѣ подчиненные поспѣшатъ послѣдовать этому примѣру. Кромѣ того, излагалось, что наука есть оружіе обоюдоострое, съ которымъ необходимо обращаться, по возможности, осторожно. Что посему, ежели господа частные пристава не надѣются отъ распространенія наукъ достигнуть благонадежныхъ результатовъ, то лучше советъ оныя истребить, нежели допустить превратныя толкованія, за которыя многія тысячи людей могутъ въ сей жизни получить законное возмездіе, а въ будущей—лишиться спасенія...

Исполнивъ все это, Ѳеденька громко возопилъ: „сатана! покажись!“ Но, какъ это и предвидѣлъ Пустынникъ, сатана явиться не поспѣлъ. Обрядъ былъ конченъ; оставалось только возвратиться въ Навозный; но тутъ сюриризомъ прѣѣхала Иоанна д'Аркъ во главѣ цѣлой кавалькады дамъ. Привезли корзины съ провизіей и виномъ, послали въ городъ за музыкой, и покаянный день кончился премпленькимъ пикникомъ, подъ конецъ котораго дамы поднесли Ѳеденькѣ бѣлое атласное знамя съ вышитыми на немъ словами: БОРЬБА.

Такимъ образомъ исполнилось и другое предсказаніе Пустыника относительно пикника...

Я знаю: прочитавъ мой рассказъ, читатель упрекнетъ меня въ преувеличеніи. Помилуйте!—скажетъ онъ:—развѣ мы не достаточно знаемъ Ѳедора Павлыча Кротикова? Никто, конечно, не станетъ стричать, что это—малый забавный, а отчасти даже и волшебный, но вѣдь и волшебность имѣетъ свои предѣлы, которые даже самый безпардонный человѣкъ не въ силахъ переступить. Ну, съ какой стати Ѳеденька будетъ отрекаться отъ сатаны? Не пожелаетъ ли онъ скорѣе познакомиться съ нѣмъ? Съ какой стати придетъ ему въ голову возводить дѣвицу Волшебнову въ санъ Иоанны д'Аркъ? Зачѣмъ ему Иоанна д'Аркъ? Не поспѣшитъ ли онъ, наоборотъ, и настоящую-то Иоанну д'Аркъ, еслибъ таковая пошла ему подъ руку, поскорѣе произвести въ санъ дѣвицы Волшебновой?

Какъ ни вѣски могутъ показаться эти возраженія, но я позволяю себѣ думать, что они не больше, какъ плодъ недоразумѣнія. Очевидно, что читатель ставитъ на первый планъ форму рассказа, а не сущность его, что онъ называетъ преувеличеніемъ то, что, въ сущности, есть только иносказаніе, что, наконецъ, гоняясь за дѣйствительностью обыденною, осязаемою, онъ теряетъ изъ вида другую, столь же реальную дѣйствительность, которая хотя и рѣдко выбивается наружу, но имѣетъ не меньше правъ на признаніе, какъ и самая грубая, бьющая въ глаза конкретность.

Литературному изслѣдованію подлежатъ не тѣ только поступки, которые человѣкъ безпрепятственно совершаетъ, но и тѣ, которые онъ несомнѣнно совершилъ бы, еслибъ умѣлъ или смѣлъ. И не тѣ однѣ рѣчи, которыя человѣкъ говоритъ, но и тѣ, которыя онъ не выго-

вариваетъ, но думаетъ. Развяжите человѣку руки, дайте ему свободу высказать *всю* свою мысль—и передъ вами уже встанетъ не совсѣмъ тотъ человѣкъ, котораго вы знали въ обыденной жизни, а нѣсколько иной, въ которомъ отсутствіе стѣсненій, налагаемыхъ лицемѣриемъ и другими жизненными условностями, съ необычайною яркостью вызоветъ наружу свойства, оставшіяся дотолѣ незамѣченными, и, напротивъ, отброситъ на задній планъ то, что на поверхностный взглядъ составляло главное опредѣленіе человѣка. Но это будетъ не преувеличеніе и не искаженіе дѣйствительности, а только разоблаченіе той *другой* дѣйствительности, которая любитъ прятаться за обыденнымъ фактомъ и доступна лишь очень и очень пристальному наблюденію. Безъ этого разоблаченія невозможно воспроизведеніе *всего* человѣка, невозможенъ правдивый судъ надъ нимъ. Необходимо коснуться всѣхъ готовностей, которыя кроются въ немъ, и испытать, насколько живуче въ немъ стремленіе совершать такіе поступки, отъ которыхъ онъ въ обыденной жизни по-неволѣ отказывается. Вы скажете: какое намъ дѣло до того, волею или неволею воздерживается извѣстный субъектъ отъ извѣстныхъ дѣйствій? для насъ достаточно и того, что онъ не совершаетъ ихъ... Но берегитесь! *сегодня* онъ дѣйствительно воздерживается, но завтра обстоятельства благопріятствуютъ ему, и онъ *непременно* совершитъ все, что когда-нибудь лелѣяла тайная его мысль. И совершитъ тѣмъ съ большею безпощадностью, чѣмъ большій гнетъ сдавливалъ это думанное и лелѣянное.

Я согласенъ, что въ дѣйствительности Оеденька многого не дѣлалъ и не говорилъ изъ того, что я заставилъ его дѣлать и говорить; но я утверждаю, что онъ *несомнѣнно все это думалъ*, и, слѣдовательно, сдѣлалъ бы или сказалъ бы, еслибъ умѣлъ или смѣлъ. Этого для меня вполне достаточно, чтобъ признать за монимъ разсказомъ полную реальность, совершенно чуждую всякой фантастичности.

Многое потому только кажется намъ преувеличеніемъ, что мы безъ должнаго вниманія относимся къ тому, что дѣлается вокругъ насъ. Дѣйствительность слишкомъ примелькалась намъ, да и мы сами какъ-то отвыкли отдавать себѣ отчетъ даже въ тѣхъ наблюденіяхъ, которыя мы несомнѣнно дѣлаемъ. Поэтому, когда литература называетъ вещи не совсѣмъ тѣми именами, съ которыми мы привыкли встрѣчаться въ обыденной жизни, намъ думается уже, что это—небывальщина.

Но на самомъ дѣлѣ небывальщина гораздо чаще встрѣчается въ дѣйствительности, нежели въ литературѣ. Литературѣ слишкомъ присуще чувство мѣры и приличія, чтобъ она могла взять на себя задачу съ точностью воспроизвести каррикатуру дѣйствительности. Напрасно усиливалась бы она опошлять и искажать дѣйствительность — въ послѣдней всегда останется нѣчто, передъ чѣмъ отступитъ самая смѣлая способность къ искаженіямъ. — Исказители! каррикатуристы! — возглашаютъ близорукіе люди. Но пускай же они укажутъ предѣлы глупаго и пошлаго, до которыхъ не доходила бы дѣйствительность; пусть хоть разъ въ жизни съумѣютъ понять и оцѣнить то, что на каждомъ шагу слышитъ ихъ ухо и видитъ ихъ взоръ!

Еслибъ я рассказалъ жизнь Оеденьки въ формѣ обнаженной лѣтописи выдающихся фактовъ его дѣятельности, я думаю, что читатель былъ бы болѣе вправѣ упрекнуть меня въ искаженіи, хотя бы въ моемъ разказѣ не было на горчичное зерно вымысла. Нѣтъ ничего несогласнѣе съ истиной, какъ истина въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаетъ большинство людей. Ежели судить по разказамъ лѣтописцевъ, передающихъ только голые факты, то Оеденьку пришлось бы, пожалуй, назвать злодѣемъ. Такова истина большинства. Но это уже по тому одному неправда, что еслибъ Оеденька былъ заправскій злодѣй, то обывателю Навознаго невозможно было бы существовать. Сверхъ того: злодѣй имѣетъ систему, а у Оеденьки въ распоряженіи находится лишь яичница; злодѣй не выступитъ на арену, не подготовившись заранѣе, не прозондировавъ тѣ мѣста, гдѣ удобнѣе класть отраву; Оеденька же не только ни къ чему не подготовленъ, но имѣетъ всѣ свойства молодого жеребчика, вырвавшагося на волю изъ стойла. Онъ гогочетъ и роетъ землю, самъ не зная зачѣмъ. Поэтому, присматриваясь къ нему, я убѣждаюсь, что главное его качество есть простодушіе, усугубленное неразвитостью, и что влѣдствіе этого голова его полна бредней, которыя, смотря по обстоятельствамъ, принимаютъ благопріятный или неблагопріятный для обывателя характеръ. Многія изъ этихъ бредней до того фантастичны, что онъ самъ старается скрыть ихъ, но я ловлю его на полусловъ, я пользуюсь всякимъ темнымъ намекомъ, всякимъ минутнымъ изліяніемъ, и съ помощью ряда успій вступаю твердой ногой въ хранину той другой, не обыденной, а скрытой дѣйствительности, которая одна и представляетъ вѣрное мѣрило для всесторонней оцѣнки человѣка. Не знаю,

въ какой степени успія мои увѣнчаются успѣхомъ, но убѣжденъ, что пріемъ мой, во всякомъ случаѣ, долженъ быть признанъ правильнымъ.

Говорятъ о каррикатурахъ и преувеличеніяхъ—но нужно только осмотрѣться кругомъ, чтобъ обвиненіе это упало само собою.

Чего стѣдить борьба съ привидѣніями, на которую такъ легко рѣшается даже простодушнѣйшій изъ помпадуровъ!

Чего стѣдить мысль, что обыватель есть не чтѣ иное, какъ административный объектъ, всѣ притязанія котораго могутъ быть разомъ разсѣчены тремя словами: не твое дѣло!

Это ли не карриатура?

Но кто же пишетъ эту карриатуру? не сама ли дѣйствительность? не она ли на каждомъ шагѣ обличаетъ самоѣ себя въ преувеличеніяхъ?

„Изъ Егорьевска пишутъ“... „изъ Белебея пишутъ“... „изъ Пронска пишутъ“... Умѣйте же, наконецъ, читать, господа!

Возьмите для себя исходнымъ пунктомъ хоть извѣстіе: „изъ Пронска пишутъ: вчера нашъ помпадуръ, будучи на охотѣ, устроенной въ честь его однимъ изъ подгородныхъ землевладѣльцевъ, переломилъ пастуху ребро“... и идите дальше. Ежели сегодня оказывается возможнымъ и безнаказаннымъ такое-то очевидно волшебное дѣйствіе, то спросите себя: какіе размѣры приметъ это волшебство завтра? Не останавливайтесь на настоящей минутѣ, но прозрѣвайте въ будущее. Тогда вы получите цѣлую картину волшебствъ, которыхъ, *быть можетъ*, еще нѣтъ въ дѣйствительности, но которыя несомнѣнно придутъ...

Какъ бы то ни было, но повторяю: каррикатуры нѣтъ... кромѣ той, которую представляетъ сама дѣйствительность.

Если смотрѣть на дѣло съ разумной точки зрѣнія, то можно было ожидать, что, совершивъ все вышеизложенное, Феденька кончить тѣмъ, что станетъ въ тупикъ. Однакожъ, къ удивленію, ничего подобнаго не случилось.

Водрузивъ знамя борьбы, онъ почувствовалъ, что у него словно гора съ плечъ свалилась. Никогда ему не было такъ легко и привольно. Онъ весь устремился куда-то въ даль, а на прошедшее взгля-

нулъ какъ на дурной бредъ, который пересталъ быть для него обязательнымъ. Отнынѣ нѣтъ ни устности, ни гласности, ни постройки умывальниковъ при посредствѣ принципа самоуправленія—все это будетъ замѣнено однимъ словомъ: „фюить“. Даже несомнѣнно консервативные „корни и нити“, которыми онъ еще такъ недавно щеголялъ, показались ему мелкими и презрѣнными. Все это пустая и лишняя процедура. Ему нужно совсѣмъ не то; ему нуженъ не фактъ, а „духъ“.

— Я этотъ „духъ“ уничтожу!—вопіялъ онъ на всѣхъ перекресткахъ и распутіяхъ.—Я этотъ „духъ“ изъ нихъ выбью!

И велѣдъ затѣмъ давалъ Ноздреву порученіе поднюхать, чѣмъ пахнетъ.

Но ни онъ, ни Тарасъ Скотининъ не могли опредѣлить, въ чемъ состоитъ тотъ „духъ“, который они поставили себѣ задачею сокрушить. На вопросы по этому предмету Оеденька мялся и отвѣчалъ: „*mais comment ne comprenez-vous pas cela?*“ Скотининъ же даже не отвѣчалъ ничего, а только усиленно вращалъ зрачками. Поэтому оба, въ концѣ концовъ, разсудили за благо употреблять это слово, какъ нѣчто не требующее толкованій, но вполне ясное и твердое.

Скотининъ до того очаровалъ Оеденьку, что совершенно отгѣснилъ Лаврецаго. Онъ всякое утро представлялъ Кротикову докладъ, подъ которымъ, за неумѣиємъ его грамотѣ, подписывался Кутейкинъ. Въ докладѣ никакихъ другихъ фразъ не было, кромѣ: „а дабы сей пагубный духъ истребить“ и: „а дабы обуздать злокозненный оный духъ“. Въ заключеніе предлагалась *мтра*: фюить! Оеденька выслушивалъ эту длинную іереміаду, безъ умолку болтая всякій вздоръ и лишь изрѣдка, ради приличія, дѣлая попытку что-нибудь возразить. Но обыкновенно заключенія доклада принимались всецѣло и тутъ же передавались Ноздреву и Держимордѣ, которые со всѣхъ ногъ бросались исполнять ихъ.

Вообще Оеденька сдѣлался необыкновенно бодръ и дѣятеленъ. Вставалъ онъ чрезвычайно рано и тотчасъ же принималъ Скотинина, Ноздрева и Держиморду, которые, въ ожиданіи его призыва, сидѣли въ передней, бесѣдуя съ камердинеромъ Яшкою. Отдавши нужныя приказанія по части истребленія „духа“, онъ призывалъ Веретьева (единственнаго изъ прежнихъ сподвижниковъ, къ которому онъ сохранилъ довѣріе) и заставлялъ его представлять, какъ жужжить

муха, комарь, пчела и т. п. Если и затѣмъ оставалось свободное время, то приглашался Митрофанъ Простаковъ, на которомъ Ѳеденька изучалъ, каковъ долженъ быть натуральный, неиспорченный человекъ. Такимъ образомъ незамѣтно летѣли часы за часами. Передъ обѣдомъ онъ отпраивлялся гулять по улицамъ и тутъ дѣлалъ такъ-называемыя личныя распоряженія, то-есть тарачилъ глаза, гоготалъ и набрасывался на проходящихъ.

— Чтò ты? да какъ ты? да зачѣмъ ты?—задыхался онъ:—я изъ тебя этотъ „духъ“ выбью! Я этотъ „духъ“ уничтожу! Ого-го!

Затѣмъ, сдѣлавъ всѣ „распоряженія“ и завершивъ ихъ словомъ: „фюить!“—Ѳеденька возвращался домой и садился за обѣдъ.

— J'espère que j'ai bien gagné mon diner,—говорилъ онъ Веретьеву:—надѣюсь, что я могу потребовать для себя хоть одной минуты спокойствія!

И онъ, дѣйствительно, имѣлъ основаніе спокойно ѣсть свой обѣдъ, потому что Скотининъ въ это время уже обдумывалъ свой завтрашній докладъ, а Ноздревъ и Держиморда неутомимо блюли, чтобъ сегоднешнія Скотининскія предначертанія были выполнены неукоснительно. Въ продолженіе цѣлаго дня они врывались въ частныя жилища, дѣлали выемки, хватали, ловили, расточали и къ ночи являлись къ Скотинину съ цѣлыми ворохами захваченныхъ книгъ и бумагъ, которыя Кутейкинъ принималъ для дальнѣйшаго разсмотрѣнія. Ноздревъ, по свойственной ему пылкости нрава, не разъ пырвался взять взятку, но Держиморда постоянно его удерживалъ.

— Рацо!—увѣщевалъ онъ:—надобно сначала хорошенько себя зарекомендовать! Потомъ наворачиваемъ!

А Ѳеденька, видя, что у него день и ночь кипитъ дѣятельность, утѣшался этимъ и говорилъ:

— On me dit que ce sont des chénapans—est-ce que j'en doute! Mais ils font à merveille mes affaires, et c'est tout ce qu'il me faut!

Да и Анна Григорьевна, по мѣрѣ силъ, усердствовала. Съ тѣхъ поръ какъ она побывала на покаянномъ пикникѣ, съ ней совершилось словно перерожденіе. Она не только вошла въ роль Юанны д'Аркъ, но, такъ сказать, отождествилась съ этою личностью. Глаза у нея разгорѣлись, ноздри расширились, дыханіе сдѣлалось знойное, волосы были постоянно распушены. Въ этомъ видѣ, сидя на ворономъ

конѣ, она передъ началомъ каждой церковной службы галопировала по улицамъ, призывая всѣхъ къ покаянію и къ войнѣ противъ матеріализма. Нельзя, впрочемъ, умолчать, что успѣху ея проповѣди не мало содѣйствовали частныя пристава, которые употребляли всѣ мѣры кротости, дабы обыватели Навознаго не погрязали въ матеріализмъ, но наполняли храмы Божиі. Учтиво брали они прохожаго за шиворотъ и говорили ему:

— Ну, сдѣлай ты хоть примѣръ! ну, не молись, а только примѣръ сдѣлай!

И прохожіе, видя, что ихъ „просить честью“, съ удовольствіемъ бросали дѣла и устремлялись въ храмы.

Өеденька не только выполнилъ программу, изложенную имъ въ покаянномъ циркулярѣ, но даже пошелъ дальше. „Лучше совсѣмъ истребить науки, нежели допустить превратныя толкованія“, писалъ онъ въ циркулярѣ; а Скотининъ, какъ дважды-два четыре, доказалъ ему, что всякое усиліе, дѣлаемое человѣкомъ, съ цѣлью оградить себя отъ какихъ-либо случайностей, есть бунтъ противъ неисповѣдимыхъ путей. А посему: не слѣдуетъ ни пожаровъ тушить, ни принимать какія-либо мѣры противъ голода или повальныхъ болѣзней. Все это посылается не безъ цѣли, но или въ видахъ наказанія, или въ видахъ испытанія. Слѣдовательно, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ не требуется ничего, кромѣ покорности и твердости въ перенесеніи бѣдствій.

— Я, вашество, самъ на себѣ испыталъ такой случай,—говорилъ Тарасъ.—Были у меня въ имѣніи скотскіе падежи почти ежегодно. Только я, знаете, сначала тоже мудровалъ: и ветеринаровъ приглашалъ, и знахарямъ чортову пропастъ денегъ просадилъ, и пона въ Егорьевъ день по полю каталъ—все, знаете, чтобъ польза была. Хоть ты чтѣ хочеш! Наконецъ, я рѣшился-сь. Бросилъ все, пересѣкъ скотницъ и положилъ праздновать Ильинскую пятницу. И что-жъ, сударь! Съ тѣхъ поръ—какъ отрѣзало. Вездѣ кругомъ скотина, какъ мухи, мретъ, а меня Богъ милуетъ!

Доктрина эта пришлась Өеденькѣ очень по праву. Во-первыхъ, въ ней было что-то возвышенное, а во-вторыхъ она освобождала его отъ многихъ обязанностей, которыя мѣшали исключительно предаться дѣлу истребленія ненавистнаго ему „духа“. Не дерзость ли предотвращать болѣзни, голодъ, пожары, когда все это посылается свыше,

по заслугамъ людей? Чаша нечестій до того переполнилась, что самое лучшее средство спасти это гнѣздилище неключимостей (такъ называлъ Ѳеденька Навозный)—это погубить его. Пусть голодъ, холера и огонь дѣлаютъ свое губительное дѣло; пусть истребляютъ виновныхъ, невинныхъ же подвергаютъ испытанію. Ѳеденька безъ сожалѣнія оставитъ этотъ новый Содомъ и готовъ промѣнять его даже на пустыню. При словѣ „пустыня“ воображеніе Ѳеденьки, и безъ того уже экзальтированное, пріобрѣтало такой полетъ, что онъ, не въ силахъ будучи управлять имъ, начиналъ очень серьезно входить въ роль погубителя Навознаго. Ангель смерти, казалось ему, паритъ надъ нечестивымъ городомъ; пожаръ истребилъ всѣ дома; по улицамъ валяются распухшіе трупы людей и распространяютъ смрадъ. А онъ, Ѳеденька, одѣтый по дорожному (поодаль виднѣется заложенный дормезъ, изъ окна котораго выглядываетъ Іоанна д'Аркъ), стоитъ на базарной площади и провозглашаетъ грандіозный походъ въ пустыню. Послушные его голосу, со всѣхъ сторонъ стекаются уцѣлѣвшіе обыватели, посыпаютъ свои головы пепломъ и, разодравъ на себѣ одежды, двигаются, подъ его покровительствомъ, въ степь Сахару (Ѳеденька такъ давно учился географіи, что полагалъ Сахару на границѣ Тамбовской и Саратовской губерній). Пришедши туда, онъ предложитъ обывателямъ приносить покаяніе, валяться на голой землѣ и питаться дикимъ медомъ и акридами, самъ же разобьетъ шатеръ, выпишетъ Дорота въ качествѣ метрдоателя и, въ обществѣ Іоанны д'Аркъ, предводительшъ и предводителей, будетъ вкушать изысканныя яства. По вечерамъ избранники будутъ играть въ карты, танцовать и говорить дамамъ *amabilités*...

— Мнѣ и въ пустынѣ будетъ хорошо-сь!—говорилъ Ѳеденька:—меня хоть на край свѣта ушлите—я и тамъ отлично устроюсь-сь!

— Еще какъ, вашество, устроимся-то!—прибавлялъ, съ своей стороны, Скотининъ:—возьмемъ съ собою Еремѣвну да Вральмана, заставимъ сказки сказывать, или вотъ Митрофанушкѣ велимъ голубей гонять—и театровъ не надо.

— *Le brave homme!*—въ умиленіи восклицалъ Ѳеденька и, трепля Скотинина по плечу, присовокуплялъ:—возьмемъ, старикъ! всѣхъ возьмемъ! Уложимъ чемоданы, захватимъ Еремѣвну и Митрофанушку и поѣдемъ на обывательскихъ, куда глаза глядятъ!

Итакъ, новый фазисъ административной проказливости, въ ко-

торый вступилъ Ѳеденька, не только не принесъ ему никакихъ затрудненій, но даже произвелъ въ немъ довольно пріятную экзальтацію. И прежняя жизнь его была бредомъ, и теперь она продолжала быть бредомъ, съ тою лишь разницею, что прежній бредъ имѣлъ сначала либеральный, потомъ консервативный характеръ, а теперь онъ принялъ форму бреда борьбы. Но эта послѣдняя форма была даже пріятнѣе двухъ первыхъ, потому что не признавала никакихъ границъ и, слѣдовательно, легко наполнялась всякаго рода содержаніемъ.

Но не столько было замѣчательно то, что Ѳеденька не почувствовалъ въ своемъ положеніи никакой противъ прежняго переменъ, сколько то, что самый объектъ его административныхъ воздѣйствій нимало не измѣнилъ своей фізіономіи. Казалось, что Навозный даже не замѣтилъ, что Кротиковъ, вмѣсто Рудина и Волохова, приблизилъ къ себѣ Скотинина и Ноздрева, что, переставъ писать циркуляры о необходимости учрежденія заводовъ, онъ ударился въ административный мистицизмъ. Обыватели не знали ничего ни о недавнемъ либерализмѣ Ѳеденьки, ни о настоящемъ его умоизступленіи. Они, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали ѣсть пироги (а въ случаѣ неимѣнія таковыхъ довольствовались и хлѣбомъ изъ лебеды), платить дань, жениться и посягать. Это было до такой степени обыкновенно, что даже Волоховъ удивился, — онъ, который нѣкогда выразился, что такихъ курицыныхъ дѣтей, какъ обыватели Навознаго, всяко возрождать можно. Ясно было, что большинство находится въ томъ завидномъ положеніи, когда оно ни въ какомъ случаѣ ни отъ какихъ переменъ ни выиграть, ни проиграть ничего не можетъ.

Собственно говоря, отъ легкомыслія Ѳеденьки пострадали только навозные либералы. Изъ нихъ многіе подверглись расточенію, а многіе распоролъ себѣ животы, предпочтя напрасную смерть постыдному „фюить!“ , которое раздавалось въ ихъ ушахъ, непрерывно угрожая ихъ существованію. Но, во-первыхъ, въ глазахъ большинства это были единичныя жертвы, отъ исчезновенія которыхъ городу было ни тепло, ни холодно; а во-вторыхъ, Ѳеденька старался своимъ преслѣдованіемъ придать характеръ борьбы съ безвѣріемъ и непризнаніемъ властей. А такъ какъ обыватели Навознаго искони боялись вольнодумства пуще огня, то они не только не обращали вниманія на вопли жертвъ, но, напротивъ, хвалили Ѳеденьку и подстрекали его къ новымъ подвигамъ.

Казалось, однакожь, что было одно обстоятельство, которое не могло не тронуть навозенцевъ. Какъ сказано выше, Ѳеденька возвелъ теорію фатализма до такой крайности, что не хотѣлъ ни пожаровъ тушить, ни принимать мѣры противъ голода и повальныхъ болѣзней. Это ужъ слишкомъ близко касалось навозныхъ животовъ, чтобы не произвести въ нихъ нѣкотораго переполоха. Но на дѣлѣ оказалось, что теорія, до которой Ѳеденька додумался лишь труднымъ процессомъ либеральныхъ разочарованій, была во всѣ времена основаніемъ всѣхъ вѣрованій обывателей, всей ихъ жизни. Изстари они безропотно помирали, исповѣдуя, что противъ бѣды да попушенія, какъ ни мудрествуй, ничего не подѣлаешь. Изстари повелось у нихъ такъ, что сегодня человѣкъ пироги съ начинкой ѣстъ, а завтра онъ же подь окнами у сосѣдей куски выпрашиваетъ. При всемъ своемъ простодушіи, Ѳеденька отлично постигъ это свойство навозенцевъ. Онъ понималъ, что если край будетъ и въ конецъ разоренъ, вслѣдствіе набѣговъ Ноздрева и Держиморды, то у него все-таки останется мужицкая спина, которая имѣетъ свойство обростать гуще и пушистѣе, по мѣрѣ того, какъ ее оголяютъ.

Итакъ, и Ѳеденька, и Навозный край зажили на славу, проклиная либераловъ за то, что они своимъ буйствомъ накликали на край различныя бѣдствія. Сложилась даже легенда, что бѣдствія не прекратятся, покуда въ городѣ существуетъ хоть одинъ либераль, и что только тогда, когда Ѳеденька окончательно разоритъ гнѣздо нечестія, можно будетъ не страховать имуществовъ, не удобрять полей, не сѣять, не пахать, не жать, а только наполнять житницы...

Х.—Зиждитель.

Первые дни великаго поста. Городъ словно въ траурѣ. На дворѣ оттепель, туманъ, слякоть, капѣль. Афишъ нѣтъ.

Куда идти? что дѣлать? Сходилъ бы въ департаментъ потолковать о назначеніяхъ, перемѣщеніяхъ и увольненіяхъ, но знаю, что послѣ бѣшеныхъ дней масляницы чиновники сидятъ на столахъ, болтаютъ ногами, курятъ папиросы и на лицахъ ихъ ничего не написано, кромѣ: „было бы болото, а черти будутъ“. Сходилъ бы въ

редакцію „нашей уважаемой газеты“ покалякать, какія стоятъ на очереди реформы, но не дальше, какъ часъ тому назадъ, получилъ отъ редактора записку: „приходить незачѣмъ; реформъ нѣтъ и не будетъ; калякать не объ чемъ“. Сходилъ бы, наконецъ, въ домъ бывшаго отъѣзжика, а нынѣ желѣзнодорожнаго дѣятеля, у котораго каждодневно, съ утра до ночи, жуируютъ упраздненные полководцы и губернаторы, посмотрѣлъ бы, какъ они поглощаютъ предоставленную имъ гостепріимнымъ хозяиномъ провизію, послушалъ бы, какъ они касятъ современныхъ реформаторовъ, но ностъ и на этотъ храмъ утѣхъ наложилъ свою руку. По крайней мѣрѣ, давеча, совершая утреннюю прогулку, я встрѣтилъ одного изъ „упраздненныхъ“, который, поспѣвая въ церковь къ часамъ, на ходу скороговоркой сказалъ мнѣ:

— Сегодня къ Моисею Соломоновичу—ни-ни! Говѣтъ. Кромѣ чесноку и фасоли—ничего! Въ этакомъ-то домѣ!

Идти, стало быть, некуда. Дома тоже остаются незачѣмъ. Читатель—ничего, писать—не объ чемъ. Весь организмъ пораженъ усталостью и тупымъ безучастіемъ ко всему происходящему. Спать бы лечь хорошо, но даже и спать не хочется.

Сажусь однако, беру первую попавшуюся подъ руку газету и приступаю къ чтенію передовой статьи. Начала пѣтъ; вмѣсто него: „мы не разъ говорили“. Конца нѣтъ; вмѣсто него: „объ этомъ поговоримъ въ другой разъ“. Срединка есть. Она написана пространно, просмакована, даже не лишена гражданской меланхолии, но, хоть убей, я ничего не понимаю. Сколько лѣтъ ужъ я читаю это: „поговоримъ въ другой разъ“! Да ну же, поговори!—такъ и хочется крикнуть...

И съ дѣтскихъ лѣтъ имѣю вкусъ къ русской литературѣ. Всегда былъ усерднымъ читателемъ, и, могу сказать по совѣсти, даже въ то время, когда цензоръ одну половину фразы вымарывалъ, а въ остальшую половину, въ видахъ округленія, вставлялъ: „о, ты, пространствомъ безконечный!“—даже и въ то время я понималъ. Отѣску, бывало, одно слово, другое отъ себя прибавлю—и понимаю. Но именно нынче возникъ у насъ особенный отдѣлъ печатнаго слова, который рѣшительно ничего не возбуждаетъ во мнѣ, кромѣ ропота на Провидѣніе. Это—отдѣлъ передовыхъ газетныхъ статей. Читаю, читаю—и ничего ухватить не могу. Только-что за что-нибудь ухва-

чусь — глядь, ужъ пропало. Точно сквозь сито — такъ и льется, такъ и исчезаетъ...

Прежде у насъ не было ни гласныхъ судовъ, ни земскихъ учрежденій, но была цензура. При содѣйствіи цензуры, литература была вынуждаема отсутствіе своихъ собственныхъ политическихъ и общественныхъ интересовъ вымещать на Луи-Филиппъ, на Гизо, на французской буржуазіи и т. д. Несмотря на это, писали не только понятно, но даже занято. Какъ ни слаба была связь между мной и Луи-Филиппомъ, но мнѣ было лестно, что русская журналистика не одобряетъ его внутренней политики. Въ внушеніяхъ, дѣлаемыхъ Гизо, я видѣлъ извѣстное міросозерцаніе; я толковалъ себѣ ихъ такъ: ужъ если Гизо такъ проштрафился, то чтѣ же должно сказать о дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Держимордѣ? И вотъ, вмѣстѣ съ устроителями февральскихъ банкетовъ, я кричалъ: à bas Louis-Philippe! à bas Guizot! кричалъ искренно и горячо, хотя лично ничего отъ того не выигрывалъ, что Луи-Филиппъ былъ 24-го февраля 1848 года уволенъ безъ прошенія въ отставку. Выигрывалъ не я, а мое міросозерцаніе, выигрывали тѣ политическіе и общественные идеалы, къ которымъ я себя приурочивалъ.

Теперь у насъ существуютъ всевозможные политическіе и общественные интересы. Все дано намъ: и гласный судъ, и земскія учрежденія, а сверхъ того многое оставлено и изъ прежняго. Тутъ-то бы и поговорить. По поводу одного — порадоваться, по поводу другого — излить гражданскую скорбь. Вѣдь дѣло идетъ ужъ не о дотаціи герцога Немурскаго (напѣли мы за нее порядкомъ Луи-Филиппу въ свое время!), а о собственной нашей дотаціи въ формѣ гласностей, устныхъ и т. п. А между тѣмъ никто ничему не радуется, никто ни о чемъ не печалится! Какъ будто бы никакихъ дотацій и не бывало. Спихватился-было г. Головачовъ, издалъ книгу: „Десять лѣтъ реформъ“ ... цѣлыхъ десять лѣтъ! Но и онъ никого не утѣшилъ и не онечалилъ, а многихъ даже удивилъ.

— Видѣли — подъ стекломъ „Десять лѣтъ реформъ“ стоятъ? — изумляясь, спрашивали одни.

— Какія „Десять лѣтъ реформъ“? когда? зачѣмъ? — изумлялись въ отвѣтъ другіе.

И только.

Словомъ сказать, вкусъ къ французской буржуазіи пропалъ, а

надежда проникнуть, при содѣйствіи крестьянской реформы, въ какую-то таинственную суть — не выгорѣла. И остался русскій человекъ ни-при-чемъ и не на комъ ему свое сердце сорвать. Въ результатѣ — всеобщая адская скука, находящая себѣ выраженіе въ невываломъ обилии безформенныхъ общихъ фразъ. Ничего, кромѣ азбуки, въ самомъ пошломъ, казенномъ значеніи этого слова. Менандръ проводитъ мысль, что надо жить въ ожиданіи дальнѣйшихъ разъясненій. Агатонъ выражаетъ, что жить въ ожиданіи разъясненій не штука, а вотъ штука — прожить безъ всякихъ разъясненій. А бѣдный дворянинъ Никаноръ идетъ еще дальше и лѣзетъ изъ кожи, доказывая, что въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, не должно быть рѣчи не только о „разъясненіяхъ“, но даже о „неразъясненіяхъ“, и что всякому вѣрному сыну отечества надлежитъ жить да поживать, да дѣтей наживать. И все это говорится съ сонливою серьезностью, говорится отъ имени какихъ-то „великихъ партій“, которыя стоятъ-де за „нами“ и никакъ не могутъ подѣлать между собою выѣденнаго яйца.

Скучное время, скучная литература, скучная жизнь. Прежде хоть „рабы рѣчи“ слышались, страстныя „рабы рѣчи“, иносказательныя, но понятныя; нынче и „рабыхъ рѣчей“ не слышать.

Я не говорю, чтобъ не было движенія — движеніе есть, — но движеніе докучное, напоминающее дерганье изъ стороны въ сторону.

Представьте себѣ человека, который сидитъ въ наглухо запертомъ экипажѣ и дремлетъ. Сквозь дремоту онъ чувствуетъ, что и не ѣдетъ, и на мѣстѣ путемъ не стоитъ, но что есть какое-то дерганье, которое поминутно беспокоитъ его. До него доносится говоръ, людскіе шаги, постукиванье, позвякиванье, и все это смутно, все попеременно то смолкаетъ, то опять возобновляется. Вотъ и опять что-то дернуло, и опять, и опять. Вотъ и дремота, наконецъ, соскакиваетъ съ путника — зачѣмъ? Вѣдь и придя въ себя, онъ становится лицомъ къ лицу, все-таки, не съ дѣйствительностью, а съ загадкой. Что случилось? что означаетъ дерганье? Предвѣщаетъ ли оно движеніе, или безрочную остановку на мѣстѣ? Приѣхали ли куда-нибудь? Хотъ не туда, куда ѣхали, а туда, откуда выѣхали?

Всѣ эти вопросы остаются безъ отвѣта, потому что кругомъ темнота, а впереди ничего, кромѣ загадки. Въ такомъ безнадежномъ положеніи можно волноваться вопросами только сгоряча, но разъ

убѣдившись, что никакія волненія ни къ чему не ведутъ, остается только утихнуть, сложить руки и думать о томъ, какъ бы такъ примоститься, чтобы дерганье какъ можно меньше нарушало покой. Разумѣется, существуютъ люди, которые и въ подобныхъ положеніяхъ не могутъ не обольщаться, что вотъ-вотъ сейчасъ разбудятъ и скажутъ: пріѣхали! Но спрашивается: что же тутъ хорошаго? Ну, пріѣхали! Куда пріѣхали? — вѣдь навѣрное куда-нибудь въ чуланъ, въ которомъ царствуютъ сумерки и среди этихъ сумерокъ безтолково мятется людской сбродъ. Въ движеніяхъ этого сброда замѣчается суета, на лицахъ написано непонятіе. Толкуются, дерутся, рвутъ другъ у друга куски... сами не знаютъ, зачѣмъ рвутъ. Нѣтъ, какъ хотите, а лучше замереть: можетъ быть, какъ-нибудь оно и пройдетъ, проползетъ это странное время.

До того смякла, понизилась жизнь, что даже административное творчество покинуло насъ. То творчество, которое обязательно переходитъ черезъ весь петербургскій періодъ русской исторіи. По крайней мѣрѣ, послѣ лучезарнаго появленія на аренѣ административной дѣятельности контрольных чиновниковъ, удостовѣрившихъ, что такъ-называемая „современная ревизія отчетностей“ должна удовлетворить самыхъ требовательныхъ русскихъ конституціоналистовъ, я просто ни на какихъ новыхъ административныхъ піонеровъ указать не могу.

Вспомните прежнихъ финансистовъ, статистиковъ, судей! Какою бездной талантливости должны были обладать эти люди! вѣдь они являлись на арену дѣятельности не только безъ всякихъ приготовленій, но просто въ чемъ мать на свѣтъ родила, однако и за всѣмъ тѣмъ, все-таки, умѣли нѣчто понимать, нѣчто сказать, рассуждать, выслушивать, говорить. Вспомните, наконецъ, прежнихъ помпадуровъ! Пріѣдетъ, бывало, помпадуръ въ предоставленный ему край и непремѣнно что-нибудь да сдѣлаетъ: либо дороги аллеями обсадить, либо пожарную трубу вынишетъ, либо предпишетъ разводить картофель...

Была пытливость, была потребность игры ума. Не знанія, а именно игры ума. Сверхъ того, была потребность воспрославить свое имя... хоть покупкою шрифта для губернской типографіи.

Теперь ни игры ума, ни жажды славы — ничего нѣтъ. Ничѣмъ не подкупишь человѣка, ибо все въ немъ умерло, все замѣнено сло-

вомъ: „фюитъ!“ Но развѣ это слово? вѣдь это бессмысленный звукъ, который можетъ заставить только вздрогнуть.

Или опять другое модное слово: „не твое дѣло!“ — развѣ можно такъ говорить? Можетъ ли быть что-нибудь предосудительнѣе этой безнадежной фразы? Не она ли изсушила въ конецъ наше пресловутое творчество? не она ли положила начало той адской апатіи, которая съѣдаетъ современное русское общество и современную русскую жизнь?

Между тѣмъ какъ я такимъ образомъ унывалъ, мнѣ подали карточку, на которой я прочиталъ: *le comte Serge de Bystrizinn, conseiller d'état, président de la Société Economique de Tchoukloma, etc., etc.*

Сережа Быстрицынъ принадлежалъ къ той блестящей плеядѣ моихъ одноклассниковъ, изъ которой потомъ вышли: Одея Кротиковъ, Митя Козелековъ, Петька Толстолобовъ и другіе помпадуры, съ которыми я уже имѣлъ случай познакомить читателя. Но онъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Въ немъ не было ни блеска, которымъ отличался Кротиковъ, ни дипломатической ловкости, которая составляла характеристическую черту дѣятельности Козелекова. Еще на школьной скамьѣ это былъ ребенокъ скромный, чистенькій, хозяйственный и солидный. Сидитъ, бывало, на своемъ мѣстѣ и все надъ чѣмъ-то конается. Или корабликъ изъ бумаги дѣлаетъ, или домикъ вырѣзываетъ, или стругаетъ что-нибудь. Спросишь его:

— Зачѣмъ ты, Сережа, все кораблики дѣлаешь?

Онъ солидно и разсудительно отвѣтитъ:

— А можетъ быть и понадобятся!

Такимъ образомъ надѣлалъ онъ этихъ корабликовъ видимо-невидимо, и мы, легкомысленныя дѣти, признавъ, даже подшучивали надъ нимъ, что это онъ новый флотъ на мѣсто черноморскаго строитъ. Но воспитатели наши уже тогда угадывали въ немъ будущаго хозяина и организатора.

— Oh, celui-la ne perdra pas la tête, comme vous autres, têtes remplies de foin! — говаривалъ, бывало, москѣ Баратель: — faites le passer par toutes les réformes que vous voudrez, il en sortira à son avantage!

И дѣйствительно, по выходѣ изъ школы, онъ не устремился, по-

добно прочимъ товарищамъ, на поискъ медленной карьеры, но удалился въ свою чухломскую деревню, и тамъ, чтобы не терять права на полученіе чиновъ, пристроился къ мѣсту почетнаго смотрителя уѣзднаго училища. Здѣсь тихими, но вѣрными шагами онъ достигалъ того, что другими было достигнуто быстро, при помощи цѣлованія плечиковъ, посѣщенія Дюссо и заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ. Я не знаю, что собственно дѣлалъ Сережа, сидя въ деревнѣ, но думаю, что онъ, по обыкновенію своему, клеилъ, вырѣзывалъ и строгалъ, потому что крестьянская реформа не только не застигла его врасплохъ, какъ другихъ, но, напротивъ того, онъ встрѣтилъ ее во всеоружіи и сразу сдумалъ поставить свое хозяйство на новую ногу. Этого мало: примѣромъ своимъ онъ заразилъ нѣсколькихъ молодыхъ чухломцевъ и успѣлъ организовать изъ нихъ общество, имѣвшее цѣлью возрожденіе чухломскаго хозяйства. Этого было достаточно, чтобы составить ему и его уѣзду какую-то полуфантастическую хозяйственно-организаторскую репутацію. Чухломцы были замѣчены. Нѣкоторые изъ нихъ скоро вынырнули изъ чухломскихъ болотъ и успѣли занять хорошія административныя положенія. Поговаривали о школѣ чухломскихъ администраторовъ, которая съ удобствомъ должна была замѣнить другую школу администраторовъ, не имѣвшую за душой ничего, кромѣ „фюить“. „Чухломцы все сдѣлаютъ!“ говорилось въ петербургскихъ гостиныхъ: „они и земледѣліе возродятъ, и торговлю разовьютъ, и новыя породы скота разведутъ, и общественное спокойствіе спасутъ!“ Но Сережа, этотъ прототипъ чухломца-организатора, все еще упорно сидѣлъ въ Чухломѣ и нимало даже не завидовалъ болѣе прыткимъ чухломцамъ, которые снѣжили ковать желѣзо, пока оно горячо. Опъ ждалъ съ терпѣніемъ, ибо зналъ, что чаша сія не минетъ его. И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ прочіе организаторы-чухломцы, разсѣянные по лицу земли и недостаточно выдержанные, постепенно изнемогали въ борьбѣ съ недоимками, Сережа все прочнѣе и прочнѣе устраивалъ свое положеніе. Наконецъ, слава его достигла такихъ размѣровъ, что нельзя ужъ было больше терпѣть. Что-нибудь одно: или уехать его туда, куда Макарь телятъ не гонялъ, или призвать и сказать: нѣ! возрождай!

Это было что-то невѣроятное, фантастическое. Говорили, будто, занимаясь рыбоводствомъ, онъ дошелъ до того, что скрестилъ налима съ лецомъ, и что отъ этого произошла рыба, соединявшая масля-

нистую тѣшку леца съ налимьёю печенкою. Потомъ началъ ходить слухъ, что онъ утилизировалъ крапиву, началъ выдѣлывать изъ нея поташъ, который и разсылаетъ теперь во всё страны свѣта. Въ довершеніе всего, пришло достовѣрное извѣстіе, что у него на скотномъ дворѣ существуетъ быкъ, который, по усмотрѣнію своего владѣльца, можетъ быть родоначальникомъ и молочной, и мясной породы. Эти скромныя, но полезныя для человѣчества дѣянія до такой степени выгодно выдѣлялись изъ цѣлой цѣпи дѣяній легкомысленныхъ и безплодно-возмутительныхъ, что не обратить на нихъ вниманія было невозможно.

— Слышали: Быстрицынъ?..

— Изумительно!

— Да, батюшка, это... организаторъ! Это не свистунъ! Это настоящій, дѣйствительный помпадуръ-хозяинъ! Такой помпадуръ, какихъ именно въ настоящее время требуетъ Россія!

И онъ былъ призванъ...

Пріѣхавши въ Петербургъ, онъ мнѣ первому сообщилъ о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ, но сообщилъ застѣнчиво и даже съ отѣнкомъ опасенія, что у него не достанетъ силъ, чтобъ оправдать столько надеждъ. Какъ истинный чухломецъ, онъ былъ не только скромнень, но даже немножко дикъ („un peu farouche“, какъ говоритъ Федра объ Ипполитѣ), и мнѣ стоило большого труда ободрить его.

— Посмотри на Кротикова, на Толстолобова!—говорилъ я ему:—вѣдь это развѣ люди!

— Кротиковъ и Толстолобовъ,—отвѣчалъ онъ,—это администраторы по призванію. Это герои минуты. Ихъ совѣтъ можетъ оставаться спокойною, если у нихъ даже ничего за душою нѣтъ, кромѣ „фюить“. Но я, понимаешь ты, я—хозяинъ! Я долженъ, ты понимаешь—*долженъ* создать, организовать, устроить. Наши чухломцы уже сдѣлали нѣчто въ этомъ смыслѣ, но, признаюсь, я не совѣмъ доволенъ ими. Они еще недостаточно освободились изъ-подъ гнета недоимокъ. Но я... я не могу ограничиться этимъ! Я не имѣю права хвастаться тѣмъ, что разыскалъ столько-то тысячъ недоимокъ! Я могу хвалиться только тѣмъ, что ничего не разыскалъ... потому что у меня никакихъ недоимокъ нѣтъ и не можетъ быть!

Тѣмъ не менѣе, онъ уступилъ моимъ настояніямъ, то-есть хотя

и поломался немного, но принял. И справедливость требует сказать, что скромность не только не повредила ему, но даже еще рельефнѣе выставила его организаторскія способности. Не имѣя за себя ни громкихъ воспоминаній о совмѣстномъ посѣщеніи заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, ни недавнихъ впечатлѣній совмѣстнаго собутыльничества у Дюссо, безъ малѣйшаго посредничества Камиль-де-Лионъ, Лотаръ или Бланшъ Вилэнъ, просто, естественно явился онъ на судъ — и сейчасъ же сдѣлался героемъ дня. Всѣ стремились видѣть его, всѣ разспрашивали, какимъ образомъ онъ сумѣлъ достигнуть такихъ изумительныхъ результатовъ; всѣ поняли, что даже тѣ бойкіе чухломцы, которыхъ организаторскимъ способностямъ еще такъ недавно удивлялись — и тѣ, въ сравненіи съ нимъ, не больше, какъ ученики и провозвѣстники. Что настоящій, заправскій чухломецъ — это онъ, это графъ Сергій Васильевичъ Быстрицынъ!

Онъ вошелъ ко мнѣ во всей формѣ, взволнованный. Губы его были сухи, глаза какъ-то особенно блестѣли, все лицо сіяло восторженностью. Онъ былъ очень милъ въ эту минуту.

— Все кончено! — сказалъ онъ, пожимая мнѣ руки: — чаша, которой я такъ избѣгалъ... я уже чувствую прикосновеніе ея краевъ къ губамъ моимъ!

— Куда?

— Въ Паскудекъ!

— Исправляющимъ?

— Нѣтъ, настоящимъ. И съ производствомъ въ дѣйствительныя.

Онъ сжалъ губы, какъ будто хотѣлъ овладѣть полною своихъ чувствъ.

— Поздравляю! Это шагъ!

— Богъ, который видитъ мою совѣсть, Онъ знаетъ, какъ я не желалъ этого шага! Какъ страшили меня эти почести... все это мишурное величіе!

Онъ опять сжалъ губы, но, противъ воли, глаза его затуманились. Повторяю: онъ очень былъ милъ!

— Чтѣ же дѣлать, мой другъ! — утѣшалъ я. — Провидѣніе! надо покориться его волѣ! Тяжелъ твой вѣнецъ — я согласенъ, но надобно нести его! Неси, братецъ, неси! Ты пострадаешь, за то Паскудекъ будетъ счастливъ!

— Je le jure!—воскликнулъ онъ, простирая руку.

Я принялъ его клятву и, разумѣется, счелъ за долгъ прочитать приличную этому торжеству предику.

— Помни эту клятву, мой другъ!—сказалъ я:—помни, что говорится про клятвы: разъ солгалъ, въ другой солгалъ, въ третій никто ужъ и не повѣритъ! Ты поклялся, что Паскудскъ будетъ счастливъ—такъ и гони эту линію! „Фюить“—то да „не твое дѣло“ бросить надобно!

— Какія дрянныя, безмысленныя выраженія!

— Да, душа моя, надѣли они! до смерти надѣли! Лучше совсѣмъ ничего не дѣлать, нежели вращать глазами да сквернословить! Испугать обывателя, конечно, не трудно, но каково-то его въ чувство потомъ привести! Дай же мнѣ слово, что ты никогда не будешь ни зрачками вертѣть, ни сквернословить... никогда!

— Je le jure!

Мы взялись за руки и нѣсколько минутъ стояли, смотрясь другъ другу въ глаза, какъ влюбленные.

— Ну, очень радъ. И радъ не столько за тебя, сколько за Паскудскъ!—сказалъ я, наконецъ.—Теперь тебѣ надобно только великими образцами напитаться. Надѣюсь, однакожь, что ты будешь искать этихъ образцовъ не въ ближайшихъ своихъ предметникахъ?

— Jamais!

— Но въ древности бывали помпадуры, достойные подражанія. Я самъ зналъ одного, который, въ теченіе семи лѣтъ помпадурства, два новыхъ шрифта для губернской типографіи приобрѣлъ!

— Mon cher! я ужъ думалъ объ этомъ! Но все это частности... положимъ, полезныя... а все-таки частности! Увы! въ исторіи нашихъ помпадурствъ нѣтъ образцовъ, которыми мы могли бы руководиться! Даже въ самыхъ лучшихъ помпадурахъ творчество имѣетъ характеръ случайности. Это не зиждители, а заплатныхъ дѣлъ мастера. Одинъ съѣтъ картофель, а о путяхъ сообщенія не думаетъ; другой обсаживаетъ дороги березками, а не думаетъ о томъ, что дороги тогда только полезны, когда есть что возить по нимъ. Читая лѣтописи этихъ дѣяній, нельзя не отдавать имъ справедливости, но, въ то же время, нельзя не чувствовать, что все это опыты, дѣлавшіеся, такъ сказать, ошущью. Никто не смотритъ вглубь, никто не

видитъ корня. Многіе, напрімѣръ, прославились тѣмъ, что взыскали цѣлую массу недоимокъ...

— Взыскали массу недоимокъ! какъ ты, однакожь, легко объ этомъ говоришь!

— Да, но прежде, нежели удивляться этому подвигу, спроси себя: чтѣ такое недоимки и откуда онѣ? Недоимки и благоустроенное хозяйство—развѣ это понятія совмѣстимыя? Развѣ слово „недоимки“ можетъ быть допущено въ сколько-нибудь приличномъ административномъ лексиконѣ! Россія—и недоимки! Эта безконечная карта, на неизмѣримомъ пространствѣ которой человѣкъ на каждомъ шагу попираетъ неисчерпаемыя богатства—и какой-нибудь милліонъ, два милліона, три милліона недоимокъ! *Quelle misère!* Какое горькое, оскорбительное сопоставленіе!

Я зналъ, что это основной тезисъ чухломской школы. Развѣіе творческихъ силъ народа съ цѣлью столь безпрятственнаго взысканія податей и сборовъ, которое исключало бы самое понятіе о „недоимкѣ“; изысканіе новыхъ источниковъ производительности, въ видахъ воспособленія государственному казначейству, и, наконецъ упраздненіе военныхъ экзекуцій, какъ средства, не всегда достигающаго цѣли и, притомъ, сопряженнаго съ издержками для казны—вотъ вся сущность чухломской конституціи. Но никогда я не слышалъ ее высказанною съ такою безповоротною опредѣленностью!

— Еслибъ начальство могло слышать тебя, *Serge!* какъ бы оно порадовалось!—сказалъ я.

— Все это я ужъ объяснилъ кому слѣдуетъ. И чтѣ всего удивительнѣе, всѣ слушали меня, какъ будто я разсказываю какія-то чудеса!

— Какъ же не чудеса! Помилуй! Жизнь безъ недоимокъ! отсутствіе экзекуцій! новые источники! Какихъ еще больше чудесъ!

— Никакихъ чудесъ нѣтъ. Нужно только терпѣніе... и, конечно, немного умѣнья...

— *Avec beaucoup de patience et...* знаю! Но вѣдь, говорятъ, ты въ имѣніи своемъ, дѣйствительно, устроилъ что-то необыкновенное?

— Ничего необыкновеннаго. Никакихъ чудесъ. Я работалъ, и былъ такъ счастливъ, что нѣкоторые изъ моихъ опытовъ дали результаты... поразительные! Вотъ и все.

— Напрімѣръ, помѣсь налива и леща... *parlez-moi de ça!*

— Ну да, это такъ. Это опытъ удачный. Но самъ по себѣ онъ не имѣетъ еще большого значенія. Онъ важень... онъ дѣйствительно важенъ... но лишь въ связи съ другими подобными же опытами, долженствующими дать совершенно новыя основанія нашей сельской жизни. Рыбоводство, скотоводство, свиноводство, садоводство — *tout se lie, tout s'enchaîne dans ce monde!* А моя система—это именно цѣлый міръ!

— Рыбоводство, скотоводство... и тутъ же рядомъ, такъ сказать, во главѣ всего... помпадурство! Какъ ты соединишь это? Какимъ образомъ устроишь ты такъ, чтобъ помпадурство не препятствовало скотоводству, и наоборотъ?

— Ничего нѣтъ проще. Стѣдуетъ только сказать самому себѣ: надо дѣлать совершенно противоположное тому, чтò дѣлаютъ всѣ прочіе помпадуры — и результаты получатся громадине. Пойми меня, душа моя. Большинство помпадуровъ главною цѣлью своей дѣятельности поставило такъ-называемую внутреннюю политику. Они ничего другого не признаютъ, кромѣ войны, ничѣмъ другимъ не занимаются, кромѣ пререканій съ обывателями. Вслѣдствіе этого они предпринимаютъ болѣе или менѣе отдаленные походы, производить экзекуціи, расточаютъ, разгоняютъ и въ довершеніе всего беспокоятъ начальство донесеніями. Понятно, что при такихъ условіяхъ скотоводство не можетъ процвѣтать. Я же, напротивъ того, прежде всего говорю себѣ: никакой внутренней политики нѣтъ и не должно быть! Все это вздоръ, потому что не существуетъ даже предмета, противъ котораго эта политика могла бы быть направлена.

— Ну, это ты, кажется, ужъ черезъ край хватилъ!

— Напротивъ того, и если ты послѣдуешь за мной въ развитіи моей мысли, ты, конечно, согласишься со мной. Итакъ, *raisonnons*. Обозрѣвая *à vol d'oiseau* населеніе какого бы то ни было края, чтò мы видимъ? Во-первыхъ, мы видимъ сотни, тысячи, сотни тысячъ, милліоны, цѣлое море мужиковъ. Спрашиваю тебя: если я буду истреблять, посредствомъ внутренней политики, мужиковъ — кто будетъ платить подати? кто будетъ производить то, безъ чего я, какъ чловѣкъ извѣстныхъ привычекъ, не могу обойтись? кто, наконецъ, доставитъ матеріалъ для цѣлой статистической рубрики подъ названіемъ: „движеніе народонаселенія“? Но этого мало: скажу тебѣ по секрету, что нашъ мужикъ даже не боится внутренней политики, потому

просто, что не понимаетъ ея. Какъ ты его ни донимай, онъ, все-таки, будетъ думать, что это не „внутренняя политика“, а просто Божеское поущеніе, въ родѣ мора, голода, наводненія, съ тою лишь разницею, что на этотъ разъ воплощеніемъ этого поущенія является помпадуръ. Нужно ли, чтобъ онъ понималъ, чтд такое внутренняя политика?—на этотъ счетъ мнѣнія могутъ быть различны; но я, съ одной стороны, говорю прямо: берегитесь, господа! потому что какъ только мужикъ пойметъ, чтд такое внутренняя политика—*n, i = ni, c'est fini!*

— Гм... да... пожалуй, что это и такъ. Сказываютъ, и шахъ персидскій тоже такое мнѣніе высказалъ. Говорятъ, что когда его въ Парижъ спросили, какая страна ему больше понравилась, то онъ отвѣтилъ: „*Moi... Russie... politique jamais!.. hourra toujours... et puis айда!*“ И такъ это, сказываютъ, Макъ-Магоншъ понравилось, что она тутъ же выразилась: „и у насъ, говоритъ, ваше величество, къ будущему пріѣзду вашему то же будетъ!“

— Ну, вотъ видишь ли! Но продолжаю. Во-вторыхъ, среди моря мужиковъ, я вижу небольшую группу дворянъ и еще мѣньшую группу купцовъ. Если я направлю внутреннюю политику противъ дворянъ—кто же будетъ исправлять должность опоры? съ кѣмъ буду я проводить время, играть въ ералашъ, танцовать на балахъ? Ежели я расточу купцовъ—у кого я буду ѣсть пироги? Остается, стало быть, только одно четвертое сословіе, которое могло бы быть предметомъ внутренней политики—это сословіе нигилистовъ.

— Итакъ, ты совершенно отвергаешь внутреннюю политику?

— Да, совершенно. Это исходный пунктъ моей программы. Иссушать и уничтожать только болота, а прочее все оплодотворять. Это, коли хочешь, тоже своего рода внутренняя политика, но политика созидаящая, а не расточающая. Затѣмъ я приступаю ко второй половинѣ моей программы и начинаю съ того, что приточивляю почву, необходимую для будущаго сѣянія, то-есть устраниваю вредные элементы, которые могутъ представлять неожиданныя препятствія для моего дѣла. Такихъ элементовъ я, главнѣйшимъ образомъ, усматриваю три: пьянство, крестьянскіе семейные раздѣлы и общинное владѣніе землей. Вотъ три гидры, которыя мнѣ предстоитъ побѣдить. Прежде всего, разумѣется—пьянство, какъ противникъ, пользующійся особенно популярностью. Но ты позволишь мнѣ вмѣсто даль-

нѣйшихъ объясненій прочитатъ уже заготовленный мною по этому предмету циркуляръ.

Быстрицынъ порылся въ карманѣ своего мундира и вытащилъ изъ него бумажку, которую онъ, очевидно, показывалъ ужъ не мнѣ первому.

„Въ виду постоянно развивающагося пьянства, я считаю долгомъ изложить вамъ мой взглядъ на сей важный предметъ“, началъ онъ. „Но прежде всего я чувствую потребность надлежащимъ образомъ установить точку зрѣнія, на которой вы должны стоять при чтеніи настоящаго циркуляра. Я отнюдь не намѣренъ настаивать на полномъ изыятіи водки изъ народнаго употребленія. Кроме того, что это задача мнѣ непосильная, я очень хорошо понимаю, что въ нашемъ суровомъ климатѣ совершенно обойтись безъ водки столь же трудно, какъ, напримѣръ, жителю пламенной Италіи трудно обойтись безъ макаронъ и безъ живительныхъ лучей солнца, а обитателю болѣе умѣренной полосы, нѣмцу — безъ кружки пива и колбасы. Водка полезна во многихъ случаяхъ — я это знаю. Во-первыхъ, при согрѣтіи окоченѣвшихъ на холодѣ членовъ; во-вторыхъ, при угощеніи друга; въ-третьихъ — при болѣзняхъ. Кто не знаетъ цѣлительныхъ свойствъ рижскаго балзама и водокъ, на манеръ онаго выдѣлываемыхъ? Кому не извѣстны водки: полынная, желудочная, анисовая, перцовая и, наконецъ, архіерейскій настой?! Рюмка, выпитая передъ обѣдомъ, помогаетъ пищеваженію; точно также рюмка и даже двѣ, выпитыя въ обществѣ хорошихъ знакомыхъ, ободряютъ духъ человѣка, дѣлаютъ его наклоннымъ къ дружеству и къ веселому изліянію чувствъ. Общежитіе безъ водки невысказано. И, конечно, тотъ можетъ почитать себя истинно счастливымъ, кто знаетъ, на какой рюмкѣ ему остановиться, или, лучше сказать, кто рядомъ прозорливыхъ надъ собой наблюденій сумѣлъ въ точности опредѣлить, послѣ какой счетомъ рюмки онъ становится пьянъ. Но, къ сожалѣнію, свойственная человѣку самонадѣянность не всякому дозволяетъ достигнуть сего желательнаго для преуспѣянія народнои нравственности результата.

„Вотъ объ этой-то послѣдней, *пьяной*, рюмкѣ и намѣренъ я бесѣдовать съ вами.

„Гдѣ, въ какомъ притонѣ, въ какомъ товариществѣ человѣкъ находитъ сію пагубную для него рюмку? Дома онъ не найдетъ ея, ибо здѣсь его остановитъ заботливая рука жены, умоляющіе взоры

воспитанных въ страхѣ Божиемъ дѣтей и, наконецъ, благожелательный совѣтъ друга. Въ гостяхъ онъ тоже не найдетъ ея, ибо тутъ его остановитъ простое чувство приличія. Очевидно, стало быть, что онъ найдетъ ее въ такомъ убѣжищѣ, за порогомъ котораго оставляется не только чувство приличія, но и воспоминаніе о семейномъ очагѣ и его радостяхъ. Это мрачное убѣжище — долженъ ли я называть его? — это кабакъ! Здѣсь отецъ семейства, выпивъ пагубную рюмку, потребуетъ еще пагубнѣйшей, и затѣмъ, заложивъ сперва сапоги, потомъ шубу, незамѣтно утратитъ уваженіе къ самому себѣ. Здѣсь мать семейства, выведенная изъ терпѣнія безобразнымъ видомъ упившагося мужа, начинаетъ собственноручно расправляться съ нимъ въ виду плачущихъ и недоумѣвающихъ дѣтей. Здѣсь едва вышедшій изъ колыбели ребенокъ уже притворяется пьянымъ и ломается въ угоду развратной толпѣ.

„Вотъ мрачная картина пьянства и тѣхъ безобразныхъ вертеповъ, въ которыхъ оно производится. Надѣюсь, что ея достаточно, чтобъ возбудить въ людяхъ благонамѣренныхъ отвращеніе и даже тошноту. А потому, и имѣя въ виду, что пьянство, сверхъ всего вышеизложеннаго, есть главная причина неимокъ...“

— Ну, тамъ — какъ обыкновенно: слѣдить, наблюдать, увѣщевать и т. д. Ну, какъ по твоему? убѣдительно?

— Превосходно! Особенно съ этой рюмкѣ... Я, братъ, самъ это на себѣ испыталъ! Пьешь-пьешь иногда — и все ничего; и вдругъ — эта рюмка! Такъ вотъ словно и скдситъ тебя! Только я, признаться, думаю, что не въ одномъ кабакѣ можно эту рюмку найти. Вотъ я, напримѣръ, въ кабакѣ не бывалъ, а эту рюмку знаю!

— Еще бы! а я-то?! Но вѣдь мы... на насъ вѣдь неимокъ нѣтъ; да и время у насъ свободное — кому до насъ надобность! Ну, а мужикъ — *c'est autre chose!*

— Да, братъ, мужикъ — это точно, что *autre chose*. Ему нельзя эту рюмку знать, потому что, кромѣ того, что рюмка сама по себѣ денегъ стоитъ, она еще и расчеты его все запутываетъ. Ему, напримѣръ, чѣмъ свѣтъ встать надо, рожь на базаръ везти, а у него голова трещить. Ему санишки изладить нужно, а у него руки дрожать, онъ вмѣсто полоза-то — по рукѣ себя топоромъ ткнулъ!.. Да, мужикъ — это именно *autre chose!* За нимъ еще какъ за ребенкомъ ходить надобно, чтобъ онъ, значить, въ непрестанныхъ физическихъ

трудахъ находился... тогда, и только тогда онъ объ одной рюмкѣ забудеть!

— Вотъ это-то именно я и желаю внушить своимъ подчиненнымъ!

— И прекрасно. Ну-съ, а теперь далѣе.

— Далѣе я поведу войну съ семейными раздѣлами и общиннымъ владѣніемъ. Циркуляры по этимъ предметамъ еще неготовы, но они у меня ужъ здѣсь (онъ ткнулъ себя указательнымъ пальцемъ въ лобъ). Теперь же я могу сказать тебѣ только одно: въ моей системѣ это явленія еще болѣе вредныя, нежели пьянство; а потому я буду преслѣдовать ихъ съ болѣею энергіей, нежели даже та, о которой ты получилъ понятіе изъ сейчасъ прочитаннаго мной документа.

Въ его голосѣ звучало такое искреннее убѣжденіе, такая несомнѣнная рѣшимость, что мнѣ невольно пришло на мысль: да, если этотъ человѣкъ не попадетъ подъ судъ, то онъ покажетъ, гдѣ раки зимуютъ!

— Послушай, однакожь, мой другъ! вѣдь все это: и семейные раздѣлы, и община, и круговая порука — все это находится подъ защитой закона! Стало быть, ты хочешь сдѣлаться паскудскимъ законодателемъ? Но безопасно ли это?

— *Pas de malsaines théories! restons dans la pratique!* Практика въ этомъ случаѣ — самый лучший отвѣтъ. Начнемъ хоть съ тебя. Ты, вотъ, сидишь теперь у себя въ квартирѣ, и ужъ конечно чувствуешь себя подъ защитой закона. И вдругъ — фюить! — *et vous êtes à mille verstes de votre chez-soi, de vos habitudes, de vos amis, de la civilisation... que sais-je enfin!* Вѣдь это возможно, спрашиваю я тебя?

— Конечно, оно не невозможно, но...

— Никакихъ „но“! фюить — и больше ничего! Теперь спрашиваю тебя: ежели я, какъ помпадуръ, имѣю возможность обойти законъ ради какого-то „фюить“, то неужели же я поцеремонюсь сдѣлать то же самое, имѣя въ виду совершить нѣчто дѣйствительно полезное и плодотворное?

— Да, это такъ. То-есть, коли хочешь, оно и не „такъ“, но ужъ если допустить въ принципѣ, что можно дѣлать все, чтѣ хочешь, то лучше свиней разводить, нежели вращать зрачками. Итакъ, это

рѣшено. Ты исполнилъ первую половину своей программы, ты разорилъ кабаки, положилъ предѣлъ семейнымъ раздѣламъ, упразднилъ общину... затѣмъ?

— Затѣмъ начинается собственно положительная часть моего предпріятія. Оплодотвореніе, орошеніе, разведеніе улучшенныхъ породъ скота, указаніе лучшихъ способовъ воздѣлыванія земли и проч. Тутъ я ужъ какъ у себя дома.

— То-есть, какъ въ своемъ собственномъ чухломскомъ хозяйствѣ?

— Да, это будетъ продолженіемъ моего чухломского хозяйства. Но ты не можешь себѣ представить, какіе поразительные результаты я иногда получалъ! Вотъ тебѣ одинъ примѣръ изъ множества: въ 1869 году я приобрѣлъ себѣ ютландскаго борова и ютландскую свинью — какъ ты думаешь, сколько у меня въ настоящую минуту свиней?

— Любопытно!

— Слушай же. Въ 1870 году свинья, въ два раза, принесла мнѣ двадцать поросятъ; въ числѣ ихъ пять боровковъ, изъ которыхъ я трехъ съѣлъ...

— Вкусные?

— Масло. Нѣжность, манность, таяніе... rien de plus exquis! У васъ въ Петербургѣ не имѣютъ объ этомъ ни малѣйшаго понятія! Осталось пятнадцать свинокъ и два боровка. Въ 1871 году та же свинья дала еще двадцать поросятъ, изъ которыхъ семь боровковъ; пять я съѣлъ. Въ 1872 году у меня было на-лицо, кромѣ родичей, двадцать-восемь свинокъ и четыре боровка. Въ 1872 году весь первый приплодъ былъ пущенъ на племя; старую свинью откормили и зарѣзали на ветчину; съ старымъ боровомъ слѣдовало бы поступить такъ же, но жаль стало: какъ производитель, онъ неоцѣнимъ. Я оставилъ его, comme qui dirait, для успленія департамента, какъ оставляютъ старыхъ, опытныхъ чиновниковъ. Пятнадцать молодыхъ свиней, подобно матери своей, поросились по два раза и принесли... триста поросятъ! Изъ нихъ я съѣлъ тридцать-пять боровковъ. Къ 1873 году числилось: пятнадцать свиней приплода 1870 года и тринадцать — приплода 1871 года и четыре борова (старого борова зарѣзали) — все это было пущено на племя. Сверхъ того, на скотномъ дворѣ бѣгало двѣсти-тридцать свинокъ и тридцать-пять бо-

ровковъ. Въ 1873 году результатъ полученъ неслыханный: двадцать-восемь свиней принесли... шестьсотъ поросятъ! Изъ нихъ продано и зарѣзано: двадцать свиней и двѣсти поросятъ. Къ 1874 году числилось на-лицо: четыреста поросятъ и, сверхъ того, двѣсти-тридцать-восемь свиней и тридцать-одинъ боровъ, которые все пущены на племя. Что будетъ въ 1874 году—не знаю!

— Душа моя!—испугался я:—но вѣдь такимъ образомъ можно весь шаръ земной покрыть свиньями!

— И можно бы, еслибъ этому не препятствоваль ножъ и человеческая плотоядность! Но представь себѣ этотъ результатъ въ приложеніи къ народному хозяйству! Представь себѣ его какъ одно изъ многочисленныхъ административныхъ средствъ, находящихся въ моихъ рукахъ... Какой могущественный рычагъ!

Онъ умолкъ, но лицо его говорило краснорѣчивѣе словъ. Все оно сіяло мягкимъ, благожелательнымъ сіяніемъ, все было озарено мыслью: это по части свиней; затѣмъ пойдутъ коровы, овцы, лошади, куры, гуси, утки! Я, съ своей стороны, тоже молчалъ, потому что мною всецѣло овладѣла мысль: сколько-то будетъ свиней у Быстрицына въ 1900 году? Съ какимъ свиннымъ багажемъ онъ закончитъ XIX-е и вступитъ въ XX-е столѣтіе нашей эры?

— И какой навозъ!—продолжалъ онъ вдохновенно:—почти солдатскій! Вѣдь это осуществленіе той мечты, которая не даетъ спать истинному хозяину!

— Итакъ, ты начнешь свою дѣятельность въ Паскудскѣ съ разведенія свиней?

— Желалъ бы; но, къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что эта мѣра слишкомъ радикальная. *Ça prète trop au calembour*. Поэтому я начну съ племенныхъ быковъ. На первый разъ я брошу въ обращеніе по одному на каждую волость: это немного, но ты увидишь, какія они надѣлаютъ чудеса! Да, мой другъ! Міръ экономическій—это міръ чудесъ по преимуществу. Пусти въ народное обращеніе какого-нибудь сментальскаго быка—и черезъ десять лѣтъ ты не узнаешь мѣстности. Природа, люди—все будетъ другое. На мѣсто болотъ—цвѣтушіе луга, на мѣсто обнаженныхъ полей—обильныя пажити...

— Изумительно!

— Говорю тебѣ: это цѣлый міръ волшебствъ!

— Но на чьи же деньги приобретешь ты симентальских быков?

— Га! Это уж они сами! Мой долг подать советъ и наблюдать, чтобъ онъ былъ выполненъ, а деньги—это они сами.

— Разумѣется! Твой долгъ—указать, ихъ долгъ—исполнить!

— Добровольно, *mon cher*, добровольно! Моя система не требуетъ принуждений! Я являюсь на сходъ лично и объясняю...

— Ты! помпадуръ! на сходѣ... и лично!

— Да, душа моя, лично! Я забываю все это мишурное величіе и на время представляю себѣ, что я—простой, добрый деревенскій староста... Итакъ, я являюсь на сходъ и объясняю. Затѣмъ, ежели я вижу, что меня недостаточно поняли, я поручаю продолжать дѣло разъясненія исправнику. И вотъ, когда исправникъ объяснить окончательно—тогда, по его указанію, составляется приговоръ и прикладываются печати... И новая хозяйственная эра началась!

— Прелесть! Мнѣ остается удивляться только одному: какъ это до сихъ поръ тебя проглядѣли! Какъ дозволили тебѣ хоть одну лишнюю минуту прозябать въ Чухломѣ!

Въ отвѣтъ на это Быстрицынъ усмѣхнулся и посмотрѣлъ на меня такъ мило и такъ любовно, что я не удержался и обнялъ его. Обнявшись, мы долго ходили по комнатамъ моей квартиры и все мечтали. Мечтали о всеобщемъ возрожденіи, о золотомъ вѣкѣ, о „курицѣ въ супѣ“ Генриха IV, и, кажется, дошли даже до того, что по секрету шепнули другъ другу фразу: *à chacun selon ses besoins*.

— А начальство? развивалъ ли ты передъ нимъ свои мысли?—спросилъ я, когда мы вдоволь намечтались.

— Въ восхищеніи!

— Ну, и слава Богу!

Словомъ сказать, я такъ пріятно провелъ время, какъ будто присутствовалъ на первомъ представленіи „La Belle Hélène“. Согласитесь, что для первой недѣли великаго поста это очень и очень недурно!

Но другъ мой Глумовъ съумѣлъ-таки разрушить мое очарованіе.

По обыкновенію, онъ вошелъ ко мнѣ мрачный. Мимоходомъ пожалъ мнѣ руку, бросилъ на столъ картузь, усѣлся на диванъ и угрюмо закурилъ папиросу.

— А у меня сейчас Быстрицынъ былъ,—сказалъ я:—онъ въ Паскудскъ помпадуромъ ѣдетъ!

— Скатертью дорога!

— Послушай! Въдь ты знаешь, что онъ послѣдователь или, лучше сказать, основатель той чухломской школы помпадуровъ-зигдителей, которая...

— Знаю.

— Ну, такъ онъ рассказывалъ мнѣ свой планъ дѣйствиій. Ахъ, это очень серьезно, очень, очень серьезно, что онъ задумалъ!

— Напримѣръ?

— Вообрази себѣ, прежде всего онъ хочетъ уничтожить пьянство; потомъ онъ положить предѣлъ крестьянскимъ семейнымъ раздѣламъ и, наконецъ, упразднить сельскую общину... Словомъ сказать, онъ предполагаетъ дѣйствовать à la Pierre le Grand... Изумительно, не правда ли?

— То-есть, упразднять и уничтожать à la Pierre le Grand; а что же онъ, вмѣсто всего этого, à la Pierre le Grand заведетъ?

— Полеводство, птицеводство, скотоводство... mais tout un système! Все это они въ Чухломѣ надумали. Вообрази, онъ въ 1869 году пріорѣлъ для себя ютландскаго борова и ютландскую свинью, и какъ ты думаешь, сколько у него теперь свиней?

— Почемъ мнѣ знать!

— Въ 1874 году его свиное стадо заключало въ себѣ двѣсти-тридцать-восемь свиней, тридцать-одного борова и четыреста поросятъ. Это въ пять лѣтъ—отъ одной пары родичей! И замѣть, что стадо было бы вдвое многочисленнѣе, еслибъ онъ отчасти самъ не ѣлъ, а отчасти не продавалъ лишнихъ поросятъ. Каковъ результатъ!

— Ничего, результатъ важнецкій... хоть бы Коробочкѣ! Только въдь Коробочка à la Pierre le Grand не дѣйствовала, съ сводомъ законовъ не воевала, общинъ не упраздняла, а плодила и прикапливала, не выходя изъ той сферы, которая вполне соответствовала ея разумѣнію!

Удивительный человѣкъ этотъ Глузовъ! Такое иногда сопоставленіе клеить, что просто всякую нить разговора потеряешь съ нимъ. Вотъ хоть бы теперь: ему о Pierre le Grand говоришь, а онъ, ни съ того, ни съ сего, Коробочку приплетъ. И это онъ называетъ „вводить предметъ диспута въ его естественныя границы“! Сколько

разъ убѣждалъ я его оставить эту манеру, которая не столько убѣждаетъ, сколько злитъ—и все не въ прокъ.

„Мнѣ, говоритъ, дѣла нѣтъ до того, что дуракъ обижается, когда вещи по именамъ называютъ! Да и какой прокъ отъ лгавья! Вотъ навозъ испоконъ вѣка принято называть „золотомъ“, а развѣ отъ этого онъ сдѣлался дѣйствительнымъ золотомъ?“ И замѣтилъ, что—человѣкъ служащій, то-есть докладывающій, представляющій на усмотрѣніе, дающій объясненія, получающій чины и кресты, и т. д. Какъ онъ справляется тамъ съ своими сопоставленіями? Правда, онъ иногда говаривалъ мнѣ: „на службѣ, братъ, я всѣ пять чувствъ теряю“—но все-таки какъ-то подозрительно! Какъ ни зажимай носъ, а очутишься съ начальствомъ лицомъ къ лицу—волей-неволей обонять придется!

— Ну, съ какой стати ты Коробочку привелъ?—упрекнулъ я его:—я сказалъ, что Быстрицынъ намѣревается дѣйствовать à la Pierre le Grand... Положимъ, что я употребилъ выраженіе несвойственное, даже преувеличенное, но все-таки...

— Нимало не преувеличенное. У насъ нынче куда ни обернись—все Пьеръ-ле-Гранъ! дешевле не берутъ и не отдають. Любоя помпадуръ ни о чемъ иномъ не думаетъ, кромѣ того, какъ бы руку на что-нибудь наложить или какой-нибудь монументъ на воздухъ взорвать. И все а-ля Пьеръ-ле-Гранъ. Летитъ, братецъ, онъ туда, въ „свое мѣсто“, словно бури, „тьма отъ чела, съ посвиста пыль“, летитъ и все одну думу думаетъ: раззорю! на законъ наступлю! А-ля Пьеръ-ле-Гранъ, значить. А загляни-ка ты ему въ душу: для какой такой, моль, причины, ты, милый человѣкъ, на законъ наступить хочешь?—анъ у него тамъ ничего нѣтъ, кромѣ „фанта“ или шального „проекта всероссійскаго возрожденія, посредствомъ распространенія улучшенныхъ породъ поросятъ“!

— Душа моя! у тебя натура художественная, и потому ты слишкомъ охотно преувеличиваешь! Ты даже самъ не замѣчаешь этого, а право, преувеличиваешь! Къ чему это странное удобовѣреніе буръ! Къ чему эти выраженія: „раззорю! на законъ наступлю“? И это—въ примѣненіи къ Быстрицыну! Къ Быстрицыну, который, не далѣе какъ полчаса тому назадъ, клялся мнѣ, что вся его система держится на убѣжденіи и добровольномъ соглашеніи! Къ Быстрицыну, который

лично — понимаешь! онъ, помпадуръ, и *лично!* — намѣренъ посѣщать крестьянскіе сходы! Гдѣ же тутъ „раззорю“?

— Опомнись! Да вѣдь ты сейчасъ же самъ говорилъ, что онъ сельскую общину упразднить хочетъ, что онъ намѣренъ семейные раздѣлы прекратить!?

— Да, но согласись, что, съ экономической точки зрѣнія, это вѣдь вещи дѣйствительно вредныя! что при существованіи ихъ чловѣкъ, который намѣревается положить начало новой сельскохозяйственной эрѣ, не можетъ же не чувствовать себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ!

Фраза эта вылилась у меня совершенно нечаянно, но, признаюсь, очень мнѣ понравилась. Я даже вознамѣрился, пользуясь симъ случаемъ, прочесть Глумову краткую экономическую предіку, въ которой изъяснить, что съ одной стороны несомнѣнно доказано, а съ другой стороны опытъ народовъ свидѣтельствуешь... Но, къ удивленію моему, Глумовъ не только не увлекся моимъ краснорѣчіемъ, но даже разсердился. Онъ вскочилъ съ дивана и нѣкоторое время не говорилъ, а только разѣвалъ ротъ, какъ чловѣкъ, находящійся подъ впечатлѣніемъ сильнѣйшаго гнѣва.

— Да кто же тебѣ сказалъ! — разразился онъ, наконецъ, но, къ удовольствію моему, тотчасъ же сдержалъ себя, и уже спокойнымъ, хотя все же строгимъ голосомъ продолжалъ: — слушай! дѣло не въ томъ, вредны или полезны тѣ явленія, которыя Быстрицынъ намѣревается сокрушить, въ видахъ безпрепятственнаго разведенія поросятъ, а въ томъ, имѣетъ ли онъ право дѣйствовать à la Pierre le Grand относительно того, что находится подъ защитой дѣйствующаго закона!

— Представь себѣ, я вѣдь самъ сдѣлалъ ему именно это возраженіе!

— Ну?

— И знаешь, что онъ отвѣтилъ мнѣ? Онъ отвѣтилъ: „если можно обойти законъ для того, чтобы безпрепятственно произносить „фюптъ“, то неужели же нельзя его обойти въ видахъ возрожденія?“ И я вынужденъ былъ согласиться съ нимъ!

— И ты „вынужденъ былъ согласиться съ нимъ“! — передразнивалъ меня Глумовъ.

— Да, потому что если можно дѣлать все, что хочешь, то, конечно, лучше дѣлать что-нибудь полезное, нежели вредное!

И такъ пекусно игралъ спллогизмомъ: „полезная вещь полезна; Быстрицынъ задумалъ вещь полезную; слѣдовательно задуманное или полезно“, что Глузовъ даже вытаращилъ глаза. Однако онъ и на этотъ разъ сдержалъ себя.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ:—ну, Быстрицынъ упразднить общину и разведеть поросятъ.

— Не однихъ поросятъ! Это только одинъ примѣръ изъ множества! Тутъ цѣлая система! скотоводство, птицеводство, пчеловодство, табаководство...

— И даже хрѣноводство, горчицеводство... пусть такъ. Допускаю даже, что все пойдетъ у него отлично. Но представь себѣ теперь слѣдующее: сосѣдъ Быстрицына, Петенька Толстолобовъ, тоже пожелаетъ быть реформаторомъ а-ля Пьеръ-ле-Гранъ. Видитъ онъ, что штука эта идетъ на рынкѣ бойко и думаетъ: семъ-ка, я удеру штуку, прекращу празднованіе воскресныхъ дней, а вмѣсто того заведу клоповодство!

— И опять-таки преувеличеніе! Клоповодство! Преувеличеніе, душа моя, а не возраженіе!

— Хорошо, уступаю и въ этомъ. Ну, не клоповодствомъ займется Толстолобовъ, а устройствомъ... положимъ, хоть фаланстеровъ. Вѣдь Толстолобовъ—царень рѣшительный: ему всякая штука въ голову можетъ придти! А на него глядя, и Феденька Кротцовъ возопіеть: а нутко я насчетъ собственности пройдуся! И тутъ же, не говоря худого слова, декретируетъ: жить всѣмъ, какъ во времена апостольскія живали! Какъ ты думаешь, ладно такъ-то будетъ?

Увы! я даже не могъ отвѣтить на вопросъ Глузова. И страдалъ. И такъ жаждалъ „отрадныхъ явленій“, я такъ твердо былъ увѣренъ въ томъ, что не дальше, какъ черезъ два-три мѣсяца прочту въ „нашей уважаемой газетѣ“ корреспонденцію изъ Паскудска, въ которой будетъ изображено: „Съ нѣкотораго времени нашъ край по истинѣ сдѣлался ареной отрадныхъ явленій. Давно ли со всѣхъ сторонъ стекались мірскіе приговоры объ уничтоженіи кабаковъ, какъ развратителей нашего добраго, простодушнаго народа,—и вотъ снова отовсюду протекають новые приговоры, пзъ коихъ явствуетъ, что сельская община въ сознаніи самихъ крестьянъ является единственнымъ препятствіемъ къ пышному и всестороннему развитію нашей производительности!“ Да, я ждалъ всего, я надѣялся, я предвку-

шалъ! И вдругъ—картина! Клоповодство, фаланстеры, возвращеніе апостольскихъ временъ! И что всего грустнѣе—я не могъ даже сказать Глумову: ты преувеличиваешь! ты говоришь неправду! Увы! я слишкомъ хорошо зналъ Толстолобова, чтобы позволить себѣ подобное обличеніе. Да, онъ ни передъ чѣмъ не остановится, этотъ жестоковѣйный человѣкъ! онъ покроетъ міръ фаланстерами, онъ разрѣжетъ грошъ на миллионъ равныхъ частей, онъ засѣетъ всѣ поля персидской ромашкой! И при этомъ будетъ, какъ вихрь, летать изъ края въ край, возглашая: га-га-га, го-го-го! Сколько онъ перековеркаетъ, сколько людей перекалѣчитъ, сколько добра погадитъ, покамѣстъ самъ, наконецъ, попадетъ подъ судъ! А вмѣсто него другой придетъ и начнетъ перековерканное расковеркивать и опять возглашать: га-га-га! го-го-го! Вѣдь были же картофельныя войны, были попытки фаланстеровъ въ формѣ военныхъ поселеній, были импровизированныя, декоративныя селенія, дороги, города? Что осталось отъ этихъ явленій! И что стоило ихъ коверканье и расковерканье!

— А я бы на твоёмъ мѣстѣ,—продолжалъ между тѣмъ Глумовъ,—обратился къ Быстрицкому съ слѣдующею рѣчью: Быстрицкій! ты безспорно хорошій и одушевленный добрыми намѣреніями человѣкъ! но ты берешься за такое дѣло, которое ни въ какомъ случаѣ тебѣ не принадлежитъ. Хороша ли сельская община, или дурна, препятствуетъ ли она развитію производительности, или не препятствуетъ—это вопросъ спорный, рѣшеніе котораго (и въ особенности рѣшеніе практическое) вовсе до тебя не относится. Предоставь это рѣшеніе тѣмъ, кто прямо заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ; самъ же не мудруй, не смущай умовъ и на законъ не наступай! Помни, что ты—помпадуръ, и что твое дѣло не созидать, а слѣдить за цѣлостью созданнаго. Созданы, на примѣръ, гласные суды—ты, какъ левъ, стремишься на защиту ихъ! Созданы земства—смотри, чтобы даже вѣтеръ не смѣлъ вѣнуть на нихъ! Тогда ты будешь почтенъ и даже при жизни удостоишься монумента. Творчество же оставь и затѣмъ—гряди съ миромъ.

— Но что же, наконецъ, дѣлать?—воскликнулъ я съ тоскою:—что дѣлать, ежели, съ одной стороны, для административнаго творчества нѣтъ арены, ежели, съ другой стороны, суды препятствуютъ, земства препятствуютъ, начальники отдѣльныхъ частей

препятствуютъ, и ежели, за всёмъ тѣмъ, помпадуръ обладаетъ энергіей, которую надобно же какъ-нибудь помѣстить?.. Гдѣ же исходъ?

— А ежели человекъ ужъ черезъ край изобилуетъ энергіей, то существуетъ прелестное слово: „фюить“, которое даже самаго жестокаго человека по горло удовлетворить можетъ!

— Фюить! помилуй! да это, наконецъ, постыдно!

— Постыдно, даже глупо, но до известной степени отвѣчаетъ потребностямъ минуты. Во-первыхъ, нѣчего больше говорить. Во-вторыхъ, это звукъ, который, какъ я уже сказалъ, представляетъ очень удобное помѣщеніе для энергіи. Въ-третьихъ, это звукъ краткій и потому затрогивающій только единичныя явленія. Тогда какъ пресловутое зидительство разомъ коверкаетъ цѣлый жизненный строй...

XI. — Единственный.

УТОПИЯ.

Это былъ несомнѣнно самый простодушный помпадуръ въ цѣломъ мірѣ.

Природа создала его въ одну изъ тѣхъ минутъ благодатной тишины, когда изъ материнскаго ея лона на всѣхъ льется миръ и благоволеніе. Въ эти краткія мгновенія во множествѣ рождаются на свѣтъ люди не весьма прозорливые, но скромные и добрые; рождаются и, къ сожалѣнію, во множествѣ же и умираютъ... Но умныя муниципіи подстерегаютъ уцѣлѣвшихъ и, по достиженіи ими законнаго возраста, ходатайствуютъ о нихъ передъ начальствомъ. И со временемъ пользуются плодами своей прозорливости, то-есть бываютъ счастливы.

Увы! съ каждымъ днемъ подобныя минуты становятся все болѣе и болѣе рѣдкими. Нынче и природа дѣлается словно озлобленною, и все творитъ помпадуровъ неумныхъ, но злыхъ. Злые и неумные, они мечутся изъ угла въ уголъ и въ безумной рѣзвости скачутъ по доламъ и по горамъ, воздымая прахъ земли и наполняя имъ вселенную. Съ чего рѣзвятся? надъ кѣмъ и надъ чѣмъ празднуютъ побѣду?

Но этотъ помпадуръ, даже среди необыкновенныхъ, былъ самый

необыкновенный. Начальственного любомудрія не было въ немъ ни сколько. Во время прогулокъ, когда прохожіе снимали передъ нимъ шапки, онъ краснѣлъ; когда же усматривалъ, что часовой на тюремной мушкетѣ, завидѣвъ его, готовится дернуть за звонокъ, то мысленно желалъ провалиться сквозь землю и немедленно сворачивалъ куда-нибудь въ сторону.

— Не люблю я этихъ выбѣганій! — говорилъ онъ: — прибѣгутъ, какъ шальные, выпучатъ глаза, ружьями бидать начнутъ — что хорошаго!

Даже съ квартальными онъ позволялъ себѣ быть простодушнымъ. Не допускалъ, чтобы квартальный ожесточалъ обывателя, не скорбѣлъ, когда и обыватель забывалъ о квартальномъ.

— Квартальный, — говорилъ онъ, — *всенепременно* долженъ быть сытъ, одѣтъ и обутъ; обыватель же все сіе воленъ исполнить по мѣрѣ возможности. Ежели онъ и не очень сытъ, то съ него не взыщется!

Ни наукъ, ни искусствъ онъ не зналъ; но если попадалась подъ руку книжка съ картинками, то разсматривалъ ее съ удовольствіемъ. Въ особенности нравилась ему повѣсть о походахъ Робинзона Крузо на необитаемомъ островѣ (къ счастью, изданная съ картинками).

— Эту книгу, — выражался онъ: — всякій русскій человѣкъ въ настоящее время у себя на столѣ безсмѣнно держать долженъ. Потому кто можетъ заранее опредѣлить, на какой онъ островъ попасть можетъ? И сколько, теперича, есть въ нашемъ отечествѣ городовъ, гдѣ ни хлѣба испечь не умѣютъ, ни супу сварить не изъ чего! А ежели кто эту книгу основательно знаетъ, тотъ самъ все сіе и испечетъ, и сваритъ, а по времени, быть можетъ, даже и другихъ къ употребленію подлинной пищи приспособитъ!

Въ администраціи онъ былъ философъ, и былъ убѣжденъ, что самая лучшая администрація заключается въ отсутствіи таковой.

— Ежели я живу смирно и лишняго не выдумываю, — внушалъ онъ своему письмоводителю, — то и всѣ прочіе будутъ смирно жить. Ежели же я буду выдумывать, а тѣмъ паче писать, то непременно что-нибудь выдумаю: либо утѣшеніе, либо просто глупость. А тогда и прочіе начнутъ выдумывать, и выйдетъ у насъ смятеніе, то-есть кавардакъ.

Этого мало: онъ даже полагалъ (и, быть можетъ, не безъ основанія), что въ каждой занумерованной и писанной на бланкѣ бумагѣ непременно заключается чья-нибудь погибель, а потому принялъ себѣ за правило изъ десяти подаваемыхъ ему къ подписи бумагъ подписывать только одну.

— Вы ко мнѣ съ бумагами какъ можно рѣже ходите, — говорилъ онъ письмоводителю: — потому что я не разорять пріѣхалъ, а созидать-сь. Погубить человѣка не трудно-сь. Черкнулъ: „Помпадуръ 4-й“, и нѣтъ его. Только я совсѣмъ не того хочу. Я и самъ хочу быть живъ, и другимъ того же желаю. Чтобъ все были живы; и я, и вы, и прочіе-сь! А ежели вамъ не втерпѣжъ бумаги писать, то можете для своего удовольствія строчить сколько угодно, я же подписывать не согласенъ.

Иногда онъ развивалъ свои административныя теоріи очень подробно.

— Всякій, — говорилъ онъ, — кого ни спросите, что онъ больше любитъ, будни или праздники? — навѣрное отвѣтитъ: праздникъ. Почему-сь? а потому, государь мой, что въ праздникъ начальники бездѣйствуютъ, а слѣдовательно нѣтъ ни бунтовъ, ни соотвѣствующихъ имъ экзекуцій. Я же хочу, чтобъ у меня всякій день праздникъ былъ, а чтобы будни, въ которые бунты бывають, даже изъ памяти у всехъ истребились!

Или:

— До сихъ поръ такъ было, что обыватель тогда только считалъ себя благополучнымъ, когда начальникъ находился въ отсутствіи. Сіи дни праздновали и, въ ознаменованіе общей радости, ѣли пироги. Почему, спрашиваю я васъ, все сіе именно такъ происходило? А потому, государь мой, что съ отъѣздомъ начальника наставала тишина. Никто не скакалъ, не кричалъ, не спѣшилъ, а слѣдовательно и не сквернословилъ-сь. Я же хочу, чтобы на будущее время у меня такъ было: если я даже присутствую, пускай всякій полагаетъ, что я нахожусь въ отсутствіи!

Но что болѣе всего привлекало къ нему сердца — это административная стыдливость, доходившая до того, что онъ не могъ произнести слово „сѣчь“, чтобъ не сгорѣть при этомъ со стыда.

Когда онъ прибылъ въ городъ, то прежде всего, разумѣется, пожелалъ ознакомиться съ дѣлами. Письмоводитель сразу вынесъ ему

цѣлый ворохъ. Но когда онъ развернулъ одно изъ нихъ, то первая попавшаяся ему на глаза фраза была слѣдующая:

„... когда же начали ихъ сѣчь...“

Онъ покраснѣлъ и поспѣшно обратился къ другому дѣлу. Но тамъ тоже было написано:

„... а потому начали ихъ сѣчь вновь...“

Тогда онъ покраснѣлъ еще больше, и съ этой минуты рѣшился разъ навсегда никакихъ дѣлъ не читать.

— Всѣ дѣла въ такомъ родѣ?—застѣнчиво обратился онъ къ письмоводителю.

— Послабленій не допускается-сь.

— Какая, однакожь, печальная необходимость! — задумчиво воскликнулъ онъ, и затѣмъ шопотомъ продолжалъ: — и часто бывають у васъ революціи?

— Одна въ годъ—это какъ калачъ испечь, а то такъ и двѣ.

— Грустно! И зачѣмъ это люди дѣлають революціи—не постигаю! не лучше ли жить смирно, аккуратно и быть счастливыми... безъ революцій?

— Осмѣлюсь доложить, это все умники-сь. А глядя на нихъ, и дураки замѣтвуются-сь.

Помпадуръ задумался.

— А знаете ли, — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: — бакая мнѣ вдругъ мысль въ голову пришла?

— Не могу знать-сь.

— Что революцій собственно никакихъ нѣтъ и не бывало-сь!

Письмоводитель даже глаза выпучилъ: до того неумѣтною показала ему подобная выходка со стороны челоуѣка, называющаго себя помпадуромъ.

— Какъ это возможно-сь?—бормоталъ онъ: — всѣ кварталныя въ одинъ голосъ доносятъ-сь!

Но помпадуръ уже не слушалъ возраженій и, ходя въ волненіи по комнатѣ, убѣжденнымъ голосомъ говорилъ:

— Да-сь; нѣтъ революцій, и не бывало! Вы думаете, что было во Франціи въ 1789 году? революція-сь? Отнюдь-сь! Просто-напросто умные люди объ умныхъ предметахъ промежду себя разговоръ хотѣли имѣть, а господамъ французскимъ кварталнымъ показалось, что какія-то революціи затѣваются-сь!

Эта мысль была для него какъ бы откровеніемъ. Заручившись еѣ, онъ вдругъ совершенно ясно созналъ все, что дотолѣ лишь смутно мелькало на днѣ его доброй души.

— Да-съ, — продолжалъ онъ развивать свой взглядъ: — еслибъ господа квартальные поостереглись, многихъ бы неприятностей можно было избѣжать! Да и что за радость отыскивать революціи — не постигаю! Еслибъ даже доподлинно таковыя въ зародышѣ существовали, чѣмъ оня преждевременно пробуждать и накликать-съ? Не лучше ли тихимъ манеромъ это дѣло обдѣлать, чтобы оно, такъ сказать, изморомъ изныло, чѣмъ во всеуслышаніе объявлять: вотъ, молъ, мы каковы! каждый годъ по революціи дѣлаемъ! А ежели ужъ нельзя это паскудство скрыть, то все же предварительно увѣщевать, а не сѣчь господъ революціонеровъ надлежитъ!

— Пыталиэтакъ-то... — скептически замѣтилъ письмоводитель.

— Нѣтъ, вы поймите меня! Я подлинно желаю, чтобы всѣ были живы! Вы говорите: во всемъ виноваты „умники“. Хорошо-съ. Но ежели мы теперича всѣхъ „умниковъ“ изведемъ, то какъ вы полагаете, великъ ли мы авантажъ получимъ, ежели съ одними дураками останемся? Вамъ, государь мой, конечно, оно неизвѣстно, но я по собственному опыту эту штуку отлично знаю! Однажды, доложу вамъ, въ походѣ мнѣ три дня пришлось глазъ-на-глазъ съ дуракомъ просидѣть, такъ я чуть рукъ на себя не наложилъ! Такъ-то-съ.

Письмоводитель нѣсколько разъ разѣвалъ ротъ для возраженій, но тщетно. Онъ ходилъ по комнатѣ и твердилъ свое: „не вѣрю! ничему я этому не вѣрю“. Наконецъ остановился и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Не только въ революціи, я даже въ чорта не вѣрю. И вотъ по какому случаю. Однажды, будучи въ кадетскомъ корпусѣ — разумѣется, съ голоду — пожелалъ я продать чорту душу, чтобы у меня каждый день булокъ вволю было. И что-же-съ? вышелъ я ночью во дворъ-съ и кричу: „чортъ! явись!“ Анъ вмѣсто чорта-то явился вахтеръ, заарестовалъ меня, и я въ то время чуть-чуть не подвергся исключенію-съ. Вотъ оно, легковѣріе-то, къ чему ведетъ!

— Оно точно-съ, — отвѣчалъ письмоводитель, но какъ-то вяло, какъ будто ему до смерти хотѣлось спать: — многіе нынче въ чорта не вѣруютъ!

— И знаете ли что еще? — продолжалъ онъ, горячася все больше:

— всё эти рассказы объ революціяхъ напоминаютъ мнѣ исторію съ жидомъ, у котораго въ носу свистѣло. Идетъ онъ по лѣсу и весь даже въ поту отъ страха: все кажется, что кругомъ разбойники пересвистываются! И только ужъ когда онъ вдоволь надрожался, вдругъ его словно обухомъ по головѣ: „а вѣдь это у меня въ носу“... Такъ-то-съ.

И дѣйствительно, какъ ни старались квартальные измѣнить его взглядъ на дѣла внутренней политики, онъ оставался непоколебимъ и на всё предостереженія неизмѣнно давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Нѣтъ революцій-съ! нѣтъ и никогда не бывало-съ!

Мало того: даже арестовалъ квартальнаго Перенелкина, когда тотъ, весь блѣдный и почти ополоумѣвшій отъ страха, прибѣжалъ объявить, что въ сосѣдней рощѣ снигири затѣяли бунтъ.

— Это вы, милостивый государь, бунтъ затѣваете,—сказалъ онъ ему:—а не снигири-съ! Снигирь—птица небольшая и къ ученію склонная-съ—зачѣмъ ей бунтовать? Застрѣлить ее недолго-съ; только кто же тогда въ нашихъ рощахъ свистѣть будетъ-съ? Извольте, государь мой, снять сапоги и сѣсть подъ арестъ-съ!

И что же вышло? Сначала, дѣйствительно, обывателямъ казалось нѣсколько страннымъ, что выискался такой помпадуръ, который не вѣрить въ бунты, но мало-по-малу и они начали осваиваться съ этимъ взглядомъ. Прошелъ годъ, прошелъ другой; снигири свистали и щебетали во всѣхъ рощахъ, а революцій все не было.

— А мы думали, что это-то самая революція и есть!—тольковали межъ собой обыватели:—поди-жь ты!

Онъ же, ласковый и простодушный, ходилъ по улицамъ, и не только никого не ловилъ, но, напротивъ того, радовался, что всякій при какомъ-нибудь дѣлѣ находится, а онъ одинъ ничего не дѣлаетъ и тѣмъ цѣлому городу счастье приноситъ.

Однакожь было одно напоминаніе, которое угнетало его, и это напоминаніе заключалось въ словѣ: помпадуръ.

Среди разнообразія помпадурскихъ прерогативъ онъ въ особенности боялся одной: предстоящаго ему выбора помпадурши. Въ безчисленномъ множествѣ помпадуршъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ исторія, онъ не зналъ ни одной, которая довела бы своего помпадура до добра. Въ сознаніи своего помпадурства, онъ, еще будучи въ ка-

детскомъ корпусѣ, до малѣйшей подробности изучилъ литературу этого вопроса, и убѣдился, что въ концѣ помпадурскихъ любовныхъ предпріятій никогда ничего не стояло, кромѣ погибели. И что всего важнѣе—погибель была такъ сладка, что помпадуры сами влеклись въ ней и утопали въ морѣ утѣхъ, нимало не заботясь о своевременномъ выполненіи получаемыхъ отъ начальства предписаній. Опутанные любовными сѣтями, помпадуры, несомнѣнно бодрые, дѣлались въ самое короткое время неузнаваемыми. Тѣлодвиженія ихъ утрачивали развязность; глаза становились тусклыми и неспособными проникать въ сердца подчиненныхъ; языкъ отказывался отъ произнесенія укорительныхъ выраженій; даръ сердецвѣдѣнія пропадалъ совершенно. Все это онъ понималъ—и за всеѣмъ тѣмъ чувствовалъ, что надъ нимъ тяготѣетъ фатумъ, котораго онъ ни предотвратить, ни отдалить не въ силахъ.

Искушенія, которыя преслѣдовали его съ самой минуты пріѣзда въ городъ, придавали еще болѣе цѣны его борьбѣ. Еще не успѣвъ онъ какъ слѣдуетъ ознакомиться съ мѣстнымъ обществомъ, какъ уже стало ясно, что усилія всеѣхъ первѣйшихъ въ городѣ дамъ направлены къ тому, чтобъ какъ можно скорѣе пробудить въ немъ инстинктъ помпадурства. Узнавали, какія онъ любитъ плечи, какой ростъ, цвѣтъ волосъ, походку. Нѣкоторыя выхваляли при этомъ добродушіе своихъ мужей и давали понять, что съ этой стороны никакихъ опасеній не можетъ существовать. Но онъ какъ-то загадочно относился ко всеѣмъ этимъ заискиваніямъ и оболещеніямъ.

— Всякая походка хороша-съ, ежели ее украшаетъ добродѣтель,—отвѣчалъ онъ на ухаживанья; а ежели замѣчалъ, что и затѣмъ какая-нибудь предпримчивая предсѣдательша или начальница отдѣльной части продолжаетъ дѣйствовать наступательно, то вѣжливо шаркалъ ножкой и уходилъ прочь.

Очевидно, что у него былъ свой планъ, осуществленіе котораго онъ отложилъ до тѣхъ поръ, пока фатумъ окончательно не пристигнетъ его. Планъ этотъ заключался въ томъ, чтобы, не уклоняясь отъ выполненія помпадурскаго назначенія, устроить это дѣло такъ, чтобы оно, по крайней мѣрѣ, не сопровождалось пушечною пальбою.

Прежде всего, вниманіе его, разумѣется, остановилось на такъ-пазываемой благородной интригѣ. Но, разсмотрѣвъ этотъ проектъ со всеѣхъ сторонъ, онъ долженъ былъ сознаться, что осуществленіе

его сопряжено со множеством случайностей, которыя положительно могутъ замутить административную ясность его души. Что высокопоставленная помпадурша отличается большею нѣжностью и бѣлизною кожи и вообще смотритъ какъ-то сытѣе, нежели помпадурша изъ низкаго званія—это было для него ясно. Но этимъ и ограничивались всѣ преимущества, а затѣмъ открывался цѣлый рядъ такихъ неудобствъ, которыя не выкупались ни роскошью бюста, ни тонкостью прикрывающаго его батиста.

— Удовольствіе отъ этихъ кружевницъ все то-же-съ, только крику больше, — отвѣчалъ онъ услужливымъ людямъ, соблазнявшимъ его картиною помпадурши, утопающей въ батистѣ и кружевахъ. Затѣмъ онъ уже не возвращался болѣе къ этому плану.

Надлежало сыскать другую комбинацію, и онъ дѣятельно занялся этимъ. Самую лучшею казалась, конечно, такая, при которой мягкое тѣло соединялось бы съ простодушіемъ. Счастливое соединеніе этихъ качествъ можно было найти или въ средѣ упитаннаго и взлелѣяннаго пуховиками купечества, или въ средѣ мѣщанства, занимающагося содержаніемъ постоянныхъ дворовъ, харчевень и кабаковъ. Но тутъ же встрѣчались серьезныя препятствія, которыя невозможно было пройти безъ вниманія. Во-первыхъ, онъ предвидѣлъ, что мѣстная аристократія никакъ не проститъ ему связи съ мѣщанкой. Во-вторыхъ, онъ задумывался и надъ тѣмъ, какъ посмотреть на подобную связь начальство. Конечно, съ точки зрѣнія государственной, лучше, если помпадуръ выбираетъ себѣ помпадуршу изъ низкаго званія, ибо это содѣйствуетъ сліянію сословій. Но не всякій начальникъ способенъ возвыситься до государственной точки зрѣнія; большая же часть дѣйствуетъ просто, безъ высшихъ точекъ зрѣнія, смотря по тому, какая система помпадурства, батистовая или затрапезная, господствуетъ въ данную минуту.

Однимъ словомъ, какъ онъ ни углублялся, ни взвѣшивалъ, все было мракъ и сомнѣніе въ этомъ вопросѣ. Ни уставовъ, ни регламентовъ—ничего. Одно оставалось яснымъ и несомнѣннымъ: что онъ помпадуръ и что не-помпадурствовать ему невозможно.

А судьба уже бодрствовала за него, и на сей разъ бодрствовала совершенно правильно, ибо помогала добродѣтельнѣйшему изъ всѣхъ въ мірѣ помпадуравъ выйти съ честью изъ затрудненія.

Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе трогательное и наивное, какъ исторія его сближенія съ нею.

Шелъ онъ однажды по городу и, по обыкновенію, никого не ловилъ. И вдругъ видитъ: стоитъ у дверей кабака баба и грызетъ подсолнухи. Баба была какъ всѣ вообще бабы, выросшія въ холѣ подъ сѣнію постоялаго двора или за прилавкомъ кабака: широкая, толстомясая, большеглазая, съ круглымъ лицомъ и такъ-называемыми сахарными грудями. Однакожь онъ тотчасъ же сообразилъ, что если эту бабу въ хорошія руки, то она *вся* сдѣлается сахарная. Но такъ какъ дѣло было днемъ, то сейчасъ приступить онъ не рѣшился, а только посѣменилъ ножками, чтобъ дать бабѣ понять.

По наступленіи вечера, онъ снова пошелъ по тому же направленію и увидѣлъ, что баба опять стоитъ у дверей, очевидно уже не случайно. Она была примята, приглажена, скалила зубы и не безъ лукавства смотрѣла на него своими выпученными глазами.

— Сахарная будешь!—молвилъ онъ про себя и, подойдя къ бабѣ, спросилъ отрывисто:—вы чьихъ-съ?

— Была мужняя, теперь вдова стала,—отвѣтила она, заалѣвшись.

— Кабакъ—вашъ-съ?

— Съ батюшкой хозяйствуемъ.

— Меня знаете-съ?

— Своихъ начальниковъ да не знать?!

Онъ нѣкоторое время стоялъ и, видимо, хотѣлъ что-то сказать; быть можетъ, онъ даже думалъ сейчасъ же предложить ей раздѣлить съ нимъ бремя власти. Но вмѣсто того только развѣвалъ ротъ и ткнулся корпусомъ впередъ. Она тоже молчала и, повернувъ въ сторону рдѣющее лицо, потихоньку смѣялась. Вдругъ онъ взглянулъ впередъ и увидѣлъ, что изъ-за угла сосѣдняго дома высовывается голова частнаго пристава и съ любопытствомъ слѣдитъ за его движеніями. Какъ ужаленный, онъ круто повернулъ налѣво кругомъ и быстрыми шагами сталъ удаляться назадъ.

Цѣлый тотъ вечеръ онъ тосковалъ и болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствовалъ себя помпадуромъ. Чтобы разсѣять себя, пѣлъ сигналы, повторялъ одиночное ученіе, но и это не помогало. Наконецъ, усѣлся у окна противъ мѣсяца и началъ млѣть. Но въ эту минуту явился частный приставъ и разрушилъ очарованіе, доложивъ, что пойманъ

съ поличнымъ мошенникъ. Надо было видѣть, какъ онъ вскипѣлъ противъ этого ретиваго чиновника, уже двукратно нарушившаго млѣніе души его.

— Восца у васъ, милостивый государь! — кричалъ онъ: — сколько разъ говорено вамъ; оставьте! Оставьте, милостивый государь, русскимъ языкомъ повторяю я вамъ!

Но по уходѣ пристава тоска обуяла еще пуще. Цѣлую ночь метался онъ въ огнѣ, и ежели забывался на короткое время, то для того только, чтобъ и во снѣ увидѣть, что онъ помпадуръ. Наконецъ, истощивъ всѣ силы въ борьбѣ съ бессонницей, онъ покинулъ одинокое ложе и принялся за чтеніе „Робинзона Крузо“. Но и тутъ его тотчасъ же поразила мысль: чтѣ было бы съ нимъ, если бы онъ, вмѣсто Робинзона, очутился на необитаемомъ островѣ? Какимъ образомъ исполнилъ бы онъ свое назначеніе?

Ни спать, ни читать не представлялось никакой возможности...

— Сахарная! — вскричалъ онъ въ какомъ-то дикомъ изступленіи и тотчасъ же собрался бѣжать.

Было раннее утро; заря едва занялась; городъ спалъ; пустынные улицы смотрѣли мертво. Ни одинаго звука, кромѣ нерѣшительнаго чириканья кое-гдѣ просыпающихся воробьевъ; ни одинаго живого существа, кромѣ боязливо озирающихся котовъ, возвращающихся по домамъ послѣ ночныхъ походовъ (какъ онъ завидовалъ имъ!). Даже собаки — и тѣ спали у воротъ, свернувшись калачикомъ и вздрагивая подъ вліяніемъ утренняго холода. Надъ городомъ висѣла туманъ; тротуары были влажны; деревья въ садахъ заснули, словно повитыя волшебной дремой.

Онъ шелъ и чувствовалъ, что онъ помпадуръ. Это чувство ласкало, нѣжило, манило его. Ни писмоводителя, ни квартальнаго, ни приставовъ — ничего не существовало для него въ эту минуту. Несмотря на утренній полусумракъ, воздухъ казался проникнутымъ лучами; несмотря на глубокое безмолвіе, природа казалась изнемогающею подъ бременемъ какого-то кипучаго и нетерпѣливо-просящагося наружу ликованія. Онъ зналъ, что онъ помпадуръ, и зналъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Грудь его саднило; блаженство катилось по всѣмъ его жиламъ.

И вдругъ его обожгло. Изъ-за перваго же угла, словно изъ-подъ земли, выросъ квартальный и, гордый сознаниемъ исполненнаго долга,

дѣлалъ рукою подѣ козырекѣ. Въ испугѣ онѣ взглянулѣ впередѣ; тамѣ въ перспективѣ виднѣлся цѣлый лѣсъ квартальныхѣ, которые, казалось, только и ждали момента, чтобѣ вытянуться и сдѣлать подѣ козырекѣ. Онѣ понялъ, что и на сей разѣ его назначеніе, какѣ помпадура, не будетѣ выполнено.

На другой день онѣ собралѣ квартальныхѣ и сказалѣ имѣ:

— Я желаю, господа, чтобѣ вы не беспокоили себя по ночамѣ.

Но квартальные не поняли и гаркали, что имѣ не въ тягость, а въ сласть, и т. п.

— Я желаю, господа, чтобѣ вы не беспокоили себя по ночамѣ! — все еще кротко, но уже вразумительнѣе повторилѣ онѣ.

Но квартальные продолжали гаркать. Тогда онѣ понялъ, что тутѣ существуетѣ недоразумѣніе, и твердымѣ голосомѣ произнесѣ:

— Русскимѣ языкомѣ вамѣ, прохвосты, говорю: не смѣть меня подстерегать по ночамѣ!

Квартальные пошли.

Благодаря этой мѣрѣ, „они“ свидѣлись. Озираясь и крадучись, пробрался онѣ на зарѣ въ Развѣзжую слободку, гдѣ стоялъ ея домикѣ. Квартальные притворились спящими. Будочники, завидѣвъ его приближеніе, исчезали въ подворотни сосѣднихѣ домовъ. Она стояла у открытаго окна... она! Широкая, дородная, бѣлая, вся сахарная! Она ждала.

— Вы-сь?—спросилѣ онѣ полу-дерзновеннымѣ, полу-испуганнымѣ голосомѣ.

Стыдясь, она закрыла лицо рукавомѣ, но слышно было, какѣ уста ея шептали: „ахѣ! великія наши согрѣшенія!“

— Желаєте ли вы, сударыня, жить со мною внѣ онаго, но все равно какѣ бы въ оноу?—спросилѣ онѣ ее твердымѣ голосомѣ.

Она слегка дрогнула, но все еще перемогала себя.

— Слушай-ко,—сказала она, не то кокетничая, не то маскируя свое смущеніе:—я вамѣ лучше загадку загаду. *Взгляну я въ окошко, стоитѣ рѣпы лукошко*—что, по вашему, будетѣ?

— Рѣпа-сь!—отвѣчалѣ онѣ, и даже хихикнулѣ отѣ переполнявшаго его умиленія.

— Ахѣ звѣзды!

— Звѣзды-сь?—изумилѣ онѣ.

Послѣдовала минута молчанія; оба тяжело и порывисто ды-

шали, а онъ даже чуть-чуть сопѣлъ. Она прервала томительное безмолвіе.

— Вѣдь ты, поди, для лакомства?—сказала она чуть слышно. Онъ замычалъ.

— Ежели для одного лакомства будешь любить,—продолжала она,—и въ томъ я вамъ запрещаю! Извольте безъ труда оставить!

Онъ замычалъ вторично.

— И чтѣ ты во мнѣ, въ бабѣ, лестнаго для себя нашель?!—вдругъ вскрикнула она, простирая руки.

Она сама не знала, за чтѣ онъ ее полюбилъ.

— За чтѣ ты меня любишь?—говорила она ему:—чтѣ ты во мнѣ, бабѣ, лестнаго для себя нашель? Ни я по французскому, ни я принять, ни поговорить! Вотъ развѣ тѣло у меня бѣлое...

— За тѣло-сь и за простоту-сь,—отвѣчалъ онъ, сиѣша успокоить ея сомнѣнія.

И точно: простоты она была необыкновенной. Даже квартальнымъ—и тѣмъ жаловалась:

— За чтѣ онъ меня полюбилъ? Жила я, баба заугольная, въ сору да въ навозѣ копалась—аяъ нѣтъ! и тутъ онъ до меня проникъ! и тутъ меня, простую бабу, сыскалъ!

Квартальные почтительно вздрагивали и отвѣчали:

— За простоту-сь. Сами они ужъ очень просты. Такъ просты, такъ просты!

Насталъ какой-то волшебный рай, въ которомъ царствовало безпримѣрное блаженство. Прежде онъ нерѣдко бывалъ подверженъ приливамъ крови къ головѣ, но теперь и эту болѣзнь какъ рукой сняло. Вся фигура его приняла бодрый и дѣятельный видъ, совершенно, впрочемъ, лишенный характера суетливости, а выразившій одно внутреннее довольство. Когда онъ шелъ по улицѣ, привѣтливый взглядъ его, казалось, каждому говорилъ: живи! И каждый жилъ, ибо зналъ, что начальствомъ ему во истину жить дозволено.

День проходилъ такъ быстро, что иногда онъ ропталъ, зачѣмъ сутки заключаютъ въ себѣ только двадцать-четыре часа. Утромъ, вставши рано, онъ отправлялся въ Развѣзную слободку и уже дорогой начиналъ млѣть. Домикъ, служившій цѣлью его посѣщеній,

принялъ веселый и чистенькій видъ. Кабака не осталось и слѣдовъ; стѣны были обиты тесомъ и выкрашены свѣтло-сѣброю краскою; на окнахъ висѣли бѣлыя занавѣски и стояли горшки съ незатѣйливыми растеніями. Внутри все было тоже выскоблено, вычищено и вымыто. Ни мухи, ни таракана; прохлада и тишина. Только съ другой половины, изъ стряпущей, доносился стукъ ножей и звуканіе ухватовъ и сковородъ, но это даже усугубляло очарованіе. Запахъ мяты и липоваго цвѣта былъ господствующимъ; къ нему, по временамъ, когда отворялась дверь, примѣшивался запахъ жареныхъ пироговъ, но и онъ не омрачалъ картины блаженства, но прибавлялъ ей еще больше цѣны. Даже куры, которыя кудахтали на дворѣ, и тѣ, казалось, не спраста кудахтали, а во свидѣтельство исполненія желаній.

Вся раскраснѣвшаяся отъ стряпни, она выбѣгала къ нему на встрѣчу; и онъ не находилъ ни въ этой краснотѣ, ни въ капляхъ пота, выступавшихъ на лицѣ ея, ничего противнаго законамъ пзящнаго. Онъ зналъ, что она обливалась потомъ и выбивалась изъ силъ единственно ради него. По приходѣ его она прежде всего начинала допытываться, за чтѣ онъ ее, бабу, любить; онъ же, съ своей стороны, кротко и обстоятельно объяснялъ ей причину, и въ этомъ несложномъ разговорѣ мгновенія летѣли за мгновеніями; затѣмъ она начинала обнаруживать безпокойство и какимъ-то просительнымъ голосомъ спрашивала:

— Пирожка хочешь?

— А съ чѣмъ у васъ нынче прогнп?—въ свою очередь, спрашивалъ онъ, дѣлая видъ, какъ будто не всякая начинка, приготовленная ея руками, можетъ быть ему по вкусу.

— Съ легкимъ нынче; капустки искали, да не нашли...

— Что-жь, и съ легкимъ хорошо... можно!

Появлялась цѣлая сковорода шипящихъ пироговъ, которые исчезали одинъ за другимъ, а мгновенія летѣли себѣ да летѣли. Потомъ она принималась опять допытываться, за чтѣ онъ ее, бабу, любить—и опять летѣли мгновенія. Иногда къ бесѣдѣ присоединялся старикъ, отецъ ея, но отъ него большой пользы не было, потому что, какъ только закрыли его кабакъ, онъ тотчасъ же отъ горести ослѣпъ и оглохъ.

Тѣмъ не менѣе, „слѣпенькій батюшка“ все еще жаждалъ дѣятельности и, пользуясь ея оффиціознымъ положеніемъ, непрерывно

къ ней приставалъ. Однажды она даже попробовала завести объ этомъ разговоръ съ *нимъ*.

— Хоть бы ты въ базарные смотрители его произвелъ,—сказала она:—а то онъ совсѣмъ отъ ѣды отбился—все пьетъ!

— Не просите-съ, — сказалъ онъ твердо:—ибо я для того собственно съ вами знакомство свелъ, дабы казенный интересъ соблюсти! Какой онъ смотритель-съ! Онъ сейчасъ же первымъ дѣломъ всю провизію съ базара къ себѣ притащить-съ! Послѣдствіемъ же сего явятся недоимщики-съ. Станутъ говорить: оттого мы податей не платимъ, что помпадуршинъ отецъ имѣніе наше грабитъ. Въ какомъ я тогда положеніи буду? Недоимщиковъ съчь—неправильно-съ; родителя вашего казнить—пріятно ли для васъ будетъ?

— Голубчикъ! да вѣдь онъ слѣпенькій! куда ему за провизіей гнаться! ему бы жалованье-то получать!

— Это ничего, что слѣпенькій: услышитъ, чѣмъ пахнетъ—прозритъ-съ! А хоть бы и насчетъ жалованья — вы думаете, жалованье-то съ неба падаетъ?

— Ну его!

— Нѣтъ-съ, оно не съ неба-съ, а все съ тѣхъ же сходитъ, которые вотъ поросятами да индѣйками насъ кормятъ-съ! Я это, въ кадетскомъ корпусѣ обучаясь, очень твердо узналъ-съ!

Но размолвки подобнаго рода происходили рѣдко и тотчасъ же прекращались, ибо какъ онъ только начиналъ обнаруживать величіе души, она перемѣняла разговоръ и начинала допытываться, за чтѣ онъ ее, бабу, любитъ. Тогда вновь начиналось подробное разсмотрѣніе этого вопроса, и всѣ недоумѣнія прекращались сами собою.

Среди отдохновеній онъ нерѣдко вступалъ съ нею и въ административные разговоры, всегда въ полной увѣренности, что воззрѣнія ея вполне соотвѣтствуютъ его собственнымъ воззрѣніямъ.

— Вчера ко мнѣ вора привели, — говорилъ онъ:—да я его отпустилъ-съ.

— И Христось съ нимъ! — отвѣчала она.

— Я такъ на этотъ счетъ разсуждаю, что все это они дѣлаютъ съ голоду-съ.

— А то съ чего же! Безъ нужды да воровать! Тутъ стыда не оберешься! Я вотъ давно ужъ хочу тебя спросить: отчего между бла-

городными меньше воровства, нежели, напримѣръ, между нашимъ братомъ, простымъ народомъ?

— Оттого, что у благороднаго болѣе благородныхъ чувствъ. Стыдятся-съ. А тоже и между благородными бываетъ воровство, только, по обширности своей, не имѣетъ презрительнаго вида.

— Ахъ, грѣхи наши тяжкіе!—вздыхала она.

— Да-съ; я насчетъ этого еще въ кадетскомъ корпусѣ такую мысль получилъ: кто хочетъ по совѣсти жить, тотъ долженъ такъ это дѣло устроить, чтобъ не было совѣзмъ надобности воровать! И тогда все будетъ въ порядкѣ: квартальнымъ будетъ легко, и съѣчь не за что, и обыватели почувствуютъ себя въ безопасности-съ!

— Годубчикъ ты мой!—говорила она, смотря съ умилениемъ ему въ глаза.

— Да-съ, я давно ужъ такъ думаю, и надѣюсь, что усилія мои не останутся безплодными. Главное въ этомъ дѣлѣ—имѣть въ виду, что воръ есть человѣкъ. И самъ однажды такимъ манеромъ въ кадетскомъ корпусѣ булку у товарища уворовалъ... что-же-съ!

— И за что ты меня, простую бабу, полюбилъ!

Этимъ восклицаніемъ окончательно заключалось утреннее отдохновеніе. Онъ припоминалъ, что его ждуть „дѣла“, и съ облегченнымъ сердцемъ выходилъ на улицу.

Дѣятельность обывателей, управлявшихся около домовъ своихъ, веселила его. Когда онъ встрѣчался съ человѣкомъ, имѣющимъ угрюмый видъ, онъ не насканивалъ на него съ восклицаніемъ: „что волкомъ-то смотришь?“ — но думалъ про себя: „вотъ человѣкъ, у котораго, должно быть, на сердцѣ горе лежитъ!“ Когда слышалъ, что обыватель предается звонкому и раскатистому смѣху, то также не обращался къ нему съ вопросомъ: „чего, каналья, пасть-то разинулъ?“ — но думалъ: „вотъ милый человѣкъ, съ которымъ бы я охотно посмѣялся, если бы не былъ помпадуромъ!“ Результатомъ такого образа дѣйствій было то, что обыватели начали смѣяться и плакать по своему усмотрѣнію, отнюдь не опасаясь, чтобы въ томъ или другомъ случаѣ было усмотрѣно что-либо похожее на непризнаніе властей.

Онъ любилъ, чтобъ квартальные были дѣятельны, но требовалъ, чтобъ дѣятельность эта доказывала только отсутствіе бездѣятельности. Когда онъ видѣлъ, что квартальный вдругъ куда-то поспѣшно побѣжить, потомъ остановится, понюхаетъ и, ничего не предпринявъ,

тотчасъ же опять побѣжить назадъ—сердце его наполнилось радостью. Но и за всѣмъ тѣмъ не проходило минуты, чтобъ онъ не кричалъ имъ вслѣдъ:

— Тише! тише! не заѣзжать!

Сначала квартальнымъ было трудно воздерживаться отъ заѣзжаній, ибо они были убѣждены, что заѣзжаніе представляетъ своего рода упрощеніе формъ и обрядовъ дѣлопроизводства; но такъ какъ они были легковѣрны (исключительно, впрочемъ, въ сношеніяхъ съ начальствомъ), то ему не стоило почти никакого труда увѣрить ихъ, что „незаѣзжаніе“ составляетъ форму дѣлопроизводства еще болѣе упрощенную, нежели даже „заѣзжаніе“.

— Исторія, господа, никогда не останавливается, но непрерывно идетъ впередъ,—сказалъ онъ имъ.—Сначала люди жили въ дикости и не имѣли никакого дѣлопроизводства, а потому каждый заѣзжалъ каждому по мѣрѣ возможности. Потомъ это бросили, ибо исторія прослѣдовала впередъ-съ. Явились подъячіе, стригулисты, кляузники, которые, отмѣнивъ заѣзжанія, стали язвить посредствомъ проторей и убытковъ. Но для многихъ и это было неудобно, ибо время проходило въ волокитѣ, а притомъ же и исторія вновь прослѣдовала впередъ-съ. Тогда опять прибѣгли къ „заѣзжанію“, какъ къ формѣ, оставляющей для заѣзжающихъ наиболѣе досуга, и такъ какъ общество постепенно разросталось, то представилась необходимость раздѣлить его членовъ на заѣзжателей и заѣзжаемыхъ. Такъ ли я, господа, говорю?

— Такъ точно-съ! истинная правда-съ!—кричали въ отвѣтъ квартальные, причемъ нѣкоторые, однакожъ, вздыхали.

— Ну-съ, а теперь я вамъ объясню, почему и эта послѣдняя форма дѣлопроизводства оказывается нынѣ уже неудовлетворительною. Когда вы заѣзжали, милостивые государи, вамъ казалось, что вы совершали судъ скорый—это такъ. Но все же вы тратили на это не мало времени и, кромѣ того, испытывали неудовольствіе при видѣ побитыхъ носовъ. Затѣмъ вы горячились, выходили изъ себя и мало-по-малу истощали свое здоровье. Я зналъ многихъ курьеровъ, которые буквально усѣяли дороги ямщичьими зубами, но какихъ всходовъ они отъ этого посѣва ожидали—это до сихъ поръ не открыто. Попробуйте теперича не заѣзжать совсѣмъ, и вы увидите, что свободного времени останется у васъ больше, жалованье вы будете по-

лучать все то же, обыватель же немедленно приобретет сытый видъ и, слѣдовательно, также получить средство удѣлять по силѣ возможности. И вы, и обыватели—всѣ будутъ въ выгодѣ-съ!

И дѣйствительно, предсказаніе это исполнилось съ буквальною точностью: не только обыватели, но сами квартальные приобрѣли сытый видъ и въ послѣдствіи даже удивлялись, какъ имъ не приходила въ голову столь простая и ясная мысль, что лучшій способъ для приобретенія сытаго вида заключается именно въ воздержаніи отъ заѣзжаній. Какъ только это средство пущено во внутреннюю политику, какъ руководящее, то жиръ самъ собою нагуливается, покуда не сформируется совершенно лоснящійся отъ сытости человѣкъ.

Среди этихъ хлопотъ не забывалъ онъ и своего письмоводителя, особливо ежели послѣдній черезъ-чуръ ужъ приставалъ къ нему съ заготовленными проектами донесеній и отношеній.

— Доселѣ я подписывалъ изъ десяти бумагъ одну, — говорилъ онъ ему: — теперь же рѣшился такъ: не подписывать ни одной! Пускай всѣ объ нашемъ городѣ позабудутъ-съ—только тогда мы благополучно почивать будемъ-съ.

И, видя выраженіе унынія на лицѣ письмоводителя, прибавлялъ:

— А жалованье вы будете получать по прежнему-съ.

Такимъ образомъ наступало время обѣда, когда онъ обыкновенно возвращался домой. Къ обѣду приглашался письмоводитель и тотъ изъ квартальныхъ, который, на основаніи достовѣрныхъ фактовъ, могъ доказать, что онъ въ теченіе всего предшествующаго дня подлинно никого не обидѣлъ и никому не заѣзжалъ. Пища подавалась жирная и сдобная, и онъ ѣлъ охотно, но вина остерегался и пилъ только квасъ.

— Вино—такая вещь, господа, — говорилъ онъ, — что мало выпить его невозможно, а много выпьешь—еще больше захочется. А выпивши—особливо если кто въ помпадурскомъ званіи состоитъ—непремѣнно кого-нибудь обидишь. А потому я не пью, хотя другимъ препятствовать не желаю: пусть кушаютъ на здоровье!

Послѣ обѣда, по краткомъ отдохновеніи, онъ отправлялся въ рощу и слушалъ щебечущихъ снитирей. Онъ не только не боялся ихъ, но всячески старался приручить. И точно: какъ только онъ появлялся въ рощѣ, они стаями слетались къ нему, садились на плечи и на голову и клевали изъ рукъ моченный бѣлый хлѣбъ.

— Ахъ вы, бунтовщики мои!—говорилъ онъ какъ-то жалостливо:—между собой-то вы, милые, мирно ли живете?

Затѣмъ опять возвращался въ городъ, повторяя по пути квартальнымъ:

— Тихе! тихе! не заѣзжайте!

Наступалъ вечеръ; на землю спускались сумерки; въ домахъ зажигались огни. Выслушавъ перечень добрыхъ дѣлъ, совершенныхъ въ теченіе дня квартальными надзирателями, онъ отправлялся въ клубъ, гдѣ приглашалъ предводителя идти съ нимъ по стезѣ добродѣтели. Предводитель подавался туго, но такъ какъ поставленныя ему на видъ выгоды были до того ясны, что могли убѣдить даже малаго ребенка, то и онъ, наконецъ, уступилъ.

— Вы возьмите, какая это пріятность!—говорилъ онъ:—ежели вы теперича мужичку рубль простите, онъ навѣрное вамъ на три рубля сработаетъ, да, кромѣ того, свою любовь задаромъ вамъ подарить!

— Это чтò говорить!—колебался предводитель:—благодарности въ нихъ пропасть—это вѣрно!

— А тамъ, смотришь, индюшечка-съ, курочка-съ, яичекъ десяточекъ: самъ не съѣсть—все вамъ-съ!

— Это такъ!—повторялъ предводитель уже утвердительно, и тотчасъ же шелъ на базаръ и давалъ мужику рубль. Но такъ какъ онъ былъ даже простодушнѣе самого помпадура, то тутъ же прибавлялъ:—Ты смотри, я тебѣ рубль подарилъ, а ты мнѣ на три сработай да сверхъ того люби!

Однимъ словомъ, не только между купцами и мѣщанами, но даже въ клубѣ сумѣлъ онъ поселить миръ и любовь, и притомъ безъ всякихъ мѣръ строгости, съ помощью одного неизреченнаго своего простодушія.

Позднѣе, когда городъ уже стихалъ совершенно, онъ вновь отправлялся въ Разъѣзжую слободку; но такъ какъ квартальные спали во истину, то никто не слышалъ, какъ изъ открытаго окна веселенькаго домика вылетало восклицаніе:

— И за чтò ты меня, бабу, любишь?!

Дни проходили за днями; городъ былъ забытъ. Начальство, не получая ни жалобъ, ни рапортовъ, ни вопросовъ, сначала заключило,

что въ городѣ все обстоитъ благополучно, но потомъ, мало-по-малу, совершенно выпустило его изъ вида, такъ что даже не помѣстило въ списокъ населенныхъ мѣстъ, доставляемыхъ въ Академію Наукъ для календаря.

Помпадуръ торжествовалъ; помпадурша сдѣлалась поперекъ себя шире, но все еще не утратила плѣнительности. Въ теченіе десяти лѣтъ не случилось ни одного возстанія; снигири постепенно старѣлись и плодили другихъ снигирей; но и эти, подобно родителямъ, порхали лишь съ вѣтки на вѣтку, услаждая обывательскій слухъ своимъ щебетаньемъ и отнюдь не думая о революціяхъ; обыватели отбѣлись, квартальные отбѣлись, предводитель просто задыхался отъ жира. Одно было у всѣхъ на умѣ: заживо поставить помпадуру монументъ.

И вдругъ все это блаженство рушилось въ одну минуту, благодаря ничтожнѣйшему обстоятельству.

Помпадуръ совершилъ не все. Онъ позабылъ отвести отъ города пролежавшій черезъ него провзжій трактъ.

Въ одно прекрасное утро на стогнахъ города показался легкомысленнаго вида человѣкъ, который, со стеклышкомъ въ глазу, гулялъ по городу, заходилъ въ лавки, нюхалъ, прищѣпывался, разспрашивалъ. Хотя основательные купцы на всѣ его вопросы давали одинъ отвѣтъ: „проваливай!“, но такъ какъ онъ и затѣмъ не унимался, то сочтено было за нужное предупредить объ этомъ странномъ обстоятельствѣ квартальныхъ. Квартальные, въ свою очередь, бросились къ градоначальнику.

— Открыли-сь! насъ отырыли!—кричали они впопыхахъ.

Онъ поблѣднѣлъ, однакоже не потерялъ надежды спасти дѣло рукъ своихъ. Поспѣшно надѣлъ онъ на себя мундиръ, прищѣпилъ шпагу и отправился на базаръ отыскивать напугавшаго всѣхъ незнакомца.

— Кто вы таковы-сь? и не угодно ли пожаловать мнѣ вашъ видъ?—спросилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Незнакомецъ молча подалъ свою подорожную. Въ подорожной значилось: „NN, экспертъ отъ наукъ, отправляется по Россіи для изслѣдованія богатствъ, скрывающихся въ нѣдрахъ земли“.

— Странно, что вашего города даже на географическихъ картахъ не значится!—замѣтилъ экспертъ отъ наукъ, пока онъ разсматривалъ подорожную.

— Ничего страннаго нѣтъ-съ! сей городъ до настоящей минуты былъ самъ по себѣ столь благополученъ, что не было надобности ему о себѣ объявлять-съ! — отвѣчалъ онъ съ горечью и затѣмъ, не входя въ дальнѣйшія объясненія, повернулъ назадъ и пошелъ по направленію къ Развѣзжей слободѣ.

Происшествіе это въ свое время надѣлало очень много шума, ибо въ нашъ просвѣщенный вѣкъ утерять изъ виду цѣлый городъ съ самостоятельною цивилизаціей и съ громадными богатствами въ нѣдрахъ земли — дѣло не шуточное. Прислана была слѣдственная коммисія, которая горячо принялась за дѣло и прежде всего изумилась крайнему изобилію совершенно сытыхъ и притомъ ручныхъ снигрей. Долго она старалась проникнуть въ тайну этого изобилія, но не добилаь никакого другого результата, кромѣ того, который заранѣе былъ формулированъ самимъ помпадуромъ, а именно, что снигрь есть птица скромная и къ ученію склонная.

Другіе результаты, обнаруженные изслѣдованіемъ, были еще поразительнѣе. Оказалось:

1) что въ городѣ, въ теченіе десяти лѣтъ, не произошло ни одной революціи, тогда какъ до того времени не проходило ни одного года безъ возмущенія;

2) что въ продолженіе того же времени не было ни одного случая воровства;

3) что квартальные надзиратели сыты;

4) что обыватели сыты;

5) что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ обыватели обнаружили склонность къ сооруженію монументовъ;

6) что слухъ о богатствахъ, скрывающихся якобы въ нѣдрахъ земли, есть не болѣе какъ выдумка, пущенная экспертомъ отъ наукъ въ видахъ легчайшаго полученія изъ казны прогонныхъ денегъ; въ городѣ же никто изъ жителей никакимъ укрывательствомъ никогда не занимался;

7) что всѣмъ симъ городъ обязанъ своему градоначальнику, Помпадуру 4-му.

Разсмотрѣвши дѣло и убѣдившись въ справедливости всего вышеизложеннаго, начальство не только не отрѣшило добраго помпадура отъ должности, но даже опубликовало его поступки и поставило ихъ въ примѣръ прочимъ. „Да вѣдомо будетъ всѣмъ и каж-

дому“, сказано было въ изданномъ по сему случаю документѣ, „что лучше одного помпадура добраго, нежели семь тысячъ злыхъ имѣть“, на основаніи того общепризнаннаго правила, что даже малый каменный домъ все-таки лучше, нежели большая каменная болѣзнь.

Что же касается собственно до города, то ему немедленно при-
сланъ былъ отъ казенной палаты окладной листъ.

ХІІ.—Мнѣнія знатныхъ иностранцевъ

о

ПОМПАДУРАХЪ.

Заканчивая свои рассказы о „помпадурахъ“ — рассказы, къ сожалѣнію, не исчерпывающіе и сотой доли помпадурской дѣятельности, я считаю, что будетъ умѣстно познакомить читателей съ тѣми впечатлѣніями, которыя производили мои герои на нѣкоторыхъ знатныхъ иностранцевъ, въ разное время посѣщавшихъ Россію.

Подобнаго рода свидѣтельства у меня подъ руками очень много; но я приведу здѣсь только четыре отрывка, наиболѣе подходящіе къ нашимъ литературнымъ условіямъ. Между прочимъ, я имѣю очень рѣдкую книгу, подъ названіемъ: „Путеводитель по русскимъ сѣвѣрнымъ домамъ“, соя. австрійскаго серба Глуцича-Ядрилича, пріѣзжавшаго вмѣстѣ съ прочими братьями-славянами, въ 1870 году, въ Россію, но не поавшаго ни въ Петербургъ, ни въ Москву, потому что соломенный помпадуръ подъ личною своею отвѣтственностью посадилъ его на все время торжествъ на сѣвѣжную. Сочиненіе это проливаетъ яркій свѣтъ не только на внутреннюю, но и на внѣшнюю политику помпадуровъ, и переводъ его послужилъ бы немалымъ украшеніемъ для нашей небогатой литературы, но, къ величайшему сожалѣнію, я не могъ привести изъ него даже самонамалѣйшаго отрывка, потому что книга эта безусловно запрещена цензурой... Этого при-
мѣра, я полагаю, совершенно достаточно для читателя, чтобы понять, почему я былъ такъ увѣренъ въ моихъ выдержкахъ.

Затѣмъ, обращаясь къ издаваемымъ нынѣ отрывкамъ, я считаю долгомъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Какъ и во всѣхъ сочиненіяхъ иностранцевъ о Россіи, насъ прежде всего поражаетъ въ нихъ какое-то неисправимое легковѣріе. Такъ напримѣръ, князь де-ля-Кассонадъ очень серьезно рассказываетъ, что нѣкоторые помпадуръ смѣшивали императора Сулука съ королевою Помарѣ, а другой путешественникъ, Шеналанъ, увѣряетъ, будто въ Россіи преподается особенная наука, подъ названіемъ: „Zwon ropéta razdawaïss“. Ясно, что оба эти лица были жертвою мистификаціи со стороны своихъ амфитріоновъ-помпадуровъ, которые, по прискорбному русскому обычаю, нашли для себя забавнымъ рассказывать иностранцамъ разныя небылицы о своемъ отечествѣ.

Сверхъ того, по обыкновенію всѣхъ иностранцевъ, цитируемые мною авторы очень часто впадаютъ въ преувеличенія и выказываютъ при этомъ колоссальнѣйшее невѣжество...

Я не счелъ, однакожъ, нужнымъ останавливаться на этихъ недостаткахъ, ибо для насъ, русскихъ, самыя преувеличенія иностранцевъ очень поучительны. Читая рассказываемыя про насъ небылицы, мы, во-первыхъ, выносимъ убѣжденіе, что иностранцы—народъ легкомысленный и что, слѣдовательно, въ случаѣ столкновенія, съ ними очень нетрудно будетъ справиться. Во-вторыхъ, мы получаемъ увѣренность, что перьями ихъ руководитъ дурное чувство зависти, не прощающее Россіи той глубокой тишины, среди которой происходитъ ея постепенное обновленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, представляли ли когда-либо лѣтописи Лаишева, Пошехонья, Сапожка и др. что-нибудь подобное тому, что происходило недавно въ заштатномъ городѣ Висбаденѣ по случаю возвышенія цѣны на пиво? Нѣтъ, ничего подобнаго не было, да и не могло быть, потому что и пошехонцы, и лаишевы слишкомъ хорошо понимаютъ, что цѣны Богъ строить, и подъ сѣнію этой пословицы постепенно обновляются. Висбаденцы же ничего этого не знаютъ, а потому нечего удивляться, что для нихъ всѣ пути къ обновленію закрыты. Ибо какое можетъ быть „обновленіе“, когда на улицахъ идетъ шумъ и гвалтъ, за которымъ ни одной пословицы даже разслышать нельзя?

Иностранцы сознаютъ это преимущество лаишевцевъ и белебеевцевъ и завидуютъ. Они понимаютъ, что означаетъ эта тишина и чѣмъ она пахнетъ для висбаденскихъ нарушителей спокойствія, если пошехонцамъ вздумается вразумлять ихъ.

Но встрѣчается въ этихъ невѣжественныхъ разсказахъ и нѣчто такое, надъ чѣмъ можно серьезно задуматься.

Завидуя нашей тишинѣ, иностранцы не безъ ядовитости указываютъ, что мы сами какъ бы тяготимся ею. Что у насъ, среди глубокаго мира, отъ времени до времени трубятъ рога и происходятъ такъ-называемыя усмиренія (*répression de la tranquillité*). Мало того, нѣкоторые даже прямо утверждаютъ, будто у насъ существуетъ особенное сословіе помпадуровъ, котораго назначеніе въ томъ именно и заключается, чтобы нарушать общественную тишину и сѣять раздоры съ цѣлью успѣшнаго ихъ подавленія. Не безъ провіи говорятъ они о недостаточной развитости нашихъ помпадуровъ и о происходящей отселѣ беспорядочной, судорожной дѣятельности ихъ. Дѣятельность эту они сравниваютъ съ безцѣльнымъ мельканіемъ въ пустомъ пространствѣ—мельканіемъ, которое на первый взглядъ можетъ показаться смѣшнымъ, но которое, при безирестанномъ повтореніи, дѣлается почти обременительнымъ...

Повторяю: все это въ высшей степени преувеличено и до безконечности невѣжественно; но даже сквозь эти смѣшныя преувеличенія сквозитъ какой-то намекъ на реальность, которымъ не излишне воспользоваться. Всякому, напримѣръ, извѣстно, что главное побужденіе, руководящее помпадурскими дѣйствіями, составляетъ чрезмѣрная ревность къ охраненію присвоенныхъ помпадурамъ правъ и преимуществъ (прерогативъ). Въ сущности, побужденіе это, конечно, очень похвально, но надо сознаться, что тѣмъ не менѣе оно нимало не способствуетъ ни возникновенію новыхъ плодотворныхъ жизненныхъ явленій, ни производству новыхъ цѣнностей. Поэтому было бы не только не вредно, но даже полезно, чтобы на практикѣ эта ревность проявлялась лишь въ той мѣрѣ, въ какой она не служитъ помѣхой мирнымъ гражданамъ въ ихъ мирныхъ запитіяхъ. Если человѣкъ исключительною задачею своей жизненной дѣятельности поставляетъ огражденіе своихъ правъ (какъ, напримѣръ, права принимать по праздникамъ поздравленія, права идти въ первой парѣ, когда балъ открывается польскимъ, и т. д.), то результатомъ его усилій можетъ быть только огражденіе правъ, и ничего больше. Положимъ, это будетъ дѣятельность, въ своемъ родѣ, почтенная, но все-таки никакого оплодотворенія изъ нея произойти не можетъ. А помпадуры этимъ именно и грѣшатъ. Ограждая свои права, они забываютъ, что у нихъ

есть и обязанности, изъ коихъ главнѣйшая—не отвлекать обывателей слишкомъ усиленными поздравленіями отъ другихъ занятій, которыя тоже могутъ быть названы полезными.

А грѣшатъ они потому, что не знаютъ наукъ. Я, конечно, далеко отъ того, чтобы вмѣстѣ съ москѣ Шенананомъ утверждать, будто въ нашихъ кадетскихъ корпусахъ преподается только одна наука „Zwon poréta gazdawaïss“, но все-таки позволяю себѣ думать, что на воспитаніе помпадуровъ не обращено должнаго вниманія. Дюссо, Борель, Минерашки, театръ Берга—все это школа слишкомъ недостаточная! Еслибъ они знали, напримѣръ, исторію, то помнили бы анекдотъ о персидскомъ царѣ, который, ограждая свои права, выскъ море, но и за всѣмъ тѣмъ не могъ побѣдить горсти храбрыхъ грековъ. Еслибъ они знали статистику и политическую экономію, то поняли бы, что обывательская спина не всегда служить вѣрнымъ обезпеченіемъ для наполненія казны кредитными билетами. Еслибъ имъ не чужда была юриспруденція, то они знали бы, что излишнее огражденіе собственныхъ личныхъ правъ всегда ведетъ къ нарушенію правъ другихъ; это же послѣднее, въ свою очередь, влечетъ за собою если не непремѣнное возстановленіе нарушеннаго права, то, по крайней мѣрѣ, позывъ къ такому возстановленію. А за этимъ обыкновенно слѣдуетъ скандалъ, а иногда и наказаніе нарушителя по всей строгости законовъ.

Да, какъ это ни тяжело, но надо сознаться, что, даже для всысканія недонмокъ, науки—не безполезна вещь. Онѣ учатъ человѣка, что жизнь пережить—не поле перейти; онѣ заставляють его вникать въ смыслъ его поступковъ и даютъ ему нѣкоторыя хорошія привычки. Вотъ чего недостаетъ помпадурамъ и вотъ почему они считаютъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ другихъ административныхъ задачъ, кромѣ огражденія присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ. Будучи удалены отъ наукъ, они не могутъ понять, что нѣкоторая сумма знанія гораздо надежнѣе оградила бы эти права, нежели странное и далеко не всѣхъ настигающее слово: „фюить!“

Недостатокъ знаній порождаетъ чрезмѣрную требовательность; чрезмѣрная требовательность, въ свою очередь, порождаетъ подозрительность. Извѣстно, напримѣръ, съ какою охотою употребляютъ помпадуры такія слова, какъ „послгать“, „подкапываться“, „потрясать“ и т. д., представляя высшему начальству, будто слова эти

составляют обыденный лексиконъ нарвчатскихъ, лукояновскихъ и другихъ обывателей. А между тѣмъ въ этихъ увѣреніяхъ заключается самая вопіющая неправда. Я, по крайней мѣрѣ, искренно убѣжденъ, что никто даже не помышляетъ о томъ, чтобы оспаривать помпадурскія права, и что вся бѣда тутъ въ томъ, что не всякій можетъ эти права уловить. Отсюда—безконечное и довольно тягостное для обѣихъ сторонъ *qui-pro-quo*. Чаще всего помпадуръ и самъ хорошенько не знаетъ, въ чемъ состоятъ его требованія; но это незнаніе, вмѣсто того, чтобы ограничить его, дѣлаетъ еще болѣе насытнмымъ. Столь же часто бываетъ, что обыватель и готовъ бы, съ своей стороны, сдѣлать всякое удовольствіе, но, не зная, въ чемъ это послѣднее заключается, попадаетъ въ просакъ, то-есть поздравляетъ тогда, когда не нужно поздравлять, и наоборотъ. А изъ этого происходитъ то, что одинъ невѣдомо чтѣ предъявляетъ, а другой невѣдомо на чтѣ посягаетъ. Явное недоразумѣніе, которое оцять-таки будетъ устранено лишь тогда, когда наука прольетъ свой свѣтъ на запутанныя отношенія, существующія между помпадурами и обывателями, и съумѣетъ регламентировать ихъ.

Итакъ, въ отзывахъ иностранцевъ есть извѣстная доля правды. Но правда эта не должна огорчать насъ. Мы слишкомъ сильны, мы пользуемся слишкомъ несомнѣнною внутреннею тишиной, чтобы впадать въ малодушіе передъ лицомъ правды. Мы спокойно можемъ выслушать самую горькую истину, нисладо не измѣняя присущему намъ сознанію нашихъ доблестей.

Притомъ же мы знаемъ, что у насъ есть испытанное средство помпадуровъ. Это средство: повышенія, перемѣщенія и увольненія, которыя очень достаточно гарантируютъ насъ.

Оговорившись такимъ образомъ, перехожу къ самымъ „мнѣніямъ“ иностранцевъ. Мнѣнія эти переведены мною прямо съ подлинниковъ и притомъ съ самою буквальною точностью. Разсказъ же татарина Хабибуллы Науматулловича о пребываніи въ Россіи іомудскаго принца (такъ какъ существованіе племени іомудовъ не подлежитъ сомнѣнію, то я полагаю, что долженъ быть и іомудскій принцъ) напечатанъ мною съ оставленіемъ слога и подлинныхъ выраженій разсказчика.

„Impression de voyage et d'art“, par le prince de la Cassonade, ancien Grand Veneur de S. M. l'Empereur Soulouque I, actuellement, grâce aux vicissitudes de la fortune, garçon en chef au Café Riche à Paris. Paris. Ledentu éditeur. 18** . Deux forts Vols. („Путевыя и художественныя впечатлѣнія“, соч. князя де-ля-Кассонадъ, бывшаго оберъ-егермейстера Е. В. Императора Сулука I, а нынѣ, благодаря превратностямъ судебъ, главнаго гарсона въ кафѣ Ришь въ Парижѣ).

„Когда я былъ командированъ моимъ всемилостивѣйшимъ государемъ и повелителемъ во Францію и Испанію для изученія способовъ дѣлать государственные перевороты, и въ Россію — для изученія способовъ взысканія недоимокъ, я встрѣтился въ этой послѣдней съ особенной корпораціей, которой подобной нѣтъ, кажется, въ цѣломъ мірѣ и которая чрезвычайно меня заинтересовала. Я говорю о помпадурахъ.

„Каждый изъ здѣшнихъ городовъ имѣетъ своего главнаго помпадура, которому подчинено нѣсколько второстепенныхъ помпаду ровъ, у которыхъ, въ свою очередь, стоитъ подъ начальствомъ безчисленное множество помпаду ровъ третьестепенныхъ, а сіи послѣдніе уже имѣютъ въ своемъ непосредственномъ завѣдываніи массу обывателей или чернь (la vile populace). Всѣ они составляютъ такъ-называемую бюрократическую армію и различаются между собою лишь болѣе или менѣе густымъ шитьемъ на воротникахъ и рукавахъ. Такъ какъ было бы тяжело и затруднительно изслѣдовать нравы всѣхъ этихъ разновидностей, то я, главнымъ образомъ, сосредоточилъ свое вниманіе на главныхъ помпадурахъ, потому что они представляютъ собою прототипъ, по которому можно безъ труда сдѣлать заключеніе и о прочихъ.

„Главные помпадуры избираются преимущественно изъ молодыхъ людей, наиболѣе способныхъ къ тѣлеснымъ упражненіямъ. На образованіе и умственное развитіе ихъ большого вниманія не обращается, такъ какъ предполагается, что эти лица ничѣмъ заниматься не обязаны, а должны только руководить. При этомъ имѣется, кажется, въ виду еще и та мысль, что науки вообще имѣютъ раслѣвляющее вліяніе, и что, слѣдовательно, онѣ всего менѣе могутъ быть у мѣста тамъ, гдѣ требуются лишь свѣжесть и непреоборимость. И дѣйствительно, главные помпадуры живутъ въ столь безнадежномъ отъ наукъ отда-

леніп, что нѣкоторые изъ нихъ не шутя смѣшивали моего всемілостивѣйшаго повелителя Сулука I съ королевою Помарé, а сію послѣднюю—съ извѣстной парижкой лореткой того же имени. Признаюсь, эти смѣшенія причиняли мнѣ не мало огорченій, и я не разъ вынуждался объявлять очень категорически, что повтореніе чего-либо подобнаго можетъ имѣть послѣдствіемъ серьезный *casus belli*.

„Преимущественное назначеніе главныхъ помпадуровъ заключается въ томъ, чтобы *препятствовать*. Несмотря, однакожь, на мои усилія разъяснить себѣ, противъ чего собственно должна быть устремлена эта тормозящая сила—я ничего обстоятельнаго по сему предмету добиться не могъ. На всѣ мои вопросы я слышалъ одинъ отвѣтъ: *mais comment ne comprenez-vous pas ça?* изъ чего и вынужденъ былъ заключить, что вѣроятно Россія есть такая страна, которая лишь по наружности пользуется тишиною, но на самомъ дѣлѣ наполнена горючими веществами. Иначе какал же была бы надобность въ цѣлой корпораціи людей, которыхъ спеціальное назначеніе заключается въ принятіи прекратительныхъ мѣръ безъ всякихъ къ тому поводовъ?

„Такъ, напримѣръ, я съ любопытствомъ наблюдалъ однажды, какъ одинъ чрезвычайно вышитый помпадуръ усмирялъ другого мнѣе вышитаго за то, что сей послѣдній не поздравилъ перваго съ праздникомъ. Клянусь, никогда королева Помарé (а кто же не знаетъ, до какой степени она неизячна въ своихъ выраженіяхъ?) не обращалась къ своему кучеру съ подобнымъ потокомъ высокоукоризненныхъ словъ! Когда же я позволилъ себѣ усомниться, чтобы обстоятельство столь неважное способно было возбудить столь сильный гнѣвъ, то расшитый помпадуръ взглянулъ на меня съ такимъ страннымъ видомъ, что я поспѣшилъ раскланяться, дабы не вышло изъ этого чего дурнаго для меня или для моего всемілостивѣйшаго повелителя. Въ другое время другой помпадуръ откровенно мнѣ сознавался, что онъ только и дѣлаетъ, что усмиряетъ бунты, причемъ назвалъ мнѣ и имена главныхъ бунтовщиковъ: председателей окружнаго суда и мѣстной земской управы. А такъ какъ, не далѣе какъ за день передъ тѣмъ, я имѣлъ случай съ обоими бунтовщиками играть въ ералашъ и при этомъ не замѣтилъ въ ихъ образѣ мыслей ничего вреднаго, то и не преминулъ возразить негодующему помпадуру, что, по мнѣнію моему, оба названные лица ведутъ себя скромно

и усмиренія не заслуживаютъ. Но онъ, не желая ничего слушать, отвѣтилъ мнѣ, что все это — интрига, и что онъ, помпадуръ, не успокоится, покуда не раскроетъ въ подробности всѣ нити и корни оной. Я могъ бы рассказать здѣсь множество другихъ примѣровъ подобной же загадочной страсти къ усмиреніямъ, но полагаю, что и этихъ двухъ вполне достаточно, тѣмъ болѣе, что причина этой усмирительной болѣзни и до-днесь остается для меня неразъясненною, а слѣдовательно, сколько бы я ни плодилъ фактовъ, въ основаніи ихъ все-таки будетъ лежать таинственное: *mais comment ne comprenez-vous pas ça?* — и ничего болѣе.

„Всю сумму своихъ административныхъ воздѣйствій помпадуръ сумѣли сконцентрировать въ одномъ крошечномъ словѣ: „фюить!“ и, кажется, это единственное слово, которое они умѣютъ произносить съ надлежащею ясностью. Все прочее принимаетъ въ ихъ устахъ форму невнятнаго бормотанія, изъ котораго трудно извлечь что-либо поучительное. Я тщетно усиливался доказывать, что слово „фюить“, несмотря на удобства, доставляемыя его краткостью, все-таки никакихъ разрѣшеній не заключаетъ — въ отвѣтъ на мои доказательства я повсюду слышалъ одно: *pour nous autres, c'est encore assez bon*. Это, конечно, заставляло меня умолкать, ибо ежели люди сами признаютъ себя вполне обеспеченными словомъ „фюить“, то мнѣ, иностранцу (а тѣмъ болѣе имѣющему дипломатическое порученіе), разувѣрять ихъ въ томъ не приходится.

„Вообще у нихъ есть фаталистическая склонность обратить міръ въ пустыню и совершенное непониманіе тѣхъ послѣдствій, которыя можетъ повлечь за собою подобное административное мѣропріятіе. Наклонность эту я готовъ бы назвать человѣконенавистничествомъ, еслибъ не имѣлъ безчисленныхъ доказательствъ, что въ основаніи всѣхъ дѣйствій и помысловъ помпадурскихъ лежитъ не жестокость въ собственномъ смыслѣ этого слова, а безграничное легкомысліе. Такъ на примѣръ, когда я объяснилъ одному изъ нихъ, что для нихъ же будетъ хуже, ежели міръ обратится въ пустыню, ибо некого будетъ усмирать и даже некому будетъ готовить имъ кушанье, то онъ съ невѣроятнымъ апломбомъ отвѣтилъ мнѣ: „тѣмъ лучше! мы будемъ ѣздить другъ къ другу и играть въ карты, а обѣдать будемъ ходить въ рестораны!“ И я опять вынужденъ былъ замолчать, ибо какая же возможность поколебать эту непреоборимую вѣру въ какое-то про-

виденціальное назначеніе помпадуровъ, которая ни передъ чѣмъ не останавливается и никакихъ невозможностей не признаеть!

„Вмѣстѣ съ невѣжественностью и легкомысленною страстью къ разрушенію, помпадуры въ значительной мѣрѣ соединяють и сластолюбіе. Обаяніе власти привлекаеть къ нимъ сердца не весьма разборчивыхъ провинціальныхъ женщинъ, а корыстолюбіе мужей-чиновниковъ заставляеть ихъ смотрѣть сквозь пальцы на продѣлки преступныхъ ихъ женъ. Тѣмъ не менѣе, я напрасно ожидалъ утонченности въ обращеніи помпадуровъ съ женщинами. Хотя всѣ они очень бѣгло говорятъ по-французски (впрочемъ и тутъ больше въ ходу какой-то безсмысленный жаргонъ парижскихъ кафе-шантановъ, смѣшанный съ не менѣе безсмысленнымъ жаргономъ кокотокъ), но французская вѣжливость столь же чужда имъ, какъ и любому изъ парижскихъ *cochers de fiacre*. Неоднократно, приглашенный на вечера, на которыхъ присутствовали особенно преданная помпадурамъ молодежь и роскошнѣйшія женщины города, я ничего не видалъ, кромѣ безстыдныхъ жестовъ, которые даже меня, бывшаго оберъ-егермейстера моего всемілостивѣйшаго императора Сулука I, заставляли краснѣть. Въ этомъ заключалась вся веселость, вся аттическая соль этихъ вечеровъ. Я никогда не забуду, какъ одна изъ этихъ дамъ (замѣчательно, впрочемъ, красивая) распѣвала французскую пѣсенку: „*et j'frotte et j'frotte—et allez donc!*“, сопровождая свое пѣніе такими оживленными тѣлодвиженіями, которыми позавидовала бы любая *chanteuse de cabaret*. Помпадуръ сидѣлъ тутъ же и не только не унималъ безстыдницу, но даже хмурилъ брови всякій разъ, какъ она ослабѣвала. Въ другомъ городѣ другой помпадуръ повель меня въ купальную, въ стѣнѣ которой было очень искусно продѣлано отверстіе въ сосѣднее женское отдѣленіе, и заставилъ меня смотрѣть. Грѣшный человекъ, я посмотрѣлъ съ удовольствіемъ, но потомъ все-таки не могъ воздержаться отъ вопроса: какое же отношеніе все это можетъ имѣть къ администраціи?

„Въ заключеніе я долженъ сказать, что это—корпорація очень загадочная. Я не отрицаю въ помпадурахъ нѣкоторой дозы отваги, свидѣтельствующей о величіи души, но, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что отвага эта растрачивается на такіа дѣла, безъ которыхъ легко можно было бы обойтись. Таковы напримѣръ: выбиваніе зубовъ у ямщиковъ во время ѣзды на почтовыхъ и проч. Съ грустнымъ чув-

ствомъ оставилъ я эту страну, убѣдившись, что даже относительно взысканія недоимокъ она не представляетъ ничего новаго и поучительнаго для нашего любезнаго отечества.

„Но когда я, по долгу совѣсти, доложилъ о всемъ вышеизложенномъ моему всемилостивѣйшему императору и повелителю Сулуку I, то, къ величайшему моему огорченію и удивленію, услышалъ отъ него: „дуракъ! да намъ именно это-то и нужно!“ Съ тѣхъ поръ мнѣ была объявлена немилость за непониманіе истинныхъ интересовъ моего повелителя, а потомъ начались и преслѣдованія, которыя разрѣшились изгнаніемъ изъ отечества. Нынѣ я состою въ качествѣ *garçon en chef* въ *café Riche* въ Парижѣ. Но, впрочемъ, не теряю надежды на Бога и Его всецѣдную милость ко мнѣ. Ибо опала моя есть лишь плодъ недоразумѣнія; я же во всякое время готовъ и опять занять прежній свой постъ при моемъ всемилостивѣйшемъ повелителѣ, и даже, если ему будетъ угодно, устроить въ любезномъ отечествѣ точь-въ-точь такую же корпорацію помпадуровъ, какую я видѣлъ въ Россіи“.

„*Une triste histoire. Souvenirs d'un voyage dans les steppes du Nord*“, par Onésime Chenapan, ancien agent provocateur ayant servi sous les ordres de monseigneur Maupas, préfet de police. 1853. Paris. Librairie nouvelle. 1 vol. („Грустная исторія. Воспоминанія о путешествіи въ сѣверныя степи“. Соч. Онисимъ Шенапанъ, бывшій политическій сыщикъ, служившій подъ начальствомъ монсеньера Мона, префекта полиціи).

„Берусь за перо, чтобы разсказать, какимъ образомъ одинъ недобуданный шагъ можетъ испортить всю человѣческую жизнь, уничтожить всѣ ея плоды, добытые цѣною долгихъ униженій, повергнуть въ прахъ всѣ надежды на дальнѣйшее повышеніе въ избранной спеціальности и даже отнять у человѣка лучшее его право въ этомъ мірѣ — право называться вѣрнымъ сыномъ святой римско-католической церкви!“

„Все это сдѣлалъ надо мной одинъ праздный человѣкъ, назвавшій себя помпадуромъ, сдѣлалъ просто, естественно, безъ малѣйшихъ колебаній, не оставивъ въ моемъ сердцѣ ни малѣйшей надежды получить какое-либо вознагражденіе за причиненный мнѣ ущербъ!“

„Юноша! ты, который читаешь эти омытыя слезами строки, вни-

мательнѣе вдумайся въ ихъ содержаніе! и ежели когда-нибудь въ Closerie de lilas или въ иномъ подобномъ мѣстѣ тебѣ случится встрѣтиться съ человѣкомъ, именующимъ себя помпадуромъ—бѣги его! Ибо имя этому человѣку: жестокосердіе и легкомысліе!

„Въ 1852 году, вскорѣ послѣ извѣстнаго декабрскаго переворота, случай свелъ меня съ княземъ де-ла-Клюква (le prince de la Klioukwa), человѣкомъ еще молодымъ, хотя нѣсколько поношеннымъ (quelque peu taré), въ которомъ я по виѣшнему его виду и веселымъ манерамъ никогда не позволилъ бы себѣ предположить сановника. Оказалось, однако, что онъ былъ таковымъ.

„Встрѣча произошла въ одномъ изъ парижскихъ *cafés chantans*, которые я посѣщаль по обязанностямъ службы, такъ какъ въ этихъ веселыхъ мѣстахъ преимущественно ютились заблуждающіеся молодые люди, не выказывавшіе безусловнаго довѣрія къ перемѣнѣ, происшедшей 2-го декабря. Тутъ же можно было найти и множество иностранцевъ, изучавшихъ Парижъ съ точки зрѣнія милой бездѣлицы.

„Разговоръ нашъ начался по поводу пѣсенки: „Ah! j'ai un pied qui r'mue“, которая тогда только-что пошла въ ходъ и которую мастерски выполняла m-lle Rivière. Оказалось, что мой сосѣдъ (мы за однимъ столомъ, не торопясь, попивали наши *petits verres*) не только тонкій цѣнитель жанра, но и самъ очень мило исполняетъ капитальныя пьесы каскаднаго репертуара. Не могу сказать, почему, но, къ моему несчастію, я почувствовалъ какое-то слѣпое, безотчетное влеченіе къ этому человѣку, и послѣ бесѣды, продолжавшейся не больше четверти часа, откровенно сознался ему, что я *agent provocateur*, пользующійся особеннымъ довѣріемъ монсенъера Мона. И, къ удивленію моему, онъ не только не бросился меня бить (какъ это почти всегда дѣлаютъ заблуждающіеся молодые люди), но даже протянулъ мнѣ обѣ руки я, въ свою очередь, объявилъ, что онъ русскій и занимаетъ въ своемъ отечествѣ рангъ помпадура.

„— Я объясню вамъ впоследствии, — сказалъ онъ при видѣ недоразумѣнія, выразившагося въ моемъ лицѣ:— въ чемъ заключаются атрибуты и предѣлы власти помпадурскаго ранга; теперь же могу сказать вамъ одно: никакая другая встрѣча не могла бы меня такъ обрадовать, какъ встрѣча съ вами. Я именно искалъ по-

знакомиться съ хорошимъ, вполне надежнымъ agent provocateur. Скажите: выгодно ваше ремесло?

„ — Monseigneur, — отвѣчалъ я: — я получаю въ годъ 1.500 франковъ постояннаго жалованья и, сверхъ того, въ видѣ поощренія, особую плату за каждый доносъ.

„ — Однакожь... это недурно!!

„ — Еслибъ я получалъ плату построчно, хотя бы наравнѣ съ составителями газетныхъ entrefilets — это было бы, дѣйствительно, недурно; но въ томъ-то и дѣло, monseigneur, что я получаю мою плату поштучно.

„ — Но, вѣроятно, къ Рождеству или къ Пасхѣ являются на выручку какіе-нибудь остаточки?

„ — Никакъ нѣтъ, monseigneur. Всѣми остаточками безраздѣльно пользуются monseigneur Maupas и всемилостивѣйшій мой повелитель и императоръ Наполеонъ III. Единственнымъ подспорьемъ къ объясненному выше содержанію служить особенная сумма, назначаемая на случай увѣчій и смертнаго боя, очень нерѣдкихъ въ томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь. 2-го декабря я буквально представлялъ собою сочащуюся кровью массу мяса, такъ что въ одинъ этотъ день заработалъ болѣе тысячи франковъ!

„ — Тысячу франковъ... mais c'est très joli!

„ — Но у меня есть престарѣлая мать, monseigneur! у меня есть дѣвица-сестра, которую я тщетно стараюсь пристроить!

„ — Oh! quant à cela... чортъ ихъ подери!

„ Это восклицаніе было очень знаменательно и должно бы предостеречь меня. Но Провидѣнію угодно было потемнить мой разумъ, вѣроятно для того, чтобы не помѣшать мнѣ испить до дна чашу уготованныхъ мнѣ пстязаній, орудіемъ которыхъ явился этотъ ужасный человѣкъ.

„ — Ну-съ, а теперь скажите мнѣ: случалось ли вамъ когда-нибудь — по обязанностямъ службы, s'entend — распечатывать чужія письма? — продолжалъ онъ послѣ минутнаго перерыва, послѣдовавшаго за его восклицаніемъ.

„ — Очень часто, excellence!

„ — Поймите мою мысль. Прежде, когда письма запечатывались простымъ сургучемъ, когда конверты не заклеивались по швамъ — это, конечно, было легко. Достаточно было тоненькой деревянной

спички, чтобъ наvertъть на нее письмо и вынуть его изъ конверта. Но, теперь, когда конвертъ представляетъ массу почти непроницаемую... какимъ образомъ поступить? Я неоднократно пробовалъ употреблять въ дѣло слюну, но, признаюсь, усилія мои ни разу не были увѣнчаны успѣхомъ. Получатели писемъ догадывались и роптали.

„— А между тѣмъ нѣтъ ничего проще, excellence. Здѣсь мы поступаемъ въ этихъ случаяхъ слѣдующимъ образомъ: беремъ письмо, приближаемъ его къ кипящей водѣ и держимъ надъ паромъ конвертъ тою его стороною, на которой имѣются заклеенные швы, до тѣхъ поръ, пока клей не распустится. Тогда мы вскрываемъ конвертъ, вынимаемъ письмо, прочитываемъ его и помѣщаемъ въ конвертъ обратно. И никакихъ слѣдовъ нескромности не бываетъ.

„— Такъ просто—и я не зналъ! Да, французы во всемъ насъ опередили! Великодушная нація! какъ жаль, что революціи такъ часто потрясаютъ тебя! *Et moi, qui, à mes risques et périls, me consumais à dépenser ma salive! Quelle dérision!*

„— Но развѣ распечатываніе чужихъ писемъ входитъ въ ваши атрибуты, monseigneur?

„— Въ мои атрибуты входитъ все, что касается внутренней политики, а въ особенности распечатываніе частныхъ писемъ и высканіе недоимокъ (*extorsion des nédoïmkas, une espèce de peine corporelle, en vigueur en Russie, surtout dans le cas où le paysan, par suite d'une mauvaise recolte, n'a pas de quoi payer les impôts*). Знаете ли вы, однакожъ, мой новый другъ, что вы вывели меня изъ очень-очень большого затрудненія?

„Онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и былъ такъ великодушенъ, что пригласилъ меня ужинать въ *café Anglais*, гдѣ мы почти до утра самымъ пріятнымъ образомъ провели время. Въ заключеніе онъ очень любезно предложилъ мнѣ сопутствовать ему въ его родныя степи, гдѣ, по словамъ его, представлялась для меня очень выгодная карьера.

„— Вы поѣдете со мной и на мой счетъ,—говорилъ онъ мнѣ: —жалованье ваше будетъ простираться до четырехъ-сотъ франковъ въ мѣсяцъ; сверхъ того, вы будете жить у меня и отъ меня же получать столъ, дрова и свѣчи. Обязанности же ваши отнынѣ слѣдующія: научить меня всѣмъ секретамъ вашего ремесла и разузнавать

все, что говорится про меня в городѣ. А чтобы легче достичь этой цѣли, вы должны будете посѣщать общество и клубы и тамъ притворно фрондировать противъ меня... понимаете?

„Я былъ изумленъ и обрадованъ. О, ma pauvre mère! o, ma soeur, dont la jeunesse se consume dans la vaine attente d'un mari!..

„Но, несмотря на охватившее меня волненіе, я все-таки замѣтилъ нѣкоторую несообразность въ его предложеніи, которую и поспѣшилъ разъяснить.

„— Позволю себѣ одно почтительное замѣчаніе, monseigneur, — сказалъ я. — Вы изволили сказать, что я буду жить у васъ въ домѣ, и въ то же время предписываете мнѣ фрондировать противъ васъ. Хотя я и понимаю, что это послѣднее средство можетъ быть употреблено съ несомнѣнною пользою, въ видахъ направленія общественнаго мнѣнія, но, мнѣ кажется, не лучше ли въ такомъ случаѣ будетъ, если я поселюсь не у васъ, а на особенной квартирѣ—просто въ качествѣ знатнаго иностранца, живущаго своими доходами?

„— Это ничего, — отвѣтилъ онъ мнѣ съ очаровательной улыбкой. — Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь этимъ! У насъ въ степяхъ въ этомъ отношеніи такой обычай: гдѣ ѣдятъ, тамъ и мерзятъ, у кого живутъ, того и ругаютъ...

„Я рѣшился.

„Разставаясь съ тобой, о, моя возлюбленная Франція, я чувствовалъ, какъ сердце мое разрывается на куски!

„О, ma mère!

„О, ma pauvre soeur chérie!

„Но я сказалъ себѣ: oh! ma belle France! если только степь не поглотитъ меня, то я сколочу маленькій капитадецъ и заведу въ Парижѣ контору бракоразводныхъ и бракосводныхъ дѣлъ. И тогда ничто и никогда уже не развединитъ насъ, о, дорогая, о, несравненная отчизна моя!

„Въ ожиданіи этой вожделѣнной минуты, я рѣшилъ все мое жаванье отдавать моей бѣдной матери. Самъ же предположилъ жить на счетъ постороннихъ доходовъ, въ которыхъ, при нѣкоторомъ съ моей стороны умѣнши и избобрѣтательности, несомнѣнно не будетъ у меня недостатка...

„Дордгой, князь былъ очень предупредителенъ. Онъ постоянно сажалъ меня за одинъ столъ съ собою и кормилъ только хорошими кушаньями. Нѣсколько разъ онъ порывался подробно объяснить мнѣ, въ чемъ состоятъ атрибуты помпадурства; но, признаюсь, этими объясненіями онъ возбуждалъ во мнѣ лишь живѣйшее изумленіе. Изумленіе это усугублялось еще тѣмъ, что во время объясненій лицо его принимало такое двусмысленное выраженіе, что я никогда не могъ разобрать, серьезно ли онъ говоритъ, или лжетъ.

„— Званіе помпадура, — говорилъ онъ мнѣ, — почти ненужное; но именно эта-то ненужность и придаетъ ему то цикантное значеніе, которое оно имѣетъ у насъ. Оно не нужно, и между тѣмъ оно есть... вы меня понимаете?

„— Не совѣмъ, *monseigneur!*

„— Постараюсь высказаться яснѣе. У помпадура нѣтъ никакого спеціальнаго дѣла („лучше сказать, никакого дѣла“, поправился онъ): онъ ничего не производитъ, ничѣмъ непосредственно не управляетъ и ничего не рѣшаетъ. Но у него есть внутренняя политика и досугъ. Первая даетъ ему право вмѣшиваться въ дѣла другихъ; второй — позволяетъ разнообразить это право до безконечности. Надѣюсь, что теперь вы меня понимаете?

„— Извините, *excellence*, но я такъ мало посвященъ въ дружины стеной политики (*la politique des steppes*), что многого не могу уразумѣть. Такъ напримѣръ: для чего вы *вмѣшиваетесь* въ дѣла другихъ? Вѣдь эти „другіе“ суть служители того же бюрократическаго принципа, котораго представителемъ являетесь и вы? Ибо насколько я понимаю конституцію стеной...

„— Прежде всего — у насъ вовсе нѣтъ конституціи. Наши стени вольны... какъ стени или какъ тотъ вихрь, который гуляетъ по нимъ изъ одного конца въ другой. Кто можетъ удержать вихрь? спрашиваю я васъ. Какая конституція можетъ настичнуть его? — прервалъ онъ меня такъ строго, что я нѣсколько смѣшался и счелъ за нужное извиниться.

„— Я не такъ выразился, *monseigneur*, — сказалъ я: — я употребилъ слово „конституція“ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы удостоили принять его. По мнѣнію людей науки, всякое государство, однажды *конституированное*, уже тѣмъ самымъ заявляетъ, что оно

имѣть свою конституцію... Затѣмъ, разумѣется, можетъ быть конституція вредная, но можетъ быть и полезная...

„— Все это прекрасно-съ, но я прошу васъ не употреблять въ нашихъ разговорахъ ненавистнаго мнѣ слова „конституція“ ...никогда! Entendez-vous: jamais! Et maintenant que vous êtes averti, continuons.

„Итакъ, я сказалъ, что для меня непонятно, какое значеніе можетъ имѣть вмѣшательство однихъ бюрократовъ въ занятія другихъ бюрократовъ.

„Я готовъ былъ прибавить: „Быть можетъ, вы дѣлитесь? Тогда —я понимаю? О, comme je comprends cela, monseigneur!“ Но, не будучи еще на совершенно короткой ногѣ съ моимъ высокопоставленнымъ другомъ, воздержался отъ этого замѣчанія. Однакожъ онъ, по-видимому, понялъ мою тайную мысль, потому что покраснѣлъ какъ варенный ракъ и взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ:

„— Я протестую всѣми силами души моей! Слышите: протестую!

„— Но въ такомъ случаѣ я, право, не понимаю, въ чемъ же состоитъ цѣль этого непрерывнаго вмѣшательства?

„— Вы глупы, Шенаран! (Да, онъ сказалъ мнѣ это, несмотря на то, что въ то время былъ еще очень учтивъ относительно меня.) Вы не хотите понять, что чѣмъ больше съ моей стороны вмѣшательства, тѣмъ болѣе я получаю правъ на вниманіе моего начальства. Если я усмирю въ году одну революцію — это хорошо; но если я усмирю въ годъ двѣ революціи — это ужъ отлично! И вы, который находитесь на службѣ у величайшаго изъ усмирителей революцій — вы не понимаете этого!

„— Я понимаю, я даже очень хорошо понимаю это, monseigneur! Но, признаюсь, я полагалъ, что положеніе вашего отечества...

„— Всѣ отечества находятся въ одномъ положеніи для чело-вѣка, который желаетъ обратить на себя вниманіе начальства —vous m'entendez? Но это еще не все! Я имѣю и личное самолюбіе... sacre-bleu! У меня есть внутренняя политика, у меня есть прерогативы! Я хочу проводить мой взглядъ... sapristi! Я желаю, чтобъ съ этими взглядами сообразовались, а не противодействовали имъ! Это мое право... это, наконецъ, мой капризъ! Вы возлагаете на меня отвѣтственность... вы требуете отъ меня et ceci, et cela... позвольте же

и мнѣ имѣть свой капризъ! Надѣюсь, что это не какая-нибудь чудовищная претензія съ моей стороны?

„— Но законъ, *monseigneur*? Какимъ образомъ примирить капризъ съ закономъ?

„— *La loi! parlez-moi de ça! nous en avons quinze volumes, mon cher!*

„На этомъ нашъ разговоръ пресѣлся. Какъ ни нова была для меня административная теорія, выразившаяся въ послѣднемъ восклицаніи моего собесѣдника, но, признаюсь откровенно, отвѣта, съ которою онъ выразился о законѣ, понравилась мнѣ. Хотя *monseigneur Маурас* нерѣдко говаривалъ мнѣ: „по нуждѣ, *mon cher*, и закону премѣна бываетъ“, но онъ говорилъ это потихоньку, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь не услышалъ. И вдругъ— эта ясность, эта смѣлость, этотъ полетъ... какъ было не плѣниться ими! Казаки вообще отважны и склонны видѣть непріятели даже тамъ, гдѣ мы, люди старой цивилизаціи, видимъ лишь покровительство и гарантію. Эти люди совсѣмъ свѣжіе, не имѣющіе ни одного изъ предрасудковъ, которые обременяютъ жизнь западнаго человѣка. Съ самою веселою непринужденностью смотрятъ они на такъ-называемыя нравственныя обязательства, но зато никто не можетъ сравниться съ ними относительно тѣлесныхъ упражненій, а за столомъ, за бутылкой вина, съ женщинами—это рѣшительно непобѣдимѣйшіе борцы (*jouteurs*) въ цѣломъ мірѣ. Я, напримѣръ, ни разу не видалъ моего амфитріона пьянымъ, хотя количество истребленныхъ имъ, въ моихъ глазахъ, напитковъ, по истинѣ, едва вѣроятно. Ни разу не сложилъ онъ оружія передъ непріателемъ, и все дѣйствіе, оказываемое на него виномъ, ограничивалось перемѣною цвѣта лица и нѣскольکو большимъ одушевленіемъ, съ которымъ онъ начиналъ лгать (*blaguer*).

„Тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что значеніе, которое имѣютъ помпадуры въ русскомъ обществѣ, продолжало казаться для меня неяснымъ. Я не могъ себѣ представить, чтобы могла существовать гдѣ-нибудь такая административная каста, которой роль заключалась бы въ томъ, чтобы мѣшать (я считаю слово „мѣшаться“ слишкомъ серьезнымъ для такого занятія), и которая на поминаніе о законѣ отвѣчала бы: *sapristi! nous en avons quinze volumes!* Сомнѣнія мои я, впрочемъ, относилъ не къ собственной своей

непонятливости, а скорѣе къ неумѣнію князя ясно формулировать свою мысль. Онъ самъ, какъ видно, не сознавалъ, въ чемъ состоитъ его административная роль, и это будетъ совершенно понятно, если мы вспомнимъ, что въ Россіи до сихъ поръ (писано въ 1853 году) разсадниками администраціи считаются кадетскіе корпуса. Въ этихъ заведеніяхъ молодымъ людямъ пространно преподають одну только науку, называемую „Zwon ropéta razdawaïss“ (самъ князь былъ очень веселъ, когда передалъ мнѣ это длинное названіе, и я увѣренъ, что ни въ какой другой странѣ Европы науки съ подобнымъ названіемъ не найдется); прочія же науки, безъ которыхъ ни въ одномъ человѣческомъ обществѣ нельзя обойтись, проходятся болѣе нежели кратко. Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что лица, получившія такое воспитаніе, оказываются неспособными выражать свои мысли связно и послѣдовательно, а отдѣлываются одними ничего не стоящими восклицаніями, въ родѣ: „sapristi“, „ventre de biche“, „parlez-moi de ça“, и т. д.

„Только тогда, когда негостепримная степь уже приняла насъ въ свои суровыя объятія, то-есть по прибытіи на мѣсто, я могъ хотя отчасти уразумѣть, чтѣ хотѣлъ выразить мой высокопоставленный амфитріонъ, говоря о своихъ прерогативахъ.

„Покуда мы еще не вѣхали въ предѣлы того края, въ которомъ помпадурствовалъ князь де-ла-Клюквѣ, поведеніе его было довольно умѣренно. Онъ билъ ямщиковъ съ снисходительностью, о которой я могу отозваться лишь съ величайшею похвалою (я не говорю уже о поведеніи его за границей, гдѣ онъ былъ весь — утонченная вѣжливость). Но едва онъ завидѣлъ пограничный столбъ, указывавшій начало его владѣній, какъ тотчасъ же вынулъ изъ ноженъ свою саблю, перекрестился и, обращаясь къ ямщику, испустилъ крикъ, имѣвшій зловѣщее значеніе. Мы понеслись стрѣлою и какъ сумасшедшіе скакали всѣ пятнадцать верстъ, остававшихся до станціи. Но ему казалось, что его все еще недостаточно скоро везутъ, потому что онъ черезъ каждыя пять минутъ поощрялъ ямщика полновѣсными ударами сабли. Я никогда не видалъ человѣка до такой степени разсерженнаго, хотя причины его гнѣва не понималъ. Признаться, я сильно боялся, чтобъ во время этой бѣшеной скачки у нашего экипажа не переломилась ось, ибо мы несомнѣнно погибли бы, если бы это случилось. Но уговорить его не торопить ямщика было невоз-

можно, потому что безумная ѣзда по дорогамъ есть одна изъ прерогативъ, за которую помпадуръ особенно страстно держатся.

„— Я паучу ихъ, какъ ѣздить... каналій! — твердилъ онъ, обращаясь ко мнѣ и какъ бы наслаждаясь страхомъ, который должна была выражать моя фізіономія.

„И дѣйствительно, мы проѣхали нѣсколько болѣе двухъ-сотъ верстъ въ теченіе двѣнадцати часовъ, и, несмотря на эту неслыханную быстроту, онъ приказывалъ на станціяхъ сѣчь ямщиковъ, говоря мнѣ:

„— C'est notre manière de leur donner le pourboire!

„Пріѣхавши въ главный городъ края, мы остановились въ большомъ казенномъ домѣ, въ которомъ мы буквально терялись какъ въ пустынь (князь не имѣлъ семейства). Было раннее утро, и мнѣ смертельно хотѣлось спать, но онъ непремѣнно желалъ, чтобы немедленно произошло официальное представленіе, и потому разослалъ во всѣ концы гонцовъ съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи. Черезъ два часа залы дома уже были наполнены трепещущими чиновниками.

„Хотя и въ нашей прекрасной Франціи прерогативы играютъ немаловажную роль, но, клянусь, я никогда не могъ себѣ представить что-либо подобное тому, что я увидѣлъ здѣсь. У насъ слово „негодяй“ (vaurien, polisson... и, къ несчастью, chepau) есть высшая степень порицанія, которую можетъ заслужить провинившійся подчиненный отъ разсерженнаго начальника; здѣсь же, независимо отъ обильно-расточаемыхъ личныхъ оскорбленій, принято еще за правило приобщать къ нимъ родственниковъ оскорбляемаго въ восходящей степени. Князь былъ красенъ какъ ракъ и черебѣгалъ отъ одного подчиненнаго къ другому, источая цѣлые потоки дурной брани. Въ особенности же доставалось отъ него одному хромому майору, котораго онъ иронически рекомендовалъ мнѣ: „вотъ мой Монъ“. Я думалъ, не замышлялъ ли этотъ несчастный человѣкъ похитить, въ отсутствіе князя, его власть (что, конечно, оправдывало бы его гнѣвъ); по оказалось, что ничего подобнаго не бывало. Я до сихъ поръ не могу объяснить себѣ, что мотивировало тѣ прискорбныя сцены, которыхъ я былъ свидѣтелемъ въ это памятное для меня утро. Хотя же князь и объяснилъ ихъ желаніемъ оградить свои прерогативы, но и эта причина казалась недостаточною, ибо никто, повидимому, на эти прерогативы не посягалъ. Словомъ сказать, официальное пред-

ставленіе кончилось къ полнѣйшему торжеству моего высокопоставленнаго амфитріона, который ходилъ по комнатамъ, выгнувъ шею, какъ конь, и гордо празднуя безъ труда одержанную побѣду.

„Только за обѣдомъ я успѣлъ нѣсколько опомниться. Было довольно весело, ибо здѣсь присутствовало нѣсколько фаворитовъ князя, молодыхъ людей, бесспорно очень образованныхъ. Одинъ изъ нихъ, недавно возвратившійся изъ Петербурга, очень удачно представилъ, какъ M-lle Page *) на своихъ soirées intimes поетъ: „Un soir à la barrière“. Пѣсенка эта, хотя далеко не новая и почти исчезнувшая изъ моей памяти, доставила мнѣ живѣйшее удовольствіе.

„Вечеромъ того же дня князь представилъ меня дамѣ своего сердца, которую онъ, незадолго передъ тѣмъ, отнялъ у одного изъ здѣшнихъ муниципальных совѣтниковъ **). Роскошнѣйшая эта женщина произвела на меня глубокое впечатлѣніе, которое еще болѣе усилилось, когда нога моя почувствовала подъ столомъ давленіе ея ножки. Мужъ ея былъ тутъ же и очень смѣшалъ насъ своими шутками надъ обманутыми мужьями, изъ числа которыхъ онъ просто душно не исключалъ и самого себя. Нѣкоторыя изъ этихъ шутокъ, подъ личиною наивности, заключали въ себѣ настолько язвительности, что помпадуръ сердился и краснѣлъ. Но морганатическая его подруга, повидимому, уже привыкла къ подобнымъ сценамъ и присутствовала при нихъ совершенно какъ постороннее лицо.

„Веселый нашъ ужинъ приближался къ концу, какъ вдругъ приближали доложить, что въ концѣ города вспыхнулъ пожаръ.

— Ну, вотъ и прекрасно, — обратился ко мнѣ помпадуръ: — vous allez me voir à l'œuvre!

„Но я, признаюсь, былъ далеко не радъ, когда увидѣлъ (это было въ первый разъ со времени нашего знакомства), что князь совсѣмъ пьянъ. Близость ли любимой особы подѣйствовала на него возбуждающимъ образомъ, или это былъ непосредственный результатъ опьяненія властью — какъ бы то ни было, но онъ едва держался на ногахъ. Оказалось, однако, что и это послужило ему на пользу. Обыкновенно ни одинъ пожаръ не обходился безъ того, чтобы онъ

*) Известная въ то время актриса французскаго театра въ Петербургѣ. — *Авт.*

***) Очевидно, это ошибка: муниципальных совѣтниковъ никогда въ Россіи не бывало. — *Авт.*

кого-нибудь не прибилъ; теперь же онъ все время проспалъ и проснулся уже тогда, когда пламя было совершенно потушено.

„При возвращеніи съ пожара домой онъ такъ непріятно поразилъ меня, что сердце мое впервые болѣзненно сжалось, какъ бы подъ вліяніемъ какого-то темнаго предчувствія.

„— Ну-съ, господинъ Шенапанъ (онъ даже не скрывалъ, что дѣлаетъ изъ моей фамиліи очень обидную для меня игру словъ), поправилось *тебѣ* у меня?—обратился онъ ко мнѣ.

„Какъ ни больно кольнула меня эта предумышленная игра словъ, а равно и безцеремонное *ты*, обращенное ко мнѣ, человѣку совершенно посторонняго вѣдомства, однако я чувствовалъ, что надобно покориться.

„— Я болѣе нежели очарованъ, monseigneur!—отвѣтилъ я.

„— Гм... желалъ бы я посмотреть, какъ бы ты не былъ очарованъ... прохвость (prakhvost)!

„Сказавши это, онъ такъ странно засмѣялся, что я тотчасъ же понялъ, что я нахожусь не въ гостяхъ, а въ плѣну.

„O, ma France bien aimée! O, ma mère!

„Князь очень скоро научился у меня всѣмъ секретамъ ремесла; но по мѣрѣ того, какъ онъ тверже становился на ноги, я больше и больше падалъ въ его глазахъ. Первые два мѣсяца онъ очень аккуратно уплатилъ мое жалованье, но на третій мѣсяць прямо объявилъ мнѣ, что я и весь не стою двухъ су. Когда же я началъ умолять его, ссылаясь на престарѣлую мать и дѣвицу-сестру, у которой единственное сокровище на землѣ—ея добродѣтель, то онъ не только не внялъ голосу великодушія, но даже позволилъ себѣ нѣсколько двусмысленностей насчетъ добродѣтели моей доброй, бѣдной сестры.

„Въ ожиданіи, что Богъ просвѣтитъ его сердце, я долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что мнѣ давали даромъ столъ и квартиру. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ важныхъ оскорбленій. У меня отняли мою прежнюю постель и замѣнили ее чѣмъ-то такимъ, чему на нашемъ прекрасномъ языкѣ нѣтъ имени. За столомъ надо мной постоянно издѣвались, принявъ, такъ сказать, за правило называть меня прохвостомъ. Къ несчастію, я имѣлъ неосторожность проговориться, что меня бивали въ Парижѣ при исполненіи обязанностей, и эту ненужную откровенностью я самъ, такъ сказать, приготовилъ

безконечную канву для разнообразѣйшихъ и неприличнѣйшихъ шутокъ, съ которыми эти неизобрѣтательные сами по себѣ люди обращались ко мнѣ. Сверхъ того, меня каждый разъ непремѣнно оставляли безъ какого-нибудь блюда (обыкновенно, съ самую утонченную жестокостью, выбиралось то блюдо, которое я больше всего любилъ), и когда я жаловался на голодъ, то меня безъ церемоній отсылали въ людскую. Но всего прискорбиѣе для меня было то, что при мнѣ оскорбляли моего всемилостивѣйшаго повелителя и императора Наполеона III, а въ его лицѣ и мою прекрасную, дорогую Францію. Такъ напримѣръ, спрашивали меня, правда ли, что Наполеонъ (они нарочно произносили это имя: Napoléoschkas — уменьшительное презрительное) торговалъ въ Лондонѣ гусями, или правда ли, что онъ вмѣстѣ съ Морни содержалъ въ Нью-Йоркѣ домъ тернимости? и т. д. И все эти легкомысленныя шуточки дѣлались въ то время, когда уже стоялъ на очереди грозный восточный вопросъ...

„Такъ продолжалось до осени. Наступали холода, а въ моей комнатѣ не вставляли двойныхъ рамъ и не приказали топить ее. Я никогда не принадлежалъ къ числу строптивыхъ, но при первомъ жестокомъ уколѣ холода и моя самоотверженность дрогнула. Тутъ только я убѣдился, что надежда на то, что Богъ просвѣтитъ сердце моего высокопоставленнаго амфитріона, есть надежда въ высшей степени легкомысленная и несбыточная. Скрѣпя сердце, я рѣшилъ оставить негостепрѣимныя степи, и явился къ князю съ просьбой снабдить меня хотя такую суммой, которая была нужна, чтобы достигнуть береговъ Сены.

„— Я уже не настаиваю на выдачѣ мнѣ должнаго, monseigneur, — сказала я: — на выдачѣ того, что я заработалъ вдали отъ дорогой родины, питаюсь горькимъ хлѣбомъ чужбины...

„— И хорошо дѣлаешь, что не настаиваешь... chenapan! — замѣтилъ онъ холодно.

„— Я прошу только одной милости: снабдить меня достаточной суммой, которая позволила бы мнѣ возвратиться на родину и обнять мою дорогую мать!

„— Хорошо, я подумаю... chenapan!

„Дни проходили за днями; мою комнату продолжали не топить, а онъ все думалъ. Я достигъ въ это время до послѣдней степени протраціи и никому не жаловался, но глаза мои сами собой плакали.

Будь въ моемъ положеніи послѣдняя собака—и та способна была бы возбудить сожалѣніе... Но *онъ* молчалъ!!

„Впослѣдствіи я узналъ, что подобныя дѣйствія на русскомъ языкѣ называются „шутками“... Но если таковы ихъ *шутки*, то каковы же должны быть ихъ жестокости!

„Наконецъ онъ призывалъ меня къ себѣ.

„— Хорошо, — сказалъ онъ мнѣ: — я дамъ тебѣ четыреста франковъ, но ты получишь ихъ отъ меня только въ томъ случаѣ, если перейдешь въ православную вѣру.

„Я съ удивленіемъ взглянулъ ему въ глаза, но въ этихъ глазахъ ничего не выражалось, кромѣ непреклонности, не допускающей никакихъ возраженій.

„Я не помню, какъ былъ совершенъ обрядъ... Я даже не увѣренъ, былъ ли это *обрядъ*, и не исполнялъ ли роль попа переодѣтый чиновникъ особыхъ порученій...

„Справедливость требуетъ, однакожь, сказать, что по окончаніи церемоніи онъ поступилъ со мною какъ *grand seigneur*, то-есть не только отпустилъ условленную сумму сполна, но подарилъ мнѣ прекрасную, почти непошенную пару платья и приказалъ везти меня безъ прогоновъ до границъ слѣдующаго помпадурства. Надежда не обманула меня: Богъ хотя поздно, но просвѣтилъ его сердце!

„Черезъ двѣнадцать дней я былъ уже на берегахъ Сены и, вповѣ благосклонно принятый монсеньёромъ Мопа на службу, разгуливалъ по бульварамъ, весело напѣвая:

Les lois de la France,
Votre excellence!
Mourir, mourir,
Toujours mourir!

„O, ma France!

„O, ma mère!“

„La question d'Orient. Le plus sûr moyen d'en venir à bout“.
Par un Observateur Impartial. Leipzig, 1857. („Восточной во-

прось. Вѣрнѣйшій способъ покончить съ нимъ“. Соч. Безпристрастнаго Наблюдателя. Лейпцигъ. 1857 *).

„Хочу рассказать, какъ одинъ мой пріятель вздумалъ надо мной пошутить, и какъ шутка его ему же во вредъ обратилась.

„На дняхъ пріѣзжаетъ ко мнѣ изъ Петербурга К***, бывшій цѣловальникъ, а нынѣ откупщикъ и публицистъ. Обрадовались; сѣли, сидимъ. Зашла рѣчь о нынѣшнихъ дѣлахъ. Чтò и какъ. Многое похвалили, иному удивились, о прочемъ прошли молчаніемъ. Затѣмъ перешли къ братьямъ-славянамъ, а по дорогѣ и „больного человѣка“ задѣли. Рѣшили, что надо пустить кровь. Переговоривъ обо всемъ, вижу, что уже три часа, время обѣдать, а онъ все сидитъ.

„— Расскажи, говоритъ, какъ ты къ черногорскому князю ѣздилъ!

„Разказалъ.

„— А не расскажешь ли, какъ ты съ Палацкимъ познакомился?

„Разказалъ.

„— Такъ ты говоришь, что „больному человѣку“ кровь пустить надо?

„— Непремѣнно полагаю.

„— А нельзя ли какъ-нибудь другимъ манеромъ его разорить?

„— Нельзя. Водки онъ не пьетъ.

„Бьетъ три съ половиной, а онъ все сидитъ. Зашла рѣчь о предсказаніяхъ и предзнаменованіяхъ.

„— Снилось мнѣ сегодня ночью, что я въ гостяхъ обѣдаю! — вдругъ говоритъ К***.

„Или, другими словами, прямо навязывается ко мнѣ на обѣдъ. Въ величайшемъ смущеніи смотрю на него, тщуся разгадать: какія еще новыя шутки онъ со мной предпринять выдумаетъ? Ибо, какъ человѣкъ богатый, онъ можетъ предпринять многое такое, чтò другому и въ голову не придетъ. Однако, дѣлать нечего; слѣдуя законамъ московскаго хлѣбосольтва, рѣшаюсь покориться своей участи.

*) Подозрѣваютъ, что подъ псевдонимомъ „Безпристрастнѣйшій Наблюдатель“ скрывается одинъ знаменитый московскій археологъ и чревоушца-тель. Но такъ какъ подобное предположеніе ничѣмъ не доказано, то и этого автора я нашелся вынужденнымъ помѣстить въ число знатныхъ иностранцевъ.— *Аст.*

„ — Дома, говорю, у меня ничего не готовлено, а вотъ въ Новотроицкѣй, коли хочешь...

„Сказалъ это и испугался.

„ — Въ Новотроицкѣй, такъ въ Новотроицкѣй, — говоритъ. — Только, чуръ, на твой счетъ. Мнѣ, братъ, сегодня такая блажь въ голову пришла: непременно на твой счетъ обѣдать хочу.

„Дѣлать нечего, поѣхали.

„Выпили по рюмкѣ очищеннаго и съѣли по небольшому кусочку ветчины. Мало. А между тѣмъ, по непомерной нынѣшней дороговизнѣ, вижу, что уже за одно это придется заплатить не менѣе пятнадцати копѣекъ съ брата.

„Тогда я счелъ, что съ моей стороны долгъ гостепрѣимства уже исполненъ, и что засимъ я имѣю даже право рассчитывать, что и онъ свой долгъ выполнить, то-есть распорядится насчетъ обѣда. Ничуть не бывало. Уже рассказалъ я ему и о томъ, какъ я у Ганки обѣдалъ, и о томъ, какъ едва не отобѣдалъ у Гоголя, а онъ все смѣется и никакихъ распоряженій не дѣлаетъ. Тогда, дабы уничтожить въ душѣ его всякія сомнѣнія, я позвалъ полового и спросилъ у него счетъ.

„ — А обѣдать-то какъ же? — спросилъ меня К.

„ — Я, съ своей стороны, сытѣхонекъ! — отвѣтилъ я, едва впрочемъ скрывая терзавшій меня голодъ.

„ Тогда онъ, весело расхохотавшись, сказалъ:

„ — Ну, братъ, вижу, что тебя не побѣдишь! Вѣришь ли, всю дорогу, изъ Петербурга ѣхавши, я твердилъ себѣ: не все мнѣ его кормить! пообѣдаю когда-нибудь и я на его счетъ! Вотъ-те и пообѣдадь!

„ Затѣмъ, когда недоразумѣніе между нами кончилось, засѣли мы за столъ, причемъ я, изъ предосторожности, завѣсилъ себѣ грудь салфеткою.

„ Подавали: селянку московскую изъ свѣжей осетрины — прекрасную; котлеты телячьи паровыя — превосходныя; жаренаго поросенка съ кашей — отиѣннѣйшаго.

„ Зная исправность моего желудка, я ѣлъ съ такимъ расчетомъ, чтобъ быть сытымъ на три дня впередъ.

„ Наѣвшись, стали опять бесѣдовать о томъ, какъ бы „больного человѣка“ поддуть, ибо хотя К*** и откупились, но такъ какъ

многіе ученые его гостепріимствомъ во всякое время пользуются, то и онъ между ними пріобрѣлъ нѣкоторый въ политическихъ дѣлахъ глазомѣръ.

„Прикладывали и такъ, и этакъ. Флотовъ нѣтъ — передъ флотами. Денегъ нѣтъ — передъ деньгами. Все будетъ, коли люди будутъ; вотъ людей нѣтъ — это такъ.

„Сидимъ. Повѣсили головы.

„Однакожь, когда выпили нѣсколько здравицъ, то постепенно явились и люди.

„ — Какъ людей нѣтъ! кто говорить, что людей нѣтъ! да вотъ его пошлите! его! Гаврилу! да! — кипятился К***, указывая на служиваго намъ полового.

„И затѣмъ, разгораясь по мѣрѣ каждой выпитой здравицы, онъ въ особенности началъ рекомендовать мнѣ нѣкоего N—скаго помпадура, Петра Толстолобова, какъ человѣка, которому даже и передъ Гаврилой предпочтеніе отдать можно.

„ — Это такой человѣкъ! — кричалъ онъ: — такой человѣкъ! географіи не знаетъ, ариеметики не знаетъ, а кровь хоть кому угодно пустить! Самородокъ!

„ — Поди, онъ, чай, и въ Стамбуль-то доѣхать не съумѣетъ! — усомнился я.

„ — Не съумѣетъ — это вѣрно!

„Задумались. Стали прикидывать, сколько у насъ самородковъ въ пѣдрахъ земли скрывается: наукъ не знаютъ, а кровь пустить могутъ!

„ — Одна бѣда — какими способами его въ Стамбуль водворить! Флотовъ нѣтъ! денегъ нѣтъ! — восклицалъ К***.

„ — Чудакъ ты, братецъ! самъ же сейчасъ говорилъ, что флотовъ нѣтъ — передъ флотами!

„ — Кто говорилъ, что флотовъ нѣтъ? я, что-ли, говорилъ, что флотовъ нѣтъ! Никогда?! Я говорилъ...

„ — Выпили еще здравицу и послали Палацкому телеграмму въ Прагу. Заснули.

„Въ 12 ночи проснулись.

„ — Я, — говоритъ К***: — удивительнѣйшій сонъ видѣлъ!

„И рассказалъ мнѣ, что во снѣ ему представилось, будто бы

Толстолобовъ ужъ водворенъ въ Стамбулъ и пускаетъ „больному чело-
вѣку“ кровь.

„— И такъ, братецъ, онъ ловко...

„Но я, будучи трезвъ, отвѣтилъ на это:

„— Не всегда сны сбываются, другъ мой! Вотъ ты вчера ви-
дѣлъ во снѣ, что въ гостяхъ у меня обѣдаешь, а между тѣмъ кто
изъ насъ у кого въ гостяхъ отобѣдалъ? По сему можешь судить и о
прочемъ.

„Сказавши это, я вышелъ изъ трактира; онъ же остался въ трак-
тирѣ, дабы на досугѣ обдумать истину, скрывавшуюся въ словахъ
моихъ.

„Имѣяя уши слышати—да слышать!“

„Какъ мы везли Ямуцки принца Иззединъ-Музаферъ-Мирза
въ Россію“. Писалъ съ натуры прыщцовъ воспитатель Хабибулла
Науматуллоичъ, бывший служитель въ атель Бельвию (въ С.-Питим-
бурхи, на Невскимъ, противъ кіятра. Съ двухъ до семи обѣды по
1 р. и по 2 р. и по картѣ. Ужины. Завтраки.) *). Изданіе Общества
покровительства животнымъ.

„Въ пятницу, на масляной, только-что успѣли мы отслужить
господамъ, прибѣжалъ въ нашъ атель Ахметка и говоритъ: — Ха-
бибулла! можешь учить принца разумъ?—Я говорю: могу.—Айдѣ,
говоритъ, въ Касимовъ, бери плакатъ и ѣзжай въ Ямудію!

„Ѣзжалъ Касимовъ, биралъ плакатъ,—айдѣ въ Ямудію!

„Ѣзжалъ тамошній сталица. Чудной городъ, весь изъ песку.

Сичасъ къ принцу.

„— Иззединъ-Музаферъ-Мирза! — говорю: — хозяинъ атель
Бельвию (на самымъ Невскимъ, противъ кіятра, обѣды по 1 р. и
2 р. и по картѣ; ужины, завтраки) прислалъ мине тебе разумъ
учить—айдѣ въ Питембурхъ!

„— Какой такой Питембурхъ?—говоритъ.

„Смѣшно мнѣ стало.

„— Балшой ты ишакъ выросъ, а Питембурхъ не знаешь!

*) Какой странный воспитатель для молодого іомудскаго принца!—мо-
жетъ замѣтить читатель. Совершенно согласенъ съ справедливостью этого
замѣчанія, но замѣнить ничего не могу.—*Лит.*

- „Согласился.
- „— Айда, — говоритъ: — только учи мене разумъ, — Хабибулла! пажалста учи!
- „Стали собираться. Чимадашъ — нѣтъ; сакваяжъ — нѣтъ! Бида!
- „— Есть ли, — говорю, — по крайности, орденъ у тебя? Наши госнода ордена любятъ.
- „— Есть, — говоритъ, — орденъ ишакъ. Самъ дѣлалъ.
- „— Вери больше, — говорю.
- „Ѣхали-Ѣхали; плыли-плыли. Страсть!
- „Пескамъ Ѣхали, полямъ Ѣхали, лѣсамъ, горамъ Ѣхали. Морямъ плыли, заливамъ-праливамъ плыли, рѣкамъ плыли, озерамъ неплыли...
- „Одначе пріѢхали.
- „— Какой такой страна? — спрашивалъ принцъ.
- „— Балшой ты ишакъ выросъ, а такой дурацкой вещь спрашиваешь. Не страна, а Рассей, говорю.
- „— Учи мене разумъ, Хабибулла! пажалста учи!
- „Ѣзжали одинъ городъ — одинъ помпадуръ стричалъ.
- „— Какой такой человекъ? — говоритъ принцъ.
- „— Помпадуръ, — говоритъ.
- „— Вери орденъ ишакъ и термалама на халать!
- „Ишакъ бралъ, термалама бралъ, плечомъ цѣловалъ, ружьемъ стрѣлялъ... бида!...
- „Другой городъ Ѣзжали — другой помпадуръ стричалъ.
- „— Вери орденъ ишакъ и термалама на халать!
- „Ишакъ бралъ, термалама бралъ, плечомъ цѣловалъ, ружьемъ стрѣлялъ!
- „Сто верстъ Ѣзжали, тысячу верстъ Ѣзжали — вездѣ помпадуръ стричали. Народъ нѣтъ, помпадуръ есть.
- „— Хорошо здѣсь, — говоритъ принцъ: — народъ не видать, помпадуръ видать — чисто!
- „Въ Маршанскъ на машины Ѣзжали — машина какъ свиснетъ! Страсть! забоялся нашъ Иззединъ-Музаферъ-Мирза, заживотъ взялся.
- „— Умрешь здѣсь, — говорилъ: — айда домой, въ Ямудию!
- „Досадно мнѣ, ай-ай, какъ досадно стало!
- „— Балшой, — говорю, — ты ишакъ выросъ, а до мѣста потерпѣть не можешь!
- „Слышать не хочеть — шабашъ!

„ — Айда́ домой! — риформа дома дѣлать хочу!

„ Одну только станцію на машини ѣзжали — айда́ назадъ въ Ямудію!

„ Ёхали-ёхали; плыли-плыли.

„ Одинъ городъ ѣзжали — одинъ помпадуръ стричалъ; другой городъ ѣзжали — другой помпадуръ стричалъ.

„ Ишакъ давалъ, термалама не давалъ. Ёбалко стало.

„ — Ай-ай, хорошо здѣсь! — говорилъ принцъ: — народъ нѣтъ, помпадуръ есть — чисто! Айда́ домой риформа дѣлать.

„ Домой ѣзжалъ, риформа начиналъ.

„ Народъ гонялъ, помпадуръ сажалъ, риформа кончалъ“.

1873 г.

II.

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ

11

HERBERT BAKER

І.—Гегемоніевъ.

Молодой коллежскій регистраторъ Потанчиковъ получилъ мѣсто станового пристава. Произошло это радостное въ лѣтописяхъ русской администраціи событіе слѣдующимъ необычайнымъ образомъ.

Однажды, одѣвшись чистенько, явился онъ на дежурство къ его превосходительству, генералу Зубатову. Генераль, кромѣ другихъ добродѣтелей имѣвшій даръ съ перваго взгляда угадывать людей, угадалъ и Потанчикова. Проходя мимо юнаго коллежскаго регистратора, онъ окинулъ его быстрымъ и проницательнымъ взоромъ, и тутъ же вполголоса сказалъ сопровождавшему его вице-губернатору:

— А какъ вы думаете... этотъ молодой человѣкъ... вѣдь изъ него можетъ выйти молодецъ становой?

— Мо... мо... —промычалъ было вице-губернаторъ, желая, вѣроятно, высказать, что Потанчиковъ молодецъ, но на первомъ же слогѣ загнулся, вспомнивъ, что ему отъ начальства строго-на-строго было наказано всего болѣе о томъ пещись, чтобъ съ губернаторомъ жить въ ладу.

— А стань-ко, любезный, ближе къ свѣту! —продолжалъ его превосходительство, обращаясь къ Потанчикову.

Потанчиковъ повиновался. Генераль, заложивъ руки за спину, снова окинулъ его испытующимъ взглядомъ, и, произведя довольно подробный наружный осмотръ, видимо остался доволенъ своею способностью угадывать людей.

— Гм... да, въ этомъ прокъ будетъ! — проговорилъ онъ: —я, знаете, всю эту реформу въ исполненіе привезть хочу... чтобъ этихъ

законопротивныхъ фizioномiй у меня не было... А ты желаешь въ становые, мой милый?

Потанчиковъ сначала помертвѣлъ, потомъ застыдился, потомъ опять помертвѣлъ. Горло у него пополамъ перехватило, и одна нога, неизвѣстно отчего, начала присѣдать.

— Ну, хорошо, хорошо... вижу!—сказалъ генераль, любуясь смущенiемъ молодого человѣка, и, обращаясь къ вице-губернатору, прибавилъ:—такъ потрудитесь сдѣлать распоряженiе.

Въ этотъ же достопамятный день, вечеромъ, новоиспеченный становой соорудилъ въ трактиръ такую попойку, послѣ которой выборные люди отъ всѣхъ отдѣленiй губернскаго правленiя слонялись цѣлую недѣлю, словно влюбленные.

Тутъ были всѣ, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависѣли будущiя судьбы Потанчикова. Былъ и несокрушимый въ пунштѣхъ Псалмопѣвцевъ, и цѣломудренный Матѳей Скорбященскiй, были Подгоняичиковъ и Трясучкинъ, было двое Воскресенскихъ, трое Богоявленскихъ и проч.

— Просто, братъ, волшебная панорама!—ораторствовалъ Потанчиковъ, повѣствуя объ утреннемъ происшествiи:—показываетъ это, показываетъ... какъ только пережилъ!

— Да, братъ, изъ простыхъ рыбарей!—благодушно замѣтилъ Матѳей Скорбященскiй.

— Ужъ и не говори! думалъ жизнь, по обычаю предковъ, въ званiи писца скончать...

— А теперь вотъ будешь вселенную перомъ уловлять! — превраль, вздохнувъ, одинъ изъ Богоявленскихъ.

— Нѣтъ, это чтѣ! это все пустое! — скороговоркой вступился Трясучкинъ:—а ты возьми, станице-то, станице-то какой! славы, братъ, конокрады, раскольники... вотъ ты чтѣ вообрази!

— Да, при умѣ статьи хорошия!—отозвался Псалмопѣвцевъ.

— Ты больше натискомъ... натискомъ больше дѣйствуй.

— Да въ губернiю чаще навѣдывайся...

— Да ребятишекъ нашихъ не забывай...

— Ты, братъ, не оскорбись, коли иной разъ по моему столу тебѣ замѣчанiе будетъ... Я, братъ, тебѣ другъ — ты это знай! — изъяснялся Скорбященскiй.

— Безъ замѣчанiя иной разъ нельзя...

— Безъ замѣчаній какъ же можно!

— Иной разъ, братъ, самъ губернаторъ тово... да что тутъ говорить! отстоимъ!

— Такъ ты больше натискомъ... натискомъ больше дѣйствуй!
— повторилъ Трясучкинъ.

— А по моему, такъ прежде всего къ Зиновею Захарычу сходить слѣдуетъ, — отозвался Псалмопѣвцевъ.

— Сходи, братъ! не человѣкъ, а душа!

— Сходить, отчего не сходить! сходить можно! — отвѣчалъ Потанчиковъ, улыбаясь всеѣмъ лицомъ отъ полноты внутренняго счастья.

— Нѣтъ, ты не говори: „сходить можно!“ — наставительно замѣтилъ Псалмопѣвцевъ: — потому ты еще не понимаешь! Ты думаешь, въ чемъ существо веществъ состоитъ? Напримѣръ, назовемъ хоть часы, или вотъ стаканъ... ты развѣ понимаешь?

— Да, братъ, именно надо у Зиновея Захарыча поучиться! надо!

— Или возьмемъ примѣромъ хоть то: развѣ ты можешь угадать, какое тебя впереди поношеніе ожидаетъ? — Спрашиваю тебя, можешь ли угадать?

— Да я, Разумникъ Семенычъ, схожу-сь... я, Разумникъ Семенычъ, еще пунштику прикажу-сь...

— Можно. А Зиновею Захарычу всему тебя научить и весь тебѣ кругъ дѣйствія совершить. Такъ ты къ нему сходи, да не легковѣрно, а со страхомъ и трепетомъ приступи! Вспомни ты это мое слово: въ отчаянности утѣшеніе найдешь, преткновенія разсѣешь и побѣдишь, въ дѣлахъ откровеніе получишь, коли заповѣдь его твердо хранить будешь!

Вѣрный данному слову, Потанчиковъ дѣйствительно отправился на другой день къ Зиновею Захарычу.

Зиновею Захарычу былъ выгнанный изъ службы подъячій, видомъ худенькій, маленькій, весь изъѣденный желчью. Встарину величали его весельчакомъ, и онъ дѣйствительно былъ всегда веселъ, но веселье по своему, съ какимъ-то мрачнымъ оттѣнкомъ, какъ будто радовался и увеселялся собственно тѣмъ, что удачно лишился жизни своего ближняго. Вся фигура его была каверзна и безобразна и до такой степени представляла собой образецъ ломаной линіи, что, при распространившихся въ послѣднее время понятійяхъ о линіи кривой,

онъ не могъ быть терпимъ на службѣ даже въ земскомъ судѣ, гдѣ, какъ извѣстно, находится самое мѣсторожденіе ломаной линіи. Поэтому Зиновой Захарычъ долженъ былъ кончить земное свое странствіе, подобно фіалкѣ, въ тѣни того широколѣтвистаго дерева, которое въ просторѣчьи именуется кляузой и ябедой.

— Отъ тебя, любезный, и на подчиненныхъ уныніе! — сказалъ ему генераль Зубатовъ, первый изъ русскихъ администраторовъ, который серьезно потребовалъ, чтобъ чиновники имѣли манеру благородную и видъ, при исполненіи обязанностей, безстрастный: — нѣтъ, ты подай, непременно подай въ отставку!

Но общественное мнѣніе рѣшительно приняло сторону Гегемоніева. Разказывали истинныя происшествія о томъ, какъ гнуснаго вида офицеры оказывались въ послѣдствіи прекрасными полковыми командирами и даже геніальными военачальниками. Говорили о премудрости Провидѣнія, которое одному даетъ въ удѣлъ красоту, другому богатство, третьему острый умъ, а четвертому ничего. Прорипцали, что никакое несправедливое дѣйствіе не останется безъ возмездія въ будущемъ, и вообще на генерала негодовали, а Гегемоніева восхваляли. А все-таки Зиновой Захарычъ долженъ былъ повиноваться персту указующему...

Но въ особенности неслись къ Гегемоніеву сердца канцеляристовъ всѣхъ возможныхъ родовъ и видовъ. Они любили, въ часы досуга, внимать разказамъ этого новаго Улисса и выслушивали ихъ въ веселіи сердца своего. И слава, которою пользовался Зиновой Захарычъ въ этомъ отношеніи, была вполне имъ заслужена. Никто, конечно, не могъ подать столь благого совѣта, никто не могъ такъ утѣшить, обнадежить и умудрить, какъ дѣлалъ это Гегемоніевъ. Гонимые судьбой возвращались отъ него бодрыми, недугующіе — исцѣленными, печальные — радостными, слѣпые — прозрѣвшими, безнадежные — утѣшенными и просвѣтленными.

На бѣду Потанчикова, хозяйка квартиры, въ которой жилъ Гегемоніевъ, объявила ему, что Зиновой Захарычъ со вчерашняго дня слегъ въ постель и въ настоящую минуту находится чуть ли не при смерти.

— Въ подпитіи, конечно-съ? — робко замѣтилъ Потанчиковъ.

Но хозяйка положительно завѣрила, что баринъ цѣлыя сутки маковой росинки въ ротъ не бралъ и умираетъ безъ всякой аллего-

ріи. Потанчиковъ уже хотѣлъ удалиться, какъ изъ сосѣдней комнаты послышался дребезжащій голосъ самого Гегемоніева, призывавшій хозяйку.

— Пожалуйте! — сказала она, возвращаясь черезъ минуту къ Потанчикову.

— Больны, Зиновой Захарычъ? — спросилъ Потанчиковъ, садясь у изголовья Гегемоніева.

— Да... перепустилъ, видно... на именинахъ третьяго дня у Разумника Семеныча былъ... ну, и поплясалъ тоже...

— Это пройдетъ, Зиновой Захарычъ; отъ радости худо не бываетъ-сь.

— Да, въ наше время, это точно, что люди отъ веселья не хва- рывали, а нынче, братъ, и радость-то словно не на пользу: вездѣ ровно тѣмнеть какая обстоитъ... Ты зачѣмъ?

— А вотъ-сь становымъ на всю жизнь осчастливили... жела- тельно было бы отъ васъ позаимствоваться-сь...

— Спасибо, спасибо тебѣ, что меня, старика, вспомнилъ. Это точно, что я нацутствовать могу, потому я произошелъ... я много, братъ, въ жизни произошелъ! Плохо вотъ только мнѣ; даже словно душить въ груди... однако ничего, попробую...

„ — Вертоградъ этотъ, — началъ Гегемоніевъ, по временамъ прерывая разсказъ свой удупливымъ кашлемъ: — вертоградъ, о ко- торомъ мы будемъ бесѣдовать, весьма необыкновенный. Въ самое ко- роткое время, съ небольшимъ въ какихъ-нибудь сто лѣтъ, разросся, приумножился и изукрасился онъ преестественно.

„Говоришь ты мнѣ: „становымъ на всю жизнь осчастливленъ“, а знаешь ли, чтѣ есть „становой“? Думаешь ты, можетъ быть, что становой есть Потанчиковъ, есть Овчинниковъ, есть Преображен- скій? А я тебѣ скажу, что все это одна только видимость, что и По- танчиковъ, и Овчинниковъ тутъ только на приглядъ даны, въ су- ществѣ же веществъ становой есть, ни мало, ни много, невеществен- ныхъ отношеній вещественное изображеніе... шутка!

„Скажу я тебѣ по этому самому случаю аллегорію.

„Въ младыхъ моихъ лѣтахъ, хаживалъ я, сударь, въ школу, и немало-таки розгачей и мученическихъ вѣнцовъ, просвѣщенія ради,

принялъ. И сказывали намъ тогда, какъ въ старыя годы отцы наши варяговъ изъ-за моря призывали, и какъ варяги порядокъ у насъ производили, и не обошлось тутъ безъ того, чтобъ гости хозяевъ легонько не постегали.

„И всему этому я, по невинности своей, въ ту пору вѣрилъ, и все это вышла, однакожъ, одна новѣйшаго произведенія аллегорія. Разберемъ это дѣло по пунктамъ.

„Ну, скажи ты мнѣ на милость, зачѣмъ было отцамъ нашимъ изъ-за моря варяговъ призывать, когда у насъ и свои завсегда налицо? И скажи ты мнѣ еще, какимъ бы родомъ эти варяги, еслибы это не была аллегорія, могли и доселѣ все въ томъ же видѣ остаться, безъ всякихъ въ нравахъ и обычаяхъ переменъ? Это пунктъ первый.

„Второй пунктъ: „земля наша велика и обильна“... Еслибы это не былъ вымыселъ, развѣ могъ бы лѣтописецъ такимъ образомъ выразиться? Развѣ не было ему извѣстно, что за тысячу-то лѣтъ всю матушку Русь на одну ладонку посадить, а другою прикрыть было можно? Что-жъ это значить? не то ли, что нѣкто, взирая на нынѣшнее пространство Россіи, увлекся восторженностью своей до того, что даже забылъ, что пишетъ о временахъ давно прошедшихъ? Ясно?

„Третій пунктъ: „а порядку въ ней нѣтъ“... Что сей сонъ значить? А значить это, что вообще порядку нѣтъ и не можетъ быть, пока три брата въ надлежащую ясность дѣла не приведутъ. Стало быть: „приходите княжить и володѣть нами“... Ну, и пришли. Пришли, сударь, три брата: первый-то братъ капитанъ-исправникъ, второй-то братъ стряпчій, а третій братецъ, маленькій да востренькій, — самъ мусье окружной!

„Они же бояхусь звѣринаго ихъ обычая и нрава“... Это значить, что точно спервоначалу было имъ будто робостно, а послѣ, однако, ничего: сжились да начали володѣть и взаправду!

„Ну-съ, сударь мой, пришли, значить, три брата, а какъ земля наша велика и обильна, то и выходитъ, что имъ втроемъ управиться въ этомъ изобиліи стало совсѣмъ неспособно. И пошли у нихъ братцы меньшіе, примѣрно хоть ты или я: чѣмъ больше порядку, тѣмъ больше братцевъ, и до того, сударь, дошло, что, кромѣ порядка, ничего у хозяевъ-то и не осталось. Гдѣ было жито — тамъ порядокъ; гдѣ ху-доба всякая была — тамъ порядокъ; гдѣ даже рошцы росли — и тамъ завелся порядокъ. И стало, сударь мой, хозяевамъ куда какъ

радостно: земля, говоритъ, наша хоть и не изобильна, да порядокъ въ ней есть... резонъ!

„Вотъ и выходитъ, что вся эта исторія одно инословіе изображаетъ, и если примѣрно тебя опредѣляютъ тенерь въ становые, то ты такъ и знай, что ты тотъ самый Труворъ и есть, о которомъ сказано, что для порядку призванъ.

„А порядокъ что такое? А порядокъ есть такое всѣхъ частей вертограда сего соотвѣтствіе, въ силу котораго всякому дѣйству человѣческому свой небуиственный ходъ зараньше опредѣляется. А небуиственность что? А небуиственность есть такое качество, въ силу котораго ты, человѣкъ простой, шагу безъ того сдѣлать не можешь, чтобъ *перметте* не сказать. Въ этомъ-то *перметте* и заключается вся сущность и сила, такъ какъ оно простираетъ свое домогательство ко всѣмъ дѣйствіямъ человѣческимъ безъ изъятія. И такъ какъ обладатели его мы, три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, то и выходитъ, что жизнь человѣческая вся въ нашихъ рукахъ совершается.

„Въ былыя времена, когда я къ служебнымъ сладостямъ еще пріобщенъ былъ, дѣйствовали мы на этомъ полѣ очень удачно. Главное тутъ—воображеніе имѣть, чтобъ оно тебѣ на всякій часъ пищу для дѣйствія доставляло. Воображаю я, напримѣръ, что ты фальшивую монету дѣлаешь; воображаю я это не потому, чтобъ ты въ самомъ дѣлѣ монету дѣлалъ, а просто потому, что воображеніе у меня есть и никто для него предѣла не заказалъ. Хорошо. Вотъ беру я бѣлый листъ бумаги и изображаю на немъ тако: „По дошедшимъ слухамъ, имѣется подозрѣніе, что такой-то Потанчиковъ занимается якобы дѣланіемъ фальшивой монеты. Подтверждаются эти слухи частью необыкновеннымъ образомъ жизни, который ведетъ Потанчиковъ (ибо въ домѣ его по ночамъ весьма часто усматривается выходящій какъ бы изъ подполья тусклый свѣтъ), частью чрезвычайнымъ появленіемъ въ сей мѣстности фальшивыхъ денегъ, преимущественно же тѣмъ, что жена Потанчикова, будучи такого-то числа на базарѣ, купила бѣличій салонъ, причемъ похвалялась, говоря: скоро и не такой еще куплю! А потому и т. д.“ Все это, сударь мой, это я себѣ вообразилъ, и никакого огня, ни фальшивыхъ денегъ не бывало. Однако тебѣ, Потанчикову, отъ этого не легче. Призываю я меньшого своего брата, который хоть и весь въ меня, а счи-

тается будто твоимъ депутатомъ, и идемъ мы вмѣстѣ къ тебѣ съ обыскомъ. Супруга у тебя стонетъ, ребятушки зѣваютъ, собаки на дворѣ воютъ... ну, и одаряешь ты, сударь, насъ по силѣ-возможности: только, молъ, отвяжитесь, ради Христа!

„Ты, дружище, пойми это, что въ тебѣ и начало, и середина, и конецъ человѣческаго существованія заключается. Ты, сударь, истинную вѣру охраняешь, ты уваженіе къ властямъ посѣваешь, ты здравіе, благоденствіе и продовольствіе всюду распространяешь, ты отъ глада и града, отъ труса и наводненія, отъ моря и повѣтрія сырыхъ и безпомощныхъ освобождаешь! И все ты одинъ, становой приставъ Никаноръ Перегриновъ Потанчиковъ, у котораго подъ началомъ единый писецъ состоитъ да десятка два-три сотесихъ! Мало того: потребуется начальству птицу Финикъ сыскать — ты и птицу сыщешь! потребуется статистику сочинить — ты и статистику сочинишь. Ты всеми добродѣтелями и науками отъ Бога награжденъ долженъ быть; ты и хозяинъ добрый, и сыщикъ злохитрый, и химикъ изрядный, и статистикъ урожденный! А такъ какъ ты всего этого, по ограниченности природы человѣческой, исполнить не въ силахъ и такъ какъ про эту твою ограниченность и начальству, яко изъ человѣковъ же состоящему, не безъизвѣстно, то какое изъ сего прямое слѣдствіе истекать должно? А то слѣдствіе, что ты если не дѣло дѣлать, такъ, по крайности, выгоды свои долженъ соблюсти!

„Это тебѣ философія, а вотъ и практика. Прежде всего помнить ты долженъ, что всякая статья должна, по силѣ-возможности, сокъ дать, чтобъ жажду твою утолить и гладнаго тебя накормить. По началу оно будто робостно, а по времени въ такой вкусъ и азартъ войдешь, что словно вотъ соловей: поешь и самъ себя даже не чувствуешь... Пробовалъ я тоже и зарокъ на себя класть: буду-молъ сидѣть смирно, — такъ нѣтъ, никогда больше двухъ сутокъ воздержаться не могъ! Потому, во-первыхъ, что я своему тѣлу развѣ врагъ? А во-вторыхъ, и потому, что есть, сударь, въ нашемъ ремеслѣ притягательная сила, противъ которой, хоть будь ты семи шадей во лбу, не устоишь! И томить тебя, и душить, и подымаетъ всего... покуда свой натуральный кругъ дѣйствія не совершишь!

„Одно нашего брата губить — это питіе безмѣрное. Залъзешь-это въ трущобу, театровъ нѣтъ, баловъ не имѣется, и пошелъ курить! Слоняешься иной разъ по дорогамъ и въ слякоть, и въ стыть; и въ

глаза-то тебѣ хлещеть, и сквозь-то тебя проникаеть,—ну, и восклик-
нешь: жажду! Иной разъ сутки цѣлыя слова путемъ не вымолвишь;
все или молчишь, или ругаешься—ничего для души нѣтъ!.. Другіе,
женившіеся, думаютъ себя соблюсти, такъ слушай ты меня: не вѣрь
тѣмъ, кто тебя этимъ предметомъ соблазнять будетъ! Нашъ братъ,
опричникъ, на все долженъ быть готовъ: и въ болотѣ увязнуть, и
отъ меча погибнуть, и отъ пламени огненного сгорѣть. Стало быть,
зачѣмъ тутъ жена? Затѣмъ развѣ, чтобъ руки тебѣ связать да тру-
состью сердце твое обуять? Ты пойми это, что въ нашемъ ремеслѣ
ты осторожностью да выжиданіемъ ничего не возьмешь; а ты коли
хочешь пользу имѣть, такъ жестъ у тебя долженъ быть вольный,
широкій, чтобъ и вдоль забираль, и поперекъ захватываль, да и
вглубь, и ввысь и рваль и металь... Зачѣмъ тутъ жена?

„А все-таки надо правду сказать: хоть ты бойся, хоть не бойся,
а какъ придется концы съ концами сводить—въ результатѣ все ни-
чего и очень мало выходитъ... Вотъ и я, напримѣръ... я ли, кажется,
не поревноваль, а все подъ старость голову приклонить негдѣ! Хотъ
и сказалъ въ ту пору его превосходительство, хлопнувши меня по
животу, что тутъ, мошь, все курочки да гусочки хананнныя сидятъ,
а вѣдь, коли по совѣсти-то сказать, какія же это курочки? Наши,
братъ, курочки русскія: худенькія, маленькія да жиденкія—въ
силу ими насытятся. Вотъ тѣхъ бы индюшекъ попробовать, которыя
къ его превосходительству на столъ отъ откупщика подаются, ну,
тогда точно: вышли бы мы и тѣломъ побѣлѣе, и ростомъ поаван-
тажнѣе... Такъ вотъ и смекай ты, какъ въ свѣтѣ жить, безпечальну
быть!

„Однако, сытымъ быть можно. Главное, мнѣніе надо въ себѣ
побѣдить, кичливость плотскую смиренномудрiю духовному покорить,
а лучше всего подъ судъ не попадать, потому что въ уголовную хотъ
и однажды попадешь, однако послѣ того всю жизнь будешь счаст-
ливъ, все равно какъ бы на затылкѣ тебѣ кожу вырѣзали, или на
лбу клеймо напечатали. А нашъ братъ какъ дорвется до теплаго
мѣстечка, такъ не то чтобъ смѣлостью, а больше озоретвомъ дѣй-
ствуетъ: я-ста да мы-ста,—ну и разбросаетъ все зря: того ему не
надо, то для него презрительно... А ты, коли хочешь невредимымъ
быть, все бери, ничѣмъ не брезгай, да не плюй въ бороду-то, не

плюй! а пуще ее погладь, потому что и жизнь-то твоя вся въ бородѣ заключается.

„И еще: его сивушество іерусалимскаго князя Полугарова паче звѣздъ уважай. Помни: онъ по всей землѣ, всѣхъ кабаковъ, выста-вокъ всерадостный обладатель и повелитель... кто жъ ему равенъ?

„Итакъ, сударь, ты отъ меня напутствованъ. Иди же ты съ миромъ и не сомнѣвайся... А меня оставь... потому что я умирать хочу!“

II.—Зубатовъ.

Генераль Зубатовъ, Богъ ему судья, не очень-таки долюблялъ меня. „У васъ, говоритъ бывало, слишкомъ голова горяча, милостивый государь, — вы діалектикѣ, милостивый государь, предаетесь!.. служба требуетъ дѣла, а не соображеній, милостивый государь!.. она требуетъ фактовъ, фактовъ и фактовъ!“

И все этакъ строгимъ манеромъ.

И держалъ онъ меня, по случаю діалектики, въ великомъ загоноѣ; пройти, бывало, по улицѣ совѣстно; словно и заборы-то улыбаются и шенчутъ тебѣ вслѣдъ: діалектикъ, діалектикъ, діалектикъ!

А подъ діалектикомъ разумѣлъ Семень Семенычъ отчасти такого человѣка, который перомъ побаловать любить, отчасти такого, который на какой-нибудь оффиціальный вопросъ осмѣливается откликнуться: „не могу знать“, а отчасти и такого, который не бѣжитъ сломя голову на всякій рожонъ, на который ему указываютъ.

Къ балующимъ перомъ Семень Семенычъ адресовался обыкновенно слѣдующимъ образомъ:

— Что вы мнѣ, милостивый государь, тамъ рассказываете? Какія вы тамъ нашли еще препятствія? Развѣ вамъ велѣно вникать въ препятствія? Развѣ васъ объ этомъ спрашиваютъ? Я, милостивый государь, тридцать-пять лѣтъ служу, и благодареніе Богу, никогда никакихъ препятствій не видалъ!

— Помилуйте, ваше превосходительство, вѣдь это все равно, что на камнѣ рожъ сѣять...

— Ну, что-же-съ?.. и посѣемъ-съ!..

— Да вѣдь рожь-то не выростетъ!

— Выростетъ-съ! а не выростетъ, такъ будемъ камень сѣчь-съ!

— А она и отъ этого не выростетъ!

— И опять будемъ сѣчь-съ! намъ до этого дѣла нѣтъ, что можно и что нельзя... а мы будемъ сѣчь-съ!

Къ „немогузнайкамъ“ Семень Семенычъ обращался такъ:

— Что вы мнѣ тамъ доносите и два, и три? вы должны сказать мнѣ прямо: или два, или три... Служба не терпитъ этой неопредѣленности...

— Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству, что...

— Знаю я это, милостивый государь, очень знаю... но вѣдь мнѣ нужны не „или“ ваши, а настоящая цифра, потому что я эту цифру долженъ въ вѣдомости показать, и итогъ... да, и итогъ, сударь, подвесьте!.. Въ какую же силу и ваше „или“ тутъ сосчитаю!..

Но всего болѣе антипатиченъ былъ для него третій сортъ діалектиковъ.

— Я вамъ приказалъ, сударь... почему вы не исполнили?— говорилъ онъ имъ, принимая самыя суровыя тоны.

— Такъ и такъ, ваше превосходительство, я былъ на мѣстѣ и убѣдился, что указываемый вами рожонъ совсѣмъ не рожонъ...

— А развѣ объ этомъ васъ спрашивали? а знаете ли вы, милостивый государь, что за подобныя разсужденія въ военное время разстрѣливаютъ?

И такъ далѣе, въ томъ же тонѣ и духѣ. Однимъ словомъ, генералъ любилъ, чтобъ чиновникъ смотрѣлъ у него весело, не разсуждалъ и тѣмъ менѣе противорѣчилъ, не сомнѣвался, не провиндѣлъ и на ногу былъ легокъ.

И вдругъ, въ одно прекрасное утро, онъ задумался. Долго онъ думалъ и сначала, повидимому, скорбѣлъ и вздыхалъ, но, наконецъ, пріятная улыбка озарила уста его.

— А что-жъ, — сказалъ онъ:— въ самомъ дѣлѣ! надо же и мнѣ дать вздохнуть... трудненько оно будетъ... правда... а впрочемъ, что за вздоръ—не боги же горшки обжигали!

Въ этотъ же день я былъ приглашенъ къ его превосходительству и удивленъ слѣдующею рѣчью:

— Вотъ, любезный другъ, — сказалъ онъ мнѣ ласково:— оказыв-

вается теперь, что мы съ вами до сихъ поръ спали, то-есть не то чтобъ совсѣмъ спали, а такъ, знаете, скользили по поверхности... составляли тамъ вѣдомости... наблюдали, чтобъ входящія и исходящія не были закапаны... Выходить, что все это было ненужно... д-да!

— Д-да!—повторилъ я въ изумленіи.

— Выходить, что отъ этого у насъ и торговля не развивается... и фабрикъ нѣтъ... и богатство народное... тово...

Я видѣлъ по его лицу, какъ всѣ эти непривычныя выраженія мучительно зарождались въ его головѣ и еще мучительнѣе сходили съ языка.

— Выходить, намъ надо теперича заняться настоящимъ дѣломъ,—сказалъ онъ рѣшительно.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

— Да; теперь это нужно... теперь вотъ и Европа на насъ по-сматриваетъ... ну, да и время совсѣмъ не то! вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь, чтò значить время-то!

Генераль улыбнулся и началъ загонять ногою въ уголъ валяющуюся на полу бумажку.

— Вотъ хоть бы вчера,—продолжалъ онъ:—вѣдь какъ казалось все гладко, все прекрасно... плыли мы, можно сказать, по океану и воды даже подъ собой не слышали... а нынче...

— Отчего же, однако, вашему превосходительству кажется, что нынче все измѣнилось?

— Да нѣтъ! неужто жъ вы этого не чувствуете? вѣдь пора же, пора намъ, наконецъ, сбросить съ себя это скинство!.. надо же и намъ когда-нибудь стать въ уровень съ Европой... вѣдь такъ мы тогождемся, что насъ помѣтятъ въ число пастушескихъ народовъ!.. И дождались бы!

Глаза Семена Семеныча сверкнули гнѣвомъ.

— Развѣ ваше превосходительство получили какія-нибудь извѣстія изъ Петербурга?—спросилъ я робко.

— Нѣтъ, вы меня не понимаете! Я просто убѣдился, что не можетъ это такъ оставаться, и потому на первый разъ призывалъ ужъ нынче частнаго пристава Рогулю и сказалъ ему, чтобъ онъ отнюдь не смѣлъ волю рукамъ давать... потому что вѣдь это, наконецъ, нельзя же: все въ рыло да въ рыло!

При этихъ словахъ я вспомнилъ, что дѣйствительно Рогуля еще

утромъ прїѣзжалъ ко мнѣ весь встревоженный и объявилъ, что его превосходительство находится въ восторженномъ состояніи.

— А что? — спросилъ я.

— Да помилюйте, — отвѣчалъ онъ:— чуть свѣтъ меня под-
нялъ.. Я думалъ, что какое-нибудь упущеніе или пожаръ... скачу,
и что-же-съ? „я, говоритъ, за тѣмъ тебя призвалъ, чтобъ напомнить,
чтобъ ты не дрался, а дѣйствовалъ кротостью и собственнымъ при-
мѣромъ; если-жъ ты будешь драться, такъ я тебя, подлеца, самого
такимъ образомъ откатаю, что ты три дня садиться не будешь...“
Посудите сами, ваше высокоблагородіе!

Въ ту минуту я не разобралъ хорошенько этого обстоятельства и
даже утѣшилъ Роголю, что, должно быть, его превосходительству во
снѣ что-нибудь нехорошее привидѣлось; но теперь... теперь я самъ
начиналъ догадываться, что тутъ дѣйствительно есть какой-то пунк-
тикъ, который не далѣе какъ въ прошедшую ночь зародился въ го-
ловѣ его превосходительства, но къ утру выросъ и распространился
вширь съ погибельною быстротой.

— Я и прежде всегда утверждалъ, — ораторствовалъ между
тѣмъ его превосходительство: — что не нужно слишкомъ натягивать
струны... потому что, вы понимаете, мы, наконецъ, отуѣбли съ этимъ
натягиваніемъ.

Семень Семенычъ взглянулъ на меня, какъ бы вызывая на раз-
мышленія; но я стоялъ сконфуженный и подавленный; мой носъ ин-
стинктивно нюхалъ въ воздухъ, глаза сами собой устремлялись на
барометръ, какъ бы ища опоры для объясненія этой внезапной це-
ремѣны.

— Такъ вы, пожалуйста, займитесь, — продолжалъ генераль: —
надо намъ... того... идти рядомъ съ вѣкомъ...

— Что же прикажете, ваше превосходительство?

— Ну, да вы меня понимаете... я бы хотѣлъ, чтобъ этакъ тово...
повенькое что-нибудь... Знаете ли что? — прибавилъ онъ весело, какъ
бы озаренный внезапной мыслью: — устройте-ка здѣсь биржу!

— То-есть, какъ же биржу?

— Ну да, биржу... какъ въ Петербургъ или вотъ въ Москвѣ...
Теперь у насъ все это въ младенчествѣ... они всѣ сдѣлки свои въ
трактирѣ за парой чая дѣлають... Ну, а если мы заведемъ биржу,
торговля-то, знаете ли, какъ двинется впередъ!..

— А если купцы на биржу не станут ходить?

— Надобно, *mon cher*, на первое время сдѣлать для нихъ обязательнымъ, чтобъ ходили... потому что иначе какія же могутъ быть у насъ усовершенствованія?

— Это точно, ваше превосходительство!

— Ну, такъ вы, стало быть, займетесь этимъ?.. Кстати! Анна Ивановна жалуется мнѣ, что васъ давно не видать у насъ... такъ приходите сегодня обѣдать... запросто!

Само собою разумѣется, что я не позабылъ о приглашеніи, и ровно въ три часа былъ въ гостиной Зубатовыхъ.

Но, къ величайшему моему удивленію, я нашелъ Анну Ивановну въ столь же восторженномъ настроеніи духа, какъ и Семена Семеныча. Въ то время, какъ я вошелъ въ гостиную, она вела оживленную бесѣду съ товарищемъ предсѣдателя уголовной палаты Семіоновичемъ.

— Согласитесь, однакожь, со мной, что тутъ еще многое остается сдѣлать,—говорила она:—мсье Щедринъ! вы, я надѣюсь, поддержите меня...

— Но позвольте, Анна Ивановна,—вступился Семіоновичъ:—вы напрасно думаете, что я принадлежу къ числу отсталыхъ. Я полагаю, что намъ слѣдуетъ только объясниться, и всѣ недоразумѣнія устранимы сами собою...

— *C'est inouï ce que nous avons souffert!*—продолжала Анна Ивановна, обращаясь ко мнѣ:—изумительно даже, какъ могли мы дышать!

Кроткая *Annette!* чтò съ тобой сдѣлалось! чтò съ тобой сдѣлалось! подумалъ я, переходя отъ изумленія къ совершенному ослѣпленію:—ты, которая до сихъ поръ позволяла себѣ думать только о наслажденіяхъ предстоящей минуты, ты, которая смотрѣла на жизнь какъ на рядъ милыхъ и граціозныхъ сценъ, въ родѣ пословицъ Альфреда Мюссе, ты ожесточена, ты говоришь о какой-то духотѣ, о какихъ-то прошедшихъ страданіяхъ... Боже!

— Вотъ это-то именно и есть единственный пунктъ, насчетъ котораго я нѣсколько расхожусь съ вами, Анна Ивановна,—возразилъ между тѣмъ Семіоновичъ:—я нахожу, что страданіе—самая лучшая школа жизни... Не даромъ великій поэтъ сказалъ:

Но не хочу, о, други! умирать,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать...

Стало быть, страданіе не совсѣмъ-то дурная вещь... стало быть, въ страданіи возможно даже своего рода наслажденіе, которое высоко цѣнятся знатоками!..

— Не знаю; быть можетъ, я не принадлежу къ числу знатокъ, но, признаюсь вамъ, я не охотница до страданія... Мнѣ кажется такъ приятно, такъ легко, когда меня никто не беспокоитъ, si l'on me laisse jouir en paix de mon existence... n'est-ce pas, мсье Щедринъ?

— Нѣтъ сомнѣнія, что жить спокойно гораздо пріятнѣе, нежели пользоваться тревогами, — отвѣчала я.

— Но я п не утверждаю, что страданіе должно быть нормальнымъ состояніемъ человѣка, — возразилъ Семіоновичъ: — я говорю только, что страданіе — школа, и надѣюсь, что самое это слово доказываетъ, что здѣсь идетъ о немъ рѣчь, какъ о мѣрѣ, про которую говорить поэтъ:

Вѣдь въ наши дни спасительно страданье...

— Я надѣюсь, что мы съ честью выйдемъ изъ этой школы, — сказала Анна Ивановна: — хотя, признаюсь вамъ, въ первый разъ это будетъ ужасно трудно... nous sommes encore si peu habitués de jouir des bienfaits de la civilisation... Я сегодня утромъ говорила съ мужемъ: это ужасъ, сколько надобно сдѣлать... il faut faire ceci et cela... Вездѣ, куда ни обернитесь, вездѣ надобно снова начинать...

— Да, это такъ, — отвѣчалъ Семіоновичъ задумчиво: — не знаю... я какъ-то опасаюсь... мнѣ кажется... que nous n'avons pas assez de forces... que nous succombons à la tâche, en un mot!

— О, это опасеніе совершенно напрасное! puisque au fond le peuple russe est avant tout un grand peuple... C'est une justice que l'Europe entière se plait à lui rendre...

— А! здравствуйте! о чемъ это вы такъ горячо тутъ спорите? — прервалъ Семенъ Семенычъ, входя въ это время въ гостиную и подавая поочередно всѣмъ намъ руку, чего прежде никогда съ нимъ не случалось.

— Продолженіе давешняго разговора, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я.

— А! это любопытно!

— Вотъ мсье Семіоновичъ находитъ, что мы недостаточно созрѣли,—отозвалась Анна Ивановна.

— То-есть, для чего?—спросилъ генераль.

Анна Ивановна затруднилась; она была вполнѣ увѣрена, qu'il s'agit d'une très bonne chose, но какъ называется эта chose — не знала. А впрочемъ, чтò мудренаго: можетъ быть, такъ она и называется... chose! Семіоновичъ, однакожъ, вывелъ ее изъ затрудненія.

— Мы не поняли другъ друга, Анна Ивановна!—сказалъ онъ нѣсколько обиженнымъ тономъ: — мое воспитаніе... мое прошедшее, наконецъ... все это достаточно говорить въ мою пользу... Повѣрьте, я не принадлежу къ числу отсталыхъ!

— Ну да, ну да!—сказалъ Семенъ Семенычъ: — нынче ужъ оно и не ко времени!

— Я говорю только, что наше перерожденіе достанется намъ не безъ труда!

— О, насчетъ этого я совершенно съ вами согласенъ... Я, напримѣръ, придумалъ теперь одну штучку. Конечно, это будетъ очень полезно... однако и за всѣмъ тѣмъ не могу поручиться, чтобъ она принялась такъ, какъ было бы желательно!

— Позволено ли будетъ узнать, ваше превосходительство, въ чемъ заключается ваше намѣреніе?—спросилъ Семіоновичъ.

— Такъ... я хочу... биржу здѣсь устроить! — отвѣчалъ генераль, съ тою поспѣшностью и вмѣстѣ усиліемъ, которыми всегда сопровождается желаніе высказаться какъ-нибудь понебрежнѣе. При этомъ онъ, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, застыдился и покраснѣлъ.

— Vous n'avez pas l'idée, comme ils nous trompent, ces marchands!—вступилась Анна Ивановна:—а тогда мы будемъ все на биржѣ покупать.

— Ты мнѣ, мамаша, на биржѣ новую курточку купишь!—пролепеталъ маленькій сынокъ Анны Ивановны, прислушавшись къ разговору.

— Извините меня, Анна Ивановна, — замѣтилъ Семіоновичъ,

пользуясь случаемъ, чтобъ отмстить генеральшѣ за предположеніе о его отсталости:—но мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ вѣрно смотрите на значеніе биржи...

— Ну да, ну да,—сказаль генераль, снисходительно улыбаясь:—эти дамы только и думаютъ что о нарядахъ... Онѣ даже на переворотъ готовы смотрѣть съ точки зрѣнія трицокъ... ха-ха!

— А впрочемъ мысль Анны Ивановны объ устроеніи такого магазина, который представлялъ бы всѣ ручательства относительно добросовѣстности и дешевизны, тоже весьма счастливая мысль,—возразилъ Семіоновичъ, спѣша на помощь подломившейся на льду либерализма генеральшѣ и такимъ образомъ умѣряя язвительность великодушнѣе.

— Mais... n'est-ce pas!—сказала Анна Ивановна, отдыхая.

Извѣстіе, что готово кушать, прекратило на время разговоръ, но за обѣдомъ онъ возобновился съ новою силою. И генераль, и генеральша такъ увлекательно доказывали необходимость оставить рутину и идти новыми, неизвѣданными доселѣ путями, что даже суровый Семіоновичъ согласился *qu'au fait il y a quelque chose à faire*. Я и самъ чувствовалъ, что въ воздухѣ была разлита какая-то непривычная теплота, что по временамъ моего обнятія касались живительные ароматы, что кровь съ усиленною быстротою приливала къ головѣ и сердцу...

Но не могу не сознаться, что все это происходило какъ будто во снѣ и что самые звуки говорившихъ кругомъ меня голосовъ ложились въ мой слухъ какъ-то смутно, неопредѣленно.

— Прежде всего надо позаботиться о торговлѣ,—говорилъ генераль:—потому что торговля—это первъ...

— Да... и желѣзныя дороги,—сказаль Семіоновичъ:—вотъ гдѣ для насъ предметъ первой важности! пространство насъ одолеваетъ, ваше превосходительство, наша собственная карта насъ давить!

— Ну, съ этимъ какъ-нибудь справимся, съ Божьей помощью!—разсудилъ генераль.

— Однакожъ... это ужасно... сколько приходится сдѣлать!—задумчиво продолжалъ Семіоновичъ, внезапно всѣмъ тѣломъ вздрогнувъ.

— Еще бы!—замѣтила генеральша.

— Вы забыли еще о грамотности,—отозвался генераль и, обра-

щаясь ко мнѣ, присовокупилъ:—Кстати, чтобъ не забыть! не худо бы намъ съ вами и насчетъ этого что-нибудь... знаете, въ такомъ же родѣ...

— Позвольте, однакожъ, ваше превосходительство, — возразилъ Семіоновичъ:—мнѣ кажется, что грамотность... я думаю, что для этого у насъ еще почва недостаточно, такъ сказать, взрыхлена?

— Да, признаюсь вамъ, я и самъ такъ думалъ прежде... но теперь... я скорѣе склоняюсь въ пользу того мнѣнія, что тутъ совсѣмъ никакой почвы не надобно.

— Однакожъ, ваше превосходительство, спеціалисты на основаніи достовѣрныхъ фактовъ утверждаютъ, что на пятьсотъ грамотѣвъ двѣсти непременно оказываются негодьями... Какъ хотите, а эта порція...

— Мамаша! я не хочу учиться... я не хочу сдѣлаться негодяйкой!—неожиданно закричалъ сынокъ Семена Семеныча.

— Полно, душечка, это о мужичкахъ говорятъ!—утѣшала его Анна Ивановна.

— Коли хотите, и я въ дупѣ съ вами согласенъ,—продолжалъ между тѣмъ Семень Семенычъ:—но...

Генераль развелъ руками, какъ будто хотѣлъ сказать: *que voulez-vous que je fasse!*

Много и еще было говорено разныхъ умныхъ рѣчей, и всякій разъ, когда кому-либо изъ собесѣдниковъ приходила счастливая мысль, генераль обращался ко мнѣ и говорилъ: „Кстати, чтобъ не забыть! не мѣшаетъ и на это обратить серьезное вниманіе!“

Читателю, быть можетъ, страннымъ и невѣроподобнымъ покажется, что большая часть моихъ героевъ словно во снѣ или въ туманѣ дѣйствуютъ. Въ справедливости этого замѣчанія долженъ сознаться я и самъ; но что же мнѣ дѣлать, если таково вообще свойство всѣхъ умирающихъ людей? Отъ умирающаго нельзя требовать ни послѣдовательности въ сужденіяхъ, ни даже совершенно округленныхъ періодовъ для выраженія послѣднихъ; всѣ ихъ мысли, всѣ ихъ чувства представляются въ видѣ какихъ-то клочковъ, въ видѣ ничѣмъ не связанныхъ отрывковъ, въ которыхъ мысль и чувство являются въ состояніи почти эмбрионическомъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать здѣсь, что міръ полонъ такого рода умирающихъ; между ними очень мало злыхъ и очень много недалководныхъ. Вообще я убѣжденъ,

что на свѣтѣ злые люди встрѣчаются лишь случайно; въ существѣ, они тѣ же добряки, только кожу у нихъ судьба-индѣйка стянула, рыло перекосила и губы помазала желчью. Да и то, по болѣшей части, отъ своей собственной глупости люди дѣлаются злыми, потому что умный человѣкъ сразу пойметъ, что злиться не изъ чего да и не расчесть. Что же касается до недалновидныхъ людей, то это точно, что ходять въ народѣ слухи, будто ихъ не мало но бѣду свѣту шатается; однако, не могу скрыть, что я очень рѣдко встрѣчалъ такихъ, которые бы откровенно признавали себя дураками. Напротивъ того, обыкновенно случается такъ, что, напримѣръ, Петръ Ивановичъ, встрѣтивши друга своего, Ивана Петровича, и поговоривъ съ нимъ немного, уже восълицаетъ мысленно: „Господи! да какъ же глупъ Иванъ Петровичъ!... неужто онъ этого не знаетъ!“ А Иванъ Петровичъ въ это самое время въ свою очередь тоже мысленно восклицаетъ: „Господи! да какъ же глупъ Петръ Ивановичъ... неужто онъ этого не знаетъ!“ И выходитъ тутъ въ нѣкоторомъ смыслѣ таинственно-духовный маскарадъ. Но, прося у читателя извиненія за такое отступленіе, спѣшу продолжать разсказъ мой.

На другой день я получилъ отъ Семена Семеныча записку. Очевидно, мысль о новомъ характерѣ, который должна была принять его дѣятельность, до такой степени жгла его, что онъ не могъ выносить даже малѣйшую медленность въ этомъ отношеніи. Казалось, онъ въ одну минуту хотѣлъ облагодѣтельствовать всѣхъ и cadaго и преисполнить край плодами цивилизаціи. Въ запискѣ было изображено:

„Виды и предположенія:

„1) Биржа. Правильность торговли. Огромные запасы и такъ далѣе. Развить.

„2) Грамотность. Смягченіе нравовъ. Уменьшеніе преступленій. Облегченіе обязанностей полиціи и т. д. Развить.

„3) Пути сообщенія, *а буде можно, то и желѣзныя дороги.* Сколько среднимъ числомъ провозится ежегодно товаровъ до Н. пристани? Развить.

„4) Фабрики и заводы. Польза отъ нихъ. Средства къ достиженію сего: поощренія и награды. (Извѣстно, что русскіе купцы и т. д.) Развить.

„Весьма обяжете, ежели все сіе исполните въ возможно непродолжительномъ времени“.

Прочитавъ эту записку, я струсиль. Съ одной стороны, меня, конечно, соблазняла красивая сторона предиріятія; съ другой, я не могъ не испугаться его огромности. Но напрасны были мои опасенія. Генераль былъ такъ добросовѣстенъ, что счелъ необходимымъ, предварительно принятія рѣшительныхъ мѣръ относительно развитія торговли и промышленности, посовѣтоваться объ этомъ съ почетнѣйшими лицами торгующаго сословія. Эта добросовѣстность испортила, однакожь, все дѣло. При первомъ намежѣ на возможность учрежденія биржи, купцы попадали въ обморокъ, несмотря на то, что всѣ они были тѣлосложенія необыкновенно крѣпкаго и съ честью выдерживали самые побои.

— Что-о?—сказалъ Семень Семенычъ грозно:—стало быть, вы сопротивляться задумали?

— Помилуйте, ваша милость, ужь очень это будетъ для насъ обидно,—отвѣчалъ одинъ изъ купцовъ, прежде всѣхъ очнувшійся:—нельзя ли замѣсто биржи-то просто чѣмъ-ни-на-есть обложить насъ на общепользное устройство?

— Что-о? ты что за выскочка? и какъ ты смѣешь за всѣхъ говорить?.. Николай Иванычъ, запишите его фамилію!

Между торговцами воцарилось молчаніе; передняя шеренга держала руки по швамъ.

— Такъ вотъ, друзья мои,—продолжалъ Семень Семенычъ:—вы слышали мои слова, знаете мои желанія... остается, слѣдовательно, изыскать средства къ приведенію ихъ въ исполненіе... Конечно, нѣкоторые изъ васъ, какъ видно, еще не понимаютъ намѣреній, которыя клонятся единственно къ вашей же пользѣ, но само собой разумѣется, что это не должно останавливать ни меня въ моихъ предположеніяхъ, ни васъ въ содѣйствіи къ выполненію ихъ.

Сказавъ это, Семень Семенычъ удалился, и долгъ справедливости заставляетъ меня сказать, что онъ не только не дрался въ этомъ случаѣ, но даже и за бороду никого не вытрясъ.

Но дѣло не удалось. Купцы, оставленные на произволь судьбы, безъ кормила и весла, объявили, что для нихъ затѣя Семена Семеныча слишкомъ обидна, чтобъ они рѣшились сами на себя руку наложить.

— Ну, что, какъ наше дѣло?—спросилъ меня генераль, когда

я, послѣ продолжительнаго совѣщанія съ обществомъ, явился къ нему съ отчетомъ.

— Не соглашаются, ваше превосходительство!

— Гм...

Глубоко опечаленный генералъ сталъ лицомъ къ окну и долго безмолвствовалъ. По временамъ, до слуха моего долетали звуки, несомнѣнно доказывавшіе, что его превосходительство барабанилъ въ это время пальцами по стеклу.

— Напрасно, ваше превосходительство, совѣщались съ ними, — сказалъ я, старая желаніемъ утѣшить Семена Семеныча:—эти вещи надо дѣлать секретно отъ нихъ, такъ чтобъ они не опомнились...

Семень Семенычъ повернулся ко мнѣ и съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

— Вы правы, — сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Они, ваше превосходительство, своей пользы понимать не могутъ, — продолжалъ я, увлекаясь преданностью къ особѣ моего начальника.

— Вы правы, — повторилъ генералъ.

— Такого рода предположенія всего удобнѣе приводить въ исполненіе посредствомъ полиціи, — снова началъ я.

— Вы правы... да, къ несчастію, вы совершенно правы!

— Если они не понимаютъ своихъ выгодъ, то весьма естественно, что нужно дѣлать имъ добро противъ ихъ желанія...

— Это совершенно справедливо... но... Къ сожалѣнію, и долженъ сказать вамъ, *mon cher*, что время нынче такое... велѣно все кротостью да благоразумными мѣрами распорядительности... Ахъ, другъ мой, ремесло администратора становится слишкомъ тяжело, и еслибы я не любилъ мое отечество (Семень Семенычъ махнулъ рукой)... давно бы пора на покой старья кости сложить!..

— Прикажете продолжать настаивать? — спросилъ я.

— Нѣтъ, ужъ зачѣмъ... оставимте ихъ въ покоѣ... пусть дѣлаютъ какъ знаютъ!.. Горько, Николай Иванычъ!

Разговоръ на этотъ разъ прекратился, но не прекратилась благонамѣренная дѣятельность Семена Семеныча. Проекты слѣдовали за проектами, и въ нашей маленькой канцеляріи закипѣла непривычная и небывалая дотолѣ жизнь.

Но увь! ни проектъ о распространеніи грамотности, ни проектъ

о путяхъ сообщенія—ничто не удавалось, несмотря на таинственность и тишину, среди которыхъ они вырабатывались. Проекты эти похожи были на тѣ объявленія о новоизобрѣтенныхъ средствахъ противъ моли и клоповъ, которыя (т.-е. средства) такъ удачно дѣйствуютъ на бумагѣ, въ дѣйствительности же безсильны убить самаго тощаго и изможденнаго клопа.

Семень Семенычъ сдѣлался скучень. Уныло ходилъ онъ цѣлые дни по кабинету, заложивъ руки за спину и грустно покачивая головой. Съ ужасомъ сознавалъ онъ, что мѣсяцъ тому назадъ онъ былъ совершенно бодръ и дѣятеленъ, былъ распорядителенъ и исполнителенъ въ одно и то же время, однимъ словомъ, способенъ и достоинъ, а теперь... теперь, когда наступило, повидимому, „благораствореніе воздухонъ и изобиліе плодовъ земныхъ“, онъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, оказывается чуть-чуть не злостнымъ банкротомъ... ужасно! Все, что онъ ни придумаетъ, звучитъ пусто, словно лукошко, у котораго вышибли дно; все, за что онъ ни возьмется, отзывается мертвечиной. И ему внезапно стало такъ тошно и несносно жить на свѣтѣ, что не мила казалась Анна Ивановна, не радоваль милый сыночекъ Сережа, а меня не могъ онъ даже видѣть безъ нѣкотораго озлобленія, потому что я являлся хотя и неумышленнымъ, но тѣмъ не менѣе горькимъ и постояннымъ свидѣтелемъ его неудачъ.

Однажды утромъ я получилъ отъ Анны Ивановны приглашеніе пожаловать къ ней какъ можно скорѣе. Я засталъ ее заплаканною и разстроенною.

— Вы не знаете, какое насъ постигло несчастье:—сказала она:—Simon! бѣдный Simon!

— Что такое, Анна Ивановна?—спросилъ я встревоженный.

— Ah, mais voyez plutôt vous-même, cher Николай Иванычъ!

Съ этимъ словомъ она отворила дверь въ кабинетъ Семена Семеныча, и странное зрѣлище представилось глазамъ нашимъ. Семень Семенычъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и чертилъ на бумагѣ чудовищный пароходъ; волосы его были растрепаны, въ глазахъ блуждалъ дикій огонь.

Я тотчасъ же понялъ ужасную истину: нѣтъ сомнѣнія... генераль лишился разсудка!

— А!—воскликнулъ онъ, увидѣвъ меня:—ну, теперь, кажется, они не отвертятся отъ меня... я все обдумалъ!

— Simon! успокойся, другъ мой! — убѣждала Анна Ивановна. Семень Семенычъ сдѣлалъ рукой движеніе, какъ будто хотѣлъ отогнать докучную муху.

— Я надѣюсь, что начальство оцѣнитъ труды мои, — сказалъ онъ съ какой-то блаженной улыбкой: — скоро будетъ Святая, и тогда...

Онъ показавъ на лѣвую сторону груди.

— Это несомнѣнно, ваше превосходительство; въ настоящее время вамъ больше всего нуженъ отдыхъ, — замѣтилъ я.

— Убѣдите, убѣдите его, Николай Иванычъ! — умолила Анна Ивановна: — Simon! тебѣ слѣдуетъ почивать!

Генераль снова сдѣлалъ движеніе рукой.

— А не правда ли, что я много на свою долю потрудился? — сказалъ онъ: — вы, Николай Иванычъ, видѣли, вы можете засвидѣтельствовать передъ всѣми, что я именно былъ неуспѣнъ!

Анна Ивановна всхлипывала: Семень Семенычъ, глядя на нее, тоже не выдержалъ и залился цѣлымъ потокомъ слезъ. Положеніе мое было весьма тяжело.

— Друзья мои! — сказалъ генераль, рыдая: — я умираю! я умираю, потому что много трудился! Еслибъ я меньше заботился, а больше гулялъ, меньше вникалъ и больше кушалъ, я остался бы живъ!

III. — Прїѣздъ ревизора.

I.

Въ 18** году, декабря 9 числа, статскій совѣтникъ Фурпачевъ получилъ изъ Петербурга, отъ благопріятеля своего, столоначальника NN департамента, письмо слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь!

„Семень Семенычъ!

„Поспѣшаю почтеннѣйше извѣстить васъ, что въ непродолжительномъ времени имѣетъ быть къ вамъ на губернію статскій совѣтникъ Максимъ Ѳедоровичъ Голынцевъ. Будетъ у васъ подъ предло-

гомъ освидѣтельствowanія богоугодныхъ заведеній, въ дѣйствительности же для доскональныхъ разузнаній о нравственномъ состояніи служащихъ въ вашей губерніи чиновниковъ. Качества Максима Федоровича таковы: словоохотливъ и добросердеченъ; любитъ женскій полъ и тонкое вино; выпивши, откровененъ и шутивъ безъ мѣры; въ особенности уважаетъ людей, которые говорятъ по-французски, хотя бы то были даже молокососы; въ карты играетъ, но насчетъ ружь и такъ далѣе—ни-ни! За симъ, ввѣряя себя и свое семейство вашему неоставленію, прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи уважающаго васъ

Филиппа Вертякина.

„P. S. Милостивой государынѣ Настасьѣ Ивановнѣ отъ меня, отъ жены и отъ всѣхъ дѣтей низжайшее почтеніе.

„NB. Еще любитъ Г., чтобъ его называли „вашимъ превосходительствомъ“. Чуть не забылъ“.

— Однако, это скверно!—говоритъ статскій совѣтникъ Фурначевъ, прочитавши письмо:—что бы такое значило: „насчетъ ружь ни-ни“? Вѣдь это выходитъ, что онъ... ни-ни!

Семень Семенычъ въ волненіи ходитъ по комнатѣ и наконецъ кричитъ въ дверь:—Настасья Ивановна! Настасья Ивановна!

Входитъ Настасья Ивановна, облаченная въ глубокий неглиже.

Глаза ея нѣсколько опухли и вообще выраженіе лица сердито, потому что она только-что часокъ-другой соснула. Семень Семенычъ посмотрѣлъ на ея измятое лицо и съ досадою плюнулъ.

— Опять ты спала!—сказалъ онъ, глядя на нее съ глубокимъ омерзѣніемъ:—хоть бы ты въ зеркало, сударыня, посмотрѣла, на что ты сдѣлалась похожа! И откуда только сонъ у тебя берется!

— Если вы только за тѣмъ меня позвали, чтобъ ругаться, такъ напрасно трудились!

Настасья Ивановна хочетъ удалиться.

— Да постой, постой же, сударыня! — получилъ я сегодня письмо... ѣдетъ къ намъ ревизоръ... и, какъ видно, неблагонамѣренный... потому что тово... ни-ни...

Семень Семенычъ топчется на мѣстѣ и не знаетъ, какъ выразиться. Онъ убѣжденъ, что ревизоръ чловѣкъ неблагонамѣренный,

но почему-то не умѣеть сформулировать основаній, на которыхъ зиждется это убѣжденіе.

— Такъ вы тово... попріодѣньтесь немного!—продолжаетъ онъ, совсѣмъ спутавшись.

— Вотъ какъ вы испугались, что ужъ и Богъ знаетъ чтѣ говорите!—замѣчаетъ Настасья Ивановна, читая письмо Вертявкина: —точно ужъ и пріѣхалъ вашъ ревизоръ! Однако я по всему вижу, что онъ долженъ быть очень милый человѣкъ, этотъ ревизоръ, потому что любить дамское общество...

— Да, только не наше съ вами... эй, человѣкъ! лошады!

Семень Семенычъ отправляется къ генералу Голубовицкому и застаётъ его въ большомъ безпокойствѣ. До свѣдѣнія его превосходительства дошло, что одинъ изъ важнѣйшихъ въ городѣ чиновниковъ, будучи на собственномъ своемъ стоворѣ, проехавшемъ по случаю предстоящаго бракосочетанія его съ дочерью потомственного гражданина Хрентюгина, внезапно вскочилъ изъ-за стола и началъ бить стекла въ окнахъ бѣломраморнаго зала нареченнаго тестя.

— Ты это чтѣ, ваше высококордіе, дѣлаешь?—спросилъ его изумленный хозяинъ. „А вотъ я такимъ манеромъ всѣхъ противляющихся мнѣ сокрушаю!“—отвѣчалъ женихъ, и съ этими словами вышелъ изъ дома.

Встревоженный генералъ большими шагами ходитъ по комнатѣ. Онъ справедливо разсуждаетъ, что если высшіе сановники, эти, такъ сказать, административные дупельшнены, въ порывахъ горячности допускаютъ себя до подобнаго малодушества, то какимъ же образомъ должны поступать зуйки, поручейники, кулички и прочая мелкая болотная дичь?

— А мы еще какъ радовались за Павла Тимоѣича, что они такую прекрасную партію дѣлаютъ!—замѣчаетъ стоящій въ углу маленькій чиновничекъ, занимающій должность довѣреннаго лица при особѣ его превосходительства.

— Что-жь, пьянъ что-ли онъ былъ?

— Должно быть, не безъ того-съ, ваше превосходительство: они, смѣю вамъ доложить, довольно-таки этому привержены... только все больше въ одиночествѣ занимаются-съ и велятъ себя въ этихъ случаяхъ запирать... Ну, а тутъ и при пародѣ случилось...

Генералъ продолжаетъ ходить и волноваться.

— И еще случай есть, ваше превосходительство, — робко говорит чиновникъ.

— Ну, что тамъ еще?

— Въ Песчанолѣсьѣ стряпчій съ городничимъ-съ... тоже на именинахъ дѣло было-съ...

— Нельзя ли докладывать скорѣе, безъ мазанья!

— И стряпчій городничему животь укусилъ-съ! — оканчиваетъ скороговоркой чиновникъ.

— Господинъ Фурначевъ пріѣхали, — докладываетъ лакей.

— Ну, этого зачѣмъ еще чортъ принесъ! — восклицаетъ взволнованный генераль: — просить!

Семень Семенычъ входитъ и улыбается. Съ одной стороны, онъ очень радъ видѣть его превосходительство въ добромъ здоровьѣ; съ другой стороны ему весьма прискорбно, что имѣетъ сообщить извѣстіе, котораго послѣдствій никто, даже самый проникательный человѣкъ, предугадать не въ силахъ.

— Да что же такое? неужто еще кто-нибудь подрался? — спрашиваетъ генераль.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, но наша губернія... впрочемъ, можетъ быть, это и къ лучшему-съ...

— Да говорите же! что вы душу-то мнѣ тянете!

— Ревизоръ, ваше превосходительство, ревизоръ къ намъ въ скоромъ времени прибыть долженъ!

При словѣ „ревизоръ“ съ генераломъ едва не дѣлается дурно.

— Кто сказалъ „ревизоръ“? какой ревизоръ? откуда ревизоръ? — спрашиваетъ онъ, вдругъ весь вспыхнувъ и уже застегивая машинально пальто на всѣ пуговицы.

— Успокойтесь, ваше превосходительство! — продолжаетъ Семень Семенычъ: — ревизоръ, сказываютъ, охотникъ больше до дамскаго общества...

— Гм... отъ кого же вы получили это извѣстіе?

— Есть въ Петербургѣ одинъ благодѣтельствованный мною столоначальникъ-съ...

— Это непріятно! это тѣмъ болѣе непріятно, что тутъ же разомъ случились двѣ пасквильныя исторіи... Скажите, пожалуйста, вы были у Хрептюгина въ то время, какъ Павелъ Тимоѣичъ стекла билъ?

— Какъ же-съ! я былъ въ числѣ приглашенныхъ...

— Что же такое съ нимъ сдѣлалось? Вотъ чего я понять не могу!

— Съ Павломъ Тимоеичемъ это нерѣдко бываетъ, ваше превосходительство! только онъ до сихъ поръ умѣлъ это скрыть-съ. Сидѣли мы цѣлый вечеръ, и все какъ будто ничего; и онъ тоже тутъ былъ—ну, и тоже ничего-съ... Только за ужиномъ, — должно быть, не присмотрѣли за нимъ, — вотъ онъ сначала хереску-съ, потомъ мадерцы-съ, да вдругъ и всталъ изъ-за стола: „музыканты! комаринскую!“ говоритъ. Я, видѣвши, что онъ ужъ внѣ себя, подозвалъ Хрентюгина и говорю ему: „вѣдь Павла-то Тимоеича надобно убрать!“ Не успѣлъ я это сказать, какъ ужъ и пошелъ по залѣ набать-съ... Впрочемъ, это еще, ваше превосходительство, уладится: Павелъ Тимоеичъ ужъ объяснился съ нареченнымъ тестемъ...

— Ну, а слышали вы другую исторію — это еще почище будетъ: въ Песчанолѣсьѣ стряпчій городничему животъ прокусилъ!

— Ахъ, страмъ какой!

— Расскажи-ка, братецъ, расскажи! — обращается генераль къ довѣренному чиновнику: — нечего сказать, хорошъ сюрриризь для ревизора будетъ!

— Были они, — начинастъ чиновникъ, — на именинномъ вечерѣ: только и началъ стряпчій хвастаться: „я, говорятъ здѣсь все могу сдѣлать!“ Ну, городничему это будто обидно показалось; онъ возни да и ударъ стряпчаго по лицу: „что-то, моля, ты противъ этого сдѣлаешь!“ А стряпчій, какъ ростомъ противъ городничаго не вышелъ, вцѣпилъ ему зубами въ животъ-съ...

— Ахъ, страмъ какой! — повторяетъ господинъ Фурначевъ.

— И вотъ, послѣ этого милости просимъ тутъ пользу какую-нибудь для края принести! — говоритъ генераль, разводя руками.

II.

Вѣсть объ ожидаемомъ пріѣздѣ ревизора мгновенно разнеслась по городу. У тѣхъ изъ чиновниковъ, у которыхъ всякое душевное волненіе выражается трясеніемъ поджилокъ, такое совершилось благополучно. Городъ оживился, по это оживленіе было какое-то бездушное, похожее на ту суету, которая начинается во всякомъ гу-

берискомъ городъ съ утра cadaго высокаторжественнаго праздника и продолжается ни болѣе, ни менѣе, какъ до извѣстнаго, судьбой опредѣленнаго срока. Петръ Борисычъ Лепехинъ, охотникъ поиграть въ двухкопѣчный преферансъ, внезапно вспомнилъ, что высшее начальство непоощрительно смотритъ на такое невинное препровожденіе времени и призадумался. Онъ почелъ долгомъ немедленно справиться объ этомъ въ Сводъ Законовъ, и хотя ничего похожаго на угрозу тамъ не нашель, но на всякій случай, пришедши вечеромъ въ клубъ, не только самъ не торопился составить партію, но даже отказался на-отрѣзъ отъ карточки, которую предлагалъ ему Порфирій Петровичъ.

Федоръ Герасимычъ Крестовоздвиженскій, пришедши въ присутствіе, потребовалъ немедленно къ себѣ какія-то четыре дѣла („знаете: тѣ дѣла, по которымъ...“) и, обнюхавши ихъ, вдругъ пришелъ въ восторженность, замахалъ руками и закричалъ: „завтра же! сегодня же! катать ихъ! подъ судъ ихъ!“

Иванъ Павлычъ Вологжанинъ неутомимо началъ развѣзжать по всѣмъ знакомымъ и собирать полезныя свѣдѣнія о житѣ-бытѣ крутогорскихъ обывателей, дабы въ случаѣ надобности, приподнести этотъ букетъ господину ревизору и чрезъ то заявить свою дѣятельность и преданность.

Въ будку, которая съ самой постройки своей никогда не видала будочника и оставлена была безъ стеколъ, поставили перваго и вставили послѣднія.

Пожарныхъ лошадей выкормили какъ индѣекъ Ивана Ивановича *).

Словомъ, всякій готовился къ принятію ревизора по-своему. Только частный приставъ Рогуля оказалъ при этомъ твердость духа, достойную лучшей участи. Когда ему сказали, что будетъ, дескать, ревизоръ, и не мѣшало бы, по этому случаю, поболѣе бодрствовать и поменьше спать, то онъ только поковырялъ въ носу, испилъ квасу, до котораго былъ большой охотникъ, и молвилъ:

— Знаемъ мы этихъ ревизоровъ! — не первый годъ на свѣтѣ живемъ!

Но самая хлопотливая и трудная часть дѣятельности выпала на

*) См. „Вечера на хуторѣ“ Гоголя: „Иванъ Федоровичъ Шпонька“ и т. д.

долю генеральши Голубовицкой. Она кстати вспомнила, что бѣдные города Крутогорска что-то давно не получали никакого пособия, и что такое благодѣтельное дѣло всего приличнѣе могло быть устроено въ глазахъ ревизора. Поэтому на совѣтѣ, составленномъ изъ лицъ приближенныхъ и извѣстныхъ своею преданностью, было рѣшено: немедленно устроить благородный спектакль, а если окажется возможнымъ, то и живыя картины.

— Помилуйте, Дарья Михайловна! какія же могутъ быть у насъ живыя картины? вы посмотрите на нашихъ дамъ!—возражаетъ старинный нашъ знакомый, Леонидъ Сергѣичъ Разбитной *).

Но Дарья Михайловна, которая имѣетъ весьма развитой станъ и вообще удачно сложена, настаиваетъ на необходимости живыхъ картинъ. Выборъ останавливается на четырехъ картинахъ: „Рахиль, утоляющая жажду Иакова“, „Любимая одалиска“, „Молодой Грекъ съ ружьемъ“, „Донъ-Жуанъ и Гайдѣ“.

— Я могу взять на себя фигуру Иакова!—говоритъ молодой товарищъ предсѣдателя уголовной палаты, Семіоновичъ, и послѣшно прибавляетъ:—а если угодно, то и Донъ-Жуана...

Дарья Михайловна въ недоумѣніи. Семіоновичъ, безъ сомнѣнія, очень достойный молодой человекъ и отлично знаетъ уголовные законы, но, во-первыхъ, онъ имѣетъ привычку постоянно издавать носомъ какой-то непріятный свистъ, а во-вторыхъ, и фигура у него какая-то странная, угловатая... очень будетъ нехорошо! Дарья Михайловнѣ хотѣлось бы отдать эти двѣ фигуры учителю гимназіи Линкину, который имѣетъ и всѣ нужныя для того качества и къ которому она чувствуетъ родъ тихой дружбы.

— Вы, мсьѣ Семіоновичъ, будете слишкомъ утомлены спектаклемъ,—говорила она.

— Это ничего,—отвѣчалъ Семіоновичъ:—я работаю скоро и легко...

— Ну, Гайдѣ, Одалиска и Рахиль—объ этихъ фигурахъ нечего и говорить!—вступается кругленькій помѣщикъ Загржембовичъ:—эти фигуры по праву принадлежать Дарья Михайловнѣ; но кому отдать Ламбро?

*) О Разбитномъ можно справиться въ „Губернскихъ очеркахъ“, ч. 3-я: *Простителли*.

— Архивариусу губернскаго правленія! — предлагаетъ Разбитной.

— Вы всегда съ вашими шутками, мсьё Разбитной! — говоритъ Дарья Михайловна: — *messieurs*, кто желаетъ взять на себя Ламбро?

— Я бы охотно ее взялъ, — вступается Семіоновичъ, — но у меня Донъ-Жуанъ!

— Такъ вы Донъ-Жуана уступите... хоть мсьё Линкиню!

— Признаюсь вамъ, для меня положеніе Донъ-Жуана больше симпатично... тутъ есть страсть, есть жизнь...

— Зато Ламбро можетъ одѣться въ красный плащъ, — замѣчаетъ весьма основательно Разбитной, — и тутъ можетъ быть великолѣпное *effet de lumière*.

— Итакъ, Донъ-Жуанъ — мсьё Линкинъ, Ламбро — мсьё Семіоновичъ, — говоритъ Загржемовичъ: — но здѣсь возникаетъ вопросъ, на счетъ какихъ суммъ сдѣлать костюмъ для Донъ-Жуана, потому что мсьё Линкинъ не имѣетъ даже достаточно бѣлья, чтобы ежедневно пользоваться чистою рубашкою?

— Можно какъ-нибудь изъ благотворительныхъ суммъ, — отвѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Да кстати бы ужъ и рубашку ему чистую сшить, — прибавляетъ Разбитной, которому досадно, что Донъ-Жуаномъ будетъ не онъ, а Линкинъ.

— Вы опять съ вашими шутками! — сухо замѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Ну-съ, хорошо-съ; эта статья устроена; теперь кто же будетъ „Молодой Грекъ съ ружьемъ“?

Молодого Грека должна взять на себя особа женскаго пола — это несомнѣнно; ружье можно достать изъ гарнизоннаго батальона — съ этой стороны тоже нѣтъ препятствія. Но кто же изъ кругогорскихъ дамъ согласится изобразить фигуру, которая, въ нѣкоторомъ смыслѣ, дѣлаетъ ущербъ общественной нравственности? Первое благо, которымъ долженъ обладать молодой Грекъ, заключается въ большомъ и остромъ носѣ — кто изъ дамъ таковымъ обладаетъ? — Судили-судили, и наконецъ гласъ народный указалъ на коллежскую ассесоршу Катерину Осиповну Неміолковскую, которая, имѣя точь-въ-точь требуемый носъ, охотно согласится облачиться и въ противоестественный мужской костюмъ. Постановлено: отправить завтрашній день къ

Катеринѣ Осиповнѣ депутацію и усерднѣйше просить ее пожертвовать собой на пользу общую.

— Стало-быть, живыя картины улажены... Что же касается до спектакля, *messieurs*,—говорить Дарья Михайловна:—то онъ будетъ составленъ изъ слѣдующихъ пьесъ:

ВЪ ЛЮДЯХЪ АНГЕЛЪ НЕ ЖЕНА,

ДОМА СЪ МУЖЕМЪ САНА.

КОМЕДИЯ ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г. Славскій	Мечиславъ Владиславовичъ Семіоновичъ.
Г-жа Славская	Аглада Алексѣевна Размановская.
Г-жа Трефкина	Анфиса Петровна Луквицына.
Г-жа Невосклонова	Анна Семеповна Симіась.
Размазня	Федоръ Федоровичъ Шомполовъ (самородный комикъ, процвѣтающій въ палатѣ государственныхъ пмуществъ въ должности помощника чего-то или кого-то).
Прындикъ	Леонидъ Сергѣичъ Разбитной.
Лакей 1-й	} Экзекуторъ губернскаго правленія Стуколкинъ.
Лакей 2-й	

ЧИНОВНИКЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ 1-МЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Княгиня	Дарья Михайловна Голубовицкая.
Полковникъ	Леонидъ Сергѣичъ Разбитной.
Мисхоринъ	Семель Семеновичъ Линвинъ.
Надимовъ	Мечиславъ Владиславовичъ Семіоновичъ.
Дровинкинъ	Федоръ Федоровичъ Шомполовъ.

— Кажется, *messieurs*, такимъ образомъ будетъ хорошо?— прибавляетъ Дарья Михайловна, прочитавъ списокъ ролей.

Всѣ находятъ, что отлично.

— Теперь, господа,—вступается Семіоновичъ:— необходимо

выбрать намъ режиссера... Я предлагаю возложить эту обязанность на Алоизія Церестиновича Загржембовича.

— Аксіось! — возглашаютъ преданные.

Алоизій Целестиничъ кланяется и благодаритъ за довѣріе. Онъ даетъ слово, что употребитъ всѣ усилія, чтобъ оправдать столь лестное порученіе.

— Алоизій Целестиничъ! — говоритъ Разбитной: — вы не забудьте, что для Шомполова необходимо, чтобъ на репетиціяхъ былъ ерофеичъ и колбаса.

Всѣ берутся за шляпы и намѣреваются разойтись.

— Господа! господа! — возглашаетъ Загржембовичъ: — какъ режиссеръ, я долженъ васъ остановить, потому что не рѣшенъ еще одинъ важный пунктъ: кто будетъ суфлеромъ?

— Мамаса! — говоритъ старшій сынокъ Дарьи Михайловны: — я хочу быть суфбеемъ.

— Нѣтъ, душечка, ты будешь казачкомъ.

— Я узъ бый казачкомъ, я хочу быть суфбеемъ!

— Ну, полно, душечка, ты будешь шоколадъ подавать!

— Я, господа, предлагаю выбрать суфлера изъ учениковъ гимназіи: имъ часто приходится суфлировать другъ другу!

— Великолѣпная мысль! вы золотой человекъ, Алоизій Целестиничъ.

— *L'incident est vidé!* — восклицаетъ Разбитной.

Всѣ уходятъ, и Семіоновичъ, заранѣе предвкушая доставшуюся ему роль и искрививши судорожно ротъ, декламируетъ на лѣстницѣ: „и къ горю моего званія, я долженъ сказать, что я и обижаться не въ правѣ, пока у насъ будутъ взяточники“. Въ швейцарской онъ уже полонъ негодованія: „надо крикнуть на всю Россію, — провозглашаетъ онъ: — что пришла пора, и она дѣйствительно пришла — искоренить зло съ корнями“, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ рукою жестъ, какъ будто дѣйствительно копается ею въ землѣ.

По всему видно, что Семіоновичу пришло очень кстати роль Надимова. Онъ человекъ молодой и горячій, и потому надѣется помѣстить въ этой роли, какъ въ ломбардѣ, весь внутренній жаръ, безпредметно накопившій въ его груди.

Что касается до Разбитного, то онъ хотя тоже не совсѣмъ равнодушенъ къ ожидающимъ его впереди сценическимъ тревогамъ, но

выражает свои чувства нѣсколько иначе, а именно: на каждой площадкѣ лѣстницы производить по одному въ высшей степени козлообразному антраша и отправляется откушать рюмку водки къ доброй знакомой своей, Вѣрѣ Готлибовнѣ Пройминой.

III.

Наступилъ, наконецъ, и день первой репетиціи. Въ провинціи благородные спектакли всегда составляютъ эпоху и на долгое время оставляютъ за собой отрадные воспоминанія. Особливо любятъ ихъ дамы, для которыхъ эпоха спектакля какъ-то фаталистически совпадаетъ съ порою возрожденія и любви. Статистическія изслѣдованія съ послѣднею очевидностью доказываютъ, что потребность въ благородныхъ спектакляхъ обнаруживается преимущественно послѣ десятиаго декабря, то-есть въ то время, когда солнце, какъ извѣстно, поворачивается на лѣто. Хотя на дворѣ и гвоздятъ еще крещенскіе морозы, но въ теплыхъ гостинныхъ уже чувствуются запахи весны; появляются цвѣточки на окнахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ расцвѣтать и сердца. И вотъ, мало-по-малу, въ четырехъ законченныхъ стѣнахъ провинціального театра полагается первоначальная закваска той интимной, крохотной драмы, которая потомъ исчерпываетъ собою весь провинціальный карнавалъ. Сценическое искусство служить здѣсь только предлогомъ или, лучше сказать, кулисами, за которыми развиваются домашніи интриги, устраиваются свиданія, разыгрываются сцены ревности, и т. д. Съ одной стороны, мечутся въ глаза лица совершенно счастливыя и довольныя; съ другой, печально выступаютъ впередъ ипохондрики, свѣдаемые завистью и злобой при взглядѣ на чужое счастье; съ одной стороны, слышится тотъ мягкій, какъ будто дѣтскій смѣхъ, который самое счастье озаряетъ еще новымъ и болѣе яркимъ свѣтомъ, и рядомъ съ нимъ раздаются болѣзненные вздохи, сосредоточенно вылетающіе изъ груди какого-нибудь отвергнутаго трезора. Здѣсь же, какъ будто бы для того, чтобъ лучше оттѣнить картину, явится передъ вами какой-нибудь Шополовъ, который смотритъ на предстоящій спектакль какъ на подвигъ всей своей жизни, и добродушная фізіономія режиссера, который обыкновенно избирается изъ такъ-называемыхъ „мышинныхъ жеребчиковъ“, обладающихъ любовнымъ жаромъ въ самой умѣренной степени, и потому

способныхъ сохранять постоянный нейтралитетъ. Иногда картина разнообразится наѣздомъ слишкомъ ревнивыхъ мужей, желающихъ собственными глазами удостовѣриться, въ какомъ положеніи находится супружеская вѣрность; но и это какъ-то не огорчаетъ, а, напротивъ того, умиляетъ, потому что если ужъ признавать силу солнечнаго поворота на лѣто, то это признаніе должно быть равносильно и для мужей, и для женъ. Впрочемъ наѣзды подобнаго рода весьма рѣдки, потому что провинціальныя мужья — народъ вообще добродушный и, при объявленіи имъ о нарядѣ ихъ женъ для предстоящаго спектакля, высказываютъ досаду свою отрывисто и невинно головой. „Ну, пошла пыльня въ ходъ!—говорятъ они:—семь безъ козырей! Порфирій Петровичъ—вы чтò?“

Часы бьютъ семь, и Шомполовъ достаточно ужъ увлажилъ свои внутренности изъ графинчика, содержащаго въ себѣ настойку, извѣстную подъ именемъ ерофеича. Онъ ходитъ по сценѣ и груститъ, чтò случается съ нимъ всегда, когда Ерощка-маларъ намалюетъ баканомъ на лицѣ его итальянскій пейзажъ съ надписью: „изверженіе Везувія“. Отъ нечего-дѣлать, онъ обращается къ сторожу.

— Меня, братъ Михеичъ, здѣсь понимать не могутъ! — говоритъ онъ уныло. — Здѣсь и люди-то, братъ, не люди, а такъ, какія-то сирены, только навыворотъ: хвостъ человѣчій, а станъ рыбій... Ну, скажи ты самъ: какой же я комикъ! и сложеніе, и голосъ — все во мнѣ трагическое!.. тутъ пахнетъ убійствомъ, братъ, злодѣяніями—вотъ чтò!

Михеичъ слушаетъ и нескоса посматриваетъ на водку.

— Что, видно, водочки захотѣлось? ну, выпьемъ, братъ, выпьемъ... я добрый!.. Намеднишь вотъ заставили меня Падчерицына играть... теперь Дробинкина! А Надимова небось не дали, а дали его Семіоновичу—онъ, дескать, товарищъ предсѣдателя! Гдѣ жъ тутъ справедливость, Михеичъ? ну, какой я Падчерицынъ?

— Мое, сударь, дѣло занавѣсъ опустить, или вотъ садъ на мѣсто поставить,—отвѣчаетъ Михеичъ.

— Что-жъ это, наконецъ, будетъ! вѣдь я, наконецъ, къ публикѣ прибѣгну!.. я актеръ, я настоящій актеръ!.. Такъ вотъ нѣтъ же, Михеичъ! не могу, братъ, я къ публикѣ прибѣгнуть, руки у меня связаны! жена, братъ, шестеро дѣтей! Откажись я играть, такъ завтра и отъ должности, пожалуй, отрѣшатъ... вотъ чтò горько-то!

Входят Загржембовичъ и Разбитной. Послѣдній въ весьма пріятномъ расположеніи духа скачетъ вдругъ обѣими ногами на лѣстницу и мурлыкаетъ куплетцы изъ роли Приндика.

— Алоизій Целестинычъ! — обращается Шомполовъ къ Загржембовичу: — вы справедливый человѣкъ! за что они меня обидѣли? За что мнѣ Размазю дали, а Надимова отдали Семіоновичу?

— Вы пьяны, Шомполовъ, — замѣчаетъ Разбитной, живописно раскидываясь на диванѣ.

— Нѣтъ, я не пьянъ, Леонидъ Сергѣичъ! я вышилъ, потому что обиженъ, а я не пьянъ! нѣтъ, я далеко не пьянъ... Я хочу сказать, что я актеръ, настоящій актеръ, а не затычка!

— Ха-ха! „затычка“! Нѣтъ, это неподобно: *mais vous êtes impayable, mon cher Chompoloff!*

— Кто меня затычкой зоветъ? — кричитъ Шомполовъ, уже забывъ, что онъ самъ наградилъ себя этимъ прозвищемъ. — Кто надо мной смѣяться смѣетъ?

— Ха-ха! *impayable! impayable!*

— Кто меня затычкой зоветъ? — продолжаетъ Шомполовъ: — не хочу я играть Размазю... я Гамлетъ, я Чацкій, я Надимовъ, а не Размазня!

Пріѣздъ Дарья Михайловны и Аглаиды Алексѣевны Размановской полагаетъ конецъ спору.

— Ah, vous voilà, messieurs! — говорятъ Дарья Михайловна и вѣстѣ съ тѣмъ ищеть чего-то глазами.

— Мсьё Линкина еще нѣтъ! — въ упоръ отвѣчаетъ Разбитной, и отвѣчаетъ съ ехидствомъ, потому что между нимъ и Линкинымъ есть яблоко раздора, и это яблоко — сама Дарья Михайловна.

Разбитной вообще считается „l'enfant chéri des dames“, и потому очень оскорбляется, если кто-нибудь осмѣливается предпочесть ему другого.

— Мсьё Разбитной! вы должны сегодняшній вечеръ занимать меня — это такъ слѣдуетъ по пьесѣ! — говоритъ Аглайда Алексѣевна, садясь возлѣ Разбитного.

— Вотъ Шомполовъ говорить, что ему водки не даютъ! — начинаетъ „занимать“ Разбитной.

— Фи, мсьё Шомполовъ, вы опять съ вашею противною водкой! какъ это вы ее пьете!

— Помилуйте, Леонидъ Сергѣичъ, когда же я жаловался?

— Все равно; по вашему лицу видно, что вы грустите.

— А знаете что, мсьё Разбитной, — прерываетъ Аглаида Алексѣвна: — я одинъ разъ — разумѣется, украдкой отъ татапа — попробовала выпить этой гадкой водки... и еслибы вы знали, что со мной было!.. Вы, впрочемъ, не проболтайте... это секретъ!

Входятъ: Катерина Осиповна Неміоловская (она же и Греть съ ружьемъ), сопровождаемая Линкинымъ.

— Вы всегда опаздываете, мсьё Линкинъ, — сухо замѣчаетъ Дарья Михайловна.

Но Линкинъ въ ту же минуту пристраивается къ Дарьѣ Михайловнѣ, и лицо ея проясняется.

— Начинать, господа, начинать! — кричить Загржембовичъ, хлопая въ ладоши.

— Господа! у насъ въ палатѣ сегодня вечернее засѣданіе было! извините, что опоздалъ! — кричитъ Семіоновичъ, влетая сломя голову.

Пріѣзжаетъ и Анфиса Петровна Луковицна съ дочерью своей, по мужѣ Симіасъ, дамой, обладающей лицомъ аква-марниноваго цвѣта. Прибытіе ихъ проходить, однакожь, незамѣченнымъ.

На сцену выступаетъ Аглаида Алексѣвна и ужасно махаетъ руками, желая показать этимъ, что она обрываетъ звонки.

Разбитной, пользуясь этимъ случаемъ, въ одно мгновеніе ока направляется въ тотъ темный уголокъ, въ которомъ расположилась Дарья Михайловна съ Линкинымъ.

— Сердце женщины — это цѣлая бездна! вы странный человѣкъ, Линкинъ: вы хотите постигнуть то, что само себя иногда постигнуть не въ состояніи! — томно говорить Дарья Михайловна.

Линкинъ слушаетъ молча; онъ знаетъ, что Дарья Михайловна любить не только поговорить, но даже насладиться звуками своего собственнаго голоса, и потому не смѣетъ прерывать очаровательницу.

— Читали ли вы Гётевы „Wahlverwandtschaften“? — продолжаетъ Дарья Михайловна.

— Читаль-съ.

— Помните ли вы ту минуту, когда Шарлоттѣ дѣлается вдругъ такъ совѣстно?.. ну, я ручаюсь, что вы не поняли этого!

— Я, признаюсь, не замѣтилъ этого мѣста.

— И неудивительно, что вы не замѣтили. Такую тонкую, почти неувидимую черту можетъ понять только женщина... Сегодня, кажется, вечеръ у Балтазаровыхъ?—продолжаетъ Дарья Михайловна, замѣтивъ приближеніе Разбитного.

— Кажется,—отвѣчаетъ Линкинъ.

— Вы съ ними знакомы?

— Нѣтъ.

Разбитной, хотя и достигъ своей цѣли, прервавъ интимный разговоръ, но чувствуетъ себя самого внезапно поглупѣвшимъ и не находитъ въ головѣ ни одного путнаго слова. Онъ топчется на одномъ мѣстѣ, то краснѣетъ, то блѣднѣетъ, нѣсколько разъ сряду разѣваетъ ротъ, чтобъ сказать что-нибудь острое, и не можетъ.

— Вамъ, кажется, начинать скоро, Дарья Михайловна,—говоритъ онъ, наконецъ, не безъ усилій.

Въ эту минуту на сценѣ раздается потрясающій вопль. Оказывается, что Шомполовъ уцѣпнулъ очень больно мадамъ Симіасъ.

— Господа! къ сожалѣнію, репетиція не можетъ продолжаться! —возглашаетъ Загржембовичъ:—мсье Шомполовъ не совсѣмъ здоровъ.

— Кто нездоровъ? Какъ нездоровъ?—вступается Шомполовъ:—она меня оскорбила! она сказала мнѣ, что я пьянъ!

— Господа! репетиція кончилась!

IV.

Между тѣмъ статскій совѣтникъ Голынцевъ уже приближался къ Крутогорску. Ѣхаль онъ довольно медленно, потому что на всякой станціи собиралъ подъ рукою, отъ станціонныхъ писарей и ямщиковъ, свѣдѣнія о генералѣ Голубовицкомъ. Свѣдѣнія оказывались, впрочемъ, весьма удовлетворительныя.

— Извѣстно, генералъ-съ!—отвѣчали писаря въ одно слово, будто сговорившись:—на то они и начальники, чтобъ разыскивать!

„Гм... стало быть, строгъ и распорядителенъ—это хорошо!“ подумалъ Голынцевъ.

— Шибко ужъ оченно ѣздить,—отвѣчали въ свою очередь ямщики.

„Гм... стало быть, дѣятеленъ — это похвально!“ зарубилъ себя на носъ Голынцевъ.

Наконецъ, декабря 20 числа 18** года, въ восемь часовъ пополудни, возокъ Максима Ѳедорыча въѣхалъ въ Крутогорскъ. На заставѣ встрѣтилъ его полиціимейстеръ.

— Ва... вашему пре-е-восходительству...

— Вы, должно быть, озябли?—прервалъ Максимъ Ѳедорычъ, видя, что полиціимейстеръ, вмѣсто того, чтобъ рапортовать, только шелкаетъ зубами:—вы можете простудиться, мой любезный!

Возокъ помчался на отводную квартиру, а полиціимейстеръ съ своей стороны поспѣшилъ доложить генералу, что Максимъ Ѳедорычъ не человекъ, а ангелъ.

Максимъ Ѳедорычъ, пріѣхавъ на квартиру, спросилъ самоваръ и позвалъ къ себѣ хозяина, потому что и тутъ, несмотря на утомленіе, первою его мыслью было не спать лечь, а, напротивъ того, узнать что-нибудь подъ рукою. Вообще, онъ понималъ свою обязанность весьма серьезно и зналъ, что осторожность въ полицейскомъ чиновникѣ есть мать всѣхъ добродѣтелей. Хозяинъ явился въ кругломъ фракѣ и оказался весьма милымъ негоціантомъ, чему Голынцевъ очень пріятно изумился и выразилъ при этомъ надежду, что и въ прочихъ городахъ Россіи со временемъ купцы послѣдуютъ примѣру этихъ aimables Kroutogoriens.

— Ну, скажите, чтѣ вашъ добрый генераль?—началъ испытывать Максимъ Ѳедорычъ стороною.

— Слава Богу-съ, ваше превосходительство!

„Ваше превосходительство“ подѣйствовало на Максима Ѳедорыча успокоительно.

„Mais ils sont tres bien élevés ici!“—подумалъ онъ и вслухъ прибавилъ:—Да, да! онъ у васъ такой дѣятельный!

— Попеченіе большое имѣютъ, ваше превосходительство!

— Ну, и генеральша тоже, она вѣдь милая?

— Дарья Михайловна-съ?... смѣю доложить вашему превосходительству, что такихъ дамъ по нашему мѣсту-съ... наше мѣсто, сами изволите знать какое, ваше превосходительство!

— Гм... это хорошо! Ну, и веселятся у васъ: бываютъ собранія, театры, балы?

— Какъ-же-съ, ваше превосходительство! благороднымъ мане-

ромъ тоже собираются-съ... въ карты поиграть-съ, или въ клубъ-съ... все больше Дарья Михайловна попеченіе имѣютъ...

— Это хорошо! я такъ скажу, что это одинъ изъ главныхъ рычаговъ администраціи, чтобъ всѣмъ было весело! Если всѣмъ весело, значить всѣ довольны—это ясно, какъ дважды два! Къ сожалѣнію, не всѣ администраторы обращаютъ на этотъ предметъ должное вниманіе!

— Ужъ чтò же хорошаго будетъ, ваше превосходительство, какъ всѣ, насупившись, по угламъ сидѣть будутъ.

— Ну да, ну да, очень радъ! очень радъ познакомиться съ такимъ милымъ и образованнымъ негоціантомъ.

Максимъ Федорычъ замѣтилъ, однако, что ужъ довольно поздно, и потому рѣшился отдохнуть. Но прежде чѣмъ отойти ко сну—до такой степени серьезень былъ его взглядъ на служебныя обязанности—онъ вынулъ свою записную книжку, въ которой уже были начертаны слова: „строгъ, но справедливъ“, „дѣятеленъ, распорядителенъ“, и собственноручно сдѣлалъ въ ней слѣдующую отмѣтку: „общежителенъ и заботится о соединеніи общества, въ чемъ не мало ему помогаетъ любезная его супруга, о которой существуютъ въ губерніи самые лестные отзывы“.

V.

На другой день у генерала Голубовицкаго былъ обѣдъ. За обѣдомъ присутствовали: Змѣищевъ, Фурначевъ, Порфирьевъ, Крестовоздвиженскій и прочіе сильные міра; кушали также и нѣкоторые молодые люди, но исключительно изъ числа тѣхъ, отъ которыхъ ничѣмъ не пахнетъ, а именно: Разбитной, Семіоповичъ и Загржемовичъ. Изъ дамъ присутствовала одна хозяйка дома.

Еще наканунѣ Степанъ Степанычъ призвалъ къ себѣ повара и имѣлъ съ нимъ серьезное объясненіе.

— Завтра у меня гость обѣдать будетъ, ты пойми это!—сказалъ онъ повару.

— Это понять можно, ваше превосходительство; не въ первый разъ столы готовимъ!

— Ну, чтò же ты сдѣлаешь?

— Горячее супъ съ кнелюю изготвить можно.

— Господи! просто, братецъ, воображенія у тебя никакого нѣтъ!..

— А то можно и уху сварить.

— Сушь съ кнелью да уха, только и словъ! ну, чортъ съ тобой, дѣлай что хочешь!

Тѣмъ и кончилось совѣщаніе, но обѣдъ все-таки вышелъ хорошій. Подавали сушь съ кнелью (поваръ поставилъ-таки на своемъ), на холодное котлеты и ветчину съ горошкомъ, на соусъ фрикасе изъ мозговъ и мелкой дичи, въ которую воткнуты были оловянные стрѣлы, потомъ пушиъ глянсѣ, на жаркое индѣйку и въ заключеніе малиновое желе, въ видѣ развалинъ Колизея, внутри которыхъ горѣла стеариновая свѣчка, производя весьма пріятный эффектъ для глазъ.

Максимъ Ѳедорычъ, какъ дамскій поклонникъ, садится поближе къ Дарьѣ Михайловнѣ и между ними завязывается очень живой разговоръ.

— И вы не скучаете?—спрашиваетъ Максимъ Ѳедорычъ.

— Иногда... а впрочемъ, нѣтъ! я такъ всегда занята, что некогда и подумать о скукѣ!

— Ахъ да, я и забылъ, что у васъ есть дѣти... chers petits anges! ils sont bien heureux d'avoir une mère comme vous, madame!

— Mais... oui! je les aime...

Дарья Михайловна треплетъ старшаго сына по щеckѣ.

— Ей, Максимъ Ѳедорычъ, скучать некогда: она даже и теперь устраиваетъ благородный спектакль,—отзывается съ другого конца генераль, внимательно слѣдящій за всѣми движеніями Голынцева.

— Vraiment? mais savez-vous, мнѣ ужасно покровительствуетъ счастье... я безъ ума отъ спектаклей, особенно отъ благородныхъ... и я васъ заранѣе предупреждаю, что вы найдете во мнѣ самаго строгаго критика.

— Мы таки частенько здѣсь веселимся,—снова вступается генераль.

— Это хорошо! удовольствія, а особливо невинныя... это, я вамъ скажу, даже полезно: это нравы очищаетъ, не даетъ, знаете, имъ зачерствѣть...

— Это несомнѣнно!

— А позволено ли будетъ узнать, si ce n'est pas une indiscretion toutefois, какія пьесы будутъ играть?

— „Чиновника“,—отвѣчаетъ Дарья Михайловна.

— Ah! c'est sérieux! c'est très sérieux! только, я вамъ скажу, тутъ надо актеру... par ce que c'est très sérieux!

Дарья Михайловна рекомендуетъ Семіоновича.

— Вы, конечно, поняли эту роль?—спрашиваетъ его Максимъ Федорычъ:—вы извините меня, что я дѣлаю такой вопросъ: дѣло въ томъ, что это вѣдь очень серьезно!

Семіоновичъ вертитъ головою въ знакъ согласія.

— Я видѣлъ въ этой роли первоклассныхъ нашихъ актеровъ, и признаюсь, не совѣмъ удовлетворенъ ими. Нѣтъ, знаете, этого жару, этого негодования... ну и манеры не тѣ... Вы вѣдь вообразите, что Надимовъ старинный дворянинъ, que c'est un homme de bonne famille, п вдругъ этотъ человѣкъ рѣшился не только принести себя въ жертву отечеству, но и разорвать всякую связь съ „стариннымъ русскимъ развратомъ“... Mais il est presque révolutionnaire, cet homme!

— Я именно такъ и понялъ это, ваше превосходительство!—отвѣчаетъ Семіоновичъ.

— Да, тутъ надо много, очень много жару, чтобъ передать эту роль... О княгинѣ я не спрашиваю: эта роль по всемъ правамъ должна принадлежать вамъ,—обращается Голынцевъ къ Дарьѣ Михайловнѣ,

— А еще будутъ играть комедію, гдѣ Аглинька звонки рветъ!—перебиваетъ старшій сынъ Голубовичскихъ.

— А я буду сакалядъ подавать,—продолжаетъ младшій сынъ.

— „Сакалядъ“, душечка? oh, le charmant enfant!.. Я понимаю, что вы не должны, не можете скучать, Дарья Михайловна!

Дарья Михайловна треплетъ по щекѣ и младшаго сына.

— Мамаша, Сеничка хочетъ въ Аглинькинъ шоколадъ песку насыпать,—докладываетъ старшій сынъ.

— Фи, душечка!

— Oh, le charmant enfant... quel âge a-t-il, madame?

— Sept ans.

— Mais savez-vous, madame, qu'il est très développé pour son âge? Тебѣ, душечка, куда хочется: въ военную или штатскую?

— Я хочу въ кыясномъ мундирѣ ходить!

Всѣ смѣются и съ нѣжностью смотрятъ на маленькаго пичугу, который уже желаетъ краснаго мундира.

— Нынѣшнее молодое поколѣніе удивительно какъ быстро развивается!—замѣчаетъ Голынцевъ:—я увѣренъ, что Надимову всего какихъ-нибудь шестнадцать лѣтъ, въ то время, когда онъ вступаетъ на сцену... *Notez bien cela*,—прибавляетъ Голынцевъ, обращаясь къ Семіоновичу.

— Извините меня, ваше превосходительство,—возражаетъ Семіоновичъ:—но Надимовъ передъ этимъ путешествовалъ, былъ на Нилѣ...

— Это такъ, но развѣ онъ не могъ путешествовать съ своими родителями? или съ гувернеромъ?

— Путешествовать—такъ, но быть на Нилѣ—согласитесь сами, что это довольно трудно!

— Можетъ быть, можетъ быть... *Au fond, vous êtes, peut-être, dans le vrai...* но, все-таки, вопросъ заключается въ томъ, что молодые люди нынче чрезвычайно какъ быстро развиваются... *qu'en pensez-vous, madame?*

— *Mais... je pense que oui...*

— Я, впрочемъ, отнюдь не противъ этого... Конечно, опытность, *l'expérience n'est pas à dédaigner, et nous autres, vieux galopins, nous en savons quelque chose...*

— Опытность великая вещь, ваше превосходительство,—замѣчаетъ генераль, который по временамъ тоже не прочь преждевременно произвести Максима Федорыча въ слѣдующій чинъ.

Порфирій Петровичъ побрякиваетъ въ знакъ сочувствія.

— Я противъ этого не спорю, ваше превосходительство: есть вещи, противъ которыхъ нельзя спорить, потому что онѣ освящены исторіей... Но все-таки жаръ, энергія... все это такія вещи, которыхъ намъ съ вами недостаетъ... *mais n'est-ce pas, madame?*

Дарья Михайловна очень мило улыбается; присутствующіе также смѣются и даже довольно шумно, но тѣмъ не менѣе благовоспитанно и добродушно, какъ будто хотятъ сказать генералу: „а что, попались, ваше превосходительство!“ Генераль самъ признаетъ себя побѣжденнымъ и ставитъ себя въ уровень съ общимъ веселымъ настроеніемъ общества.

— Зачѣмъ же вы, однакожъ, себя включаете въ число стариковъ?— очень любезно замѣчаетъ Дарья Михайловна Голынцеву.

— Vous êtes bien aimable, madame,—отвѣчаетъ Максимъ Ѳедорычъ:—но увы! я долженъ сознаться, что время мое прошло!

— Должно быть, тоже изволили развиваться быстро?—шутливо замѣчаетъ генераль.

— А что вы думаете? вѣдь это правда! въ бывалые годы я тоже недурно проводилъ время... mais que voulez-vous! la jeunesse —c'est comme les vagues de l'océan: cela s'en va et ne se retourne plus!

Въ это время желе съ стеариновою свѣчкой отвлекаетъ общее вниманіе. Максимъ Ѳедорычъ съ любопытствомъ слѣдитъ за блюдомъ, пока обносятъ имъ всѣхъ гостей, и въ заключеніе находитъ que c'est joli. Встаютъ изъ-за стола и отправляются въ гостиную, гдѣ опять возобновляется живой и интересный разговоръ.

— Я никакъ не ожидалъ, чтобъ въ такомъ отдаленномъ городкѣ можно было такъ пріятно проводить время... Vraiment!—замѣчаетъ Максимъ Ѳедорычъ.

— Еслибы вашему превосходительству угодно было удостоить меня посѣщеніемъ сегодня вечеромъ на чашку чаю...—говоритъ Порфирій Петровичъ, подходя къ Голынцеву и переминаясь съ ноги на ногу.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ... вы меня извините, что я не былъ у васъ съ визитомъ...

— Помилуйте, ваше превосходительство!..

И Порфирій Петровичъ, сдѣлавъ полуоборотъ на одномъ каблучкѣ, каплянувъ и нѣсколько покраспѣвъ, удаляется.

— Et demain, nous allons en piquenique; j'espère, que vous en serez?—спрашиваетъ Дарья Михайловна.

— Madame, vous pouvez disposer de mon temps et de ma personne selon votre bon vouloir...

— Въ такомъ случаѣ, я сама за вами заѣду,—любезно продолжаетъ генеральша.

— Ah, madame! vous êtes d'une bonté!

Наконецъ, всѣ начинаютъ чувствовать нѣкоторое обремененіе желудка и мало-по-малу раскланиваются съ хозяевами. Голынцевъ замѣчаетъ это и также спѣшитъ отретироваться.

Всѣ очень довольны.

— Ахъ, какой пріятный человѣкъ!— говоритъ Порфирій Петровичъ, обращаясь къ Крестовоздвиженскому.

— Просто именно добрѣйшій человѣкъ,— отвѣчаетъ Крестовоздвиженскій и внезапно начинаетъ размахивать руками, какъ человѣкъ, который не въ состояніи овладѣть своими чувствами.

Семіоновичъ уходитъ, обдумывая замѣчанія Голынцева по поводу роли Надимова, и рѣшается присутствовать еще болѣе жару въ выраженіи того спасительнаго негодованія, которымъ проникнута эта роль. Леонидъ Сергѣевичъ Разбитной выражаетъ свое удовольствіе тѣмъ, что скачетъ съ одной ступеньки на другую обѣими ногами вдругъ, и на одной ступенькѣ говоритъ: „*ricque*“, а на другой: „*pique*“.

VI.

На другой день, часу въ третьемъ пополудни, огромный поѣздъ останавливается передъ домомъ, въ которомъ имѣетъ резиденцію Максимъ Ѳеодорычъ. Впереди всего поѣзда ѣдетъ полиціймейстеръ на лихой тройкѣ, подобранной волосъ въ волосъ изъ числа пожарныхъ лошадей. За полиціймейстеромъ слѣдуютъ четверомѣстныя сани, въ которыхъ обрѣтаются генераль и генеральша Голубовицкіе и двое дѣтей. Тутъ же садится и Максимъ Ѳеодорычъ.

Поѣздъ трогается; ящикамъ приказано быть веселыми, вельдствіе чего они поютъ пѣсни и помахиваютъ кнутами. Максимъ Ѳеодорычъ замѣчаетъ, что такого рода загородныя поѣздки, кромѣ того, что представляютъ много удовольствія, весьма полезны для здоровья.

— *Et regardez, comme c'est joli!*— обращается онъ къ Дарьѣ Михайловнѣ, указывая на длинную вереницу саней, растянувшуюся на полверсты:— какъ это напоминаетъ запоздалыхъ путниковъ, которые спѣшатъ на ночлегъ!

И дѣйствительно, картина очень милая, потому что день ясный, и лучи солнца, упавая на бѣлую снѣговую равнину, обливаютъ ее сверкающимъ, почти нестерпимымъ блескомъ; сани быстро скользятъ по едва пробитой дорогѣ, а пристяжныя лошади, взрывая копытами снѣгъ, одѣваютъ экипажи серебрянымъ облакомъ пыли, что также очень недурно.

— У насъ удивительно здоровый климатъ, — говоритъ генералъ: — повѣрите ли, ваше превосходительство, странно сказать, а даже въ простомъ народѣ никогда никакихъ болѣзней не происходитъ!

— Да? стало быть, состояніе народнаго здоровья можно назвать удовлетворительнымъ?

— Больше чѣмъ удовлетворительнымъ!

— Ну, а народная нравственность?

— Насчетъ народной нравственности тоже могу сказать, что довольно удовлетворительна... конечно, бывають тамъ между ними... ну, да это домашними средствами!

— Гм... это хорошо! это очень утѣшительно, что народная нравственность въ удовлетворительномъ состояніи... Потому что народъ, ваше превосходительство... это его, можно сказать, единственная забота, чтобъ быть нравственнымъ... Если ужъ и въ народѣ нѣтъ нравственности, чтѣ же такое будетъ?

— Это справедливо, ваше превосходительство... въ этомъ отношеніи, я могу сказать... я очень счастливъ... Народъ здѣсь очень нравственъ! Одно только обстоятельство меня огорчаетъ: ябедниковъ здѣсь очень много.

— Д-да?

— Точно такъ-съ; я, конечно, не сталъ бы жаловаться вамъ на это, еслибы не имѣлъ удовольствія такъ близко познакомиться съ вами и не убѣдился вполне, что вы не заподозрите меня... Но теперь могу сказать прямо: да, ябедничество слишкомъ укоренилось здѣсь!

— Скажите пожалуйста!.. но чѣмъ же вы объясните такое явленіе? вѣроятно, оно откуда-нибудь запесено сюда, потому что не можетъ же быть, чтобъ здѣсь были какія-нибудь причины жаловаться... Вездѣ, гдѣ я былъ, передо мной проходили все лица совершенно довольныя.

— Изъ Новгорода, Максимъ Ѳедоричъ, изъ Новгорода... Повѣрите, что это все старая новгородская кляуза дѣйствуетъ!..

— Гм... стало быть, здѣшній народъ стоитъ на довольно высокой степени развитія? — замѣчаетъ Голынецъ, вспомнивъ о Марей Посадницѣ.

— О, да! съ этой стороны я могу почестъ себя совершенно счастливымъ! я могу сказать, что имѣю дѣло съ людьми развитыми, и еслибы не ябедничество...

— Однакожь, надо бы принять мѣры противъ распространенія этого зла, ваше превосходительство... Я, съ своей стороны, готовъ содѣйствовать!

— Я, съ своей стороны, полагаю, ваше превосходительство, что для уничтоженія этого зла необходимо между народомъ распространить „истинное просвѣщеніе“...

— То-есть, какъ это истинное просвѣщеніе... грамотность, хотите вы сказать?

— О, нѣтъ, упаси Боже! грамотность-то именно и распространяеть у насъ ябедниковъ...

— Гм... да! я понимаю васъ! вы хотите сказать, что еслибы не было грамотныхъ, то некому было бы просьбы писать? Такъ, кажется?

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— А чтѣ вы думаете: вѣдь въ этомъ много правды! несомнѣнно, что тогда административная машина упростилась бы чрезвычайно... ну, и сокращеніе переписки... Однако мнѣ весьма бы любопытно было знать, чтѣ вы разумѣете подъ „истиннымъ просвѣщеніемъ“?

Генералъ задумывается; онъ хочетъ выразиться какъ-нибудь аллегорически, упомянуть про невинность души, про довѣрчивость, про веселое и безгорестное выраженіе фізіономіи и другіе несомнѣнные признаки „истиннаго просвѣщенія“, но такъ какъ въ ораторскомъ искусствѣ онъ никогда не имѣлъ случая упражняться (потому что и вообще въ Россіи искусство это находится въ младенествѣ), то весьма естественно, что мысли его путаются, и въ головѣ его поднимается такой сумбуръ, для приведенія котораго въ порядокъ необходимо было бы учредить цѣлое временное отдѣленіе съ тремя столами, изъ коихъ одинъ завѣдывалъ бы невинностью души, другой — довѣрчивостью и т. д. Дарья Михайловна замѣчаетъ это и спѣшитъ выручить супруга своего изъ бѣды.

— Ah, messieurs, vous aurez encore tout le temps de causer affaire! — замѣчаетъ она, очаровательно улыбаясь.

— Это правда. Мы, ваше превосходительство, были очень неучтивы передъ Дарьей Михайловной! — говоритъ Максимъ Федорычъ, и потомъ снова прибавляетъ, указывая на поѣздъ: — mais regardez, comme c'est joli!

Однако виднѣется уже и цѣль поѣздки: одноэтажный сѣренькій домикъ, въ которомъ устроено все нужное для принятія гостей. Не-

подалеку отъ дома генеральскую тройку обгоняютъ сани, въ которыхъ сидятъ Загржемовичъ, Семіоновичъ и Разбитной, то-есть сокъ крутогорской молодежи. Разбитной возсѣдаетъ на облучкѣ, и въ то время какъ тройка равняется съ санями Дарьи Михайловны, онъ старается держать себя какъ можно лише и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается смотрѣть по сторонамъ и разговариваетъ съ своими спутниками, чтобъ показать, что онъ лихой и все ему ни почемъ.

Въ небольшой залѣ уже накрытъ столъ и батальонная музыка играетъ весьма усердно. Хотя это дѣло обыкновенное и всѣмъ давно извѣстно, что батальонъ, вмѣстѣ съ кузницей и пивальной, непременно обладаетъ и полнымъ балльнымъ оркестромъ музыки, но Максимъ Ѳедорычъ считаетъ долгомъ пріятно изумиться.

— Да у васъ тутъ цѣлый оркестръ! — говоритъ онъ Дарья Михайловнѣ: — *mais... c'est très joli!*

За обѣдомъ начинается тотъ же милый, летучій разговоръ, котораго образчики приведены въ предъидущей главѣ, съ тою разницею, что теперь онъ непринужденнѣе и вслѣдствіе этого еще милѣе. Дарья Михайловна ни на шагъ не отпускаетъ отъ себя дорогого гостя. За общимъ шумомъ и разговоромъ между ними заводится интимная бесѣда, въ которой Дарья Михайловна открываетъ Максиму Ѳедорычу всѣ тайныя сокровища своего ума и сердца. Бесѣда, разумѣется, ведется на томъ миломъ французскомъ діалектѣ, о которомъ наши провинціальныя барыни такъ справедливо выражаются: „этотъ душка французскій языкъ“.

— Если кто хочетъ найти доступъ къ сердцу женщины, тотъ долженъ постучаться въ двери ея воображенія, — утверждаетъ Максимъ Ѳедорычъ.

— Вы думаете?

— Я совершенно въ этомъ увѣренъ... Кто произноситъ при мнѣ слово: „воображеніе“, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ произноситъ и слово: „женщина“, и наоборотъ...

— А я думаю, что на бѣдныхъ женщинъ клеветуютъ, говоря, что у нихъ воображеніе развито на счетъ сердца... Возьмите, напримеръ, чувство матери!

— О, чувство матери—это такъ! — *c'est sublime, il n'y a rien à dire!* но я не объ немъ и говорю... Мы возьмемъ женщину свободную отъ всякихъ такого рода отношеній, женщину, созданную, такъ

сказать, для того, чтобъ только любить... madame Beauséant *), напримѣръ?

— Но я вамъ могу указать противъ этого на Марту, на Лукрецію Флоріани **)...

— И все-таки я утверждаю, что всѣ эти героини именно потому и оказались слабы сердцемъ, что въ нихъ слишкомъ развито было воображеніе.

Дарья Михайловна задумывается.

— Нѣтъ, вы не знаете женщинъ!—говоритъ она положительно.

— Oh, mais je vous demande pardon, madame!..

— Нѣтъ, потому что вы отнимаете у женщины ея лучшее сокровище—сердце!.. А впрочемъ, я и забыла, что вы мужчина...

— А все-таки главное въ женщинѣ—это ея воображеніе...

— Вы странный человѣкъ, мсье Голынецъ: вы хотите увѣрить меня, что постигнули женщину... то-есть, постигли то, что само себя иногда постигнуть не въ состояніи...

— Oh, quant à cela, vous avez parfaitement raison, madame!

— Читали ли вы Гётевы „Wahlverwandtschaften“?

— О, какъ же!

— Помните ли вы тамъ одно мѣсто... ту минуту, когда Шарлотта, отдаваясь своему мужу, вдругъ чувствуетъ... скажите: сердце ли это, или воображеніе?

Максимъ Ѳеодорычъ безмолвствуетъ, потому что, признаться сказать, онъ въ первый разъ слышитъ о Шарлоттѣ, да сверхъ того и вопросъ Дарьи Михайловны слишкомъ ужъ отзывается метафизикой.

— Вы потому ошибаетесь въ женщинѣ,—продолжаетъ Дарья Михайловна томно:—что ищете чувства въ одномъ ея сердцѣ... Но вѣдь оно вездѣ, это чувство, оно во всемъ ея существѣ!

Максимъ Ѳеодорычъ рѣшительно побѣжденъ.

— О, если вы берете вопросъ съ этой точки зрѣнія,—говоритъ онъ:—то, конечно, противъ этого я ничего не имѣю сказать.

Такимъ образомъ побѣда остается за Дарьей Михайловной, но, какъ женщина умная, она очень хорошо понимаетъ, что одолжена

*) Героиня романовъ Бальзака.

**) Героини романовъ Ж. Санда.

своимъ торжествомъ не столько самой себѣ, сколько великодушію своего противника.

Послѣ обѣда время проводится очень пріятно; въ залѣ устраиваются танцы, въ сосѣдней комнатѣ раскладываются карточные столы. Слѣдовательно, и юность, увѣнчанная розами, и маститая старость, украшенная благолѣпными сѣдѣями, равно находятъ удовлетвореніе своимъ законнымъ потребностямъ.

Максимъ Ѳедорычъ играетъ въ карты легко и чрезвычайно пріятно. Онъ не кричитъ, не подмигиваетъ, не говоритъ: „такъ-съ“, и вообще не выказываетъ никакихъ признаковъ душевнаго волненія. Партію его составляютъ: генералъ Голубовицкій, Порфирій Петровичъ Порфирьевъ и Семень Семеновичъ Фурначевъ. Занятіе картами не мѣшаетъ Максиму Ѳедорычу вести вмѣстѣ съ тѣмъ весьма пріятный и оживленный разговоръ; во время сдачи онъ постоянно находитъ какую-нибудь новую тему и развиваетъ ее съ свойственнымъ ему увлеченіемъ. Такъ, напримѣръ, онъ находитъ, что Англія сдѣлала въ послѣднее время на промышленномъ поприщѣ гигантскіе успѣхи, а что во Франціи, напротивъ того, *l'ère des révolutions n'est pas close...*

— Ахъ, какой пріятный человѣкъ! — замѣчаетъ Порфирій Петровичъ, когда Голынецъ оставляетъ на минуту своихъ партнеровъ, чтобы посмотрѣть на танцующихъ.

— И, кажется, много начитанъ! — прибавляетъ отъ себя Семень Семеновичъ.

Но вотъ начинается мазурка, и Максимъ Ѳедорычъ, по необходимости, долженъ кончить игру, потому что дамы единодушно стоворились выбирать его для фигуръ. Само собою разумѣется, что Максимъ Ѳедорычъ въ восторгѣ; онъ забываетъ почтенный свой возрастъ и рѣзвится какъ дитя: хлопаетъ въ ладоши во время шэновъ и рондовъ, придумываетъ новыя фигуры и съ необыкновенною граціею ловитъ платки, которые бросаются, впрочемъ, дамами именно въ сторону, гдѣ находится Голынецъ.

Однимъ словомъ, день проходитъ незамѣтно и весело. Во время сборовъ въ обратный путь, Максимъ Ѳедорычъ очень суетится и хлопочетъ. Онъ лично наблюдаетъ, чтобъ дамы закутывались теплѣе, и до тѣхъ поръ не успокоивается, покуда не убѣждается, что попечительныя его настоянія возымѣли надлежащее дѣйствіе.

VII.

Я не стану говорить объ обѣдахъ и вечеринкахъ, данныхъ по случаю пріѣзда Максима Ѳедорыча сильными міра сего; пройду даже молчаніемъ и великолѣпный балъ, устроенный въ залѣ клуба... Во все время своего пребыванія въ Крутогорскѣ Максимъ Ѳедорычъ былъ положительно разрываемъ на части, и за всѣмъ тѣмъ не только не показывалъ ни малѣйшаго утомленія или упадка душевныхъ силъ, но, напротивъ того, въ каждомъ новомъ празднествѣ какъ бы почерпалъ новыя силы для совершенія дальнѣйшихъ подвиговъ на этомъ блестящемъ поприщѣ.

Перломъ всѣхъ этихъ увеселеній остался все-таки благородный спектакль, на которомъ я и намѣренъ остановить вниманіе читателя. Максимъ Ѳедорычъ самъ неусыпно слѣдилъ за ходомъ репетицій, вразумлялъ актеровъ, понуждалъ лѣнливыхъ, обуздывалъ слишкомъ ретивыхъ и даже убѣдилъ Шомполова въ томъ, что водка и искусство—двѣ вещи разныя, которыя легко могутъ обойтись другъ безъ друга.

Прежде всего шла пьеса: „Въ людяхъ ангелъ“ и проч., и всѣ единогласно сознались, что лучшаго исполненія желать было невозможно. Аглаида Алексѣевна Размановская играла рѣшительно *comme une actrice consommée!* Хотя въ особенности много неподдѣльнаго чувства было выражено въ послѣдней сценѣ примиренія, но и на балѣ у Размазни дѣло шло нисколько не хуже, если даже не лучше. Отлично также изобразила госпожа Симіасъ перерѣзную дѣвицу Небосклонову, а пропѣтый ею куплетъ о Пушкинѣ произвелъ фуроръ. Но Разбитной, по общему сознанію, превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Онъ какъ-то сюсюкалъ, безпрестанно вкладывалъ въ глаза стеклышко и во всемъ поступалъ именно такъ, какъ долженъ былъ поступать настоящій Прындикъ. Одинъ Семіоновичъ былъ неудовлетворителенъ. Онъ никакъ не могъ понять, что Славскій — дипломатъ, который подъ конецъ пьесы даже получаетъ назначеніе въ Константинополь, и велъ себя рѣшительно какъ товарищъ предсѣдателя. Даже Фурначевъ понималъ, что тутъ что-то не такъ, и сообщилъ свое заключеніе Порфирію Петровичу, который, однакожь, не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ, а выразился только, что „съ насъ и этого будетъ“!

Начались и живыя картины. Максимъ Ѳедорычъ лично осмотрѣлъ Гайдѣ и нашелъ что Дарья Михайловна была *magnifique*. Шомполовъ, бывшій въ это время за кулисами, увѣрялъ даже, будто Максимъ Ѳедорычъ прикоснулся губами къ обнаженному плечу Гайдѣ и при этомъ какъ-то странно всеѣмъ тѣломъ дрогнулъ. Впрочемъ, надо сказать правду, и было отъ чего дрогнуть. Когда открылась картина и представилась глазамъ зрителей эта роскошная женщина, съ какой-то страстной нѣгой раскинувшаяся на турецкомъ диванѣ, взятомъ на поддержаніе у совѣтника палаты государственныхъ имуществъ, то вся толпа зрителей дико завопила: таково было потрясающее дѣйствіе обнаженного плеча Гайдѣ. Напрасно пасуливался мрачный Ламбро, напрасно цорывался впередъ миловидный Донъ-Жуанъ — публика не замѣчала ихъ полезныхъ усилій и всеѣми чувствами стремилась къ Гайдѣ, къ одной Гайдѣ.

Вторая картина была также прелестна. Нѣсколько пріятныхъ молодыхъ дамъ и дѣвицъ, un *essaim de jeunes beautés*, въ костюмахъ одалискъ, и посреди нихъ Дарья Михайловна, съ гитарой въ рукахъ, произвели эффектъ поразительный.

Третью картину спасла рѣшительно Дарья Михайловна, потому что Семіоновичъ (Іаковъ) не только ей не содѣйствовалъ, но даже совершенно неожиданно свиснулъ, разрушивъ вдругъ все очарованіе.

Грекъ съ ружьемъ прошелъ благополучно.

Но само собой разумѣется, что главный интересъ все-таки сосредоточивался на „Чиновникѣ“. Въ публикѣ ходили насчетъ этой пьесы разные несообразные слухи. Многіе увѣрили, что будетъ все-народно представленъ стаповой приставъ, снимающій съ просителя даже исподнее платье; но другіе утверждали, что будетъ, напротивъ того, представленъ стаповой приставъ, снимающій рубашку съ самого себя и отдающій ее просителю. Последнее мнѣніе имѣло за себя всѣ преимущества со стороны благонамѣренности и правдоподобія, и потому весьма естественно, что въ общемъ направленіи оно оправдалось и на дѣлѣ. Максимъ Ѳедорычъ сильно струсилъ. Онъ видѣлъ, что Семіоновичъ не такъ понялъ свою роль.

— Mais veuillez comprendre, mon cher, — говорилъ онъ: — вѣдь Надимовъ человекъ новый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и старый... то-есть, вотъ видите ли... душа у него новая, а тѣло, то-есть оболочка...

старая!.. здѣсь-то, въ этомъ безвыходномъ столкновеніи, и источникъ всей катастрофы... vous comprenez?

Но Семіоновичъ не понималъ; онъ, напротивъ того, утверждалъ, что у Надимова душа старая, а тѣло новое... и что въ этомъ-то именно и заключается не катастрофа, а поучительная и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоивающая цѣль пьесы: это, молъ, ничего, что ты тамъ языкомъ-то озорничаешь, мысли-то у тебя все-таки тѣ же, что и у насъ грѣшныхъ.

Максимъ Ѳедорычъ былъ въ отчаяніи и не скрывалъ даже чувствъ своихъ.

— Все идетъ отлично, — говорилъ онъ въ партерѣ окружающимъ его губернскимъ аристократамъ: — но Надимовъ... признаюсь вамъ, я опасуюсь, я сильно опасуюсь за Надимова... какая жалость!

И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобъ представить человѣка по наружности холоднаго, насквозь проникнутаго неподобнѣйшимъ *comme il faut* и только въ глубинѣ души горящаго огнемъ безкорыстія, человѣка, собирающагося высказать свою тоску по безкорыстію на всю Россію, однакожь, по чувству врожденной ему стыдливости, высказывающаго ее только княгинѣ, Мисхорину, полковнику и Дробинкину, Семіоновичъ выходилъ изъ себя, дралъ свои волосы и въ одномъ мѣстѣ дошелъ до того, что прибилъ себя по щекамъ. Даже крутогорская публика какъ-то странно охнула при такомъ явномъ нарушеніи законовъ естественныхъ и человѣческихъ, а Порфирій Петровичъ весь сторѣлъ отъ стыда.

Наконецъ представленіе кончилось. Слово „joli“ слышалось во всѣхъ углахъ — только канцелярскіе чиновники, обитатели горныхъ и страшные зоилы, остались не совсѣмъ довольны, да и то потому, что ихъ завѣрили, что будетъ непременно представленъ становой, да и не какой-нибудь другой становой, а именно второго стана Полорѣцкаго уѣзда — Благоволенскій.

На другой день въ губернскихъ вѣдомостяхъ была напечатана въ видѣ письма къ редактору слѣдующая статья:

„Позвольте и мнѣ, скромному обитателю нашего мирнаго города, поговорить о прекрасномъ торжествѣ, котораго мы были свидѣтелями. Извѣстно вамъ, милостивый государь, какое благодѣтельное вліяніе имѣютъ зрѣлища (а въ особенности благородныя) на нравственность народную. Съ одной стороны, примѣромъ наказаннаго по-

рока смягчая преступныя наклонности, зрѣлища, съ другой стороны, несомнѣнно возвышаютъ въ человѣчествѣ эстетическое чувство; эстетическое же чувство въ свою очередь, пройдя сквозь горнило нравственности, возвышаетъ сію послѣднюю, и черезъ то ставитъ ее на ту ступень, гдѣ она дѣлается основою всякаго благоустроеннаго гражданскаго общества. Съ этой точки зрѣнія намѣренъ я обозрѣть критически вчерашнее торжество.

„Первое, чтѣ представляется при этомъ моему умственному взору, — это цѣль, которой служили благородные жрецы искусства. Не одна слеза будетъ отерта, не одинъ вздохъ благодарности вознесется, въ видѣ теплой молитвы, за благородныхъ благотворителей... Одинъ французскій ученый сказалъ, что дама, которая покупаетъ шаль, подаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ милостыню бѣдному... Святая и глубокая истина! И наши добрые крутогорцы вполне ее поняли. Но не стану больше распространяться объ этомъ предметѣ; я знаю, что скромность, и даже нѣкоторая стыдливость, есть нераздѣльная принадлежность всякаго благотворительнаго дѣянія, и потому... умолкну.

„Но не могу умолчать о благотворной мысли, присутствовавшей при выборѣ пьесы. Въ настоящее время, когда умственное око Россіи должно быть обращено, по преимуществу, внутрь ея самой, наши добрые крутогорцы вполне доказали, что они стоятъ въ уровень съ обстоятельствами. Выборъ такой пьесы, какъ „Чиновникъ“, положительно доказываетъ это. Мы сами были свидѣтелями потрясающаго дѣйствія этой пьесы, которое въ соединеніи съ истинно-пластической игрой исполнявшаго роль Надимова члена благороднаго крутогорскаго общества, останется навсегда незабвеннымъ на страницахъ нашей лѣтописи. Да! мы можемъ смѣло давать па нашей сценѣ „Чиновника“! мы можемъ безъ горечи выслушивать страстныя и благонамѣренныя филиппики г. Надимова! Эти укоры, эти филиппики не до насъ относятся! Благодареніе Богу, мы уже попили свой долгъ относительно любезнаго нашего отечества и, положиа руку на сердце, можемъ сказать: г. Надимовъ! въ вашихъ словахъ заключается горькая правда, но этой правдѣ нѣтъ мѣста въ Крутогорской губерніи!

„Скажу нѣсколько словъ и объ исполненіи, но, не желая оскорбить прекрасное чувство скромности, которымъ одушевлены наши благородные благотворители, вынужденъ умолчать о многомъ, чтѣ

накипѣло на днѣ благодарной души. Прежде всего, долженъ я упомянуть о трудахъ ея превосходительства Дарьи Михайловны, по мысли и наставленіямъ которой было устроено настоящее торжество. Затѣмъ всѣ исполнители, принявшіе участіе въ дѣлѣ благотворенія, были безукоризненны. Какъ хороша была княгиня! Какъ увлекательно-наивна была Славская! Какъ... но нѣтъ, я чувствую, что перо мое начинаетъ переходить само собою за предѣлы той скромности, о которой я говорилъ... Итакъ, умолкну!

„Мужайтесь, благородные труженики! боритесь съ препятствіями и преодолевайте ихъ! Не смотрите на то, что на пути вашемъ иногда растутъ не розы, а тернии—таковъ ужъ удѣлъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ! Помните всегда, что за вашими невинными занятіями стоятъ толпы иныхъ тружениковъ, которые посылаютъ къ небу горячія мольбы о ниспосланіи вамъ сугубыхъ силъ на новые подвиги!“

Сочинитель этой статьи, коллежскій секретарь Пѣснопѣвцевъ, удостоился въ тотъ же день чести быть приглашеннымъ къ обѣденному столу его превосходительства Семена Семеныча.

VIII.

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, Максимъ Ѳеодорчъ спохватился, что пора ужъ ѣхать, тѣмъ болѣе, что репертуаръ увеселеній начиналъ истощаться. Онъ собралъ свои воспоминанія, посоветовался съ записною книжкой и нашелъ, что матеріаловъ для будущаго донесенія предостаточно. О генералѣ Голубовицкомъ и преимущественно о генеральшѣ предположилъ онъ высказаться съ особенною теплотою. Въ пользу ихъ можно, пожалуй, даже пожертвовать двумя-тремя субъектами, чтобъ лучше и явственнѣе отгѣнить картину. Само собою разумѣется, что нельзя же всѣхъ чиновниковъ найти добродѣтельными; это невозможно, во-первыхъ, потому, что сама природа въ своихъ проявленіяхъ разнообразна до безконечности; а во-вторыхъ, потому, что и начальство не повѣритъ этой эпидеміи добродѣтели и, чего добраго, заподозритъ еще способности ревизора. Поэтому выбраны были въ жертву такъ-называемые пререкатели и безпокойные, которыхъ и оказалось двое: совѣтникъ губернскаго правленія Евфратскій и членъ приказа Семибашенный. Евфратскій жилъ

весьма уединенно, ни къ кому не ѣздилъ, и вслѣдствіе того былъ за-
подозрѣнъ въ вольнодумствѣ и въ намѣреніи возстановить въ Россіи
патріаршеское достоинство, о чемъ будто бы онъ и выражался сторо-
ною тамъ-то и тогда-то. Семибашенный же хотя и не мечталъ о воз-
становленіи патріаршескаго достоинства, но, взамѣнъ того, неодно-
кратно предъявлялъ пагубную склонность къ исламу и даже
публично называлъ турокъ счастливыми, приводя въ основаніе та-
кого мнѣнія лишь грубыя поползновенія своей чувственности. Само
собою разумѣется, что такія лица не заслуживали ни малѣйшаго сни-
схожденія.

Прощаніе было очень трогательно. На обѣдѣ, данномъ по этому
случаю генераломъ Голубовицкимъ, было сказано много теплыхъ словъ
и выпито не мало тостовъ за здоровье дорогого гостя.

— Скажу вамъ откровенно, — выразился при этомъ генераль,
съ чувствомъ пожимая руку Максима Ѳедорыча: — и давно, очень
давно не имѣлъ такого пріятнаго гостя!

— Позвольте и мнѣ, въ свою очередь, удостовѣрить ваше пре-
восходительство, что давно, очень давно я не имѣлъ такихъ пріят-
ныхъ минутъ, какія провелъ здѣсь, въ вашемъ любезномъ обществѣ,
— отвѣчалъ Максимъ Ѳедорычъ взволнованный.

— *Mais revenez nous voir,* — любезно сказала Дарья Михай-
ловна.

— *Impossible, madame!* мы, люди службы, люди дѣятельности,
не всегда можемъ слѣдовать влеченіямъ сердца...

Всѣ присутствовавшіе были растроганы. Когда же, послѣ обѣда,
наступилъ часъ разставанія, и Максимъ Ѳедорычъ долго, въ какомъ-
то тяжкомъ безмолвіи, держалъ въ своихъ рукахъ руку Дарьи Ми-
хайловны, то его превосходительство Семень Семенычъ не могъ
долѣе выдержать. Онъ какъ-то восторженно замахалъ руками и бро-
сился обнимать Голынцева, а Семіоновичъ, стоя въ это время въ сто-
ронѣ, шопотомъ декламировалъ:

When we two parted
In silence and tears...

Вечеромъ, часу въ десятомъ, ровно черезъ мѣсяць по пріѣздѣ
въ Крутогорскъ, Максимъ Ѳедорычъ уже выѣзжалъ за заставу этого
города. Частный приставъ Рогуля, сопровождавшій его превосходи-

тельство до городской черты, пожелалъ ему счастливаго пути и тутъ же, обротившись къ будочнику, сказалъ:

— Ну, вотъ и ревизоръ! чтò-жь что ревизоръ! нѣтъ, кабы вотъ Павла Трофимыча Перегоренскаго къ ревизиі допустили—этотъ, надо думать, обревизовалъ бы!

Въ эту же ночь послалъ Богъ свѣжку, который въ какихъ-нибудь два часа закрылъ самый слѣдъ повозки Максима Фодорыча.

IV.—Утро у Хрептюгина.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

дѣйствующія лица.

Иванъ Онуфричъ Хрептюгинъ, 55 лѣтъ, негоціантъ.

Дмитрій Иванычъ, иначе Démétrius, сынъ его, 20 лѣтъ, служитъ при губернагорѣ.

Статскій совѣтникъ Семень Семенычъ Фурначевъ, 50 лѣтъ, имѣеть къ Хрептюгину начальственныя отношенія.

Маіоръ Станиславъ Фаддеечъ Попжнерховскій, 40 лѣтъ, ремесломъ проходимецъ.

Иванъ Петровичъ Доброзраковъ, отставной штабъ-лекаръ, 55 лѣтъ.

Леопидъ Сергѣевичъ Развитпой, чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, молодой человѣкъ.

Отставной подпоручикъ Живновскій, 50 лѣтъ.

Типулярная совѣтница Степанида Карповна Гнусова, 45 лѣтъ, экономка Хрептюгинныхъ.

Дѣйствіе происходитъ въ губернскомъ городѣ.

СЦЕНА I.

Театръ представляетъ богато-убранную гостиную въ домѣ Хрептюгина. Въ серединѣ и направо отъ зрителя двери. На столѣ передъ диваномъ поставлена закуска и водка.

Гнусова (*пожилая женщина, одѣтая въ черное шолковое платье; на плечахъ у нея желтая шаль, на голову чепецъ; при открытіи занавѣса она занимается приготовленіемъ закуски*).

Шутка сказать, скоро одиннадцатый часъ, а онъ еще дрыхнетъ! И не убѣеть же Богъ громомъ этакаго асида! По естеству-то, ему бы теперь на босу ногу бѣгать да печки затоплять, анъ онъ, вотъ, валяется... Да и спать вѣдь не спитъ, а именно валяется, потому,

дескать, что въ Питерѣ благородные люди такимъ манеромъ дѣлають. (*Задумывается.*) Вотъ я и благородная, и мужъ титулярнымъ совѣтникомъ былъ... такъ хоть бы за столъ съ собой посадили—и того нѣтъ!

СЦЕНА II.

Гнусова и Понжперховскій (*видный мужчина, въ военномъ сюртукѣ; усы нафабрены и тщательно завиты, волосы на головѣ прилажены; вертлявъ и занятъ собой; говоритъ съ сильнымъ акцентомъ*).

Понжперховскій. Иванъ Онуфріичъ не вставали?

Гнусова. Гдѣ же ему встать, батюшка!

Понжперховскій. Это лучше-съ; я, признаюсь вамъ, даже не люблю, когда вашъ Онуфріичъ передъ глазами торчитъ... Поговорить можно и безъ него, выпить и закусить тоже-съ...

Гнусова. Конечно, сударь!

Понжперховскій. Я вамъ доложу, почтеннѣйшая Степанида Карповна, что на этихъ людей нужно смотрѣть съ философической точки зрѣнія... Вотъ я, наиримѣръ: люблю и въ карточки перекинуть, и хоршую сигару выкурить, и пообѣдать изящно, и побесѣдовать... все это у Хрептюгина я нахожу-съ. Слѣдственно, что жъ мнѣ за дѣло до того, что онъ еще вчерашняго числа не-вѣсть въ какой родословной записанъ былъ? Возьмемъ хоть бы теперь: закуска, я вижу, на столѣ приготовлена, водка есть... ну, и ваша пріятная бесѣда тоже-съ... за ваше здоровье, Степанида Карповна! (*Пьетъ и закусываетъ.*)

Гнусова. На здоровье, сударь. Оно точно, вы люди наѣзжіе... вамъ оно ничего, какъ онъ колобродить, да и колобродить-то при васъ онъ еще не больно осмѣлится...

Понжперховскій. Это всеконечно-съ... потому что мы иногда можемъ и до лица коснуться...

Гнусова. А какво-то намъ, грѣшнымъ? Бѣдникъ, сударь, что муха: гдѣ заборъ, тамъ дворъ; гдѣ щель, тамъ постель! Намедпись вотъ чуть со двора меня не согналъ: „хочу, говорить, чтобъ у меля нѣмка въ экономкахъ была!“ Ну, разсудите вы сами, Станиславъ Оаддеичъ, хуже что-ли я нѣмки-то!

Понжперховскій. Се!.. да онъ долженъ былъ бы радоваться, что ему дворянка служить!

Гнусова. То же и я говорю... Насилу ужъ его Аксинья Ивановна уняла.

Понжперховскій. Д-да-съ... такъ вотъ видите: стало быть, Аксинья-то Ивановна добрая!

Гнусова. И, сударь, не говорите! то же озорница выросла!

Понжперховскій. Это можно измѣнить-съ... Будетъ не только шолковая, а даже бархатная: на это манера есть-съ... А вы исполнили порученьице-то, моя почтенная?

Гнусова. Говорила, сударь... только она все чтой-то мнется... сначала было-подалась, а потомъ и опять на попятную.

Понжперховскій. Да что же такое-съ?

Гнусова. Да говорить, что ты больно по гостямъ шататься любишь, а я, говорить, желаю, чтобъ мужъ у меня безсмѣнно при мнѣ сидѣлъ...

Понжперховскій. Ну, скажите, пожалуйста! Вѣдь вотъ жадность какая! Да вы бы внушили ей, моя почтеннѣйшая, что и безъ того ей ужъ подѣ-тридцать!

Гнусова. Говорила я, такъ она все свое: папаша, говорить, коли захочетъ, такъ для брака и изъ Петербурга генералы прїѣдутъ!

Понжперховскій. Д-да... а какъ хотите, это вѣдь правда, что дрянная-то кровь, какъ ты тамъ ее ни перегоняй сквозь кубъ, а все скажется... Мнѣ не ея-съ, а вотъ приложеній-то жалко!

Гнусова. Чтò и говорить, сударь!

СЦЕНА III.

Тѣ же и Доброзраковъ (*роста большого и нѣсколько при этомъ сутуловатъ; смотритъ урюмо; въ военномъ сюртукѣ*).

Доброзраковъ (*становясь въ дверяхъ*). Пану полковнику здравія желаю! Чи добрже маешь, пане?

Понжперховскій. Чтò намъ дѣлается, докторъ! отъ насъ вамъ пожива плохая.

Доброзраковъ. Ну, это еще бабушка на-двое сказала... объ этомъ будетъ у насъ въ то время разговоръ, какъ ноги, дружище, протя-

гивать станешь! (*Устремляетъ взоръ на водку.*) А! и водка на столъ; это добрже! А ну, полковникъ, испытасемъ-ка цѣлебныя свойства этой жидкости? Мнѣ, я вамъ скажу, что-то сегодня нездоровится: стара стала, слаба стала... потуда и живь, покуда внутри водкой сполоснешь! Да и та нынче измѣнять стала! (*Шьетъ.*) Было, было и наше времечко! выпьешь, бывало, сколько подынешь, а нынче... сколько глазомъ окинешь! (*Всѣ смѣются.*)

Понжперховскій. А что вы думаете, докторъ: можетъ быть, отъ этого-то всполаскиванія оно и не дѣйствуетъ. Вотъ въ нашихъ сторонахъ помѣщикъ былъ, тоже занимался этимъ, такъ, повѣрите ли, внутренности-то у него даже выгорѣли всѣ—такъ и скончался-съ!

Доброзраковъ. Вздоръ, сударь! (*Ударяетъ себя по животу.*) Эта печка такого сорта, что камъ ее ни топи—все къ дальнѣйшей топкѣ достойна и способна... Я вотъ шестой десятокъ на свѣтѣ живу, и могу сказать—бывала-таки у насъ топка... да, изрядна! А все хоть сейчасъ въ походъ готовъ!.. (*Гнусовой.*) Иванъ Онуфричъ всталъ?

Гнусова. Никакъ нѣтъ еще, Иванъ Петровичъ, какъ можно!

Доброзраковъ. То-есть, опъ и проенулся, пожалуй, да тотъ еще часъ, видно, не пробилъ, въ который дуракамъ просыпаться прилично... Э-э-эхъ! то-то вотъ и есть: мужика сколько ни вари, все сыростью пахнетъ! Издали-то онъ ни то, ни се, а что ближе, то гаже!

Гнусова (*иронически*). Ну, какъ, сударь! Извѣстно, возвысилъ Богъ куликовъ родъ—какъ же и не покуражиться ему!

Доброзраковъ. Люблю за то, что по крайней мѣрѣ, не говоря худого слова, ноги на столъ задралъ! Повторимъ, полковникъ. (*Подноситъ Понжперховскому рюмку; оба пьютъ.*)

Понжперховскій. Это вы истинную правду, докторъ, сказали: человекъ, покуда въ дикомъ состояніи находится—ничего... даже можно сказать, что это именно почтенный человекъ-съ! Но коль скоро повезла ему фортуна или успѣлъ онъ, такъ сказать, надуть себѣ подобнаго, то это именно даже удивительно, какой вдругъ переворотъ въ немъ бываетъ!

Доброзраковъ. Какой тутъ переворотъ! Первымъ долгомъ—ноги на столъ... Этотъ переворотъ и хавронья сдѣлать можетъ!

Понжперховскій. Правда, докторъ! Я самъ иногда, глядя на него, думаю, зачѣмъ онъ, напримѣръ, бороду брѣть?

Доброзраковъ. Съ бородой-то, по моему, еще лучше. Борода глазамъ замѣна: кто бы плюнулъ въ глаза — плюнетъ въ бороду! (*Всѣ смѣются.*)

Понжперховскій. Или, напримѣръ, зачѣмъ ему такой домъ? Онъ еще не знаетъ, какъ и ходить-то по паркету... Кабы такіа средства да человѣку образованному, сколько бы можно добра тутъ сдѣлать!

Доброзраковъ. Нѣтъ, вы лучше скажите, зачѣмъ ему годовой врачъ? вотъ вы что скажите! Вѣдь у него, кромѣ прыщей на носу, и болѣзней-то никакихъ не бываетъ!

Гнусова (*иронически*). Чтой-то ужъ и не бываетъ! Вы, Иванъ Петровичъ, ужъ, кажется не въ мѣру его конфузите!

Доброзраковъ (*смотритъ на часы*). Однако, надо ему сказать, что пора бы и перестать валяться-то... Ужъ и султанъ турецкій давно, поди, всталъ?

СЦЕНА IV.

Тѣ же и Дмитрій Ивановичъ (*вбѣгаетъ стремительно; одѣтъ франтомъ и завитъ*).

Дмитрій Ивановичъ. Гдѣ панаша? гдѣ папаша? Двѣнадцатый часъ, а онъ тамъ проклажается! Вы-то чего жъ смотрите, Степанида Карповна!

Гнусова (*оскорбляясь*). Помилуйте, Дмитрій Ивановичъ, я вѣдь дама... развѣ могу я въ опочивальню къ вашему папашѣ входить?

Дмитрій Ивановичъ (*останавливаясь въ изумленіи передъ Гнусовой*). Дама?!.. А кто же вамъ сказалъ, что вы дама?

Гнусова. Все же, чай, не мужчина, сударь!

Дмитрій Ивановичъ. Такъ вы говорите: „женщина“, а то „дама“!

Доброзраковъ. Да что жъ такое случилось, Дмитрій Ивановичъ?

Дмитрій Ивановичъ (*размахивая руками*). Князь... князь... желаетъ узнать о папашиномъ здоровьи... поняли что-ли? (*Гнусова, всплеснувъ руками, стремительно убѣгаетъ.*)

Доброзраковъ (*начиная застѣиваться*). Ахъ ты, Господи! самъ его сіятельство ѣдетъ!

Дмитрій Ивановичъ. Кто вамъ говорить про его сіятельство! Поѣдетъ къ вамъ его сіятельство! Будетъ съ васъ и того, если и Леонида Сергѣича пришлетъ!

Доброзраковъ (*разстеливаясь*). А! Разбитной! ну, при этомъ и въ рубашкѣ быть достаточно!

Дмитрій Ивановичъ. Вы, докторъ, кажется, забываетесь! Вы не понимаете, въ какомъ домѣ находитесь!

Доброзраковъ (*озираясь кругомъ*). А въ какомъ? въ каменномъ!.. Ну, да полноте, Дмитрій Ивановичъ, и вѣдь это такъ, шутки ради... Извѣстно ужъ, Леонидъ Сергѣичъ—особа не простая... гдѣ жъ намъ противъ нихъ! Я вамъ такъ даже скажу, что я и купаться-то бы передъ нимъ въ одной рубашкѣ не осмѣлился, а такъ бы вотъ въ мундирѣ и подѣзъ въ воду...

Дмитрій Ивановичъ. Вы все съ своими шутками!

Доброзраковъ. Старикъ вѣдь я, Дмитрій Ивановичъ,—кому же и пошутить-то!

Понжперховскій. А мы, видно, уйти покудова... не люблю я этого Разбитного!

Доброзраковъ. Что такъ?

Понжперховскій. Гордишка-съ!

СЦЕНА V.

Дмитрій Ивановичъ и Доброзраковъ.

Дмитрій Ивановичъ. Ну, скажите, докторъ, зачѣмъ, папри-мѣрь, этотъ выходецъ сюда таскается?

Доброзраковъ. А такъ вотъ, просто потому, что есть умокъ сладенько поѣсть... Вы ужъ очень строги, Дмитрій Ивановичъ.

Дмитрій Ивановичъ. Нѣтъ, я не строгъ, докторъ! я только желаю, чтобъ въ этомъ домѣ чистый воздухъ былъ... понимаете? Знаете ли, какъ у меня здѣсь наболѣло, докторъ? (*Указываетъ на сердце.*) Вѣдь на улицу выйти нельзя: свинья тамъ въ грязи валяется, такъ и та, чего добраго, тебѣ родственница!

Доброзраковъ. Да, это зрѣлище, тово... нельзя сказать, чтобъ пейзажъ живописенъ былъ!

Дмитрій Ивановичъ. Нѣтъ, вы войдите въ мое положеніе, док-

торь! Намеднись, вотъ, иду я въ хорошей компаніи мимо рядовъ; ну, и княжна тутъ... Только откуда ни возьмись — бабушкинъ братъ, весь въ кубовой краскѣ выпачканъ: „а это, говоритъ, кажется, нашъ Митюха съ барами-то ходитъ!“ Вы поймите, чтò я тутъ долженъ былъ вытерпѣть!

Доброзраковъ. А вы бы, Дмитрій Иванычъ, дѣдушку-то подь салазки! Знаете, и пословица гласитъ: Времѣя потчуютъ умѣя, за-воротъ да въ три шеи! Ну, и вы бы такъ-съ!

Дмитрій Иванычъ. Вы все шутите, докторъ, а мнѣ ужъ не до шутокъ, право! (*Подходитъ къ закускѣ.*) Господи! даже закуски порядочной подать не могутъ? грибы, да рыжики, да ветчина! Эй, кто тутъ есть? (*Является горничная.*) Да позови ты лакея, варвары вы этакіе! вѣдь ты и при гостяхъ, пожалуй, сюда вломишься! Возьми подносъ, да вели приготовить закуску — генеральскую, слышишь? (*Горничная беретъ подносъ и уходитъ. За дверьми слышенъ шорохъ.*) А! да вотъ, кажется, и папаша идетъ!

Доброзраковъ (*вполголоса*). Раздайся грязь, навозъ ползеть!

СЦЕНА VI.

Тъ же и Хрептюгинъ (*въ пестрыхъ брюкахъ и коротенькомъ сюртукѣ; на шею повязанъ немилже желтый батистовый платочекъ; въ рукахъ трубка, изъ которой онъ полегоньку покуриваетъ; ходитъ съ маленькимъ развальцемъ и шаркаетъ ногами*).

Хрептюгинъ. А! Démétrius! видно, его сіятельство стосковался по насъ? Леонидъ Сергѣичъ, что-ли, изволить жаловать? Ну, что жъ, милости просимъ! приготовленій не дѣлаемъ, а за просто — милости просимъ!

Доброзраковъ. Чтò вамъ, Иванъ Онуфричъ? разумѣется, вы люди сильные, вамъ не въ диковинку высокихъ гостей принимать!

Хрептюгинъ. Какіе, братецъ, это гости! между нами, просто шавера! Вотъ въ Петербургѣ... это точно... тамъ я на своемъ мѣстѣ...

Доброзраковъ. Что и говорить! я вотъ насчетъ здоровья узнать пріѣхалъ...

Хрептюгинъ. Да что, братецъ! ни шатко, ни валко, ни на

сторону! Желудокъ все... чуть, знаешь, съѣшь что-нибудь этакое... не совсѣмъ легкое... просто, братецъ, дѣло дрянъ выходить!

Доврозраковъ. Да вы бы поберегли себя. Вѣдь ваше здоровье не то, что, на примѣръ, наше. Мы и померемъ, такъ никто не замѣтитъ: все равно что муха померла; ну, а вы совсѣмъ другое дѣло...

Хрептюгинъ. Знаю, братецъ, знаю, да чтѣ прикажешь дѣлать? Съ волками жить, по волчьи выть—иногда и перепустишь!.. Démétrius! ты бы, дружокъ, закуску велѣлъ приготовить; скажи Гнусовой, что тамъ, на третьей полкѣ, жестянка непочатая стоитъ.

Дмитрій Ивановичъ. Я ужъ сказалъ... Да что это у васъ, рара, съ утра до вечера точно кабакъ! только и дѣлають, что водку пьютъ... вѣдь это свинство!

Доврозраковъ. Ахъ, Дмитрій Ивановичъ! да вѣдь папенька вамъ сказывали, что съ волками жить по волчьи выть... ну, и водка, стало быть, поставлена тутъ правильно!

СЦЕНА VII.

Тѣ же и Живновскій (*входитъ изъ среднихъ дверей*).

Живновскій. Благодарствую Ивану Онуфричу низайше кланяюсь! Дмитрій Ивановичъ! Иванъ Петровичъ!

Хрептюгинъ. Откуда Богъ принесъ?

Живновскій. Все хлопоталь-сь... Кто чтѣ, а я все на пользу общую-сь... на вчерашнемъ пожарищѣ былъ-сь.

Хрептюгинъ. Потухъ что-ли?

Живновскій. Дымится, благодарствуй, дымится! по этому-то случаю я и былъ. Распорядиться, знаете, некому! полиціимейстеришка дрянъ, пожарные тоже-сь,—вотъ и пришлось за нихъ работать! всю ночь провозились, да и утро такъ между пальцевъ ушло!

Доврозраковъ. Ишь тебя нелегкая поситъ! точно тебѣ тысячи за это даютъ!

Живновскій. Помилуйте, Иванъ Петровичъ! вѣдь чловѣчество погибаетъ!

Доврозраковъ. А я такъ думаю, что пожаръ-то тебѣ замѣсто праздника?

Живновскій. Нельзя же-съ! (*Озираясь.*) А водочка-то, видно, „ау“ сказала?

Доврозраковъ. Ау, братъ!

Живновскій. Эхма! а не худо бы послѣ трудовъ выпить!

Хрептюгинъ. Ну, и подождешь — не умрешь. Рассказывай, кого же ты на пожарищѣ видѣлъ?

Живновскій. Сама княжна Анна Львовна тамъ была, и съ Леонидомъ Сергѣичемъ... Пожелали тоже о подробностяхъ узнать, — ну, я имъ все это въ живой картинѣ представилъ... Вдова, говорю, пятеро дѣтей... все это, знаете, въ необходимомъ лишь, по ночному времени, ношебномъ платьѣ.. Да, не дай Богъ никому, — вотъ я какъ скажу! бывалъ я, конечно, въ передѣлахъ: и тонулъ-съ, и со второго этажа прыгивалъ... ну, а отъ огня Богъ избавилъ! А впрочемъ, Леонидъ-то Сергѣичъ къ вамъ вѣдь ѣдетъ.

Хрептюгинъ. Развѣ говорили что-нибудь?

Живновскій. Говорили, благодѣтель, какъ не говорить! Какъ я, знаете, пересказалъ имъ все это, такъ княжна тутъ же къ Леониду Сергѣичу обратилась: иль фо, говорятъ, Khreptioughine.

Дмитрій Ивановичъ (*озабоченно*). Деньги при васъ, папаша?

Хрептюгинъ. Небось, вотъ у него (*показываетъ на Живновскаго*) взаимы попрошу... ха-ха! А какъ ты думаешь, Иванъ Петровичъ, четвертной довольно!

Дмитрій Ивановичъ. Чтѣ вы, чтѣ вы, папаша! да Леонидъ Сергѣичъ и не возьметъ! Нѣтъ, ужъ жертвовать такъ жертвовать — меньше сторублевой нельзя!

Хрептюгинъ. Ну, можно и сторублевую... Конечно, и то сказать: у нихъ только и надежды, что на меня!

Доврозраковъ. Что и говорить, Иванъ Онуфричъ: на насъ, грѣшныхъ, какая же надежда! Мы люди простые: живемъ богато, со двора покаго, чего ни хватись, за всѣмъ въ люди покатись!

Хрептюгинъ. Только, братецъ ты мой, одолѣли ужъ они меня очень — даже словно вотъ мухи: и въ глаза, и въ носъ, и въ уши такъ и лѣзутъ! Намеднись вотъ на пріютъ: отъ князя полиція пріѣзжала, — нельзя, говорить, меньше тысячи; черезъ часъ мѣста, предсѣдатель чиновника присылаетъ — ну, пятьсотъ; потомъ управляющій... какъ-то оно ужъ и надоѣло, братецъ!

Доврозраковъ. За то честь большая, Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Ну, конечно...

Живновскій. Ужъ тамъ честь ли, не честь ли, а отдать все-таки придется... Такъ по моему ужъ лучше честью...

Хрептюгинъ (*величественно*). Ну, ты что еще!

Дмитрій Ивановичъ. Я удивляюсь, папаша, какъ вы говорите о такихъ пустякахъ... это все прежнее сквалыжничество въ васъ дѣйствуетъ! А вы вспомните, что князь въ надворные совѣтники васъ представилъ!

Хрептюгинъ. Ну, конечно... А впрочемъ, мы здѣсь промежду себя, такъ я вамъ могу по секрету сказать, что этотъ господинъ надворный совѣтникъ ужъ давно меня измаялъ! Можеть и желудокъ-то отъ этого безпокойства разстроился!

Живновскій. Это сушая правда, Иванъ Онуфричъ! всякое огорченіе прежде всего на желудокъ кидается.

Хрептюгинъ (*Доброзракову*). Да, братъ, могу сказать, что я эти пожертванія именно знаю! Еще княждѣ предмѣстникъ эту исторію-то поднялъ: „пожертвуй да пожертвуй на общепольное устройство!“ Ну и пожертвовалъ: въ саду бесѣдокъ на мои денежки настроили, рѣшетку чугунную вывели... ну и прислали въ ту пору признательность...

Живновскій. Поди, чай, какъ сердцу-то прискорбно было!

Хрептюгинъ. Я къ его превосходительству: такъ, молъ, и такъ, говорю, что жъ это за мода! А онъ мнѣ: „ну, говоритъ, видно еще жертвовать приходится,—давай, говоритъ, плувчій мостъ черезъ рѣку строить!“ Дѣлать нече, позатынулся ужъ я въ это болото маленько, сталъ и мостъ строить!.. Ну, и прислали медаль... и что жъ бы ты, сударь, думалъ: мнѣ же его превосходительство по этому случаю пиръ задать велѣлъ!

Дмитрій Ивановичъ. Ахъ, папаша! право, васъ даже тошно слушать, чтд вы говорите!

Доброзраковъ. А что, Иванъ Онуфричъ! вѣдь коли по правдѣ-то сказать, въ ту пору и медаль-то для васъ, чай, куда лестно было получить! вѣдь вы тогда только-только развѣ не въ мужикахъ были!

Живновскій. Правильно.

Хрептюгинъ (*смущаясь Живновскому*). Ну, ты чего еще!

Дмитрій Ивановичъ (*смотря въ окно*). Ыдетъ. Ыдетъ, Ахъ ты, Господи! А эта безтолковая Степанида Карповна и закуски не даетъ! Голова кругомъ идетъ!

СЦЕНА VIII.

Тъ же и Разбитной (*входитъ гордо и даже съ нѣкоторою осмотрительностью*).

Разбитной. Здравствуйте, Иванъ Онуфричъ, здравствуйте! Ну, какъ ваше здоровье? (*Жметъ ему руку.*)

Хрептюгинъ (*развязно*). Милости просимъ, Леонидъ Сергѣичъ... Слава Богу-съ... Очень благодаренъ его сіятельству.

Разбитной. Да, я отъ князя. Князь сегодня всталъ въ очень веселомъ расположеніи духа... Ночью, знаете, пожаръ этотъ былъ, и это очень старика развлекло. Князь поручилъ мнѣ освѣдомиться о вашемъ здоровьи, любезнѣйшій Иванъ Онуфричъ, — право! Сегодня, знаете, кушаетъ онъ чай и говоритъ мнѣ: „а не худо бы, mon cher, тебѣ провѣдать, какъ поживаетъ мой добрый Иванъ Онуфричъ“.

Хрептюгинъ. Премного благодарны его сіятельству... *Démétrie!*

Дмитрій Ивановичъ. Сейчасъ, папаша! (*Выходитъ на короткое время и потомъ возвращается.*)

Разбитной. Онъ очень часто о васъ вспоминаетъ — такой, право, впечатливый старикашка! Я вамъ скажу, что еслибы этому человѣку руки развязать, онъ, я не знаю, что бы надѣлалъ!

Хрептюгинъ. Попеченіе имѣють большое; я сколько начальниковъ зналъ, а такихъ заботливыхъ именно не бывало у насъ!

Доброзраковъ. Взглядъ просвѣщенный, Иванъ Онуфричъ!

Разбитной. Д-да; онъ вѣдь у насъ въ молодости либераломъ былъ, какъ же! И теперь еще любить объ этомъ времени вспоминать: „а, говоритъ, mon cher, смолоду-то сорви-голова былъ!“ Премудрительный старикашка. (*Входитъ лакей во фракъ съ подносомъ, на которомъ поставлены разныя закуски; въ дверяхъ показывается Гнусова; въ теченіе всей сцены она стоитъ за дверьми и по временамъ выглядываетъ.*)

Хрептюгинъ. Милости просимъ, Леонидъ Сергѣичъ, закусить!

Разбитной. Э... я охотно съѣмъ этого страбургскаго пирога. (*Подходитъ къ столу и ѣстъ.*) Да вы гастрономъ, почтеннѣйшій Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Ужь куда намъ, Леонидъ Сергѣичъ!.. вотъ здоровье мое все плохо... все, знаете, желудокъ! — иной разъ и готовъ бы просить его сіятельство сдѣлать мнѣ честь хлѣба-соли откушать...

Дмитрій Ивановичъ. А что, въ самомъ дѣлѣ, папаша! князь къ намъ такъ милостивъ, что съ нашей стороны даже свинство, что мы не покажемъ ему нашей признательности.

Хрептюгинъ. Если его сіятельству угодно, то я завсегда готовъ... Для насъ, Леонидъ Сергѣичъ, это большого счета не составляетъ.

Развитной. Хорошо-съ... я скажу князю: онъ, вѣроятно, назначитъ вамъ день, когда вы можете принять его... Однако нирогъ этотъ такъ хорошъ, что я рѣшаюсь съѣсть еще кусочекъ... *Ma foi, tant pis pour le diner du prince!* А вы, докторъ?

Доброзраковъ. А вотъ сейчасъ-съ. Мы, признаться, ко всѣмъ этимъ тонкостямъ не привыкли; по нашему, этакъ колбасы кусокъ, чтобъ, знаете, жевать было что.

Развитной. Вы добрый, докторъ!

Доброзраковъ (*наливаетъ рюмку водки, кланяется*). За здоровье его сіятельства, князя Льва Михайлыча!

Живновскій. А мнѣ, видно, безъ потчиванья выпить! (*Подходитъ къ столу.*)

Хрептюгинъ (*Доброзракову*). Что ты, что ты, Иванъ Петровичъ! кто жъ пьетъ здоровье водкой... *Démétrius*, что жъ?

Дмитрій Ивановичъ. Сейчасъ, папаша! (*Убѣгаетъ.*)

Развитной (*вслѣдъ ему*). *Mais dites, mon cher, qu'on donne des verres et que le champagne soit frappé!* (*Хрептюгину.*) Мы вашего сына таки вышколимъ, Иванъ Онуфричъ. (*Лакей вноситъ подносъ съ стаканами и бутылку шампанскаго; Дмитрій Ивановичъ наливаетъ всѣмъ, кромѣ Живновскаго.*) За здоровье его сіятельства, князя Льва Михайлыча! (*Выпиваетъ.*)

Дмитрій Ивановичъ. Ура! (*Выпиваетъ.*)

Доброзраковъ. Желаю здравствовать! (*Выпиваетъ.*)

Живновскій. Что жъ, и мнѣ, видно, выпить! Я, признаться, не охотникъ до винограднаго! — ну, ужъ для его сіятельства! (*Наливаетъ самъ себя стаканъ и пьетъ.*)

Хрептюгинъ. Сто лѣтъ жить да богатѣть! Вотъ это я вино люблю, Леонидъ Сергѣичъ! потому что оно вино легкое... тонкое...

Развитной. Господа! — я требую слова!

Дмитрій Ивановичъ. Шш!... (*Всѣ умолкаютъ.*)

Развитной. Господа! — мнѣ пріятно будетъ засвидѣтельство-
вать передъ княземъ о тѣхъ чувствахъ искренней преданности, ко-
торья я нашелъ въ васъ. Повѣрьте, господа, что для сердца началь-
ника дороже всякихъ почестей, дороже всѣхъ богатствъ сордечное
расположеніе подчиненныхъ. Нѣтъ сомнѣнія — и исторія намъ дока-
зываетъ это съ послѣднею очевидностью, — что всѣ сильныя госу-
дарства до тѣхъ поръ держались, покуда въ сердцахъ подчиненныхъ
жили чувства любви и преданности. Какъ скоро эти истинныя, основ-
ныя начала благоустроенныхъ обществъ исчезали, самыя общества
переставали быть благоустроенными. Я говорю это, господа, здѣсь,
въ этомъ домѣ, потому что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ слова мои не
могутъ имѣть такого смысла. Здѣсь я вижу почтеннаго отца семей-
ства, жертвующаго всею жизнью на пользу общую (*указываетъ на*
Хрептюгина), вижу старыхъ воиновъ, принявшихъ грудью не одинъ
ударъ во имя любви къ отечеству (*указываетъ на Доброзракова и*
Живновскаго; послѣдній крутитъ усы), и, наконецъ, вижу юношу,
полнаго надеждъ и вѣры въ будущее... И всѣ эти лица: и маститая
старость, и увѣчанная розами юность соединяются въ одномъ об-
щемъ чувствѣ преданности къ любимому начальнику... Господа! —
мнѣ пріятно отъ лица князя изъяснить вамъ полную его признатель-
ность! Господа! — я пью за здоровье любезнѣйшаго нашего хозяина!
(*Подходитъ съ стаканомъ къ Хрептюгину и жметъ ему руку.*)
Иванъ Онуфричъ! да продлитъ Богъ вашъ вѣкъ для того, чтобъ вы
могли на долгія времена слѣдовать влеченію вашего добраго сердца
и отирать слезы сирыхъ, лишенныхъ крова... (*Выпиваетъ.*)

Дмитрій Ивановичъ. Ура! (*Пьетъ.*)

Доброзраковъ (*съ сторону*). Ловко подпустилъ!..

Живновскій (*съ сторону*). А по-русски это значить: пермете...
ле бурѣ (*показываетъ руками*). Молодецъ?

Хрептюгинъ. Очень, очень вамъ благодаренъ, Леонидъ Сер-
гѣвичъ! — утѣшили вы меня... Именно это правда, что на пользу
общую! Вчера былъ пожаръ, Леонидъ Сергѣвичъ, остались тамъ
вдовы... смѣю просить васъ принять отъ трудовъ моихъ двѣсти руб-
лей на общественное устройство! (*Вынимаетъ изъ бумажника деньги*
и отдаетъ Развитному.)

Живновскій. Молодецъ Иванъ Онуфричъ!

Хрептюгинъ. Мало жертвовать, Леонидъ Сергѣичъ, не стоять-съ, такъ, по крайности, пушай хоть Богу за насъ помолять!— а деньги что-съ! деньги дѣло наживное-съ!

Живновскій. Разумѣется, благодѣтель, разумѣется... вотъ въ вино вассервейнцу малую толику подпустите—анъ пожертвованіе-то въ тотъ же карманъ и возвратится.

Хрептюгинъ. Я, Леонидъ Сергѣичъ, люблю благодѣтельствовать... Я коли деньги имѣю, такъ желаю, чтобъ всякій, можно сказать, отъ лозы виноградной вкусилъ!

Развитной (*кладя деньги въ карманъ*). Повѣрьте, Иванъ Онуфричъ, князь съумѣетъ оцѣнить...

СЦЕНА IX.

ТѢ ЖЕ И ФУРНАЧЕВЪ.

Фурначевъ (*остинавливается въ дверяхъ и говоритъ за кулисы*). Скажи, братецъ, моему кучеру, чтобъ онъ ѣхалъ домой и доложилъ Настасѣ Ивановѣ, что я прибылъ въ домъ Ивана Онуфрича благополучно. Да сейчасъ же чтобъ и воротился... Иванъ Онуфричъ! Леонидъ Сергѣичъ! Докторъ! (*Жметъ въслѣзъ руки, кромѣ Живновскаго.*) Вы, господа, кажется, съ утра за дѣломъ!..

Доврозраковъ. По благотворительной части, Семечъ Семенчычъ!

Живновскій. Призираемъ этакъ вдовъ и сиротъ-съ... А больше насчетъ вдовъ-съ...

Хрептюгинъ. Да не угодно ли присѣсть вашему высокородію! (*Суетится около Фурначева.*)

Фурначевъ. Не трудитесь, любезный, я сяду самъ!.. Такъ вы, господа, по благотворительной части? что жъ, это хорошо! всякій изъ насъ долженъ удѣлять отъ избытковъ своихъ!

Развитной. Скажите, пожалуйста, Семечъ Семенчычъ, вы не были сегодня у князя?

Фурначевъ. Не былъ, Леонидъ Сергѣичъ, не былъ, потому что не имѣлъ чести быть приглашеннымъ.

Развитной. Странно! а онъ хотѣлъ васъ просить!.. знаете,

вчера былъ пожаръ, погорѣла вдова съ дѣтьми... что-то много ихъ тамъ... княжна очень интересуется положеніемъ этихъ сиротъ.

Фурначевъ. Это нашъ долгъ, Леонидъ Сергѣичъ, отирать слезы вдовыхъ и сиротъ; это, можно сказать, наша священная обязанность.. Я не о себѣ это говорю, Леонидъ Сергѣичъ, потому что у меня правая рука не знаетъ, что дѣлаетъ лѣвая, а вообще... (*Вносятъ стаканы съ шампанскимъ.*)

Развитной. Такъ вы заѣзжайте къ князю; ему будетъ очень пріятно. (*Беретъ стаканъ и намъреваетъ пить безъ тоста.*)

Хрептюгинъ. Нѣтъ, Леонидъ Сергѣичъ, позвольте! (*Беретъ стаканъ.*) Господа! за здоровье Леонида Сергѣича! (*Доброзраковъ дѣлаетъ Хрептюгину знаки, указывая на Фурначева; Хрептюгинъ спохватывается, подбѣгаетъ къ Фурначеву и говоритъ вполголоса:*) Извините, ваше высокородіе! обмолвился... мы ваше здоровье послѣ-съ... на прохладѣ выпьемъ.

Фурначевъ (*тоже вполголоса*). Чтѣ разъ уже сдѣлано, того воротить нельзя, любезный! Все воротить можно, а сдѣланное воротить невозможно.

Развитной. Господа! я не нахожу словъ выразить всю мою признательность! Почтенный хозяинъ, предложившій этотъ тостъ, почтилъ не меня самого, а въ лицѣ моемъ упорный трудъ и непоколебимое безкорыстіе на высокомъ поприщѣ общественнаго служенія. Господа! не подѣ влияніемъ винныхъ царовъ, но подѣ влияніемъ благотворныхъ движеній моего сердца говорю я: девизомъ нашимъ долженъ быть трудъ скромный, но упорный трудъ, никѣмъ не замѣчаемый, но честный трудъ, сегодня оканчивающійся, а завтра снова начинающійся. Господа! настала для насъ пора обратить наше умственное око внутрь насъ самихъ, ознакомиться съ нашими собственными язвами и изыскать средства къ уврачеванію ихъ. Не блестящая эта участь, и не розами, но терніями усыпанъ путь безвѣстнаго труженика, въ потѣ лица воздѣлывающаго землю, плодами которой воспользуются потомки! Но благословимъ его скромный, невидный трудъ, пошлемъ ему во слѣдъ самыя искреннія пожеланія нашего сердца... Вспомнимъ, что только они могутъ освѣтить лучомъ радости безотрадную пустыню, предъ нимъ разстилающуюся, — вспомнимъ это и не пожалѣемъ ни добрыхъ словъ, ни теплаго участія, ни одобреній... Я сказалъ господа! (*Пьетъ.*)

ДМИТРІЙ ИВАНЫЧЪ. Ура! (*Пьетъ.*)

ФУРНАЧЕВЪ (*жметъ Разбитному руку*). Вы благородный человекъ, Леонидъ Сергѣичъ! (*Отпиваетъ немного и ставитъ стаканъ.*)

ЖИВНОВСКІЙ (*въ сторону*). И чортъ его знаетъ, гдѣ онъ говоритъ научился!

ХРЕПТЮГИНЪ (*Фурначеву*). Сдѣлайте ваше одолженіе, ваше высокородіе! опростайте стаканчикъ-то!

ФУРНАЧЕВЪ. Не могу, Иванъ Онуфричъ, не могу. Здоровья я пожелалъ Леониду Сергѣичу отъ глубины души, а пить не могу. Утромъ, знаете, натура не принимаетъ.

РАЗВИТНОЙ. Господа! я не могу больше! сердце мое совершенно переполнено... Будьте увѣрены, мой любезнѣйшій Иванъ Онуфричъ, что я со всею подробностью передамъ князю тѣ пріятныя впечатлѣнія, которыя доставило мнѣ утро, проведенное у васъ... Прощайте, господа! (*Уходитъ. Дмитрій Ивановичъ провожаетъ его за двери.*)

СЦЕНА X.

ТѢ ЖЕ, КРОМЪ РАЗВИТНОГО.

ФУРНАЧЕВЪ (*Хрептюгину*). А за что же ты, любезный, меня обидѣлъ?

ХРЕПТЮГИНЪ. Помилуйте, ваше высокородіе, извините!

ФУРНАЧЕВЪ. Нѣтъ, ты скажи: кто статскій совѣтникъ и кто титулярный совѣтникъ?

ЖИВНОВСКІЙ (*въ сторону*). Да, братъ, даль ты маху, Хрептюга!

ХРЕПТЮГИНЪ. Да ужъ помилуйте, ваше высокородіе! языкъ просто сдуру, по теченію рѣчи сказалъ.

ФУРНАЧЕВЪ. А языкъ надо сдерживать... на то, братецъ, голова человекъ дана, чтобъ языкъ сдерживать!

ДОВРОЗРАКОВЪ. Это правда, Семенъ Семенычъ! Только я вамъ именно доложу, что Иванъ Онуфричъ сневѣжничалъ больше отъ не-образованности... не привыкъ еще, знаете, въ хорошемъ обществѣ жить... все ему и кажется, что кругомъ-то свиньи!

Живновскій (въ сторону). Заступился!

Хрептюгинъ (насмльственно улыбаясь). Все шутить... ахъ, Иванъ Петровичъ, Иванъ Петровичъ! (Фурначеву.) Мы вашему высокородію за вашу провинность послѣ трикраты послужимъ!

Фурначевъ. То-то „послужимъ“! ты смотри же, этого слова не забудь!

Дмитрій Ивановичъ (возвращаясь). Нѣтъ, каково говорить-то Леонидъ Сергѣичъ, каково говорить! А еще удивляются, что княжна имъ интересуется! Да я вамъ скажу: будь я женщиной, да начни онъ меня убѣждать, такъ я и Богъ знаетъ чего бы ни сдѣлалъ.

Фурначевъ (съ разстановкой). Мягко стелеть, но жестко спать.

Живновскій. Это правильно!

Фурначевъ. Въ головѣ-то у него вѣтеръ ходитъ! Ему, конечно, еще незнакома наука жизни, а вѣдь куда корни ученія горьки!

Хрептюгинъ. Истинная правда, ваше высокородіе, истинная правда!

Фурначевъ. Тоже приглашаетъ къ пожертвованію! А почему онъ знаетъ: можетъ быть, тотъ, котораго онъ, по легковѣрности своей, считаетъ Лазаремъ богатымъ, и есть тотъ самый убогій Лазарь, о которомъ въ писаніи сказано! (Краснѣетъ и на секунду умоляетъ.) Въ чужомъ карманѣ денегъ никто не считалъ... Про то только Владыко Небесный можетъ знать, чтѣ у кого есть и чего нѣтъ! А если и подлинно деньги есть, такъ онѣ, быть можетъ, чрезъ великій жизненный искусъ пріобрѣтены! (Умоляетъ. Наступаетъ нѣсколько минутъ тягостнаго безмолвія, въ продолженіе котораго Живновскій выпиваетъ двѣ рюмки водки.)

Хрептюгинъ (осторожно возобновляя разговоръ). Чтѣ новаго въ городу дѣлается, ваше высокородіе?

Фурначевъ. По палатѣ у насъ, слава Богу, благополучно. Вчерашняго числа совершился заподрядъ... Слава Всевышнему, благополучно!

Хрептюгинъ. По чемъ же за ведро-съ?

Фурначевъ. По пятидесяти-пяти копѣекъ. Цѣна настоящая.

Живновскій. Ну, и на нищюю братію, чай, пришлось... это правильно!

Хрептюгинъ. Молчи, сударь, молчи! Ваше высокородіе! прикажите его съ лѣтницы спустить!

Фурначевъ. Оставь!

Хрептюгинъ (*Живновскому*). Ничтожный ты человекъ! вотъ какъ его высокородіе про тебя разумѣть!

Фурначевъ. Оставь! (*Вновь наступаетъ нѣсколько секундъ молчанія, въ продолженіе которыхъ Фурначевъ величественно барабанитъ объ ручку дивана, а Хрептюгинъ нѣсколько разъ по-рывается возобновить разговоръ, но не можетъ.*)

Хрептюгинъ (*рѣшительно*). Не прикажете ли холоденъкаго, ваше высокородіе?

Фурначевъ. Не нужно!

Хрептюгинъ. Или изъ закусокъ чего-нибудь?

Фурначевъ. Это... можно.

СЦЕНА XI.

ТЪ ЖЕ И ЛАКЕЙ.

ЛАКЕЙ (*подавая Хрептюгину письмо*). Съ почты-съ.

Хрептюгинъ (*разматривая письмо*). Отъ кого-бы? А! отъ Антоніонаки? (*Къ Фурначеву.*) Позвольте, ваше высокородіе?

Фурначевъ. Можешь.

Доброзраковъ. Ишь вѣдь и знакомые-то у него какіе: все *аки да идросы!*

Живновскій. Питейная часть-съ... греки, римляне, финикіяне... вавилонъ-съ! (*Фурначевъ снисходительно смѣется.*)

Хрептюгинъ (*читаетъ*). „Спѣшу увѣдомить тебя, любезный „другъ Иванъ Онуфричъ, что дѣло о твоёмъ чинѣ приняло самую „неприятную турпюру. Извѣстный тебѣ и облагодѣтельствованный „тобой столоначальникъ оказался величайшимъ вертопрахомъ, ибо „не только не употребилъ врученныхъ тобою денегъ по назначенію, „но, напротивъ того, истратилъ ихъ всѣ сполна на покупку картинъ „непристойнаго содержанія“... (*Останавливается совершенно растерянный.*) Гм... да... эта штука... могу сказать... ловкая, чортъ побери! (*Усмѣхается и вздрагиваетъ.*)

Дмитрій Ивановичъ (*подбѣгая къ отцу*). Ну, что жъ за бѣда! надо еще жертвовать — вотъ и все! есть отъ чего приходитъ въ отчаяніе!

Живновскій. Правильно! это значитъ только, что каррьеръ нужно съизнова начинать!

Доброзраковъ. Можетъ, вы не доложили сколько-нибудь, Иванъ Онуфричъ?

Хрентюгинъ (*въ раздуми*). Нѣтъ, да что жъ это такое? Жизни что-ли они меня хотятъ лишить? (*Къ Фурначеву.*) Ваше высокородіе!..

Фурначевъ. Жаль мнѣ тебя, Иванъ Онуфричъ! Пострадалъ, братъ, ты... это именно, что пострадалъ! Однако ты еще въ томъ можешь утѣшеніе для себя сыскать, что совѣсть у тебя спокойна... А много ли, скажи ты мнѣ, найдешь ты на свѣтѣ людей, которые съ чистымъ сердцемъ могутъ взирать на своего ближняго? Ты вотъ что въ соображеніе, другъ мой, возьми... и утѣшься!

Живновскій. Позвольте, благодѣтель, я стишки вамъ на этотъ случай скажу... я вѣдь въ молодыхъ-то лѣтахъ на всѣ руки былъ, даже и стихи сочинялъ... (*Припоминаетъ.*) Какъ бишь? „Не унывай“ ... „Не унывай“ ... „Не унывай“ ... эхъ, позабылъ, канальство! ну, да все равно... главное-то „не унывай“ ... стало быть, и вамъ унывать не слѣдуетъ.

Хрентюгинъ (*тоскливо*). Господи! денегъ-то что изведено!

(*Занавѣсъ опускается.*)

V.—Для дѣтскаго возраста.

Вечеръ. Юный поэтъ Кобыльниковъ (онъ же и столоначальникъ губернскаго правленія) корпитъ надъ мелко-исписаннымъ листомъ бумаги въ убогой своей квартирѣ и съ неслыханнымъ озлобленіемъ грызетъ перо и кусаетъ ногти. Уже седьмой часъ; еще часъ—и квартира совѣтника Лопатникова озарится веселыми огнями рождественской елки; еще часъ—и она выйдетъ въ залу, въ коротенькомъ бѣленькомъ платьицѣ (увы! ей еще только пятнадцать лѣтъ!), выйдетъ свѣженькая и улыбающаяся, выйдетъ вся благоухающая ароматомъ невинности.

— А что, мсьё Кобыльниковъ, вы исполнили свое обѣщаніе? — спросить она его.

При этой мысли Кобыльниковъ вскочилъ со стула, какъ ужаленный, и схватилъ себя за голову. Онъ начиналъ сознавать, что зложилъ слишкомъ большой фундаментъ своему стихотворенію. Уже двѣ строфы, каждая въ восемь стиховъ, готовы и переписаны, но, судя по развитію, которое принимала основная мысль, нельзя было даже приблизительно предвидѣть, какой будетъ исходъ ея. Онъ уже принесъ достаточную дань восторговъ возникающимъ красотамъ молодой дѣвочки; упомянулъ и о платицѣ, и о шейкѣ лилейной, и о щекахъ „словно персики пушистыхъ“...

И о томъ, о чемъ хотѣлъ бы,
Да не смѣю говорить...

Теперь онъ задалъ себѣ вопросъ: кому суждено обладать всѣми этими сокровищами — старцу ли безсильному, или поэту чернокудрому? Уже онъ начерталъ два первыхъ стиха:

О, скажи жъ, чей мощный образъ
Эту грудь воспламенить?
Эти перси...

Но тутъ воображеніе окончательно отказывалось служить. Рима на „образъ“ рѣшительно не приходила; то-есть, коли хотите, и приходило кое-что въ голову, но все какал-то чувъ: „вобразъ“, „нобразъ“ — чортъ знаетъ, какая дребедень!

— Нѣтъ, да каково же! каково же! — вопіялъ онъ въ отчаяніи: — каково это съ перваго же раза подлецомъ себя выставить!

А время, между тѣмъ, равнодушно смотрѣло на его горестъ и подвигало да подвигало впередъ часовую стрѣлку. Кобыльниковъ тоскливо взглянулъ на часы и увидѣлъ, что до семи остается только пять минутъ.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ не поѣду! — воскликнулъ онъ, бросаясь въ изнеможеніи на стулъ: — лучше одинъ просижу, лучше безъ ужина останусь, нежели подлецомъ себя выставлю!

„Нобразъ!“ — насмѣшливо шептало между тѣмъ воображеніе.

— Фуи, мерзость! и прилѣзутъ же въ голову такія пошлости, что ни складу, ни ладу нѣтъ!

Кобыльниковъ плюнулъ съ досады.

— Ни за что не поѣду! — повторилъ онъ, но велѣдъ за этимъ ни съ того ни съ сего раздумался.

Молодость вдругъ заговорила въ немъ ласкающими голосами. Передъ глазами его рисуется залитая свѣтомъ зала; среди ея стоитъ елка, вся изукрашенная разными лентами и фольгой; елка, которой вѣтви гнутся подъ бременемъ пастилы и другихъ соблазнительныхъ сластей. А вонъ и бѣленькое платьице, вонъ и головка, обрамленная темными кудрями! Господи! что за грація въ чертаніяхъ этой головки! что за свѣжесть, что за сокровища въ этой едва-едва начинающей развиваться груди! И что за веселые звуки пролетаютъ по комнатѣ, когда эта милая дѣвочка засмѣется! Точно вотъ солнышко выглянетъ изъ-за хмурыхъ тучъ, и все вдругъ кругомъ улыбнется: и рѣчка, которая до тѣхъ поръ лѣниво катила сѣрныя волны, и ближняя лужайка, скрывавшая свой цвѣтной коверъ отъ дождей и холодовъ угрюмаго ненастья, и статскій совѣтникъ Поплавковъ, который сидитъ за картоннымъ столомъ и двадцатый разъ сряду озлобленно произноситъ: „пасъ!“ Вотъ она пошла танцовать — и все-то выходитъ у нея не такъ, какъ у другихъ. Посмотрите, на примѣръ, или, лучше сказать, прислушайтесь, какъ танцуютъ Настя Поплавкова, Нюта Смуцпенская! „Конь бѣжить, земля дрожить!“ А она! Неслышно, почти незримо летаетъ она по крашеному полу, нимало не задѣвая крошечными ножками за землю и вся какъ будто уносится и исчезая вверхъ!

Но, кромѣ того, и ужинъ не лишенъ своей прелести. Уже накрывается длинный столъ въ задней комнатѣ, и хотя руки двороваго официанта Андрея не совсѣмъ чисты, но, судя по хлѣбосольнымъ привычкамъ хозяина, нельзя сомнѣваться, что на столѣ будетъ и свѣжая осетрина, и жирный зажаренный лещъ, и все, однимъ словомъ, что приличествуетъ кануну такого великаго праздника, какъ Рождество Христово.

— И надо же быть такому несчастію! — разсуждаетъ самъ съ собою Кобыльниковъ, но разсуждаетъ какъ-то вяло, безъ прежнихъ порывовъ. Вообще видно, что картины, которыя нарисовало ему воображеніе, произвели замѣтное расслабленіе во всемъ его организмѣ.

Въ это время часы прошипѣли семь. Кобыльниковъ машинально всталъ со стула и направился къ платяному шкапу.

„Нобразъ! нобразъ!“ — шепнулъ вдругъ враждебный голосъ и остановилъ его на половинѣ дороги.

Съ минуту еще длилась борьба его съ самимъ собою, но, наконецъ, молодость взяла-таки свое. Кобыльниковъ поспѣшно натянулъ на себя фракъ и, взглянувши на переписанныя двѣ строфы, покусилъ-было попытать счастья, нельзя ли сбыть ихъ съ рукъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были, но, по внимательномъ прочтеніи, стихотвореніе показалось ему еще болѣе недостаточнымъ, нежели когда-либо. Съ досадою отшвырнулъ онъ его отъ себя и выбѣжалъ изъ квартиры.

На дворѣ стояла ночь, та слѣпая, досадная ночь, которая можетъ случиться только въ далекомъ, провинціальномъ городкѣ, гдѣ откушникъ еще не доведенъ кроткими мѣрами до сознанія своей обязанности жертвовать достаточное количество спирта для освѣщенія улицъ. Злой и рѣзкій вѣтеръ несея по улицѣ, поднимая и крутя въ воздухѣ цѣлые столбы снѣжной пыли, и взвизгивалъ, и завывалъ, ударяясь объ углы домовъ. Хорошо, что Кобыльникову предстояло пройти не болѣе тридцати шаговъ, а не то пришлось бы ему, бѣдному, воротиться въ квартиру и опять сѣсть за сочиненіе распроклятыхъ стиховъ.

„Нобразъ!“ — взвизгнулъ вдругъ вѣтеръ въ самыя уши поэта.

— Фу ты, чортъ! — пробормоталъ Кобыльниковъ и, плотнѣе завернувшись въ шинель, съ усиленіемъ началъ карабкаться впередъ, утопая въ сугробахъ снѣга, завалившихъ тротуаръ.

Но вотъ ужъ брезжетъ свѣтъ сквозь снѣжный туманъ; сначала онъ мелькаетъ въ видѣ крошечнаго круга, но мало-по-малу кругъ разрастается, и освѣщенные окна совѣтничьей квартиры представляются взору во всемъ ихъ заманчивомъ великолѣпнн. Издрогшій и измученный, врывается Кобыльниковъ въ переднюю желашаго дома и долгое время поправляетъ потерцѣвшія отъ снѣга части своего туалета.

— А! молодой человѣкъ! милости просимъ! — встрѣчаетъ его хозяинъ дома, Иванъ Кузьмичъ Лопатниковъ: — ну что, одолѣли Канустниковское дѣло?

— Кончилъ-съ, — отвѣчаетъ Кобыльниковъ и мысленно говорить самому себѣ: „что, еслибъ ты зналъ, что я, вмѣсто Канустниковскаго дѣла, цѣлые три часа корпѣлъ надъ сочиненіемъ стиховъ?“

— То-то, а не то насъ съ вами новый генераль совѣмъ съѣсть!

Но, разговаривая съ хозяиномъ, Кобыльниковъ улучшаетъ, одна-кожь, минуто, чтобъ бросить взглядъ въ сторону, и съ удовольствіемъ примѣчаетъ, что точно такой же взглядъ выглядываетъ изъ-за ёлки и на него. Онъ спѣшитъ оставить гостепріимнаго хозяина и всѣми силами души устремляется туда, откуда блеснулъ ему теплый лучъ привѣта и дѣтской привязанности.

Читатель! не знаю, живали ли вы въ провинціи, но я, который благоденствовалъ въ Вяткѣ и процвѣталъ въ Перми, жуировалъ жизнью въ Рязани и наслаждался душевнымъ спокойствіемъ въ Твери, я смѣю васъ удостовѣрить, что воспоминанія о видѣнныхъ мною елкахъ навсегда останутся самыми свѣтлыми воспоминаніями пройденной жизни! Во-первыхъ, какая-то умиротворяющая, праздничная струя носится въ это время въ воздухѣ, какаля-то свѣтлая, радостная мысль просится въ душу при видѣ этихъ зажженныхъ свѣчей, этихъ полныхъ, румяныхъ лицъ, при звукахъ этого говора и смѣха; а во-вторыхъ, что за прелестныя созданія эти дѣти, какъ пытливо озираются ихъ умненькіе глазки! и какъ мало похожи они на своихъ отцовъ, тутъ же предстоящихъ и съ томленіемъ выжидающихъ момента, когда можно засѣсть за зеленый столъ или пріударить по питейной части! Иной родитель расползся поперекъ себя толще, лицо у него на кругъ швейцарскаго сыру похоже, даже носу словно совѣмъ цѣтъ, а сыночекъ у него, смотришь, шустренькій, черномазенькій, глазки такъ и прыгають, а носикъ римскій, тоненькій, словно выточенный; иной родитель похожъ на артиста, черноволосый, художавный, блѣдный и вообще, что называется, интересный jeune homme, а сыночекъ у него похожъ на губернатора, который въ свою очередь похожъ на копну. Вотъ и поди ты! Смотришь, бывало, на этихъ улыбающихся, кудрявыхъ дѣтей, смотришь и думаешь: неужели Ваня будетъ когда-нибудь совѣтникомъ питейнаго отдѣленія? неужели эта рѣзвая, быстроглазая Ляля будетъ когда-нибудь вице-губернаторшей? И подумавши, взгрустнешь потихоньку.

Коля, мой другъ! не отплясывай такъ бойко казачка, ибо ты не будешь совѣтникомъ питейнаго отдѣленія! Скоро придетъ бука и всѣхъ совѣтниковъ оставитъ безъ пирожнаго!

Ляля, милый мой ребенокъ! Не скругляй такъ своихъ маленькихъ ручекъ, не склоняй такъ кокетливо головушку на правую сто-

ронушку, не мани такъ мило Митю Прорѣхина, ибо Митя не будетъ вице-губернаторомъ! Скоро придетъ бука и всѣхъ вице-губернаторовъ упразднить за ненадобностью!

— Принесли?—спрашиваетъ между тѣмъ Наденька у Кобыльникова, который, цунцовый какъ вишня, стоитъ передъ нею, переминая въ рукахъ шляпу.

— Я-съ, Надежда Ивановна... я-съ... я началъ, но еще не окончилъ,—заикается Кобыльниковъ.

— А я такъ думаю, что вы только похвастались, что умѣете стихи писать!

И Наденька порхнула отъ него, какъ птичка.

— И, Надежда Ивановна, много ужъ написалъ, — умолялъ вслѣдъ ей Кобыльниковъ.

Но Наденька была уже далеко и щебетала, окруженная своими подругами.

— Ахъ, дай поскорѣе!—умолила Нюта Смуценская.

— Mesdames! мы уйдемъ читать въ спальную! — говорила Настя Поплавкова.

— Нечего читать! онъ только похвастался! онъ совсѣмъ и не умѣетъ писать стихи!—отвѣчала Наденька голосомъ, которому она усиливалась сообщить равнодушный тонъ, въ которомъ слышалась, однакожь, досада:—mesdames, мы его не будемъ принимать сегодня въ наше общество!

Въ это время Кобыльниковъ приблизился.

— Наденька!—сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

Наденька вскинула головку и взглянула на него такъ гордо, что бѣдный поэтъ внезапно почувствовалъ себя глухимъ.

— Вотъ еще новости!—сказала Наденька и притомъ такъ громко, что Кобыльниковъ осмотрѣлся во всѣ стороны и не на шутку струсиль, чтобъ восклицанія этого не услышалъ панъ Лопатниковъ.

Послѣ того вся юная компанія порхнула въ другую комнату, оставивъ Кобыльникова окончательно убитымъ.

— Какой онъ, однакожь, жалкій!—замѣтила при этомъ Нюта Смуценская.

— Вотъ еще жалкій! хвастунъ—и больше ничего!—хладнокровно отвѣтила жестокосердая Наденька.

Кобыльниковъ стоялъ словно обданный холодной водой. На душѣ

у него было смутно и пусто, и какъ на смѣхъ еще подвернулись тутъ два скверные и глупые стиха:

Ничто меня не утѣшаетъ,
Ничто меня не веселитъ...

которые такъ и жужжали, словно неотвязный комаръ, въ ухахъ его.

„Что за проклятый вечеръ! Сначала эта рюма подлѣйшая, а теперь вотъ и еще какая то мерзость лѣзеть!“ — подумалъ Кобыльниковъ и даже сгорѣлъ весь отъ стыда.

А вечеръ, между тѣмъ, шелъ своимъ чередомъ.

Папа Лопатниковъ безъ трехъ обремизилъ статскаго совѣтника Поплавкова, несчастіе котораго до такой степени поразило присутствующихъ, что всѣ, даже играющіе, какъ-то сжались и притихли, какъ бы свидѣтельствуя этимъ скорбнымъ молчаніемъ о своемъ сочувствіи къ великому горю угнетеннаго многочисленнымъ семействомъ мужа. Поплавковъ сидѣлъ красный какъ ракъ и какъ бы не понималъ, чтò вокругъ него происходитъ; даже ремиза не ставилъ, а безсознательно чертилъ пальцемъ по столу какую-то необыкновенную цифру. Супруга же его, заглянувъ въ комнату играющихъ, тотчасъ повернула налѣво кругомъ и сказала во всеуслышаніе:

— А мой дуракъ только и дѣла, что проигрываетъ!

Дѣти шумѣли и волновались: Митя Прорѣхинъ доказательно убѣждалъ Васю Затиркина отдать ему свою долю орѣховъ, приводя въ основаніе такой резонъ, что у того, кто кушаетъ много лакомства, дѣлаются современемъ соломенные ножки. Маня Кулагина упрашивала брата Саму представить, какъ у нихъ на дворѣ индѣйскіе шутки кричатъ: „здравія желаемъ, ваше благородіе!“ Сеня Порубинъ, мальчикъ горбатенькій и злющій, какъ бы провидя, чтò происходитъ въ душѣ Кобыльникова, подбѣгалъ къ нему и начиналъ задрать насчетъ отношеній его къ Наденькѣ, причемъ позволялъ себѣ даже темные намеки относительно какихъ-то интимностей, будто бы существовавшихъ между Наденькой и первоклассникомъ-гимназистомъ Прохоровымъ, который въ это самое время забился въ уголь и надимо наслаждался, ковчря въ носу. И Кобыльниковъ никакъ не могъ поймать Порубина, чтобъ надрать ему хорошенько уши, потому что скверный чертенокъ, произведя ехидство, ускользалъ изъ рукъ его, какъ змѣя.

Наденька то-и-дѣло порхала по комнатѣ и, какъ нарочно, смѣялась и болтала съ особеннымъ увлеченіемъ именно въ то время, когда проходила мимо огорченного поэта. Злую мысль внушилъ Кобыльникову Сенья Порубинъ.

— Еще бы не быть веселой, когда душка-Прохоровъ здѣсь! — процѣдилъ онъ сквозь зубы въ одну изъ минутъ, когда Наденька была близко него.

Наденька вспыхнула и какъ будто остушилась.

— Вы это что говорите? — спросила она, останавливаясь передъ нимъ.

— Ничего; я говорю, что не мудрено, что нѣкоторымъ людямъ весело: душка-Прохоровъ здѣсь! — глупѣйшимъ образомъ настаивалъ Кобыльниковъ, поигрывая ключикомъ отъ часовъ.

— Я надѣюсь, однако, что отъ этой минуты между нами все кончено? — сказала Наденька и тотчасъ же удалилась.

— Это какъ вамъ угодно-сь, — говорилъ вслѣдъ Кобыльниковъ: — конечно, со мной разстаться что же значить, когда есть въ запасѣ душка-Прохоровъ!

Обида эта глубоко уязвила крошечное сердце Наденьки, тѣмъ болѣе уязвила, что въ упрекъ Кобыльникова была нѣкоторая доля правды. Дѣйствительно, былъ короткій промежутокъ времени, но очень, впрочемъ, короткій, когда Наденька увлекалась Прохоровымъ. Слишкомъ рано развитой ребенокъ, она уже мечтала о чемъ-то; она украшала Прохорова различными достоинствами и добродѣтелями, которыя создавало ея дѣтское воображеніе; она любила уединяться съ нимъ и съ большою важностью говорила ему: „теперь, Прохоровъ, потолкуемте о вашемъ будущемъ!“

Но Прохоровъ любилъ только ковырять въ носу и говорилъ съ увлеченіемъ единственно о лакомствахъ, потому что въ душѣ былъ великій и страстный обжора. Увлеченіе Наденьки скоро прошло; она была даже убѣждена, что никто ничего не замѣтилъ... и вдругъ!! Наденька бѣгала около елки, суетилась и болтала безъ умолку, но сердце ея работало. Среди начатой фразы, она вдругъ почувствовала, что нѣчто тѣснить ея грудь, что нѣчто жгучее подступаетъ къ ея глазамъ. Она вырвалась изъ толпы и убѣжала во внутреннія комнаты.

Кобыльниковъ все это видѣлъ, но ничего не понималъ. Онъ ви-

дѣлъ, что Наденька весела, и понялъ только то, что у Наденьки, должно быть, банмачокъ развязался, если она такъ стремительно убѣжала.

А Наденька, между тѣмъ, уткнувшись въ подушку, обливала ее горячими слезами. И чѣмъ обильнѣе лились эти слезы, тѣмъ мягче и легче становилась самая обида, вызвавшая ихъ, тѣмъ назойливѣе смотрѣлось въ душу иное чувство, чувство, которое, въ одно и то же время, и заставляло ныть ея бѣдное сердце, и проливало въ него цѣлые потоки радости и успокоенія.

— Гадкій Кобыльничковъ! — сказала она съ послѣднимъ всхлипываніемъ. — Бѣдный Митенька! — повторила она вслѣдъ затѣмъ, сладко задумавшись.

Елка, между тѣмъ, догорѣла; но данному знаку, дѣти кинулись на нее всей толпою и тотчасъ же повалили на землю; произошло всеобщее замѣшательство; слышался визгъ, смѣшанный съ кликами торжества; Сени Порубинъ, несмотря на свою хилость и многочисленные изъязны, какъ-то такъ изловчился, что успѣлъ запахать въ свои карманы чуть не половину гостинцевъ. Прохоровъ тоже полѣзъ-было на фуражировку вмѣстѣ съ прочими, но ему не удалось достать ни одной палочки пастилы, потому что дѣти подкатывались ему подъ ноги и рѣшительно не давали приняться за дѣло какъ слѣдуетъ; да къ тому же и няня маленькихъ Поплавковыхъ безъ церемоніи поймала его за руку и вывела изъ толпы, сказавъ при этомъ строго: „стыдись, сударь! такой большой выросъ, а съ дѣтми баловаться хочешь! еще Машенькѣ ручку отдавишь!“

Какъ было бы совѣстно Наденькѣ, еслибы она видѣла эту сцену!

Но объ ней вспомнили только тогда, когда елки уже не существовало. Папа Лопатниковъ серьезно обезпокоился и собрался-было на поискъ за своею дѣвочкой, какъ она появилась сама въ дверяхъ залы.

Наденька была нѣсколько блѣдна, но на вопросъ папаши: „не болитъ ли головка?“ отвѣчала: „не болитъ“, а на вопросъ: „не болитъ ли животикъ?“ отвѣчала: „ахъ, чтѣ вы, панаша!“ и, вся вспыхнувши, спрятала свое личико на отцовской груди.

— Что же съ тобой, душенька? — допрашивалъ панаша.

— Ахъ, панаша, какой вы! — отвѣчала Наденька и порхнула отъ него въ сторону.

Во время этого допроса у Кобыльникова какъ-то все выше и выше поднималось сердце, и вдругъ сдѣлалось для него ясно, что онъ прескверную штуку сыгралъ, сказавши Наденькѣ такую пошлость. Со злобою, почти съ ненавистью взглянулъ онъ на Сеню Порубина и началъ-было показывать золоченый орѣхъ, чтобъ подманить его къ себѣ; но Сеня словно провидѣлъ, чтѣ дѣлается въ душѣ его, и, самъ показывая ему цѣлую кучу золоченыхъ орѣховъ, только смѣялся, а съ мѣста не трогался.

„Ну, чортъ съ тобой! когда-нибудь послѣ раздѣлаемся!“ — подумалъ Кобыльниковъ, и въ ту же самую минуту какъ бы инстинктивно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ была Наденька.

Оттуда глядѣли на него два сѣрыхъ глаза, и глядѣли съ тѣмъ же безграничнымъ простодушіемъ, съ тою же беззавѣтною нѣжностью, съ какою они привѣтствовали его изъ-за елки въ минуту прихода. Точно присосли къ нему эти глубокіе, большіе глаза, точно не въ силахъ были они смотрѣть никуда въ другую сторону. Кобыльникову почуялось, словно кровь брызнула у него изъ сердца и вотъ истекаетъ капля по каплѣ и наполняетъ грудь его! Горячо и бодро вдругъ стало ему.

— Посмотрите-ка, Надька-то! — шептала змѣище-Поплавцова горынчицу-Порубиной: — глазъ не можетъ отъ этого молокососа отвести, словно съѣсть его хочетъ!

— Влюблена, Анна Петровна, какъ кошка влюблена! — отвѣчала ташан Порубина и какъ-то злобно дрогнула при этомъ плечами.

— Удивляюсь, однако, чего этотъ старый дуралей смотреть!

— А чѣмъ же онъ не партія? Для безприданницы и этакой хоть куда!

— Ну, да все же...

— Вы что же ко мнѣ не идете? — спрашивала, между тѣмъ, Наденька Кобыльникова тѣмъ полушопотомъ, въ который невольно переходитъ голосъ, когда идетъ рѣчь о дѣлѣ, затрогивающемъ всѣ живыя струны существа.

Кобыльниковъ не отвѣчалъ; онъ просто-пѣ-просто задыхался.

— Вы что ко мнѣ не идете? — повторила Наденька.

Онъ продолжалъ молчать, хотя сердце въ немъ умирало отъ жажды высказаться. Онъ чувствовалъ, что если вымолвить хоть одно

слово, то не въ силахъ будетъ выдержать. Можетъ быть, онъ бросится къ Наденькѣ и стиснетъ въ своихъ рукахъ это доброе, любящее созданіе; можетъ быть, онъ не бросится, но залыется слезами и зарыдаеть...

— Вы отчего мнѣ руки не даете?—настаивала Наденька.

— Наденька!—вырвалось изъ груди Кобыльникова.

— Вы зачѣмъ глушости говорите?

— Голубчикъ!—простоналъ Кобыльниковъ.

— А когда будутъ стихи?

Кобыльниковъ ужъ совсѣмъ-было собрался отвѣчать, что стихи не миѣ, что стихи почти совсѣмъ готовы, что не только одно стихотвореніе, но десять, двадцать, сто стихотвореній готовъ онъ настрочить на прославленіе своей милой, безцѣнной Наденьки, какъ вдругъ скверный мальчишка Порубинъ испортилъ все дѣло.

— Вобразъ!—пискнулъ онъ, едва-едва не проскакивая между ногъ Кобыльникова

Кобыльникову показалось, что самъ злой духъ говорить устами мальчишки.

— Ты почему знаешь?—сказалъ онъ, рванувшись въ погоню за мальчикомъ и поймавъ-таки его:—нѣтъ, ты говори, почему ты знаешь?

— Мамаша, меня Кобыльниковъ деретъ!—завизжалъ во всю мочь Сеня.

При этомъ восклицаніи Кобыльниковъ невольно выпустилъ изъ рукъ свою добычу и даже началъ гладить Сеню по головѣ.

— Нѣчего, нѣчего гладить по головѣ!—шипѣлъ юный змѣнышъ:—мамаша! онъ меня деретъ за то, что я его поймалъ съ Наденькой!

Началось слѣдствіе.

— Позвольте узнать, Дмитрій Николаичъ, что вамъ сдѣлало невинное дитя?—допрашивала Кобыльникова оскорбленная татан Порубина.

— Вашъ сынъ мнѣ сказалъ дерзость!—отвѣчала совершенно растерявшійся Кобыльниковъ.

— Мамаша! Я ничего ему не говорилъ!—съ своей стороны жаловался Сеня, искусно всхлипывая.

— Вашъ сынъ сказалъ мнѣ: „вобразъ“! — внезапно брякнулъ Кобыльниковъ.

— „Вобразъ“! что такое „вобразъ“? и чѣмъ же это слово для насъ обидно?

Говоря это, татап Порубина сомнительно покачивала головой и разводила руками.

— Ну да! вобразъ, нобразъ, собразъ, побразъ! — дразнилъ обозлѣвшій Сеня, приплясывая передъ Кобыльниковымъ.

— Изволите видѣть? — сказалъ Кобыльниковъ.

— Вижу! все вижу! стыдно вамъ, молодой человѣкъ! Сеня, отойди прочь отъ нихъ и не смѣй никогда съ ними разговаривать!

Порубина величественно удалилась, уводя за руку Сеню и безпрестанно оглядываясь, какъ бы въ опасеніи, что за ней бѣжитъ по пятамъ сама чума.

Кобыльникову сдѣлалось скверно; онъ вдругъ почувствовалъ, что не только скромпрометтировалъ Наденьку, но и самъ сдѣлался смѣшнымъ въ ея глазахъ. Сколько онъ сдѣлалъ въ этотъ вечеръ глупостей! онъ сдѣлалъ ихъ три: во-первыхъ, увлекся нелѣпой рѣимой, которая помѣшала ему кончить стихи, между тѣмъ какъ можно было бы одинъ стихъ и неримованный вставить (самые лучшіе поэты это дѣлаютъ!); во-вторыхъ, сказалъ Наденькѣ какую-то пошлость насчетъ ея отношеній къ Прохорову; въ-третьихъ, связался съ пакостяѣйшимъ мальчишкой, который навѣрно произведетъ скандалъ на весь городъ. Кобыльникову показалось, что всѣ глаза обращены на него, что всѣ лица проникнуты строгостью, и что даже служитель Андрей намѣревается взять въ руки метлу, чтобъ вымести ею изъ честнаго дома гнуснаго соблазнителья пятнадцатилѣтнихъ дѣвицъ. Кобыльникова бросило въ жаръ; чтобъ оправиться отъ своего смущенія, онъ поспѣшилъ юркнуть въ хозяйскій кабинетъ.

Тамъ за нѣсколькими столами шла игра. Игралъ въ ераламъ председатель казенной палаты съ губернскимъ прокуроромъ противъ совѣтника казенной палаты и батальоннаго командира. Председатель казенной палаты былъ не въ духѣ; къ нему пришло двѣнадцать пикъ безъ туза и двойка червей; онъ сходилъ съ двойки пикъ — тузъ оказался у партнера, который, однако, отвѣчать не могъ.

— Сижу на капиталахъ! — жаловался председатель: — вѣдь это все франки! все франки!

Прокуроръ былъ смущенъ: онъ понялъ игру и старался только угадать, какая же у предсѣдателя тринадцатая карта. Предсѣдатель, какъ бы провидя его думу, поспѣшилъ разсѣять все сомнѣнія и откровенно показалъ свою двойку червей, убѣждая только, чтобъ прокуроръ игралъ скорѣе.

Напротивъ того, къ совѣтнику валило: во всемъ у него была и игра, и поддержка, но самое счастье не радовало его, ибо онъ чувствовалъ, что оно огорчаетъ его начальника. Поэтому онъ всячески старался оправдаться; разбирая карты, пожималъ плечами, какъ бы говоря: вѣдь лѣзетъ же такое дурацкое счастье! дѣлая ходъ, не клалъ карту на столъ, а какъ-то презрительно швырялъ ее, какъ бы говоря: вотъ и еще сукинъ сынъ тузъ! Но предсѣдатель не принималъ ничего въ уваженіе, а напротивъ того — взѣлся на своего подчиненнаго:

— Вы зачѣмъ же игру-то свою раскрываете? — присталъ онъ къ нему.

Совѣтникъ сдѣлалъ ренонсъ.

— У васъ трефъ нѣтъ? — строго спросилъ батальонный командиръ.

— Нѣтъ-съ... есть-съ, — заикался совѣтникъ.

„И солгать-то не умѣлъ!“ — подумалъ предсѣдатель.

А Кобыльниковъ смотрѣлъ на играющихъ и все думалъ, какъ бы чѣмъ-нибудь такимъ увѣнчать этотъ вечеръ, чтобъ за одинъ разъ искупить все три глупости. Ему вдругъ сдѣлалось хорошо и весело; ему представилась большая, освѣщенная комната; посреди комнаты стоитъ Наденька въ бѣломъ тарлатановомъ платицѣ, а подлѣ Наденьки стоитъ онъ; у нихъ въ рукахъ бокалы съ шампанскимъ; къ нимъ подходятъ гости, тоже съ бокалами въ рукахъ, и поздравляютъ.

— Иванъ Дементычъ! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, подходя, подъ вліяніемъ этихъ радужныхъ мечтаній, къ хозяину дома; — позвольте мнѣ нѣсколько словъ вамъ наединѣ сказать-съ...

Иванъ Дементычъ посмотрѣлъ на него съ неудовольствіемъ, потому что это неожиданное вмѣшательство отвлекло его отъ игры. Однако, видя, что Кобыльниковъ весь дрожалъ, онъ встревожился.

— Чтò такое еще? ужъ не затерялъ ли Канустниковскаго дѣла? — спросилъ онъ.

— Мнѣ-съ... наединѣ! — повторилъ Кобыльниковъ.

Иванъ Дементычъ отошелъ съ нимъ въ сторону.

— Ну? — сказалъ онъ.

— Мнѣ-съ... я желаю... — заикался Кобыльниковъ, къ которому вдругъ возвратилась вся его робость.

— Да говори же, любезный, не мни! — съ досадою торопиль Иванъ Дементычъ.

— Я прошу руки Надежды Ивановны! — скороговоркой проговорилъ Кобыльниковъ.

Иванъ Дементычъ повернулъ жепиха къ свѣту и на одно мгновѣніе посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ. Потомъ тотчасъ же пошелъ на старое мѣсто, предварительно отмахнувшись, какъ будто хотѣлъ согнать свѣшную на носъ муху. Кобыльниковъ остолбенѣлъ и разставилъ не только руки, но и ноги; въ глазахъ у него позеленѣло, комната ходила кругомъ. Онъ понималъ только одно: что эта глупость была четвертая и притомъ самая крупная. Вдругъ онъ почувствовалъ, что промежъ ногъ у него что-то копошится: то былъ Сени Порубинъ.

— Анъ, это четвертая! — дразнился скверный мальчишка, очевидно схватывая на-лету интимную мысль, терзавшую бѣднаго Кобыльникова.

Кобыльниковъ даже не слыхалъ; онъ былъ уничтоженъ и опозоренъ, хотя папѣ Лапотниковъ, возвратясь на мѣсто, точно такъ же равнодушно объявилъ семь въ червяхъ, какъ бы ничего и не случилось. А Порубинъ между тѣмъ все подпльсываетъ да поддразниваетъ: „анъ, четвертая!“ Кобыльниковъ крадется по стѣнкѣ, чтобъ какъ-нибудь незамѣтнымъ образомъ улизнуть въ переднюю. Сени Порубинъ замѣчаетъ это и распускаетъ слухъ, что у бѣглеца животъ болитъ. Кобыльниковъ слышитъ эту клевету и останавливается; онъ бодро стоитъ у стѣны и бравяруетъ; но, несмотря на это, уничтожить дѣйствіе клеветы уже невозможно. Между дѣвцами ходитъ шопотъ: „бѣдняжка!“ Наденька краснѣетъ и отворачивается; очевидно, ей стыдно и больно до слезъ.

„Собразъ!“ подкашиваетъ проклятая память, и Кобыльниковъ, словно ужаленный, бросается вонъ изъ комнаты, производя своимъ бѣгствомъ игривое шушуканье между дѣвцами

И вотъ опять Кобыльниковъ сидитъ въ одинокой своей квартирѣ, сидитъ и горько плачетъ! Передъ нимъ лежитъ Канустников-

свое дѣло, а слезы такъ и текутъ на бумагу; передъ нимъ: *проситъ купецъ Капустниковъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты* — а у него глаза заволокло туманомъ, у него сердце рвется, бѣдное, на части!

Сквозь эти слезы, сквозь эти рыданія сердца ему мелькаетъ свѣтлый образъ милой дѣвочки, ему чудится ея свѣжее дыханье, ему слышится бѣненіе ея маленькаго сердца...

— Митенька? — говоритъ она, вся застыдившись и склоняя на его плечо свою кудравую головку.

— Mesdames, — шенчуть кругомъ дѣвицы: — mesdames! у Кобыльникова животъ болитъ!

Кобыльниковъ вскакиваетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ, схватывая себя за голову и вообще дѣлая всѣ жесты, какіе привычны человѣку, пришедшему въ отчаяніе.

„Вобразъ!“ — кричитъ вдругъ неотвязчивая память.

Кобыльниковъ закусываетъ себѣ въ кровь губу отъ злости: онъ опять садится къ столу и опять принимается за Капустниковское дѣло, въ надеждѣ заглушить въ себѣ воспоминанія вечера.

А за перегородкой возятся хозяева — мѣщане. Они тоже — по всему видно — воротились изъ гостей и собираются спать. Слышны вздохи, слышно выниманіе ящичковъ изъ комодовъ, слышенъ шелестъ какой-то, который всегда сопровождаетъ раздѣваніе и укладываніе. Наконецъ, все стихло.

— Дура ты или нѣтъ? — допрашиваетъ хозяинъ свою хозяйку: — дура ты или нѣтъ?

— Ты просишь, пьяница! ты опомнись, какой завтра праздникъ-то! — усовѣщиваетъ хозяйка.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи: дура ты или нѣтъ? — настаиваетъ хозяинъ.

За перегородкой слышится потрясающее званье. Голова Кобыльникова мало-по-малу склоняется и наконецъ совсѣмъ упадаетъ на Капустниковское дѣло. Ему снится елка, ему снится, что онъ стоитъ посреди освѣщенной залы и что рядомъ съ нимъ, вмѣсто Наденьки, стоитъ купецъ Капустниковъ и *проситъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты*...

VI.—Миша и Ваня.

Забытая исторія.

Въ передней сидятъ два мальчика, Ваня и Миша, и ждутъ барыню изъ гостей. Скоро полночь, а барыня все не ѣдетъ; сальный огарокъ оплылъ и нагорѣлъ; тусклый и мелькающій свѣтъ его освѣщаетъ только лица двухъ собесѣдниковъ, да столъ, передъ которымъ они сидятъ; вверху и по угламъ темно. Въ домѣ тихо, словно въ гробу; горничныя дѣвки давно ужъ поужинали, воротились изъ кухни и улеглись спать, гдѣ попало, наказавши мальчикамъ разбудить ихъ, какъ только пріѣдетъ барыня. Въ окна, по временамъ, показывается что-то бѣлое: мелькнетъ-мелькнетъ и опять скроется; это сыплетъ снѣгъ, но мальчики думаютъ, что выглядываетъ голова мертвеца, и вздрагиваютъ.

Ваня мальчикъ крѣпкій, быстрый, черноволосый и черноглазый; онъ увѣряетъ Мишу, что ничего не боится, что однажды онъ видѣлъ настоящаго, заправскаго мертвеца—и того не струсилъ.

— Я ничего не боюсь,—говоритъ онъ, невольно, впрочемъ, блѣднѣя, когда морозъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, стукнетъ въ стѣны барскаго дома:—мнѣ только скучно, да и то съ тобой ничего!

— А ну, какъ мы сгоримъ?—робко спрашиваетъ Миша.

— Сгорѣть мы не можемъ,— отвѣчаетъ Ваня такимъ увѣреннымъ тономъ, что Миша тотчасъ же успокоивается.

Миша, въ противоположность Ванѣ, мальчикъ слабенькій, нервный, бѣленькій, съ бѣлокурою головкой и большими синими глазами. Онъ часто посматриваетъ на потолокъ и, увидѣвши, какой тамъ сгустился мракъ, вздрагиваетъ и пожимается.

Въ ту минуту, какъ мы съ ними знакомимся, они ведутъ оживленный, но нѣсколько странный разговоръ.

— Холоднымъ-то ножомъ, чай, больно?—спрашиваетъ Миша, пристально глядя Ванѣ въ глаза.

— Это только разъ больно, а потомъ ничего!—отвѣчаетъ Ваня и покровительственно гладитъ Мишу по головѣ.

— А помнишь, какъ поваръ Михай рѣзался! тоже сначала все хвастался: зарѣжусь да зарѣжусь! а какъ полыснулъ ножомъ-то по горлу да какъ потекла кровь-то...

— Ну, что-жь что поварь Михай! Михайка и вышелъ дуракъ! потому, небось, вылечился; а для чего вылечился? все одно наказали дурака; а мы ужъ такъ полыснемъ, чтобъ не вылечиться!

— Ты ножи-то приготовилъ ли, Ваня?

— Когда не приготовилъ! еще съ утра выточилъ! Только ты у меня смотри! чуръ, не отступаться!

Миша вздохнулъ потихоньку; глаза его остановились на нагорѣвшей свѣчкѣ.

— Чтò, развѣ снять со свѣчки... въ послѣдній разъ!—сказалъ онъ слегка взволнованнымъ голосомъ.

— Чтò съ нея снимать-то? а я тебѣ вотъ чтò скажу, Мишутка: коли мы это теперича сдѣлаемъ, такъ безпремѣнно въ рай попадемъ, потому теперь мы маленькіе и грѣховъ у насъ нѣтъ! А замѣсто насъ попадетъ въ адъ Катерина Аѳанасьевна!

— А Ивану Васильичу будетъ за насъ что-нибудь?

— Ну, Ивану Васильичу, можетъ, и простить Богъ, потому онъ не самъ собою дѣйствуетъ!

— Катерину-то Аѳанасьевну, стало быть, мучить будутъ?

— Еще какъ, братъ, мучить-то! не роди ты, мать-земля! Первымъ дѣломъ на желѣзный крюкъ за ребро повѣсятъ, вторымъ дѣломъ заставятъ голыми ногами по горячей плитѣ ходить, потомъ скоророду раскаленную языкомъ лизать, потомъ желѣзными кнутьями по голой спинѣ бить... да столько, братъ, мученіевъ, что и сказать страсти!

— А вѣдь она не стерпитъ, Катерина-то Аѳанасьевна?

— Чтò ей, чорту экому, сдѣлается! — стерпитъ! Да тамъ, братъ, Мишутка, на это не посмотрятъ! Тамъ, братъ, терпи! а не можешь терпѣть—все-таки терпи!

Разговоръ на минуту смолкъ. Вдругъ на улицѣ завyla собака, завyla жалобно и тоскливо, какъ умѣють выть только собаки.

— Ишь ты, это Трезорка покойника почувалъ!—сказалъ Миша измѣнившимся голосомъ.

— Ну, что жъ что почувалъ! извѣстно, почувалъ! А ты, небось, ужъ и трусу спраздновалъ!

— Нѣтъ, Ваня, я не боюсь! я такъ только... я только думаю, отчего это собака всегда покойника чувствуетъ?

— А оттого, что собака—другъ человѣка! Вотъ лошадь тоже

другъ человѣка, только она понятія не имѣеть, а собака—она все понимаетъ, оттого и покойника чувствуетъ!

— А что, Ваня, кабы утопнуть?—спросилъ вдругъ Миша.

— Чудакъ ты, Мишутка! Ты мнѣ Расскажи сперва, какая нынче вода? Ты скажи, лѣто нынче, что-ли?

— Да, нынче вода холодная... чай, въ воду-то бултыхнешься, такъ и не стершишь!

— Вотъ то-то же и есть! Утопнуть-то—надо въ пролубъ лѣзти, да еще барахтаться станешь, вылѣзешь, пожалуй!—что однихъ мученіевъ тутъ примешь—пойми ты! А съ ножомъ ловко! ножомъ какъ полыснулъ себя разъ—тутъ тебѣ и конецъ! Разумѣется, надо крѣпче!

— И бить никто больше не будетъ?—прошенталь Миша.

— И бить не будетъ! Возьмутъ твою душу ангелы и понесутъ къ престолу Божьему!

— А Богъ—ничего?

— А Богъ—спросить: зачѣмъ вы, рабы Божіи, предѣла не дождались? зачѣмъ, скажетъ, вы смертную муку безо времени приняли? А мы Ему все и скажемъ!

— Мы все скажемъ, какъ насъ Катерина Афанасьевна мучила, какъ намъ жить тошнѣхонько стало, какъ насъ день-деньской все били... все-то били, все-то тиранили!

Миша потутился; накинѣвшія на сердцѣ слезы горячимъ ключомъ хлынули изъ глазъ. И текли эти слезы, текли свободно, безъ усилій, безъ гримасъ, какъ течетъ созрѣвшій источникъ изъ переполненной груди земли-матери. Ваня сталъ утѣшать расплакавагося.

— А мы ловко ее завтра надуемъ, Катерину-то Афанасьевну,—сказалъ онъ:—завтра гости у нея за столомъ соберутся, анъ служить-то будетъ и некому!

Миша вздохнулъ въ отвѣтъ.

— Я и ножи-то всѣ попряталъ!—продолжалъ Ваня:—и ѣсть-то нечѣмъ будетъ.

А Миша все-таки никакъ не могъ уняться; Ваня все возможное дѣлалъ, чтобъ какъ-нибудь развлечь его; сначала со свѣчи спялъ, потомъ глянулъ въ окно и сказалъ: „а сиверь-то! сиверь-то какой разыгрался! ишь ты! ишь ты!“; наконецъ тоненькимъ голоскомъ заиѣлъ: „ахъ вы, ночки, ночки наши темныя!“—но Миша не только продолжалъ плакать, но при звукахъ пѣсни еще болѣе распустился.

— Нюня ты!—сказалъ Ваня съ нетерпѣніемъ.

Въ залѣ загудѣли часы. Заслышавши эти шипящіе звуки, Миша вздрогнулъ, въ послѣдній разъ глубоко вздохнулъ и пересталъ плакать.

— Скоро барыня пріѣдетъ, — робко сказалъ онъ, насчитавши двѣнадцать часовъ.

— Дождидайся — скоро! — отвѣчаетъ Ваня: — эхъ, теперь бы вотъ соснуть лихо!

— Нѣтъ, ужъ ты не спи, Ваня, Христа-ради!

— Небось, бойшься?

— Боюсь!—признался Миша и весь съѣжился.

— Ну, дуракъ и есть! Сколько разъ я тебѣ говорилъ, что тамъ ничего нѣтъ!—поучалъ Ваня, указывая на двери, которыя вели въ неосвѣщенный корридоръ;—хочешь, я сейчасъ туда пойду?

Однако угрозы своей не исполнилъ. Водворилось молчаніе, а съ нимъ вмѣстѣ водворилась и тишина, тоскливая, надрывающая сердце тишина... Мальчики пристально вглядывались въ трепещущее пламя свѣчи; Ваня водилъ по столу большимъ пальцемъ, нажимая его, отчего палецъ сначала двигался плотно, а потомъ начиналъ подпрыгивать. На дворѣ опять завывла собака.

— Ишь ее! ишь ее!—вымолвилъ Ваня и вслѣдъ затѣмъ прибавилъ:—а что, Миша, гдѣ-то теперь Оля?

Оля была сестра Миши. Это была хорошенькая, бѣлокурая и бѣленькая дѣвушка, очень похожая на своего брата; ей было осемнадцать лѣтъ. Съ полгода тому назадъ она неизвѣстно куда пропала, и разговоръ объ этомъ внезапномъ исчезновеніи ходило между дворней множество. Говорили, что она отъ дурного житья скрылась, но говорили также, что и отъ стыда. Достоверно было то, что однимъ утромъ она пошла на рѣчку стирать и не возвращалась; на берегу была найдена корзина съ невыстираннымъ бѣльемъ, но ни одежды прачки, ни даже тѣла ея нигдѣ найдено не было. Достоверно также, что за два дня передъ тѣмъ она была острижена и что по этому случаю плакала, рвалась и убивалась. Барыня клялась и надсаживала себѣ грудь, завѣряя, что поганка Ольгушка утопилась не отъ дурного обращенія, а для того, чтобъ скрыть свой стыдъ. Тѣмъ не менѣе, на всемъ этомъ происшествіи лежала какая-то горькая тайна, и неизвѣстно было даже, дѣйствительно ли утопилась Ольга, или только бѣжала. При слѣдствіи нѣкоторые дворовые люди показали

было, что житье Ольги было „нехорошее“; но исправникъ, производившій слѣдствіе (такъ какъ происшествіе случилось въ подгородной деревнѣ Катерины Аѳанасьевны), ничему этому не повѣрилъ.

— Ну, вы это все врете! вы говорите правду, а не врете! — сказалъ онъ показателямъ и тутъ же приказалъ пригласить Катерину Аѳанасьевну.

Катерина Аѳанасьевна ахала и ссыалась на то, что у нея людей говядиной кормятъ. Позвали людей и спросили, дѣйствительно ли ихъ кормятъ говядиной; отвѣтъ былъ, что кормятъ. Исправникъ подумалъ, посоулъ и записалъ: „помѣщики содержатъ людей хорошо и даже говядиной кормятъ“.

— Что же вы, бестіи, вдали? — обратился онъ къ дворовымъ.

Дворовые стояли блѣдные и переминаясь съ ноги на ногу; у нѣкоторыхъ искусаны были до крови губы. Катерина Аѳанасьевна замѣтила эту нераскаянность и сочла справедливымъ упасть въ обморокъ. Исправникъ бросился утѣшать ее, уславъ оторопѣвшаго Ивана Васильевича за спиртомъ. Результатомъ всего этого было краткое, но сильное объявленіе, написанное рукою самого исправника. Оно гласило:

„Утромъ 24 сего іюня изъ сельца Полянокъ неизвѣстно куда скрылась принадлежащая отставному штабсъ-ротмистру Ивану Васильевичу Балящеву дѣвка Ольга Никандрова. Примѣтами та дѣвка: роста высокаго, бѣлокура, волосы стрижены, лицомъ бѣла, глаза синіе, носъ и ротъ умѣренные, особая примѣта: надъ лѣвой ноздрей небольшое родимое пятнышко; есть подозрѣніе въ беременности. Унесла съ собой данное ей помѣщикомъ пестрядинное платье, въ которое и была въ тотъ день одѣта. Полицейскія начальства, въ вѣдомствѣ коихъ та бѣглая дѣвка окажется, благоволятъ препроводить оную въ р—ій земскій судъ, для отдачи по принадлежности“.

Тѣмъ это дѣло и закончилось. Катерина Аѳанасьевна на нѣкоторое время присмирѣла, но мѣсяца черезъ два совсѣмъ забыла о происшествіи и начала жуировать жизнью по прежнему.

Катерина Аѳанасьевна была глубоко развращенная женщина, но не знаю, имѣю ли я право называть ее злою. По крайней мѣрѣ, весь городъ къ ней ѣздилъ, и цѣлый день въ ея домѣ было, что называется, разлитое море; весь городъ зналъ, какіе она *фарсы* выдѣлываетъ надъ Машками и Ольгушками, и тѣмъ не менѣе никто не

рѣшался отозваться объ этихъ фарсахъ не только строго, но даже и уклончиво. Напротивъ того, ее всѣ любили, потому что въ своемъ кругу она была барыня веселая и даже добрая, многимъ изъ своихъ друзей дѣлала разныя одолженія и всѣхъ равно отлично принимала и кормила.

— Сегодня у Катерины Аванасьевны за обѣдомъ, въ супѣ, таракана подали,—говорили про нее въ городѣ:—что-жъ бы вы думали? она преспокойно себѣ позвала повара и приказала ему таракана съѣсть!

— Лихая баба!

— Вѣдовая!

Нѣкоторые, конечно, дѣлали изрѣдка предположеніе, „какъ бы, дескать, не понасться Катеринѣ Аванасьевнѣ за эти *фарсы*“, но очевидно, что въ этомъ случаѣ сомнѣніе заползло совсѣмъ не по поводу самыхъ *фарсовъ*, а по поводу глагола „понасться“. Самые же фарсы служили какъ бы осѣлкѣмъ для обнаруженія своего рода остроумія, котораго кровавости никто не замѣчалъ, своего рода изобрѣтательности, которой ехидства никто не подозрѣвалъ.

— Сенька! поди, лизни печку!—говорили Сенькѣ.

Сенька лизалъ печку и обжигалъ языкъ; онъ возвращался весь красный, лицо его какъ-то неестественно напыживалось, изъ глазъ выжимались слезы.

— Ну, дуракъ, еще ревѣть вздумалъ!—говорили одни.

— Рожка-то, рожка-то какая!—воскликали другіе.

И затѣмъ слѣдовалъ взрывъ общаго, веселаго хохота.

Хохоть—и больше ничего...

Не ясно ли, что все это безъ злорадства дѣлалось, что при этомъ главный расчетъ совсѣмъ не въ томъ состоялъ, чтобъ причинить Сенькѣ мучительную боль, а въ томъ, чтобъ посмотрѣть, какую Сенька рожу уморительную скорчить, какъ онъ напыжится... Самые кроткіе люди молчали, когда Сеньку посылали лизать пылающую печь; самые кроткіе люди не могли слегка не фыркнуть, когда Сенька возвращался, по совершеніи своего подвига, весь красный и нухтящій... Они молчали и фыркали не потому, чтобъ одобряли подобнаго рода увеселенія, но просто потому, что такое ужъ время юмористическое было.

Теперь все это какой-то тяжкій и страшный кошмаръ; это кош-

маръ, отъ котораго освободило Россію прекрасное, великодушное слово царя-освободителя... Да, оно одно. Ибо кто же можетъ ручаться, не лизаль ли бы — безъ этого слова — Сенька горячую печку и до сей минуты? Не ходила ли бы дѣвка Ольга Никаandroва и до сей минуты стриженная и оплеванная гостями своей барыни? Гдѣ гарантіи противнаго? Въ нравахъ, что-ли? Но развѣ не извѣстно, что славяне имѣють нравъ веселый, легкій и мало углубляющійся? Въ слезахъ, что-ли? Но развѣ не извѣстно, что слезы, которыя при этомъ капають, канають внутрь, капають кровавыми каплями на сердце и все накипають, все накипають тамъ, покуда не перекипятъ совершенно?

Никогда не бываетъ зло такъ сильно, какъ въ то время, когда оно не чувствуется, когда оно, такъ сказать, разлито въ воздухѣ. — Что это за зло? — говорятъ тогда добросовѣстные изслѣдователи, которые имѣють привычку разсматривать предметы не съ одной, а со всѣхъ сторонъ: — это не зло, а просто порядокъ вещей! — И на этомъ успокаиваются.

Кто же можетъ утверждать, что такому порядку вещей не суждено было продлиться и еще на многія лѣта, еслибы сильная воли не вызвала насъ изъ тьмы кроваваго добродушія и бездны схидной веселости?

Повторяю: это былъ тяжкій и страшный кошмаръ, въ которомъ и давящіе, и давимые были равно ужасны.

Напоминаніе о сестрѣ подѣйствовало на Мишу болѣзненно. Онъ вдругъ, словно подъ тяжестью какой, пригнулся; блѣдное его личико сдѣлалось бѣлѣ полотна и на небосохшихъ еще глазахъ опять сверкнуло слезообильное облако.

— А вѣдь она барынь явилась! — продолжалъ Ваня.

— Врешь ты! — всхлипывалъ Миша чуть слышно.

— Являлась — это вѣрно! Ключница Матрена сказывала, что барыня-то, словно мертвая, изъ спальни въ ту пору выскочила! и кровинки въ лицѣ нѣтъ!

— Врешь ты! она жива! — настаивалъ Миша, совершенно захлебываясь слезами.

— Ну, братъ, нѣтъ! это погоди! Она утопла — это ужъ какъ дважды два! Изъ-за чего жъ бы ей тогда барынь являться, кабы она не утопла!

— Врешь ты! врешь все! — кричалъ Миша, съ которымъ чуть не сдѣлалась истерика.

— Ну, и опять-таки ты дуракъ! Изъ-за чего ты нюни-то распустилъ! Извѣстно, намъ одинъ конецъ!

Миша смолкъ; онъ, повидимому, что-то припоминалъ. Припоминалъ онъ, какъ Оля, проходя мимо него, наскоро трепала его по щекамъ и приговаривала: „дурашка ты мой!“ — припоминалъ онъ, какъ Оля однажды надѣвала на него чистенькую новенькую рубашечку и сказала при этомъ: „ну, поси теперь на здоровье, Мишутка ты мой!“ — припоминалъ онъ, какъ однажды Оля выбѣжала въ лакейскую вся блѣдная и изъ глазъ ея ручьями текли слезы; припоминалъ онъ голосъ, молившій о пощаду, голосъ искаженный, вымученный, кричавшій: „матушка, Катерина Аоанасьевна, не буду! батюшка, Иванъ Васильичъ, не буду!“ — припоминалъ онъ, какъ упала изъ-подъ ножницъ длинная русая коса Оленькина, какъ Оля билась и рвалась...

„Ахъ, не надо! не рѣжьте!“ — раздавался въ ухахъ Миши знакомый молящій голосъ, раздавался съ такою ясностью и отчетливостью, что онъ вдругъ повѣрилъ... Онъ повѣрилъ, что Оля умерла дѣйствительно, и что это она, именно она является къ барынямъ и мучить ее по ночамъ. Ему показалось даже, что она и теперь съ ними, что она зоветъ его.

— Оля-то здѣсь вѣдь! — сказалъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Ну, вотъ это ты ужъ врешь! — отвѣчалъ Ваня, и между тѣмъ самъ вздрогнулъ и инстинктивно озирался кругомъ.

— Ей Богу здѣсь! — настаивалъ Миша.

— Дуракъ ты! говорятъ тебѣ, нѣтъ никого! И изъ-за чего ей являться-то къ намъ? ты пойми, зачѣмъ покойникъ является? покойникъ является затѣмъ, чтобъ мучить; а насъ за что мучить она будетъ? Мы вѣдь Олю не трогали, Оля была добрая... да, она добрая была дѣвка!

— Оля была добрая! — машинально повторилъ Миша и ласково взглянулъ на своего товарища.

— Постой-ка, я по угламъ посмотрю! — продолжалъ Ваня, какъ будто съ единственною цѣлью успокоить Мишу; но очевидно было, что онъ и самого себя не прочь былъ успокоить.

Вапя всталъ съ лавки и сначала посмотрѣлъ подъ столъ; потомъ

обошелъ всю комнату и въ углахъ даже пошарилъ по стѣнѣ; потомъ заглянулъ въ дверь, ведущую въ коридоръ. Никакого видѣнья нигдѣ не оказалось.

— Ну вотъ, и нѣтъ ничего!—сказалъ онъ, усаживаясь на старое мѣсто.

— Оля была добрая!—задумчиво повторилъ Миша.

— За доброту-то и въ дворнѣ ее всѣ любили! Помнишь, Степка какъ убивался, какъ она пропала-то? Степка-то, говорятъ, жениться на ней хотѣлъ!

— Стало, его за это въ ту пору въ часть послали?

— За это, за самое... Степка-то баринѣ говоритъ: „лучше, говорить, Катерина Аванасьевна, вы меня теперича въ солдаты отдайте, а служить, говорить, я вамъ не желаю!“

— Ишь ты!

— А барыня говоритъ: „нѣтъ, говорить, Степушка! въ солдаты я тебя не отдамъ, а вотъ въ пастухахъ ты у меня сгнѣпш!“ И гнѣтъ!

— И для чего только это она его въ солдаты не отдала!

— А потому, братецъ, такой у ней нравъ!

— А вѣдь въ солдатахъ, Вапи, хорошо?

— Ну... кто жъ его знаетъ! Однако, все лучше, нечѣмъ у насъ! у насъ ужъ какая жизнь!

Миша опять задумался; онъ хотѣлъ сказать Ванѣ, что лучше было бы въ солдаты пойти, чѣмъ... но на этомъ мысль его оборвалась; очевидно, онъ боялся разсердить Ваню и выставить себя въ глазахъ его трусомъ.

— А знаешь ли чтò, Мишутка?—вдругъ спросилъ Ваня.

— Что тебѣ?

— Пойдемъ-ка мы, обойдемъ комнаты... посмотримъ!

Мишѣ тотчасъ же мелькнуло: въ послѣдній разъ!

— Пойдемъ, Ваня!—сказалъ онъ.

Ваня снялъ со свѣчи и пошелъ впередъ.

— Вотъ это, братъ, зала!—сказалъ онъ, когда пришли въ первую комнату.

— Зала!—повторилъ за нимъ Миша.

— Клапайся, братъ, теперь на всѣ четыре стороны!—наставлялъ Ваня.

Миша поклонился на всѣ четыре стороны; Ваня исполнилъ вмѣстѣ съ нимъ то же самое.

Такимъ образомъ обошли они всѣ комнаты и вездѣ простились; дошли, наконецъ, до крайней комнаты, гдѣ стояла широкая двухспальная кровать.

— Ишь ихъ! — сказалъ Ваня, и не только не поклонился на всѣ четыре стороны, но плюнулъ.

— Знаешь ли чтó? — продолжалъ онъ: — зажжемъ-ка теперь лиминацію! вѣдь колдовка-то еще, чай, долго не прійдетъ!

— Зажжемъ! — согласился Миша, и на лицѣ его сверкнула дѣтски-радостная улыбка.

По всему видно было, что натура Миши была натура нѣжная, женственная, артистическая; онъ любилъ, когда въ комнатѣ бывало свѣтло и свѣжо, и, напротивъ того, куксился въ мракѣ и спертomъ воздухѣ передней. По всему видно также, что Ваня зналъ про это свойство Миши и желалъ чѣмъ-нибудь угодить ему.

Зажгли иллюминацію дѣйствительно блестящую; Миша пожелалъ быть хозяиномъ, Ваня изъявилъ согласіе быть гостемъ. Но едва успѣли хозяинъ и гость усѣсться съ ногами на диванъ, едва успѣлъ хозяинъ предложить своему гостю обычный вопросъ о здоровьи, какъ въ передней раздался сильнѣйшій трезвонъ. Хозяинъ и гость бросились тушить свѣчи, но впопыхахъ дѣло не спорилось; раздался еще трезвонъ, болѣе сильный и болѣе нетерпѣливый.

Наконецъ, свѣчи кое-какъ затушили и бросились въ переднюю. Черезъ дверь еще Ваня слышалъ, какъ барыня сердиться изволили.

— Это все мальчишки мерзавцы! — говорила она въ величайшемъ гнѣвѣ: — вотъ ужъ погоди!

— Успокойся, душечка! — уговаривалъ Иванъ Васильчъ: — можетъ быть, это братецъ Никаноръ Аѳанасьичъ пріѣхалъ!

Въ это время Ваня отперъ наружную дверь.

— Братецъ Никаноръ Аѳанасьичъ здѣсь? — былъ первый вопросъ барыни.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Кто же свѣчи въ залѣ зажигалъ?

— Никто не зажигалъ-съ.

— Мерзавецъ!

Сильный ударъ свалилъ Ваню съ ногъ.

— Кто зажигалъ свѣчи въ залѣ?—накинулась барыня на Мишу, которой стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, —едва-едва прошепталъ Миша.

— Долго ли вы мучить-то насъ будете?—какимъ-то неестественнымъ голосомъ закричалъ Ваня, вскочивъ съ полу, и не успѣлъ никто моргнуть глазомъ, какъ онъ уже впился ногтями въ ротъ и носъ Катерины Аванасьевны.

Катеринѣ Аванасьевнѣ сдѣлалось дурно: Ваню насилу отняли отъ нея, потому что онъ словно замеръ и заоченѣлъ весь. Катерину Аванасьевну повели подъ-руки въ спальню, причеиъ Иванъ Васильичъ приговаривалъ: „и какъ это тебѣ, матушка, не стыдно безпокоить себя изъ-за этихъ хамовъ!“ Ваню тоже увели на кухню; онъ не плакалъ, а только кричалъ; очевидно, что все существо его было глубоко и рѣшительно потрясено, что онъ не обладалъ собою, и этотъ рѣзкій неестественный крикъ вылеталъ изъ его груди помимо его воли. Вся дворня страшно переполошилась и сбѣжалась кругомъ Вани; начали его оттирать и насилу уняли. Когда крики унялись, Ваня мгновенно и крѣпко заснулъ.

Потому ли, что Катерина Аванасьевна дѣйствительно заболѣла, или потому, что дворовые доложили объ изступленіи, въ которомъ находился Ваня, но распорихенія насчетъ мальчииковъ въ ту ночь никакого сдѣлано не было. Сказано было только держать обоихъ въ кухнѣ. Миша легъ подлѣ Вани, но долго не могъ сомкнуть глазъ; завтрашній день представлялся его возбужденному воображенію со всѣми подробностями, со всѣми ужасающими истязаніями. Мерещились ему пуки роговъ, мерещилась ему Катерина Аванасьевна; лицо ея словно пылало, на головѣ словно змѣи вились, раздѣвая рты, и высовывались оттуда огненные жала. Ваня по временамъ етоналъ; дворовые кругомъ безмятежно спали; Мишѣ сдѣлалось страшно...

„Ахъ, не надо! ахъ, не рѣжьте!“ — раздавалось у него въ ухахъ, и образъ сестры носился передъ его глазами, какъ живой, по не въ затрапезномъ, истасканномъ платьѣ, а весь бѣлый, прозрачный, весь словно озаренный чудеснымъ блескомъ...

Наконецъ, часовъ около трехъ онъ заснулъ.

Въ четыре часа Ваня разбудилъ его. Долго смотрѣлъ на него Миша изумленными, слипающимися глазами, долго не могъ понять, гдѣ онъ и что съ нимъ...

— Пора!—шепталъ Ваня.

Миша вздрогнулъ, но все еще не понималъ.

— Ветавай!—настаивалъ Ваня.

Миша машинально всталъ и машинально же одѣлся. Они вышли въ сѣни; холодный воздухъ охватилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и нѣсколько отрезвилъ Мишу. Въ рукахъ у Вани были ножницы; онъ проворно скинулъ съ себя казакинъ и началъ рѣзать его на куски.

— Не доставайся никому!—шепталъ онъ какъ-то злобно и сосредоточенно.

Потомъ онъ снялъ съ себя сапоги и проткнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ головки.

Миша смотрѣлъ на это, и вдругъ въ немъ вспыхнула какая-то страстная жажда жизни. Онъ ухватилъ себя обѣими ручонками за горло, началъ метаться и заплакалъ.

— Нюня! ступай спать!—произнесъ Ваня.

— Нѣтъ! нѣтъ!—закчался Миша:—нѣтъ! нѣтъ!.. я пойду! я, право, пойду!

— Что жъ ты реवेशь? развѣ вчера не видѣлъ?

Они вышли на дворъ и перелѣзли черезъ заборъ. Улица была пуста, и непробудная тишина царствовала по всему городу. Дворовая собака Трезорка бросилась-было къ нимъ съ ласковымъ визгомъ, но Ваня показалъ ей кулакъ, вслѣдствіе чего она вильнула раза два хвостомъ и юркнула въ свою конуру. Утро было не столько холодное, сколько сырое и туманное; словно облако какое-то висѣло надъ улицей, словно мгла, наполненная иголистыми атомами, застилала воздухъ. Ваня былъ въ одной рубашкѣ; ему сдѣлалось холодно.

— Ну, братъ,—сказалъ онъ:—это я напрасно... Напрасно, значить, я теперича казакинъ свой изрѣзалъ!

Миша не отвѣчалъ ему: вообще онъ дѣйствовалъ какъ-то страдательно, словно горѣла и упорно горѣла въ немъ непорванная струя жизни, но не знала, какъ ей высказаться, какъ прорваться наружу.

И вотъ передъ ними оврагъ; въ этомъ оврагѣ условились они исполнить свое намѣреніе; Ваня рассчитывалъ, что тамъ никто имъ не помѣшаетъ, никто не можетъ придти скоро на помощь.

Ваня спустился и пошелъ впередъ; онъ былъ бодръ, а между тѣмъ манящіе, сладкіе голоса жизни говорили и въ немъ; онъ смѣялся, а между тѣмъ въ груди его закипала какая-то страстная жажда; онъ

шелъ и точилъ другъ объ друга ножи; по звукъ, который отъ этого происходилъ, былъ какой-то невеселый, отрывистый звукъ; онъ чувствовалъ, что внутри его все горитъ, а между тѣмъ блѣдное, исхудалое тѣло ходенемъ ходило отъ проникающей сырости и холода... Миша шелъ за нимъ слѣдомъ и по прежнему былъ въ какомъ-то забытьи.

На свѣту, будочникъ, спокойно спавшій въ своей будкѣ, былъ разбуженъ проѣзжими мужиками. Мужики слышали стоишь въ оврагѣ и почтительно докладывали о томъ дремлющему блюстителю общественной тишины.

— Батюшки! помогите! — прозвенѣло въ эту самую минуту въ воздухѣ.

Спустились въ оврагъ и нашли двухъ мальчишекъ, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтъ въ казакинъ, другой — въ одной рубашкѣ. Ваня былъ бездыханенъ, но Миша еще былъ живъ. Невѣрная, трепещущая рука въ нѣсколько пріемовъ полоснула ножомъ по горлу, но робко и нерѣшительно.

Жизнь жизни сказала и восторжествовала.

VII. — Нашъ дружескій хламъ.

Когда мы, губернскіе аристократы, собираемся другъ у друга по вечерамъ, какого рода можетъ быть у насъ между собою бесѣда? Перебиваемъ ли мы косточки своихъ ближнихъ, бесѣдуемъ ли о существѣ лежащихъ на насъ обязанностей, сообщаемъ ли другъ другу о нашихъ служебныхъ и сердечныхъ *bonnes fortunes*, о томъ, напримеръ, что сегодня утромъ былъ у насъ подрядчикъ Скопищевъ, а завтра мы ждемъ заводчика Бѣлугина, и проч., и проч.?

На всѣ эти вопросы я съ гордостью могу отвѣчать, что обыденная, будничная жизнь не составляетъ и не можетъ составлять достойной канвы для нашихъ салонныхъ разговоровъ. Утромъ, запершись въ своихъ жилыхъ комнатахъ, мы можемъ, *à la rigueur*, переворачивать наше грязное бѣлье, бесѣдовать съ нашими секретарями и принимать различнаго рода антрепренеровъ; но съ той минуты, какъ мы покидаемъ жилыя комнаты и являемся въ наши салоны, всѣ эти неопрят-

ности мгновенно исчезаютъ, подобно тому, какъ исчезаютъ клопы и другія насѣкомья, гонимыя свѣтсмъ дня. Какъ люди благовоспитанные, мы являемся въ наши салоны не иначе, какъ во фракахъ, и очень хорошо понимаемъ, что, находясь въ обществѣ, не имѣемъ права тревожить чье-либо обоняніе эманациями нашего задняго двора.

Да и какой интересъ могло бы представлять для насъ это перерачиванье домашняго хлама, когда намъ до такой степени извѣстны и переизвѣстны всѣ наши маленькія дѣлишки, наши карманныя скорби и любостыжательныя радости, что мы, какъ древніе авгуры, взглянуть другъ на друга безъ того не можемъ, чтобъ не расхохотаться?

Если я, напримѣръ, встрѣчаю на улицѣ его превосходительство Ивана Ѳомича и вижу, что въ очахъ его плаваетъ маслянистая влага, а самъ онъ, при встрѣчѣ со мной, покрывается пурпуромъ стыдливости и смотритъ на меня съ какимъ-то дѣтскимъ простодушіемъ, какъ будто хочетъ сказать: „посмотри, какъ я невиненъ! и посмотри, какъ хороша природа и какъ легка жизнь для чистыхъ сердцемъ!“ — то я положительно знаю, что и этотъ пурпуръ, и эта ясность души происходятъ совѣмъ не отъ того, что его превосходительство былъ на секретномъ любовномъ свиданіи, а оттого, что въ томъ заведеніи, въ которомъ онъ состоитъ аристократомъ, происходили сего числа торги. И по степени влажности глазъ, и по бѣльшей или мѣньшей невинности ихъ выраженія я безошибочно заключаю о степени успѣшности торговъ... Къ чему, скажите на милость, были бы тутъ вопросы, въ родѣ: „какъ поживаете, каково прижимаете?“ Къ чему тутъ ласки, коварства и увѣренія, если я опредѣлительно вижу, что сей человѣкъ счастливъ, что душа его полна музыки, и что весь онъ погруженъ въ какія-то сладкія, неземныя созерцанія? И дѣйствительно, встрѣчи наши происходятъ въ молчаніи; онъ посмотритъ на меня ласково и признательно, я взгляну на него симпатически; онъ скажетъ: „гм!“ и я скажу: „гм!“... и мы расходимся каждый по своему дѣлу.

Или, напримѣръ, когда я вижу другого аристократа, генерала Голубчикова, пробирающагося, часовъ въ шесть пополудни, бочкомъ по темному переулку, и робко при этомъ озирающагося, то положительно могу сказать, что генераль пробирается не къ кому другому, а именно къ привилегированной бабкѣ Шарлоттѣ Ивановнѣ. Хотя же его превосходительство, замѣтивъ меня, и начинаетъ помахать

тросточкой, дѣлая видъ, что онъ гуляетъ, но я отнюдь не отважусь предложить ему пройтись вмѣстѣ со мною, потому что твердо знаю, что такого рода предложеніе въ конецъ уязвитъ его пылающее сердце. Руководясь этою мыслью, я прикасаюсь слегка къ полямъ моей шляпы и говорю: „гм!“ Генераль, который въ другое время тоже отвѣтилъ бы мнѣ à la militaire, въ настоящемъ случаѣ считаетъ излишнимъ снять съ головы своей шляпу совершенно (не погуби! дескать), и тоже говорить: „гм!“ ... и мы расходимся. А между тѣмъ дорогой воображеніе уже рисуетъ передо мной образы. Съ одной стороны я вижу маленькаго генералика, совершенно пропадающаго въ объятіяхъ дебелий привилегированной бабки, а съ другой стороны — величественную и не менѣе дебелиую генеральшу, спокойно предающуюся дома послѣобѣденному сну и вовсе не подозрѣвающую, что ея крошечный Юпитерикъ нашелъ въ захоластѣ какую-то вольнаго поведенія Го и воспитываетъ ее въ явный ущербъ своей Юнонѣ.

И еще, напримѣръ, если я вижу въ восемь часовъ утра извѣстнаго подрядчика Скопищева, стучащагося въ двери дома, занимаемаго капитаномъ Малаховичемъ, то отнюдь не думаю, что Скопищевъ очутился здѣсь ни свѣтъ-ни-заря затѣмъ только, чтобъ узнать о здоровьи супруги и дѣтей пана Малаховича, по съ полною достовѣрностью заключаю, что ранній визитъ этотъ имѣетъ тѣсную связь съ постройкой земляной дамбы въ городѣ***. При этомъ въ умѣ моемъ естественно возникаетъ вопросъ: „если отъ пятнадцати тысячъ отдѣлить двадцать процентовъ, то какая составитъ изъ этого сумма?“ И въ это самое время, поравнявшись съ капитанскою квартирой, я усматриваю въ одномъ изъ оконъ толстенную фигуру, къ чему-то канальски прислушивающуюся. Замѣтивъ меня, капитанъ нѣсколько краснѣетъ (вѣроятно, оттого, что я увидѣлъ его въ утреннемъ negligee), произноситъ: „гм!“ и поспѣшно удаляется отъ окна.

— То-то „гм!“ — произношу и я въ свою очередь, и продолжаю идти своею дорогой.

Скажите на милость: къ чему же было намъ бесѣдовать о томъ, для уразумѣнія чего достаточно одного движенія губъ, одной мимолетной искры въ глазахъ, одного помаванія головы?

И дѣйствительно, канвою для нашихъ разговоровъ служатъ предметы несравненно болѣе возвышенныя. Надо вамъ сказать, благосклонный читатель, что хотя мы и называемся „губернскими аристокра-

тами“, но, къ великому прискорбію, аристократичность наша довольно сомнительная. Мы, что называется, аристократы съ подлинною. Отечествомъ большей части изъ насъ служили четвертые этажи тѣхъ поражающихъ опрятностью казенныхъ зданій, которыя во множествѣ украшаютъ Петербургъ и въ которыхъ благополучно процвѣтають всѣхъ возможныхъ видовъ и цвѣтовъ экзекуторы и экспедиторы. Тамъ мы увидѣли свѣтъ, тамъ возросли и воспитались, и если самъ Петербургъ способенъ производить только чиновниковъ и болотныя испаренія, то можно себя вообразить, на производство какого рода издѣлій способны упомянутые выше четвертые этажи? И дѣйствительно, мы вполне прошли всю суровую школу безгласности и смиренномудрія; мы были по очереди и секретарями, и приказчиками у имѣющихъ власть людей, и поставщиками духовъ, собачекъ и румянъ у ихъ женъ, и забавою у ихъ гостей. Мы безмѣрно радовались и безобразію нашихъ носовъ, и геморроидальному цвѣту нашихъ лицъ, потому что все это составляло предметъ забавы и увеселенія для нашихъ благодѣтелей и вмѣстѣ съ тѣмъ заключало въ себя источникъ нашего будущаго благополучія—нашу фортуна и нашу карьеру! Наконецъ, послѣ долгихъ лѣтъ терпѣнія и томныхъ искательствъ, мы получили дипломы на званіе губернскихъ аристократовъ, съ правомъ владѣть сколько душъ угодно. По началу свѣжій воздухъ провинціишибъ-было насъ съ ногъ; однако, свыкшись съ малолѣтства со всякаго рода огнепостоянностями, мы устояли и здѣсь, и мало того, что устояли, но даже озаботились устроить вокругъ себя ту самую атмосферу, которая всечасно напоминаетъ нашимъ носамъ переднія нашихъ благодѣтелей. Очевидно, что при такомъ направленіи умовъ всѣ наши симпатіи, всѣ вздохи и порыванія должны стремиться къ нему, къ этому милому Петербургу, гдѣ проведена была наша золотушная молодость и гдѣ у каждаго изъ насъ имѣется, по крайней мѣрѣ, по двадцати-пяти штукъ пріятельски-знакомыхъ начальниковъ отдѣленія.

Дни прихода петербургской почты бываютъ въ нашемъ обществѣ днями какой-то тревожной и вмѣстѣ съ тѣмъ восторженной дѣятельности. Это и понятно, потому что въ эти дни мы получаемъ письма отъ нашихъ пріятелей-начальниковъ отдѣленія. Мы поспѣшаемъ другъ къ другу, чтобъ подѣлиться свѣжими вѣстями, и вотъ образуется между нами живая и интимная бесѣда.

— Ну что, ваше превосходительство, — спрашиваю я у генерала Голубчикова: — получили что-нибудь изъ столицы?

— Какъ-же-съ, какъ-же-съ, ваше превосходительство! — отвѣчаетъ генераль, потирая руки: — графъ Петръ Васильевичъ не оставляетъ-таки меня безъ пріятныхъ извѣстій о себѣ...

— Такъ вы получили письмо отъ самого графа? — спрашиваю я, нѣсколько подзадоренный.

— Мм... да, — отвѣчаетъ генераль такимъ тономъ, какъ будто ему на все наплевать: — графъ частенько-таки изволить переписываться со мной!

— Мм... да, — произношу я и въ свою очередь, не желая уступить генералу Голубчикову, еще съ бѣльшимъ равнодушіемъ прибавляю: — а я такъ получилъ письмо отъ князя Николая Андреевича... Каждую почту пишетъ! даже надѣлъ старикъ!

И если при этомъ я положительно убѣжденъ, что генераль Голубчиковъ совралъ постыднѣйшимъ образомъ, то генераль, съ своей стороны, столь же положительно убѣжденъ, что и я совралъ не менѣе постыдно, что не мѣшаетъ намъ, однако, остаться совершенно довольными нашимъ разговоромъ.

— Скажите, пожалуйста! — удивляется въ другомъ углу его превосходительство Ивалъ Ѳомичъ, слушающій чтеніе какого-то письма.

— „... внушили себѣ, будто на лбу ихнемъ фиговое дерево произрастаетъ, и никто сей горькой мысли изъ ума ихъ сіятельства изгнать не можетъ“, — раздается звучный голосъ статскаго совѣтника Генералова, читающаго вслухъ упомянутое письмо.

— Да правда ли это? отъ кого вы получили это письмо? — слыются съ разныхъ сторонъ вопросы.

— Отъ экзе... отъ директора, — скороговоркой поправляется статскій совѣтникъ Генераловъ, поспѣшно пряча письмо въ карманъ.

— А крѣпкій былъ старикъ! — говоритъ генераль Голубчиковъ, котораго, какъ неслужащаго подъ начальствомъ таинственнаго „ихъ сіятельства“, описанное выше происшествіе интересуетъ только съ психической точки зрѣнія.

— Н-да... крѣпкій... — въ раздумьи и словно машинально повторяетъ недавно опредѣленный молодой предсѣдатель Курилкинъ, при чтеніи письма какъ будто струсившій и поблѣднѣвшій.

— Я съ княземъ еще въ то время познакомился, — ораторствуетъ генераль Голубчиковъ: — когда столоначальникомъ въ департаментѣ служилъ. И представьте себѣ, какой однажды со мной случай былъ...

— Н-да, случай!.. — повторяетъ Курилкинъ, у котораго уже помутились взоры отъ полученнаго извѣстія.

— Вы какъ будто нездоровы, Иванъ Павлычъ? — обращается съ участіемъ къ Курилкину Иванъ Омичъ.

— Нѣтъ... я ничего, — скороговоркой отвѣчаетъ Курилкинъ: — *au fait*, чтò мнѣ князь?

— „Чтò онъ Гекубѣ, чтò она ему?“ — раздается сзади шопотъ титулярнаго совѣтника Корепанова, принимаемаго, несмотря на свой чинъ, въ нашемъ маленькомъ аристократическомъ кружкѣ за *comme il faut*, но, къ сожалѣнію, разыгрывающаго непріятную роль какого-то губернскаго Мефистофеля.

— Да-съ, такъ вотъ какой у насъ съ княземъ случай былъ, — продолжаетъ генераль Голубчиковъ: — вхожу я однажды въ пріемную къ князю, только вижу — сидитъ дежурный чиновникъ, а лицо незнакомое. Признаюсь, я еще въ то время подумалъ: „что это за чиновникъ такой? какъ будто бы дежурный, а лицо незнакомое?“ Ну-съ, хорошо, подхожу я къ этому чиновнику и говорю: „доложите ихъ сіятельству, что явился такой-то“. — „Не принимаютъ, говорить: ихъ сіятельство нездоровы“. Ну, а я съ графомъ былъ всегда въ короткихъ отношеніяхъ, слѣдственно для меня слово „не принимаютъ“ не существовало... Вотъ и пришла мнѣ въ голову мысль: дай-ка, думаю, подтруню надъ молодымъ человѣкомъ, и, знаете, пресерьезно такъ говорю ему: „жаль, говорю, очень жаль, что не принимаютъ“. — „Да-съ, говорить, не принимаютъ“. Только, можете себѣ представить, въ это самое время распахивается дверь кабинета и выходитъ оттуда камердинеръ князя, Павелъ Дорооеичъ... знаете Павла Дорооеича?

— Знаемъ! знаемъ! Павла Дорооеича цѣлый Петербургъ знаетъ! — кричимъ мы какъ-то особенно радостно.

— А изъ-за Павла Дорооеича выглядываетъ и самъ князь. „А, говорить, это ты, Гавриль Петровичъ! — а меня, братъ, сегодня „прохлады“ совѣмъ замучили (онъ „это“ прохладами называлъ), такъ я не велѣлъ никого принимать... Ну, а тебя можно!..“ Только,

можете себѣ представить, какую изумленную физиономію скорчилъ при этомъ дежурный чиновникъ!

— Да, интересный случай! — замѣчаетъ статскій совѣтникъ Генераловъ, сладко вздыхая.

— Случай съ запахомъ, — перебиваетъ Корепановъ.

— Предобрый старикъ! — говоритъ его превосходительство Иванъ Ѳомичъ, поспѣвая заглушить своимъ голосомъ неприятную замѣтку Корепанова.

— Добрый, именно добрый! — не смущаясь, продолжаетъ генераль Голубчиковъ: — и какое довѣріе ко мнѣ имѣлъ, такъ это даже непостижимо! — Бывало, сидимъ мы съ глазу на глазъ: я бумаги докладываю, онъ слушаетъ. „А что, Гавриль Петровичъ, вдругъ скажетъ: прикажи-ка, братъ, мнѣ трубку подать!“ Ну, я, разумѣется, сейчасъ брошусь: самъ все это сдѣлаю, самъ набью, самъ бумажку зажгу, самъ подамъ... И чтѣ жъ вы думаете, госнода? даже никакой я въ это время робости не чувствовалъ: — точно вотъ съ своимъ братомъ, начальникомъ отдѣленія, бесѣдуешь! Онъ трубочку покуриваетъ, а я бумаги продолжаю докладывать... просто какъ будто ничего не бывало!

— Жаль, очень жаль будетъ, если этакого человѣка лишится отечество! — говоритъ Иванъ Ѳомичъ.

— Н-да... отечество! — повторяетъ Курилкинъ, повидимому возвратившійся къ прежнему раздумью.

— А еще говорятъ, что вельможи всѣ горды да неприступны! — продолжаетъ Иванъ Ѳомичъ: — ничуть не бывало!

— Это говорятъ тѣ, ваше превосходительство, — весьма основательно замѣчаетъ генераль Голубчиковъ, — которые настоящихъ-то вельможь и въ глаза не видали. А вотъ какъ мы съ вами и въ халатикъ съ ними посиживали, трубочки покуривали, такъ дѣйствительно можемъ удостовѣрить, что вся разница между вельможей и обыкновеннымъ человѣкомъ только въ томъ состоитъ, что у вельможи въ обхожденіи ароматъ какой-то есть...

— „Прохлады“! — ворчитъ сквозь зубы Корепановъ.

— Нашъ князь, — вступается статскій совѣтникъ Генераловъ, — такъ тотъ больше все лѣвой рукой дѣйствуетъ. И на стулъ лѣвой рукой указываетъ, и подаетъ все лѣвую руку.

— А чтѣ вы думаете? — говоритъ генераль Голубчиковъ: —

вѣдь это именно правда, что у вельможъ лѣвая рука всегда какъ-то болѣе развита!

— Я полагаю, что въ этомъ свой расчетъ есть, — глубокомысленно замѣчаетъ Иванъ Ѳомичъ.

— То-есть не столько расчетъ, сколько грація, — возражаетъ Голубчиковъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство: не грація, а именно расчетъ-съ.

— Нѣтъ... зачѣмъ же непременно „расчетъ“! Я, напротивъ того, положительно убѣжденъ, что грація, — говоритъ Голубчиковъ, задѣтый за живое настойчивостью Ивана Ѳомича.

— А я, *напротивъ того, положительно убѣжденъ*, что расчетъ, и имѣю на это доказательства.

— Это очень любопытно!

— И именно я полагаю, что всякій вельможа хочетъ этимъ дать понять, что правая рука у него занята государственными соображеніями.

— Ну-съ... а лѣвая рука тутъ зачѣмъ-съ?

— А лѣвая рука, какъ свободная отъ занятій, предлагается поѣтителямъ-съ...

— Ну-съ... а дальше чтѣ-съ?

— Ну-съ, а дальше то же самое!

— Та-а-къ-съ!

Съ прискорбіемъ мы замѣчаемъ, что генералы наши не прочь посчитаться другъ съ другомъ. Извѣстно намъ, что между ними издревле существуетъ худо скрытая вражда, основаніемъ которой служитъ взаимное соперничество по части знакомства съ вельможами. Поэтому, хотя мы и питаемъ надежды на деликатность генерала Голубчикова, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуемъ, что еще одна маленькая капелька, и генеральское сердце безвозвратно преисполнится скорбью. Дѣйствительно, онъ взираетъ на Ивана Ѳомича съ кроткимъ, но горестнымъ изумленіемъ: Иванъ же Ѳомичъ не только не тронуть этимъ, но, напротивъ того, устроилъ руки свои фертомъ, и въ этомъ положеніи какъ будто посмѣивается надъ всеми громами и молніями. Положеніе дѣлается до такой степени натянутымъ, что статскій совѣтникъ Генераловъ считаетъ своею обязанностью немедленно вмѣшаться въ это дѣло.

— Я думаю, ваше превосходительство, — обращается онъ къ генералу Голубчикову: — что и въ самой граціи можетъ быть расчетъ, точно такъ же, какъ въ расчетѣ можетъ быть грація...

— Дѣло возможное! — отвѣчаетъ генераль холодно, явно показывая, что онъ старый воробей, котораго никакими компромиссами не надуешь.

Разговоръ снова заминается, и всѣ мы чувствуемъ себя нѣсколько сконфуженными. Холодность генерала свинцовой тучей легла на наше общество, и нѣтъ, кажется, столь сильнаго солнечнаго луча, который могъ бы съ успѣхомъ разбить эту тучу. Мы всѣ знаемъ, что Голубчиковъ преамбиціозный старикъ, и что едва ли онъ не единственный изъ нашихъ аристократовъ, о которомъ мы съ увѣренностью можемъ сказать, что онъ въ одинъ платокъ съ вельможами сморкается. Всѣ мы, прочіе, въ этихъ случаяхъ болѣе или менѣе прилыгаемъ, и если увѣряемъ иногда, что при такихъ-то обстоятельствахъ такой-то князь сказалъ намъ „ты“ и назвалъ „любезнѣйшимъ“, то этому можно вѣрить и не вѣрить. Но генераль Голубчиковъ дѣйствительно вполнѣ чистъ въ этомъ отношеніи, и если ужъ скажетъ, напримѣръ, что однажды въ его присутствіи князь Петръ Алексѣичъ учинилъ декольтѣ, то никто не имѣетъ повода усомниться, что это именно такъ и было. „И для чего бы Ивану Ѳомичу не уступить!“ — думаемъ мы, внутренне соболѣзнуя о происшедшемъ: — „съ одной стороны, Ивану Ѳомичу слѣдовало бы сдѣлать небольшую уступочку, а съ другой, и генералу не мѣшало бы взглянуть на дѣло поисходительнѣе... и все было бы ладно, все было бы смирно, и мирно, и очень хорошо — такъ-то! А то вотъ дернула нелегкая — ахти-хти-хти!“ Но покуда мы только разсуждаемъ, статскій совѣтникъ Генераловъ уже принимаетъ дѣйствительныя мѣры къ замиренію враждующихъ сторонъ. Онъ прежде всего начинаетъ заигрывать съ генераломъ Голубчиковымъ, какъ наиболѣе неподатливымъ.

— Не получили ли чего-нибудь отъ графа насчетъ „этого“ (крестьянскаго) дѣла, ваше превосходительство? — спрашиваетъ онъ.

— Получилъ-съ, — упорствуетъ генераль въ холодности.

— Ваше превосходительство всегда самыя вѣрныя свѣдѣнія имѣть изволите, — не менѣе упорно продолжаетъ заигрывать Генераловъ.

— Самъ по себѣ я никакихъ свѣдѣній не имѣю, но конечно...

довѣріе его сіятельства... однимъ словомъ, могу-таки въ нѣкоторыхъ дѣлахъ посодѣйствовать...

— Какъ-же-съ, какъ-же-съ, ваше превосходительство!—вѣдь вы съ графомъ-то даже нѣсколько „свои“?

— Даже и не нѣсколько, — отвѣчаетъ генераль, постепенно смягчаясь:— потому что моя Анна Ѳедоровна положительнымъ образомъ приходится внучатной племянницей Прасковѣ Ивановнѣ, а Прасковья Ивановна, какъ вамъ извѣстно...

— Да, если кто заслужить у графа желаетъ, такъ это именно что стоитъ только къ Прасковѣ Ивановнѣ дорогу найти!—восклицаемъ мы хоромъ.

— И представьте, что я открылъ это родство совершенно случайно! Однажды прихожу къ Прасковѣ Ивановнѣ по хозяйственнымъ ея дѣламъ, а ей вдругъ и приди на мысль спросить меня: „а что, говорить, ты женатъ или холостой?“ — Женатъ, говорю, ваше сіятельство, на Грѣховой. — „Ахъ, говорить, да вѣдь жена-то твоя мнѣ внучатной племянницей приходится!“ Начали мы тутъ разбирать да распутывать—анъ и открылось! А не приди ей на мысль спросить меня—такъ бы оно и осталось подъ спудомъ...

Хотя мы неоднократно уже слышали этотъ анекдотъ, но считаемъ долгомъ и на сей разъ выслушать его съ полнымъ благоговѣніемъ. Вообще, ничто такъ не улаждаетъ нашихъ досуговъ, какъ разборъ родства и свойства сильныхъ міра сего. Повидимому, это весьма мало до насъ касается, потому что собственно наши родственники суть эзекюторы и экспедиторы, но таково уже свойство людей происхожденія благороднаго, что они постоянно стремятся къ сферамъ возвышеннымъ, низменности же предоставляютъ низкому классу. Не радостно ли, наиримѣръ, услышать, что графъ Алексѣй Николаичъ выдаетъ дочь свою замужъ за сына князя Льва Семеныча? Не интересно ли при этомъ сообразить, что за молодою княгинею дано въ приданое столько-то тысячъ душъ, да у молодого князя съ своей стороны столько-то тысячъ? Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, а въ нашемъ городѣ и въ нашемъ обществѣ всякая новая семейная радость нашихъ вельможъ по истинѣ составляетъ семейную радость каждаго изъ насъ.

— Да, господа, геральдика важная вещь!—продолжаетъ между

тѣмъ Голубчиковъ:—и нельзя не сожалѣть, что въ нашемъ отечествѣ наука эта находится еще въ младенческомъ состояніи...

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ напоминаій, Иванъ Ѳомичъ, который доселѣ пребывалъ въ законѣности, дѣлаетъ первый шагъ, чтобъ окончательно смягчить неудовольствіе генерала Голубчикова.

— И благопріятныя извѣстія изволили получить, ваше превосходительство?— вопрошаетъ онъ заискивающимъ голосомъ.

— Самыя благопріятныя-съ.

— То-есть, въ какомъ же родѣ?

— Въ самомъ благонадежномъ-съ. Короче сказать: опасеній никакихъ имѣть не слѣдуетъ.

Генераль окидываетъ насъ торжествующимъ окомъ. Мы всѣ легко и весело вздрагиваемъ; нѣкоторые изъ насъ произносятъ: „слава Богу!“ и крестятся.

И не оттого совсѣмъ мы крестимся, чтобъ отъ „этого“ дѣла былъ для насъ ущербъ или посярмленіе, а оттого единственно, что спокойствіе и порядокъ любимъ. Сами по себѣ мы не землевладѣльцы, и хотя у насъ имѣются нѣкоторыя благопріобрѣтенныя маекности, но онѣ заключаются преимущественно въ ломбардныхъ билетахъ, которые мы спѣшимъ въ настоящее время промѣнивать на пятипроцентныя. Итакъ, не корысть и не холодный эгоизмъ руководятъ нашими дѣйствіями и побужденіями, а собственно, такъ сказать, патріотизмъ. Сей послѣдній въ различныхъ людяхъ производитъ различныя дѣйствія. Иныхъ побуждаетъ онъ лѣзть на стѣну, иныхъ стулья ломать... насъ же побуждаетъ стоять смирно. Согласитесь, что и это своего рода дѣйствіе. Мы до такой степени любимъ наше отечество въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало и существуетъ издревле (au naturel), что не смѣемъ даже вообразить себѣ, чтобъ могли потребоваться въ фигурѣ его какія-нибудь измѣненія. Конечно, мы не хуже другихъ понимаемъ, что нельзя иногда безъ того, чтобъ фетончикъ какой-нибудь не поправить... ну, тамъ помощника что-ли къ станковому прикинуть, или даже и цѣлый департаментикъ, для пользы общей, сочинить—слова нѣтъ! Но все это такъ, чтобъ величія-то древняго не нарушить, чтобъ гармонію-то прежнюю соблюсти, чтобъ всякое дыханіе Бога хвалило, чтобъ и травка—и та радовалась!

Такой образъ мыслей, по мнѣнію моему, есть самый благонадежный и основанный на истинномъ пониманіи вещей. Чтобъ сдѣлать

мысль мою осязательнѣе, прибѣгну къ сравненію. Благоразумно ли было бы съ моей стороны, еслибы я, напримѣръ, заявилъ желаніе, чтобъ у генерала Голубчикова былъ римскій носъ? Нѣтъ, неблагоразумно. Во-первыхъ, потому, что онъ и нынѣ состоящимъ у него на лицѣ учтиво вздернутымъ башмачкомъ приводитъ въ трепетъ сердца всѣхъ повивальныхъ бабокъ, а во-вторыхъ, потому, что мѣстороженіе римскихъ носовъ—Римъ, а не Россія (самое названіе достаточно о томъ свидѣтельствуетъ). Другой вопросъ: благоразумно ли было бы, еслибы я пожелалъ, чтобъ на скотномъ дворѣ пахло фіалкой, а не навозомъ? Нѣтъ, неблагоразумно, ибо запахъ фіалки приличествуетъ гостинымъ, а не скотнымъ дворамъ. Примѣровъ подобнаго рода безумныхъ желаній можно привести множество, но и приведенныхъ двухъ, кажется, вполне достаточно, чтобъ убѣдить всѣхъ и каждого, что въ иныхъ случаяхъ желаніе нововведеній и какихъ-то тамъ переменъ совершенно равносильно тому, какъ бы кто настаивалъ, чтобъ у отечества нашего выросъ римскій носъ.

— Итакъ, это дѣльце въ архивъ можно сдать? — говоритъ Иванъ Ѡмичъ, весело потирая руки.

— Какъ видно-съ.

— Да-съ; это, что называется...

— Всегда должно было ожидать.

— А вѣдь сначала-то оно было-пошло... тово...

— Да, бойко, бойко было-пошло.

— Политика—и больше ничего!

— Конечно, политика! Да оно и натурально,—продолжаетъ ораторствовать Голубчиковъ:—мы только тѣмъ и крѣпки, господа, что никогда никакихъ вредныхъ нововведеній не принимали, а жили, съ помощью Божіей, какъ завѣщали намъ предки.

— Однако, Петръ Великій, ваше превосходительство?...— учтиво замѣчаетъ Генераловъ.

— Ну что жъ... хоть и Петръ Великій! бороды сбрить приказать изволил—и больше ничего!

— Регулярное войско завелъ-съ!—дикимъ голосомъ отзывается изъ отдаленнаго угла батальонный командиръ, который упорно молчалъ, покуда, по его мнѣнію, разговоръ касался гражданской части.

— Ужъ Петръ Михайловичъ не можетъ утерпѣть безъ того,

чтобъ за свою часть не заступиться!—говорить Иванъ Ѳомичъ, ласково подмигивая.

— Въ гражданскую часть не вступаюсь-сь, а своего дѣла не упущу-сь!—какъ-то особенно исправно скандуетъ командиръ, какъ будто получаетъ за это благодарность по корпусу.

— Ну что жь!.. хоть бы и регулярное войско! — не смущается Голубчиковъ:—это только для спокойствія—и больше ничего! Однако, никакихъ этакихъ машинъ, или, напримѣръ, чтобъ Иванъ назывался Матвѣемъ, а Матвѣй Сидоромъ (какъ нынче) — ничего этого не бывало!

— А нынче это бываетъ?—любопытнѣе спрашиваетъ Корепановъ.

— Бываетъ-сь, —холодно отвѣчаетъ Голубчиковъ.

Нѣтъ сомнѣнй, что размысленія и соображенія насчетъ величественнаго хода нашей исторіи могли бы завлечь насъ довольно далеко, но появленіе милой хозяйки дома весьма естественно прерываетъ тонкую нить нашихъ историческихъ разысканій. Анна Ѳедоровна издревле пользуется репутаціей любезности и неотразимой очаровательности. Еще въ Казани, въ домѣ своихъ родителей, она уже умѣла быть самою пріятною и самою занимательною изъ всѣхъ туземныхъ дѣвицъ, несмотря на то, что въ этомъ городѣ, при помощи разныхъ учебныхъ заведеній, уровень любезности вообще стоитъ довольно высоко. Потомъ, принявъ къ себѣ въ компанію генерала Голубчикова, Анна Ѳедоровна сдѣлала съ нимъ не столько артистическое, сколько полезное путешествіе по Россіи, успѣла очаровать Пермь, оставила отрадное впечатлѣніе въ Рязани и овладѣла всѣми сердцами въ Симбирскѣ. Въ настоящее время она предсѣдательствуетъ въ нашемъ городѣ, и предсѣдательствуетъ съ тѣмъ тактомъ, который ясно свидѣтельствуетъ, что, и не выходя изъ министерства финансовъ, женщина можетъ оставаться обворожительною. Хотя она является въ нашемъ (мужскомъ) обществѣ на минуту, тѣмъ не менѣе ни одного изъ насъ не оставитъ безъ того, чтобы не подарить какую-нибудь любезностью, доказывая тѣмъ осязательно, что для умной женщины минута имѣетъ не шестьдесятъ секундъ, а столько, сколько ей захочется. Мнѣ сказывали (не знаю, въ какой степени это достовѣрно), что она даже секретаря своей палаты не оставляетъ безъ вопроса о здоровьи жены и дѣтей его, въ то время, когда этотъ достойный мужъ, поси-

дѣвъ съ утреннимъ визитомъ въ кабинетъ его превосходительства, съ пустыми руками и красный какъ ракъ перебѣгаетъ черезъ залъ въ прихожую.

— Вы, конечно, серьезными дѣлами заняты, *messieurs*?— обращается она, окидывая всѣхъ насъ ласковымъ взоромъ.

— Нѣтъ, тряпками!—любезно отзывается генераль, который между дамами нашего общества пользуется репутаціей милого гроньяра.

— Однако мужчины имѣють о бѣдныхъ женщинахъ самое обидное понятіе! какъ будто мы только и можемъ быть заняты, что тряпками...—говоритъ генеральша, слегка вздыхая.

И затѣмъ, сдѣлавъ каждому изъ насъ пріятный вопросъ („*la santé de madame est toujours bonne?*“ или: „а у вашего Колечки уже прорѣзались зубки, Иванъ Ѳомичъ?“), она удаляется, увлекши за собой во внутреніе покои Коренанова, который, какъ человѣкъ молодой и холостой, можетъ, конечно, принести больше удовольствія ея *demoiselles*, нежели намъ.

Послѣ этого изъ внутреннихъ покоевъ къ намъ высылается превосходно сервированный чай, съ превкусными сдобными булками, причѣмъ генераль весьма привѣтливо замѣчаетъ: „вотъ это такъ дамское дѣло... хозяйничать... чай разливать...“

— А вѣдь русскій народъ именно добрый народъ!—говоритъ Иванъ Ѳомичъ, который, какъ любитель отечественной старины (онъ въ свое время, служа въ департаментъ, цѣлый архивъ въ порядокъ привелъ), сгораетъ нетерпѣніемъ навести разговоръ на прежнюю тему.

— Кроткій народъ!—подтверждаетъ генераль Голубчиковъ.

— И терпѣливъ-съ!—отзывается командиръ.

— Н-да; этакой народъ стдитъ того, чтобъ о немъ позаботиться!—говоритъ генераль, и въ глаза его внезапно закрадывается какое-то удивительное блаженство, чуть-чуть лишь подернутое меланхоліей, какъ будто онъ въ ту же минуту радъ-радѣхонекъ былъ бы озаботиться, но это не отъ него зависитъ.

— Въ нынѣшнемъ году всѣ пайки простилъ-съ!—вмѣшивается командиръ.

— Всѣ?—спрашиваетъ Голубчиковъ, въ конецъ побѣжденный такимъ великодушіемъ.

— Рѣшительно всё-съ!

— Какая, однакожь, похвальная черта!

— Желательно было бы, знаете, изучить его, — предлагаетъ Иванъ Ѳомичъ.

— То-есть, въ какомъ же это смыслѣ?

— Ну тамъ... нужды... желанія...

— Гм... я, однакожь, не думаю, чтобъ это могло принести ожидаемую пользу...

— Почему же, ваше превосходительство?

— А потому, ваше превосходительство, что тутъ нѣтъ именно того, что мы, люди образованные, привыкли разумѣть подъ именемъ нужды и желаній.

— Согласитесь, однакожь, что нужды и желанія могутъ рождаться не только сами по себѣ, но и посредствомъ возбужденія, ваше превосходительство! Оставьте, наприимѣръ, меня въ покоѣ — ну, я, конечно, не буду имѣть ни нужды, ни желаній, а предпизи-ка мнѣ кто-нибудь: „ты, любезный, обязанъ имѣть нужды и ощущать желанія“... повѣрьте, ваше превосходительство, что тѣ и другія явятся непременно!

— Все это очень можетъ быть, но позвольте одинъ нескромный вопросъ: лучше ли будетъ?

— Если ваше превосходительство изволите разсматривать вопросъ съ этой точки зрѣнія...

— Не видимъ ли мы примѣровъ, что желанія только отравляютъ жизнь человѣка?

— Этого, конечно, нельзя отрицать-съ...

— Не встрѣчаемъ ли мы на каждомъ шагу, что тѣ люди самые счастливые, у которыхъ желанія ограничены, а нужды не выходятъ изъ предѣловъ благоразумія?

— Это всеконечно-съ...

— Слѣдовательно, ваше превосходительство, на это дѣло надо взглянуть не съ одной, а съ различныхъ точекъ зрѣнія...

Иванъ Ѳомичъ соглашается безусловно, и разговоръ, повидимому, истощается. Сознаюсь откровенно, мы недовольны этимъ. Ужь давно заглядываемся мы на зеленые столы, разставленные въ залѣ, а искренній пріятель мой, Никита Ѳедорычъ Птицынъ (звалиемъ помѣщикъ), еще полчаса тому назадъ, предварительно толкнувъ меня въ бокъ,

сказалъ мнѣ по секрету: „что за чушь несутъ наши генералы! давно бы пора за дѣло, а потомъ и водку пить!“ И хотя я въ то время старался замять такой странный разговоръ, но внутренно — не смѣю въ томъ не покаяться! — не могъ не пожелать, чтобъ Иванъ Оумичъ какъ можно скорѣе согласился съ генераломъ и чтобъ всѣ эти серьезныя дѣла были отложены.

Но и на этотъ разъ надеждамъ нашимъ не суждено сбыться, потому что едва лишь генераль открываетъ ротъ, чтобъ сказать: „а не пора ли, господа, и за дѣло?“ какъ двери съ шумомъ отворяются и въ комнату влетаетъ генераль Рылоновъ (въ сущности, онъ не генераль, но мы его въ шутку такъ прозвали), запыхавшійся и озабоченный.

— Слышали, ваше превосходительство? — обращается онъ къ хозяину дома: — Шалимовъ въ трубу вылетѣлъ!

— Съѣлъ Забуддыгинъ! — восклицаемъ мы хоромъ.

— Скажите, пожалуйста! — отдѣляется голосъ Голубчикова: — и такъ-таки безъ всякихъ онѣровъ?

— Безо всего-съ; даже никуда не причисленъ-съ.

— Что называется, умеръ безъ покаянія! — справедливо замѣчаетъ Иванъ Оумичъ.

Пѣхотный командиръ дико гогочетъ. Голубчиковъ долго не можетъ придти въ себя отъ удивленія и время отъ времени повторяетъ: „скажите, пожалуйста!“

— А вѣдь нельзя сказать, чтобъ глупый человѣкъ былъ! — говоритъ Генераловъ.

— Ничего особеннаго, — возражаетъ Рылоновъ.

— Все около свѣчки леталъ!

— А главное, тѣ забавно, что свѣчку-то нашу сальную за солнце принималъ...

— Ань, и обжогъ крылышки!

— Ахъ, господа, господа! Какъ знать, чего не знаешь! Какъ солнышка-то нѣтъ, такъ и сальную свѣчку по-неволю за солнце примешь! — говоритъ Голубчиковъ, впадая, по случаю превратности судьбы, въ сугубую сантиментальность.

— Все, знаете, какого-то смысла искалъ...

— Даже въ нашей канцелярской работѣ...

— Смѣшно слушать!

— Всѣхъ столоначальниковъ съ ногъ смоталь!

— И что, напримѣръ, за расчетъ былъ ссориться съ Забуддыгинымъ?—продолжаетъ Голубчиковъ:—рѣшительно не могу понять! Я самъ вотъ, какъ видите, не разъ ему говорилъ: „да плюньте вы на него, Николай Иванычъ!“ Такъ нѣтъ, куда тебѣ. „Плюнуть-то, говорить, я на него, пожалуй, плюну, только вѣдь и растереть потомъ надо, ваше превосходительство!“

— Анъ, вотъ и растирай теперь!

— Грани теперь въ Питерѣ мостовую, покуда приличное мѣсто отыщешь...

— Это какъ по нашему говорится: *cherche!*—замѣчаетъ командиръ.

— А плюнулъ бы, такъ и все бы ладно!

— Оно, конечно, ваше превосходительство, что лучше плюнуть, но вѣдь, съ другой стороны, и сердце иногда болитъ!—возражаетъ статскій совѣтникъ Генераловъ.

— И ой, ой, еще какъ болитъ!—развиваетъ Иванъ Ѳомичъ.

— И все-таки плюнуть!—упорствуетъ Голубчиковъ:—да помилуйте, господа, что жъ это за ребячество! Ну, вы представьте себѣ, напримѣръ, меня: ну, иду я по улицѣ и встрѣчаю на пути своемъ неприличную кучу... Неужели я стану огрызаться на нее за то, что она на пути моемъ легла? нѣтъ, я плюну на нее и, плюнувши, осторожно обойду.

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, я насчетъ этого не могу пристать къ вашему мнѣнью, — возражаетъ Иванъ Ѳомичъ:— конечно, на кучу, такъ сказать, неодушевленную и, слѣдовательно, не своимъ произволомъ накиданную сердиться смѣшно, но въ оврагъ ее свалить все-таки слѣдуетъ-съ.

— А если оврагъ ужъ заваленъ?

— И, ваше превосходительство! въ губернскомъ городѣ чтобъ не нашлось мѣста для нечистотъ!—да это Боже упаси!

— А я все-таки продолжаю утверждать, что слѣдуетъ плюнуть и больше ничего!

— Нѣтъ, вы мнѣ объясните, за что они передрались?—спрашиваетъ Генераловъ.

— Да вѣрно ли это?

— Ты, генераль, не совралъ ли?

- Вѣдь ты, ваше превосходительство, здоровъ вратъ-то!
- Помилуйте-съ, сейчасъ изъ клуба-съ; Забуддыгинъ самъ всѣмъ рассказываетъ!
- Чай, шампанское на радостяхъ лакаетъ?
- Не безъ того-съ.
- Ну, значить, крупно набедничалъ!
- А жаль молодого человѣка. Еще напередъ говорилъ я ему: „плюньте, Николай Ивановичъ!“ — такъ иѣтъ же!

Для объясненія этой сцены, считаю излишнимъ сказать нѣсколько словъ о Шалимовѣ и Забуддыгинѣ.

Шалимова мы вообще не любили. Человѣкъ этотъ, будучи поставленъ природою въ равныя къ намъ отношенія, постоянно предъ-являлъ наклонности странныя и даже отчасти подлыя. Дружелюбный съ низшимъ сортомъ людей, онъ былъ самонадѣянъ и даже заносчивъ съ равными и высшими. Къ красотамъ природы былъ равнодушенъ, а къ человѣческимъ слабостямъ предосудительно строгъ. Глумился надъ пристрастiemъ генерала Голубчикова къ женскому полу, хотя всякій благомыслящій гражданинъ долженъ понимать, что человѣкъ его лѣтъ (т.-е. преклонныхъ) и притомъ имѣющій хорошія средства, не можетъ безъ сего обойтись. Дѣйствія Забуддыгина порицалъ открыто и (что всего важнѣе) позволялъ себѣ разныя колкости насчетъ его дѣйствительно несоотвѣтствующаго своему назначенію носа. Вообще же видѣлъ предметы какъ бы наизнанку и походилъ на человѣка, который, не воздвигнувъ еще новаго зданія, желаетъ подкопаться подъ старое. Желаніе тѣмъ болѣе пагубное, что въ послѣднее время уже неоднократно являлись примѣры исполненія его. Слѣдовательно, удаленіе такого человѣка должно было не огорчить, но обрадовать насъ. И думаю, что принесенное Рылоновымъ извѣстіе произвело именно подобнаго рода дѣйствіе; хотя же генералъ Голубчиковъ и заявилъ при этомъ нѣкоторое сожалѣніе, но должно полагать, что это сдѣлано имъ единственно по чувству христіанскаго человѣколюбія.

Что же касается Забуддыгина, то человѣкъ этотъ представляетъ нѣкоторый психическій ребусъ, доселѣ остающійся неразгаданнымъ. Повидимому, и въ мнѣніяхъ о природѣ вещей онъ съ нами не разнится, и на откупа смотритъ съ разумной точки зрѣнія, и въ гражданскихъ доблестяхъ никому не уступить; тѣмъ не менѣе, есть въ

немъ нѣчто такое, что заставляетъ насъ избѣгать искреннихъ къ нему отношеній. Это „нѣчто“ есть странный нѣкій административный лай, который, какъ бы независимо отъ него самого, природою въ него вложенъ. Иной разъ онъ видимо приласкать человѣка хотеть, но вдругъ какъ бы чѣмъ-либо поперкнется и, вмѣсто ласки, подниметь столь озлобленный лай, что даже вчужѣ слышать больно. Такіе люди бываютъ. Иной даже свой собственный носъ въ зеркалѣ увидитъ и тутъ уже думаетъ: „а славно было бы, кабы этотъ поганый носъ откусить или отрѣзать!“ Но если онъ о своемъ носѣ такъ помышляетъ, то какъ мало долженъ пендись о носахъ, ему не принадлежащихъ! Очевидно, сіи послѣдніе не могутъ озабочивать его нисколько. Многіе полагають, что озлобленіе Забулдыгина происходитъ частью отъ причинъ гастрическихъ (пьянства и обжорства), частью же отъ огорченія, ибо, надо сказать правду, Забулдыгинъ не мало-таки потасовокъ въ жизни претерпѣлъ. Но намъ отъ этого не легче, потому что лай Забулдыгина не только на Шалимова съ компаніей, но и на всѣхъ насъ безъ различія простирается, хотя съ нашей стороны, кромѣ уваженія къ отеческимъ преданіямъ и соблюденія издревле установленныхъ въ палатахъ обрядовъ, ничего противоестественнаго или пасквильнаго не допускается. А потому, въ семъ отношеніи, поступки Забулдыгина я ни съ чѣмъ другимъ сравнить не умѣю, кромѣ злобы ограниченной отъ природы шавки, лающей на собственный свой хвостъ, въ которомъ, отъ ея же неоприятности, завелись различныя насѣкомья.

Щора, однакожь, кончить съ Шалимовымъ и Забулдыгинимъ, воспоминаніе о которыхъ отравляетъ пріятные часы нашего существованія. Уже давно ждуть насъ гостепріимные зеленые столы, и генералъ Голубчиковъ съ любезной улыбкой останавливается передъ каждымъ изъ насъ, предлагая по карточкѣ. Въ продолженіе послѣдующихъ двухъ часовъ со всѣхъ сторонъ раздаются лишь веселые возгласы, и могу сказать смѣло, что даже проигрышь денегъ, обыкновенно располагающій человѣка къ скорби и унынію, не нарушаетъ общаго пріятнаго настроенія духа.

Въ особенности отличается пѣхотный командиръ, который за картами хотеть вознаграждать себя за нѣсколько часовъ тягостнаго молчанія, наложеннаго имъ на себя въ продолженіе вечера.

— Греческій человекъ Трефандось! — восклицаетъ онъ, выходя съ трэфъ.

Мы всё хохочемъ, хотя Трефандось этотъ является на сцену аккуратно каждый разъ, какъ мы садимся играть въ карты, а это случается едва ли не всякій вечеръ.

— Фики! — продолжаетъ командирь, выходя съ пиковой масти.

— Ой, да перестань же, пострѣль! — говоритъ генераль Голубчиковъ, покатываясь со смѣху: — вѣдь этакъ я всю игру съ тобой перенутаю.

Такимъ образомъ мы пріятно проводимъ остальную часть вечера, вплоть до самаго ужина.

Кто что ни говори, а карты для служащаго человека вещь совершенно необходимая. День-то деньской слоняясь по правленіямъ да по палатамъ, по-неволѣ умаешься и захочешь отдохнуть. А какое отдохновеніе можетъ быть приличіе картъ для служащаго человека? Вино пить — непристойно; книжки читать — съучно, да и пишутъ нынче все какія-то безнравственности; разговоромъ постоянно заниматься — и нельзя, да и матерію не скоро отыщешь; съ дамами любезничать — для этого въ наши лѣта просторъ требуется; на молодыхъ утѣшаться — утѣшенья-то мало видишь, а все больше озорство одно... Словомъ сказать, вездѣ какъ будто пустыни. А карты — святое дѣло. За картами и время скорѣе уходитъ, и сердцу волю даешь, да и не проболтаешься. Иной разъ и чешется языкъ что-нибудь лишнее сказать, анъ тутъ десять безъ козырей сосѣду придетъ — ну, и промолчишь по-неволѣ. Нѣтъ, карты именно благодѣтельная для общества вещь — это не я одинъ скажу.

Но вотъ и ужинъ. Кушанья подаются не роскошныя, но сытныя и здоровыя. Подкрѣпивши себя рюмкой водки, мы весело садимся за столъ и съ новою силой возобновляемъ прерванную преферансомъ бесѣду. Вспоминается милое старое время, вспоминаются молодые годы и сопровождавшія ихъ канцелярскія проказы, вспоминаются добрые начальники, охранители нашей юности и благодѣтели нашей старости, и быстро летятъ часы и минуты подъ наплывомъ этихъ веселыхъ воспоминаній!

Такъ проводимъ мы свободные отъ служебныхъ занятій часы, и могу сказать по совѣсти, что наступающій затѣмъ сумракъ ночи не вызываетъ за собой никакихъ видѣній, которыя могли бы возмутить

нашъ душевный покой. И въ самомъ дѣлѣ, перелистывая книгу моей жизни (книгу для многихъ столь горькую), я нахожу въ ней лишь слѣдующее:

Такого-то числа, всталъ, умылся, помолился Богу, былъ въ палатѣ, гдѣ пользовался правами и преимуществами, предоставленными мнѣ закономъ и древними обычаями родины; обѣдалъ, послѣ обѣда отдыхалъ, вечеръ же провелъ въ безобидныхъ для ближняго разговорахъ и увеселеніяхъ.

Такого-то числа, всталъ, умылся, помолился Богу, былъ въ палатѣ и т. д., т.-е. одно и то же ровно столько разъ, сколько, по благодати Провидѣнія, суждено будетъ прожить мнѣ дней въ земной сей юдоли.

VIII.—Деревенская тишь.

Утро. Кондратій Трифонычъ Сидоровъ спалъ почъ скверно и въ величайшей тоскѣ слоняется по опустѣлымъ комнатамъ деревенскаго своего дома. Комнатъ цѣлый длинный рядъ, и слоняться есть гдѣ; нѣкогда онъ гордился этимъ рядомъ залъ, гостинныхъ, диванныхъ и проч., и даже называлъ его анфиладою, принося и нѣсколько въ носъ; теперь онъ относится къ анфиладѣ иронически и, принимая гостей, говоритъ просто: „а вотъ и сарай мой!“

На дворѣ зима и стужа; въ комнатахъ свѣжо, окна слегка запущило снѣгомъ; видъ изъ этихъ оконъ неудовлетворительный: земля покрыта бѣлой пеленою, рѣчка скована, людскія избы занесло сугробами, деревня представляется издали какою-то безобразною бучею почернѣвшей соломы... бѣло, голо и скучно!

Походитъ, походитъ Кондратій Трифонычъ и остановится. Иногда потретъ себѣ ладонью по животу и слегка постопеть; иногда подойдетъ къ окну и побарабанить въ стекло. Вонъ по дорогѣ ѣдутъ въ одиночку сани; въ саняхъ завалился мужикъ; проѣзжаетъ мимо барскаго дома и шапки не ломаетъ.

„Ладно!“ — думаетъ Кондратій Трифонычъ.

И опять начинаетъ ходить по своимъ „сараямъ“, и опять оста-

новится. Посмотрить на сапоги, просторно ли они сидятъ на ногѣ, вытянетъ ногу, чтобъ удостовѣриться, крѣпко ли штрипки пришиты и не морщатъ ли брюки.

— Ванька! квасу! — кричитъ Кондратій Трифонычъ.

Ванька бѣжитъ изъ лакейской и подаетъ на подносѣ стаканъ съ пѣнящимся квасомъ. Но Кондратію Трифонычу кажется, что онъ не подаетъ, а суетъ.

— Чтѣ ты суетъ? чтѣ ты мнѣ суетъ? — вскидывается онъ на Ваньку.

— Ничего я не сую! — отвѣчаетъ Ванька.

„Ладно!“ — думаетъ Кондратій Трифонычъ.

И опять начинается ходьба. Кондратій Трифонычъ останавливается передъ стѣнными часами и пристально смотритъ на циферблатъ; по срединѣ циферблата крупными буквами изображено: London, а внизу болѣе мелкимъ: Nossoff à Moscou. Все это онъ сто разъ видѣлъ, надъ всѣмъ этимъ сто разъ острилъ, но онъ все-таки смотритъ, какъ будто хочетъ выжать изъ надписи какую-то новую, неслыханную еще остроу. Часы стучатъ мѣрно и однообразно: тикъ-такъ, тикъ-такъ; Кондратій Трифонычъ вторитъ имъ: „тикѣ-такѣ, тикѣ-такѣ“, притопывая въ тактъ ногою. Наконецъ и это прискучивается; онъ снова подходитъ къ окну и начинаетъ вглядываться въ деревню. Оттуда не слышно ни одинаго звука; только сѣрые дымки вьются надъ хижинами добрыхъ поселянъ. Кондратію Трифонычу, неизвѣстно съ чего, приходитъ на мысль слово „антагонизмъ“, и онъ начинаетъ пѣть: „антагонизмъ! антагонизмъ!“ выговаривая букву *n* въ носъ. Все это заканчивается свистомъ, на который опять вбѣгаетъ Ванька.

— Ты чтѣ на меня глаза вытарачилъ? — напускается на него Кондратій Трифонычъ.

— Ничего я не вытарачилъ! — отвѣчаетъ Ванька.

— Ладно! — говоритъ Кондратій Трифонычъ: — пошелъ, позови Агашку!

Черезъ минуту является Ванька и докладываетъ, что Агашка не идетъ.

— Почему жъ она не идетъ?

— Говоритъ: „не пойду!“

— Только и говорить?

— Только и говорить!

— Ладно!

Въ головѣ Кондратія Трифоныча зрѣетъ мысль: онъ рѣшается все терпѣть, все выносить до прїѣзда станowego. Поэтому, хотя внутри у него и кипитъ, но онъ этого не выражаетъ; онъ даже никому не возражаетъ, только думаетъ про себя: „ладно!“ и помалчиваетъ... до прїѣзда станowego.

Не дальше какъ вчера на ночь Ванька снималъ съ него сапоги и вдругъ, ни съ того ни съ сего, прыснулъ.

— Ты чему, шельма, смѣешься?—полюбопытствовалъ Кондратій Трифонычъ.

— Ничего я не смѣюсь!—отвѣчалъ Ванька.

— Этакая бестія! смѣется, да тутъ же въ глаза еще запирается!

— Чего мнѣ запирается? кабы смѣялся, такъ бы и сказалъ, что смѣялся!—упорствовалъ Ванька.

— Ладно!

Съ этихъ поръ въ немъ засѣла мысль, съ этихъ поръ онъ рѣшился терпѣть. Одно только смущаетъ его: все свои грубости Ванька производитъ наединѣ, то-есть тогда, когда находится съ Кондратіемъ Трифонычемъ съ глазу на глазъ. Выйдетъ Кондратій Трифонычъ на улицу—Ванька бѣжитъ впереди, снѣгъ разгребаетъ, спрашиваетъ, не озябли ли ножки; придетъ къ Кондратію Трифонычу староста—Ванька то-и-дѣло просовываетъ въ дверь свою голову и спрашиваетъ, не угодно ли квасу.

— Услуга-парень!—замѣчаетъ староста.

— Гм... да... услуга!—бормочетъ Кондратій Трифонычъ и обдумываетъ какой-то планъ.

Онъ считаетъ обиды, понесенныя имъ отъ Ваньки, и думаетъ, какъ бы такимъ образомъ его уличить, чтобъ и отвергнуться было нельзя. Намеднись, напимѣрь, Ванька, подавая барицу чаю, скорчилъ рожу; еслибы можно было устроить, чтобъ эта рожа такъ и застыла до прїѣзда станowego, тогда было бы неоспоримо, что Ванька грубилъ. Въ другой разъ, на вопросъ барина, какова на дворѣ погода, Ванька отвѣчалъ: „сиверко-съ“, но отвѣчалъ это такимъ тономъ, что еслибы можно было, чтобъ тонъ этотъ застылъ въ воздухѣ до прїѣзда станowego, то, конечно, никто бы не усомнился, что Ванька грубилъ. И еще разъ, когда баринъ однажды дѣлалъ Ванькѣ ре-

примандъ по поводу нерачительно вычищенныхъ сапоговъ, то Ванька, ничего не отвѣчая, отставилъ ногу; еслибы можно было, чтобъ онъ такъ и застылъ въ этой позѣ до пріѣзда становаго, тогда, разумѣется...

— Нѣтъ, хитерь, бестія! ничего съ нимъ не подѣлаешь!—восклицаетъ Кондратій Трифонъчъ, и ходитъ, и ходитъ по своимъ „сараямъ“, ходитъ до того, что и ноль-то словно жалуется и стонетъ подъ ногами его: да садъ же ты, ради Христа!

Онъ уже давно замѣтилъ, что между нимъ и Ванькой поселилась какая-то холодность, какая-то натянутость отношеній. Услышавши, что объ этомъ предметѣ весьма подробно объясняется въ книжкѣ, называемой „Русскій Вѣстникъ“, онъ съѣздилъ къ сосѣду, взялъ у него книжку и узналъ, что подобная натянутость отношеній называется „сословнымъ антагонизмомъ“.

— Ну, а дальше что?—допрашивалъ Кондратій Трифонъчъ; но книжка говорила только, что объ этомъ предметѣ подробнѣе объясняется въ другой такой же книжкѣ.

— Оно конечно,—разсуждалъ по этому поводу Кондратій Трифонъчъ:—оно конечно... Ванька сапоги чиститъ, а я ихъ надѣваю; Ванька печки топитъ, а я около нихъ грѣюсь... ну да, это оно!

И съ тѣхъ поръ слово „антагонизмъ“ до такой степени врѣзалось въ его память, что онъ не только положилъ его на музыку, но даже употребляетъ для выраженія всякаго рода чувствъ и мыслей.

И ходитъ Кондратій Трифонъчъ по своимъ опустѣлымъ „сараямъ“, ходитъ и останавливается, ходитъ и мечтаетъ. Мало-по-малу мысль его оставляетъ Ваньку-подлеца и обращается къ другимъ предметамъ. Онъ думаетъ о томъ, что вдругъ будущимъ лѣтомъ во всѣхъ окрестныхъ имѣнiяхъ засуха, а у него у одного все дожди, все дожди; что окрестные помѣщики не соберутъ и на сѣмена, а онъ все самъ-десять, все самъ-десять. Онъ думаетъ о томъ, что кругомъ все тихо, а у него въ имѣнiи вдругъ землетрясеніе! слышится подземный шумъ, люди въ смятеніи, животныя въ ужасѣ... вдругъ—вв!.. зз!.. жж!.. и — о радость! — на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ у него росъ паршивый кустарникъ, въ одну минуту вырастаетъ высокій и частый лѣсъ, за который ему съ перваго слова даютъ по двѣсти рублей за десятину. Онъ думаетъ о томъ, что мужики его расторговались, что они помнятъ его благодѣянiя и подносятъ ему соболью шубу въ пят-

надцать тысячъ рублей серебромъ. Онъ думаетъ о томъ, что въ Москвѣ сгорѣло все сѣно, сгорѣли всѣ дрова и неизвѣстно куда дѣвался весь хлѣбъ, что у него, напротивъ того, вслѣдствіе собственной благоразумной экономіи, а также вслѣдствіе различныхъ поощреній природы, всего этого накопилось множество, что онъ возить и продаетъ, возить и продаетъ... Онъ думаетъ о томъ, что вышло повелѣніе ни у кого ничего не покупать, кромѣ какъ у него, Сидорова, за то, что онъ, Сидоровъ, въ какую-то достопамятную годину пожертвовалъ изъ крестьянскаго запаснаго магазина столько-то четвертей, да потомъ еще столько-то четвертей, и тѣмъ показалъ ревность безпримѣрную и чувствительность подражанія достойную... Онъ думаетъ о томъ, что въ домъ его собрались окрестные помѣщики и что онъ имъ толкуетъ о превосходствѣ вольнонаемнаго труда надъ крѣпостнымъ. „Конечно, господа, — говоритъ онъ имъ, — въ настоящее время помѣщикъ не можетъ получать дохода, сидя на мѣстѣ сложа руки, какъ это бывало прежде; конечно, онъ прежде всего долженъ употребить свой личный трудъ, свою личную, такъ сказать, распорядительность...“

Но вотъ мысли его, отъ усиленной работы, начинаютъ мѣшаться. Передъ глазами его, отъ непрерывнаго коловратнаго движенія, показываются зеленые круги; бѣлая колокольня, стоящая передъ барскимъ домомъ, начинаетъ словно подплясывать; дворова баба, проходящая по двору, словно не идетъ, а на одномъ мѣстѣ пошатывается и что-то у ней подъ фартукомъ, что-то у ней подъ фартукомъ...

— Есть что-ли мнѣ хочется?—спрашиваетъ самъ себя Кондратій Трифонычъ и съ злобою замѣчаетъ, что часовал стрѣлка показываетъ только десять.

— А вѣдь у ней подъ фартукомъ что-то есть, — продолжаетъ онъ, но не даетъ своимъ предположеніямъ дальнѣйшаго развитія, а только прибавляетъ:—ладно!

Надоѣло ходить, надоѣло мыслить... Кондратій Трифонычъ садится на диванъ и примѣчаетъ, что пыль со стола не сметена. Въ былое время, т.-е. до „антагонизма“, онъ вскипѣлъ бы при видѣ такого безпорядка, онъ кликнулъ бы Ваньку и тутъ же задалъ бы ему трѣпку. Теперь этотъ безпорядокъ приносить ему болѣе удовольствія, нежели огорченія, ибо онъ видитъ въ немъ улику.

— Ванька!—кричитъ Кондратій Трифонычъ, и въ голосъ его слышится уже торжество побѣды:—это чтѣ?

— Столъ-сь, — отвѣчаетъ Ванька съ самымъ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— А на столъ чтѣ?

— Пыль-сь.

— Ну?

Ванька молчитъ.

— Ладно!—говоритъ Кондратій Трифонычъ и черезъ минуту имѣтъ удовольствіе слышать, какъ Ванька хихикаетъ съ кѣмъ-то въ передней.

Кондратій Трифонычъ снова предается мечтаніямъ. Онъ мечтаетъ о томъ, какъ было бы хорошо, еслибы онъ былъ живописцемъ; тогда онъ срисоваль бы нахальную Ванькину рожу въ тотъ моментъ, когда отвѣчаетъ: „пыль-сь“, и представилъ бы эту картинку становому. Но съ другой стороны, гдѣ же ручательство, что становой не приметъ этой картинки за вымышленное произведеніе собственной его, Кондратія Трифоныча, фантазіи? гдѣ свидѣтели, которые подтверждали бы, что Ванька, отвѣчая: „пыль-сь“, имѣлъ именно такое, а не иное выраженіе лица?

— О, чортъ побори? Эти приказные вѣчно съ своими канцелярскими заковычками!—воскликаетъ Кондратій Трифонычъ и начинаетъ выискивать мечтаній болѣе практическихъ.

Онъ мечтаетъ о томъ, какъ было бы хорошо, еслибы становой вдругъ, въ эту самую минуту, выросъ изъ земли такъ, чтобъ Ванька не опомнился и никакъ не успѣлъ стереть пыль со стола. Представляетъ онъ себѣ изумленную, ополоумѣвшую морду Ваньки и невольно и сладко хихикаетъ.

— „Пыль-сь“, — дразнить онъ Ваньку, почти подплясывая на мѣстѣ.

— Это чтѣ?—грозно спрашиваетъ Ваньку воображаемый становой.

— „Пыль-сь“, — опять дразнится Кондратій Трифонычъ и опять подплясываетъ на мѣстѣ.

Становой, наконецъ, убѣждается; онъ приказываетъ срубить цѣльную березу и вручаетъ ее десятскимъ. Ваньку уводятъ... На другое утро Ванька является шолковый; цѣлый день все что-то чиститъ и

стираетъ, цѣлый день мететъ полъ и оправляетъ баринову постель, цѣлый день ставитъ самовары и мѣшаетъ въ печкахъ дрова...

Но, съ другой стороны (о, чортъ возьми!), гдѣ же ручательство, что становой именно велитъ березу срубить? Гдѣ ручательство, что онъ не отвѣтитъ Кондратію Трифону, что онъ и самъ могъ бы стереть пыль со стола?

— О, чортъ побери! эти приказные вѣчно съ своими канцелярскими заковычками!—воскликаетъ Кондратій Трифону и начинаетъ выискивать мечтаній еще болѣе практическихъ.

Онъ мечтаетъ, что никакихъ заковычекъ больше нѣтъ, что онъ призываетъ станowego (который нарочно тутъ и стоитъ, чтобъ заковычекъ не было) и говоритъ ему:—Ванька мнѣ мину сдѣлалъ!

— Сейчасъ-съ,—говоритъ становой и летитъ во весь духъ распорядиться.

Потомъ онъ опять призываетъ станowego и говоритъ ему:—Ванька пыли со стола не стеръ!

— Сейчасъ-съ,—говоритъ становой и летитъ распорядиться.

Но вотъ и опять мысли мѣшаются, опять образуются зеленые круги, опять подиласывается бѣлая длинная колокольня. Надоѣло сидѣть, надоѣло мыслить...

— Чортъ знаетъ, ѣсть что-ли мнѣ хочется?—опять спрашиваетъ себя Кондратій Трифону и съ тоскою взглядываетъ на часы. Тоска обращается въ неаппетитъ, потому что часовая стрѣлка показываетъ половину одиннадцатаго.

— За поповымъ братомъ что-ли спосылать?—разсуждаетъ самъ съ собой Кондратій Трифону и тутъ же рѣшаетъ, что спосылать необходимо.

Кондратій Трифону малый не злой и даже покладистый для своихъ домочадцевъ, но съ нѣкотораго времени нравъ у него страннымъ образомъ перемѣнился. Ванька, съ свойственною ему легкомысленностью, отзывался объ этой перемѣнѣ, что Кондратій Трифону спятилъ; ключница Мавра выражалась скромнѣе и говорила, что баринъ задумывается, что на него находить. Какъ бы то ни было, но перемѣна существовала и произошла едва ли не въ ту самую минуту, какъ онъ прочиталъ, что есть на свѣтѣ какой-то сословный антагонизмъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ онъ вообразилъ себя, что онъ—одна сторона, а Ванька—другая сторона, и что они должны бо-

роться. Ванька представлялъ собою интересы всѣхъ чистящихъ сапоги и топящихъ печки. Кондратій Трифонычъ — интересы всѣхъ носящихъ сапоги и грѣющихся около истопленныхъ печей. Ясно, что стороны эти не могутъ понимать другъ друга и что изъ этого долженъ произойти антагонизмъ. И вотъ онъ борется утромъ, борется за обѣдомъ, борется до поздней ночи. Но Ванька не понимаетъ, что такое антагонизмъ, и очевидно уклоняется отъ борьбы. Онъ исправляетъ свои обязанности попрежнему, то-есть попрежнему не стираетъ пыли со столовъ, попрежнему забываетъ закрыть трубы въ печахъ, а Кондратій Трифонычъ видитъ во всемъ грубныя мины, злостныя позы à la неглижé съ отвагой, и старается Ваньку изболочить. Изъ этого выходитъ, что Ванька, какъ только забьется въ переднюю, первымъ дѣломъ начинаетъ хихикать и представляеть, какъ баринъ къ нему пристаеть. Кондратій Трифонычъ слышитъ это и говоритъ: „ишь, шельма! смѣется!“ а того никакъ понять не хочетъ, что Ванька даже и не подозреваетъ, что ему, Кондратію Трифону, хочется борьбы. И такимъ образомъ, умаявшись къ вечеру, оба засыпаютъ. Кондратій Трифонычъ видитъ во снѣ, что онъ сдѣлался медвѣдемъ, что онъ смялъ Ваньку подъ себя и торжествуетъ; Ванька видитъ во снѣ, что онъ третью сутки все чиститъ одинъ и тотъ же сапогъ и никакъ-таки вычистить не можетъ.

— Что за чудо! — кричитъ онъ во снѣ и, какъ оглашенный, вскакиваетъ съ одра своего.

— Ишь вѣдь, каналья, даже во снѣ не оставляетъ въ покоѣ! — думаетъ въ это время Кондратій Трифонычъ, пробужденный естественнымъ крикомъ Ваньки.

И такимъ образомъ проходятъ дни за днями. Выигрываетъ отъ этого положительно одинъ Кондратій Трифонычъ, потому что такое препровожденіе времени по крайней мѣрѣ наполняетъ пустые дни его. Съ тѣхъ поръ какъ завелось „превосходство вольнонаемнаго труда надъ обязательнымъ“, съ тѣхъ поръ какъ, съ другой стороны, онегунскій совѣтъ закрылъ гостепріимныя свои двери, глуповскія вѣси уныли и запусѣли. Заниматься рѣшительно нечѣмъ да и не для чего: все равно ничего не выйдетъ. Говорять, будто это отъ того происходитъ, что кредиту нѣтъ и что Сидоровымъ подняться нечѣмъ; можетъ быть, жалоба эта и справедлива, однако до Сидоровыхъ ни въ какомъ случаѣ относиться не можетъ. Недостатокъ кредита не

губить, а спасаетъ ихъ, потому что, будь у нихъ деньги, они накупили бы себѣ собакъ, а не то чтобъ что-нибудь для души полезное сдѣлать. А то еще подниматься! Повторяю: вѣси приуныли и закустѣли; въ весяхъ дѣлать нечего, потому что, все равно, ничего не выйдетъ. То, что оживляло ихъ въ бывалыя времена, какъ-то: взаимныя банкеты и угощенія, а также распоряженія на конюшнѣ, то въ настоящее время не можетъ уже имѣть мѣста: первые—по причинѣ недостатка кредита, вторыя—потому что не дозволены. Какимъ же образомъ убить, какъ издержать распроклятые дни свои? По неволѣ ухватишься за антагонизмъ, хотя въ сущности никакого антагонизма нѣтъ и не бывало, а было и есть одно: „вы наши кормильцы, а мы ваши дѣти!“ Вотъ и Кондратій Трифонъ ухватился за антагонизмъ, и хотя онъ не сознается въ этомъ, но все-таки жизнь его съ тѣхъ поръ потекла какъ-то полнѣе. По крайней мѣрѣ, теперь у него есть политическій интересъ, есть политическій врагъ, Ванька, противъ котораго онъ направляетъ всю дѣятельность своихъ умственныхъ способностей. Смотришь, анъ день-то и канулъ незамѣтнымъ образомъ въ вѣчность, а тамъ и другой наступилъ, и другой канулъ...

Но вотъ и батюшкинъ братъ пришелъ; Кондратій Трифонъ слышитъ, какъ онъ сморкается и откашливается въ передней, и въ нетерпѣннѣйшій ворчитъ:

— О, чтобъ!.. сморкаться еще выдумалъ!..

Батюшкинъ братъ—человѣкъ маленькій, рыхленькій; онъ уже лѣтъ семь какъ состоитъ въ ожиданіи вакансіи, но по какому-то несчастному случаю мѣста не получаетъ; лицо имѣетъ благостное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и угрожающее, какъ будто оно говоритъ: а вотъ погоди! скажу я тебѣ ужъ проповѣдь! Ходитъ батюшкинъ братъ словно лебедь плыветъ, рукой дѣйствуетъ размашисто, говоритъ размашисто. Носъ у него, вслѣдствіе внезапнаго перехода со стужи въ тепло, влаженъ; на устахъ висятъ ледяныя сосульки.

— Скука, отче!—говоритъ Кондратій Трифонъ, послѣ взаимныхъ привѣтствій.

— Можно молитвою развлечься!—отвѣчаетъ батюшкинъ братъ, и при этомъ лицо его ослабляется.

— Ну васъ!

Молчать.

— Сидѣль-сидѣль, молчалъ-молчалъ,—начинаетъ Кондратій

Трифонъчъ: — инда дурось взяла! чортъ знаетъ, чего не передумалъ! хоть бы ты, что-ли, отче, паству-то вразумилъ!

— Развѣ предосудительное чтѣ замѣтить изволили? — отвѣчаетъ батюшкинъ братъ, и лицо его выражаетъ жалость, смѣшанную съ испугомъ.

— Да чтѣ! — грубятъ себѣ поголовно, да и шабашъ!

— Непохвально!

— Просто житья отъ хамовъ нѣтъ!

— Въ комъ же вы наиболѣе такое настроеніе замѣчать изволили, Кондратій Трифонъчъ?

— Во всѣхъ! Отъ мала до велика — всѣ грубятъ! Да какъ еще грубить-то выучились! Ни слова тебѣ не говорить — а грубить! служить тебѣ, каналья, стаканъ воды подаетъ — а грубить!

Батюшкинъ братъ тоскливо помоталъ головой и крякнулъ.

— И во многихъ такое настроеніе замѣчаете? — брякнулъ онъ, позабывъ, что повторяетъ свой прежній вопросъ.

— Да говорятъ же тебѣ: во всѣхъ! во всѣхъ! Ну, слышишь ли ты: во всѣхъ! во всѣхъ!

Батюшкинъ братъ слегка привскакнулъ и откинулся назадъ, какъ будто обжогся. Опять молчатъ.

— Что жъ это за скука такая! — начинаетъ Кондратій Трифонъчъ: — закуску, что-ли, велѣтъ подать?

— Во благовременіи и пища невредительна бываетъ.

— А не во благовременіи какъ?

Батюшкинъ братъ опять привскакиваетъ и откидывается назадъ.

— Ну, и сиди не ѣвши: зачѣмъ пустяки говоришь!

Молчатъ.

— Не люблю я, когда ты пустяки мелешь!

Молчатъ.

— И кого ты этими пустяками удивить хочешь?

Батюшкинъ братъ краснѣетъ. Кондратій Трифонъчъ тяжело вздыхаетъ и произноситъ:

— Охъ, скука-то, скука-то какая!

— Время неблагопотребное, — рискуетъ батюшкинъ братъ, но тутъ же обнаруживаетъ безпокойство, потому что Кондратій Трифонъчъ смотритъ на него сурово.

— И откуда ты этакимъ глупымъ словамъ выучился! — гово-

рилъ бы просто: непотребное время! И не надоѣло тебѣ языкъ-то ломать!—строго говорить Кондратій Трифоньчъ.

Опять водворяется молчаніе, изрѣдка прерываемое глубокими вздохами Кондратія Трифоньча. Батюшкинъ братъ вынимаетъ платокъ изъ кармана и начинаетъ вытирать имъ между пальцевъ.

— Что это я все вздыхаю! что это я все вздыхаю!—произносить Кондратій Трифоньчъ.

— О грѣсѣхъ...—началь-было батюшкинъ братъ, но не окончилъ, а только пискнулъ.

— Тѣфу ты!

Молчать.

— А ты слышалъ, что Скуракинъ на дняхъ такого же, вотъ, какъ ты, поповскаго брата высѣкъ? — спрашиваетъ внезапно Кондратій Трифоньчъ.

— Се... стало быть, слѣдствіе наряжено?

— Да, братъ; тоже вотъ все говорилъ: „о грѣсѣхъ“ да „благодарно“—ну, и высѣкъ!

Всю эту исторію Кондратій Трифоньчъ сейчасъ только-что выдумалъ и никакого поповскаго брата Скуракинъ не сѣкъ. Но ему такъ понравилась его выдумка, что онъ даже повеселѣлъ.

— Да, братъ, права наши еще не кончились! Вотъ выдумалъ высѣчь—и высѣкъ! Ищи на немъ!

— Однако, позвольте, Кондратій Трифоньчъ, осмѣливаюсь я думать, что господинъ Скуракинъ поступилъ не по закону!

— Ну! по какому тамъ еще закону! Извѣстно, сѣкутъ не по закону, а по обычаю!

— Позвольте, Кондратій Трифоньчъ! я все-таки осмѣливаюсь полагать, что господинъ Скуракинъ не имѣлъ никакого права!

— Высѣкъ—и все тутъ!

— Высѣчь недолго-съ.

— Ну да... и долго, и недолго... а высѣкъ!

Батюшкинъ братъ крикнулъ; онъ видимо былъ обиженъ. Что жъ это такое въ самомъ дѣлѣ? И съ какой стати Кондратій Трифоньчъ завелъ такую пустую матерію? и не заключаютъ ли слова его фигуры иносказанія?

— Стало быть, этакъ всѣхъ высѣчь можно?—произнесъ онъ съ видимымъ волненіемъ.

— Всѣхъ!

— Стало быть, п... — батюшкинъ братъ не договорилъ.

— Стало быть, п...

Батюшкинъ братъ обидѣлся окончательно. Мало-по-малу онъ такъ разревновался, что даже всталъ и началъ прощаться.

— Ужъ я, Кондратій Трифонычъ, лучше въ другой разъ приду, когда улучится болѣе благопріятная минута, — сказалъ онъ.

— Ну, да постой! куда ты? это вѣдь я пошутилъ.

— Неблагообразно шутить изволяте!

— Фу, чортъ! опять ты съ своимъ благоутробіемъ! — да говорятъ тебѣ: пошутилъ!

— Нѣтъ, Кондратій Трифонычъ!

— Слышь, говорятъ: пошутилъ!

— Нѣтъ-съ, Кондратій Трифонычъ!

— Ну, и ступай! ну, и пропадай! Только ты у меня смотри: ни всемогущихъ, ни молебновъ... ни-ни!

— И не надо-съ! собственную же свою душу не соблюдете!

Батюшкинъ братъ ушелъ; въ передней опять послышалось откашливаніе и сморканіе; Кондратій Трифонычъ опять почувствовалъ приливъ тоски.

— Эй! воротить его! — крикнулъ онъ.

Ванька побѣждалъ, но воротился съ отвѣтомъ, что батюшкинъ братъ не идетъ...

— Сказать ему, что я умираю!

Батюшкинъ братъ воротился, но сталъ у самой двери.

— Что вамъ, сударь, угодно? — спросилъ онъ съ достоинствомъ.

— Да садись же ты!

— Нѣтъ-съ, п дома посижу!

— Ну, да полно! благоспрости ты меня! поблагобесѣдуй ты со мной! Ну, видишь?

Батюшкинъ братъ колебался.

— А не то, давай почавкаемъ что-нибудь! А если и это не правится, такъ поблагодотрапезуемъ!

Батюшкинъ братъ плавными шагами приблизился къ стулу и сѣлъ. Но онъ все-таки еще не совсѣмъ оправился, потому что опять вынулъ изъ кармана платокъ и началъ вытирать имъ между пальцевъ.

Принесятъ водку; Кондратій Трифонычъ наливаетъ рюмку и под-

носить батюшкину брату; но въ ту минуту, когда батюшкинъ братъ ужъ почти касается рукою рюмки, Кондратій Трифонычъ дѣлаетъ быстрый маневръ и мгновенно выпиваетъ водку самъ. Батюшкинъ братъ крикаетъ и опять косится на шапку. Однако на этотъ разъ все устраивается благополучно.

— Я думаю на будущій годъ молотилку выписать, — говоритъ Кондратій Трифонычъ, а самъ въ то же время думаетъ: — купишь съ масломъ! на какія-то деньги ты выишешь!

— Это полезно, — отвѣчаетъ батюшкинъ братъ: — и крестьяне отъ васъ позаняться могутъ.

— И сѣноворошилку куплю, — упорствуетъ Кондратій Трифонычъ: — да вотъ еще сѣялка такая есть...

— Се... — произноситъ батюшкинъ братъ.

Молчать. Выпили по другой.

— У меня имѣніе хорошее! — говоритъ Кондратій Трифонычъ.

Батюшкинъ братъ, неизвѣстно съ чего, вдругъ распростираетъ руки, какъ будто хочетъ обнять необъятное.

— Ну да! Это надо сказать правду, что хорошее! нужно только руки приложить! — продолжаетъ Кондратій Трифонычъ: — вотъ я съ будущаго года молоко въ Москву возить стану!

— Экипажцы, стало быть, такіе сдѣлаете?

— Ну да! Положимъ, напрімѣръ, что корова дастъ... ну, хоть ведро въ день!

Батюшкинъ братъ крикаетъ и откидывается назадъ.

— Ну да... ну, хоть ведро въ день! положимъ, хоть по восьми гривенъ за ведро... сколько это будетъ?

Кондратій Трифонычъ задумывается и въ разсѣянности вышиваетъ третью рюмку. Батюшкинъ братъ съѣдаетъ грибокъ.

— Одного торфю сколько у меня! — вдругъ восклицаетъ Кондратій Трифонычъ.

— Стало быть, торфомъ торговать будете? — спрашиваетъ батюшкинъ братъ и, приложивъ руку къ сердцу (дабы не распахнулась ряска), крадется къ столу, чтобъ отрѣзать кусочекъ ветчинки.

— Всѣмъ буду торговать! и молокомъ буду торговать! и торфъ буду продавать! и ягоды въ Москву буду возить! Нонче, братъ, глядѣть-то нечего! нонче, братъ, дворянскую-то сѣсь надо по боку!

— Сс...— удивляется батюшкинъ братъ:— стало быть, изволите находить, что непредосудительно?

Вмѣсто отвѣта Кондратій Трифонъчъ выпиваетъ четвертую и въ то же время указываетъ на графиню батюшкину брату, который немедленно слѣдуетъ его примѣру.

— А позвольте узнать, — спрашиваетъ батюшкинъ братъ: — какъ же теперь кушцы, мѣщане... стало быть, имъ возбранено будетъ торговать?

— А мнѣ что за дѣло!

— Стало быть, это ужъ не будетъ, чтобъ всякому, то-есть, званію предѣлъ былъ положенъ!

— Не будетъ! а что?

— Ничего-съ: конечно, по писанію, оно не то, чтобъ... потому, есть купующіе, есть и куплю дѣющіе, есть воздѣлывающіе землю, есть и поймающіе...

— Ну, такъ что-жъ?

— Ничего-съ... я къ примѣру-съ...

— И кого только ты этими глупостями удивить хочешь!

Молчать.

— А то вотъ еще искусственнымъ разведеніемъ рыбъ заняться можно!—вдругъ изобрѣтаетъ Кондратій Трифонъчъ.

— Сс... стало быть, всякую рыбицу у себя завести можно?

— Всякую!

— Сс... подумаешь, какую, однако, власть надъ собой чело-вѣкъ взялъ!

— Да, братъ, власть!

— Только тверди и звѣздъ небесныхъ еще содѣлать не можетъ.

— А рыбу можетъ всякую!

— И безвыгодно?

— Какое, къ чорту, безвыгодно! ты пойми, сколько въ Москвѣ стерлядь-то стоитъ!

— Что жъ, это дѣло хорошее!—можетъ, и крестьяне около васъ прозаймутся.

Молчать. Кондратій Трифонъчъ слегка зѣваетъ.

— Я нынче все буду самъ! лѣсъ рубить буду самъ! молоко въ Москву возить — самъ! торфъ продавать — самъ! — говоритъ онъ, приходя внезапно въ восторгъ.

— Доброе, сударь, дѣло! — отвѣчаетъ батюшкинъ братъ.

— Новьче, братъ, не то, что прежде! нѣтъ, братъ, шалишь! новьче вездѣ все самъ: и посмотри самъ, и свѣсь самъ, и съѣзди вездѣ самъ, и опять посмотри, и опять свѣсь!

Кондратій Трифонычъ, говоря это, суетится и тыкаетъ руками, какъ будто онъ въ самую эту минуту и смотритъ, и вѣситъ, и куда-то ѣдетъ.

— Это точно; и предки наши говаривали: свой глазокъ-смотрокъ!

— Предки-то наши говаривали, а сами одну навозницу соблюдали!

Батюшкинъ братъ снисходительно улыбается. Водворяется молчаніе.

— Хорошо бы машину какую-нибудь выдумать! — говоритъ Кондратій Трифонычъ.

— Про какую-такую машину говорить изволите?

— Ну, да какую-нибудь... чтобъ и жала, и косила, и лѣсъ бы рубила, и масло бы пахтала... и вездѣ бы одинъ приводъ дѣйствовать!

— Слышно, англичане много всякихъ машинъ выдумываютъ!

— Сидѣлъ бы я себѣ дома, да дѣлалъ бы, да дѣлалъ бы машины, а потомъ въ Москву продавать возилъ бы.

— Вотъ Богъ англичанамъ на этотъ счетъ большую острогу ума далъ! — настаиваетъ батюшкинъ братъ.

— А нашимъ не далъ!

— За то нашъ народъ благочестіемъ и благоугодною къ церкви преданностью одарилъ!

— Ну, и опять тебѣ говорю: кого ты своими благоглупостями удивить хочешь?

Батюшкинъ братъ окончательно конфузится и закусываетъ губы. Напротивъ того, Кондратій Трифонычъ воспламеняется и постепенно входитъ въ хозяйственный азартъ. Онъ объясняетъ, что можно палима съ лещомъ совокупить и что изъ этого должна произойти рыба, у которой будутъ печенки и молоки налимыи, а тешка лещиная; онъ объясняетъ, что примѣры подобнаго совокупленія случались и въ природѣ: стерлядь совокупилась съ осетрожь и вышла рыба *шипъ*, которую онъ ѣлъ на обѣдѣ у губернатора.

— Не у теперешняго, — прибавляетъ онъ: — теперь у насъ какой-то гордишка, аристократишко какой-то, а вотъ у прежняго, у генерала Слабомыслова.

Онъ объясняетъ батюшкину брату, какую онъ машину выпишетъ: и дрова таскать будетъ, и пахать будетъ, и воду носить будетъ, и топить ее будетъ не дровами, а землей, — все землей!

— Работниковъ, братъ, мнѣ съ этой машиной совсѣмъ не надо! — прибавляетъ онъ.

Онъ объясняетъ, наконецъ, какихъ онъ коровъ изъ Англіи выпишетъ: костей у нихъ совсѣмъ нѣтъ, а все одно мясо да молоко, все молоко, все молоко!

Онъ объясняетъ, наконецъ, что выстроить новую колокольню, такую колокольню: одинъ этажъ каменный, другой деревянный, потомъ опять каменный и опять деревянный.

— Жертва Богу угодная! — замѣчаетъ батюшкинъ братъ: — жертва, сударь, все равно, что кадило благовонное!

— А ты думалъ какъ?

— Впрочемъ, колокольня у насъ еще постоитъ... вотъ насчетъ трапезы, Кондратій Трифонычъ!

— Ужъ ты молчи! я все сдѣлаю! и колокольню сломаю! и трапезу сломаю! я все сломаю! — объясняетъ Кондратій Трифонычъ.

И разговаривая такимъ манеромъ, выпиваетъ рюмку за рюмкой, рюмку за рюмкой!

Батюшкинъ братъ въ свою очередь выпиваетъ, и вслѣдствіе этого безпрестанно поправляетъ пальцами глаза, какъ будто хочетъ ихъ разодрать, чтобъ лучше видѣть. Въ то же время онъ радуется, что въ одно утро приобрѣлъ столько разнообразныхъ свѣдѣній.

— Это вы благополезное дѣло затѣяли, Кондратій Трифонычъ! — говоритъ онъ.

— Тьфу ты!

Наконецъ, изолгавшись въ конецъ и вѣроятно найдя, что машины всѣ до одной изобрѣтены, коровы всѣ выписаны, Кондратій Трифонычъ впадаетъ въ истощеніе. Часы бьютъ два.

— Обѣдать! — кричитъ Кондратій Трифонычъ: — ты со мной, что-ли, отче?

— Ужъ очень занятно вы рассказываете, Кондратій Трифонычъ! послушалъ бы и еще-съ.

— Ну, а коли послушалъ бы, такъ оставайся!

Подаютъ обѣдать; но геній хозяйственной распорядительности уже отлетѣлъ отъ Кондратія Трифоныча. Онъ не то чтобъ спать, но слегка совѣтъ и только изрѣдка подмигиваетъ батюшкину брату на Ваньку (дескать посмотри, какъ суеть!), который въ свою очередь, не стѣсняясь присутствіемъ этого послѣдняго, показываетъ барину сзади языкъ. Такимъ образомъ антагонизмъ, о которомъ такъ много говоритъ Кондратій Трифонычъ, представляется батюшкину брату въ лицахъ на самомъ дѣйстви.

— Ты для чего же рыжиковъ къ жаркому не подалъ?—невѣрнымъ, нѣсколько путающимся языкомъ допрашиваетъ Ваньку Кондратій Трифонычъ.

— А для того и не подалъ, что огурцы есть, — тоже путающимся языкомъ отвѣчаетъ Ванька.

— Ишь ты! дразнится, шельма!—замѣчаетъ Кондратій Трифонычъ и подмигиваетъ батюшкину брату, какъ бы приглашая его быть свидѣтелемъ Ванькиной грубости.

Наконецъ и сумерки упали. Батюшкинъ братъ давно ушелъ; Кондратій Трифонычъ спитъ и даже во спѣ ничего не видитъ. Какъ повалился онъ на постель, такъ ему голову словно заложило чѣмъ. Въ передней вторить ему Ванька.

Въ шесть часовъ Кондратій Трифонычъ уже шагаетъ по своимъ сараямъ и проситъ квасу. Въ средней комнатѣ уныло мерцаетъ стеариновалъ свѣча; прочія комнаты окутаны мракомъ. Кондратій Трифонычъ шагаетъ и думаетъ, чтѣ бы ему сдѣлать такое, чтобы...

— Чтѣбы чтѣ?—спрашиваетъ его внутренній голосъ.

— Господи!какая тоска!—воскликаетъ Кондратій Трифонычъ, не разрѣшая вопроса.

И опять ходитъ, и все о чемъ-то думаетъ, все чего-то ждетъ. Думаетъ о томъ, что завтра, быть можетъ, будетъ снѣгъ, а быть можетъ будетъ и вьюга; ждетъ, что къ Николину дню будутъ морозы.

— О, чортъ побери!—воскликаетъ онъ.

И опять ходитъ, и опять ждетъ—скоро-ли чай подадутъ?..

— Ванька! — да пошли ты, разбойникъ, Агашку ко мнѣ! — кричитъ онъ отчаяннымъ голосомъ.

Агашка на этотъ разъ является. Это дѣвушка кругленькая,

полненькая, бѣлокуренькая, съ измятымъ, но весьма пріятнымъ личкомъ.

— Что вы, Агашенька, ко мнѣ не ходите? — спрашиваетъ ее Кондратій Трифонычъ, сѣменя кругомъ нея ножками, какъ дѣлають влюбленные пѣтухи.

— Вы развѣ спрашивали меня? — отзывается Агашенька, повертываясь на своей оси по тому же направленію, по какому ходитъ Кондратій Трифонычъ.

— Я за вами десять разъ Ваньку посылалъ-съ!

— Ванька ни разу мнѣ не говорилъ!

— Этакой скоть, подлець! А отчего же вы сами никогда ко мнѣ не зайдете-съ?

Агашенька не отвѣчаетъ; она слегка зардѣлась.

— Ну-съ, Агашенька-съ?

— И, Кондратій Трифонычъ, я-съ... — начинаетъ Агашенька и никакъ не можетъ кончить.

— Ну-съ, что же вы-съ?

— Я-съ... позвольте мнѣ, Кондратій Трифонычъ, замужъ идти-съ! — скороговоркой произноситъ Агашенька и умолкаетъ, словно сама испугалась словъ своихъ. А щечки у нея такъ и пылають, такъ и рдѣють отъ стыда и испуга!

Кондратій Трифонычъ озадаченъ; онъ думаетъ, какъ ему поступить, и, разумѣется, какъ всѣ люди, которыхъ самолюбіе неожиданно уязвлено, на нервныхъ порахъ надумываетъ глупѣйшую штуку. Онъ какъ-то надувается и устраиваетъ оскорбленную мину; онъ поднимаетъ плечи и, отступя нѣсколько шаговъ назадъ, указываетъ Агашѣ руками на двери.

— Скатертью дорога-съ! — говоритъ онъ: — ну, такъ что же-съ! и съ Богомъ-съ!

— Душенька! Кондратій Трифонычъ! ей-Богу, я не могу! — говоритъ Агашенька и въ то же время стыдится и рдѣетъ, едва выговаривая отъ волненія слова.

— А коли не можете, такъ и съ Богомъ! — отвѣчаетъ Кондратій Трифонычъ, попрежнему глухимъ образомъ уставляя руки по направленію къ двери.

Агашенька закрываетъ лицо платкомъ и быстро выбѣгаетъ.

Кондратій Трифонычъ остается одинъ и оиать принимается за

ходьбу. Но онъ чувствуетъ, что у него начинается щемить сердце; онъ чувствуетъ, что къ глазамъ что-то подступаетъ.

— Ладно! это ладно! — говоритъ онъ самому себѣ.

— Что „ладно“ -то? — спрашиваетъ внутренній голосъ.

— Ну, чортъ съ нею! — думаетъ онъ: — поѣду въ Москву и найду себѣ... а вѣдь она, чай, за повара?

И опять начинается сосать сердце, и опять начинается что-то подступать къ глазамъ.

— Ваня! позови Агашу! — говоритъ онъ словно измѣнившимся голосомъ, просовывая голову въ переднюю.

Черезъ минуту Ванька возвращается и докладываетъ, что Агашка не идетъ.

— Да ты поди, ты скажи ей, что я... такъ.

Ванька скрывается.

— Вы меня спрашивали, Кондратій Трифонычъ? — раздается въ темнотѣ знакомый голосъ.

— Вы за кого жъ замужъ выходите, Агашенька-съ? — спрашиваетъ Кондратій Трифонычъ.

— Я-съ... за повара... за Степана-съ!

— Гм... за Степана! — а въ дѣвушкахъ остаться не хотите?

— Ужъ позвольте, Кондратій Трифонычъ!

— Ну, Богъ съ вами! — кто же у васъ посаженнымъ отцомъ будетъ?

Агашенька перебираетъ пальцами концы большого платка, который накинута у нея на шею.

— Хочешъ, я посаженнымъ отцомъ буду?

— Ахъ, нѣтъ!.. нѣтъ!.. ужъ оставьте это, Кондратій Трифонычъ!

— Что жъ, и въ посаженные-то ужъ взять не хотите?

Агашенька видимо тяготеетъ разговоромъ; она переминается съ ноги на ногу; ей хочется уйти. Кондратію Трифонычу кажется, что она неблагодарная.

— Ну, съ Богомъ! что жъ... если я... если я... ну, и съ Богомъ!

Кондратій Трифонычъ давится и, чтобъ скрыть охватившее его волненіе, кашляетъ; но въ ту минуту, когда онъ поднимаетъ голову, Агаши ужъ нѣтъ...

— Хоть жить-то у меня останетесь ли? — кричитъ онъ вслѣдъ

и, не получивши отвѣта, ворчитъ:—ишь! даже отвѣта не даетъ! а вѣдь я два года еще право имѣю... ладно!

Между тѣмъ на дворѣ разыгрывается вьюга; она несетъ снопы снѣга съ рѣвки и укладываетъ ихъ буграми и грядками около барскаго дома; она наполняетъ воздухъ какою-то сумятицей и застилаетъ огоньки, которые свѣтятся въ людскихъ избахъ и въ тихую погоду бывають видны изъ господскаго дома; она визжитъ и воетъ; она стучится въ стѣны и въ окна, словно просится со стужи въ тепло.

— Нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой, нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой!—слышится Кондратію Трифонучу въ этомъ заунывномъ голошеніи вьюги.

Дѣлать рѣшительно нечего; чтò было дѣла—все передѣлать, чтò было мыслей—всѣ передумать. Часы тоскливо стучатъ: тикъ-такъ, тикъ-такъ, и Кондратій Трифонучь чувствуетъ, какъ взмахи маятника, одинъ за другимъ, уносятъ его надежды. Онъ чувствуетъ, что съ каждой минутой все больше и больше дряхлѣетъ, что дерево жизни подточено, что листья одинъ за однимъ все падаютъ, все падаютъ...

— Чтò жъ это онъ чаю, подлець, не даетъ!—вскрикиваетъ онъ какъ уязвленный, удостовѣрившись, что часовая стрѣлка стоитъ на половинѣ осьмого: — Ванька! — чаю, чаю-то что-жъ не даешь! Не стѣю я, что-ли?

Ванька хочетъ уйти.

— Нѣтъ, ты мнѣ говори: не стѣю, что-ли, я чаю, что ты меня до сихъ поръ моришь?

— Я думалъ, что не надо!—огрызается Ванька.

— Ты думалъ! онъ думалъ! милости просимъ! онъ думалъ! а ты знаешь ли, какъ вашего брата за думанье-то! онъ думалъ!.. ты!.. ты!.. ахъ, ты! Ну, ступай... ладно!

Кондратій Трифонучь опять пересчитываетъ свои обиды: тогда-то пыли не стеръ, тогда-то рожу соорилъ, тогда-то прыснулъ въ самое лицо барину, тогда-то безъ чаю намѣревался оставить.

— Агашку взбаламутилъ,—говоритъ онъ, инстинктивно склоняя голову на бокъ, какъ будто сообщаетъ это по секрету становаму на ухо.

Но вотъ и чай выпить; Кондратій Трифонучь беретъ засаленныя карты и начинаетъ раскладывать грань-пассьянсъ. Онъ гадаетъ,

уродится ли у него рожь самъ-десять — не выходитъ; онъ гадаетъ, останется ли Агаша жить у него — не выходитъ; онъ гадаетъ, избежится ли его имѣніе отъ продажи съ публичнаго торга — не выходитъ.

— Нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой, нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой! — злится на дворъ вьюга.

Кондратій Трифонъчъ спитъ; въ комнатѣ жарко и душно; онъ разметался; одна рука свѣсилась съ кровати, другая легла на лѣвую сторону груди, какъ будто хочетъ сдержать учащенное бѣненіе сердца. Онъ видитъ во снѣ, что послѣдовало какое-то новое распоряженіе. Въ чемъ заключается это распоряженіе — сонъ не объясняетъ, но самое слово „распоряженіе“ уже вызываетъ капли холоднаго пота на лицо Кондратія Трифонъча. Онъ стонетъ и захлебывается.

Попутру, часовъ въ восемь, чуть брезжится, а ужъ его будитъ Ванька.

— Чтò такое? чтò такое? — спрашиваетъ онъ, глядя на Ваньку мутными глазами.

— Становой пріѣхалъ!

— А!.. лладно! — произноситъ Кондратій Трифонъчъ, и лицо его принимаетъ прощическое выраженіе, которое очень не нравится Ванькѣ.

— Имѣніе описывать пріѣхалъ-съ! — говоритъ Ванька въ сямый упоръ, какъ бы желая сразу окатить Кондратія Трифонъча холодной водой.

Занавѣсъ опускается.

IX. — Святочный рассказъ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ чиновника.)

I.

Въ 18** году, и именно въ ночь на Рождество Христово, пришло мнѣ ѣхать по большому коммерческому тракту, ведущему отъ города Срывнаго къ Усть-Дѣминской пристани. „Завтра, или лучше сказать, даже сегодня — большой праздникъ“, думалъ я: „нѣтъ того человѣка въ цѣломъ православномъ мірѣ, который бы на этотъ день

не успокоился и не предался всёму отрадамъ семейнаго очага; нѣтъ той убогой хижины, которая не освѣтилась бы привѣтнымъ лучомъ радости; нѣтъ того нищаго, бездомнаго и увѣчнаго, который не испыталъ бы на себѣ благотворное дѣйство великаго праздника! Я одинъ, горькимъ насильствомъ судьбы, вынужденъ ѣхать въ эту зимнюю, морозную ночь, между тѣмъ какъ всѣ мысли такъ естественно и такъ неудержимо стремятся къ теплому углу, ѣхать Богъ вѣсть куда и Богъ вѣсть зачѣмъ, перестать жить и самому мѣшать жить другимъ?“ Мысли эти неотступно осаждали мою голову и дѣлали положеніе мое, и безъ того непріятное, почти невыносимымъ. Всѣ воспоминанія дѣтства, съ ихъ безмятежными, озаренными мягкимъ свѣтомъ картинами, всѣ лучшіе часы и даже мгновенія моего прошлаго, какъ нарочно, возставали передо мной самыми симпатическими, ласкающими своими сторонами. „Какъ было тогда хорошо!“ — отзывался тихій голосъ гдѣ-то далеко, въ самой глубинѣ моей души — „и какъ, напротивъ того, все теперь непріятно и безучастно вскружь!“

Кибитка между тѣмъ быстро катилась, однообразно и мѣрно постукивая передкомъ объ уступы, выбитые копытами вожовыхъ лошадей. Дорога узенькою снѣговой лентой бѣжала все вдаль и вдаль: колокольцы, привязанные къ низенькой дугѣ коренника, будили оцѣпенѣвшую окрестность то яснымъ и отчетливымъ звономъ, когда лошади бѣжали рысью, то какимъ-то беспорядочнымъ гуломъ, когда онѣ пускались вкачъ; по временамъ этотъ звонъ и гулъ смѣшивался съ визгомъ полозьевъ, когда они врѣзывались въ полосу рыхлаго снѣга, нанесенную внезапнымъ вихремъ; по временамъ впереди кибитки поднималось и нѣсколько мгновеній стояло недвижно въ воздухѣ облако морозной пыли, застилая собой всю окрестность... Горы, рѣчки, овраги — все какъ будто замерло, все сдѣлалось безразличнымъ подъ пушистою пеленою снѣга.

„Зачѣмъ я ѣду?“ безпрестанно повторялъ я самъ себѣ, пожимаясь отъ проникавшаго меня холода: „зачѣмъ ли, чтобъ бесполезно и произвольно впадать въ жизнь и спокойствіе себѣ подобныхъ? зачѣмъ ли, чтобъ удовлетворить извѣстной потребности времени или общества? зачѣмъ ли, наконецъ, чтобъ преслѣдовать свои личныя цѣли?“

И разныя странныя, противорѣчивыя мысли, одна за другой, отвѣчали мнѣ на этотъ вопросъ. То думалось, что вотъ приѣду я въ

указанную мнѣ мѣстность, пріючусь, съ горемъ пополамъ, въ курной избѣ, буду по цѣлымъ днямъ шататься, плутать въ непроходимыхъ лѣсахъ и искать... „Чего жъ искать, однакожь?“ — мелькнула вдругъ въ головѣ мысль, но, не останавливаясь на этомъ вопросѣ, продолжала прерванную работу. И вотъ я опять среди снѣговъ, среди сучьевъ, среди лѣсной чащи; я хлопочу, я выбиваюсь изъ силъ... и, наконецъ, мое усердіе, то усердіе, которое все преодолагаетъ, увѣнчивается полнымъ успѣхомъ, и я получаю возможность насладиться плодами моего трудолюбія... въ видѣ трехъ-четырехъ бабъ, полу-глухихъ, полу-слѣпыхъ, полу-безногихъ, изъ которыхъ младшей не менѣе семидесяти лѣтъ!.. „Господи! а ну какъ да онѣ прослышали какъ-нибудь?“ — шепчетъ мнѣ тотъ же враждебный голосъ, который, очевидно, считаетъ обязанностью всѣ мои мечты отравлять сомнѣніями: „что если Еваноеія... Е-ван-ое-я!.. куда-нибудь скрылась?“ Но съ другой стороны... зачѣмъ мнѣ Еваноеія? зачѣмъ мнѣ всѣ эти бабы? и кому онѣ нужны, кому отъ того убытокъ, что онѣ ушли куда-то въ глушь, сложить тамъ свои старыя кости? А все-таки хорошо бы, кабы Еваноею на мѣстѣ застать!.. Привели бы ее ко мнѣ: „ага, голубушка, тебя-то мнѣ и нужно!“ сказалъ бы я. „Позвольте, ваше высокоблагородіе!“ — шепнулъ бы мнѣ въ это время становой приставъ (тотъ самый, который изловилъ Еваноею, покуда я сидѣлъ въ курной избѣ и отъ скуки посвистывалъ): — „позвольте-съ; я дозналъ, что въ такой-то мѣстности еще столько-то безногихъ старухъ секретно проживаетъ?“ — О, Боже! да это просто подарокъ! — восклицаю я (не потому, чтобъ у меня было злое сердце, а просто потому, что я ужъ зарвался въ порывѣ усердія), и снова сиѣшу, и задыхаюсь, и открываю... Господи! что я открываю!.. Что жъ, однакожь, изъ этого, къ какому результату ведутъ эти усилія? Къ тому ли, чтобъ перевернуть вверхъ дномъ жизнь десятка полу-истлѣвшихъ старухъ?.. Нѣтъ, видно, въ самой мыслительной моей способности имѣется какой-нибудь порокъ, что я даже не могу найти приличнаго отвѣта на вопросъ, безъ того, чтобъ снова, дѣйствіемъ какого-то досаднаго волшебства, не возвратиться все къ тому же вопросу, изъ котораго первоначально вышла.

Между тѣмъ повозка начала все чаще и чаще постукивать передкомъ; полозья, по временамъ раскатываясь, скользили по обледѣнѣлому черепу дороги; все это составляло несомнѣнный признакъ

жилья, и дѣйствительно, высунувшись изъ кибитки, я увидѣлъ, что мы вѣхали въ большое село.

— Вотъ и до мѣста доѣхали!—молвилъ ямщикъ, поворачиваясь ко мнѣ.

Заиндевѣвшая его борода и жалкій бѣлый понитокъ, составлявшій, вмѣстѣ съ дырчатымъ и совершенно вытертымъ полушубкомъ, единственную его защиту отъ лютаго мороза, бросились мнѣ въ глаза. Странное ощущеніе испыталъ я въ эту минуту! Хотя и обледенѣлая борода, и худые бѣлые понитки до того примелькались мнѣ во время моихъ частыхъ скитаній по дорогамъ, что я почти пересталъ обращать на нихъ вниманіе, но тутъ я совершенно невольнымъ и естественнымъ путемъ поставленъ былъ въ невозможность обойти ихъ.

„Какъ-то придется тебѣ встрѣтить Христовъ праздникъ!“ подумалъ я, и тутъ же, по какому-то озорному сопряженію идей, прибавилъ: „а я вотъ ѣду въ теплой шубѣ, а не въ пониткѣ... ты сидишь на облучкѣ и безпрестанно вскакиваешь, чтобъ попугать кнутомъ переднюю лошадь, а я сижу себѣ, развалившись, и занимаюсь мечтаніями... ты долженъ будешь, какъ пріѣдешь на станцію, прежде всего лошадей на морозѣ распречь, а я *велю* ввести себя прямо въ тепло, *велю* поставить самоваръ, *велю* напоить себя чаемъ, *велю* собрать походную кровать и засну сномъ невинныхъ“...

Въ селѣ было пусто; былъ шестой часъ утра, а въ это время, какъ извѣстно, по большимъ праздникамъ, идетъ уже обѣдня въ тѣхъ селахъ, гдѣ нѣтъ помѣщиковъ и гдѣ массу прихожанъ составляетъ сѣрый народъ. И дѣйствительно, хотя мы почти мгновенно промчались мимо церкви, но я успѣлъ, сквозь отворенную ея дверь, разсмотрѣть, что она полна народомъ, что глубина ея горитъ огнями по праздничному и что густой паръ стоитъ надъ толпою, одѣвая туманомъ и богомольцевъ, и ярко освѣщенный иконостасъ.

Наконецъ лошади остановились у просторной избы. Это была станція, но не почтовая, гдѣ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, путешественникъ можетъ пріютить свою голову, безъ опасенія быть ежеминутно встревоженнымъ шумомъ и говоромъ людей, хлопаніемъ дверей и незасыпающею дѣятельностью дня; это была простая изба, назначенная по отводу для отдыха проѣзжающихъ по казенной надобности чиновниковъ, куда собираютъ для нихъ свѣжихъ обывательскихъ лошадей. Сверхъ моего ожиданія, горница, въ которую меня

ввели, оказалась просторною, теплою и даже чистою; полъ и вдѣланныя по стѣнамъ лавки были наканунѣ выскоблены и вымыты; передъ образами весело теплилась лампадка; четырехугольный столъ, за которымъ обыкновенно трапезуютъ крестьяне, былъ накрытъ чистымъ бѣлымъ переборомъ, а въ ближайшемъ ко входу углу, около огромной русской печи, возилась баба-деньщица, очевидно спѣша окончить свою стряпню къ приходу семейныхъ отъ обѣдни. На одной изъ лавокъ, возлѣ передняго угла, сидѣлъ слѣпой и ветхій дѣдушка, въ родѣ тѣхъ, которыми почти фаталистически снабжается всякая сколько-нибудь многочисленная крестьянская семья, и держалъ въ рукѣ деревянную палку, которою задумчиво чертилъ по полу. Онъ дѣлалъ это дѣло съ необычнымъ терпѣніемъ, какъ будто оно составляло послѣднюю задачу его жизни, и, нащупавъ палкою какую-нибудь неровность, сердился и ворчалъ.

Прїѣздъ мой не произвелъ, однакожъ, особеннаго впечатлѣнія, такъ какъ, по случаю отвода избы подѣ станцію, хозяева ея скоро свыкаются съ общимъ видомъ чиновника, котораго появленіе составляетъ въ кругу ихъ фактъ почти ежедневный. Деньщица, — которая, по разсмотрѣніи, оказалась молодухой, — продолжала усердно дѣлать свое дѣло, а дѣдушка, попрежнему, водилъ палкой по полу и ворчалъ про себя. На палаткахъ возились и потягивались ребятишки.

— Далеко отсюда становой живетъ? — спросилъ я.

— Да верстъ, чай, съ восемь будетъ, — отвѣчала деньщица, дѣйствуя въ то же время ухватомъ, которымъ отправляла въ печь горшокъ съ похлебкой.

— А ты говори дѣло, а не „чай“! — вступился мой спутникъ и камердинеръ Гриша, во всякое другое время очень добрый малый, но теперь сильно озлобившійся вслѣдствіе мороза и другихъ дорожныхъ непріятностей.

— А вотъ мужики придутъ — они тебѣ дѣло и скажутъ... ишь больно строгъ: съ бабы спрашиваетъ!

— Эхъ ты! баба такъ баба и есть! — отозвался Гриша, но съ такимъ глубокимъ презрѣніемъ, что я сразу созналъ глубокую разницу, существующую между привилегированнымъ положеніемъ и непривилегированнымъ.

— Никакъ кто пришелъ? съ кѣмъ это ты, Татьяна, разговариваешь? — откликнулся дѣдушка.

— Становой далеко отсюда живетъ?—спросилъ я, обращаясь къ старику.

— Ась?

— Ишь ты! глухіе да глупые—вотъ и жди отъ нихъ толку!— злобно замѣтилъ Гриша.

— Баринъ пріѣхалъ... чиновникъ, дѣдушко!—кричала между тѣмъ Татьяна, наклоняясь къ самому уху старика:— спрашиваютъ, далече ли до становаго будетъ?

— Да верстъ пятькъ-поболѣ будетъ,—прошамкалъ старикъ:— выѣдешь ты, сударь, за околицу и поѣзжай все вправо... тамъ три сосенки такія будутъ... древнія, сударь, еще дѣдушко мой ихъ помнилъ—вѣдъ какія сосны!.. Отъ нихъ повертывай прямо направо, будетъ тебѣ тамъ озеро, и поѣзжай ты черезъ него все прямо, все прямо... Лѣтомъ-то, сударь, здѣся-ко не проѣдешь, а надо кругомъ; такъ въ ту-пору вмѣсто пяти-то верстъ и пятнадцать-поди будетъ!.. Ну, а за озеромъ прямо и представится тебѣ господинъ становой... такъ-то.

— Такъ нельзя ли лошадей поскорѣй заложить?—спросилъ я.

— А у насъ и робятъ-то никого нѣтъ, всѣ въ церкву ушли,—отвѣчала молодуха:—видно, ужъ тебѣ, баринъ, обождать придется!

— Дѣдушка! какъ бы лошадей заложить?—снова спросилъ я, наклоняясь къ дѣдушкѣ...

— А что жъ, сударь, для-че не заложить! кони нонѣ дома, мигомъ заложать! Татьяна сбѣгай по мужа-то, скажи, молъ, чиновникъ наѣхалъ!

Но покуда Татьяна сбиралась, семейные ужъ возвратились изъ церкви и гурьбой ввалились въ избу. Прежде всѣхъ, какъ водится, влетѣлъ никѣмъ не прощенный клубъ морознаго воздуха и мигомъ наполнилъ комнату бѣлесоватымъ туманомъ; за нимъ вошелъ старшій сынъ дѣдушки, мужичокъ лѣтъ пятидесяти слишкомъ, очень сановитой и бодрой наружности, одѣтый, по праздничному, въ синюю сибирку.

— Съ праздникомъ, батюшка!—сказалъ онъ, помолившись напередъ образамъ:—Богъ милости прислалъ!

— Ну, слава Богу, слава Богу!—прошамкалъ старикъ, привставая съ лавки:—вотъ и опять мы съ праздникомъ! Съ вами, что-ли, некрутъ-то?

— Здѣсь, дѣдушко, будь здоровъ! — молвилъ, выступая вперёдъ, молодой парень.

Я вспомнилъ, что по случаю военныхъ обстоятельствъ объявленъ былъ въ то время чрезвычайный наборъ, и невольно полюбопытствовалъ взглянуть на рекрута. Физиономія его была чрезвычайно симпатична: хотя гладко выстриженные волосы нѣсколько портили его лицо, тѣмъ не менѣе общее его выраженіе было весьма пріятно; то было одно изъ тѣхъ мягкихъ, полу-стыдливыхъ, полу-застѣнчивыхъ выраженій, которыя составляютъ почти общую принадлежность нашего народнаго типа. Смирно стоялъ онъ передъ старикомъ дѣдушкой въ своемъ коротенькомъ рекрутскомъ полшубкѣ, засунувъ руку за пазуху и слегка понуривъ голову; въ голубыхъ его глазахъ не видно было огня строптивости или затаеннаго чувства ропота; напротивъ того, вся его любящая, безпредѣльно кроткая душа свѣтилась въ этомъ задумчивомъ и разсѣяннo-блуждавшемъ взорѣ, какъ бы свидѣтельствуя о его вѣчной и безпрекословной готовности идти всюду, куда укажетъ судьба.

— Ну, дай Богъ здоровья начальникамъ... отпустили тебя, Петруня... и насъ сдѣлали съ праздникомъ, — сказалъ старикъ.

Покуда старикъ говорилъ, сзади, у печки, послышались сначала вздохи, а потомъ и довольно громкія всхлипыванія. Петруня какъ-то болѣзненно весь сжался, услышавъ ихъ.

— Ну вотъ, пошла баба голосить! уйми ты ее, Иванъ! — обратился старикъ къ старшему сыну: — нѣшто лучше бы было, кабы не отпустили сына-то!.. такъ ты бы радовалась, не-чѣмъ горевать!

— Такъ неужто жъ и пожалѣть нельзя! — отозвалась изъ угла баба: — собирались нонѣ женить въ мясоѣдъ парня, анъ, замѣсть-того, вонъ онъ куда угодилъ... и не чалли!

Петруня, казалось, еще болѣе сжался при послѣднихъ словахъ матери.

— Ничего, съ Богомъ... не на грѣхъ идетъ! чай, еще не сколько мученья-то принялъ, Петруня? — спросилъ дѣдушка.

— Мученьевъ, дѣдушко, нѣтъ, а вотъ унтеръ сказывалъ, что черезъ десять дѣнь въ походъ идти велѣно, — отвѣчала Петруня тихо и дрожащимъ голосомъ.

— Ну что жъ, и въ походъ пойдешь, коли велѣно! Да ты слушай, голова! и я вѣдь молоденекъ бывалъ, тоже чуть-чуть въ некруты

въ ту-пору не угодиль... ужъ и что хлопоть-то у насъ въ тѣ-поры съ батюшкой вышло!

— То-то „чуть-чуть“!—въ сердцахъ ворчала мать:—вотъ не сдали же! а тутъ какъ есть одинъ сынъ, да и тотъ не въ домъ, а изъ дому вонъ бѣжить!

— А кто жъ тебѣ не велѣлъ другого принасти!—сказалъ дѣдушка полусутоливо, полудосадливо:—то-то вотъ баба: замѣсть-того, чтобъ потѣшить сыночка о праздникѣ, а она еще нуще его въ разстрой приводитъ! Ты пойми, глупая, что онъ у тебя въ гостяхъ здѣсь! Вотъ ужъ вели коней въ саночки запречь... погуляй покуда, Петруня, съ робятами-то, погуляй, милой!

Иванъ, однако, не принималъ никакого участія въ разговорѣ. Онъ спокойно раздѣвался въ это время и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ обычныя распоряженія по дому. Но это равнодушіе было только кажущееся, а въ сущности онъ не менѣе жены печалился участіемъ сына. Вообще, нашего крестьянина трудно чѣмъ-нибудь расшевелить, удивить или душевно растрогать. Ежеминутно имѣя прямое отношеніе лишь къ самой незамысловатой и неизукрашенной дѣйствительности, ежеминутно встрѣчая лицомъ къ лицу свою насущную жизнь, которая часто представляетъ для него одну безконечную невзгоду и во всякомъ случаѣ многого никогда ему не даетъ, онъ привыкаетъ смѣло смотрѣть въ глаза этой суровой мачихѣ, которая по временамъ еще осмѣливается заговаривать льстивыми голосами и называть себя родною матерью. Поэтому всякая потеря, всякая неудача, всякое безвременье составляютъ для крестьянина такой простой фактъ, передъ которымъ нечего и задумываться, а только слѣдуетъ терпѣливо и бодро снести. Даже смерть наиболѣе любимаго и почитаемаго лица не подавляетъ его и не производитъ особеннаго переполоха въ душѣ; мало того: я не одинъ разъ видалъ на своемъ вѣку умирающихъ крестьянъ, и всегда (кромѣ, впрочемъ, очень молодыхъ парней, которымъ труднѣе было разставаться съ жизнью) замѣчалъ въ нихъ какое-то твердое и вмѣстѣ съ тѣмъ почти младенческое спокойствіе, которое многіе, конечно, не затруднились бы назвать героизмомъ, еслибы оно не выражалось столь просто и неизысканно. Всѣ страданія, всѣ душевныя тревоги крестьянинъ привыкъ сосредоточивать въ самомъ себѣ, и если изъ этого правила имѣются исключенія, то они составляютъ предметъ хотя добродушныхъ, но всегда общихъ

насмѣшекъ. Такихъ людей называютъ нянями, бабами, стрекозами, и никогда разсудливый мужикъ не станетъ говорить съ ними объ дѣлѣ. Правда, дрогнетъ иногда у крестьянина голосъ, если обстоятельства ужъ слишкомъ круто повернуть его, измѣнится и какъ будто перекосятся на мигъ лицо, насушатся брови—и только; но жалоба, суетливость и бесплодное аханье никогда не найдутъ мѣста въ его груди. Повторяю: невзгода представляется для крестьянина столь обычнымъ фактомъ, что онъ не только не обороняется отъ него, но даже и не готовится къ принятію удара, ибо и безъ того всегда къ нему готовъ. Всю чувствительность, всѣ жалобы онъ, кажется, предоставилъ въ удѣлъ бабамъ, которыя и въ крестьянскомъ быту, какъ и вездѣ, по самой природѣ, болѣе склонны представлять себѣ жизнь въ розовомъ цвѣтѣ, и потому не такъ легко примиряются съ ея неудачами.

— Рекрутъ что-ли у васъ?—спросилъ я Ивана.

— Рекрутъ, сударь, сыномъ мнѣ-ка приходится.

— А велика ли у васъ семья?

— Семья, нечего Бога гнѣвить, большая; четверо насъ братовей, сударь, да дѣтки въ законъ еще не вышли... вотъ Петрунька одинъ и вышелъ...

— Тяжело, чай, разставаться-то?

Иванъ съ изумленіемъ взглянулъ на меня, и я, не безъ внутренней досады, долженъ былъ сознаться, что сдѣланный мною вопросъ совершенно праздный и ни къ чему не ведущій.

— Божья власть, сударь!—отвѣчалъ онъ и, обращаясь къ старику, прибавилъ:—обѣдать, что-ли, собирать, батюшка?

— Вели собирать, Иванушко, пора! чай, и свѣтъ скоро будетъ!.. Да за конями-то пошли, что-ли?

— Давно Васютку услалъ, приведуть сейчасъ.

Петруня, между тѣмъ, незамѣтно скрылся за дверь. Несмотря на то, что изба была довольно просторная, воздухъ въ ней, отъ множества собравшагося народа, былъ до того снуртъ, что непривычному трудно было дышать въ немъ. Кромѣ сыновей стараго дѣдушки съ ихъ женами, тутъ находилось цѣлое поколѣніе подростковъ и малолѣтковъ, которые немилосердно возились и болтали, пѣвая пичкая себя хлѣбомъ и сдобными лепешками.

— Кто-то вотъ насъ кормить на старости лѣтъ будетъ?—про-

молвила между тѣмъ хозяйка Ивана, попрежнему стоя въ углу пригорюнившись.

— Чай, братовья тоже есть, семья не маленькая!—отвѣчалъ дѣдушка, съ трудомъ скрывая досаду.

— Да, дождайся, пока они накурмятъ... чай, по тѣхъ поръ ихъ и видѣли, поколь ты живъ.

— Не дѣло, Марья, говоришь!—замѣтилъ второй братъ Ивана.

— Ее не переслушаешь!—отозвался третій братъ.

Окончанія разговора я не дослушалъ, потому что не могъ долѣе выносить этого спертаго, насыщеннаго парами разныхъ похлебокъ воздуха, и вышелъ въ сѣнцы. Тамъ было совершенно темно. Глухо доносились до меня голоса ямщиковъ, суетившихся около повозки, и дребезжащее позвякиваніе колокольцовъ, накрѣпко привязанныхъ къ дугѣ, и еще какіе-то смутные звуки, которые непременно услышишь на каждомъ крестьянскомъ дворѣ, гдѣ хозяинъ живетъ мало-мальски запасливо.

— Какъ же быть-то?—сказалъ неподалеку отъ меня милый и чрезвычайно мягкій женскій голосъ.

— Какъ быть!—повторилъ, повидимому, совершенно безсознательно другой голосъ, который я скоро призналъ за голосъ Петруни.

— Скоро, чай, и сряжаться станете? — снова началъ женскій голосъ послѣ непродолжительнаго молчанія.

Петруня не промолвилъ ни слова и только вздохнулъ.

— Портяночки-то у тебя теплыя есть ли?—вновь заговорилъ женскій голосъ.

— Есть.

— Ахъ, не близкая, чай, дорога!

Снова наступило молчаніе, въ продолженіе котораго я слышалъ только учащенные вздохи разговаривающихъ.

— Ужъ и какъ тяжело-то мнѣ, Петруня, кабы ты только зналъ!—сказалъ женскій голосъ.

— Чего тяжело, чай, замужъ выдешь!—молвилъ Петруня дрожащимъ голосомъ.

— А что станешь дѣлать... и выду!

— То-то... чай, за стараго... за вдовца дѣтнаго...

— За стараго-то лучше бы... по крайности, хоть любить бы не стала, Петруня!

— А молодого, небось, полюбила бы!.. То-то вотъ вы: потоль у васъ и миль, поколь въ глазахъ!—сказаль Петруня, котораго за-года мучила ревность.

— Ой, ужъ не говори ты лучше!.. умерла бы я, не-чѣмъ съ тобой разставаться—вотъ сколь мнѣ тебя жалко!

— А меня, небось, въ сраженіяхъ убьютъ, покуда ты здѣсь замужъ выходить будешь!.. дѣтей, чай, родишь!.. Вотъ унтеръ намеднись сказываль, что въ сраженіи какъ есть ни одинъ человѣкъ цѣль не будетъ—всѣхъ побьютъ!

Вмѣсто отвѣта, мнѣ слышались тихія, словно дѣтскія, всхлипыванія.

— Ну что жъ, и пушай бьютъ!—продолжалъ Петруня, находя какое-то горькое удовольствіе въ страданіяхъ своей собесѣдницы.

Всхлипыванія слышались горче прежняго.

— Ахъ, пропадай моя голова... хочешь сбѣгу, Мавруша?—внезапно спросиль Петруня.

— Чтò ты, чтò ты, Петруня! что жъ это будетъ! — отвѣчала Мавруша голосомъ, въ которомъ слышался испугъ.

— Убѣгу да и все тутъ, — продолжалъ Петруня: — уйду въ лѣса къ старцамъ... ищи, лови тогда!

— Стариковъ-то твоихъ, чай, въ ту-пору такъ и засудятъ!—робко замѣтила Мавруша.

Петруня молчалъ.

— Въ разоренье-поди приведуть! — продолжала Мавруша, какъ бы разсуждая сама съ собой.

То же молчаніе.

— Нѣтъ, ты ужъ лучше не бѣгай, Петруня! какъ-нибудь, Богъ дастъ, и свидимся.

— То-то „свидимся“! замужъ, чай, хочется, а не „свидимся“! Ты бы напрямки такъ и говорила... а то „свидимся“! Такъ бѣжать, что-ли?

— Куда жъ бѣжать? коли для меня ты хочешь бѣжать, такъ я за тобой вѣдь бѣжать не могу!

Петруня заплакалъ.

— Петруня! желанный ты мой!—прошентала Мавруша.

Петруня заплакалъ пуще прежняго.

— Охъ, да хоть бы не плакалъ ты! — сказала Мавруша какимъ-то утомленнымъ, замученнымъ голосомъ.

— Вотъ каково дѣло, что и пособить нечѣмъ! — говорилъ Петруня, обрываясь почти на каждомъ словѣ: — куда я теперь дѣяусь? Охъ, да подумай же ты, Мавруша, какъ бы намъ хорошо-то было!.. жили бы мы теперь съ тобой... и мясоѣдъ вотъ на дворѣ... И все-то вѣдь прахомъ пошло... точно ничего и не было! Намеднись вотъ унтеръ сказывалъ, верстъ тысячи за двѣ поведуть... такъ когда же тутъ свидѣться!

— Петруня! гдѣ же ты запропалъ? — раздался сзади меня голосъ женщины.

— Здѣсь! обѣдать, что-ли? — откликнулся Петруня.

— Обѣдать дѣдушко зоветь.

— Сейчасъ. Прощай, Мавруша! нонѣ къ ночи надо опять въ городъ ѣхать... прощай! можетъ, ужъ и не свидимся!

— Развѣ на село-то не пойдете съ партіей? хошь бы посмотрѣла я на тебя!

— Нѣтъ, по почтовой поидемъ; вотъ развѣ что: ужъ дѣдушка коней посулилъ... погуляемъ, что-ли?

— Не пустятъ, Петруня, — тихо отвѣчала Мавруша: — а ужъ какъ бы не погулять! Старики-то нонѣ у меня больно зорки стали: поди, и теперь, чай, ищутъ меня!

— Ну, такъ инъ Богъ съ тобой! прощай же, Мавруша!

Голоса стихли; но Петруня нѣсколько времени еще не приходилъ въ избу; минуты съ двѣ слышались мнѣ и глубокіе вздохи, и неясный шопотъ, прерываемый рыданіями, и стало мнѣ самому такъ обидно, тяжело и больно, какъ будто внезапно лишили меня всего, чтѣ было дорого моему сердцу. „Вотъ, думалъ я, простая, кажется, съ виду штука, а поди-ка переживи ее!“ И должно сознаться, что до тѣхъ поръ никогда эта мысль не заходила мнѣ въ голову.

— Иди, что-ли! — снова раздался сзади меня голосъ деньщицы.

— Иду, иду! — отвѣчалъ Петруня. — Прощай, Мавруша! — продолжалъ онъ какимъ-то гортаннымъ задыхающимся голосомъ: — прощай же, касатка!

И вслѣдъ за тѣмъ онъ бѣгомъ вбѣжалъ на лѣстницу и направился быстрыми шагами въ избу.

Когда я, черезъ четверть часа, снова вошелъ въ избу, вся семья

обѣдала, но общій ея видъ былъ нерадошенъ. Какое-то принужденіе носилось надъ ней, и хотя дѣдушка старался завести обычную бесѣду, но усилія его не имѣли успѣха. Иванъ молчалъ и смотрѣлъ угрюмо; Марья потихоньку вехлипывала; Петруня сидѣлъ съ заплаканными глазами и ничего не ѣлъ; прочіе члены семьи, хотя и менѣе заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, невольно слѣдовали, однакожь, за общимъ настроеніемъ чувствъ; даже малолѣтки, обыкновенно столъ неугомонныя, какъ-то притихли и сжались. Однимъ словомъ, тутъ только и было праздничнаго, что кушанья, которыхъ было переѣвъ шесть и которыя однообразно слѣдовали одно за другимъ, ни въ комъ не возбуждая веселья. Я тоже невольно задумался, глядя на эту семью... и о чемъ задумался?

„Что-то дѣлается, думалъ я, въ томъ далекомъ-далекомъ городѣ, который, какъ червь неусыщающій, никогда не знаетъ ни усталости, ни покоя? Радуются ли, нѣтъ ли тамъ Божьему празднику? и кто радуется? и какъ радуется? Не подпалъ ли тамъ праздникъ подъ общее тлетворное владычество простой обрядности, безъ всякаго внутренняго смысла? не сдѣлался ли онъ тамъ днемъ, къ которому надо особеннымъ образомъ искривить ротъ въ видѣ улыбки, къ которому надо закупить много конфектъ, много нарядовъ, въ который, по условному обычаю, слѣдуетъ призвать въ гостиную дѣтей съ тѣмъ, чтобъ вдоволь натѣшиться ихъ благоприличными манерами и затѣмъ вновь отослать ихъ въ дѣтскую, считая всѣ обязанности въ отношеніи къ нимъ уже исполненными до слѣдующаго праздника? Сохранили ли тамъ праздникъ свое христіанское, братское значеніе, въ силу котораго сама собой обновляется душа человѣка, сами собой отверзаются его объятія, само собой раскрывается его сердце? Вѣдь праздникъ есть такая же потребность человѣческой жизни, какъ радость — потребность человѣческаго сердца: это потребность успокоенія и отдыха, потребность хоть на время сбросить съ себя тяжесть жизненныхъ узъ, съ тѣмъ, чтобъ безусловно предаться одному ликованію!“

И передо мной незамѣтно раскрылся знакомый рядъ картинъ, свидѣтелей моего прошедшаго, картинъ, въ которыхъ много было движенія, много суеты, много даже какихъ-то неясныхъ очертаній и смутныхъ намековъ на жизнь, радость и наслажденіе... Но была ли это радость дѣйствительная, было ли это то чистое наслажденіе, которое не оставляетъ послѣ себя въ сердцѣ никакого осадка горечи?

Вотъ онъ, этотъ громадный городъ, въ которомъ воздухъ кажется спертымъ отъ множества людскихъ дыханій; вотъ онъ, городъ скорбей и никогда неудовлетворяемыхъ желаній; городъ желчныхъ честолюбій и ревнивыхъ, завистливыхъ надеждъ; городъ гнусно-искривленныхъ улыбокъ и заражающихъ воздухъ признательностей! Какъ волшебень онъ теперь при свѣтѣ своихъ милліоновъ огней, какая страшная струя смерти совершаетъ свой безконечный, разъядающій оборотъ среди этого вѣчнаго тумана, среди миазмовъ, безпощадно врывающихся со всѣхъ сторонъ! Сколько мученій, сколько никѣмъ незнаемыхъ и никѣмъ нераздѣленныхъ надеждъ, сколько горькихъ разочарованій, и вновь надеждъ, и вновь разочарованій!

„Господи! надо же было надъ Петруней такой бѣдѣ стрястись! Кабы не это, сидѣлъ бы онъ здѣсь беззаботный и радостный; весело бесѣдовало бы теперь за трапезой честное потомство слѣпенькаго дѣдушки... И надо же было слѣпому случаю пройти безпощаднымъ своимъ плугомъ по этому прекрасному зеленому лугу, чтобъ взбуровить его ровную поверхность и исполосать ее черными, безобразными бороздами!“

Размышленія эти были прерваны докладомъ о томъ, что лошади готовы. Горько мнѣ было садиться одному въ сани, горько было разставаться съ людьми, особливо въ этотъ праздникъ, когда, и вслѣдствіе воспоминаній прошедшаго, и вслѣдствіе всего склада жизни, необходимость общества людей какъ-то особенно живо чувствуется. Казалось бы, чтд общаго между мной и этою случайно встрѣченною мною семьею, какое тайное звено можетъ соединить насъ другъ съ другомъ? и между тѣмъ я несомнѣнно сознавалъ присутствіе этой связи, я несомнѣнно ощущалъ, что въ сердцѣ моемъ таится невидимая, но горячая струя, которая, безъ вѣдома для меня самого, приобщаетъ меня къ первоначальнымъ и вѣчно бьющимъ источникамъ народной жизни.

II.

На дворѣ было еще темно, хотя свѣтъ, очевидно, готовился уже вступить въ права свои; морозъ сдѣлался какъ будто еще лютѣе прежняго; крѣпкій верховой вѣтеръ сильно буровилъ здѣсь и тамъ снѣжную равнину и, поднявъ цѣлыя столбы снѣга, направлялъ свой

путь далѣе, съ тѣмъ, чтобъ опять черезъ минуту вернуться и, поднявъ новые снѣжные столбы, опять нестись куда-то далеко-далеко. Холодъ и вѣтеръ тѣмъ болѣе были для меня ощутительны, что я ѣхалъ въ открытыхъ саняхъ, потому что долженъ былъ, послѣ необходимыхъ объясненій съ становымъ приставомъ, опять вернуться на станцію, гдѣ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, я и заблагодарсудилъ остановить свою повозку.

Вотъ и тѣ три сосенки, о которыхъ толковалъ мнѣ старикъ; сквозь мутное облако частаго, тонкаго снѣга я видѣлъ только очертанія ихъ, но вѣроятно душа моя была слишкомъ особеннымъ образомъ настроена, что за плавнымъ покачиваніемъ широкихъ ихъ вершинъ мнѣ именно слышалось, будто онѣ жалуются и говорятъ о томъ, какъ надоѣла имъ эта долгая, почти безконечная жизнь, какъ устали онѣ отъ этихъ отовсюду вторгающихся вѣтровъ, которые безпрепятственно и безнаказанно оскорбляютъ ихъ, то обламывая самые крѣпкіе ихъ побѣги, то разбрасывая мохнатые ихъ вѣтви въ какой-то тоскливой беспорядочности. Вотъ и озеро, которое подало мнѣ о себѣ вѣсть особенностью звука, издаваемого копытами лошадей, и вѣшками, которыя часто натканы здѣсь по обѣимъ сторонамъ дороги... Я глянулъ въ даль, и не знаю почему—тамъ, на самомъ концѣ ея, представился мнѣ становой приставъ, въ видѣ страшнаго, лохматаго чудовища, съ семью головами, съ длинными желѣзными когтями и длиннымъ огненнымъ языкомъ. И такъ ясно и отчетливо мелькало передо мной это страшное и къ счастью совершенно невѣроятное видѣніе, что мнѣ стало жутко, и я поспѣшилъ плотнѣе закутаться въ шубу, чтобъ не видать его кривляній.

Черезъ полчаса я вѣзжалъ въ огромное торговое село, въ которомъ было много домовъ совершенно городской постройки. Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась квартира становаго пристава, и я еще издали могъ налюбоваться на множество огней, которые, очевидно, были зажжены на дѣтской елкѣ. Огни горѣли весело и, проходя сквозь обледѣлыя стекла оконъ, принимали самые измѣнчивые и разнообразныя цвѣта.

Становой или, какъ его обыкновенно зовутъ крестьяне, „баринъ“, былъ дома. Звали его Ермолаемъ Петровичемъ, по фамиліи Бондыревымъ; по наружности же былъ онъ мужчина дюжій, и вслѣдствіе того постоянно отдувался и дышалъ тяжело, словно запаленная ло-

шадь. Лицо его, пухлое и отеклое, было покрыто слоем жирнаго вещества, который придавалъ его кожѣ лоскъ-почти зеркальный; огромная его лысина, по общему отзыву сослуживцевъ, имѣла свойство испускать изъ себя облако тумана въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: во время губернаторской ревизіи, когда, какъ извѣстно, сердечныя движенія въ уѣздномъ чиновникѣ дѣлаются особенно сильны и остры, и по выпитіи двадцать-пятой рюмки очищенной. Голосъ у него былъ сильный, густой басъ, сопровождаемый легкою хрипотой, и выходилъ изъ гортани какъ бы коломъ. Къ величайшему моему удивленію, это несоразимѣрное преобладаніе матеріи нимало не тяготило его; вообще онъ былъ на службѣ легокъ какъ пухъ, и когда исполненіе служебныхъ обязанностей требовало съ его стороны уже слишкомъ усиленной дѣятельности, то вся его досада проявлялась въ томъ только, что онъ пыхтѣлъ и ругался нуще обыкновеннаго. Впрочемъ, онъ былъ, въ сущности, малый добродушный, и когда принималъ благодарность, то всегда говорилъ спасибо, и этимъ весьма льстилъ самолюбію добротныхъ дателей.

— Милости просимъ побесѣдовать въ комнату, ваше высокоблагородіе! — сказалъ онъ, встрѣтивъ меня въ прихожей: — у меня нынче праздникъ, дѣтки вотъ развозились...

— А мнѣ надо бы скорѣе ѣхать, — отвѣчалъ я не совсѣмъ впопадъ, все еще находясь подъ вліяніемъ лохматаго чудовища.

— Что же такъ-съ? часомъ раньше, часомъ позже — дѣло не волкъ, въ лѣсъ не уйдетъ-съ. За одно ужъ у насъ покушаете, а послѣ обѣда и въ путь-съ. Мнѣ вѣдь тоже съ вами надо будетъ отправляться, такъ если сейчасъ же и ѣхать — не будетъ ли ужъ очень это обидно? Вѣдь праздникъ-съ...

Я остался, и отчасти былъ даже доволенъ этой задержкой, потому что очень усталъ съ дороги. Въ комнатѣ, въ которую ввелъ меня Бондыревъ, было все его семейство и сверхъ того еще нѣсколько постороннихъ лицъ, съ которыми онъ однакожъ не заблагоразсудилъ меня познакомить. Онъ только указалъ мнѣ рукой на дѣтей, сказавъ: „а вотъ и потроха мои!“ и затѣмъ насильственно усадилъ меня на диванъ. Изъ семейныхъ были тутъ: жена Ермолая Петровича, бабочка лѣтъ двадцати-пяти, которая была бы недурна собой, еслибы не такъ усердно мазалась свинцовыми бѣлилами и не носила столь туго накрахмаленныхъ юбокъ; мать ея, худенькая, повязанная плат-

комъ старуха съ фиолетовымъ носомъ, которую Бондыревъ, неизвѣстно почему, величалъ „вашимъ превосходительствомъ“, и четверо дѣтей, которыя основательностью своего тѣлосложенія напоминали Ермолая Петровича, и чуть ли даже, подобно ему, не похрипывали.

— Не угодно ли чаю съ дороги? — спросила меня жена.

— Чтѣ чай! вотъ мы его высокоблагородіе водочкой попросимъ, — отозвался Бондыревъ: — и, ваше высокоблагородіе, этой китайской травы въ ротъ не беру — оттого и здоровъ-сь.

— Вы изъ „губерніи“ изволите ѣхать? — обратилась ко мнѣ старуха-теща.

— Да, я недавно оттуда.

— Такъ-сь. А какъ, я думаю, тамъ теперича хорошо должно быть! Предсѣдательствующіе, по случаю праздника, въ соборѣ въ мундирахъ стоятъ... самъ генераль, чай, насупившись...

— Ну, пошла, ваше превосходительство, огородъ городить! — замѣтилъ Бондыревъ: — ну, скажите на милость, зачѣмъ генералу насупившись стоять! чай, для праздника-то Христова и имъ бровки свои пораздвинуть можно!

— Ахъ, батюшка мой! насупившись стоять по той причинѣ, что озабоченъ очень!.. обуза вѣдь не маленькая!

— А по мнѣ, такъ всего лучше пѣвчіе... это восхитительно! — вступилась жена: — при слабости нервъ, даже слушать почти невозможно!

— Нѣтъ, вотъ на моей памяти бывали въ соборѣ пѣвчіе — такъ это именно, что всѣхъ въ слезы приводили! — перебила теща: — ужъ на что былъ въ ту-пору губернаторъ суровый человѣкъ, а и тотъ воздержаться никакъ не въ силахъ былъ! Особливо былъ тутъ одинъ черноватенькій: запоетъ, бывало, сначала тихонько-тихонько, а потомъ и переливается, и переливается... даже словно журчитъ весь! Авдотья Степановна, второго діакона жена, сказывала, что ему по два дня ѣсть ничего не даывали, чтобъ голосъ чище былъ!

— Вотъ распроклятая-то жизнь! — молвилъ Ермолай Петровичъ, подмигнувъ мнѣ лѣвымъ глазомъ, и потомъ, обращаясь къ тещѣ, прибавилъ: — а какъ посмотрю я на ваше превосходительство, такъ все-то у васъ одинъ глупости да малодушества на умѣ.

Но ея превосходительство, должно быть, ужъ привыкла къ подобнымъ апострофамъ, потому что, нимало не конфузясь, продолжала:

— Ужь я, бывало, такъ и не дышу, словно туманъ у меня въ глазахъ, какъ они-это выводить-то зачнуть! Да, такой ужь у меня характеръ: коли передъ глазами у меня что-нибудь божественное, такъ я, можно сказать, сама себя не помню... такъ это все тамъ и колышется!

Мадамъ Бондырева глубоко и сосредоточенно вздохнула.

— Да, въ деревнѣ ничего этого не увидишь!—сказала она.

— Гдѣ увидать! одни выходы у его превосходительства чего стоятъ! Всѣ чиновники, бывало, въ мундирахъ стоятъ, и каждому его превосходительство свой репримандъ сдѣлаеть! И пойдуть-это потомъ каждый день закуски да обѣды—однѣхъ свиней для колбасъ сколько въ батальонѣ, при солдатской кухнѣ, откармливали!

— Ну, это-то заведение и доднесъ, пожалуй, осталось—скорбѣть объ этомъ нечего!—флегматически объяснилъ Ермолай Петровичъ.—А что, ваше высокоблагородіе, не угодно ли будетъ повторить отъ скуки? Водка у насъ, осмѣлюсь вамъ доложить, отличная: сразу, что называется, ожжетъ, а потомъ и пойдетъ ползкомъ по суставчикамъ... каждый изноеть-сь!

— Вотъ у моего покойника,— снова обратилась ко мнѣ теща,— хорошую водку на столъ подавали. Онъ только и говорить, бывало: „лучше ничѣмъ меня откупщикъ не почти, а водкой почти!“

— Ну, это опять неосновательно, — замѣтилъ Бондыревъ: — пословица гласитъ: цей, да ума не пропей—стало быть, зачѣмъ же я изъ-за водки другія статьи буду negliжировать?

— Да вѣдь и онъ, сударь, не negliжироваль, а такъ только къ слову это говариваль. Онъ водку-то черезъ кубъ, для крѣпости, переганиваль...

— Ну, а ваши какъ дѣла?—спросилъ я Бондырева.

— Слава Богу, ваше высокоблагородіе, слава Богу! дай Богъ здоровья добрымъ начальникамъ, милостями не оставляють... нынѣ вотъ подъ судъ отдали!

— Какъ-такъ?

— Да просто-сь. Чтой-то ужь, ваше высокоблагородіе, будто и не знаете? чай, и вы тутъ ручку приложили!

— Въ первый разъ слышу.

— Что-жь-сь, и тутъ мудренаго нѣтъ! извѣстно, не читать же вашимъ высокоблагородіямъ всего, чтò подписывать изволите!

— Скажите, по крайней мѣрѣ, за что вы отданы подъ судъ?

— А неизвѣстно-съ. Оно, конечно, довольно тутъ на справку вывели, и жизнь-то, кажется, наизнанку всю выворотили... однѣхъ неисполнительностей штукъ до полсотни подыскали — даже подивился я, откуда весь этотъ соръ выгребли. — Да-съ; тяжеленька-таки наша служба; губернское-то правленіе не то чтобъ, какъ мать, по родительски тебѣ спустило, а пуще считаетъ тебя, какъ бы сказать, за подкидыша: ты-деската, такой сякой, все за-разъ едѣлатъ долженъ!

— По пословицѣ, Ермолай Петровичъ, по пословицѣ! „Сверковь снохѣ говорила: сношенька, будетъ молотъ; отдохни — потолки!“

Послѣднія слова произнесъ неизвѣстный мнѣ старикъ, стоявшій до сихъ поръ въ углу и не принимавшій никакого участія въ разговорѣ. По всему было видно, что этотъ новый собесѣдникъ принадлежалъ къ числу тѣхъ жалкихъ жертвъ провинціального бюрократизма, которыя преждевременно утрачиваютъ душевныя свои силы, вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія водки, и затѣмъ на всю жизнь дѣлаются неспособными ни къ какому дѣлу или занятію, требующему умственныхъ соображеній. Онъ былъ одѣтъ въ виць-мундиръ стариннаго покроя съ узенькими фалдочками и до такой степени поружбленный, что даже самый опытный глазъ не могъ бы угадать здѣсь признаковъ первобытнаго зеленого цвѣта. Но всего замѣчательнѣе въ этомъ человѣкѣ былъ необыкновенный, грибовидный его носъ, на которомъ, какъ на палитрѣ, сочетались всевозможные цвѣта, начиная отъ чисто-тѣлеснаго и кончая самымъ темнымъ яхонтовымъ. Носъ этотъ, какъ послѣ оказалось, былъ источникомъ горькихъ несчастій и глубокихъ разочарованій для своего обладателя.

— Это жаль однакожь, — сказалъ я Бондыреву, ощущая невольное угрызеніе совѣсти при видѣ человѣка, котораго погибели я самъ нѣкоторымъ образомъ содѣйствовалъ.

— Ничего, ваше высокоблагородіе! мы въ уголовной-то словно въ банькѣ выпаримся... еще бодрѣй послѣ того будемъ!

— Это истинно такъ! — пояснилъ обладатель носа.

— А что, видно, и тебѣ горловину-то прочистить хочется? — обратился къ нему Бондыревъ. — Ваше высокоблагородіе! позвольте представить: Егоръ Павлычъ Абессаломовъ, служить у меня въ вольнонаемныхъ; проку-то отъ него, признаться, мало, такъ больше вотъ

для забавы, для домашнихъ-съ держу... Театровъ у насъ нѣтъ, такъ по крайности хоть онъ развлечетъ.

— Ну ужъ, нашли какую замѣну! — презрительно процѣдила жена.

— А что жъ! по деревнѣ, лучше и быть не надо! — продолжалъ Ермолай Петровичъ: — объ ину пору онъ насъ, ваше высокоблагородіе, до слезъ мимикой своей смѣшитъ!

— Если его высокоблагородію не гнусно, такъ я и теперь свое представленіе сдѣлать могу! — отрекомендовался Абессаломовъ, выпрямляясь, какъ бы передъ найтѣмъ вдохновенія.

— Прикажете, ваше высокоблагородіе! Не-чѣмъ такъ-то сидѣть, такъ хоть на дивовинки наши посмотрите... Катай, Абессаломовъ!

— Юля пятаго числа“ ... — началъ Абессаломовъ.

— Нѣтъ, стой, не такъ рассказываешь! — прервалъ его Ермолай Петровичъ: — а ты коли охотишься рассказывать, такъ рассказывай дѣломъ: и въ позицію стань, и начало сдѣлай! Развозовъ! маршъ сюда и ты!

Послѣднія слова относились къ молодому человѣку, служившему писмоводителемъ у Бондырева. Какъ оказалось впоследствии, онъ долженъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подавать Абессаломову реплику, чрезъ что представленію сообщалась особенная живость и вмѣстѣ съ тѣмъ усугублялся комизмъ. Очевидно, что кто-то (чуть ли даже не самъ Бондыревъ) съ любовью работалъ надъ этой потѣхой, чтобъ возвести ее отъ простаго разказа до степени драматической пьесы.

Абессаломовъ сталъ въ позицію, то-есть выдвинулъ впередъ одну ногу, правую руку отставилъ наотмашъ и, выпрямившись всѣмъ корпусомъ, голову закинулъ назадъ. Всѣ присутствующіе улыбались, а нѣкоторые даже откровенно фыркали, заранѣе предвкушая предстоящее имъ наслажденіе. Абессаломовъ началъ:

НЕВЫГОДНЫЙ НОСЪ.

(Интермедія въ лицахъ.)

„Милостивые господа и госпожи! имѣю доложить вамъ о происшествіи, котораго удивительность равняется лишь его необыкновенности! (*Смѣхъ въ аудиторіи.*)

„Источникомъ какъ сего происшествія, такъ и другихъ многихъ отъ него золь текущихъ, есть сей самый носъ (*теревитъ себя за носъ*), который здѣ предстоитъ предъ вами! А въ чемъ сіе происшествіе, тому слѣдуютъ пункты. (*Ишь ты! по пунктамъ!*“ *раздается въ аудиторию. Смѣхъ усиливается.*)

„Юля пятаго числа 18** года, въ девять часовъ утра, слѣдовала я, по издревле принятому еще предками нашими обычаю, на службу. Необходимо, однако, предварительно доложить вашимъ благородіямъ, что съ самаго съ Петра и Павла, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, подвергнулся я необыкновенной тоскѣ. То-есть, тоска не тоска, а тянеть-вотъ, тянеть тебя цѣлый день, да и вся недолга. Даже жена удивлялась. „Чтой-то, говорить, душечка (она у меня въ пансіонѣ французскому языку обучалась, такъ нѣжное-то обращеніе знаетъ!)—чтой-то, говорить, душечка! на тебя даже смотрѣтъ словно тошно—ты бы хоть водочки выпилъ!“ — Худо, говорю я, худо это, Прасковья Петровна! это большое несчастье обозначаетъ!.. Однакожъ, выпилъ въ ту пору маленько водочки—оно и поотлегло.

„Вотъ только наступило это пятое число. Не успѣлъ я выйти на улицу, какъ идетъ мнѣ встрѣчу нѣкоторый озорникъ, идетъ и очи на меня пучить. „Вотъ, говорить, носъ! для двухъ росъ, а одному достался!“ (*Взрывъ хохота въ аудиторию.*) Однако, я ничего, пошелъ своей дорогой и даже подумалъ про себя: „погоди, братъ! не больно прытко; можетъ, у тебя и рыло-то все наизнанку выворотить“. Не успѣлъ я это, государи мои, подумать, какъ встрѣчается со мной другой озорникъ. „А позвольте, говорить, милостивый государь! извѣстно ли вамъ, что у васъ на лицѣ состоитъ феномень?“ И все это, знаете, съ усмѣшкой, и рожа-то у него поганымъ манеромъ отъ смѣху перекосилась...—Милостивый государь!—сказалъ я, начиная обижаться. „Да нѣтъ, говорить, вы и сами не понимаете, какимъ обладаете сокровищемъ... да господа англичане милліонъ рублей вамъ дадутъ, ежели вы позволите имъ отрѣзать... вашъ носъ!“

„Развозовъ. А что-жъ, это вѣдь правда: носъ-то у тебя именно феномень!

„Авессаломовъ. Отстань ты... дай говорить!.. Ну-съ, отвязался онъ отъ меня коѣ-какъ, и пришлось мнѣ послѣ того мимо резиденціи ихъ превосходительства идти. А ихъ превосходительство, какъ на

грѣхъ, на ту-пору чай на балконѣ кушали... Ну, занятіевъ у нихъ никакихъ тогда не случилось, смотрѣли, значить, больше по сторонамъ, да смотрѣвши и узрѣли меня, многогрѣшнаго. Вскипѣли. „Что это, говорятъ, за чиновникъ? какой у него противный носъ!“ Не спорю я... не прекословлю! Точно, что носъ мой въ присутственномъ мѣстѣ тернимъ быть не можетъ! Однако, терпѣли же меня двадцать-пять лѣтъ, да и ихъ превосходительство, можетъ, отъ праздности только замѣтили... а вышло совсѣмъ наоборотъ-сь. Пересказали, должно быть, эти слова мои завистники; только сижу я въ этотъ самый день въ присутствіи, приходитъ нашъ предсѣдательствующій, и часа черезъ два—что бы вы думали, я слышу? (*съ разстановкой*)—что о моемъ, государи мои, увольненіи ужъ и постановленіе состоялось!

„Развозовъ. Однако, живо же они тебя обработали.

„Авессаломовъ. Спѣшнымъ журналомъ-сь. Даже закономъ предписанныхъ формъ не соблюли, потому что въ законахъ именно строжайше повелѣно никакихъ штрафовъ не налагать, а кольми паче насильственному умертвію не предавать, не истребовавъ предварительно объясненія!

„Развозовъ. Въ чемъ же, однако, объясненія отъ тебя требовать?

„Авессаломовъ. Все-же-сь! а если не въ чемъ мнѣ объясняться, такъ тѣмъ паче-сь! Вѣдь это обидно... я не одинъ... тутъ все потомство мое, можно сказать, изъ-за носа страждетъ! Въ законахъ именно сказано, чтобъ на лицо не взирать!

„Развозовъ. Ты это оставь. Это не наша инстанція. Такъ даже скажу: если и напередъи тебѣ на этотъ счетъ языкомъ побаловать захочется, такъ ты вспомни пословицу: *языкъ мой — врагъ мой*, и вспомнивши плюнь. Я тридцать-пять лѣтъ служу (*Развозову было всего лѣтъ двадцать-пять*), и то все кругомъ да около хожу, а въ центру ни въ жизнь еще не попадалъ!

„Авессаломовъ. Вотъ-сь, прихожу я послѣ того домой. Человѣкъ я дѣтный, жена у меня золотушная, такъ каждый годъ все либо дочку, либо сына подарить...

„Развозовъ. И все, чай, съ такими же носами?

„Авессаломовъ. Какъ можно—сохрани Богъ! старшенькая у меня дочь, Наташенька, совсѣмъ даже схожаго со мной ничего не

имѣть... красавица!.. Такъ прихожу я-это домой! — Ну, говорю, жена! Богъ милости прислалъ! — „А что такъ?“ — Да такъ, говорю, ѣздилъ въ пиръ Кирило, да подаренъ тамъ въ рыло... уволень, братъ, въ чистую! (*Общій хохотъ; Абессаломовъ, въ волненіи, не можетъ нѣкоторое время продолжать.*) И вотъ-съ, стали мы послѣ того жить да поживать да добра наживать; живемъ, нече сказать, богато, со двора покато, за что ни хватись, за всѣмъ въ люди покатись; запасовъ всякихъ многое множество, а пуще всего всякаго нѣта запасено съ самаго съ лѣта. Жена скоро покойницей стала, бо для насъ время гладно настало, а дочекъ-красотокъ люди пріютили, бо родители имъ продовольствіе прекратили, а затѣмъ остаюсь, безъ дальнѣйшихъ словъ, покорный вашъ слуга Егоръ Павловъ Абессаломовъ“. (*Общія рукоплесканія; жена становаго презрительно усмѣхается.*)

Окончивъ представленіе, Абессаломовъ немедленно подошелъ къ подносу съ закуской и сряду выпилъ три рюмки водки; послѣ того онъ удалился въ уголь и, сѣвъ на стулъ, почти мгновенно заснулъ.

— А что, ваше высокоблагородіе! — обратился ко мнѣ Бондыревъ: — вотъ вы и въ столицахъ изволили быть, а этакаго въ своемъ родѣ дарованія и тамъ, чай, со свѣчкой поищешь!

Но я не отвѣчалъ ни слова на этотъ вопросъ, потому что впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ страннымъ существомъ и его разказомъ, было изъ самыхъ тяжелыхъ. Несмотря на грубо-комическій колоритъ разказа, видно было, что весь тонъ его фальшивый, и что за нимъ слышится нѣчто до того похожее на страданіе, что невозможно и непозволительно было увлечься этою мнимою веселостью. Вообще, если Ермолай Петровичъ рассчитывалъ на то, чтобъ позабавить меня, то далеко не достигъ своей цѣли, и день мой былъ окончательно испорченъ этимъ представленіемъ. Я ѣхалъ сюда измученный моимъ одиночествомъ; все существо мое было настроено къ принятію тѣхъ благодатныхъ, свѣтлыхъ впечатлѣній, которыя, Богъ вѣсть почему, въ извѣстные дни и эпохи неотразимо и неизмѣнно нисходятъ надъ душой, но странное „представленіе“ мигомъ разрушило это свѣтлое, гармоническое настроеніе. Такъ иногда случается, что въ правильное и совершенно плавное теченіе жизни вдругъ врѣзывается обстоятельство въ полномъ смыслѣ слова ей постороннее, и

врѣзывается съ такой силой, что не только заставляетъ принять себя, но и деспотически подчиняетъ себѣ весь строй этой жизни.

III.

Начинало уже смеркаться, когда мы пріѣхали на станцію. По селу, и тамъ, и сямъ, бродили группы подгулявшихъ крестьянъ, а передъ станціоннымъ домомъ стояла даже цѣлая толпа народу.

— Вѣрно, что-нибудь случилось!—еще издали замѣтилъ мнѣ Бондыревъ, указывая на толпу.

И дѣйствительно, толпа, казалось, тревожно выжидала нашего пріѣзда. Едва успѣли мы выйти изъ саней, какъ все это вдругъ заговорило и беспорядочно замахало руками. Изъ избы долетали до насъ звуки того унылаго голошенья, услышавъ которое даже самый опытный наблюдатель не въ состояніи бываетъ опредѣлить, чтò скрывается за этими взвизгиваньями и завываньями: искреннее ли чувство, или простой формализмъ.

— Чтò случилось?—спросилъ Бондыревъ.

— Петруха... Петруха...—раздалось въ толпѣ.

Сердце мое болѣзненно дрогнуло.

— Племянникъ у насъ бѣжалъ, ваше благородіе!—отвѣчалъ, выстуная впередъ, одинъ изъ сыновей дѣдушки.

— Рекрутъ, что-ли?

— Рекрутъ, ваше благородіе.

— Ахъ, шельмы вы этакія!—и снисхожденія-то вамъ сдѣлать нельзя!

— Имѣютъ его, ваше благородіе! самъ отецъ пошелъ,—робко проговорилъ дядя Петруни.

— Да, изымаютъ, держи карманъ! А не было ли у него на селѣ любезной?—спросилъ Бондыревъ, чутьемъ угадывая истину.

— Маврушка Савельева, чай, знаетъ!—молвилъ кто-то въ толпѣ.

— Что ты!—перекрестись!—почти завопилъ, протискиваясь сквозь толпу, сѣдой старикъ, должно быть, отецъ Маврушки:—ничѣмъ моя Маврушка тутотка не причастна, ваше благородіе.

— Ишь ты какое дѣло случилось!— снова началъ дядя Петруни:—ничѣмъ мы, кажется, его не избидѣли, а онъ вотъ чтò съ нами сдѣлалъ.

— А вотъ мы это послѣ разберемъ!—отвѣчалъ Бондыревъ и, обращаясь къ толпѣ, промолвилъ:— чтобъ былъ у меня рекрутъ найденъ!—всѣ маршъ въ лѣсъ искать!

И сказавъ это, величественнымъ шагомъ потекъ въ избу порасправить въ теплѣ свое бѣлое тѣло.

Х.—Развеселое житье.

Разсказъ.

„Станеть царь-государь меня спрашивати:
Ты скажи, дѣтинушка, крестьянской сынъ!
Ужъ ты съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой
держалъ?“

Бурлацкая пѣсня.

„Развеселое, братъ, это житье! Ни передъ тобой, ни надъ тобой, ни кругомъ, ни около никакого начальства нѣтъ; никто, значитъ, глаза тебѣ не мозолить, никто съ тебя не спрашиваетъ, а при случаѣ всякъ самъ же тебѣ отвѣтъ должнъ дать.

„Такъ скажу: коли нѣтъ у тебя роду-племени, или обидѣлъ-забѣлъ кто ни-на-есть, или сердце въ тебѣ стосковалося,—кинь ты жизнь эту нуждную, кинь заботу эту черную, поклонись ты лѣсу дремучему: „лѣсъ-моль государь, дремучій боръ!—ты прими меня страннаго, ты прими безчастнаго-безталанцаго. Разутѣшь ты, государь, душу мою горькую, разнеси тоску мою по свѣту вольному! Чтобъ зналъ вольный свѣтъ какова есть жизнь распрелютая, чтобъ вѣдали люди прохожіе-проѣзжіе, какъ сиротское сердце въ груди встосковалося, въ вольномъ воздухѣ душа разыгралася“.

„Народу у насъ предовольно. И изъ Рязани, и изъ Казани, и изъ-подъ самага Саратова, есть и казенные, есть и барскіе, однако больше барскіе... Бываютъ и кавалеры: эти больше отъ „зеленыхъ луговъ“ въ лѣсу спасаются. Народъ все тѣртый: и въ водѣ тонулъ, и въ огнѣ горѣлъ; стало быть, какъ зачнетъ тебѣ сказы сказывать—заслушаешся. Иной, братецъ, головы два разъ лишался, а все голова на плечахъ болтается; иной кавалеръ и за отечествіе ровно

ужь слишкомъ отличку показаль, и въ паратахъ претерпѣніе видѣль, а все въ живыхъ стоять. Никто какъ Богъ. Одинъ кавалеръ рапортоваль: пуля ему въ самый лобъ треснула, разлетѣлась-это голова врозь, посинѣли руки-ноги, ну и языкъ тоже: буде врать, говорить... Что-жь, сударь? къ дохтуру—не помогъ; къ командиру—не помогъ; самъ брихадный былъ—не помогъ; а Смоленская помогла! Значить—сила!

„Такимъ родомъ живучи, на людяхъ и сиротство свое забываешь. Ну, и другое еще: свычка. Это значить: коли къ чему чловѣкъ привыкнетъ, лучше съ жизнью ему разстаться, нежели привычку свою покинуть. Сказываль одинъ кавалеръ, что по времени и къ палкѣ привычку сдѣлать можно. Ну, это должно быть ужь слишкомъ, а съ хорошимъ житьемъ точно-что можно слюбиться.

„Да и хорошо вѣдь у насъ въ лѣсу бываетъ. Лѣтомъ, какъ сойдеть-это снѣгъ, ровно все кругомъ тебя заговорить. Зацвѣтуть-это цвѣты-цвѣтики, прилетить итичка малиновочка, застучить дятель, закукуеть кукушечка, муравьи въ землѣ закопошутся—и не вышелъ бы! Травка малая подь сосной зябеть,—и та словно родная тебѣ. А почнетъ этта лѣсъ гудѣть, особливо объ-ночь: и вѣтру не чуть, и верхи не больно-чтобъ шаталися,—а гудеть! Такъ гудеть, что даже земля многіе десятки верстъ ровно стонеть! Столь это хорошо, что даже сердце въ тебѣ възграеть!

„Бываютъ, однако, и напасти на насъ, а главная напасть—зима. Первое дѣло—работы совсѣмъ нѣтъ: стужа-то не свой братъ, не сидень ждать на дорогѣ, какъ слезы изъ глазъ морозомъ вышибаетъ; второе дѣло—всякій въ ту-пору въ лѣсъ наѣзжаетъ: кому бревенко срубить, кому дровецъ надобно,—ну, и неспособно въ лѣсу жить. Значить, въ зимнее время все больше по чужимъ людямъ, аки Иуда, шманаемся: гдѣ хлѣбца подадутъ, а гдѣ и пирожка укусишь. Только чудной, право, нашъ народъ: хлѣбца тебѣ Христовымъ именемъ подасть, даже убоинкой объ ину-пору удовлетворить; а въ избу погрѣться не пустить: ни-ни, проваливай мимо! Такимъ родомъ, все по гумнамъ и имѣемъ ночлегъ. Иной разъ разнеможешься,—просто смерть! Спину словно перешибеть, въ головѣ звенить, глаза затекутъ, ноги ровно бревна сдѣлаются,—а все ходи! Еще гдѣ до свѣту, запюють-это пѣтухи, потянешь носомъ дымокъ,—ну, и вставай, значить, покидай свое логово! А не уйдешь, такъ тебя, раба Божія,

силой изъ-подъ соломы выволокутъ, да на сусѣднее поле и положить: отдохай-моль тутъ, сколько тебѣ хочется! Звѣрь-народъ!

„Однако, братъ, штука-это жизнь! Иной разъ даже тошнехонько, и на свѣтъ бы не глядѣлъ, и руки бы на себя наложилъ — анъ нѣтъ, словно нарочно все такъ подстроится, чтобъ быть тебѣ живу, — живъ и есть. Ровно она сама къ себѣ пристааетъ, жизнь-то: живи-моль, восчувствуй! Ну и восчувствуешь: пойдешь-это въ кабакъ,хватишь косушку разомъ, и простыпеть въ тебѣ зло, благо сердце у насъ отходчиво.

„Случилась однажды со мной оказія. Иду я по Доробину, а на дворѣ стала ночь; только иду я, идучи будто думаю; и холодно-то мнѣ, и голодно-то, и нѣтъ у меня роду-племени, нѣту батюшки, нѣту матушки, и все, знашь, какъ-то на фартуну свою жалуюсь, что ужъ очень, значить, горько мнѣ привелось. Только вижу, у Мысей въ избѣ огонь горить. Полюбопытствовалъ я и гляжу въ окошко; ну, извѣстно чтò въ избѣ дѣлается. Посередь горницы молодуха прядеть, въ углу молодякъ за станомъ сидить, на земли робятки валяются, старій лапти на лавкѣ ковыряеть... то-есть видаль и перевидалъ я все это. Однако тутъ, Богъ-е-знаеть, чтò со мной стало: растопилось это во мнѣ сердце, даже затрясся весь. Взшелъ въ избу: „Богъ въ помощь, говорю, господа хозяева! — не пустите ли страннаго обогрѣться?“

„— А ты отколь? — спрашиваетъ Мысей и смотритъ на меня старикъ зорко. Ну, самъ, чай, знаешь, трудно ли тутъ соврать? Сказаль, что изъ Гай либо изъ Лыкошева, — и дѣло съ концомъ! Анъ, вотъ-те Христось, не посмѣлъ солгать, языкъ даже не повернулся; стою да молчу. — Инъ дай ему, Марьюшка, хлѣбца, Христа-ради! — говоритъ Мысей-то: — а ты, говоритъ, странный, ступай, — Богъ съ тобой!

„Ну, и пошелъ я; только всю эту ночь я промаялся. Горе, что-ли, меня больно задавило, а это точно, что глазъ сомкнуть не могъ. Все это будто сквозь туманъ либо Мысей представляется, либо робятки малые, либо молодуха... и ровно рай у нихъ въ избѣ-то!

„Вторая наша напасть — полиція; однако, съ нею больше на деньгахъ дѣло имѣемъ.

„Вздумаль этта становой насъ ловить, однако мамонѣ спраздновалъ. Вотъ какъ дѣло было. Призваль онъ къ себѣ отъ „Разбалуя“

цѣловальника:—Ты, говорить, всему этому дѣлу голова: ты, стало быть, и ловить должонъ.

„— Помилуйте, ваше благородіе!—говорить Михай Митричъ:—у насъ въ заведеніи, окромѣ какъ тихимъ манеромъ выпить, никакихъ другихъ дѣловъ не бываетъ; одно слово, говорить, монастырь... сосновый-съ!—Однако становой на него затопаль:—Знать, говорить, ничего не хочу!—Ну, Михай Митричъ за Батыгой: такъ и такъ-моль, утекайте пока до бѣды. Затосковаль Батыга, денно и почно горькую пилъ, а изъ бѣды-таки выручилъ. Зарядивши себя такимъ родомъ, пошелъ онъ... какъ бы ты думаль, куда? къ самому, то-есть, къ становому!

„— Я, говорить, есть тотъ самый Батыга, объ которомъ ваше благородіе узнавать изволили...—Такъ становой-то даже обезпамятѣлъ весь отъ злости. Подлетѣлъ это къ нему, вцѣпился смаху въ бороду, и ну волочить. Даже говорить ничего не говорить, а только ротъ разѣваешь да дышитъ. Только Батыга все претерпѣлъ, ни въ чемъ не перечилъ, а какъ увидѣлъ, однако, что его благородію маленько будто полегчило, повелъ и онъ свою рѣчь.—А я-моль къ вашему благородію съ лаской, говорить.—Ну, и опять обезпамятѣлъ становой:—Сотскихъ!—кричать:—кандалы сюда!—И все-таки въ кандалы не заковаль, а порѣшили наше дѣло промежъ себя полюбовно: отъ насъ ему въ мѣсяцъ пятьдесятъ цѣлковыхъ, а намъ воровать съ осторожностью.

„А по прочему по всему житъ намъ хорошее.

„Попаль я на эту линію постепенно. Человѣкъ я Божій, обшить кожей, по-просту, по-русски сказать, дворовый господина Ивана Кондратьича Семерикова, на золотѣ не ѣдалъ, медовой сытой не запиваль, ходилъ больше въ нанкѣ да въ пестрункѣ, хлебаль щи, а пилъ воду. На этомъ, братъ, коштѣ не разжирѣешь, а если и разжирѣешь, такъ, значитъ, не отъ себя и не отъ господъ, а никто какъ Богъ. Поступилъ я сперва-на-нерво въ барскій домъ въ мальчишки. Должность эта небольшая: на погребѣ за квасомъ слетай, въ обѣдъ за стуломъ съ тарелкой постой, ножи вычисти, тарелки перемой, да изъ чулка урокъ свяжи,—только и всего... Такъ-то я и росъ. Помню даже теперь, какъ, бывало, облизываешься, глядя на господъ, какъ они кушать изволятъ. Иной разъ такъ забудешься, что и ротъ по-

ихнему развѣвать начнешь, — ну, и съѣчь сейчасъ, потому что ты лакей и, стало быть, долженъ за стуломъ стоять смирно.

„Хоть баринъ у насъ и богатый, однако ихній тягенька, еще у всѣхъ дворовыхъ на памяти, въ ближнемъ кабакѣ Михей Митричемъ сидѣлъ... По этому самому случаю, а больше, можетъ, и для того, чтобъ себя передъ благородствомъ оправдать, Иванъ нашъ Кондратьичъ свою честь держалъ очень строго. Не то чтобъ къ кабаку, какъ къ истинному своему отечеству, лнуть, а все норовить бывало, какъ бы въ большія хоромы вгрызться. А съ нашимъ братомъ — никакого и разговору не было.

„Наши дворовые были Иванъ-Кондратьичемъ недовольны. Особенно обижался имъ буфетчикъ Петръ Филатовъ. Прежде-то были мы, слышь ты, княжіе (Овчинина князя Сергѣй Ѳедорыча, можетъ, слыхаль?). Ну, стало быть, Петру-то Филатычу и точно-что будто обидненько было послѣ князя какой-нибудь, съ позволенія сказать, мрази служить.

„А пріятный для слуги господинъ какой долженъ быть? Тотъ господинъ для слуги пріятенъ, который его слушаетъ, который обиходъ съ нимъ имѣетъ и на совѣтъ слугу своего безпремѣнно зоветъ. Въ стары годы, сказываютъ, на этотъ счетъ просто было: господа съ слугами въ шашки игравали и завсегда съ ними компанію важивали. Онъ же, Петръ Филатовъ, сказывалъ, что, бывало, господа другъ съ дружкой бесѣду ведутъ, а слуги у дверей сберутся да временемъ и свое словечко въ господскую рѣчь пустятъ. Ну, конечно, что такъ-то будто лучше, а впрочемъ это не мое, а Петра Филатова разсужденіе, потому какъ я на это дѣло давно уже плюнулъ и ногой, братецъ ты мой, его растеръ.

„Пречудный былъ этотъ старикъ. Начнетъ, бывало, про князя рассказывать — что твой соловей заливается, — и не заткнешь ничѣмъ; а вспомнить, что вотъ на старости лѣтъ Семерику служить привелось, и пойдетъ-это губами шамкать; даже весь посинѣетъ отъ злости. Такая ужъ, видно, линія на роду человѣку написана.

„На четырнадцатомъ году свезли меня въ Москву къ повару французу въ ученье; жилъ я въ поваренкахъ четыре года и, хвастать нечего, свѣту большого изъ-за плиты не видалъ. Потомъ, однако, пустили господа по оброку, чтобъ еще больше, значить, въ наукѣ своей произойти.

„Про Москву такъ долженъ сказать: множество видѣлъ я городовъ, а супротивъ Москвы не сыщется. Въ Москвѣ всякій въ свое удовольствіе живетъ, господа въ гости другъ къ другу ѣздятъ, а простой народъ въ заведеніяхъ — блаженство! Возьмемъ, примѣрно, трактиры одни, чего тамъ нѣтъ? И чай, и водка, и закуски... и все, значить, тамъ. Машина „Вѣтерокъ“ тебѣ сыграетъ, приказный отъ Иверскихъ воротъ въ присядку отпляшетъ; въ одномъ углу тысячныя дѣла промежъ себя рѣшать, въ другомъ просьбицу строчать, въ третьемъ обнимаются, въ четвертомъ слезы проливаютъ... жизнь! Къ такому-то житю какъ попривыкнешь, ни на что другое и не смотрѣлъ бы! Такъ тебя и тянетъ съ утра ранняго все въ трактиръ да въ трактиръ.

„Баринъ, къ которому я нанялся (а нанялся я къ нему въ лакеи, а не въ повара), очень меня полюбилъ; смиренный, добрый былъ этотъ баринъ, не наругатель и не озорникъ, а къ простому народу особливо былъ жалостливъ. Служить онъ нигдѣ не служилъ и занимался, по своей охотѣ, все больше книжками, а по вечерамъ господа молодые къ нему собирались.

„Однакожъ недолго я у него жилъ. Въ скорости этотъ баринъ незнамо куда запропалъ, да въ скорости же пришелъ и ко мнѣ отъ нашего бурмистра приказъ въ деревню явиться.

„Ужъ какъ мнѣ эта деревня тошна послѣ Москвы показалась — даже рассказать нельзя! Первое дѣло, призываетъ меня къ себѣ Семерикъ и приказываетъ при конюшнѣ находиться. Снял я свое платье московское, нарядился въ старый армякъ.

„Ну, армякъ, такъ армякъ, — и на томъ спасибо.

„Второе дѣло, содержаніе въ деревнѣ больно ужъ безобразное. Настанеть, бывало, время обѣдать идти, такъ даже сердце въ тебѣ все воротить. Щи пустыя, молоко кислое, — только слава одна, что ѣшь, а настоящаго совсѣмъ нѣтъ.

„Однако хоть и всячески я себя перемогалъ, а по времени не въ моготу стало. И сдѣлалось со мною тутъ словно чудо какое. Отъ думы что-ли, или оттого, что, въ Москвѣ живши, себя ужъ очень изнѣжилъ, только сталъ я мучиться да тосковать, даже ровно страхъ на меня отъ всѣхъ этихъ мученьевъ напалъ. „Господи! думаю, бывало, неужто жъ и взаправду мнѣ въ этой трущобѣ, какъ червю, гнить придется?“ А сердце вотъ такъ и рветъ, такъ и ноетъ въ груди.

„Даже работать совсѣмъ пересталъ. Знаю и самъ, что худо это, что другіе, можетъ и лучше тебя, за тебя работаютъ, однако принужденія сдѣлать себѣ не въ силахъ. Ну, и дай Богъ нашимъ здоровьемья,—пожалѣли меня, до барина этого не довели.

„Вотъ только одинъ разъ по вечеру господа наши въ гости уѣхали; пошелъ я во дворъ поглядѣть, какъ наши сѣнныя дѣвушки въ горѣлки бѣгаютъ. Только бѣгаютъ-это дѣвки, а во флигелѣ на крылечкѣ какая-то барыня на нихъ смотритъ. Ну, и наши всѣ тутъ въ кучу собрались; идетъ промежъ нихъ хохотъ да балагурство; увидѣли меня, на смѣхъ тоже подняли:—Что, пришелъ? или, молъ, смирился?—Анъ нѣтъ, говоритъ Филатовъ, онъ къ Марьѣ Сергѣевнѣ на поклонъ явился!—Тутъ только я и узналъ, что эта барыня сама Марья Сергѣевна и есть.

„А Марья Сергѣевна у нашего барина въ родѣ какъ экономка жила. Была она просто-на-просто пастуха нашего дочь; только Семерикъ и въ паневѣ ее облюбовалъ, и по этому самому отца-то изъ пастуховъ въ дальнюю деревню въ старосты произвелъ, а ее въ горницу къ себѣ опредѣлилъ. Ну, взяли сердечную, вымыли, вычесали, въ платье нѣмецкое одѣли и къ Семерику представили; барыня наша, сказываютъ, много объ этомъ въ ту-пору стужалася.

„Однако любопытно мнѣ стало поглядѣть на нее. Самъ знаешь, баринова сударка—стало быть, сяла. Коли не настоящее, значить, тебѣ начальство, такъ еще хуже того; какъ же тутъ утеритъ, не посмотреть? Подошелъ я къ крылечку и гляжу на нее.

„И вотъ, братецъ ты мой, даже до сей минуты вспомнить я о ней не могу: такъ-это и закипитъ, задрожитъ все во мнѣ! Ровно подняло во мнѣ все нутро, ровно сердце въ груди даже заиграло, какъ взглянула она на меня! И нельзя даже сказать, чтобъ ужъ очень изъ себя пышна или красива была, а такой-это былъ у нея взглядъ мягкій да ласковый, что всякому около нея тепло и радостно становилось. Ну, и усмѣшечка эта на губахъ тихонькая... ровно вотъ зоренька утренняя сквозь облачка поигрываетъ.

„Много видѣлъ я барынь красивыхъ, и изъ нашего званія тоже хороши дѣвушки изъ себя бываютъ, а все-таки Маши другой не встрѣчалъ. Доброта въ ней большая была; а потому, можетъ, самому краса ея силу имѣла, что душа у ней на лицѣ всякому объявлялась. Такъ скажу: не знай я теперя, что давно она въ могилу пошла, жизни

бы не пожалѣлъ, въ кабалу бы себя опять отдалъ, только бы на лицо ея посмотрѣться, только бы голоса ея милого наслушаться!

„Ну и она, увидѣвши меня будто въ первый разъ, тоже полюбопытствовала.

„ — Не вы ли, говорить, новый поваръ, что изъ Москвы она-меднись выслали?

„ — Я, говорю.

„ — Отчего жъ, говорить, вы въ такомъ платьѣ ходите?

„ — А оттого, молъ, что на то есть барская воля.

„ — Такъ вы барина попросили бы... онъ вѣдь только гордъ очень, а добрый!

„ — Нѣтъ, говорю, я просить не буду, потому что впередъ знаю, что если стану съ бариномъ говорить, такъ ужъ это безпремѣнно, что ему нагрублю.

„ — Что-жъ такъ?

„ — Да такъ, Марья Сергѣевна... за что, примѣрно, онъ меня платья моего лишилъ?

„ — Вотъ вы какіе! пожили въ Москвѣ, да и стали ужъ слишкомъ спѣсивы! А вы бы глядя на другихъ дѣлали.

„ Ну, я противъ этихъ ея словъ ничего сказать не рѣшился; стою да молчу.

„ — А хорошее, говорить, въ Москвѣ житье?

„ И сама, знаешь, тяжеленько этакъ вздыхаетъ.

„ — И вездѣ, говорю, хорошо, гдѣ, то-есть, жить намъ мило.

„ — А гдѣ, по вашему, мило? — спрашиваетъ.

„ — А тамъ, говорю, мило, гдѣ у насъ милый другъ находится...

„ Сказалъ это, да и смотрю на нее, и даже чувствую, какъ меня всего знобить. И она со словъ моихъ словно зардѣлась вся, опустила это голдовоньку и задумалась.

„ — Вамъ, можетъ, желательно, чтобъ я за васъ барина попросила, говорить.

„ — Коли ваше желаніе на то есть, говорю, такъ отъ васъ я принять милость не откажусь.

„ Больше въ тотъ вечеръ я съ ней не говорилъ. Только стало мнѣ съ той минуты словно легко и незаботно на свѣтѣ жить. Пошелъ я къ себѣ на сѣноваль спать, и всю-то ночь вмѣсто спанья только пѣсни пропѣлъ.

„Да и ночь-то на ту-пору такая случилась: теплая да звѣздная, ровно даже горитъ-это на верху отъ множества звѣздъ! И все-это кругомъ тебя снить; только и слышишь, какъ лошадь около яслей на мякину фыркнула, или въ денникѣ жеребенокъ въ солому съ про-соньевъ закопошился.

„На утрѣ позвали меня къ барину. Не могу о себѣ сказать, чтобъ изъ робкихъ былъ; однако на ту-пору такъ сробѣлъ, что даже сердце во мнѣ упало. Баринъ принялъ меня въ лакейской предѣ всѣми людьми и очень что-то грозно.

„— Ну, что, говорить, прочухался?

„Я молчу.

„— Что-жъ ты не отвѣчаешь, звѣрь?

„Я опять молчу. Только слышу, что по-за-дверью ровно зашуршало что. Задрожалъ, затрясся я весь.

„— Виновать, говорю.

„— То-то, молъ, виновать!

„Ну, и простилъ онъ меня, въ кухню опредѣлить велѣлъ.

„Стали мы послѣ этого чаще видаться, только больше все при людяхъ. Иной разъ и встрѣтишься гдѣ-нибудь одинъ-на-одинъ, однако смѣшаешься, обробѣешь,—ну, ничего и не скажешь. Объ одномъ только и въ мысляхъ, бывало, держишь, какъ бы съ ней встрѣтиться, или бы шорохъ отъ платья ея услышать, или бы вотъ хоть издальки на нее полюбоваться. Ну, и она словно замѣтила, что усмѣшечка ея шибко мнѣ нравится: какъ ни пройдетъ мимо меня, всякій разъ безпремѣнно усмѣхнется... Такъ и протянулось наше дѣло до осени.

„По осени, такъ, около Введеньева дня, стали наши господа въ Москву собираться. Пошелъ-это по дому трескъ да шумъ; возы съ поклажей сряжаютъ, экипажи дорожные излаживаютъ,—ну, какъ у большихъ господъ обыкновенно водится. Слышу я, что и Мапа съ господами уѣзжаетъ, а мнѣ приказу ѣхать не объявляютъ. Сталъ я стороной отъ людей узнавать: кто говорить—Павлу повару ѣхать, кто говорить—мнѣ ѣхать, а настоящего нѣту. Времени межъ тѣмъ все меньше остается,—смерть, да и полно!

„Порѣшилъ я подъ конецъ, чтобъ мнѣ самому съ Машей объ этомъ переговорить. Выбралъ время, какъ ей изъ дому во флигель

на ночь идти, сталь и жду у крылечка. Только вижу, что вдали огонек забрезжил и прямо-таки к флигелю бѣжить, словно вот искорка, откуда ни взялась, одна, сама собой в воздух летает.

„ — Вы, говорю, Марья Сергѣвна?

„ Спервоначалу она было-испугалась, даже остушилась и упала, однако голосу не дала. Я ее бережненько поднял, посадил на крылечко и фонарь затушил.

„ — Вы, я говорю, не опасайтесь меня, Марья Сергѣвна!.. Я съ тѣмъ нарочно и пришелъ, чтобъ васъ видѣть. Мочи моей больше нѣтъ; все у меня сердце отъ тоски изорвалось!

„ Подошелъ я поближе къ ней, взявъ ее за рученьку и слышу, что она словно листъ вся трясется.

„ — Вы вотъ съ господами въ Москву собираетесь, говорю: — стало быть, разставанье будетъ намъ долгое... Поэтому я такъ теперь о себѣ понимаю, что самый я безъ васъ буду несчастный человекъ, и, стало быть, ничего мнѣ другого желать не надо, какъ только руки на себя наложить или въ лѣса отъ такихъ мученьевъ бѣжать...

„ — Да вѣдь и вы, чай, съ нами въ Москву поѣдете? Чтой-то, ужъ и бѣжать собрались!.. словно и разуму своего вы лишились!

„ — Нѣтъ, говорю, въ Москву я съ вами не поѣду; да и вы, коли меня жалѣете, барина отъ этого намѣренія отклоните. Потому, первое, что въ Москвѣ я надежды на себя не имѣю. А второе дѣло, мнѣ и здѣсь на ваше житье смотрѣть совсѣмъ непереносно стало.

„ Какъ выговорилъ я ей это, она словно даже ручьемъ залилась.

„ — Такъ вотъ, говорить, чѣмъ вы меня попрекаете! точно сами не знаете, какова моя здѣсь жизнь!

„ — Я, говорю, не съ тѣмъ это сказалъ, чтобъ васъ попрекать, а съ тѣмъ, что при моихъ къ вамъ чувствахъ смотрѣть мнѣ на эти дѣла не приходится.

„ Только она еще нуще на это заплакала, а меня ровно тутъ духъ какой обуялъ! Бросился я къ ней, поднялъ-это ее къ себѣ на руки... И жалко-то мнѣ ее, и душу-то я бы за нее отдалъ, и злость однако за сердце словно вотъ клещами хватаетъ: пропадай-моль все, не доставайся она ни мнѣ, ни ему! Даже закоченѣлъ весь, даже не слышу ничего, мну да тираню ее, сердечную, въ рукахъ, будто задушить хочу... А она только потихоньку стонетъ, а рваться отъ меня не рвется.

„ — Ваня! говоритъ: что ты надо мною едѣлать хочешь?

„Опамятовался я подъ-конецъ, выпустилъ ее изъ рукъ. Тяжко мнѣ тутъ едѣлалось, такъ тяжело, что и сказать нельзя. Смотрю-это на барскій дворъ, и самъ Богъ знаетъ, что думаю; смотрю тоже и на большую дорогу, и на лѣсъ дальній, — и все это будто перемѣшалось во мнѣ; точно не самъ я, а именно лукавый во мнѣ думаетъ.

И такова была въ ней душа ангельская, что она не токма-что тиранства моего не попомнила, а меня же, звѣря лютаго, утѣшать бросилась.

„ — Ваня, говоритъ, голубчикъ ты мой! ахъ, да посмотри же, посмотри же ты на меня! пожалѣй ты меня! Легче бы мнѣ въ пропасть теперь сгинуть, чѣмъ сердце твое на себѣ видѣть!

„И вотъ, братецъ ты мой, хоть зима на дворѣ стояла: значить и тѣмнеть, и сивирь, и снѣгъ, однако краше для меня эта ночь самой теплой лѣтней ночи показалася! Всѣ эти звѣзды, что на небѣ горять, словно въ сердцѣ у меня загорѣлися!

„На утро прикинулась къ ней горячка. Доложили объ этомъ барину и послали за дохтуромъ. Дохтуръ обозрѣлъ ее и сказалъ, что въ Москву ѣхать никакъ нельзя. Сокрушился Семерикъ; однако такую къ Машѣ привычку взялъ, что даже поѣздку въ Москву хотѣлъ отложить. Только тутъ ихняя супруга, дай Богъ ей здоровья, за наше счастье вступилася. Семерикъ говоритъ: „не поѣду!“ Семеричиха кричитъ: „врешь, поѣдешь!“ И опять Семерикъ свое долбитъ, а Семеричиха такъ на него и заливаается: „и безъ того я отъ тебя не-вѣсть-что безобразіевъ терплю, чтобъ смѣлъ ты меня на всю жизнь въ деревню запереть!“ Много у насъ тутъ страму на весь домъ было. Однако Семеричиха, какъ была генеральская дочь, одолѣла. Стали собираться; вышелъ и мнѣ приказъ быть готовымъ.

„Ну, нѣтъ, думаю, это, видно, подождать придется! И удумалъ я тутъ штуку. Явился къ Семеричихе и, какъ ни воротило мнѣ сердце, палъ къ нему въ ноги взаправду.

„ — Позвольте, говорю, въ деревнѣ остаться!

„ — Это еще что за штуки? говоритъ: и какъ ты смѣлъ прямо на глаза мои показываться?

„ — Я, говорю, по слабости моей, въ Москвѣ надежды на себя не имѣю, потому какъ тамъ и знакомство у насъ большое, и случаевъ больше есть, а въ деревнѣ все одно, что въ монастырѣ...

„Понравилось это Семерику. А пуще всего то по сердцу пришло, что вотъ-моль лютаго звѣря въ смиреніе привелъ!

„— Ну, говорить, коли есть твое желаніе, чтобъ въ исправленіи своемъ укрѣпиться, такъ я препятствовать этому не могу... Взять въ Москву Павлушку!

„Уѣхали.

„Остались мы съ Машей въ домѣ почестъ-что одни. Молодыхъ всѣхъ господа еще съ обозомъ въ Москву угнали, а въ деревнѣ оставили только стариковъ да конюховъ. Къ Машѣ старуху Матрену Ивановну приставили, — золотая это была душа! Стало быть, очень намъ было свободно! По началу она еще слабость въ себѣ чувствовала, а недѣльки черезъ двѣ и поправляться стала. А Семерикъ то и-дѣло, что изъ Москвы гонца за гонцомъ шлетъ, да строго-на-строго наказываетъ, чтобъ Машу къ нему въ самой скорой скорости выслать. Однако, нѣтъ.

„И словно рай промежъ насъ тогда поселился. По времени даже смѣлость такая у насъ проявилась, что и людей совсѣмъ опасаться перестали. Заложилъ, бывало, объ вечеръ жеребца съ барской конюшни въ охотницкія саночки, укутаешь ее, голубушку, въ шубку, и пошелъ по полянкамъ гулять, — даже духъ занимается! А ночи-то, братъ, лунныя да морозныя, и снѣгомъ-то кругомъ тебя обдаешь, и вѣтромъ-то жжетъ... жизнь! У Маши, бывало, даже глазенки заискрились, столь это хорошо!

„Ну, и домой тоже пріѣдешь, отогрѣвать ее станешь, на рукахъ, словно ребеночка, баюкаешь...

„Да, братъ, — какъ подумаешь да погадаешь, что все это жило да сплыло, да былъемъ поросло, и что всему этому житью Семерикъ на всякъ часъ поперекъ можетъ стать, — даже страхъ тебя какой-то беретъ!

„И скажи ты мнѣ на милость, отчего бы, на примѣръ, мнѣ счастливымъ не быть? И отчего, на примѣръ, вздумалъ я разъ въ жизни радость свою имѣть, и тутъ вышло, что радость та не моя, а чужая? Отъ этой, братъ, думы и ушелъ я въ лѣса, чтобъ больше она меня не тревожила.

„Провѣдалъ однако, прозналъ онъ — какъ ужъ, не знаю — про нашу любовь. Бурмистръ что-ли ему отписалъ, — этого доказать не могу; только разъ пріѣзжаемъ мы вечеромъ съ поля, анъ въ барскомъ домѣ

огни горять. Маша моя такъ и ахнула... Ну, и я тоже маленько будто посумнился.

„— Что, говорю, Машенька! — гаркнуть развѣ, и поминай какъ звали?“

„Только говорю я это, а самъ вижу, что она ни жива, ни мертва въ саночкахъ сидитъ. „Ну, думаю, плохо значить, наше дѣло, — пришлось въ раздѣлку идти!“... Надѣялся-было я на первыхъ порахъ во флигелѣ ее схоронить, анъ и тотъ запертъ.

„Привели насъ къ Семерику... Ну... кончилось тѣмъ, что Машу черезъ два дня въ деревню за вдовца за дѣтнаго замужь отдали, а меня приказали въ солдаты сдать...“

„Въ эту ночь много я отъ холоду вытерпѣлъ, а нуще того отъ думы да отъ тоски сокрушился. То будто зима-зимская морозная передъ глазами носится, и полянки эти дальняя, и саночки малыя, и Маша, разлюбушка моя, тутъ... И словно свѣтъ голубой мнѣ въ глаза бьетъ, и въ этомъ свѣтѣ голубомъ она, моя голубушка, ровно въ воздухѣ, дрожить и колыхается... залило меня горе всего!

„Порѣшилъ я однако бѣжать. Не то чтобъ солдатства крѣпко боялся, а словно дѣло это для насъ необычное, да и съ Машей разстаться жалко; все думаешь: не закопаютъ же ее живую въ могилу, —авось можно свидѣться какъ-нибудь.

„Вотъ на другой день подняли меня ранымъ-ранѣхонько. Вывели, всего обшарили. На дворѣ подвода стоитъ, и отдатчикъ съ подводчикомъ на-готовѣ ожидаютъ. Пришли родные, пришла дворня вся: бабы воютъ да стонутъ, особливо матушка. Измаяли они меня.

„Привелось намъ мимо скотныхъ дворовъ ѣхать. Не утерпѣлъ я—и сталъ проситься, какъ бы Машу мнѣ повидать. Известно, отдатчикъ, вмѣсто отвѣта, велѣлъ лошадей стегать; однако я вскочилъ и зачалъ его за горло душиить! — Мнѣ, говорю, за одно терпѣть, а тебѣ не быть живу, варвары вы этакіе! — Ну, испугался, — пустилъ. Вошелъ я въ избу: избенка-эта темная да смрадная, словно хлѣвъ коровій.

„— Много лѣтъ здравствовать, Марья Сергѣевна! — говорю.

„Только услыхала она мой голосъ, — бросилась-это ко мнѣ, уцѣпилась за полущубокъ... даже ровно замерла тутъ.

„— Погубилъ я тебя, Машенька! говорю: не будетъ мнѣ за это счастья въ сей землѣ.

„ — Жить... нѣтъ... нѣтъ! — говорить, а сама такъ и дрожить, такъ и трясется вся, и въ лицѣ ни единой кровиночки нѣтъ.

„Сѣлъ я на лавку, положилъ ее на колѣни къ себѣ и сталъ это цѣловать да миловать. Только чую, будто слезы у меня горить, да и сердце въ груди ровно ширится. Ну, думаю, плакать, такъ плакать... въ остатній разъ! Плачу я это, даже духъ у меня отъ слезъ словно захлестываетъ... только и могу выговорить: Машенька! Машенька!.. ахъ, да каково жъ это больше не свидѣться! — А она даже и не отвѣчаетъ ничего; завернулась, голубка, подъ полушубокъ ко мнѣ, да только руками обѣими меня удерживаетъ... И сладко-то, и тоскливо-то мнѣ!

„Только, видно, дали во дворъ знать, что двоимъ со мной не сладить; прибѣжало еще человѣкъ съ пять на подмогу. Стали ее отнимать отъ меня; ну, и она по началу ровно не поняла, что съ ней дѣлается, даже взять себя допустила... Однако, какъ началъ я скотницѣ Аграфенѣ въ ноги кланяться, чтобъ она ее, сиротку, пригрѣла да приголубила, вдругъ она словно разразилась: взвизгнула-это, застонала и зачала изъ ихъ рукъ рваться... даже я самъ поскорѣй изъ избы выбѣжалъ.

„Бду я дорогой да все думаю: „Уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!“ Гляжу-это на поле дальше; вонъ въ сторонѣ вихорикъ закружился, вонъ пеленку снѣжаю взбуровилъ... уйду-моль отъ нихъ, безпремѣнно уйду! Вонъ мостикъ ветхонкій черезъ рѣчку лежитъ; по краямъ у рѣчки ледокъ, словно хрусталь чистый, скипѣлся, а середочка плещется, ровно живая журчить... уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!.. Вонъ лѣсокъ впереди засинѣлся: ишь ты, какой лѣсъ частый да береженный!.. вонъ и въ деревню въѣхали... пошли саночки по ступенямъ тукъ-тукъ... ахъ, да уйду я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!

„ — Пусти, Потапъ! — говорю отдатчику.

„ — Что ты! говорить: чай, я не о двухъ головахъ!

„ — Пусти, Потапъ! въ могилу за тебя живой лягу, души не пожалѣю... пусти!

„ Не пустиль... Да уйду же я отъ тебя, безпремѣнно уйду!

„ Приѣхали мы на постоянный дворъ ночевать. Сѣли ужинать, а я все одно думаю: „уйду, да уйду“. Положили они меня для вѣрности промежъ себя спать, даже полушубокъ съ меня сняли, да подъ

головы себѣ сунули. Однако я не сплю и все въ умѣ одно держу: „уйду, молъ, я отъ нихъ, безпремѣнно уйду!“ Вотъ только слышу я, — загудѣло мужичьѣ; были тутъ, кромѣ насъ, извозчики; наѣдятся они на ночь, такъ ровно начнетъ ихъ коробить во снѣ-то. Иной, знаешь, не своимъ голосомъ во снѣ зарычить, другой даже вскочить съ просоньевъ, посидить-посидить словно полоумный, перекрестится, да и опять спать. Ну, и я попытать ихъ сначала хотѣлъ: вскочилъ что есть мочи, не шелохнется ли, молъ, кто?.. Однако никто голосу не далъ; только Потапъ съ просоньевъ сталъ около себя шарить, да не на ту сторону, сердечный, попалъ и нащупалъ пробѣзжаго извозчика. Только я ползкомъ да ползкомъ... чу, сверчокъ за печкой затрещалъ... чу, вдохнулъ кто-то, — не Потапъ ли? чу, кого-то словно душить во снѣ... И всего-то до двери пять шаговъ, а сколько я тутъ отъ одной думы измаялся, что лучше бы, кажется, пять верстъ на своихъ ногахъ сдѣлать... А все-таки доползъ подъ конецъ! Тутъ на лавкѣ чей-то полушубокъ порожній обдзрилъ, и его про запасъ смахнулъ.

„Вышелъ я на задворки, и вѣришь ты? — кажется, не долго мученія мои тянулись — и всего-то съ сутки! — а словно я тутъ впервой воздухомъ свѣжимъ дохнулъ! Даже ослабъ весь, и ноги подкашиваются, и грудь будто распаталася... Вышелъ я на задворки; однако какъ началъ дѣломъ смекать: „плохо, думаю, это я сдѣлалъ; такимъ манеромъ они меня какъ разъ по слѣду накроютъ; лучше на большую дорогу пойти“. Вышелъ, да не думая, словно изъ лука стрѣла, пустился въ обратный бѣжать.

„Бѣжалъ я безъ отдыху версты съ три, даже грудь начало саднить. А ночь-то мѣсячная да свѣтлая, и поле кругомъ чистое да ровное, — версты за двѣ человѣка видно! Вижу я: коли дальше идти, первое дѣло — изъ силъ выбьюсь, а второе дѣло — хватиться могутъ, и кто-жъ ихъ знаетъ, въ какую сторону ихъ лѣній повернуть! Показалась въ сторонѣ деревушечка, я и повернулъ въ проселокъ. Только она, распроклятая, точно дразнить меня: вотъ, кажется, рукой подать, такъ и вертится передъ глазами; однако, за ихними мужицкими вавиловами, добрыхъ я съ полчаса маялся, доколѣ дошелъ.

„Тутъ я впервой позналъ, чтѣ такое бѣглый человѣкъ значить. Пришелъ въ деревню, смотрю около себя, а куда идти — не смыслю. Словно ужъ судьба сама за меня промышляла да въ овинъ привела;

зарылся я въ солому, да два дня оттоль и не выходилъ, — такъ не ѣвши и лежалъ... Послѣ сказывали мнѣ наши, что и въ этой деревнишкѣ меня отыскивали, однако, стало быть, не постарались.

„Черезъ два дня вышелъ. Ну, прежде всего ѣсть до смерти хочется. На дворѣ еще темнеть была, только кой-гдѣ огни въ избахъ виднѣлись: значитъ, исправная баба ужъ печку затопила. Подошелъ я къ одной избѣ, вышибъ кулакомъ подворотню, подлѣзъ скрозь нее и прямо въ избу къ бабѣ.

„ — Подавай хлѣба! говорю.

„Только она — какъ была съ ухватомъ въ рукахъ, такъ тутъ на мѣстѣ и обмерла. Я къ столу; досталъ хлѣба, взялъ кстати и ножикъ.

„ — Только ты пикни у меня, говорю; не нонѣ, такъ завтра — такъ дойму, что на вѣкъ языка лишишься!

„И точно, дай Богъ ей здоровья, — не пикнула.

„Наѣлся и опять въ солому залегъ — сумерекъ дожидаться. Теперь, думаю, хорошо: и сытъ, да и ножикъ при мнѣ есть. И все-то меня къ дому да къ дому тянетъ.

„Вотъ въ сумерки всталъ отъ своего логова и пошелъ-таки прямо въ деревню. Вижу еще издавеча, что въ кучерской у насъ свѣтъ горить. Не думавши долго, прямо туда.

„ — Ребята! говорю: кто изъ васъ противъ меня измѣнщикомъ хочетъ быть?

„Только они сидятъ да помалчиваютъ, да промежъ себя переглядываются.

„ — Если кто меня выдать хочетъ, говорю: такъ я тутъ весь; а не желаете выдать, такъ обогрѣйте да накормите меня!

„Никто, однако, противъ своего брата измѣнщикомъ быть не согласился. Тутъ я узналъ, что въ тотъ самый день Машу на деревню что-ни-на-есть за гадючаго мужика отдали замужъ; а Семериевъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сейчасъ послѣ свадьбы въ Москву укатилъ.

„Загорѣлось во мнѣ: хочу да хочу Машу видѣть! даже ѣсть не могу; такъ всего и поднимаетъ меня.

„Пошелъ на деревню; вижу — стоитъ на краю избенка развалившаяся; подошелъ къ окошку — думаю, нѣтъ ли гульбы у нихъ? Однако, видно, бѣдность шибко мужика одолѣла, либо совѣсть на народѣ за-

зрила, только не чуть въ избѣ никого, кромѣ хозяевъ. Горить-это посередь горницы лучина, и ровно чадъ да дымъ отъ нея идетъ, а свѣту почесть ничего-таки нѣтъ; въ углу на полу ребята въ-повалку спятъ... ну, одно слово, и голодно-то, и холодно-то въ этой избѣ, совсѣмъ, кажется, и жить-то нельзя. Одно мнѣ чудно показалось, что они ровно какъ вмѣстѣ жили, — сидятъ около свѣтца. Маша бѣльишко кой-какое дѣткамъ починиваетъ, а Трофимъ сапоги на продажу тачаетъ. Долго я такъ смотрѣлъ на нихъ, все думаю: взойти или не взойти? Однако Маша будто почувала что: встала съ мѣста и слушаетъ; ну, и Трофимъ къ окошку побрелъ.

„ — Это я, говорю, Трофимъ Петровичъ! я-моль, бѣглый Иванъ!пустишь, что-ли?

„ Услышавши меня, онъ по-началу даже отъ окна отшатнулся, однако вскорѣ опять поправился.

„ — Пустить, что-ли, Марьюшка? — спрашиваетъ.

„ Только она ровно испугалась: побѣжала-это отъ свѣтца прочь и за печку спряталась.

„ — Пусти, говорю, Петровичъ! Вотъ тебѣ Богъ, что только проститься хочу; одной минуты не пробуду больше!

„ Взошелъ я въ избу, помолился Богу, сѣлъ на лавку.

„ — Богъ въ помощь! говорю.

„ Только она вышла ко мнѣ, мертвая-размертвая. Однако идетъ твердо.

„ — Прости меня, Иванушка, говорить.

„ Я заплакалъ; сажу-это на лавкѣ и, словно баба, малодушествую. Господи! какъ мнѣ горько-то, горько-то въ ту-пору было! Словно темь кругомъ меня облегла, словно страхъ да ужасъ на меня напалъ, словно тянетъ, сосетъ все мнѣ сердце!

„ — Прощай, Иванушка! — опять говоритъ она, а у самой слезиночка въ голосѣ дрожить.

„ Вскочилъ я; хотѣлъ въ охалку ее схватить, однако вижу — въ углу Трофимъ стоитъ и словно у него зубъ на зубъ не попадаетъ. И она тоже руки впередъ протянула, будто какъ застыдилась. Ну, думаю, стало быть, нашему дѣлу и взаправду окончанье пришло!

„ — Прощай, говорю, Маша! прощай и ты, Трофимъ!

„ Молчать оба.

„ — Видно-моль не свидѣться намъ?

„ — Да, видно, не свидѣться! — молвилъ Трофимъ.

„ Словно ожгло меня это слово.

„ — Звѣрь ты! говорю.

„ — Нѣтъ, говорить, не я звѣрь... Ты, говорить, рукой махнулъ да въ лѣса бѣжалъ, а ей весь вѣкъ со мной въ голодѣ да въ нуждѣ горе мыкать приходится... Такъ инъ лучше не замай ты насъ!

„ Смотрю я на нее; все думаю: не скажется ли въ ней хоть на минутчку наше прежнее разлюбовное время-времечко?..

Ну, и нѣтъ, какъ нѣтъ; стоитъ она какъ безъ чувствъ совсѣмъ, глазами въ землю смотритъ, только верхняя губа будто дрожить легонько.

„ — Ну, говорю, инъ и взаправду, Маша, прощай! Однако, все-таки, на розстаняхъ, чай, поцѣловаться надо...

„ ... Такъ наше дѣло и кончилось. Вышелъ я отъ нихъ какъ безъ памяти. Отхвatalъ я, братъ, въ эту ночь вереть тридцать слышимъ. Иду да иду впередъ, а куда иду — даже понятіе потерялъ. Снѣгъ мокрый глаза залѣпляетъ, вѣтеръ въ лицо дуетъ, ноги въ сугробахъ тонуть, а я все иду, и все о чемъ-то думаю, хоть истинной думы и нѣтъ во мнѣ. Все это какъ во снѣ — отъ одного къ другому переходить: и Маша-то тутъ, и не ѣдаль-то я, и сѣна вонъ стогъ въ полѣ стоитъ, и ночь-то была въ-пору холодная да темная. Останови да спроси: о чемъ-молъ сейчасъ думалъ? — ни въ свѣтѣ отвѣта не дашь!

„ Однако на утрѣ уморился, и понятіе это ко мнѣ изморомъ воротилось. Тутъ только догадался я, что замѣсто того, чтобъ къ нашимъ на конный дворъ вернуться, я вереть тридцать въ сторону шагнулъ. Ну, не судьба, значить!

„ Вижу, на встрѣчу мнѣ мужичокъ съ дровами ѣдетъ. Мужичончко этакой худенькой да мозглявенькой; „ну, на что такому мозглецу топоръ?“ думаю. Подошелъ къ нему.

„ — Продай-молъ топоръ, дяденька!

„ Онъ перепугался.

„ — Христось, говорить, съ тобой, молодець! топоръ-отъ, чай, мой!

„ — Извѣстно, говорю, что твой; только и для насъ онъ словно надобень!

„Ну, онъ столько учтивъ былъ, что больше со мной не разговаривалъ.

„Такимъ манеромъ прошло больше мѣсяца, что я все дальше пробирался.

Вѣришь ли, даже не обогрѣлся ни разу порядкомъ, ни разу путемъ не поѣлъ. Привычки-то къ ночному ремеслу еще не было, да и шель я все глухимъ мѣстомъ да проселкомъ, — такъ и въ штейный-то зайти не съ чѣмъ. И страхъ тоже одолѣлъ, потому что зима для бѣглаго человѣка — самое некорыстное время; кругомъ-это суметы, ни бѣжать, ни схорониться некуда: того гляди — какъ зайца изымають.

„Однако, около Благовѣщенія, словно потеплило, а въ деревняхъ въ это время на пригревѣ обь ину-пору даже жарко бываетъ. Тутъ, братецъ мой, только я восчувствовалъ, какова на свѣтѣ жизнь хороша есть. Сидешь, бывало, въ сторонкѣ около стожка; солнышко прямо въ лицо тебѣ поглядываетъ; вѣтерки, словно бархатные, кругомъ поигрываютъ; въ сторонѣ, чу, вода русло себѣ просасываетъ; наверху всякая птица кишнемъ кишить, и не видать ея въ вышинѣ, а словно стонъ сверху внизъ стелется. Журчить-это, шумить все, точно и не одинъ ты въ свѣтѣ, точно всегда кто-ни-на-есть съ тобой присутствуетъ... Самое развеселое это время!

„Тутъ и поживишка у меня порядочная случилась. Иду я разъ сумерками своимъ трактомъ и вижу, что посередь самой большой дороги кибитка стоитъ; лошади, пара, сзади привязаны, ямщика нѣтъ. Подхожу я къ кибиткѣ, слышу — разговоръ тамъ идетъ; одинъ сѣдокъ, должно быть, слышалъ меня, всталъ и смотритъ черезъ кибитку... Купецъ.

„— Много лѣтъ здравствовать, господа хозяева! — говорю.

„Только онъ думаетъ, что меня, значить, ямщикъ помогать имъ прислалъ.

„— Скоро ли же ямщикъ-то вернется? — спрашиваетъ.

„Пошелъ я впередъ, будто кибитку осматриваю, а самъ примѣчаю, какъ бы за дѣло мнѣ половчѣй взяться. Вижу — впереди зазора, у кибитки одна оглобля напрочь отломлена; значить, ни взадъ, ни впередъ нѣтъ возможности.

— Да ты чтѣ за человѣкъ? — спрашиваетъ купецъ.

„А другой его товарищъ, даже не видѣвши еще ничего, забился

въ глубь, да только знай-стонеть. Вижу я, что они ребята ласковые, и въ разговоръ съ ними взошелъ.

„— Вы, говорю, хозяева, просто что-ль ѣдете?

„— Нѣтъ, говорить, безъ топора тоже не ѣдимъ.

„Ну, и топоръ показывать.

„— А коли есть топоръ, такъ дайте, значить, пять цѣлковыхъ,—и Богъ съ вами! А не то будемъ силу пробовать!

„Заартачился-было купецъ, да товарищъ его, спасибо, на ручку мнѣ подоспѣлъ. Застоналъ-это, заревѣлъ пуще прежняго: „отдай да отдай пять цѣлковыхъ!“

„Разсчитались.

„Пошелъ я нослѣ того въ кабакъ, да тамъ и забылся. Объ ину пору хорошо это бываетъ. Придетъ-это тошно да смутно такъ; назади некорыстно, да и вернуться туда ужъ нельзя, а впереди словно туманъ да темнеть висить... куда идти? Думаешь, думаешь, даже головой о стѣну шарахнешься. Косушка вина много тутъ помощи дѣлаетъ. Выпьешь одну — въ сердцѣ словно радуга просіяетъ; выпьешь другую — словно по морю по окіану плывешь; выпьешь третью—ни земли, ни воды подъ тобой нѣтъ, да и люди — ровно точки въ глазахъ мерещатся...

„Въ кабакъ я человѣка встрѣтилъ. Показалось мнѣ, что онъ на меня съ перваго раза слишкомъ зорко посмотрѣлъ, да и съ цѣловальникомъ словно перемигнулся. Вотъ, выпилъ я свою чарку и сѣлъ въ углу на лавку, будто какъ благодумствую, а у самого даже муравьи по-за кожей заползали! Все, знаешь, по новости своей думаю, что на лазутчика поналъ. Тогда они промежъ себя разговоръ ведутъ съ цѣловальникомъ.

„— Худо, Савва Дементычъ!—говорить человѣкъ:—развѣ вотъ лѣтомъ поправимся, а не то, видно, совсѣмъ отсель откочевывать придется.

„— Что-жъ такъ?

„— Да ровно ужъ слишкомъ много порядковъ здѣсь завелось. Намеднись Сидорку на гумнѣ изловили, отпустить-то отпустили, да ужъ и выкупъ больно несообразный заломили. Надоѣло... Только бы товарищѣй такихъ подыскать, чтобъ и въ огонь, и въ воду охочи были идти, такъ, кажется, ни на минуту бы здѣсь не остался.

„— И Дарьюшку ништо не жалко!

„ — Что Дарьюшка! только связался я съ ней, а то давно бы намъ это дѣло покинуть надо! Намеднись-вотъ мужъ: „ты, говорить, меня въ окаянство ввелъ, ты меня воромъ сдѣлалъ, да и жену теперь отнимаешь!“ Какъ будто я задаромъ его воромъ-то сдѣлалъ! И чтó еще: такъ-это остервенѣлъ, что ухватилъ ножъ да съ ножемъ зря впередъ и лѣзеть. Даже смотрѣть на него глупо.

„Цѣловальникъ захохоталъ.

„ — Однако надо правду-истину сказать, говорить, и ты въ его добрѣ ровно слишкомъ хозяйствуешь!

„ — Чего хозяйствовать! Съ ней, братъ, всякій хозяйствовать можетъ, — была бы охота! Намеднись-вотъ офицеръ проѣзжій ночевать у нихъ остановился, такъ мнѣ даже тошно стало, какъ она передъ нимъ привередничала...

„ — Такъ вотъ она какова!

„ — Да ужъ такъ-то „такова“, что опять-таки говорю: найдись у меня теперь товарищъ хорошій, чтобъ вмѣстѣ бѣжать отсель, ни на минуту бы даже не задумался.

„А самъ говорить-это да на меня поглядываетъ. Однако я молчу и все это думаю, что онъ меня испытать хочетъ. Долго ли, коротко ли они промежь себя побесѣдовали, только онъ не утерпѣлъ, подошелъ ко мнѣ.

„ — Да ты что, говорить, землякъ, въ землю глазами уткнулся да нюни распустилъ?

„ — А такъ-молъ.

„ — Что такать-то, а ты говори дѣло. Отколь бредешь?

„ — Прохожій-молъ; шелъ да зашелъ, — и все тутъ!

„ — Прохожій Иванъ стащилъ на селѣ кафтанъ, идетъ на большую дорогу за шубой... такъ что-ли?

„ — Хоть бы и такъ, тебѣ что за дѣло?

„ — Больно ты, братъ, гордъ, либо трусливъ ужъ не въ мѣру. Тебя же жалѣючи спрашиваютъ.

„ — Да ты самъ-то кто таковъ?

„ — А я, говорить, человекъ небольшой, по прозванію сторожъ ночной; неподалечку бекетъ здѣсь содержимъ да проѣзжающихъ въ страхъ Божию держимъ!

„Цѣловальникъ засмѣялся.

„ — Да и уму-разуму наставляемъ ихъ, потому какъ безъ на-

шей науки они безпрежнно забылись бы... Вот еще онамеднись углицкіе купцы тутъ ѣхали; ну, я точно-что малую толику отъ нихъ попользовался; однако за это и притчу имъ сказалъ: „Который-моль звѣрь всѣхъ звѣрей лютѣе? — левъ. Кто льва лютѣе? — человекъ; потому — человекъ человекъ погубляетъ, а левъ льва никогда. Кто человековъ лютѣе? — разбойникъ!.. Такъ вы, говорю, ваши здоровья, въ этомъ мѣстѣ поздно ночью не ѣздите, потому — тутъ шалать“ ... Такъ хочешь, что-ли, съ нами, молодець?

„Посумнился я тутъ съ крошечку. Хоть и вижу, что кончанье для меня одно впереди, однако съ непривычки все будто робостно.

„— Что задумался? или, братъ, по пословицѣ: собака волка дереть, и драть не умѣетъ, и отстать не смѣетъ? А ты, коли въ тебѣ живая душа есть, говори прямо: хочешь другомъ быть?

„— Ты бы ему поднесъ для куражу, Мироньчъ! — говорить цѣловальникъ: — а то вишь онъ какъ отъ дороги осовѣлъ!

„Стали мы тутъ пить и бражничали такимъ родомъ дня съ три. На четвертый день такіе ли други-пріятели сдѣлались, словно вотъ вѣкъ только другъ о дружкѣ и сокрушались. Такъ и рѣшилась судьба моя въ кабацѣ.

„Привелъ онъ меня къ своей любезной. Мужъ у ней тутотка на большой дорогѣ въѣзжій дворъ держалъ... такъ, небольшо чтобы очень корыстный. Мѣсто это самое глухое да непріятное; и стоялъ ихній дворъ, словно торчокъ, одинъ-одинѣхонокъ; кругомъ версть на двѣнадцать лѣсъ дремучій, по дорогѣ песокъ по колѣни; ни воды, ни лужаечки нѣтъ, — такъ, дичь одна. Какъ ѣдетъ, бывало, кто по дорогѣ, такъ издавеча еще слышно, какъ по лѣсу словно щелканье пойдетъ. Стало быть, польза отъ постояльцевъ была самая пустая; развѣ ужъ больно кто обночаетъ, или кони въ пескахъ шибко замяются, такъ къ Ѳедоту Карпову на часокъ завернетъ, а прочіе норовятъ, бывало, мимо поскорѣй проѣхать. Да и жили они какъ-то сумнительно; у другихъ хозяевъ и работникъ, и работница путине есть, а у нихъ и всего-то одна работница, да и та нѣмая да дурочка была. Ну, для проѣзжихъ господъ оно и неприглядно; который и остановится случаемъ, такъ все по сторонамъ озирается, не хотятъ ли, моль, рѣзать его.

„А Ѳедотъ Карповъ самый изъ себя паренекъ мизирный да нескладный былъ. Маховькой да тощой тақой, борода-это клинушкомъ,

глазки маленькіе да врозь разбѣгаются, — даже смотрѣть гнусно. И все-то, бывало, или на палатахъ проклажается, либо въ окошко сонной глядитъ, а начнетъ-это работать, такъ и не глядѣль бы на него: только въ навозѣ, словно боровъ, копошится... А со всѣмъ этимъ такой жадѣй былъ, что какъ увидитъ монету, — даже словно обезпамятѣеть весь: этимъ только и держалъ его Корнѣй въ уздѣ.

„За то на Дарьюшку точно-что можно залюбоваться было. И високая-то, и полная-то, и глаза большіе на выкатѣ, а тѣло бѣлое да разбѣлое, словно вотъ пѣна молочная скипѣлася. Одно слово, отдай все да и мало. Пойдетъ-это по горницѣ или даже на мѣстѣ шевельнется, — такъ вся тебѣ кровь въ голову вдругъ и кинется... Пѣсни тоже пѣтъ мастерица была: чтò хочетъ надъ тобой своимъ голосомъ сдѣлаеть! И тоской-то тебя всего зальетъ, и удалю да молодечествомъ сердце разутѣшитъ, — словно вся человѣческая душа въ рукахъ у ней была. Жила, вишь, она прежде у одного молодого купчика, однако вышелъ ему срокъ жениться, — онъ и выдалъ ее за Оедота. Отъ него и пѣсни-то пѣтъ она выучилась.

„Пришли мы къ нимъ около полдень; смотримъ, Дарьюшка у воротъ сидитъ на солнышкѣ грѣется. Поздоровались.

„ — Жить, что-ли, у насъ будете? — спрашиваетъ Дарьюшка, а все на меня исподлобья посматриваетъ.

„ — Да, — говоритъ Корнѣй: — покудова до тепла надобно будетъ прожить.

„ — А послѣ куда?

„ — А куда путь лежать будетъ... вѣрнаго еще ничего сказать теперь не могу.

„Только она на эти его слова ровно усмѣхнулась; только такъ-то нехорошо да обидно, что разомъ мнѣ Корнѣевы слова вспомнились, которыя онъ цѣловальнику въ кабакѣ говорилъ.

„ — Чего смѣешься? правду говорю, что остатніе дни у васъ здѣсь валандаюсь! — говоритъ Корнѣй.

„ — Ну, и съ Богомъ! — отвѣчаетъ Дарьюшка, а сама все на меня да на меня поглядываетъ.

„Словно помертвѣлъ Корнѣй.

„ — Ишь ты, подлая! говорить.

„Однако она ничего; сидитъ себѣ, да знай полегонечку посмѣивается.

„— Такъ неужто-жь, молъ, мнѣ всѣмъ твоимъ прихотямъ по-дражать? говорить: хочешь идти, такъ иди... плакать по тебѣ, что-ли?

„— И уйду; только такъ я тебя на прощаньи приголублю, что вѣкъ ты меня не забудешь... змѣя ты!

„Чудно мнѣ это показалось. „Будь, думаю, я на Корнѣевомъ мѣстѣ, не посмотрѣлъ бы на косы твои русыя!“ Однако онъ смолчалъ; только все у него нутро, словно у звѣря лѣсного, зарычало.

„Въ тотъ же вечеръ у нихъ съ Ѳедотомъ Карповымъ дѣло чуть не до убивства дошло, и все опять эта Дарьюша на озорство завела.

„— Слышалъ, говорить, Ѳедотъ Карпычъ, что Корнѣй Мирончъ отъ насъ въ дальны стороны собирается?

„Какъ сказала она это, Ѳедотъ Карповъ даже помертвѣлъ весь. Ну, и Корнѣй словно потушился. А она вмѣсто того, чтобъ смирять ихъ, только пуще другъ на дружку натравливаетъ.

„— Сказываютъ, какъ это тамъ хорошо да привольно, и рѣкито, слышь, молочныя, и берега-то кисельные, и воруютъ-то всё безданно-безпошлинно... инъ и тебѣ за нимъ ужъ бѣжать, Ѳедотъ Карпычъ?

„Слушаетъ это Ѳедотъ, а у самого даже бороденка словно листъ трясется.

„— Правду, что-ли, баба лаетъ?—говорить.

„Ну, солгать бы тутъ Корнѣю: пошутить-моль, и вся недолга; однако онъ или посовѣстился, или не нашелся съ перваго разу: пробормоталъ что-то невнятно въ отвѣтъ и замолчалъ.

„— Анъ врешь ты!—говорить Ѳедотъ:— не посмѣешь отсель уйти!

„А самъ и заикается-то, и по столу-то кулакомъ бьетъ...

„— Али любъ тебѣ сталъ?—говорить Корнѣй.

„— Любъ не любъ, а у меня съ тобой счеты есть... Въ кабалу ты ко мнѣ шелъ!

„Ну, лѣзетъ на Корнѣя, да и шабашъ, даже на мѣстѣ словно скачетъ; и кулачишкомъ-то, и головой-то ему въ брюхо норовить... удивленіе да и только!

„— Ты, говорить, женой у меня завладалъ; такъ задаромъ что-ли я тебѣ ее отдалъ?

„— Ишь, тебя больно спрашивались...

„А Ѳедотъ все одно:

„ — Издохнешь, говорить, мнѣ служивши! убью я тебя и въ отвѣтъ не буду!.. потому — ты воръ... да, говорить, воръ, воръ, воръ... разбойникъ ты!

„Корнѣй только знай рукой отмахивается, какъ онъ слишкомъ на него наскакивать начнеть.

„А Дарьюшка, сдѣлавши свое дѣло, ушла за перегородочку, словно горя ей мало; только и слышно, какъ она тамъ позѣвываетъ да потягивается.

„ — Часто этакъ-то у васъ бываетъ? — спрашиваю я ее.

„ — А кто ихъ знаетъ! Каждый день все ссору да драку заводятъ... Что на нихъ смотрѣть-то? Да неужто взаправду Корнѣй на чужую сторону собирается?

„ — Да, взаправду.

„ — Куда?

„ — А куда глаза глядятъ.

„ — Ну, и Богъ съ нимъ!

„ — Будто тебѣ его не жалко?

„Такъ она, братецъ мой, не то чтобъ поскучать или хоть бы задуматься — все же чужой человѣкъ передъ ней — даже засмѣялась въ отвѣтъ.

„ — Ты, говорить, съ Корнѣемъ что-ли?

„ — Съ Корнѣемъ.

„ — Напрасно... кабы ты съ нами остался, и Ѳедотъ бы Карпычъ Корнѣя отпустилъ.

„Говорить это, да такъ-таки прямо въ глаза мнѣ и смотреть.

„ — А намеднись, говорить, офицеръ проѣзжій у насъ становился, такъ раза съ четыре ворочался: все бѣжать съ собою меня сманивалъ! И опять приѣхать обѣщался...

• „ — А Корнѣй чего смотрѣлъ?

„ — Что Корнѣй! Извѣстно въ хлѣву злобствовалъ! Развѣ его въ горницу пущаютъ, когда приѣзжіе господа есть?

„ — Видно, ты-таки охоча гулять-то!

„ — А для-че не гулять, когда гулять можно... весело гулять! Вотъ у меня баринъ былъ миленькій, — ужъ то-то мы съ нимъ погуливали!.. Хочешь, что-ли, пѣсню тебѣ спою?

„Сняла со стѣны гитару, да словно разлилась тутъ вся:

«Ахъ, гдѣ, жена, была-была, гдѣ, сударыня, была?
Я была, сударь, была, у попа въ гостяхъ»...

„И поетъ то, и плечьми-то подергиваетъ, и каблучками-то пристукиваетъ... всякая словно жилка въ ней вдругъ заговорила!

„А грудь-то бѣлая да полная, тяжеленько-это подъ гитарой мечется, ровно моченьки у ней нѣтъ, ровно истомило ее всю, измаяло! Такъ оно хорошо да сладко, что и Корнѣй съ Ѳедотомъ лаяться перестали, а у меня даже свѣтъ въ глазахъ помутился!.. Какъ легли мы послѣ того съ Корнѣемъ на сѣнницѣ спать, долго она мнѣ сквозь сонъ все мерещилась!

„Жили мы у нихъ съ мѣсяць-мѣста, ничего не дѣлавши; однако я укрѣпился, противъ товарища подлецомъ сдѣлаться не хотѣлъ. Подивился я тутъ на Корнѣя! Ужъ на что, кажется, крѣпкѣй человѣкъ былъ, а передъ этимъ Ѳедоткой словно овца смирялся: чтѣ хотѣли изъ него дѣлали. Она, бывало, и за водой его посылаетъ, и кушанье стряпать велитъ—все справлялъ!

„По времени, и совсѣмъ тепло установилось. Сталь Ѳедотъ Карповъ намъ докучать, что мы только руки склавши сидимъ да чужой хлѣбъ ѣдимъ. Началъ и я Корнѣю вспоминать, что не затѣмъ въ товарищи къ нему пошелъ, чтобъ у бабы подъ юбкой прятаться...

„Вотъ вышли мы со двора поздно вечеромъ, на самый Егорьевъ день. За десять верстъ отъ двора и мѣсто у насъ было такое назначено, чтобъ съ товарищами сойтись. Только идемъ мы опушкой, а у меня словно сердце въ груди измираетъ: то, знаешь, робость непереносная всего обхватываетъ, то вдругъ такую въ себѣ силу и мочь почувствуешь, что, кажется, не шель, а летѣлъ бы впередъ да впередъ. И чего-чего тутъ не передумаешь! и стоны-то загода тебѣ слышатся, и кровь будто передъ глазами проливается...

„И ничего-таки этого не бываетъ, и все, братецъ ты мой, это одинъ разговоръ! Настоящій разбойникъ никогда не убиваетъ; убиваетъ больше мелкѣй ворипка, который съ предметомъ своимъ совладать не можетъ. А у насъ всякое дѣло миромъ кончается: одна часть тебѣ, другая часть намъ,—и ступай на всѣ на четыре стороны! Случается, правда, что бабы отъ страха пищатъ,—ну, и Христось съ ними, пускай пищатъ!

„Потому, — какая для насъ корысть человѣка жизни лишать? Первое дѣло—грѣхъ за-напрасно на душу возьмешь, а второе дѣло

—слѣдъ безпремѣнно оставишь. Иной, свою часть вручивши, погорюетъ—да и броситъ дѣло такъ, потому дорожному человѣку съ полицейскими связываться тоже не приходится. Ну, а какъ убьешь-то его, онъ волей-неволей на тебя пожалуется; пойдутъ-это шарить да ссыкивать, и хоть ничего настоящаго не найдутъ, однако на цѣлый мѣсяцъ все дѣло тебѣ перепакостятъ.

„Въ эту ночь мы барина остановили. Молоденькій такой да нѣжненькій, а трясется, сердечный, одинъ на телѣжечкѣ. Шибко онъ насъ испугался, даже смѣшался совѣмъ.

„— Что-жъ ты не везешь, каналья ты этакая!—кричитъ ямщику, а самъ почти плачетъ. Ну, денегъ у него мы не густо нашли, потому—домой на побывку на-легкѣ ѣхаль, а взяли у него чемоданишко, часы золотые да перстенокъ съ руки. Больно мнѣ его жалко было. И то говорилъ Корнѣю:—чтò, молъ, младость обижать?—Однако онъ не послушалъ...

„Въ другую ночь видимъ—цѣлый рыдванъ по дорогѣ шестерикомъ ползеть. Ну, такъ и мерещится мнѣ, что Семериковъ это рыдванъ.

„— Братцы, говорю, голубчики!—никакъ это *мой* ѣдетъ!

„Однако вышелъ не онъ, а баринъ какой-то большой. Растянулся себѣ на подушкахъ баринъ любезный, спитъ во всю ивановскую, а у самого крестъ на манишкѣ болтается. Ну, мы его разбудили.

„— Ваше благородіе,—говоритъ Корнѣй:—извольте вставать, на станцію прѣѣхали!

„Только онъ по началу высокъ было-взялъ.

„— Какъ вы смѣете! говоритъ: да вы знаете ли, говоритъ, что я васъ туда укуеу, куда Макаръ телятъ не гоняетъ!..

„Потомъ однакожъ урезонился маленько... Много онъ намъ ласковыхъ словъ говорилъ: что и воровать-то стыдно, что и братья-то мы всѣ, что обижать намъ другъ дружку, стало быть, не приходится; однако, какъ наше дѣло къ спѣху было, мы вслушаться въ его рѣчи настоящимъ манеромъ не могли, и такъ-таки въ-чистую его обобрали, что даже лошади послѣ того отъ легкости рысдой побѣжали.

„Стащили мы нашу добычу въ лѣсъ, въ самую трущобу, и хвостомъ тамъ ее завалили. Только въ лѣсу долго оставаться еще неспособно было. И по дорогѣ, и въ полѣ ужъ сухо, а въ лѣсу еще земля словно не весь паръ отдала. Приклонись къ низу, даже ви-

дишь, какъ земля на глазахъ твоихъ отходить начинается, а въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ поглуше, словно вотъ легкая-легонькая пеленочка еще лежитъ, — ледѣкъ, значить. А изъ-подо льду ужъ и травка зелененькая выбивается.

„Воротились мы на постоянный раннимъ утромъ, чуть еще солнышко показалось. Въ горницѣ, видно, еще спали; только нѣмая работница за ворота вышла, позѣвываетъ да на восхсѣдъ крестится; да и та, увидѣвши насъ, словно испугалась, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, въ ворота шарахнулась... чтѣ за чудо! Однако Корнѣй, должно быть, чутьемъ бѣду свою почувалъ и самъ за ней слѣдомъ ударился...

„Только я ужъ засталъ, какъ онъ Федота допрашивалъ; вижу, на немъ и званія лица нѣтъ, а Федотъ стоитъ у стѣны въ одной рубашкѣ, волосы-это растрепаны, рожа немытая; стоитъ да подъ рукой его, ровно комаръ, топорщится.

„ — Куда убѣгла? сказывай! — говоритъ Корнѣй.

„И не то-чтобъ шибко выкрикиваетъ, однако даже мнѣ отъ его голосу жутко стало.

„Ну, и Федоткѣ, видно, не до разговоровъ пришлось: лепечетъ что-то про себя да руками разводитъ.

„ — Продалъ ты, что-ль, ее? — опять говоритъ Корнѣй: — сказывай, сказывай же ты мнѣ, аспидъ ты эдакой!

„Собралъ онъ его, братецъ ты мой, въ охапку и грянулъ объ полъ. Ужъ топталъ онъ, топталъ, ужъ возилъ онъ его по полу-то, возилъ!.. Давно и душонка-то его смрадная, чай, въ тартарары пошла, а онъ все сытости не чувствуетъ... Возьметъ-это, подниметъ его съ полу, и опять объ-земь — какъ шваркнетъ!

„Ну, подъ-конецъ и самъ измаялся; грянулся-это на лавку, да какъ завопить да застонетъ, ажъ вчужѣ меня холодный потъ прошибъ!

„Часа черезъ два мы этотъ проклятый постоянный дворъ со всѣхъ четырехъ угловъ зажгли. Такъ и сгорѣлъ со всѣми пожитками; даже нѣмая, по глупости своей, выбѣжать не успѣла...

„И пошли мы послѣ того во путь, во дороженьку, отреклись отъ міра прелестнаго, поклонилися бору дремучему, и живемъ, нече сказать, ни худо, ни красно, а хлѣбъ жуемъ не напрасно.

„Странствуемъ мы съ нимъ по русскому царству, православному государству, странствуемъ по горамъ, по доламъ, по лѣсамъ, по полямъ, по зеленымъ лугамъ, а больше около большой дороги держимся.

„Весело, братъ!—это ужъ говорить нечего... т.-е. просто у насъ житье-пережитье!.. Однако идешь-это иной разъ по опушечкѣ, и вдругъ на тебя дурость найдетъ... Растужишься, разгорюешься, и падешь гдѣ-нибудь подъ елочкой, тяжеленько вздыхаючи, горьки слезы роняючи, свою жизнь проклинаячи... И елочка-это словно тебя понимаетъ: такъ-то плавно да заунывно лапами своими надъ тобой помаваетъ: вздохни-моль, замученный!—вздохни, безталанный, безчастный!—вздохни, сирота, сиротскій сынъ!

„Видѣлъ я сонъ: прихожу будто я въ градъ нѣкій, и прихожу не одинъ, а съ товарищами: такіе пріатели есть, сотскими прозываются. Подхожу-это къ палатамъ пространнымъ: съ четырехъ концовъ башни высятся, спереду стоятъ батюшки-солдатушки; стоятъ солдатушки, ружьемъ честь отдаютъ, за бѣлы руки меня принимаютъ, принимаячи разутѣшными рѣчами ублажаютъ: „ты войди-моль къ намъ, воръ, разбойничекъ!—душегубчишка ты окаяненькій! Отдохни ты у насъ въ острогѣ каменномъ, за затворами крѣпкими желѣзными!“

„И еще видѣлъ я сонъ: стою я на мѣстѣ высокіимъ и къ столбу у меня крѣпко-на-крѣпко руки привязаны. Собралось тутъ народу видимо-невидимо; все на меня позѣвать-поглазѣть, на меня, на шельмецаго-шельмеца, на разбойника!

«И молился я тутъ Спасову образу,
И на всѣ стороны низко кланялся:
Вы простите меня, люди Божіи,
Помолитесь за мои грѣхи,
За мои ли грѣхи тяжкіе!
Не успѣлъ я на народъ възрети,
Какъ отскли мою буйну голову,
Что по самыя плечи могучія...»

„Ну, этотъ сонъ нельзя сказать, чтобъ пригожъ былъ... Однако, не лучше ли намъ это бросить—позабыть...»

«Ахъ, въ горѣ жить, некручинну быть!
А и горе-горе, гореваньице!
Ахъ, въ горѣ жить, некручинну быть,
Нагому ходить—не стыдиться!»

ХІ.—Послѣ обѣда въ гостяхъ.

Удивительное дѣло, какъ все это было пригнано, какая во всемъ сказывалась система и гармонія! Потомство рѣшительно не повѣритъ. Поговоримъ хоть о губернскомъ надзорѣ. Всякій согласится, что безъ надзора нельзя: во-первыхъ, обывателямъ некому будетъ жаловаться, во-вторыхъ—куда же дѣнутся всѣ эти лица, которымъ ввѣренъ надзоръ? въ-третьихъ... ну, да вообще какъ-то неловко безъ контроля! Чтѣ могли бы сказать о насъ иностранцы, еслибы у насъ не было контроля? Могли бы сказать: у нихъ царствуетъ произволъ, потому контроля нѣтъ! могли бы сказать: удивительно, какъ это люди живутъ въ такой странѣ, въ которой контроля нѣтъ! А теперь, какъ контроль есть, то иностранцы должны молчать, и ничего больше.

Главное дѣло, чтобъ контроль былъ безобидный и шель, такъ сказать, въ видѣ непрерывнаго перекрестнаго огня. Объяснимъ это примѣромъ. Если меня будетъ контролировать мужикъ, чтѣ можетъ изъ этого выйти? Разумѣется, ничего путнаго, потому что и онъ меня не понимаетъ, и я его не понимаю, и станемъ мы цѣлый день разговаривать, я по-русски, онъ по-татарски. Совсѣмъ другое дѣло, когда сойдутся люди просвѣщенные и скажутъ другъ другу: ты надзираи за мной, а я буду надзирать за тобой. Ясно, что здѣсь не можетъ случиться ни раздоровъ, ни недоумѣній; ясно, что просвѣщенные люди поймутъ другъ друга и будутъ объясняться единственно по-русски. Такимъ образомъ, подозрѣніе о произволѣ устраняется; обыватели на каждомъ шагѣ встрѣчаютъ лицо, которому могутъ принести жалобу; приличія соблюдены, всѣ довольны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раздоровъ никакихъ...

Возьмемъ другой примѣръ, болѣе осязательный.

Нашъ почтенный начальникъ края постоянно находится подъ контролемъ весьма не легкимъ; за нимъ надзираетъ и губерскій штабъ-офицеръ, и губерскій прокуроръ, — а между тѣмъ спросите его по совѣсти, чувствуетъ ли онъ это? Нѣтъ, онъ не чувствуетъ, ибо, съ другой стороны, штабъ-офицеръ и прокуроръ находятся и подъ его контролемъ. Слѣдовательно, сойдутся вмѣстѣ, переговаряютъ между собой ладкомъ, анъ смотришь, и прекратятся разомъ всѣ не-

доумѣнія, смотришь — и пошли опять козырять, какъ ни въ чемъ не бывало.

Нашъ добрый и милый пріятель, Семень Михайлычъ Булановскій, былъ именно такого мѣнія о контролѣ. Во-первыхъ, онъ вообще одобрялъ всю систему, а во-вторыхъ, хвалилъ въ особенности то, что контроль именно порученъ ему, а не кому другому. „Это — говорилъ онъ — именно величественное зданіе, въ которомъ всякій находитъ при томъ кругѣ, гдѣ кому по способностямъ быть слѣдуетъ“.

Я знаю, что въ послѣднее время развелось много неблагонамѣренныхъ людей, которые утверждаютъ, будто бы не предстоитъ никакой надобности ни въ штабъ-офицерахъ, ни въ прокурорахъ, ни даже... въ начальникахъ крал! Для управленія обывателями, говорятъ они, достаточно однихъ законовъ! Конечно, если разсуждать съ точки зрѣнія теоретической, то нельзя не сознаться, что законы въ своемъ родѣ тоже представляютъ величественное зданіе; но, съ другой стороны, бываютъ случаи, когда они говорить не могутъ и когда личное искусное вмѣшательство одно можетъ предотвратить величайшія бѣдствія. Въ особенности удобно и необременительно сіе средство въ дѣлахъ свойства, такъ сказать, домашняго (ибо въ нашемъ любезномъ отечествѣ еще встрѣчаются дѣла сего свойства). Приходить, напримѣръ, ко мнѣ жена и жалуется, что мужъ ея поступаетъ съ ней не какъ супругъ, а какъ чловѣкъ посторонній. Чтѣ сдѣлалъ бы законъ? Законъ, во-первыхъ, сказалъ бы: сударыня, до, кажите! Во-вторыхъ, еслибы и послѣдовало доказательство, то законъ отвѣчалъ бы: это, сударыня, не мое дѣло. Напротивъ того, чтѣ сдѣлаю я? Во-первыхъ, я призову мужа и скажу ему: „какъ же тебѣ-любезный, не стыдно! посмотри, какая у тебя жена хорошенькая!“ Во-вторыхъ, если онъ этимъ не убѣдится, я пригрожу ему закономъ: „да, скажу, любезный! у насъ на этотъ счетъ и законъ есть!“ А такъ какъ онъ законовъ не знаетъ, то и убѣдится навѣрное. Смотришь — анъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію! Другой примѣръ: приходитъ ко мнѣ работникъ и жалуется, что хозяинъ жалованья ему не платитъ. Натурально, я за хозяиномъ: „зачѣмъ ты, любезный другъ, денегъ не платишь?“ Ну, онъ мнѣ: такъ и такъ. Отъ хозяина я опять къ работнику: „развѣ ты не можешь, любезный другъ, подождать?“ Смотришь — анъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію!

Но важнѣе всего то, что мы, россіяне, отъ рожденія нашего питаемъ къ судамъ нелюбовь. Одаренные отъ природы воображеніемъ впечатлительнымъ и характеромъ живымъ, даже строптивымъ, мы требуемъ, чтобъ дѣла рѣшались немедленно, а желанія наши удовлетворялись безпрепятственно. Чтѣ бы это такое было, если бы существовали одни суды и не существовало начальства? Страшно подумать, но предугадать не трудно. Во-первыхъ, обыватели пришли бы въ уныніе; во-вторыхъ, въ дѣлахъ произошелъ бы застой. Результатъ же всего этого—хаосъ, среди котораго люди стремились бы не къ тому, чтобъ сдѣлать себѣ одолженіе, но къ тому, чтобъ поѣдать другъ друга.

Повторяю, нашъ милый Семень Михайлычъ вполне раздѣлялъ эти убѣжденія. Онъ находилъ, что въ особенности полезенъ надзоръ негласный, который благодѣтельствуешь, такъ сказать, въ тишинѣ уединенія. Въ такомъ видѣ, по мнѣнію его, онъ уподобляется провидѣнію, всегда намъ соприсутствующему. Обиженный не имѣетъ основанія унывать, ибо знаетъ, что есть рука, которая защититъ его и покараетъ злодѣя. При такой увѣренности не можетъ не жить легко, ибо жизнь, такъ сказать, сама выноситъ обывателя на крылахъ своихъ. Въ этомъ же, быть можетъ, заключается и дѣйствительная причина того, что въ государствахъ, гдѣ подобный контроль устроешь, лица обывателей принимаютъ видъ откровенный и беззаботный, не говоря уже о томъ, какъ это пріятно начальству.

Вообще, Семень Михайлычъ чудный малый и сливетъ въ губерніи завиднымъ женихомъ. Онъ очень мило изъясняется по-французски, а благородной изысканности его манеръ удивляются всѣ помещики. Онъ нѣсколько сухощавъ и вообще сложенъ, если позволено такъ выразиться, меланхолически; при этомъ строенъ и имѣетъ черты лица не только выразительныя, но даже язвительныя. Правильности его носа еще не такъ давно удивлялась купеческая жена Барабошкина, а пристальнаго взгляда его сѣрыхъ глазъ не могъ вынести самъ губернскій предводитель дворянства, когда его, по поводу ущерба какому-то казенному интересу, велѣно было келейнымъ образомъ допросить. Но человѣкъ чистый и невинный могъ смотрѣть ему въ глаза смѣло и съ увѣренностью всегда встрѣтить въ нихъ теплое участіе. Ко всему этому (какъ бы въ довершеніе общаго очарованія), онъ

употребляетъ какіе-то анаемскіе духи, которыми умащаетъ себѣ усы и тѣло и отъ которыхъ такъ и разить чѣмъ-то таинственнымъ.

Семень Михайлычъ человѣкъ холостой, но не прочь жениться. Если онъ до сихъ поръ не принесъ себя въ жертву гименею, то это произошло совсѣмъ не отъ того, чтобъ нашихъ дѣвицъ не плѣняла его оболстительная наружность, но отъ того, что онъ желаетъ сдѣлать партію во всѣхъ отношеніяхъ блестящую. Ему мало того, что дѣвица, на которую онъ обращаетъ свои взоры, пышка, ему надо, чтобъ и отецъ ея былъ пышка, т. е. снабженъ надлежащими капиталами. „Жена должна принести мужу деньги и протекцію“, говоритъ онъ, и, совершенно довольный собой, мечетъ жгучіе взоры на сонмище тающихъ дѣвицъ.

Живетъ онъ просто, но мило, въ домѣ той самой купчихи Барбошкиной, которая такъ восхищалась правильностью его носа. Говорятъ, будто бы онъ не платитъ за квартиру, но если это и правда, то во всякомъ случаѣ онъ обдѣлываетъ свои дѣла такъ скромно, что никто уличить его ни въ чемъ не можетъ. Въ какое бы время вы ни зашли къ нему—всегда можете найти добрый привѣтъ, добрую сигару и добрый стаканъ вина.

Семень Михайлычъ очень пріятный собесѣдникъ; онъ проницательный политикъ и умѣренный, но глубокомысленный философъ. Трудно повѣрить, но при всѣхъ своихъ многочисленныхъ занятіяхъ онъ находитъ время даже слѣдить за теченіемъ планетъ и, руководствуясь Брюсовымъ календаремъ, охотно объясняетъ обычнымъ своимъ собесѣдникамъ тайное ихъ значеніе. Такъ, напримѣръ, не далѣе, какъ прошлой зимой, онъ по теченію планетъ очень вѣрно предсказалъ, что въ персидской странѣ произойдутъ козни тайныхъ враговъ, стремящихся огорчить любезное отечество, но что козни эти будутъ открыты нѣкоторымъ царедворцемъ Олоферномъ, который и посрамитъ козней дѣйцевъ. Все точно такъ и сбылось: черезъ двѣ недѣли мы уже читали въ газетахъ, что Олофернъ поймалъ и обличилъ злодѣевъ, которые были посажены въ мѣшокъ и ввержены въ море. Есть у него и библіотека, составленная исключительно изъ книгъ, трактующихъ о разныхъ видахъ любви къ отечеству. По мнѣнію его, только такія книги и могутъ улаждать душу государственнаго человѣка, да еще сочиненія эротическаго содержанія; но сіи послѣднія должны быть читаемы съ умѣренностью и втайнѣ, дабы не породить соблазна въ

народъ, который, по простодушію своему, можетъ, чего добраго, принять преподаанныя тамъ правила за руководство въ жизни.

Однимъ словомъ, такіе люди, какъ Семень Михайлычъ, составляютъ истинное украшеніе городовъ, въ которыхъ поселяются; а такъ какъ въ Россіи нѣтъ губернскаго города, въ которомъ не было бы своего Семена Михайлыча, то и оказывается, что всѣ они изукрашены въ этомъ отношеніи преестественно.

Имѣя въ виду впереди балъ у губернатора и потомъ ночную пирушку у откупщика, я зашелъ къ Семену Михайлычу, чтобъ отвести душу въ умѣренно-либерально-политико-философской бесѣдѣ.

Я засталъ его за чтеніемъ новаго обширнаго трактата о любви къ отечеству; неподалеку, на случай отдохновенія, валялся новый романъ Поль-де-Кока.

Прежде всего мы, разумѣется, разговорились о различныхъ благодѣтельныхъ реформахъ, ожидающихъ наше любезное отечество, потомъ о дѣйстви, которое онѣ оказываютъ на обывателей. Оказалось, что это дѣйстви, покажѣтся, ограничилось тѣмъ, что генераль Голубчиковъ сошелъ съ ума, въ ожиданіи уничтоженія откуповъ, да предсѣдатель уголовной палаты запилъ мертвую, въ ожиданіи судебной реформы. Мы, разумѣется, погоревали.

— Удивляться тутъ нечему, — сказалъ мнѣ Семень Михайлычъ по поводу непріятнаго происшествія съ генераломъ Голубчиковымъ: — такая вѣсть можетъ поразить и болѣе крѣпкіе организмы.

— Какой, однако, ударъ для всего семейства!

Семень Михайлычъ только махнулъ рукой, какъ бы говоря: погоди! тѣ ли еще будутъ!

— Странно одно, — продолжалъ онъ: — какъ это Иванъ Николаичъ до сихъ поръ не приготовился! Посмотрите на меня: я ужъ давнымъ давно ко всему готовъ!

— Что, развѣ получили что-нибудь?

— Не получилъ, но получу!

Семень Михайлычъ сказалъ это съ такимъ дрожаніемъ въ голосѣ, что я не сомнѣвался, что онъ получилъ нѣчто, но до поры до времени скрываетъ. Любопытство задѣло меня за живое.

— Вотъ вы говорите, что генераль не приготовился, — сказалъ я, желая увлечь его въ откровенную бесѣду: — да помилуйте, какъ

же тутъ и приготовиться-то! Вѣдь онъ еще нынче утромъ получилъ радостное для себя извѣстіе.

— И все-таки надо было приготовиться!

— Да какъ же это, однакожь?

— Повѣрьте мнѣ, что ничего нѣтъ легче. Нужно только соображеніе и христіанское смиреніе! — возразилъ Семень Михайлычъ и, немного помолчавъ, прибавилъ: — да, главное все-таки христіанское смиреніе, какъ тамъ кто ни говори! — Семень Михайлычъ, который курилъ въ это время трубку, сталъ дуть въ нее съ такою силой, что искры цѣлымъ облакомъ носыпались на коверъ. — Я былъ сегодня у обѣдни и молился, — продолжалъ онъ таинственнымъ голосомъ: — только, когда пронѣли херувимскую, я вдругъ почувствовалъ, какъ будто что-то кольнуло меня въ самое сердце... Я, знаете, вналь въ забвеніе, стою и молюсь, стою и молюсь... Ахъ, чтѣ я видѣлъ въ эту сладкую минуту! ахъ, чтѣ я видѣлъ! — Скажу одно: съ этого мгновенія бремя жизни скатилось съ души моей! съ этого мгновенія я... готовъ!

„Чортъ возьми! — а вѣдь дѣло плохо, коль скоро Семену Михайлычу видѣнія являются!“ — подумалъ я, невольно припомнивъ катастрофу, приключившуюся съ генераломъ Голубчиковымъ.

— И представьте себѣ, другъ мой, едва я возвратился изъ церкви, какъ мнѣ подають письмо отъ одного петербургскаго пріятеля...

— И это письмо?..

— Вотъ не угодно ли полюбоваться!

Онъ подаль мнѣ дрожащей рукою письмо, въ которомъ я прочиталъ слѣдующее:

„Мы провалились, любезный другъ Simon, и ты можешь укладывать свои чемоданы, не опасаясь на этотъ разъ быть введеннымъ въ ошибку. На дняхъ все покончено: насъ не будетъ! Мы должны перестать существовать, превратиться въ дымъ — мы и дѣла наши! Первою мыслью моею было, разумѣется, подумать о тебѣ, и знаешь ли, чтѣ я придумалъ? На дняхъ наши финансисты скомпоновали какой-то невинный проектъ по винной части: не удрать ли намъ съ тобой штуку, пристроившись по части хересовъ и розничной продажи сивухи? Говорять, такой состряпали проектець, что пальчики оближемъ; слѣдовательно, надежда есть. А я, къ тому же, коротко

знакомъ съ самимъ его сивушествомъ княземъ цѣловальникомъ, слѣдовательно и тутъ надежда есть! Вспомни, дружище, стишки:

«Надежда, кроткая посланница небесъ»...

и еще: „надежда утѣшаетъ царя на тронѣ“ — дальше, хоть убей, не помню! — и валяй въ Питеръ! А не то и еще имѣется въ виду убѣжище: поговариваютъ, что учреждается серьезный надзоръ надъ пристанищами праздности и разврата, и что по этому случаю также потребуются много дѣятелей. Что-жь, можно махнуть и по части клубнички! Конечно, дѣятельность не очень почетная, но нашъ братъ, опричникъ, за толчкомъ не погонится: видали виды! Со мной, дружище, даже на дняхъ случилось происшествіе въ этомъ родѣ... и т. д.

„Ожидающій тебя съ нетерпѣніемъ
„Никифоръ Малявка“.

— Однако, вамъ еще не измѣнила надежда! — сказалъ я, прочитавши письмо.

— Не измѣнила-то не измѣнила, а все-таки больно.

Семень Михайлычъ размахнулся и ударилъ чубукомъ объ стѣну.

— Больно, Николай Иванычъ! Больно въ особенности съ точки зрѣнія благороднаго человѣка! — сказалъ онъ, останавливаясь предо мною: — поймите, вѣдь наша служба была самая благородная! Вѣдь мы были почти... масоны!

— Ссс...

— Да, масоны! Это я берусь доказать, хоть и знаю, что въ нашемъ отечествѣ масоны не допускаются. Но мы масоны очищенные, мы масоны, у которыхъ, кромѣ любви къ отечеству, ничего въ предметѣ не осталось!

— Да скажите мнѣ, рада Бога, полковникъ: чтò такое были эти масоны?

— Масоны были и будутъ существовать, покуда стоитъ міръ; масоны — это просто благонамѣренные люди, изъ которыхъ нѣкоторые заблуждаются, а нѣкоторые не заблуждаются!

— Гм... это конечно... всякой вещи бываетъ въ мірѣ по два сорта...

— Заблуждающіеся масоны имѣли между собой разные таин-

ственные знаки, безъ дозволенія начальства называли другъ друга вымышленными именами: Никифора Петромъ, Петра Степаномъ, и тому подобное... Согласитесь, что въ государствѣ этого допустить невозможно?

— Да, оно конечно... какъ-то подозрительно...

— Ну, и вся эта принадлежность перешла отъ масоновъ къ намъ. Мы тѣ же масоны, но масоны очищенные.

— Если я васъ иснялъ, любезный Семень Михайлычъ, то, стало быть, цѣль этихъ масоновъ заключается въ томъ, чтобъ покровительствовать несчастнымъ.

— Совершенно такъ. Видишь, напримѣръ, утопающаго, ну, подойдешь, подашь ему руку—и онъ опять пошелъ себѣ жить да поживать. Или, напримѣръ, обыграли васъ въ карты; вы приходите, объясняете... Я съ своей стороны призываю лицо, воспользовавшееся вашею довѣрчивостью, и говорю ему: „отдай деньги, потому что иначе тебѣ можетъ быть худо!“

— Знаете ли что, Семень Михайлычъ? Чѣмъ больше думаешь, тѣмъ больше убѣждаешься, что такого рода учрежденіе—истинное благодѣяніе для человѣчества. Тихо, смирно, миролюбиво, безъ разговоровъ—сколько тутъ одного сокращенія переписки!

— Да еще то ли мы дѣлывали! вѣдь на насъ, можно сказать, лежало благоденствіе и спокойствіе цѣлаго отечества—поймите это! Вѣдь, можно сказать, ни одной мысли въ головѣ не зарождалось безъ того, чтобъ эта мысль не была намъ предварительно извѣстна... Вѣдь это цѣлый романъ!

— На вашемъ мѣстѣ, Семень Михайлычъ, я непременно писалъ бы свои мемуары.

— Я думалъ объ этомъ.

Семень Михайлычъ задумался и улыбнулся. Видно было, что надъ мыслями его пролетали воспоминанія, и что воспоминанія эти улыбались ему.

— Да, были дѣла! — сказала онъ, щипля свой надушенный усъ:—были дѣла!

Я зналъ отчасти эти дѣла. То были дѣла чудодѣйственной ловкости, то были дѣла нечаяннѣйшихъ сюрпризовъ и таинственнѣйшихъ похищеній. Семень Михайлычъ цѣлую жизнь все ловилъ и хваталъ

и, наконецъ, доволился и дохвтался до настоящаго скорбнаго положенія. Согласитесь, что это сразить хоть кого.

— Не то больно, — сказалъ онъ, — что жалованья тамъ какъ-нибудь на время лишусь, — то больно, что практики-то этой не будетъ!

— Да, привычка — великое дѣло!

— Грудью, вотъ этою самою грудью жертвовалъ! И что-жъ въ результатъ? — абшидь!

Семень Михайлычъ видимо впадалъ въ лиризмъ, потому что колотилъ себя въ грудь самымъ неестественнымъ образомъ.

— Что мнѣ нужно? — декламировалъ онъ, ставъ въ позу, какъ это обыкновенно дѣлають благородные, но огорченные люди. — что мнѣ нужно? добрую сигару и стаканъ добраго вина!

„Добрую сигару я отдамъ пріятелю; стаканъ вина раздѣлю съ нимъ же!

„Теперь у меня нѣтъ ни того, ни другого! Послѣднюю сигару я выкурилъ вчера; послѣдній стаканъ вина вынулъ каналья денщикъ сегодня, въ то время, какъ я молился Богу!

„Новыхъ я купить не въ состояніи. Я не знаю даже, буду ли въ состояніи шить себѣ новые сапоги!

„Это горько! это неблагодарно!“

— Яшка! — прибавилъ онъ совершенно неожиданно, кликая денщика: — ступай, подлець, къ Барбошкиной и спроси, не осталось ли у ней хоть одной бутылки моего любимаго вина?

Послѣдній возгласъ оживилъ меня нѣсколько. Нѣтъ ничего неспосибе, какъ присутствовать при посторонней горести. Конечно, эта горестъ не могла назваться и для меня совсѣмъ постороннею: ибо и я, наравнѣ съ другими, могъ погибнуть въ стремившій политическаго переворота, но все-таки я страшныхъ писемъ еще не получалъ, следовательно гибель моя представлялась еще отдаленною, и мысль о ней не портила еще моего аппетита въ такой степени, въ какой портила аппетитъ другихъ моихъ сотрудниковъ по вертограду администраціи. Однимъ словомъ, отъ этихъ унылыхъ стоновъ мною началось уже овладѣвать нетерпѣніе, и я имѣлъ основаніе думать, что появленіе бутылки вина хоть нѣсколько измѣнитъ направленіе разговора.

— Тутъ была цѣлая система, — приставалъ между тѣмъ Се-

мень Михайлычъ:—система, могу сказать, строго соображенная во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ. Мы связаны между собой вотъ какъ!

Семень Михайлычъ соединилъ обѣ руки и просунулъ пальцы одной изъ нихъ между пальцевъ другой.

— Спрашиваю я васъ теперь: можно ли оставаться безъ системы? — добивался онъ.

— Знаете ли что? — отвѣчалъ я, какъ бы озаренный свыше вдохновеніемъ:—вѣдь я думаю, что безъ системы оставаться рѣшительно никакъ невозможно!

— Стало быть, можно, коли оно такъ есть: взгляните и судите! — иронически замѣтилъ онъ.

Такого рода разговоры обыкновенно продолжаются до безконечности. Источникомъ имъ служатъ раны человѣческаго сердца, а раны эти, какъ извѣстно, сочатся до тѣхъ поръ, покуда не иссохнутъ изъ себя всего гноя обидъ и оскорбленій, въ нихъ накопившихся. Нашъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ подлеца Яшки, который доложилъ, что купчиха Барабошкина съ дерзостью отозвалась, что у нея никакой бутылки вина для полковника нѣтъ и не было.

— Вотъ видите! даже Барабошкина — и та отвѣчаетъ! — сказала мой амфитрionъ, окончательно сраженный: — подлая! пронюхала, должно быть!

Семень Михайлычъ неистово зашагалъ по комнатѣ.

— Любопытно! любопытно это будетъ, какъ-то они безъ насъ обойдутся! Повѣрите ли, Николай Иванычъ, когда мнѣ въ первый разъ сказали, что насъ не будетъ,—я думалъ, что это насмѣшка; я даже не далеко былъ отъ мысли, что насмѣшка эта прямо относится къ высшему начальству...

— Да, оно похоже на то.

— Нѣтъ-съ, это была не насмѣшка. Намеднись пріѣзжаю я въ Москву, являюсь къ своему старику, и первое слово, которое отъ него слышу: „а мы, братъ, съ тобой въ трубу вылетѣли!“ — Кто же теперь слѣдить будетъ? — спрашиваю я его: — кто слѣдить будетъ, ваше превосходительство? — И знаете, стою этакъ передъ нимъ, весь внѣ себя отъ изумленія. Только что жъ бы, вы думали, онъ мнѣ въ отвѣтъ? „Я, братецъ, говорить, въ пенсію все свое содержаніе по-

лучаю, такъ мнѣ до этого дѣла нѣтъ!!!“ Такъ-то вотъ, ни въ комъ, просто ни въ комъ сочувствія нѣтъ!

— Скажите на милость!

— А намеднись, вотъ, у Пеструшкиныхъ на балѣ, мальчишка Шалимовскій, гимназистъ, подходитъ ко мнѣ, мерзавецъ, и говоритъ: „а вы, говоритъ, знаете, Семенъ Михайлычъ, что васъ уни-чтожаютъ?“ Спрашиваю я васъ, каково мнѣ эти плюхи-то быть!

— Даже мальчишки, и тѣ!

— Да въ мальчишкахъ-то и сила вся! Откровенно скажу, что если бы не мальчишки, мы и до сихъ поръ благоденствовали бы! Это они своимъ тывканьемъ, это отъ нихъ все загорѣлось. Господи! жили-жили, и вдругъ напасть!

— Да и старики-то, Семенъ Михайлычъ, хороши!

— И мальчишки, и старики, и Барабошка, и весь міръ за-одно!

— Однакожь, вѣдь вамъ недавно мундиръ перемѣнили: новидимому, это должно бы поощрить!

— Да, и перемѣнили, и поощрили! Ну да, и перемѣнили, и поощрили! Что-жь, и поощрили!

— Какъ же это однако?

— Вотъ видите, Николой Иванычъ, я цѣлый мѣсяцъ объ этомъ знаю... Вы понимаете, чтѣ у меня должно *тутъ* происходить!

Онъ указалъ на грудь.

— Все это время я думалъ... все думалъ...

— И что же?

— Я просто пришелъ къ заключенію, что все это не болѣе, какъ страшный сонъ!

— Тсс...

— Да, это страшный сонъ, потому что этого не можетъ быть!

— Однако, вы имѣете письма?

— Имѣю дѣйствительно, но въ то же время питаю увѣренность... что мы возродимся!

— То-есть, какъ же это?.. Вы думаете, значить, что вамъ опять дадутъ новый мундиръ!

— Да нѣтъ, не то, не въ мундирѣ тутъ сила: духъ времени не таковъ! Но что мы возродимся—это вѣрно. Потому, ненатурально! Опять-таки спрашиваю я васъ, возможно ли существовать безъ системы?

— Нѣтъ, я положительно убѣжденъ, что безъ системы и одного дня пробыть невозможно.

— Ну, а какого же тутъ чорта систему выдумаете! Слѣдовательно, мы возродимся: въ мундирахъ ли, безъ мундировъ ли, но мы возродимся—это вѣрно! Конечно, сначала все это будетъ какъ будто подъ пепломъ, а потомъ оно потеплится-потеплится да и воспринетъ настоящимъ манеромъ!

— Да вы-то? вы-то? что съ вами будетъ?

— Что обо мнѣ говорить! Я... я могу найти для себя убѣжище въ одномъ изъ новыхъ учреждений, о которомъ пишетъ Малявка... Но это все равно! Главное все-таки въ томъ, что мы возродимся!

Семень Михайлычъ былъ великъ: я понялъ это и позавидовалъ ему. Мнѣ думалось о томъ, какъ сладко и велико должно быть гражданское чувство, въ силу котораго человѣкъ забываетъ о себѣ, чтобъ всѣмъ существомъ своимъ устремиться къ одному предмету—любезному отечеству!

Мы разстались утѣшенные и облегченные. Всю дорогу я твердилъ себѣ:—Мы возродимся, ибо безъ системы существовать нельзя!

ХП.—Запутанное дѣло.

Случай.

I.

„Будь ласковъ съ старшими, невысокомѣренъ съ подчиненными, не прекословь, не спорь, смирайся—и будешь ты вознесенъ премного: ибо ласковое теля двѣ матки сосеть“.

Такого рода напутственный завѣтъ былъ произнесенъ Самойломъ Петровичемъ Мицѹлинымъ двадцатилѣтнему его дѣтищу, отправлявшемуся изъ дому родительскаго на службу въ Петербургъ.

Самойло Петровичъ, бѣдный мелкопомѣстный дворянинъ, въ простотѣ души своей былъ совершенно увѣренъ, что, снабженный подобными практическими наставленіями, Ваничка его, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ принятъ въ столицѣ съ распростертыми объятіями. На всякій случай, старикъ, однакожь, кромѣ душеспасительнаго

слова, вручилъ сыну тысячу рублей денегъ, съ приличнымъ наставленіемъ носить ихъ всегда при себѣ, не мотать, не мытарствовать, а тратить себѣ по-маленьку.

„Дитя оно молодое, — думалъ добродѣтельный старикъ: — и повеселиться, и пожуировать жизнью захочетъ—Богъ съ нимъ! Да притомъ же и объятія-то... кто его знаетъ! прижмисть, сухосердъ нынче сталъ человѣкъ“.

И вотъ уже около года живетъ юноша въ Петербургѣ; около года онъ добронравенъ, не прекословитъ, смиряется и на практикѣ во всей подробности существляетъ отцовскій кодексъ житейской мудрости—и не только двухъ, но и одной матки не сосеть ласковое телъ!

А между тѣмъ онъ ли не уклонялся, онъ ли не угождалъ, онъ ли не нагибался! Кротче сердцемъ, смиреннѣе душою, кажется, въ цѣломъ мірѣ нельзя было сыскать человѣка! И все-таки отъ всей фигуры фортуны видѣлъ онъ одинъ только задъ... пренепріятное дѣло!

Сунулся-было Иванъ Самойлычъ къ нужному человѣку мѣстечка попросить, да нужный человѣкъ на-отрѣзъ сказалъ, что мѣста всѣ заняты; сунулся онъ было и по коммерческой части, въ контору купеческую, а тамъ все цифры да цифры, въ глазахъ рябить, голову ломить; пробовалъ-было и стихи писать—да остроумія нѣтъ! Отъ природы ли голова его была такъ скупо устроена, или обстоятельства кой-какія ее сплюснули и стиснули, но оказывалось, что одна только сфера дѣятельности и была для него возможною—сфера механическаго переписыванія, перебѣливанія, да и тамъ ужъ народъ кишмя-кишитъ, яблоку упасть некуда, все занято, все отдано и всякій зубами за свое держится...

Словомъ, вся жизнь господина Мичулина, съ самаго его вѣзда въ Петербургъ, была рядомъ мучительныхъ попытокъ и исканій, и все безъ результата... А отцовскія деньги все уходили да уходили, а желудокъ просилъ ѣсть попрежнему, да и кровь-то еще молода и тепла въ жилахъ... просто, ни на что не похоже!

Поникнувъ головою, тихимъ шагомъ возвращался Иванъ Самойлычъ домой послѣ одной изъ ежедневныхъ и неудачныхъ своихъ экспедицій.

Дѣло шло ужъ къ десяти часамъ вечера. Печальное и непріятное зрѣлище представляетъ Петербургъ въ десять часовъ вечера и

притомъ осенью, глубокою, темною осенью. Разумѣется, если смотрѣть на міръ съ точки зрѣнія кареты, запряженной рьяною четверкою лошадей, съ быстрой молніи мчащихъ его по гладкой, какъ паркетъ, мостовой Невскаго проспекта, то и дождливый осенній вечеръ можетъ имѣть не только сносную, но даже привлекательную фізіономію.

Въ самомъ дѣлѣ, и туманъ, который, какъ удушливое бремя, давить городъ своею свинцовою тяжестью, и маленькая, острая жидкость — не то дождь, не то снѣгъ, — докучливо и рѣзко дребезжащая въ закрытыя окна кареты, и вѣтеръ, который жалобно стонетъ и завываетъ, тщетно сясь вторгнуться въ щегольской экипажъ, чтобъ оскорбить нескромнымъ дуновеніемъ своимъ полныя и самодовольно лоснящіяся щеки сидящаго въ немъ сытаго господина, и густыя ланки зажженного газа, тамъ-и-сямъ прорывающіяся сквозь густой слой дождя и тумана, и звонкое, но тѣмъ не менѣе какъ смутное эхо долетающее „пади“ зоркаго какъ кошка фореитора — все это, вмѣстѣ взятое, даетъ городу какую-то поэтически-улетучивающуюся фізіономію, какой-то обманчивый колоритъ, дѣлая все окружающіе предметы подобными тѣмъ страннымъ, безразличнымъ существамъ, которыя такъ часто забавляли насъ въ дни нашей юности въ заманчивыхъ картинахъ волшебнаго фонаря...

И покачивается себѣ сытый господинъ, самодовольно развалившись на мягкихъ подушкахъ, и сладко жмуритъ глаза, одолѣваемый неопредѣленною, но тѣмъ не менѣе мягкой дремотою, необыкновенно вкрадчивымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно сладкимъ полужабытьемъ... И напоминаетъ ему оно, это волшебное полужабытье, то блаженное состояніе, которое каждый изъ насъ болѣе или менѣе ощущалъ въ дѣтствѣ, слушая долгимъ зимнимъ вечеромъ безконечно однообразные и между тѣмъ никогда неугомляющіе, давнымъ-давно переслушанные и между тѣмъ всегда возбуждающіе судорожное любопытство рассказы старой няни о Бабѣ-ягѣ-костяной-ногѣ, объ избушкѣ на курьихъ ножкахъ и т. п.

Притаились дѣти вокругъ стола въ узкой и низенькой дѣтской; молчатъ они и не пошевельнутся; нѣтъ улыбки на розовыхъ губахъ ихъ; не слышно свѣжаго, звучнаго смѣха, за минуту передъ тѣмъ оглашавшаго комнату; все мускулы на этихъ полныхъ жизни личикахъ выразили какое-то напряженное вниманіе; тусклый и трепещу-

щій свѣтъ разливаешь кругомъ давно-забытая и страшно-нагорѣвшая свѣтильня сальной свѣчи; обычно тихо и мѣрно дрожитъ древній голосъ древней няни, повторяющей старую сказку о Змѣѣ-Горынычѣ... Люблю я это морщинистое лицо старой няни, люблю ея желтыя, костлявыя руки, люблю ея увѣренность, будто она дѣйствительно вяжетъ чулокъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ только спускаетъ одну петлю за другою; люблю ея воодушевленіе, ея сочувствіе къ высокой добродѣтели Полкана-богатыря, Бовы-королевица; люблю ея движеніе, когда она, внезапно помолодѣвъ и озаренная какою-то юною силою, стучитъ дряхлымъ кулакомъ по столу, приговаривая: „дернетъ Полканъ-богатырь за руку—рука прочь, схватитъ за голову—голова прочь“...

И сжимается дѣтское сердце страхомъ великимъ, и сочувствуетъ Ильѣ-Муромцу, слѣдитъ за борьбой его съ страшнымъ Соловьемъ-разбойникомъ, и робко вглядываются зоркіе глазки въ темный уголъ комнаты, высматривая, нѣтъ ли тамъ Бабы-яги, не затаился ли гдѣ-нибудь ехидный Змѣѣ-Горынычъ, и весело смѣются и хлопаютъ дѣти въ ладоши, когда няня неопровержимыми доводами доказываетъ имъ, что Змѣѣ-Горынычъ давно околѣлъ и издохъ, гадина, стараніями добродѣтельныхъ витязей... И сладко засыпаютъ они, рѣзвыя дѣти, и самыя розовыя мечты убаякиваютъ юныя воображенія ихъ, точно такъ же, какъ убаякиваютъ онѣ и того господина, который сквозь туманъ и вѣтеръ ѣдетъ себѣ въ уютной каретѣ своей, между прочимъ, твердо увѣренный, что ни туманъ, ни вѣтеръ не огорчатъ пухлыхъ и благососпитанныхъ щекъ его.

Но не въ каретѣ ѣхаль, а шель себѣ скромно пѣшкомъ Иванъ Самойлычъ, и потому весьма естественно, что петербургскій осенній вечеръ утрачивалъ въ его глазахъ свой благонамѣренный характеръ. Холодный и рѣзкій вѣтеръ, дувшій ему въ самое лицо, не навѣвалъ на него сладостной дремоты, не убаякивалъ его воспоминаніями дѣтства, а жалобно и тоскливо стоналъ около него, нагло набрасывалъ ему на глаза капюшонъ его шинели и съ видимымъ недоброжелательствомъ насвистывалъ въ уши одинъ и тотъ же знакомый пригѣвъ: „озябъ, бѣдный человѣкъ! хорошо бы бѣдному человѣку у огня да въ теплой комнатѣ! да нѣтъ у него ни огня, ни теплой комнаты! озябъ, озя—ябъ, бѣдный человѣкъ!“

Конечно, и въ ступающемъ по грязи человѣчествѣ рождались

кой-какія мысли по поводу дождя, вѣтра, слякоти и другихъ непріятностей; но это были скорѣе мысли черныя и неблагонамѣренныя, вращавшіяся ббльшею частью около того пункта, что есть, дескать, въ мірѣ, и даже въ самомъ Петербургѣ, люди сытые, которые ѣдутъ теперь въ каретахъ, которые сидятъ-себѣ покойно въ театрахъ или просто дома, одинъ-на-одинъ съ нѣжною подругою; но что этотъ господинъ, ѣдущій въ каретѣ, мигающій изъ кресель смазливенькой и затѣйливо поднимающей ножку актрисѣ, сидящій одинъ-на-одинъ съ миловидной подругой и прочая—вовсе не оно, странствующее во мракѣ грязи и невѣжества человѣчество, а совсѣмъ иной, совершенно ему незнакомый господинъ...

„Что же за доля моя горькая!—думалъ Иванъ Самойлычъ, всходи по грязной и темной лѣстницѣ въ четвертый этажъ:—ни въ чемъ-то мнѣ счастія нѣтъ... право, лучше бы не ѣхать сюда, оставаться бы въ деревнѣ! А то и голодно-то, и холодно“...

Въ дверяхъ его встрѣтила хозяйка квартиры, Шарлотта Готлибовна Гётлихъ, у которой онъ нанималъ весьма маленькую комнату съ подслѣповатымъ окномъ, выходившимъ на самую помойную яму. Шарлотта Готлибовна взглянула на него недовѣрчиво и покачала головой; въ первой комнатѣ раздавались шумные голоса собравшихся нахлѣбниковъ: голоса эти непріятно поразили слухъ Ивана Самойлыча. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ какъ-то задумчивъ, сдѣлался мизантропомъ, убѣгалъ всякой компаніи и вообще вель себя довольно странно.

И нынче, какъ всегда, пробрался онъ потихоньку въ свою комнату, молча выпилъ поданный ему стаканъ чая, безсознательно выкурилъ обычную трубку вакштафа и началъ думать... На этотъ разъ мыслей оказалось нестерпимо много, и все такія чудныя, одна другой страннѣе.

Въ сущности, дѣло было чрезвычайно просто и немногосложно. Обстоятельства Ивана Самойлыча были такъ плохи, такъ плохи, что, просто, хоть въ воду. Россія—государство обширное, обильное и богатое—да человѣкъ-то глупъ, мретъ себѣ съ голоду въ обильномъ государствѣ!

А тутъ, кромѣ безденежья, еще и другія горести завязались, и окончательно сбили съ толку героя нашего. Припоминая все, что сдѣлалъ онъ, со времени отбытія изъ дома родительскаго, въ обезпе-

ченіе своего голоднаго желудка, господинъ Мичулинъ впервые усомнился, дѣйствительно ли поступалъ онъ въ этомъ дѣлѣ какъ слѣдуетъ, и не обманывалъ ли себя насчетъ покорности, уклоненія, добродѣя и другихъ полезныхъ добродѣтелей.

Впервые, какъ будто бы сквозь сонъ, мелькнуло у него въ мозгу, что отцовскій кодексъ житейской мудрости требовалъ безотлагательнаго и радикальнаго исправленія, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ скорѣе нуженъ наскокъ и напоръ, нежели безмолвное склоненіе головы.

Но малый-то онъ былъ по преимуществу скромный и безотвѣтннй, да притомъ же и оробѣлъ ужасно. Пріѣхалъ онъ въ Петербургъ изъ провинціи; жизнь казалась въ розовомъ цвѣтѣ; люди смотрѣли умильно и добродѣтельно, скидали другъ передъ другомъ шляпы чрезвычайно учтиво, жали другъ другу руки съ большимъ чувствомъ... И вдругъ оказалось, что люди-то они все-таки себѣ-наумѣ, такіе люди, что въ ротъ пальца имъ не клади! Ну, куда же тутъ соваться съ системою смиренномудрія, терпѣнія и любви!

И куда ни обернется онъ, за что ни схватится — все вокругъ него глядитъ какъ будто самостоятельно. Шелъ онъ, напримѣръ, давеча по Невскому — на встрѣчу начальниѣмъ отдѣленія идетъ, и крестъ на шеѣ, и видъ такой привлекательный... А вѣдь еще молодой человѣкъ! Конечно, онъ ужъ и полноватъ, и съ брюшкомъ, а все-таки молодой человѣкъ. Вотъ и онъ тоже молодой человѣкъ, а не начальникъ отдѣленія... Что за притча такая!

Встрѣтилъ онъ также щегольскія дрожки; лошади отличныя, пристяжная такъ и подкидываетъ, въ дрожкахъ ѣдетъ господинъ съ орлинымъ носомъ и проницательными глазами смотреть на міръ, какъ будто взоромъ хочетъ провертѣть дыру во вселенной.

— Смотрите-ка, — говорятъ кругомъ: — это В*** ѣдетъ! пройдоха, кулакъ, бестія! а вѣдь что за голь, что за голь-то была! просто, съ позволенія сказать, въ одной рубашкѣ хаживалъ.

И между тѣмъ В*** еще молодой человѣкъ, да вѣдь и онъ, Мичулинъ, молодой человѣкъ, а не ѣздитъ же въ щегольскихъ дрожкахъ!

А вонъ и еще молодой человѣкъ, — тотъ даже совѣмъ розовый молодой человѣкъ, а вѣдь на немъ одно пальто рублей шестьсотъ стоитъ; онъ и веселъ, и безпеченъ, всѣ движенія его живы и непри-

нужденны, смѣхъ его звонокъ и свободенъ, глаза бодры и свѣтлы, на щекахъ здоровье ключомъ бьетъ. Актриса ли мимо проѣдетъ — улыбнется ему, да и онъ актрисѣ улыбнется; важный человекъ встрѣтится — руку ему жметъ, шутитъ съ нимъ, смѣется...

— Этотъ молодой человекъ — князь С***, — говорятъ всѣ кругомъ... Да вѣдь и Иванъ Самойлычъ молодой человекъ, а онъ ужъ и хилъ, и желтъ, и согнуть, да и актриса ему не улыбается...

Да ужъ чтó тутъ далеко ходить, въ отвлеченности пускаться! Въ одинаковой съ нимъ сферѣ, подлѣ него, всѣ нахлѣбники пользуются хоть какою-нибудь ролью, какимъ-нибудь значеніемъ, однимъ словомъ, дѣйствуютъ какъ люди взрослые и самостоятельные... Иванъ Макарычъ Пережига, напримѣръ, былъ нѣкогда мирнымъ деревенскимъ жителемъ и затравилъ на своемъ вѣку не одну сотню зайцевъ. Конечно, и зайцы, и деревня — все это было ужъ очень давно; конечно, въ настоящую минуту Иванъ Макарычъ пользовался нѣсколько двусмысленною репутаціей насчетъ способовъ жизни, да вѣдь въ этомъ виновна ужъ собственная его блудная натура, да притомъ хоть какъ-нибудь, а доставалъ-таки онъ себѣ кусокъ хлѣба. Жилъ тутъ же и Вольфгангъ Антоничъ Беобахтеръ, философіи кандидатъ; этотъ служилъ, а въ свободное отъ занятій время игралъ на гитарѣ различныя бравурныя аріи. вмѣстѣ съ нимъ проживалъ еще Алексисъ Звонскій, чрезвычайно свѣдущій и ученый молодой человекъ; этотъ писалъ стихи, ставилъ фельетонъ въ газету. Наконецъ, рядомъ съ Ивановомъ Самойлычемъ обитала Наденька Ручкина: и она была дѣвица свѣдущая, хотя только по своей части...

Мысль эта давно ужъ воровъ кралась въ сердце Ивана Самойлыча, и вдругъ зависть, глубокая, но бессильная и робкая, закипѣла въ груди его. Всѣ, рѣшительно всѣ оказывались съ хлѣбомъ, всѣ при мѣстѣ, всѣ увѣрены въ своемъ завтра; одинъ онъ былъ будто лишній на свѣтѣ; никто его не хочетъ, никто въ немъ не нуждается.

— Да что же я въ самомъ дѣлѣ такое? — говорилъ онъ, прогуливаясь мелкимъ шагомъ по комнатѣ: — отчего же на меня, именно на меня обрушиваются всѣ несчастія? отчего другіе живутъ, другіе дышутъ, а я и жить, и дышать не смѣю? Какая же моя роль, какое мое назначеніе?..

— Жизнь — потеря! — началъ-было по привычкѣ отцовскій кодексъ житейской мудрости: — смирайся и терпи!

— Оно такъ, — подзыкаль, между тѣмъ, какой-то недоброжелательный голосъ: — да почему же она лотерея, почему жъ бы не быть ей просто жизнью?

Иванъ Самойлычъ задумался.

„Вѣдь хоть бы этотъ князь! — думаль онъ: — вотъ, онъ и счастливъ, и весель... Отчего жъ именно онъ, а не я? Отчего бы не мнѣ уродиться княземъ?“

И мысли все росли и росли и принимали самыя странныя формы.

— Да что же я, что же я такое? — повторяль онъ, съ безсильною злобой ломая себѣ руки: — вѣдь годенъ же я на что-нибудь, есть же гдѣ-нибудь для меня мѣсто! гдѣ жъ это мѣсто, гдѣ оно?

Такъ вотъ какая странная струна задребезжала вдругъ въ сердцѣ Ивана Самойлыча, и задребезжала такъ назойливо и бойко, что онъ уже и самъ, по обычной своей робости, не радъ былъ, что вызвалъ ее.

И всѣ предметы вокругъ него смотрѣли какъ-то подозрительно и странно, принимали такую настойчивую, вопрошающую физиономію, какъ будто тащили его за воротникъ, душили за горло и, приставивъ къ его лбу холодное дуло пистолета, силнымъ басомъ допрашивали его: отвѣчай же намъ, что же ты въ самомъ дѣлѣ такое?!

Блѣдный, испуганный, упалъ онъ на кресло, закрыль руками лицо и горько заплакаль...

Въ головѣ его внезапно отчетливо нарисовался деревенскій его домъ, родитель въ визанной изъ шерсти ермолкѣ, мать вѣчно болтающая зубами и съ вѣчно подвязанною щекою, отецъ-дьяконъ съ дьяконицею, отецъ-іерей съ попадьею... Какъ все тамъ просто, какъ дышетъ все деревенскою, буколическою тишиною, какъ зоветъ все къ отдохновенію и успокоенію!.. И зачѣмъ было оставлять все это? зачѣмъ было мѣнять извѣстное, полное самыхъ пріятныхъ и вкусныхъ ощущеній, на неизвѣстное, чреватое горестями, огорченіями и другими дразгомъ? Зачѣмъ было соваться съ кротостью и смиреніемъ туда, гдѣ нужны дерзость и упрямое преслѣдованіе цѣли?

А между тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ раздался знакомый Ивану Самойлычу голосокъ, напѣвавшій извѣстную арію изъ „Русалки“:

Прійди въ чертогъ ко мнѣ златой,
Прійди, о князь мой дорогой!..

Голосокъ былъ небольшой, но необыкновенно мягкій и свѣжій. Господинъ Мичулинъ невольно началъ прислушиваться къ пѣнію и задум-

мался... И думалъ онъ много и сладко думалъ, потому что въ знакомомъ маленькомъ голосѣ было что-то юное, какъ будто дающее крылья его утомленному воображенію.

Странное дѣйствіе производятъ на насъ иногда самыя ничтожныя, повидимому, явленія! Часто самаго пустого обстоятельства, просто звуковъ какой-нибудь нелѣпой шарманки или голоса разносчика, то скливно и протяжно вопіющаго: „игрушки дѣтскія, игрушки продать!“ достаточно для того, чтобъ разстроить всю умственную систему какого-нибудь важнаго господина, разбить въ прахъ всѣ эти штуки и экивоки, которые на пагубу человѣчества въ головѣ его строятся...

Такъ точно было и съ пѣсенкой, вылетавшей изъ сосѣдней комнаты. Пѣсенка была самая простая, лилась себѣ ровно и безъ претензій, и вдругъ поразила слуховой органъ Ивана Самойлыча, и, сама не зная какъ, совершенно разстроила всѣ его соображенія о смыслѣ и значеніи жизни, о конечныхъ причинахъ, и такъ далѣе. И сталъ было господинъ Мичулинъ самъ подпѣвать и звать къ себѣ дрожащимъ голосомъ дорогого князя, сталъ бить ногою тактъ и улыбаться и покачивать головой... Но вотъ тихо-тихо замеръ послѣдній звукъ пѣсенки, еще разъ и ужъ въ послѣдній разъ стукнула въ тактъ нога Ивана Самойлыча, еще разъ ускоренно стукнуло его сердце, и вдругъ ничего не стало слышно, и прежняя темнота опустилась на его душу, прежній холодъ охватилъ сердце...

Потому что не онъ, а другой былъ тотъ дорогой князь, котораго звала пѣсенка въ золотые чертоги; потому что ему на-отрѣзъ было сказано, „что ужъ чему не быть, такъ ужъ не бывать, и безпокоиться о томъ не извольте...“

Съ горя, чтобъ хоть сколько-нибудь разсѣять печальныя мысли свои, рѣшился онъ отправиться въ общую комнату.

II.

Тамъ, въ облакахъ табачнаго дыма, бесѣдовала вся обычная компанія Шарлотты Готлибовны.

На первомъ планѣ плотно сидѣлъ Иванъ Макарычъ Пережиги. Онъ былъ въ венгеркѣ весьма лихого покроя и въ настоящую минуту курилъ табакъ изъ саженаго черешневаго чубука. Исторія господина Пережиги весьма проста. Жилъ онъ нѣкогда въ малороссійской

своей деревнѣ, травилъ зайцевъ, и вдругъ — кто его знаетъ! — запилъ ли онъ, проигрался ли въ пухъ, или просто другія какія-нибудь независимыя обстоятельства приключились — только въ одно прекрасное утро и зайцы, и деревни какъ-то исчезли, и онъ принужденъ былъ отправиться искать счастья въ Петербургъ. Малый былъ онъ видный, сильный и плотный, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, и потому не остался долго безъ занятія... Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился у Шарлотты Готлибовны, благодарная нѣмка стала какъ-то благопріятнѣе смотрѣть на міръ, чаще улыбалась и несравненно больше послабленій и льготъ оказывала нахлѣбникамъ.

Жизнь Иванъ Макарычъ велъ беззаботную и веселую. Вставалъ онъ рано; утромъ ходилъ обыкновенно въ ближайшій трактиръ, выпивалъ рюмку горьчайшей, сыгрывалъ, не переставая, партій двадцать въ бильярдъ, къ которому съ малолѣтства питалъ весьма нѣжную страсть; иногда онъ давалъ и десять, и пятнадцать впередъ, иногда ему давали впередъ пятнадцать и десять...

Доканавъ такимъ образомъ утро, онъ уходилъ домой обѣдать, а вечеромъ обыкновенно передавалъ слушателямъ эпизоды изъ своего безвозвратно минувшаго благоденствія; рассказывалъ разные любопытные случаи, бывшіе съ нимъ во времена его ожесточенныхъ войнъ противъ волковъ, зайцевъ и другихъ животныхъ, которыхъ онъ называлъ общимъ, но нѣсколько темнымъ именемъ „скотовъ“ и „подлецовъ“.

Изъ этого видно, что жизнь Ивана Макарыча какъ нельзя лучше содѣйствовала его растительнымъ и воспроизводительнымъ силамъ.

Характеръ имѣлъ онъ отъ природы веселый, но не лишенный легкаго сардонического оттѣнка. Онъ охотно любилъ подшутить надъ учеными и не пропускалъ никогда случая сказать бѣлокуруму Алексису, который въ наукахъ, что называется, собаку съѣлъ и читалъ-таки на своемъ вѣку и Вруно Вауера, и Фейербаха:

— Ну, а что, Бинбахеръ-то все на своемъ стоитъ? — все говорить, что того-то нѣтъ... главнаго-то, наибольшаго-то и нѣтъ? Бестія, бестія этотъ Бинбахеръ! ужъ эти мнѣ нѣмцы!.. вотъ тутъ они, тутъ у меня сидятъ!

Иванъ Макарычъ ударяетъ себя при этомъ плашмя ладонью по горлу, желая этимъ выразить, что зарѣзали, дескать, его нѣмцы, и не безъ лукавства поглядывалъ на Шарлотту Готлибовну, которая

и краснѣла, и улыбалась въ одно и то же время, и съ дѣтски-наивнымъ простодушіемъ отвѣчала:

— О, ви очень любезни кавалиръ, Иванъ Макарьвичъ!

Но при этомъ оставалось покрытымъ непроницаемою тайной, кого именно разумѣлъ господинъ Пережиги подъ неблагозвучнымъ именемъ Бинбахера—Фейербаха или Бруно Бауера.

По лѣвую сторону отъ Пережиги рисовалась сама хозяйка квартиры. Это была длинная, прямая и тощая фигура, какъ будто бы сейчасъ проглотившая аршинъ. Движенія благородной нѣмки отличались какою-то особенною апатичностью и дубоватостью, неприятно поражающею взоръ. Какъ будто всё ея мысли, весь ея организмъ устремились въ одну сторону—къ любезному ея другу, Ивану Макарьчу. Она съ нѣмымъ подобострастіемъ смотрѣла ему въ глаза, съ самодовольною улыбкою прислушивалась къ звукамъ его богатырскаго голоса, какъ будто хотѣла всёми и каждому на стѣнѣ зарубить, что это, дескать, все мое; все, что вы тутъ ни видите—принадлежитъ мнѣ, мнѣ безъ раздѣла.

Лицо ея было худощаво и покрыто красными пятнами; глаза маленькіе, выразившіе какое-то ненасытное нахальство; углы губъ опущены и желудокъ выдавался несоразмѣрно впередъ.

Едва раскрылъ Иванъ Макарьчъ ротъ, чтобъ сказать слово, какъ и она, въ свою очередь, спѣшила показать рядъ острыхъ и кривыхъ зубовъ, и начинала улыбаться, смотрѣла ему томно въ глаза и, по окончаніи его рѣчи, гордо окидывала взоромъ все общество.

По всему было видно, что она оставалась совершенно довольна своей судьбою и въ особенности не могла достаточно нахвалиться Пережигю.

Кромѣ хозяйки и Пережиги, въ комнатѣ находились еще два лица: кандидатъ философіи Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ и недоросль изъ дворянъ Алексисъ Звонскій.

Беобахтеръ, маленькій и приземистый, быстрыми, но мелкими шагами ходилъ по комнатѣ, бормоталъ себѣ подъ носъ какія-то заклинанія, и при этомъ безпрестанно дѣлалъ рукою самое крошечное движеніе сверху внизъ, твердо намѣреваясь изобразить имъ паденіе какой-то фантастической и чудовищно-колоссальной карательной машины.

Алексисъ, вытянутый и сухой, сидѣлъ около стола и, устремивъ

влажные глаза въ потолокъ, обрѣтался въ совершенномъ оптимизмѣ. Молодой человѣкъ размышлялъ въ эту минуту о любви къ человѣчеству и по этому случаю сильно облизывалъ себѣ губы, какъ будто послѣ вкуснаго жирнаго обѣда.

По обыкновенію, дѣло шло о вещахъ, вызывающихъ на размысленіе, и таинственный Бинбахеръ оказывался совершеннымъ подлецомъ.

— Я вамъ говорю, все они врутъ, бестіи!— кричалъ Пережига:— ужъ какъ же тутъ безъ „него“ обойдешься! Это въ ихней землѣ— ну, тамъ точно... тамъ оно можно!— а у насъ... да вы только сообразите, вы только подумайте!

— О, какъ это правда, о, какъ это очень правда!— воскликнула Шарлотта Готлибовна, подобострастно глядя въ самое лицо своему другу и такъ близко наклонившись къ нему, какъ будто хотѣла положить ему въ ротъ длинный и сухой носъ свой.

Господинъ Беобахтеръ самымъ мягкимъ теноромъ поспѣшила объявить, что, несмотря на это, онъ „все-таки надѣется“, и тутъ же почелъ за долгъ съ необычайной граціей отмахнуть голову какому-то фантастическому, но тѣмъ не менѣе закоренѣлому врагу преобразованій— преобразованій таинственныхъ, но уже заранѣе во всей подробности нарисовавшихся въ его воображеніи.

— Вы матеріалистъ, Иванъ Макарычъ!— отозвался Алексисъ:— вы не понимаете, какая сладость заключается въ словѣ „надежда“! Безъ надежды холодно, сухо, безотрадно! Однимъ словомъ, безъ надежды нѣтъ любви— вотъ искреннее убѣжденіе моего сердца!

Надо сказать разъ навсегда, что Алексисъ въ стихахъ своихъ постоянно изображалъ груди, вспаханныя страданіемъ, чела, взбороненныя горькою мыслью, и щеки, вскопанныя тоскою, но о чемъ были эти „страданіе, горе и тоска“— тайна эта была глубоко скрыта во мракѣ его мозгового вещества.

— Пожалуй-себѣ надѣйся! вотъ и онъ надѣется, — прервалъ Пережига, указывая на Ивана Самойлыча:— да вѣдь яйцо выѣденное развѣ получить!

Всѣ взоры обратились на Мичулина. Онъ стоялъ у печки блѣдный и задумчивый, какъ будто бы самъ глубоко чувствовалъ свое ничтожество. Сначала и онъ сталъ-было прислушиваться къ общему разговору, хотѣлъ-было и свое словечко какъ-нибудь вернуть; но

разговоръ былъ сухой и ученый, да притомъ же къ нему и не обращался никто, какъ будто все молчаливо соглашались между собой, что для ученаго разговора онъ не годится.

— Ну что, какъ дѣлишки?—обратился къ нему Иванъ Макарычъ.

Мичулинъ не отвѣчалъ, но еще унылѣе прежняго окинулъ взоромъ компанію.

— Говорилъ я тебѣ, душа ты горькая, — продолжалъ Пережига, — говорилъ тебѣ: поѣзжай въ деревню! ужъ гдѣ тебѣ тутъ! сирота-сиротой выглядишь — а туда же лѣзешь!

Шарлотта Готлибовна никакъ не упустила случая, чтобъ тутъ же не удивиться высокой справедливости замѣчаній своего любезнаго друга, а Беобахтеръ все сильнѣе и сильнѣе наяривалъ ручонкою завѣтное движеніе сверху внизъ.

— А по моему, вы очень хорошо сдѣлали, что остались здѣсь, — сказалъ онъ, быстро остановившись передъ Мичулинымъ и пристально смотря ему въ глаза.

Постоявъ съ полминуты, онъ приложилъ палецъ къ губамъ и самымъ вкрадчивымъ теноромъ продолжалъ:

— Вѣдь въ наши дни спасительно страданіе!

— Страданіе есть удѣлъ человѣка на землѣ, — началъ-было Алексисъ:—страдать и любить...

Беобахтеръ сдѣлалъ отрицательный жестъ головою, давая тѣмъ знать, что Алексисъ совершенно не въ ту сторону перетолковывалъ слова его.

— Страданіе тѣмъ пріятно, — говорилъ онъ такимъ равнодушнымъ тономъ, какъ будто дѣло шло о чрезвычайно вкусномъ обѣдѣ: — тѣмъ пріятно, что вотъ, какъ тутъ прихлопнетъ, да тамъ притиснетъ, да въ другомъ мѣстѣ, тогда...

И онъ съ особеннымъ наслажденіемъ напиралъ на слова „прихлопнетъ“ и „притиснетъ“.

— Нѣтъ, я съ тобой никакъ не могу согласиться, — возразилъ Алексисъ, вовсе не стараясь доискиваться, что будетъ послѣ таинственнаго „тогда“.

Иванъ Самойлычъ рѣшительно не зналъ, къ чьей партіи ему пристать: къ Беобахтеру ли, доказывавшему несомнѣнную полезность страданія, къ Алексису ли, тоже прописывавшему страданіе какъ

лекарство отъ всего, но по какому-то странному обстоятельству никакъ не соглашавшемуся съ кандидатомъ философіи; или, наконецъ, къ Пережигѣ, увѣрявшему по чести, что все это вздоръ, а вотъ, дескать, у него спросите, такъ онъ знаетъ.

— Любовь хорошо! отчего жъ и не любовь?—говорилъ, между тѣмъ, Беобахтеръ, какъ будто бы обращаясь единственно къ Ивану Самойлычу, а на самомъ дѣлѣ видимо желая уязвить Алексиса: — да любовь послѣ, а прежде-то... Вы меня понимаете?—продолжалъ онъ, еще пристальнѣе смотря въ глаза Ивану Самойлычу.

— Догадываюсь,—отвѣчалъ робко Мичулинъ.

— Отъ чего же *послѣ* любовь?—приставалъ Алексисъ: — и теперь любовь, и потомъ любовь! Зачѣмъ этотъ ригоризмъ!

И умолкъ, какъ будто бы словомъ „ригоризмъ“ онъ насквозь проткнулъ своего противника.

Иванъ Самойлычъ, между тѣмъ, собрался съ мыслями и замѣтилъ компаніи, что, конечно, можетъ быть, любовь и страданіе — вещи полезныя и спасительныя, да обстоятельства-то его изъ рукъ вонъ плохи, имъ-то какъ помочь? страданіе, дескать, хлѣба не даетъ, любовь тоже не кормить... Такъ нельзя ли ужъ что-нибудь такое придумать, чтó бы онъ могъ примѣнить къ дѣлу.

На это Беобахтеръ забормоталъ что-то объ индивидуализмѣ; говорилъ, что думать о себѣ подло; что если онъ и погибнетъ, то это ничего не значитъ, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи принесетъ несомнѣнную пользу для будущаго, какъ реактивъ.

— Да, какъ ррреактивъ!—повторилъ онъ, метая изъ крошечныхъ глазъ молніи.

Вообще, кандидатъ философіи въ этомъ случаѣ совершенно не пощадилъ личности Ивана Самойлыча; но такъ какъ Алексисъ остался такимъ объясненіемъ совершенно доволенъ, то Беобахтеръ счелъ за нужное тутъ же присовокупить, что все-таки любовь *потомъ*, а прежде...

— Да что ты ихъ слушаешь!—вступился Иванъ Макарычъ: — нѣтъ, видно, вы и Бинбахера-то только такъ говорите, что читали! По моему, ты просто ступай въ деревню да храни себѣ на боку! Право, славное будетъ житье! Такъ, что-ли?

Иванъ Самойлычъ робко усмѣхнулся; его самого ужъ давно лакала эта лакомая перспектива.

— А то, братъ, пропадешь, ей-Богу, пропадешь!—продолжалъ Пережига:—или запьешь съ горя—ужь я знаю!

Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія.

— Оно, конечно, водка!—снова началъ Пережига:—отчего бы и не выпить? и въ глазахъ свѣтлѣе, и на людей веселѣе смотрѣть, да и горя не чувствуешь... да вѣдь она, водка-то, воръ! она познаніе есть зла и добра!

Мичулинъ стоялъ у печки блѣднѣе прежняго; Необахтеръ искоса поглядывалъ на него, какъ Бертрамъ на Роберта, и весьма затѣйливо улыбался; Алексисъ не слушалъ: онъ закатилъ глаза подь лобъ и бесѣдовалъ съ человѣчествомъ.

— Вотъ и у насъ въ трактиръ отставной чиновникъ ходитъ,—продолжалъ Пережига:—весь трясется, такой оборванный да ошипанный, и глаза гноятся, и руки дрожатъ: кажется, въ чемъ душа держится, а все пристааетъ: поднеси, дескать, Емель водочки... Да хоть бы польза какая была, а то отъ водки-то только коробить его да жжетъ...

Снова минута напряженного молчанія.

— А вотъ вѣдь и чиновникъ былъ, въ службѣ служилъ, мундиръ носилъ, да и не Емелей, а Даниломъ Александрычемъ прозывался, а ужь Емелей-то это такъ, послѣ трактирные прозвали! Да вотъ выгнанъ былъ изъ казеннаго мѣста, выгналъ его хозяинъ за неплатежъ на улицу—ну, онъ съ горя рюмочку, потомъ другую, а тамъ и пошелъ... Познаніе есть зла и добра!

Послѣдовало опять нѣсколько секундъ тягостнаго молчанія.

— А впрочемъ, по мнѣ, какъ знаешь!—продолжалъ Пережига, обращаясь къ Мичулину:—оно, конечно, коли хочешь, онъ и счастливъ! дали ему водки—онъ и забылъ, что въ разодранныхъ сапогахъ ходить... право, такъ!

И внезапно, по какому-то неостижимому сдѣвленію идей, на Пережигу напалъ припадокъ сантиментальности, и онъ сталъ восторгаться тѣмъ, что за минуту выставлялъ въ глазахъ Ивана Самойлыча какъ вещь, которой должно всячески остерегаться. Шарлотта Готлибовна тоже круто перемѣнила образъ мыслей и заранѣе глупо вздохнула.

— Да еще какъ счастливъ-то!—говорилъ Иванъ Макарычъ:—пуще князя всякаго счастливъ! подитка ты, чай, какіе ему сны

видятся! не надо ему ни дворцовъ, ни палатъ!—вотъ она, школа жизни-то, вотъ! а то чтò вы тутъ съ Винбахеромъ! въ Сибирь его, Винбахера, на каторгу его!

Долго еще Иванъ Макарычъ не могъ успокоить своего филантропическаго потока, долго сидѣлъ онъ, покачивая головой и приговаривая: „право, не надобно ему ни дворцовъ, ни бархату; каждая слеза его“...

Наконецъ, всѣ какъ будто бы притихли. Беобахтеръ попрежнему граціозно двигалъ рукою сверху внизъ, но уже скорѣе безсознательно, нежели съ намѣреніемъ; Алексисъ еще болѣе облизывалъ себѣ губы, бесѣдуя съ человѣчествомъ; Иванъ Самойлычъ конфузился и выводилъ кой-какія заключенія изъ видѣннаго и слышаннаго.

Въ это время часы уныло зазвенѣли одиннадцать. Но и часы были на этотъ разъ какъ-то особенно злонамѣренно. Ивану Самойлычу показалось, будто каждое біеніе часового колокольчика заключало въ себѣ глубокой смыслъ и съ упрекомъ говорило ему: „каждая дуга, которую описываетъ маятникъ, означаетъ канувшую въ вѣчность минуту твоей жизни... да жизнь-то эту на чтò ты употребилъ, и чтò такое все существованіе твое?“

Отчего же прежде никогда не говорилъ ему этого бой часовъ? отчего прежде окружавшіе его предметы не смотрѣли на него съ такимъ вопросительнымъ, испытующимъ видомъ?

И едва начиналъ онъ въ умѣ своемъ развивать движеніе руки Беобахтера, какъ въ мозгу его зарождалась другая мысль, совершенно въ pendant къ этому движенію — мысль страшная, давно не дававшая ему покоя, и которая была не что иное, какъ извѣстное уже читателю изъ первой главы: „Кто ты таковъ? Какая твоя роль? Жизнь — лотерея“ и проч.

И потомъ все это исчезало, и на сцену являлся полусгнившій, дрожащій старикъ и, указывая на водку, говорилъ: „познаніе есть зла и добра“.

— Да вѣдь и не Емеля былъ онъ совсѣмъ, а, слышь ты, Данило Александрычъ, и служилъ нѣкогда, и молодъ былъ нѣкогда, да вотъ выгнали же его изъ службы — и сталъ онъ Емелей, по милости добрыхъ людей.

Съ ужасомъ и содроганіемъ вспоминалъ Иванъ Самойлычъ этотъ странный анекдотъ; въ головѣ его вдругъ пробѣжала мысль: „а ну,

какъ и я Емеля?" да тутъ же и примерзла къ мозгу — до такой степени эта мысль испугала его...

Въ такомъ именно настроеніи духа подошелъ онъ къ своей комнатѣ, какъ вдругъ за сосѣднюю дверь, ведшей въ уединенное жилище дѣвицы Ручкиной, послышался шорохъ. Сердце его забилося; чудная пѣсенка назойливѣе прежняго зазвучала въ ухахъ, и все звала, все звала... дорогого князя...

„Идти, или не идти?“ — думалъ Иванъ Самойлычъ.

А между тѣмъ ужъ стучался.

— Кто тамъ? — раздался за дверью знакомый свѣженькій голосокъ.

— Это я... вы не поживаете, Надежда Николаевна?

— Нѣтъ, не сплю... войдите.

Иванъ Самойлычъ вошелъ; передъ нимъ стояло маленькое, уютное существо, но до того живое и вертлявое, что въ одно и то же время видѣлось во всѣхъ углахъ комнаты; существо розовое и свѣжее, облеченное только большимъ подъ кашемиръ платкомъ, плохо скрывавшимъ пріятную нѣжность ея формъ и безпрестанно распахивавшимся по причинѣ неимовѣрной живости движеній маленькаго существа.

„У, какая игривая!“ — была первая и совершенно естественная мысль Ивана Самойлыча, но мысль, подобно молніи, промелькнувшая минутно и скрывшаяся, какъ въ тучѣ, въ мозговомъ лабиринтѣ своего владѣльца.

— Что это вы сегодня такъ долго засидѣлись, Иванъ Самойлычъ? — отозвалось, между тѣмъ, маленькое существо, переходя отъ одного комода къ другому, отъ стола къ кровати, подбирая съ полу разныя ниточки, бумажки и все прибирая къ сторонкѣ, чтобы ничего не пропало втунѣ, потому что впередъ на черный день пригодится.

— Да я такъ-съ... я насчетъ того-съ... — бормоталъ сконфуженный Мичулинъ.

— То-есть, какъ же насчетъ того? ужъ опять не насчетъ ли прежняго? и-и-и не думайте, Иванъ Самойлычъ!

Мичулинъ молчалъ, хоть внутренно и скорбѣлъ, быть можетъ, о томъ, что ему даже и думать было запрещено.

— А я въ театрѣ была... сегодня „Уголио“ давали... до страсти люблю трагедіи... а вы?

Иванъ Самойлычъ съ любовью смотрѣлъ на Наденьку и какъ будто бы соображалъ, какимъ образомъ это крошечное, совершенно водевильное тѣлице могло до такой степени пристраститься къ трагедіи.

— Господинъ Каратыгинъ игралъ... ужъ я плакала, плакала... И какой видный мужчина! Я до смерти люблю плакать...

Господинъ Мичулинъ даже хихикнулъ отъ умиленія.

— Такъ вы весело провели вечеръ?—спросилъ онъ, а глаза его, между тѣмъ, все сильнѣе и сильнѣе разгорались.

— Очень весело! я вамъ говорю, я ужаси какъ плакала... особливо, когда эта душка Вероника...

— Съ вами былъ кто-нибудь?

— Да, кавалеръ... онъ, видите, былъ прежде мой женихъ, когда я еще у родителей жила... сватался за меня... Такой тоже видный изъ себя мужчина, яблокъ намъ купилъ... да я все плакала, мнѣ не до яблокъ было...

Мичулинъ вздохнулъ.

— Чтò вы сегодня такіе скучные?—спросила Наденька.

— Да я такъ-съ...—отвѣчалъ онъ, снова запинаясь:—я ничего-съ...

Но Наденька все-таки поняла, въ чемъ дѣло; она тотчасъ же, по свойственной ей подозрительности, догадалась, что все это по тому дѣлу, по прежнему.

— Нѣтъ, нѣтъ, и не думайте, Иванъ Самойлычъ!—сказала она, волнуясь и махая руками:—никогда, ни въ жизнь свою не получите!.. Ужъ и чтò сказала, такъ ужъ сказала! мое слово свято... и не думайте!

И попрежнему съ невозмутимымъ равнодушіемъ маленькая женщина подбирала съ полу бумажки, перевѣшивала съ одной вѣшалки на другую разныя платья и юбки, безъ всякой, впрочемъ, совершенно надобности, а единственно изъ удовольворенія живости и бойкости характера.

— Гм! въ жизнь!.. а что такое *жизнь*?—соображалъ между тѣмъ господинъ Мичулинъ.—Вотъ въ томъ-то и штука, Надежда Николаевна, что такое *жизнь*?.. Не есть ли это обманъ, мечташю пустое?

Наденька на минуту перестала суетиться и въ изумленіи оставилась посреди комнаты.

Передъ нею стоялъ все тотъ же ординарный господинъ Мичулинъ, котораго она аккуратно видала каждое утро и каждый вечеръ; все такъ же гемороидаленъ былъ цвѣтъ его испещреннаго рябинами лица, только на губахъ едва замѣтно играла не лишенная ѣдкости и самодовольствія улыбка, какъ будто бы говорила эта улыбка: „а чтѣ, задалъ я тебѣ, голубушка, загвоздку; на-тка, поди, раскуси ее!“

— То-есть, какъ же обманъ?—въ свою очередь робко и нерѣшительно спросила Наденька, думая, что Иванъ Самойлычъ потому, *впрямь*, заговорилъ объ обманахъ, что самъ намѣренъ употребить въ отношеніи къ ней какое-нибудь злостное ухищреніе.

— Да такъ-съ, обманъ, просто обманъ! Посудите сами: вѣдь еслибы я въ самомъ дѣлѣ жилъ, я бы занималъ какое-нибудь мѣсто, игралъ бы какую-нибудь роль!

Наденька ужъ совершенно разувѣрилась и обдумывала, чтѣ бы ей такое поднять съ полу.

— Такъ вы думаете, — сказала она съ разстановкою: — что тотъ только и живетъ, кто играетъ какія-нибудь роли?

Иванъ Самойлычъ понялъ, что подъ словомъ „роли“ Наденька разумѣла исключительно тѣ, которыя играетъ господинъ Каратыгинъ, и поэтому не нашелся, чтѣ отвѣчать.

— Гм! — сказала дѣвица Ручкина.

— Такъ я все вотъ насчетъ этого дѣла, — снова началъ Мичулинъ.

— То-есть, насчетъ чего же, Иванъ Самойлычъ? если насчетъ того, то будьте совершенно покойны: ужъ я что сказала, такъ ужъ сказала; а если насчетъ чего другого, извольте, я съ удовольствіемъ.

Иванъ Самойлычъ не отвѣчалъ; сердце его надрывалось; слова замирали на губахъ и даже что-то похожее на слезу сверкнуло въ глазахъ его... Въ который разъ получалъ онъ этотъ черствый отказъ!

— Оно не то, Надежда Николаевна, — говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ:—все бы еще снести можно! Да вѣдь *другіе!*.. Вѣдь другіе-то пьютъ, другіе ѣдятъ, другіе веселятся! Отчего же другіе?

Дѣйствительно ли несчастіе его происходило отъ того, что другіе живутъ, другіе веселы, или просто присутствіе маленькаго существа, къ которому самъ питаешь маленькую слабость, еще горчѣе дѣлаетъ наше горе—какъ бы то ни было, но герою нашему дѣйствительно сдѣлалось тяжело и обидно.

А между тѣмъ Наденька тоже задумалась; она, конечно, замѣтила эту слезу, но все еще какъ-то думалось ей, что Иванъ Самойлычъ хитритъ, что все это онъ насчетъ того дѣла, насчетъ прежняго, а назначеніе и роль были тутъ только предлогомъ, чтобъ пустить ей пылъ въ глаза, и, пользуясь ею ослѣпленіемъ, поставить-таки на своемъ.

— Да, оно, конечно, обидно, — сказала она тонко и деликатно, дѣлая видъ, какъ будто не замѣчаетъ, куда клонится рѣчь господина Мичулина: — да знаете ли, Иванъ Самойлычъ, ужъ не пойти ли вамъ спать?

Иванъ Самойлычъ сознался, что дѣйствительно ужъ поздно и что спать пора.

Лежа на одинокой постели своей, долго не могъ заснуть Иванъ Самойлычъ. Все ему чудилось живое, полненькое личико Наденьки, и свѣтло и роскошно рисовалась и суежилась передъ его глазами эта мишьятурная, уютная фигурка, вѣчно хлопочущая, вѣчно бѣгущая... И мерещится ему во мракѣ его комнаты, что вотъ сверкнула ея грудь, вотъ промелькнула около самыхъ его губъ крошечная ножка... и ловить онъ ее взглядомъ, и усиливается высмотрѣть въ густой темнотѣ это дорогое, мимолетное видѣніе, но тщетно! во мглѣ тонетъ взоръ его, во мглѣ, въ глубокой, непроницаемой мглѣ, и не успѣваетъ онъ опомниться, какъ передъ нимъ стоитъ длинный и тощій вопросъ — вопросъ насмѣшливый и недоброжелательный, составляющій все несчастіе и гибель его бѣдной жизни.

И скорѣе закрылъ онъ глаза, чтобъ не видѣть этого больного, изнеможеннаго вопроса, и началъ думать о томъ, какъ было бы пріятно, еслибы Наденька... О, еслибы Наденька!... еслибы она знала, какъ бьется сердце бѣднаго Ивана Самойлыча, несчастнаго Ивана Самойлыча, каждый разъ, какъ долетаетъ до него ея маленькій, незатѣйливый голосокъ, поющій маленькую, незатѣйливую пѣсенку!.. Если бы она видѣла, другими глазами видѣла, какъ судорожно и трепетно сжимается это сердце, какъ прислушивается это ухо, какъ притоптываетъ эта нога, какъ преобразается и озаряется внезапнымъ свѣтомъ и теплотою все это такъ долго забнувшее на стужѣ и непогодѣ существо! Если бы она видѣла все это! И какъ смѣла и бойка была его мысль, какое будущее готовилъ онъ ей, этой дорогой, вѣчно незабвенной Наденькѣ! не то чреватое горестями и лишеніями буду-

щее, которое на самомъ дѣлѣ ждало ее, а будущее ровное и спокойное, гдѣ все такъ удобно и ловко слагалось, гдѣ всякое желаніе дѣлалось правомъ, всякая мысль становилась дѣломъ... если бы знала она!

Но не видала, не знала она ничего! Обидна и груба казалась ей привязанность господина Мичулина, и тщетно раскрывалось сердце скромнаго юноши, тщетно играло воображеніе его: ему предстояла вѣчная и холодная, холодная мгла!

III.

Ужъ мозговое вещество Ивана Самойлыча подернулось пеленою, сначала мягкой и полупрозрачною, потомъ все болѣе и болѣе плотною и мутною; ужъ и слуховой его органъ наполнился тѣмъ однообразнымъ и протяжнымъ дрожаніемъ, составляющимъ нѣчто среднее между отдаленнымъ звучаніемъ колокольчика и неотвязнымъ жужжаніемъ комара; ужъ мимо глазъ пронесся огромный, неохватимый взоромъ городъ, съ своими тысячами куполовъ, съ своими дворцами и съѣзжими дворами, съ своими шпицами, горделиво врѣзывающимися въ самія облака, съ своею вѣчно шумною, вѣчно хлопочущею и суетящеюся толпою. Но вдругъ городъ смѣнился деревнею съ длиннымъ рядомъ покачнувшихся на сторону избъ, съ сѣрымъ небомъ, сѣрою грязью и бревенчатою мостовой... Потомъ всѣ эти образы, сначала опредѣленные и различные, смѣшались: деревня украсилась дворцами; городъ обезобразился почернѣвшими бревенчатыми избами; у храмовъ привольно разрослись репейникъ и крапива; на улицахъ и площадяхъ толпились волки, голодные, кровожадные волки... и пожирали другъ друга.

Но вотъ и городъ исчезъ въ туманѣ, и деревня утонула въ сине-мъ, неизглядномъ озерѣ, и волки скрылись далеко-далеко въ густые лѣса фантазіи Ивана Самойлыча... Но что же вдругъ такъ сладко поразило слухъ его, что защеколало вдругъ, зашевелило бѣдное его сердце? Съ тоскою и трепетомъ вслушивается онъ въ эти вѣчно милые, вѣчно желанные звуки, съ томленіемъ и грустью впиваетъ въ себя чудную гармонію простенькой пѣсенки, ласкающей слухъ его...

— Наденька, Наденька!—молящимъ голосомъ говорить Иванъ Самойлычъ.

Но гордо и съ обиднымъ презрѣніемъ смотритъ на него, униженнаго и умоляющаго, маленькая женщина. Крошечная ироническая улыбка мелькаетъ на розовыхъ губкахъ; ея миньютюрное негодованіе слегка приподняло ея тонкія ноздри и окрасило нѣжнымъ пурпуромъ упругія щеки...

— Наденька!— говоритъ онъ задыхающимся отъ волненія голосомъ: — я не виноватъ, что люблю васъ... Что же мнѣ дѣлать, если это выше силъ моихъ!..

И онъ съ трепетомъ ждетъ ея слова: онъ не замѣчаетъ, что возлѣ нея стоитъ другое лицо — лицо, принадлежащее ученому другу ея, бѣлокурому Алексису; не замѣчаетъ, какъ томно опирается она на руку юноши, какіе полные нѣги и томленія взоры отъ времени до времени обращаетъ къ нему...

Но вотъ и на него взглянула она, но какъ-то сурово и съ недоумѣніемъ. Обиженнымъ тономъ отвѣчаетъ она ему, что удивляется, какимъ образомъ могъ онъ даже подумать сдѣлать ей такое странное предложеніе; что, конечно, онъ человѣкъ неглупый и даже начитанный человѣкъ, но что и она съ своей стороны дѣвушка честная, и хотя не дворянка, но не хуже иной дворянки сумѣетъ подать карету не только ему, Ивану Самойлычу, но и всякому другому, даже получше и почище его, кто осмѣлится подѣхать къ ней съ подобнымъ предложеніемъ.

И снова все исчезаетъ въ безразличномъ туманѣ: и бѣлокурое, но нѣсколько апатичное лицо Алексиса, и миньютюрная, вѣчно тревожная фигурка Наденьки, и тоскливо звучитъ вдали знакомая нѣсенка о дорогомъ князѣ и золотыхъ чертогахъ...

— Чтò же я въ самомъ дѣлѣ такое?— спрашиваетъ себя господинъ Мичулинъ: — какое мое назначеніе, какая судьба моя?

Толпами собираются около него бѣдные призраки и насмѣшливо кричатъ ему: „охъ, усталъ, усталъ ты, бѣдный человѣкъ! разломило тебѣ всю голову!“

Бѣдный, трепещущій падаетъ онъ на колѣни, прося пощадить его, объяснить ему это страшное дѣло, не дающее ему ни днемъ, ни ночью покою, но падаетъ такъ неловко и неожиданно, что бѣдные призраки мгновенно исчезаютъ.

Въ комнатѣ темно; старинная кукушка жалобно прокуковала два раза и замолкла.

„Чортъ знаетъ, чтѣ за дрянъ въ голову лѣзетъ! — подумалъ Иванъ Самойлычъ:—а вотъ еще философы утверждаютъ“...

И онъ было-намѣревался, не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія, во снѣ узнать, чтѣ утверждаютъ философы, какъ вдругъ за тонкою перегородкою, которая одна отдѣляла его постель отъ завѣтной комнатки, послышались голоса.

Иванъ Самойлычъ началъ прислушиваться.

— Ужъ я вижу, сударь, — щebetалъ знакомый ему голосокъ:— ужъ, пожалуйста, не приводите мнѣ своихъ резоновъ, ужъ пожалуйста... Я все, все насквозь вижу...

— Нѣтъ, Наденька! ты ошибаешься, другъ мой, ошибаешься, милый ты человекъ!—отвѣчалъ Алексисъ, стараясь придать голосу своему льстивый тонъ.

— Ужъ пожалуйста, въ чемъ другомъ, а въ этомъ не ошибусь... Стыдитесь, сударь!

— Да помилуй же, Наденька! право, я нигдѣ не былъ...

— Я вамъ говорю, что все насквозь вижу, всѣ ваши хитрости вижу, Алексѣй Петровичъ! Ужъ какъ вы тамъ меня ни называйте—образованная ли я, или необразованная—а ужъ я все-таки вижу!

Алексисъ молчалъ.

— Зачѣмъ же притворство и коварство?—продолжала между тѣмъ Наденька:—ужъ скажите мнѣ лучше прямо, что я несчастнѣйшая изъ женщинъ!.. Я дѣвушка прямая, Алексѣй Петровичъ; я честная дѣвушка, Алексѣй Петровичъ, и не люблю ходить вокругъ да около... Ужъ скажите мнѣ просто, что я въ слезахъ должна проводить жизнь!

— Отчего же въ слезахъ, Наденька?—отвѣчалъ лаконически Алексисъ, и потомъ прибавилъ:—отчего же въ слезахъ, милый, хорошій ты человекъ?

И опять все смолкло вокругъ Ивана Самойлыча, но не въ головѣ его: тамъ, напротивъ, началась страшная дѣятельность, начался шумъ и стукотня; мысли бѣгали по мозговымъ его нервамъ, перебивали другъ у друга дорогу, и вдругъ накопилось ихъ такое множество, что онъ ужъ и самъ не радъ былъ, что проснулся и, какъ глупая тварь, поддался грубому и животненному инстинкту любопытства...

Не успѣлъ еще онъ хорошенько сообразить, какъ бы этакъ вос-

пользоваться недоразумѣніемъ, хитро вырыть ближнему яму, какъ ужъ и дѣйствительно какимъ-то образомъ подкопался подъ Алексиса. Въ судьбѣ его внезапно произошла совершенная и неожиданная перемѣна; въ одно мгновеніе ока онъ сдѣлался рѣшительно баловнемъ фортуны; онъ ходитъ по Невскому подъ-руку съ молодою женой, въ бекешѣ съ сѣдымъ бобровымъ воротникомъ; на лбу красуется глубокій шрамъ, полученный въ битвѣ за отечество, а на фракѣ — огромная испанская звѣзда съ безчисленнымъ множествомъ угловъ. Онъ мѣняется пріятною улыбкою и поклономъ съ значительными господами; онъ совершенно доволенъ своею судьбою и безпрестанно вынимаетъ изъ кармана необыкновенно массивный хронометръ, какъ будто бы для того, чтобъ узнать, который часъ, а въ самомъ дѣлѣ для того только, чтобъ показать народу: пусть-де видитъ онъ, какіе на свѣтѣ бывають удивительные часы и цѣпочки.

Съ презрѣніемъ и иронически улыбаясь, смотритъ онъ на проходящаго мимо и дрожащаго отъ холода, въ изношенномъ до нельзя, темно-вишневомъ съ искрою пальто, Алексиса, и дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ его. Но Алексисъ издалека завидѣлъ знакомую ему маленькую фигурку; онъ ужъ спѣшитъ къ ней съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ: „здравствуй, Наденька, здравствуй, хорошій ты, милый человекъ!“ — но вдругъ у самыхъ ушей его раздается грозный голосъ: „Милостивый государь, вы забываете...“ и Алексисъ, поджавъ хвостъ, удаляется послѣдними шагами во-свояси.

Но вотъ и четыре бьетъ на каланчѣ думы: Иванъ Самойлычъ по привычкѣ ужъ чувствуетъ въ желудкѣ пріятную тоску.

— Не прикажешь ли, душа моя, зайти въ магазинъ купить чего-нибудь къ обѣду? — говоритъ онъ, обращаясь къ Наденькѣ.

— Отчего же и не зайти? — отвѣчаетъ она съ такимъ философскимъ равнодушіемъ, какъ будто бы дѣйствительно такъ и быть должно.

И въ самомъ дѣлѣ, люди богатые — отчего же и не зайти.

Ужъ съ четверть часа стоятъ они въ великолѣпномъ магазинѣ.

Наденька, какъ существо живое и по преимуществу прозорливое, бѣгаетъ изъ одного угла въ другой, переходитъ отъ винограда къ великолѣпнымъ бонкретенамъ, отъ превосходныхъ, подернутыхъ легкимъ пухомъ персиковъ къ не менѣе превосходному ананасу, всего отвѣдываетъ, всего откладываетъ въ свой ридикюль... Но все это въ

порядкѣ вещей, все такъ и быть должно; одно только нѣсколько страннымъ кажется Ивану Самойлычу: сѣдой и строгій прикащикъ какъ будто подозрительно, какъ будто исподлобья смотритъ на всѣ эти заборы. Онъ мысленно негодуетъ на такую неумѣстную недовѣрчивость; уже рука его протянута, чтобъ разстегнуть великолѣпное пальто и показать негодяю-корыстолюбцу многоугольную испанскую звѣзду, какъ вдругъ... Но тутъ его руки опускаются: холодный потъ градомъ катитъ съ благороднаго чела; онъ блѣднѣетъ, осматривается, щупаетъ себя... Воже! нѣтъ никакого сомнѣнія! все это было самообольщеніе: и испанская звѣзда, и пальто съ удивительно теплымъ воротникомъ, и одутловатая щеки, и гордый видъ... все, рѣшительно все исчезло, какъ по волшебному мановенію! Какъ и въ бывалое время, виситъ на немъ, какъ на подлой вѣшалкѣ, его старая и вытертая шинелька, болѣе похожая на капоть, нежели на шинель; попрежнему желты и изрыты рябинами его щеки; попрежнему согнута его спина и униженъ и скареденъ его видъ.

Тщетно толкаетъ онъ исподтишка неосторожную Наденьку, тщетно мучить онъ мозгъ свой, стараясь выжать изъ него что-нибудь похожее на изобрѣтательность: Наденька, нисколько не конфузясь, услаждаетъ свое нѣбо дарами юга, и, тоже не конфузясь, спитъ мозгъ Ивана Самойлыча, тупо и равнодушно смотря на неимовѣрныя старанія его выпутаться изъ бѣды и какъ будто посмѣивался надъ собственнымъ своимъ безсиліемъ...

— Десять рубликовъ и семь гривенокъ-съ! — звучитъ ему между тѣмъ въ самыя уши страшный голосъ прикащика.

— Серебромъ? — шепчетъ въ отвѣтъ, заикаясь и совершенно растерявшись, Иванъ Самойлычъ.

— Да, серебромъ... неужто мѣдными? — рѣшительно и вовсе непоощрительно отвѣчаетъ тотъ же самый досадный голосъ.

Мичулинъ конфузится еще пуще.

— Такъ-съ; серебромъ-съ... — говоритъ онъ, блѣднѣя и между тѣмъ ощупывая карманы, какъ будто отыскивая бывшія, въ нихъ неизвѣстно куда завалившіяся деньги: — отчего-же-съ? я съ удовольствіемъ... я человѣкъ достаточный... Скажите, пожалуйста, а я и не замѣтилъ!.. Представьте себѣ, мой милый, я и не замѣтилъ, что у меня въ карманѣ дыра, и какая большая — скажите!..

Но прикащикъ только покачиваетъ головой.

— А вѣдь можете себѣ представить, — продолжаетъ Иванъ Самойлычъ тономъ соболѣзнованія: — и пальто совсѣмъ новенькое! только-что съ иглочки! ужасно какъ непрочно шьютъ эти портняе! Да и не удивительно! Французы, я вамъ скажу, французы! Ну, а французъ, извѣстно, вѣтромъ подбитъ! ужъ это нація такая... Не то что нашъ братъ русскій: тотъ ужъ за что примется, такъ все на славу сдѣлаетъ — нѣтъ, далеко не то!.. Скажите, пожалуйста, и давно вы торгъ ведете?

— Торгъ-то мы ведемъ давно, — отвѣчаетъ угрюмый прикащикъ: — а деньги вы все-таки отдайте...

— Ахъ, Боже мой! право, какой скверный народъ эти французы! право, только-что съ иглочки! О, мошенники эти портняе!

— Видно, братъ, мошенникъ-то ты! — неумолимо и рѣзко отвѣчаетъ угрюмый прикащикъ: — знаемъ мы васъ! у васъ у всѣхъ карманы-то съ дырками, какъ къ расплатѣ приходится! Иванъ Терентичъ! а сходи-ко, братъ, за Ѳедосѣемъ Лукьянычемъ! Онъ, кажется, тутъ по близости!

Услышавъ знакомое ему имя Ѳедосѣя Лукьяныча, Иванъ Самойлычъ совершенно упалъ духомъ. Со слезами на глазахъ и униженно кланяясь, показываетъ онъ сѣдому прикащику дырявые карманы своего пальто, тщетно доказывая, что не виноватъ же онъ, что за минуту передъ тѣмъ имѣлъ и бобровый воротникъ, и испанскую звѣзду, и одутловатыя щеки, и что все это, по ухищреніямъ одной злобной волшебницы, которая давно ужъ денно и ночью его преслѣдуетъ, вдругъ пропало, и остался онъ дрянъ-дряню, что называется, голь какъ соколъ, пушистъ какъ лягушка.

— Мамону-то послужить умѣешь! — говоритъ ему безстрастный голосъ сѣдого прикащика: — тельцу-то поклоняешься, чреву угождаешь! а чтѣ въ священномъ писаніи сказано? забылъ? грѣхъ, братъ, тебѣ! стыдно, любезный!

— Послужилъ, почтеннѣйшій, попуталъ лукавый, точно, попуталъ! — отвѣчаетъ жалобнымъ голосомъ Иванъ Самойлычъ: — да вѣдь это въ первый разъ; вѣдь другіе ѣдятъ же...

— Да другіе-то почище! Мало ли чтѣ дѣлаютъ другіе! у другихъ въ карманахъ-то не дырѣ!

И сѣдой прикащикъ строго покачиваетъ головой, приговаривая:

— Ишь, съ чѣмъ подѣхалъ, анаемскій сынъ! ишь ты: и ис-

панская звѣзда у него была! Знаемъ, братъ, васъ! знаемъ, чревоугодники, идолопоклонники!

А между тѣмъ Мичулинъ робко посматриваетъ на Наденьку. Дерзко и съ презрѣніемъ глядитъ она на него, какъ будто хочетъ окончательно доканать и уничтожить несчастнаго.

— Такъ вы вотъ какъ, Иванъ Самойлычъ! — говоритъ она ему, быстро размахивая руками: — такъ вы изволите на хитростяхъ! вы хотѣли воспользоваться моею къ вамъ откровенностью! Ужъ сдѣлайте одолженіе! я все понимаю! Можетъ быть, я и необразованная, и не читала книгъ... Ужъ, пожалуйста, не отпирайтесь! я все вижу, все понимаю, очень хорошо понимаю... всѣ ваши коварства... Сдѣлайте одолженіе!

— Да что же я въ самомъ дѣлѣ такое? — бормочетъ между тѣмъ Иванъ Самойлычъ, очень кстати вспомнивъ, что затрудненіе именно въ томъ и состоитъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ себѣ опредѣлить, чтò онъ такое: — да чѣмъ же я хуже другихъ!

— Извѣстно чѣмъ! — лаконически отвѣчаетъ сѣдой прикащикъ — извѣстно чѣмъ! у другихъ-то въ карманахъ-то нѣтъ дырвевъ.

— Другіе ѣдятъ, другіе пьютъ... да я-то что-жъ?

— Извѣстно чтò! — звучитъ тотъ же самый жесткій голосъ: — можете смотрѣть, какъ другіе кушаютъ! — но такъ иронически звучитъ, какъ будто бы хочетъ сказать недоумѣвающему Мичулину: — фу, какой же ты, право, глухой! не можешь никакъ понять самой пустой и обыкновенной вещи!

Иванъ Самойлычъ ужъ было и смекнулъ, въ чемъ дѣло, и началъ-было углубляться въ подробное разсмотрѣніе отвѣта прикащика, какъ вдругъ слухъ его поражаетъ другой, еще страшнѣйшій голосъ — голосъ Ѳедосѣя Лукьяныча.

Важно и не мигнувши, слушаетъ Ѳедосѣй Лукьянычъ жалобу стараго прикащика о томъ, что вотъ, дескать, такіе-то мошенники и пріѣдалы перерыли всю лавку, наѣли на десять рубликовъ и семь гривенокъ, и теперь показываютъ только карманы съ дырками...

— Гм! — мычитъ Ѳедосѣй Лукьянычъ, оттопыривъ губы и обращаясь всѣмъ корпусомъ къ Мичулину: — ты?

— Да я, тово, — бормочетъ Иванъ Самойлычъ: — я шелъ и усталъ... освѣжиться захотѣлось... вотъ я и зашелъ!

— Гм! ты не оправдывайся, а отвѣчай! — основательно возра-

жаает Ѳедосѣй Лукьянычъ, окидывая взоромъ всѣхъ присутствующихъ, вѣроятно для того, чтобъ удостовѣриться, какой эффектъ производитъ на нихъ его соломоновъ судъ.

— За дѣло ему, за дѣло! — кричитъ съ своей стороны Наденька: — осрамить меня хотѣлъ!.. Ужь, пожалуйста, подальше съ своими резонами! я очень хорошо все знаю и вижу!

— Фамилія? — отрывисто вопрошаетъ суровый голосъ Ѳедосѣя Лукьяныча, снова обращаясь къ нашему герою.

— Мичулинъ, — отвѣчаетъ Иванъ Самойлычъ, но такъ робко, какъ будто бы и самъ не увѣренъ, точно ли это такъ, и не есть ли это такое же созданіе блуднаго его воображенія, какъ и теплое пальто, испанская звѣзда, одугловатая щеки и проч.

— Имя? — снова вопрошаетъ Ѳедосѣй Лукьянычъ, весьма, впрочемъ, довольный, что произвелъ робость и страхъ въ истязуемомъ субъектѣ.

— Иванъ Самойловъ, — еще тише и робче отвѣчаетъ герой нашъ.

— Эй, любезный, взять его!

Послѣднія слова, очевидно, относились къ одному рослому мужчине, какъ-то случайно тутъ же прогуливавшемуся.

И вотъ уже берутъ Ивана Самойлыча подъ руки, вотъ открываются передъ нимъ двери ада...

— Пощадите! батюшки, пощадите! — кричитъ онъ, задыхаясь отъ трепета.

— Да что это, съ ума, что-ли, вы сошли Иванъ Самойлычъ? — раздается вдругъ у самаго его уха знакомый голосъ: — совсѣмъ спать не даете добрымъ людямъ! Вѣдь я очень хорошо понимаю, къ чему все это клонится, да ужь не бывать этому! — сказано, такъ ужь сказано, и напрасно вы беспокоитесь и изъ себя выходите!

Иванъ Самойлычъ открылъ глаза: передъ нимъ, въ заманчивомъ неглиже, стояла миловидная Наденька, та самая Наденька, которая и проч.

IV.

— А, это ты, Наденька! — бормочетъ сквозь сонъ Иванъ Самойлычъ: — что жь это ты не спишь, душенька? А можешь себѣ представить, мнѣ привидѣлось, будто Ѳе-до...

Наденька покачала головкой и ушла.

А между тѣмъ Лета, эта услужливая рѣка, снова заливаешь волнами своими воображеніе господина Мичулина, снова начинает она шумѣть въ ушахъ его, снова бѣснуется и выходитъ изъ береговъ своихъ.

И вдругъ онъ опять очутился на улицѣ; но на немъ уже не прежнее щеголеватое пальто, а обыкновенная истертая его шинелька; не благовидна и не горда его осанка, какъ будто скоробился, сморщился онъ весь, какъ будто всѣ члены ему свело отъ холода и голода...

Не заглядываетъ онъ въ окна кондитерскихъ, булочныхъ и фруктовыхъ лавокъ. Сколько соблазновъ лежитъ передъ нимъ въ красиво и симметрически расположенныхъ кучкахъ и заперто подь замкомъ! И все это заперто, все подь ключомъ! на все это *можете глядѣть!* какъ выразился недавно съ убійственнымъ хладнокровіемъ строгій прикащикъ...

А дома ждетъ его зрѣлище, полное жгучаго, непереносимаго отчаянія. Въ холодной комнатѣ, въ изорванномъ платьѣ, на изломанномъ стулѣ сидитъ его жена; около нея, блѣдный, истомленный, стоитъ его сынъ... И все это просить хлѣба, но такъ тоскливо, такъ назойливо просить...

— Папа, я ѣсть хочу! — стонетъ ребенокъ: — дай хлѣба!..

— Потерпи, дружокъ, — говоритъ мать: — потерпи до завтра завтра будетъ! нынче на рынкѣ все голодные волки поѣли! много волковъ, много волковъ, душенька!

Но какъ говорить она это! Твой ли это голосъ, милая маленькая Надя? тотъ ли это мелодическій, сладкій голосокъ, распѣвавшій себя беззаботно нехитрую пѣсенку, звавшій князя въ золотые чертоги? Гдѣ твой князь, Надя? Гдѣ твои золотые чертоги? Отчего твой голосокъ сдѣлался жестокъ, отчего въ немъ пробивается какая-то ѣдкая, несвойственная ему жолчь? Надя! чтѣ сдѣлалось, чтѣ случилось съ тобой, граціозное созданіе? гдѣ веселый румянецъ твой? гдѣ беззаботный твой смѣхъ? гдѣ хлопотливость твоя? гдѣ твоя наивная подозрительность? гдѣ ты, прежняя, ненаглядная, миленькая Наденька?

Отчего глаза твои впали? отчего грудь твоя высохла? отчего въ голосъ твоимъ дрожить тайная злоба? отчего сынъ твой не вѣритъ твоимъ словамъ... отчего это?

— Да вѣдь и вчера говорили мнѣ, — отвѣчаетъ ребенокъ, —

что все голодные волки поѣли; да вонь другія же дѣти сыты, другія дѣти играютъ... я ѣсть хочу, мама!

— Это дѣти голодныхъ волковъ играютъ, это они сыты!—отвѣчаешь ты, поникнувъ головою и не зная, какъ увернуться отъ вопросовъ ребенка.

Но напрасно стараешься ты, напрасно хочешь успокоить его: онъ не вѣритъ тебѣ, потому что ему хлѣба, а не словъ надобно.

— Ахъ, отчего же я не сынъ голоднаго волка!—стонеть дитя:—мама, пусти меня къ волкамъ... я ѣсть хочу!

И ты молчишь, подавленная и уничтоженная! Ты вдвойнѣ несчастна, Надя! Ты сама голодна, и подлѣ тебя стонеть еще другое существо, стонеть сынъ твой, плоть отъ плоти твоей, кость отъ костей твоихъ, который тоже просить хлѣба.

Бѣдная Наденька! что же не идетъ онъ, что не спѣшитъ онъ на помощь къ тебѣ, этотъ давно желанный, дорогой князь твоего воображенія? что не зоветъ онъ тебя въ золотой чертогъ свой?

Съ томленіемъ и непереносною тоскою смотритъ Иванъ Самойлычъ на эту сцену, и тоже увѣряетъ маленькаго Сашу, что завтра все будетъ, что сегодня все голодные волки поѣли. Чтѣ ему дѣлать? какъ помочь?..

И ты тоже знаешь, бѣдная Наденька, что нѣчѣмъ ему помочь; ты понимаешь, что онъ ни на волосъ не виноватъ во всемъ этомъ; но ты голодна, подлѣ тебя стонеть любимое дитя твое, и ты упрекаешь мужа, ты дѣлаешься несправедливою...

— Зачѣмъ же вы женились?—говоришь ты ему жесткимъ и оскорбительнымъ голосомъ:—зачѣмъ же вы связали себя другими, когда и себѣ не въ состояніи добыть кусокъ хлѣба? Безъ васъ я была счастлива, безъ васъ я была беззаботна... я была сыта... Стыдно!

Въ свою очередь подавленный и уничтоженный, стоитъ Иванъ Самойлычъ. Онъ чувствуетъ, что въ словахъ Нади страшная правда, что онъ *долженъ былъ* подумать и много подумать о томъ, прилично ли бѣдному человѣку любовь водить, достаточно ли будетъ на троихъ его скуднаго куска... И неутомимо, неутомимо преслѣдуетъ его это страшное „стыдно“!

А между тѣмъ въ комнатѣ все холоднѣе и холоднѣе; на дворѣ дѣлается темно; ребенокъ все такъ же стонеть, все такъ же жалобно просить хлѣба! Боже! да чѣмъ же все это кончится? куда же пове-

деть это? Хоть бы поскорѣе пришелъ завтрашній день! А завтра что?..

Но ребенокъ ужъ не стонетъ; онъ тихо склонился головкой къ груди матери, но все еще дышетъ!..

— Тихе! — едва слышно говорить Наденька: — тихе! Сама уснуль...

Но что же за мысль гнѣздится въ головкѣ твоей, Наденька? Зачѣмъ же ты улыбаешься, зачѣмъ въ этой улыбкѣ вдругъ сверкнуло отчаяніе и злобная покорность судьбѣ? Зачѣмъ ты бережно сажаешь ребенка на стулъ и, не говоря ни слова, открываешь дверь блѣдной комнаты?

— Наденька, Наденька! куда ты идешь? Что хочешь ты дѣлать?

Ты сходишь нѣсколько ступеней и останавливаешься... ты колеблешься, милое дитя! Въ тебѣ вдругъ забилося это маленькое, доброе сердце, забилося быстро и неровно... Но время летитъ... тамъ, въ холодной комнатѣ, въ отчаяніи ломаетъ руки голодный мужъ твой, тамъ умираетъ твой сынъ! И ты не колеблешься, въ отчаяніи ты махнула рукой; ты не сходишь — бѣжишь внизъ по лѣстницѣ... ты въ бѣль-этажѣ... ты дернула за звонокъ... Страшно, страшно за тебя, Надя!

А онъ ужъ ждетъ тебя, дряхлый, безсильный волокита; онъ знаетъ, что ты придешь, что ты *должна* придти, и самодовольно потираетъ себѣ руки, и самодовольно улыбается, поглядывая на часы... О, онъ въ подробности изучилъ натуру человѣка и смѣло можетъ разсчитывать на голодъ!

— Я рѣшилась! — говоришь ты ему, и голосъ твой спокоенъ...

Да, спокоенъ, не дрогнулъ твой голосъ, а все-таки спокойствіе то его какъ будто мертвое, могильное...

И старикъ улыбается, глядя на тебя; онъ ласково треплетъ тебя по щекѣ и дрожащею рукой привлекаетъ къ дряхлой груди своей юный станъ твой...

— Да какъ же ты блѣдна, душенька! — говоритъ онъ ласково: — видно, тебѣ очень кушать хочется...

Э! да онъ просто шутникъ! онъ превеселый малый, этотъ маленький старичокъ, охотникъ до миленькихъ, молоденькихъ женщинъ!

— Да, я хочу ѣсть! — отвѣчаешь ты: — мнѣ нужно денегъ.

И ты протягиваешь руку... Стало быть, ты еще хороша, несмотря

на твое страданіе; стало быть, есть еще въ тебѣ, несмотря на гнетущую нищету твою, нѣчто зовущее, возбуждающее застывшія силы шутивлаго старика, потому что онъ, не считая, кладетъ тебѣ въ руку деньги; онъ не торгуется, хотя и знаетъ, что можетъ купить тебя за самую ничтожную плату...

— Ъшьте!—говоришь ты мужу и сыну, бросая на столъ купленный ужинъ, а сама садишься въ уголь.

— Это жадные волки дали, мама? — спрашиваетъ тебя ребенокъ, съ жадностью поглощая ужинъ.

— Да, это волкъ прислалъ,—отвѣчаешь ты разсѣянно и задумчиво.

— Мама! когда же убьютъ голодныхъ волковъ?—спова спрашиваетъ ребенокъ.

— Скоро, дружокъ, скоро...

— Всѣхъ убьютъ, мама? ни одного не останется?

— Всѣхъ, душенька, всѣхъ до одного, ни одного не останется...

— И мы будемъ сыты? у насъ будетъ ужинъ?

— Да, скоро мы будемъ сыты, скоро намъ будетъ весело... очень весело, другъ мой!

А между тѣмъ Иванъ Самойлычъ молчитъ; потупивъ голову, съ тайнымъ, но неотступно гложущимъ угрызеніемъ въ сердцѣ, ѣстъ онъ свою долю ужина, и не осмѣливается взглянуть на тебя, боясь увидѣть во взорѣ твоемъ безвозвратное осужденіе свое.

Но онъ ѣстъ, потому что и его мучитъ голодъ: потому что и онъ человѣкъ.

Но онъ думаетъ, горько думаетъ, бѣдный мужъ твой! Страшная мысль жжетъ его мозгъ, неотступное горе сосетъ его грудь! Онъ думаетъ: „сегодня мы сыты, сегодня у насъ есть кусокъ хлѣба, а завтра? а потомъ?“... вотъ о чемъ думаетъ онъ! Вѣдь и завтра ты будешь *должна*... а тамъ опять...

Вотъ эта страшная, гложущая мысль! Наденька, Наденька! правда ли, что ты будешь *должна*?

Ивану Самойлычу дѣлается душно; глухое рыданіе заливаєтъ грудь его; голова его горитъ, глаза открыты и неподвижно устремлены на Наденьку...

— Наденька! Наденька!—стонетъ онъ, собравъ послѣднія силы.

— Да что-жъ это, въ самомъ дѣлѣ, за срамъ такой!—слышится

ему знакомый голос: — здѣсь я, здѣсь, сударь! что вамъ угодно? что вы кричите? Цѣлую ночь глазъ сомкнуть не давали! Вы думаете, что я не понимаю, вы думаете, что я не вижу... Крѣпостная я ваша, что-ли, что вы на меня такъ грозно смотрите?

Иванъ Самойлычъ открылъ глаза; въ комнатѣ было свѣтло; у кровати его стояла Наденька въ совершеннѣйшемъ утреннемъ де-забиле.

— Такъ это... былъ сонъ! — сказалъ онъ, едва очнувшись: — такъ ты, того... не ходила къ старику, Наденька?

Дѣвица Ручкина взглянула на него въ недоумѣніи. Но вскорѣ все сдѣлалось для нея яснымъ какъ на ладони; ее вдругъ осянила свѣтлая мысль, что все это не просто и что старикъ-то именно не кто иной, какъ самъ Иванъ Самойлычъ, но ужъ если она разъ сказала: не бывать! — такъ ужъ и не бывать тому, какъ ни хитри и ни изворачивайся волокита.

— Нѣтъ, чортъ возьми! должно же это кончиться! — сказалъ про себя Иванъ Самойлычъ, когда Наденька вышла изъ комнаты: — вѣдь такъ просто ни за грошъ пропадешь!

Господинъ Мичулинъ взглянулъ въ зеркало и нашелъ въ себѣ большую перемѣну. Щеки его опали и пожелтели пуще прежняго, лицо осунулось, глаза сдѣлались мутны; весь онъ сгорбился и изогнулся, какъ олицетворенный вопросительный знакъ.

А между тѣмъ нужно идти, нужно просить, потому что, дѣйствительно, пожалуй, ни за грошъ пропадешь...

Да полно, идти ли, просить ли?

Сколько времени ходилъ ты, сколько разъ просилъ и кланялся — выслушалъ ли кто тебя? Ой, ѣхать бы тебѣ въ деревню къ отцу въ колнакъ, къ матери съ обвязанною щекой!..

Но, съ другой стороны, тутъ же рядомъ возникаетъ вопросъ, требующій безотлагательнаго объясненія.

„Что же ты такое?“ — говоритъ этотъ навязчивый вопросъ: — „неужели для того только и созданъ ты, чтобъ видѣть передъ собой глухой колпакъ, глупую щеку, солить грибы и пробовать домашнія наливки?“

И среди всего этого хаоса противорѣчащихъ мыслей внезапно возстаетъ въ воображеніи Ивана Самойлыча образъ злосчастнаго Емели... Этотъ образъ такъ ясно и отчетливо рисуется передъ гла-

зами его, какъ будто дѣйствительно стоитъ передъ нимъ согнутый и трясущійся старикъ, и можетъ онъ его оцупать и осязать руками. Все туловище Емели какъ будто разлѣзается въ разныя стороны, всѣ члены будто развинчены и вывихнуты; въ глазахъ слезы гноятся и голова трясется...

Жалобно протягиваетъ онъ изнеможенную руку, дрожащимъ голосомъ вымаливаетъ хоть десять копѣчекъ и потомъ указываетъ на штофъ съ водкой и приговариваетъ: „познаніе есть зла и добра!“

Иванъ Самойлычъ стоитъ какъ въ чадѣ; онъ хочетъ освободиться отъ страшнаго кошмара и не можетъ...

Фигура Емели преслѣдуетъ его, давитъ ему грудь, стѣсняетъ ему дыханіе... Наконецъ, онъ дѣлаетъ надъ собою сверхъестественное усиліе, хватается шляпу и опрометью бѣжитъ изъ комнаты.

Но на порогѣ его останавливаетъ Беобахтеръ.

— Вы поняли, чтѣ я говорилъ вамъ вчера?—спрашиваетъ онъ съ таинственнымъ видомъ.

— То-есть... догадываюсь, — отвѣчаетъ Иванъ Самойлычъ, совершенно смущенный.

— Разумѣется, это были только нѣкоторые намеки, — снова начинаетъ кандидатъ философіи:—вѣдь это дѣло сложное, очень сложное, всего и не перескажешь!

Минутное молчаніе.

— Вотъ, возьмите это, — прерываетъ Беобахтеръ, подавая Мичулину крохотную книжонку, изъ тѣхъ, которыя въ Парижѣ, какъ грибы въ дождливое лѣто, нарождаются тысячами и продаются чуть ли не по одному сантимѣ.

Иванъ Самойлычъ въ недоумѣніи беретъ книжку, рѣшительно не зная, чтѣ съ нею дѣлать.

— Прочтите, — говоритъ Беобахтеръ торжественно, но все-таки чрезвычайно мягко и вкрадчиво:—прочтите и увидите... тутъ все!.. понимаете?

Съ этими словами онъ удаляется, оставивъ господина Мичулина въ совершенномъ изумленіи.

V.

Погода на дворѣ стояла сырая и мутная; какъ и наканунѣ, сыпалось съ облаковъ какое-то неизвѣстное вещество; какъ и тогда,

мѣсили по улицамъ грязь ноги усталыхъ пѣшеходовъ; какъ и тогда, ѣхаль въ каретѣ закутанный въ шубу господинъ съ одутловатыми щеками, и ѣхаль въ галошахъ другой господинъ, которому насвистывалъ въ догонку вѣтеръ: „озябъ, озябъ, озя-я-ябъ, бѣдненькій человекъ!“ Словомъ, все попрежнему, съ тѣмъ незначительнымъ прибавленіемъ, что всю эту неблагоприятную картину обливалъ какой-то блѣдный, мутный свѣтъ.

На встрѣчу Ивану Самойлычу ѣхала очень удобная и покойная карета, придуманная въ пользу бѣдныхъ людей, въ которой, какъ извѣстно, за гривенникъ можно полъ-Петербурга объѣхать.

Иванъ Самойлычъ сѣлъ. Въ другое время, „при семъ удобномъ случаѣ“, онъ подумалъ бы, можетъ быть, о промышленномъ направленіи вѣка, и выразился бы одобрительно насчетъ этого обстоятельства, но въ настоящую минуту голова его была полна самыхъ странныхъ и черныхъ мыслей.

Поэтому кондукторъ не получилъ отъ него ни улыбки, ни поощренія — ничего, чѣмъ такъ щедро любятъ надѣлять иные охотники до чужихъ дѣлъ.

А между тѣмъ въ карету набираются другіе господа; сперва вошла какаля-то скромная дѣвушка, потунивъ глазки; вслѣдъ за нею выпрыгнулъ бѣлокурый студентъ весьма пріятной наружности и сѣлъ прямо противъ нея.

— Здравія желаемъ-сь! — сказалъ бѣлокурый студентъ, обратясь къ дѣвушкѣ. Но дѣвушка не отвѣчаетъ, а, посмотрѣвъ исподлобья на юношу, подносить ко рту платокъ и отворачиваетъ къ окну свое личико, изрѣдка испуская изъ-подъ платка скромное „ги-ги-ги!“

— Наше почтеніе-сь! — началъ снова студентъ, обращаясь къ веселой дѣвушкѣ.

Но отвѣта и на этотъ разъ не послѣдовало; только скромное „ги-ги-ги!“ выразилось какъ-то рѣзче и смѣлѣе.

— А что вы скажете насчетъ этого нововведенія? — ласково спросилъ Ивана Самойловича очень опрятно одѣтый господинъ съ портфелемъ подъ мышкою.

Господинъ Мичулинъ махнулъ головой въ знакъ согласія.

— Не правда ли, какъ дешево и экономически? — снова и еще ласковѣе обратился портфель, въ особенности нѣжно, хотя и не безъ энергіи, напярая на слово: „экономически“.

— Да-съ, выгодная спекуляція, — отвѣчалъ Иванъ Самойлычъ, усиливаясь въ свою очередь поощрительно улынуться.

— О, очень выгодно! очень экономически! — отозвался въ другомъ углу господинъ съ надвинутыми бровями и мыслящей физиономіей: — ваше замѣчаніе совершенно справедливо, ваше замѣчаніе въ хвачено изъ натуры!

— Впрочемъ, это смотря по тому, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на предметъ, — глубокомысленно замѣтилъ господинъ съ огромными черными усами, и тутъ же физиономія его приняла такой таинственный видъ, какъ будто спѣшила сказать всякому: знаемъ мы, видали мы!..

— Батюшки, пустите! — да отворяй же, лакей! батюшки! — вспотѣлъ, измучился!.. Ну, ужъ городъ! — экъ его угораздило!

Разговоръ, принимавшій нѣсколько назидательное направленіе, вдругъ прервался, и взоры всѣхъ пассажировъ обратились на толстаго господина, въ какой-то странной, лиловаго цвѣта, венгеркѣ, который, пыхтя и кряхтя, влѣзъ бокомъ въ карету.

— Ну, ужъ городъ! — говорила венгерка: — истинно вамъ скажу, Божеское наказаніе! — я, изволите видѣть, здѣсь по своему дѣлу — такъ повѣрите ли просто, то-есть, измучили проклятые! — душу тянуть, вздохнуть не даютъ! И все этакъ въ бѣлыхъ перчаткахъ: на красную, подлець, и смотрѣть не хочеть — за кого, дескать, вы насъ принимаете, да правосудіе у насъ не продажное! — а вотъ какъ сто рублевъ... Эка бестія, эка бестія! — повѣрите ли, даже вспотѣлъ весь!

И венгерка снова начала кряхтѣть и пыхтѣть, со всѣхъ сторонъ обмахиваясь платкомъ, что возбуждало немалую веселость въ скромной дѣвушкѣ, и чуть слышныя „ги-ги-ги!“ снова начали вылетать изъ подъ-платка, закрывавшаго ротъ ея.

— То-есть, что же вы разумѣете подъ точкой зрѣнія? — прервалъ портфель, котораго, видимо, конфузиль санфасонъ лиловой венгерки: — если вы хотите сказать то, что французы такъ удачно называютъ: познь де вю, кудѣль...

— Знаемъ мы! пожили мы! и французовъ видали, да и нѣмецевъ тоже! — отвѣчали усы, и потомъ, наклонясь съ таинственнымъ видомъ и оглядываясь во всѣ стороны, прошептали вполголоса:

— Что-то скажутъ объ этомъ извозчики... вотъ что!

Присутствующіе вздрогнули; дѣйствительно, никому изъ нихъ до тѣхъ поръ и въ голову не приходило, чтѣ-то скажутъ о томъ извозчики, а теперь около нихъ, и сзади, и спереди, и по бокамъ, вдругъ заговорили тысячи извозчичьихъ голосовъ, кивали тысячи извозчичьихъ головъ, весь міръ покрылся сплошною массою воображаемыхъ извозчиковъ, тамъ и сямъ прерываемою... опустѣлыми извозчичьими колодами!

— Да; если имѣть такого рода консидерацію,—прошепталъ портфель.

— Да ужъ чтѣ тутъ!—говорили между тѣмъ усы еще таинственнѣе и ударяя себя при этомъ кулаками въ грудь:—ужъ я знаю, ужъ вы *меня* спросите! мнѣ это дѣло, какъ своя ладонь, извѣстно!

И усы, дѣйствительно, показали немелкаго разбора голую ладонь и, еще болѣе наклонившись и предварительно оглянувшись на всѣ стороны, вполголоса приговаривали:

— Ужъ мнѣ это дѣло ближе извѣстно... я служу *тамъ*...

— Такъ вы тоже *бюрократъ*?—спросилъ портфель, оправившись отъ перваго ошеломленія и какъ въ каменную стѣну упираясь въ слово: „бюрократъ“.

— Да вѣдь это опять-таки съ какой точки зрѣнія посмотрѣть на предметъ! — лаконически отвѣчали усы.

— А я вамъ скажу, господа, что все это вздоръ! совершенный вздоръ!—загремѣла венгерка.

По сосѣдству чуть слышно раздалось знакомое „ги-ги-ги!“ веселой дѣвушки.

— Истинно такъ!—продолжала гремѣть венгерка:—истинно такъ! чтѣ это за народъ, хоть бы извозчики?—дрянь, осмѣлюсь вамъ доложить, просто слякоть!.. Вотъ кабы вы у насъ, въ нашей сторонѣ побывали—вотъ народъ!—тотъ такъ ужъ дѣйствительно усахарить!—вотъ природа такъ природа!—это ужъ, истинно вамъ говорю, смотрѣть въ свое удовольствіе можно! А то чтѣ это за народъ у васъ, взглянуть нѣ на чтѣ!—просто дрянь, слякоть!

И венгерка тоскливо покачивала головою.

— Да; это если смотрѣть на предметъ съ одной точки,—сказалъ между тѣмъ портфель, улыбаясь и не обращая вниманія на пессимистское возраженіе венгерки:—но если взглянуть на дѣло, напри-мѣръ, со стороны эманципаціи животныхъ...

Усы жалобно замычали.

— Да вѣдь это все пуфы! — сказали они: — это все французы привезли! Извозчики — вотъ главное дѣло! извозчики — вотъ корень причины! извозчики, извозчики, извозчики!

И снова въ глазахъ всѣхъ присутствующихъ замелькали извозчики, извозчики, извозчики!

— Вотъ оно дѣло-то! — продолжали усы: — вотъ онъ сытъ, наѣлся — его и коложь съ печи не своротишь! А вотъ какъ хлѣбца-то нѣтъ — онъ и пошелъ, и пошелъ... а ужъ какъ пошелъ, такъ, извѣстно, что будетъ!.. знаемъ мы! видали мы!

— О, ваше замѣчаніе совсѣмъ справедливо! ваше замѣчаніе выхвачено изъ природы! — отозвались брови: — голодь, голодь и голодь, — вотъ моя система! вотъ мой образъ мыслей!

— Такъ вотъ съ какой точки зрѣнія должно смотрѣть на предметъ! — таинственно повторили усы: — а ужъ что тутъ животное! Животное, извѣстно, скотина!

— Однакожь, читали ли вы въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ артикль? — возразилъ портфель, съ необыкновеннымъ усиліемъ напирая на слово: „артикль“.

— Знаемъ мы! читали мы! вздоръ все это, надуванція! гдѣга и магдга!

— Однакожь съ большимъ увлеченіемъ написанъ...

— Увлеченіе? — загремѣла венгерка: — ужъ позвольте, насчетъ увлеченія...

— Ги-ги-ги! — отозвалось по сосѣдству.

— Такъ вотъ, изволите видѣть, я все насчетъ увлеченія-то! — продолжала венгерка: — да вотъ барышенькѣ все что-то смѣшно... веселая барышенька!.. такъ вотъ насчетъ того-то... у меня, смѣю вамъ доложить, покойникъ батюшка, царство ему небесное, предводителемъ былъ, такъ вотъ это увлеченіе! Какъ замахаешь, бывало, руками... у! Отстаивалъ, нечего сказать! умѣлъ-таки постоять за своихъ, покойникъ! Нѣтъ, нынче такіе люди повывелись! — съ фонаремъ такихъ не отыщешь! нынче все разбирають: можетъ, дескать, и правъ!.. о-о-хъ, времена тугія пришли!.. А барышенька-то все смѣется!.. веселая барышенька!

— Когда же можно васъ видѣть? — говорилъ между тѣмъ исподтишка студентъ.

— Ахъ, какіе вы, право, страшные!—отвѣчала веселая барышня, еще пуще закрываясь платкомъ.

— Вы находите?— снова началъ студентъ.

— Разумѣтся! ги-ти-ги!

— Отчего же разумѣтся?

— Да какъ же это можно?

— Да отчего же это не можно?

— Да нельзя!

— Странно!—сказалъ студентъ, хотя, повидимому, не отчаявался еще въ успѣхѣ своего предпріятія.

— Главное дѣло въ томъ,—соображали вслухъ усы:—чтобъ человѣку цѣль была дана, чтобъ видѣлъ человѣкъ, зачѣмъ онъ существуетъ... вотъ главное—а прочее все пустяки!

Иванъ Самойлычъ началъ прислушиваться.

— То-есть, вы разумѣете подъ этимъ то, что у французовъ зовется проблемою жизни?—спросилъ портфель, сильно напирая на слово: „проблемою“.

— Что французы! что нѣмцы!—лаконически отвѣчали усы:—ужь повѣрьте моей опытности, ужь мнѣ лучше знать это дѣло, ужь я тамъ и служу... все это надуванція, все гдга и магдга! это дѣло мнѣ вотъ какъ извѣстно!

И снова усы показали обнаженную ладонь чревычайно почтеннаго размѣра.

— Однакожь, согласитесь со мной, вѣдь и французская нація имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства... Конечно, это народъ вѣтренный, народъ малодушный—кто же противъ этого спорить?.. Но, съ другой стороны, гдѣ же найдете столько самоотверженія, того, что они сами такъ удачно назвали — резиньясьионъ? а вѣдь это, я вамъ скажу...

— Знаемъ мы! видали мы и французовъ, и нѣмцевъ! пожили-таки на своемъ вѣку!—говорили безчувственные усы:—все это вздоръ! главное дѣло—чтобъ человѣкъ видѣлъ, что онъ человѣкъ, зналъ бы цѣль!.. Цѣль-то, цѣль—вотъ она штука, а прочее—что! вздоръ!—все вздоръ!.. ужь повѣрьте моей опытности...

— Вотъ вы изволили выразиться насчетъ цѣли нашего существованія, —скромно прервалъ Иванъ Самойлычъ:—изволите видѣть,

я самъ много занимался насчетъ этого предмета, и любопытно бы узнать ваши мысли...

Усы задумались; Мичулинъ ожидалъ съ трепетомъ и волненіемъ разрѣшенія загадки.

— Лакей! — что-жь ты, братецъ, не остановишь? воронъ считаешь, тунейдецъ! — загремѣла венгерка.

— Такъ и я выйду, — меланхолически сказали усы.

— А какъ же ваши мысли насчетъ этого обстоятельства? — робко замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Все зависитъ отъ того, съ какой точки взглянуть на предметъ! — разомъ сообразили усы.

— О, это совершенно справедливо! ваше замѣчаніе выхвачено изъ натуры! — отозвались надвинутыя брови: — все, рѣшительно все зависитъ отъ точки зрѣнія...

Усы и брови вышли изъ кареты. Медленно и неповоротливо ползлея снова экономической экипажъ по гладкой мостовой.

— Когда же васъ можно видѣть? — попрежнему спрашивалъ студентъ у веселой барышеньки.

— Ахъ, какіе вы странные! — попрежнему отозвалась барышенька, закрывая ротъ платкомъ.

— Отчего же странный? — приставалъ студентъ.

— Да какъ же это возможно!

— Да отчего же это невозможно?

— Да оттого, что нельзя!

— А я такъ думаю совсѣмъ напротивъ, — отвѣчалъ студентъ и дернулъ за снурокъ.

— Пойдемте! — снова сказалъ юноша.

— Ги-ги-ги!

Карета остановилась; студентъ вышелъ; барышенька немножко подумала, и все-таки пошла за нимъ, сказавъ однакожь: „Ахъ, право, какіе вы странные! — ужъ чего не вздумаютъ эти мужчины!“ — но сказала она это рѣшительно только для очищенія совѣсти, потому что студентъ ужъ вышелъ и ждалъ ее на улицѣ.

Наконецъ, и Ивану Самойлычу пришлось выходить. На улицѣ, по обыкновенію, сновала взадъ и впередъ толпа, какъ будто искала чего-то, хлопотала о чемъ-то, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ равнодушно

сновала, какъ будто сама не сознавала хорошенько, чего ищетъ и изъ чего бьется.

И герой нашъ отправлялся искать и хлопотать, какъ и всѣ прочіе.

Но и на этотъ разъ фортуна, съ обыкновенною своею настойчивостью, продолжала показывать ему нисколько не благовидный задъ свой.

Какъ нарочно, нужный человѣкъ, къ которому ужъ въ несчетный разъ пришелъ Иванъ Самойлычъ просить себѣ мѣста, провелъ цѣлое утро на воздухѣ, по случаю какого-то торжества. Нужный человѣкъ былъ не въ духѣ, безпрестанно дралъ и маралъ находившіяся предъ нимъ бумаги, скрежеталъ зубами и въ сотый разъ обѣщалъ согнуть въ бараній рогъ и упечь „куда еще ты и не думалъ“ стоявшаго предъ нимъ въ стрункѣ маленькаго человѣка съ весьма лихо вздернутымъ сѣденькимъ хохолкомъ на головѣ. Лицо нужнаго человѣка было сине отъ свѣжаго еще ощущенія холода и застарѣлой досады, плечи вздернуты, голосъ хриплъ.

Иванъ Самойлычъ робко вошелъ въ кабинетъ и совершенно растерялся.

— Ну, чтò еще?—спросилъ нужный человѣкъ отрывистымъ и промерзлымъ голосомъ:—вѣдь вамъ сказано?

Иванъ Самойлычъ робко приблизился къ столу, убѣдительнымъ и мягкимъ голосомъ сталъ разсказывать стѣсенныя свои обстоятельства; просилъ хоть что-нибудь, хоть какое-нибудь, хоть крошечное мѣстечко.

— Я бы не осмѣлился,—говорилъ онъ, заикаясь и робѣя все болѣе и болѣе:—да вѣдь посудите сами, послѣднее издержалъ, ѣсть нечего, войдите въ мое положеніе!

— Ѣсть нечего!—возразилъ нужный человѣкъ, возвышая голосъ:—да развѣ виноватъ я, что вамъ ѣсть нечего? да что вы ко мнѣ пристааете? богадѣльня у меня, что-ли, что я долженъ съ улицы подбирать всѣхъ оборвышей!.. Ѣсть нечего!—вѣдь какъ нахально говорить! Извольте видѣть, я виноватъ, что ему ѣсть хочется...

Сѣденькій старичокъ съ хохолкомъ тоже не мало удивился.

— Да вѣдь и я не виноватъ въ этомъ, посудите сами, будьте снисходительны,—замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Не виноватъ!—вотъ какъ отвѣчаетъ! На отвѣты-то, братъ,

всѣ вы мастера... Не виновать! Ну, да положимъ, что вы не виноваты, да я-то тутъ при чемъ?

Нужный человѣкъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Ну, что же вы стоите? — сказалъ онъ, подступая къ господину Мичулину и какъ будто намѣреваясь принять его въ потасовку: — слышали?

— Да я все насчетъ мѣста, — возразилъ Иванъ Самойлычъ, нѣсколько твердымъ голосомъ, какъ бы рѣшившись во что бы то ни стало добиться своего.

— Говорятъ вамъ, что мѣста нѣтъ! слышите? Русскимъ языкомъ вамъ говорятъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Поняли вы меня?

— Понять-то я понялъ! — глухимъ голосомъ отвѣчалъ Мичулинъ: — да вѣдь ѣсть-то все-таки нужно!

— Да что вы ко мнѣ привязались? — да вы знаете ли, что я васъ, какъ неблагонамѣреннаго и назойливаго, туда упеку, куда вы и не думаете! Слышите! — ѣсть нужно! точно я его крѣпостной! Ну, въ богадѣльню, любезный, идите! въ услуженіе идите... хоть къ чорту идите, только не приставайте вы ко мнѣ съ вашимъ „ѣсть нечего“!

И нужный человѣкъ снова началъ разминать по комнатѣ оконченныя члены.

— Тутъ цѣлое утро на холоду да на сырости... орешь, кричишь на нихъ, на бестій, а они еще и дома покоя не даютъ...

— Да вѣдь я не виновать, — снова возразилъ Иванъ Самойлычъ дрожащимъ голосомъ, худо скрывая накопившую въ груди его злобу: — я не виновать, что цѣлое утро на холоду да на сырости...

— А я виновать? — съ запальчивостью закричалъ нужный человѣкъ, топнувъ ногою и сильно пошевеливая плечами: — виновать? а? да ну, отвѣчайте же!

Иванъ Самойлычъ молчалъ.

— Что-жъ вы привязываетесь? Да нѣтъ, вы скажите, что-жъ вы пристааете-то? виновать я, что-ли, что вамъ ѣсть нечего? виновать? а?

— Стыдно будетъ, если на улицѣ подымутъ, — замѣтилъ Иванъ Самойлычъ тихо.

— Отвяжитесь вы отъ меня! — вскричалъ нужный человѣкъ, терпя терпѣніе: — ну, пусть подымутъ на улицѣ! я вамъ говорю: нѣтъ мѣста, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Иванъ Самойлычъ вспыхнулъ.

— Такъ нѣтъ мѣста!—закричалъ онъ внѣ себя, подступая къ нужному человѣку:—такъ пусть на улицѣ подымуть!—такъ вотъ вы каковы, а другимъ, небойсь, есть мѣсто, другіе, небойсь, ѣдятъ, другіе пьютъ, а мнѣ и мѣста нѣтъ!..

Но вдругъ онъ помертвѣлъ; малый-то былъ онъ смиренный и безответный, и робкая его натура вдругъ всплыла наружу. Руки его опустились; сердце упало въ груди, колѣни подгибались.

— Не погубите!—говорилъ онъ шопотомъ:—виновать —я! я одинъ во всемъ виновать! Пощадите!

Нужный человѣкъ стоялъ какъ оцѣпенѣлый; съ безсознательнымъ изумленіемъ смотрѣлъ онъ на Ивана Самойлыча, какъ будто не догадываясь еще хорошенько, въ чемъ тутъ дѣло.

— Вонъ!—закричалъ онъ наконецъ, оправившись отъ изумленія:—вонъ отсюда! и если еще разъ осмѣлитесь... понимаете?

Нужный человѣкъ погрозилъ, сверкнулъ глазами и вышелъ изъ комнаты.

VI.

Иванъ Самойлычъ былъ окончательно уничтоженъ. Въ ухахъ его тоскливо и назойливо раздавались страшныя слова нужнаго человѣка:

— Нѣтъ мѣста! нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Да отчего же нѣтъ мѣста? да гдѣ же, наконецъ, мое мѣсто? Боже мой, гдѣ это мѣсто?

И всѣ прохожіе смотрѣли на Ивана Самойлыча какъ будто исподлбья и иронически поддѣвали ему: „да гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, это мѣсто? вѣдь кто же nibудь да виновать, что нѣтъ его — мѣста-то!“

Мичулинъ рѣшилъ немедленно обратиться съ этимъ вопросомъ къ людямъ знающимъ, тѣмъ болѣе, что его мучили ужъ не одни матеріальныя лишенія, не одна надежда умереть съ голода, но и самая душа его требовала успокоенія и отдыха отъ безпрестанныхъ вопросовъ и сомнѣній, ее осаждавшихъ.

Знающіе люди были не кто иные, какъ извѣстные ужъ читателю Вольфгангъ Антонычъ Беобахтеръ, философіи кандидатъ, и Алексисъ Звонскій, недоросль изъ дворянъ.

Оба друга только-что пообедали и, сидя на диванѣ, покуривали себѣ папироски. У Вольфганга Антоныча была въ рукахъ гитара, на которой онъ самымъ сладкозвучнымъ образомъ тренькалъ какую-то страшную бравуру; у Алексиса плавала въ глазахъ какая-то мутная влага, на которую онъ безпрестанно и горько жаловался, говоря, что она мѣшаетъ ему прямо и бодро взглянуть въ самые глаза *холодной, безстрастной и безотрадной* дѣйствительности. Друзья, казалось, были въ хорошемъ расположеніи духа, потому что говорили о будущихъ судьбахъ человѣчества и объ эстетическомъ чувствѣ.

Оба друга равно стояли грудью за страждущее и угнетенное человѣчество; разница состояла только въ томъ, что Беобахтеръ, какъ кандидатъ философіи, неперемѣнно требовалъ ррразрушенія, а Алексисъ, напротивъ того, готовъ былъ положить голову на плаху, чтобы доказать, что періодъ разрушенія миновался и что теперь нужно *создавать, создавать и создавать...*

— Ну, клади! — говорилъ Беобахтеръ самымъ равнодушнымъ голосомъ, дѣлая при этомъ обычное движеніе разжатою рукою сверху внизъ и ужъ совсѣмъ приготовившись отмахнуть Алексису его легковѣсную голову.

Но Алексисъ головы не клалъ.

— Ужъ ты не коварствуй! — возглаголъ Беобахтеръ мелодическимъ голосомъ въ ту минуту, когда вошелъ Иванъ Самойлычъ: — ты не уклоняйся, а говори прямо: любишь или не любишь? любишь — такъ прочь ихъ, съ лица земли ихъ — вотъ чтò! А иначе, не любишь!

— Однакожъ, за что-жъ ихъ съ лица земли? — замѣтилъ съ своей стороны Алексисъ: — я, право, никакъ не могу понять этого ригоризма...

И дѣйствительно, по лицу Алексиса можно было угадать, что онъ точно никакъ не могъ понять.

Кандидатъ философіи крошечнымъ сжатымъ кулачкомъ описалъ самую незамѣтную дугу.

— И знать ничего не хочу, и видѣть ничего не хочу! — говорилъ онъ медовымъ своимъ голоскомъ: — и не представляй ты мнѣ своихъ резонновъ! все это софизмы, любезный другъ! Не любишь, говорю тебѣ, не любишь — и все тутъ! Такъ бы и сказалъ съ перваго слова! Разрушить, говорю тебѣ, ррразрушить — вотъ чтò нужно! а прочее все вздоръ!

И господинъ Беобахтеръ сдѣлалъ нѣсколько аккордовъ на гитарѣ и запѣлъ совершенно особенную и крайне затѣйливую бравуру, но запѣлъ такимъ голосомъ, какъ будто гладилъ кого-нибудь по головкѣ, приговаривая: „пайнька, душенька! умница, миленькій!“

— Странно, однакожь!..—замѣтилъ послѣ нѣкотораго молчанія, собравшись съ мыслями, Алексисъ.

Беобахтеръ сдѣлалъ совершенно незамѣтное движеніе плечами.

Буква *p* снова посыпалась въ страшномъ изобиліи.

— Странно, однакожь! — не переставалъ возражать съ своей стороны Алексисъ, всякій разъ все болѣе и болѣе собираясь съ мыслями.

— Ужъ я тебя, подлеца, насквозь знаю! — говорилъ Беобахтеръ:—вѣдь ты „буржуазія“, я тебя знаю...

На это Алексисъ отвѣчалъ, что, ей-Богу, онъ не „буржуазія“, и что, напротивъ, того для человѣчества готовъ всею на свѣтѣ пожертвовать, и что если ужъ на то пошло, то, пожалуй, хоть сейчасъ же, среди бѣлаго дня, пойдетъ по Невскому подъ руку съ мужикомъ.

— Ну, ужъ это будетъ не эстетически!—замѣтилъ господинъ Беобахтеръ.

— Нѣтъ, я не думаю,—отвѣчалъ Алексисъ, еще разъ собравшись съ мыслями.

— Чтò такое эстетическое чувство?—спросилъ господинъ Беобахтеръ, видимо намѣреваясь дать своимъ доказательствамъ вопросительную форму, столь часто употребляемую самими знаменитыми ораторами.

Алексисъ задумался.

— Эстетическое чувство, — сказалъ онъ, собравшись съ мыслями,—есть то чувство, которымъ въ высшей степени обладаетъ художникъ.

— Чтò такое художникъ?—столь же отрывисто спросилъ кандидатъ философіи.

Алексисъ снова задумался.

— Художникъ, — сказалъ онъ, въ послѣдній разъ собравшись съ мыслями, — есть тотъ смертный, который въ высшей степени обладаетъ эстетическимъ чувствомъ...

— Гм!—замѣтилъ господинъ Беобахтеръ:—прочъ ихъ! съ лица

земли ихъ! Нѣтъ имъ пощады!.. я тебя знаю, всю твою душу насквозь вижу: ты подлецъ, ренегать...

— Странно, однакожь!—замѣтилъ Алексисъ.

Но Вольфгангъ Антонычъ не слушалъ; онъ сдѣлалъ аккордъ на гитарѣ и сладкимъ теноромъ запѣлъ извѣстную: *Разумна, свѣтла и любовна*, всячески стараясь выразить что-нибудь удалое, отколотъ какое-нибудь отчаянное колѣнцо, но рѣшительно безъ всякаго успѣха, потому что колѣнцо оказывалось самымъ смиреннымъ и снисходительнымъ.

— А я къ вамъ, господа, насчетъ одного дѣльца, — приступилъ Иванъ Самойлычъ.

Беобахтеръ и Алексисъ начали вслушиваться.

Мичулинъ вкратцѣ изложилъ имъ свои утреннія похождения, рассказалъ, какъ онъ былъ у нужнаго человѣка, какъ просилъ о мѣстечкѣ, и какъ нужный человѣкъ отвѣчалъ, что мѣста ему нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ... Затѣмъ Иванъ Самойлычъ уныло поникъ головой, какъ бы ожидая рѣшенія знающихъ людей.

Но Беобахтеръ и Алексисъ упорно молчали: первый — потому что не вдругъ могъ отыскать въ головѣ своей неизвѣстно куда завалившуюся сильную мысль, которую онъ давно уже припасъ и которая могла однимъ разомъ сшибить съ ногъ вопрошавшаго; второй — потому что имѣлъ благородную привычку всегда выждать нѣвнѣе кандидата философіи, чтобъ тутъ же приличнымъ образомъ возразить ему.

— Да вѣдь мнѣ ѣсть нужно, — началъ снова Иванъ Самойлычъ.

— Гм! — сказалъ Беобахтеръ.

Алексисъ началъ собираться съ мыслями.

— Конечно, онъ не виноватъ въ этомъ, — продолжалъ Мичулинъ, съ горечью вспомнивъ полученный утромъ отъ „нужнаго человѣка“ жесткій отказъ: — конечно, жизнь лотерея, да въ томъ-то и штука, что вотъ она лотерея, да въ лотереѣ-то этой билета мнѣ нѣтъ...

Беобахтеръ положилъ въ сторону гитару и посмотрѣлъ ему пристально въ глаза.

— Такъ вы меня не поняли? — сказалъ онъ съ укоромъ: — а прочли вы книжку?

Иванъ Самойлычъ отвѣчалъ, что не имѣлъ еще времени. Беобахтеръ грустно покачалъ головой.

— Вы ее прочтите!—убѣждалъ онъ самымъ меланхолическимъ тономъ:—тамъ вы все узнаете, тамъ обо всеяъ говорится... Все, что я вамъ ни говорилъ,—все это только предварительныя понятія, намеки; тамъ все полнѣе объяснено... но ужъ повѣрьте, тутъ иначе и быть не можетъ! Или любишь, или не любишь; тутъ нѣтъ середины, я вамъ говорю!

— Однакожъ, это странно!—тотчасъ же возразилъ Алексисъ, хотя и не развивалъ далѣе своей мысли.

— Такъ вы думаете?—перебилъ Иванъ Самойлычъ.

— Прочъ ихъ! съ лица земли ихъ! вотъ мое мнѣніе! Рррр...

— А вы какъ насчетъ этого дѣла?—спросилъ Мичулинъ, обращаясь къ Алексису.

— Моя грудь равно для всѣхъ отверзта!—отвѣчала Алексисъ совершенно невинно.

За симъ водворилось глубокое молчаніе.

— Извините, что обезпокоилъ васъ, господа,—сказалъ Иванъ Самойлычъ, намѣреваясь удалиться во-свояси.

На это пріятели отвѣчали, что это ничего, что, *напротивъ*, они очень рады, и что если впередъ случится какая-нибудь нужда, то смѣло обращался бы прямо къ нимъ. При этомъ съ немалымъ также искусствомъ дано было ему замѣтить, что если между ними и существуетъ нѣкоторое разногласіе, то это только въ подробностяхъ, что въ главномъ они оба держатся однихъ и тѣхъ же принциповъ, что, впрочемъ, и самый прогрессъ есть не что иное, какъ дочь разногласія, и если ихъ мнѣнія не безусловно вѣрны, то, по крайней мѣрѣ, объ нихъ можно спорить.

Со всѣмъ этимъ Мичулинъ, конечно, не могъ не согласиться, хотя, съ другой стороны, не могъ и не сознаться внутренно, что все это, однакожъ, чрезвычайно мало подвигало его впередъ.

На столѣ у себя онъ нашелъ тщательно сложенную записку. Записка была слѣдующаго содержанія:

„Иванъ Макарычъ Пережига, *свидѣтельствуя свое совершенное почитеніе* его высокоблагородію Ивану Самойлычу, честь имѣетъ покорнѣйше просить его высокоблагородіе, по случаю дня тезоименитства, пожаловать завтрашній день, въ три часа пополудни, откушать обѣденный столъ“.

Съ досадою отбросилъ онъ отъ себя затѣйливую записку и легъ на кровать.

Но ему не спалось: кровь его волновалась; злоба кипѣла въ груди, и все нашептывалъ тайный голосъ какую-то вкрадчивую и виѣсть съ тѣмъ страшную легенду.

Вокругъ все тихо; ни шороха не слышно въ комнатѣ сосѣдки. Мичулинъ всталъ съ постели и началъ ходить по комнатѣ — средство, къ которому прибѣгалъ онъ всякій разъ, когда что-нибудь его сильно тревожило.

А между тѣмъ вѣтеръ все шумитъ на улицѣ, все стучится въ окно къ Ивану Самойлычу и совершенно вразумительно свиститъ ему въ самыя уши: „озябъ, бѣдный вѣтеръ! пусти его, добрый человѣкъ! Богъ наградитъ тебя за это!“

И герой нашъ рѣшительно не знаетъ, кому отвѣчать: продрогнувшему ли вѣтру, или комоду подъ красное дерево и картинѣ, изображавшей, въ противорѣчіе свидѣтельству всей исторіи, погребеніе кота мышами, и ужъ не висѣвшей, а какъ будто бѣгавшей по стѣнѣ, потому что и комодъ, и картина тоже, въ свою очередь, донекали ужасно и насмѣшливо спрашивали: „а отвѣчай намъ, отчего она лотерея? какое твое назначеніе?“

А Наденька между тѣмъ вкушала въ сосѣдней комнатѣ, на маленькой своей кроваткѣ, то удивительное кушанье, полное разныхъ десертовъ и неимоверно воздушныхъ пирожныхъ, которое называется сномъ. Въ ея позѣ было нѣчто необыкновенно граціозное и дѣвственное; маленькій уютный ротикъ былъ полукрѣпко открытъ; булабочное ея сердечко быстро и усиленно билось въ миньютюрной темницѣ своей.

Но она не обращала вниманія ни на страстное буйство вѣтра, который, смотря на нее изъ окошка, злился и завывалъ, ни на полный томленія взоръ молодого мѣсяца, только-что скинувшего съ себя черную эпанчу изъ тучъ, которая, на досаду, не давала ему до тѣхъ поръ пощеголять передъ людьми своею молодостью и удалствомъ. Она спокойно спала себѣ, какъ и всякая другая смертная, и надо же какому-то злому недругу беспокоить и будить ее въ эту сладкую минуту; надо же, чтобъ какая-то безобразная бѣлая фигура дернула ее за руку въ самый патетическій моментъ сна!..

Открывъ заспанные глаза, Наденька не мало струхнула. Въ око-

лоткѣ давно уже носились слухи насчетъ какой-то странной болѣзни, которая ходила будто бы изъ дома въ домъ въ самыхъ странныхъ формахъ, проникала въ самыя сокровенныя закоулки квартиръ и, наконецъ, очень равнодушно приглашала на тотъ свѣтъ.

Сообразивъ всѣ эти обстоятельства, Наденька сильно встревожилась, потому что была крайне животолюбива и ни за что въ свѣтѣ не согласилась бы умереть. А привидѣніе между тѣмъ не шевелилось и молча устремило на нее глаза свои. Наденька заключила, что дѣло-то плохо, и что конецъ ея пришелъ невозвратно, и потому, протискиваясь мысленно съ ученымъ своимъ другомъ и поручивъ, кому слѣдуетъ, свою крошечную душу, обдумала ужъ, какой дастъ тамъ отвѣтъ въ своемъ брennemъ и нѣсколько легкомъ земномъ странствіи, какъ вдругъ молодой и щеголеватый мѣсяцъ взглянулъ прямо въ лицо привидѣнію.

— Такъ вы такъ-то!—вскричала Наденька, оправившись внезапно отъ своего испуга и быстро вскочивъ съ постели, несмотря на очевидную легкость своего костюма: — такъ вы вотъ какъ! вы не удовлетворяетесь тѣмъ, что по цѣлымъ ночамъ стонете и не даете мнѣ спать — вы еще подсматривать вздумали! Вы думаете, что я не благородная, не мадамъ, такъ со мною все, дескать, можно! Ошиблись, сударь, очень ошиблись! Конечно, я простая дѣвица; конечно, я русская, да не хуже иной барыни, не хуже нѣмки; вотъ что-съ!

И маленькіе глазки ея горѣли; маленькія ноздри раздувались; маленькія губы дрожали отъ гнѣва и негодованія... Но привидѣніе, которое было не что иное, какъ самъ Иванъ Самойлычъ, вмѣсто отвѣта, издало чрезвычайно простой и односложный звукъ, болѣе похожій на мычанье, нежели на вразумительный отвѣтъ.

— Я все понимаю!—бойко сыпала между тѣмъ Наденька: — все понимаю не хуже всякой другой... Безстыдникъ, сударь, срамникъ!

Иванъ Самойлычъ отвѣчалъ, но какъ-то отрывисто и несвязно; и притомъ звукъ его голоса былъ такъ сухъ и беззвучно безстрастенъ, какъ будто ему и не шутя было больно и тошно жить на свѣтѣ.

Говорилъ онъ все прежнюю исторію, что вотъ, дескать, другіе ѣдятъ, другіе пьютъ... все другіе...

Наденька слушала его въ страхъ и тренетъ; никогда она не видала его столь рѣшительнымъ; сердце ея упало; голосъ замеръ въ

груди; она хотѣла звать на помощь и не могла; умоляя, простирала она свои маленькія ручонки къ лукавому нарушителю ея спокойствія; жалобенъ и безмолвно краснорѣчивъ былъ ея взоръ, взывавшій о пощадѣ... Привидѣніе остановилось.

— Такъ вамъ очень гадко со мною?..—сказало оно голосомъ, заглушаемымъ накипѣвшими въ груди рыданіями:—такъ я очень противенъ?..

— Оставьте меня!—едва слышно шептала Наденька.

Привидѣніе не трогалось; молча стояло оно у завѣтнаго изголовья, и невольныя слезы непризнанной горести, слезы оскорбленнаго самолюбія крались по впалымъ и блѣднымъ какъ смерть щекамъ его.

— Богъ съ вами!—сказало оно шопотомъ и медленно направило къ двери шаги свои.

Наденька вздохнула свободно. Сгоряча, она хотѣла-было закричать и объявить всѣмъ и каждому, что вотъ, дескать, такъ и такъ; но—странное дѣло!—ни съ того, ни съ сего почувствовала она, какъ будто въ груди ея вдругъ зашевелилось что-то такое, что, съ одной стороны, очень и очень намекало на совѣсть, а съ другой—могло назваться, пожалуй, и жалостью. Грустно взглянула она вслѣдъ удаляющемуся Ивану Самойлычу и даже чуть-чуть не рѣшилась позвать его назадъ, чтобъ объяснить ему, что не виновата же и она, что дѣло такой оборотъ приняло... И все-таки ничего не сказала, а просто посмотрѣла, какъ онъ вышелъ изъ комнаты, заперла плотнѣе дверь, покачала головой, прибрала съ полу двѣ или три завалывшіяся бумажки и снова легла почивать.

VII.

Именинный обѣденный столъ былъ устроенъ на славу. Шарлотта Готлибовна не пожалѣла ни трудовъ, ни издержекъ, чтобъ угодить своему любезному кавалеру. Она истоптала себѣ всѣ ноги, но къ тремъ часамъ все уже было готово. Даже она, сухопарая и продолговатая хозяйка, приличнымъ образомъ подкрасившись, рисовалась въ столовой, производя пріятный для слуха шумъ накрахмаленною какъ картонъ юбкою.

Когда Иванъ Самойлычъ явился въ столовую, вся компанія была ужъ на-лицо. Впереди всѣхъ торчали черные какъ смоль усы доро-

гого именинника; тутъ же, въ видѣ неизбѣжно приложенія, подвернулась и сухошавая и прямая какъ палка фигурка Шарлотты Готлибовны; по сторонамъ стояли извѣстные читателю: кандидатъ философіи Беобахтеръ и обольстительный, но нѣсколько апатическій недоросль Алексисъ, подъ-руку съ дѣвицей Ручьиной.

Казалось, Наденька была совершенно довольна своею судьбой, потому что очень любила порядочную компанію и вообще чувствовала нѣкоторый недугъ къ людямъ, которые не принадлежали къ такъ-называемой швали — мастеровымъ, лакеямъ, кучерамъ и далѣе до безконечности.

Конечно, разсуждая строго, происхожденіе Шарлотты Готлибовны было покрыто весьма густымъ мракомъ неизвѣстности, но Наденька смотрѣла на этотъ предметъ снисходительно. Она, разумѣется, не могла не допустить, что Шарлотта Готлибовна, дѣйствительно, не русская...

И теперь, какъ и всегда, Иванъ Макарычъ шутилъ надъ ученымъ Алексисомъ, приговаривая:

— А подлецъ Винбахеръ-то! Знать ничего не хочеть! ничего, говорить, не надо! все уничтожу, все съ глазъ долой! Ахъ, эти нѣмцы!

И по обыкновенію Шарлотта Готлибовна, потушивъ глаза, отвѣчала: „О, ви очень любезни кавалиръ, Иванъ Макаровичъ!“ И по обыкновенію осталось покрыто мракомъ неизвѣстности, кого именно разумѣлъ господинъ Пережига подъ словомъ: „Винбахеръ“.

— А не выпить ли намъ водочки, мадамъ?—возопилъ именинникъ, обращаясь къ Шарлоттѣ Готлибовнѣ:—вѣдь нынче времена-то опасныя! слышь ты, холера по свѣту бродить! а вотъ мы ее, холеру! вотъ мы ее! по своейси-то, по нашему!

И дѣйствительно, холера, вѣроятно, сильно поморщилась, когда господинъ Пережига вытянулъ однимъ глоткомъ огромную рюмку, которую онъ не безъ ѣдкости называлъ стаканчикомъ на ножкѣ.

За обѣдомъ было очень весело; лица всѣхъ смотрѣли какъ-то благопріятно и одобрительно. Алексисъ безпрестанно, и кстати, и некстати, улыбался; Беобахтеръ тоже не дѣлалъ обычнаго движенія рукою сверху внизъ; Пережига же всѣхъ по чести увѣрялъ, что Винбахеръ ничего не знаетъ, потому что нѣмецъ, а вотъ у него спросите, такъ онъ русскій и знаетъ, да еще такъ знаетъ, что у Шар-

лотты Готлибовны отъ одной этой мысли закатывались подъ лобъ глаза.

— У, какъ я былъ на своей-то сторонѣ! — гремѣлъ онъ, съ самодовольнымъ видомъ покручивая усы: — у меня былъ дворъ!.. то есть, что всѣ эти здѣшніе дворы! просто дрянь! Однихъ егерей было человекъ пятьдесятъ! Музыканты свои были! Театръ домашній былъ! плясуни были, комедіи представляли! Вотъ оно, какое житье-то было! любезное житье!

Конечно, Иванъ Макарычъ большую половину прихвастнулъ, но присутствующіе изъ учтивости почли долгомъ не возражать ему, а Шарлотта Готлибовна даже совершенно была увѣрена въ истинѣ словъ своего любезнаго кавалера и съ непритворнымъ участіемъ вмѣшалась въ разговоръ, сказавъ въ скобкахъ:

— О, это, должно быть, ужасно чудесно было!

— Ужъ такъ чудесно, что просто невозможно! Ужъ я вамъ скажу, такіе были актеры — просто на славу! Вся губернія съѣзжалась смотрѣть — истинно вамъ говорю!

По поводу актеровъ господина Пережиги, разговоръ перешелъ вообще къ оцѣнкѣ эстетическихъ и другихъ способностей человека, и при этомъ развивались гостями самыя мудрыя и затѣливыя мысли.

Беобахтеръ, махая ручонкою сверху внизъ, говорилъ самымъ пріятнымъ и вкрадчивымъ теноромъ, что оно, конечно, ничего жить можно, а все-таки не дурно и даже полезно, если „прихлопнетъ“ да „притиснетъ“. Буква *p*, по обыкновенію, играла и тутъ весьма немаловажную роль.

Алексисъ болталъ во рту языкомъ и безотчетно размахивалъ во всѣ стороны руками.

Шарлотта Готлибовна утверждала насчетъ этого предмета что-то столь жестокое и обидное, что Наденька почла за долгъ вступить и тутъ же колко дать ей почувствовать, что она хотя и благородная пѣмка (о! никто въ этомъ не сомнѣвается!) и хотя „всѣмъ, конечно, извѣстно“, что въ *ихней* землѣ водятся дворяне, но въѣдъ и въ другихъ земляхъ отнюдь не всѣ же мастеровые или чумички какіе-нибудь... о, нѣтъ, далеко не всѣ!

Весь этотъ шумъ покрывался густымъ басомъ Пережиги, который смѣло утверждалъ, что все это вздоръ, что тутъ „иначе“ быть

нельзя, и что у него, дескать, спросите, такъ онъ знаетъ и мигомъ все объяснить.

— А скажите, пожалуйста,—началь между тѣмъ Иванъ Самойлычъ, очевидно стараясь исподволь дать разговору интересующій его оборотъ: — вотъ вы, Иванъ Макарычъ, вы человѣкъ опытный, бывалый... Вотъ хоть бы у васъ: вѣдь, я думаю, у каждаго изъ нихъ было свое особенное назначеніе, своя особенная, такъ сказать, роль въ жизни?..

— Разумѣется, было! чего на свѣтѣ не бываетъ! — отвѣчалъ Иванъ Макарычъ, отъ частыхъ возліаній одобрительно кивая на всѣ стороны головой: — извѣстно, — одинъ псарь, другой егерь, третій, просто, чумичка! Какъ не быть!

И опять пошли толки о трудности отыскать человѣку въ бременной его жизни назначеніе. Пережига отзывался, что тутъ вообще „поломаешь-таки себѣ голову“, и дѣйствительно, въ то же время началъ съ такимъ рвеніемъ ломать себѣ голову при видѣ безпрестанно возрастающихъ и вновь отвсюду возстающихъ затрудненій, что непремѣнно погибъ бы въ этой борьбѣ, еслибы не спасъ его извѣстный стаканчикъ на ножкѣ, которому онъ не переставалъ свидѣтельствовать свое почтеніе.

— Мое тутъ мнѣніе вотъ какое!—виѣшался господинъ Веобахтеръ:—все это вздоръ, а нужно—вотъ...—И махнулъ рукою сверху внизъ.

Хотя послѣднія слова были сказаны особенно мелодическимъ теноромъ, но Алексисъ не преминулъ возразить своему ученому противнику, сказавъ, что онъ не видитъ, почему непремѣнно— „вотъ“, и что гораздо лучше, если для всѣхъ равно отверзты объятія. При этомъ Алексисъ размахивалъ руками и дѣйствительно для всѣхъ отверзалъ объятія.

— Такъ вотъ вы изволили замѣтить,—снова обратился Мичулинъ къ Пережигѣ:—что одинъ чумичка, другой егерь... ну, это понятно: они ужъ люди такіе—ну, и роли по нихъ... А вообще-то какъ вы понимаете? то-есть, вообще-то человѣку какая роль предстоитъ въ жизни? Вотъ хоть бы мнѣ, напимѣръ?—прибавилъ онъ въ видѣ предположенія.

И умолкъ.

И всѣ гости тоже сурово молчали, какъ будто никто и не пред-

видѣлъ со стороны господина Мичулина подобнаго философическаго вопроса...

— Мое мнѣніе вотъ какое, — разразился наконецъ сладкозвучный Веобахтеръ: — прочь все — вотъ!..

И на этотъ разъ Алексисъ, по обыкновенію, отозвался, что *никакъ не можетъ понять этого ригоризма*, и что гораздо лучше, если для всѣхъ равно отверзты объятія.

Но сомнѣніе все-таки осталось сомнѣніемъ, заутанное дѣло ни на шагъ не подвинулось впередъ.

— Такъ какъ же вы думаете, Иванъ Макарычъ? — снова навязывался Мичулинъ.

— Это ужъ вы вотъ у нихъ спросите, — лаконически отвѣчалъ Пережига, закрывая глаза отъ излишества возліяній; — это имъ будетъ лучше извѣстно!

Съ этимъ словомъ Иванъ Макарычъ, а за нимъ и всѣ гости вышли изъ-за-стола.

Но именинникъ сильно ошибался, если въ числѣ таинственныхъ „ихъ“ разумѣлъ и ученаго Алексиса.

Алексисъ, казалось, такъ сильно желалъ всякаго счастья дорогому имениннику, что отъ полноты чувства едва могъ болтать во рту языкомъ.

— Ты не горюй, другъ, — говорилъ онъ, обращаясь къ Ивану Самойлычу: — ты другъ! я тебя знаю! ты смиренный и кроткій — вотъ!.. вотъ онъ такъ буйный; я знаю, чего онъ хочетъ! да вотъ же дадутъ же тебѣ ничего! да! вотъ же, на зло тебѣ, для всѣхъ отверзты объ-я-тія!.. да... о-б-ъ-я-т-і-я...

Наденька съла возлѣ него, начала усовѣщивать, уговаривала, чтобъ онъ былъ хоть мало-мальски поумнѣе, но Алексисъ ничѣмъ не трогался, потому что въ нетрезвомъ видѣ непремѣнно считалъ долгомъ пускаться въ конфиденціи и обнажать до-гола свою крохотную душу.

— Ты оставь, ты отойди отъ меня, хорошій, милый ты человѣкъ! — говорилъ онъ, вертя головою: — вѣдь я знаю, что ты про меня думаешь! что и онъ... вотъ тотъ, что отъ философіи-то... я все знаю, да плевать я... Я самъ знаю, что глупъ, самъ это чувствую, милый ты человѣкъ, самъ вижу... Ну, что-жъ! глупъ такъ глупъ... ужъ такая, видно, слабая моя голова.

И захохоталъ, какъ будто бы и самъ отъ всей души поздравлялъ себя съ тѣмъ, что глупъ и слабоголовъ.

Беобахтеръ съ своей стороны не возражалъ ничего, потому что самъ чувствовалъ въ сердцѣ пріятную веселость и махалъ рукою ужъ не сверху внизъ, а снизу вверхъ.

— Да ужъ ты не скрывайся... ты! философъ! — продолжалъ между тѣмъ Алексисъ: — вѣдь я вижу... я вижу, что ты меня презираешь... ну, презирай! Вѣдь я самъ чувствую, что достоинъ презрѣнія... др-у-угъ! да вѣдь что жъ дѣлать, коли голова-то слаба! голова-то, голова, вотъ что!...

— Ну, налился же ты, братъ! — лаконически замѣтилъ Иванъ Макарычъ.

— А еще баринъ! туда же бариномъ зовется! — подхватила дѣвица Ручкина.

— Ужъ какой же баринъ! — жаловался въ отвѣтъ Алексисъ: — баринъ!.. самому иногда ѣсть нечего — баринъ! Сапоговъ нѣтъ — баринъ! Пальто на плечикахъ изорванное — баринъ!.. Вотъ-те и баринъ! да ужъ я вижу, что ты меня презираешь!.. ты! философъ!

И снова воображеніе Алексиса начало рисовать ему самыя горестныя картины, и снова пуще прежняго началъ онъ жаловаться на свою слабую голову, на судьбу, на одного таинственного незнакомца, обсчитывавшаго его по литературной части, и ко всему прибавлялъ: — баринъ!

Наконецъ, дѣвица Ручкина почла долгомъ увести его въ свою комнату.

Уныло посмотрѣлъ Иванъ Самойлычъ вельдъ расходящимся гостямъ. Онъ видѣлъ, какъ Иванъ Макарычъ пошелъ подъ-руку съ Шарлоттой Готлибовной, какъ Алексисъ съ своей стороны пошелъ съ Наденькой — тоже подъ-руку... Да и философія кандидатъ Вольфгангъ Антоничъ Беобахтеръ послѣшно надѣлъ шинель и отправился на улицу, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ пройтись съ кѣмъ-нибудь — тоже подъ-руку!..

И онъ тоже шелъ подъ-руку, но не съ Наденькой и даже не съ Шарлоттой Готлибовной, а съ какимъ-то безтѣлеснымъ и чрезвычайно длиннымъ существомъ, называющимся: „что ты такое? какое твое назначеніе?“ и такъ далѣе, — существомъ уродливымъ, которое, несмотря на видимую свою безплотность, страшно оттянуло ему обѣ руки.

VIII.

Разгоряченный виномъ и горькими мыслями, вышелъ Иванъ Самойлычъ на улицу. На дворѣ стоялъ трескучій морозъ, который въ Петербургѣ весьма часто слѣдуетъ за самую несносную слякоть; извозчики, съѣжившись въ клубокъ, проминались по укатанной дорогѣ и хлопали въ ладоши. Въ окнахъ высокихъ домовъ мелькали огни... Огни эти такъ гостепріимно манили къ себѣ прозябнувшаго и посинѣвшаго на стужѣ странника, извозчики такъ тоскливо и вмѣстѣ недовѣрчиво смотрѣли на нихъ... Оборванному и оглоданному всегда кажется, что огонекъ какъ будто бы именно *на него* съ особенною привѣтливостью глядитъ изъ окна...

Но Иванъ Самойлычъ не думалъ ни объ огняхъ, ни объ извозчикахъ. Машинально шелъ онъ себѣ въ легкой шинелишкѣ своей, какъ будто бы вовсе и не чувствовалъ холода; въ головѣ его было совсѣмъ пусто; одна только мысль чудовищно раскинулась въ его воображеніи — та мысль, что у него всего-на-все остался въ карманѣ одинъ цѣлковый, а между тѣмъ надо жить, надо ѣсть, надо за квартиру платить...

Но холодъ все-таки дѣлалъ свое дѣло. Какъ ни закованъ былъ Иванъ Самойлычъ въ тройную броню неудачъ и лишеній, но не могъ не почувствовать покалываній и пощипываній своего привычнаго друга. Очнувшись невольно, онъ увидѣлъ передъ собою огромное снѣговое пространство, болѣе похожее на поле, чѣмъ на городскую площадь. По срединѣ поля возвышалось великолѣпно освѣщенное каменное зданіе; у подъѣздовъ суетились кареты, сани, возки, кричали кучера и лакеи; тамъ и сямъ подъ навѣсами пылали зажженные костры. А холодъ между тѣмъ щипалъ лицо, ломилъ черепъ, рѣзалъ глаза; шинелька защищала плохо и скудно...

Видъ залитаго свѣтомъ зданія сильно распаталъ вождедѣніе въ окоченѣвшемъ тѣлѣ Ивана Самойлыча; онъ вспомнилъ про цѣлковый, бывший у него въ карманѣ, и потомъ, по какому-то безотчетному побужденію, взглянулъ на разложенные костры... Костры пылали краснымъ пламенемъ и далеко по площади разстилали густой и ѣдкій дымъ...

„Что-жь... можно и тутъ обогрѣться!“ подумалъ Иванъ Самойлычъ.

Но странная, искусительная мысль блеснула вдругъ въ головѣ его: секунду, не болѣе какъ секунду, стоялъ онъ въ раздумьи; потомъ вынулъ изъ кармана цѣлковый, съ ожесточеніемъ взглянулъ на него, и въ одно мгновеніе ока былъ ужь у кассы театра и покупалъ себѣ билетъ въ пятомъ ярусѣ.

Какъ нарочно, въ этотъ день давали какую-то героическую оперу. Въ театрѣ народу была куча; съ шумомъ растворялись и запирались двери ложъ: смутный и густой говоръ носился по огромной залѣ отъ партера и до райка.

Иванъ Самойлычъ очутился по срединѣ, между однимъ бравымъ офицеромъ и какою-то довольно красивою, но сильно намазанною дѣвицей.

Съ злобой смотрѣлъ онъ внизъ, на безпрестанно наполнявшіяся ложи, на дамъ въ кокетливыхъ нарядахъ, которыя влетали въ нихъ подобно легкимъ и призрачнымъ видѣніямъ...

Но вотъ и говоръ утихъ. Посреди всеобщаго безмолвія вдругъ послышался отдаленный горный рожокъ; въ какомъ-то полуснѣ началъ прислушиваться Иванъ Самойлычъ къ простой и жалобной мелодіи его. Въ памяти его вдругъ воскресли давнишніе годы его дѣтства, необозримыя и ровныя поляны, густой сосновый лѣсъ, синее озеро, лѣниво расплескивавшее свои волны, и посреди всего этого самая беззвучная, глубокая тишина, и только рожокъ, именно рожокъ назойливо звучить въ самое ухо и именно ту же самую простую и трезвую мелодію. Но вотъ рожку начинаетъ вторить флейточка, къ флейточкѣ нерѣшительно присоединяется скрипка, и вдругъ звуки начинаютъ расти, расти и наконецъ цѣлые потоки ихъ вырвались съ шумомъ изъ оркестра и заходили по залѣ.

Загудѣли контрабасы; тоскливо жаловались нѣжныя флейточки; назойливо рвали душу скрипки; отрывисто и сухо командовалъ барабанъ.

Герой нашъ ожилъ; блѣдный, притаивъ дыханіе, упивался онъ жалобнымъ стономъ флейты, отчаяннымъ воплемъ скрипки; всѣ нервы его были въ какомъ-то болѣзненномъ, небываломъ напряженіи, голова горѣла, губы и глаза были сухи, во всемъ существѣ его разыгралась такая же буря, какая происходила въ оркестрѣ.

— Вотъ это такъ хорошо! такъ ихъ! руби ихъ! мо-шен-ни-ки, хри-сто-про-давцы!—шепталъ онъ, самъ хорошенько не сознавая,

почему бравурная музыка напоминала ему мошенниковъ и христопродавцевъ.

— Что-жь? хлопайте! выражайте же свое удовольствіе!—замѣтилъ на ухо Мичулину сидѣвшій сзади какой-то сынъ природы съ огромными усами и бородой.

Занавѣсъ былъ поднятъ; на сценѣ, неизвѣстно о чемъ, но очень складно, толковала густая толпа; потомъ толпа разступилась, и какой-то господинъ началъ что-то пѣть. У Ивана Самойлыча не было ни либретто, ни обязательнаго сосѣда, поэтому онъ очень немного понялъ изъ всего этого. Однакожь, по всему было видно, что господинъ былъ доволенъ собою и не мало сочувствовалъ восходящему солнцу, потому что сильно разводилъ руками.

— Фразы, братъ! вздоръ все это! знаемъ мы!—говорилъ господинъ Мичулинъ, на котораго видимо началъ дѣйствовать образъ мыслей Беобахтера:—знаемъ мы эту природу! ты намъ давай барабановъ—вотъ что!

И барабанъ не заставилъ себя ждать; музыка снова загремѣла полнымъ оркестромъ, и снова громъ заходилъ и заколыхался волнами по залѣ.

— Выражайте же свое удовольствіе!—приставалъ упомянутый выше сынъ природы.

Ощущеніе, произведенное этой громкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко стройной музыкой, было какъ-то странно и ново для Ивана Самойлыча. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ за звуками могла ему слышаться толпа—да и какая еще толпа!—вовсе не та, которую онъ ежедневно привыкъ видѣть на Сѣнной или на Конной, а такая, какой еще онъ не видывалъ,—и что всего страннѣе—возможность которой онъ вдругъ началъ весьма ясно и отчетливо сознавать.

„Да, дѣло-то было бы лучше!—думалъ онъ, прогуливаясь въ антрактѣ по корридору:—тогда бы, можетъ быть, и я“...

И онъ не оканчивалъ своей фразы, потому что и безъ дальнѣйшаго объясненія очень хорошо и отчетливо постигалъ, что было бы тогда.

Но вотъ оркестръ снова заигралъ. Сначала происходили неизбѣжныя объясненія любовниковъ; кака-то тощая госпожа презрительно передавала смирному и безответному клеверету свои чувства; клевереть слушалъ совершенно равнодушно и только ждалъ случая,

чтобы дать тягу за кулисы. Потомъ въ припрыжку выбѣжалъ изъ-за кустовъ какъ будто нарочно тутъ же очутившійся господинъ въ бархатной кацавейкѣ...

Мичулинъ все время отрицательно кивалъ головой, находя, по-видимому, что все это фразы...

Но вотъ на сцену спустилась ночь; красноватая луна горѣла на холстинномъ небѣ; озеро синѣло вдали; всѣ деревья будто притихли и притаились въ ожиданіи чего-то страшнаго, необыкновеннаго; нигдѣ ни шороха, ни шелеста...

И вдругъ, посреди безмолвія, раздается окликъ, и снова все стихло; вотъ и еще окликъ, и еще, и еще... деревья какъ будто оживились и выпрямили сонныя верхушки свои; озеро заходило холстинными волнами; луна горитъ все краснѣе и краснѣе...

Снова цѣлый громъ на сценѣ, снова все волнуется и колыхается, и слышатся Ивану Самойлычу и выстрѣлы, и стукъ сабель, и чуется ему дымъ...

Съ волненіемъ смотритъ онъ во всѣ глаза на сцену; съ судорожнымъ вниманіемъ слѣдитъ за каждымъ движеніемъ толпы; ему и въ самомъ дѣлѣ кажется, что вотъ наконецъ все кончится; онъ хочетъ самъ бѣжать за толпою и понюхать за-одно съ нею обаятельнаго дыма... Съ особенною нѣжностью смотритъ онъ на молодого чело-вѣка, раздрающимъ голосомъ молящаго оставить ему его любовь и наивныя мечтанія... Онъ такъ юнъ, такъ свѣжъ еще, молодой чело-вѣкъ! ему такъ жалко вдругъ разстаться съ своими обаятельными кумирами; ему хотѣлось бы еще долго обманывать свое сердце и убаюкивать себя золотою мечтой. Но тщетны всѣ его усилія: истина на лицо; она трезво и безъ страха снимаетъ съ души его лишніе покровы... И грустно повторяеть горное эхо вопль юноши, послѣдній вопль!

Вотъ чтó говорили звуки душъ Ивана Самойлыча.

Но барабаны и выпитое за обѣдомъ вино порядочно-таки распахтали его воображеніе. Быстрыми шагами шель онъ по улицѣ, напѣвая какой-то вовсе недвусмысленный мотивъ и сильно стараясь поддѣлаться подъ барабанъ. Рядомъ съ нимъ очутился и сынъ природы, который сидѣлъ сзади него въ театрѣ. Съ сыномъ природы шель еще какой-то господинъ, который безпрестанно кивалъ утвердительно головой и улыбался.

— Ну, что, какъ вамъ понравилась опера? — приступилъ сынъ природы къ Ивану Самойлычу: — вѣдь съ перчикомъ опера-то? а? какъ вы насчетъ этого?

— Да; я думаю, что еслибы... — процѣдилъ Иванъ Самойлычъ сквозь зубы.

— Ужъ и не говорите! я самъ объ этомъ много думалъ, а вотъ насъ-то мало... вотъ что! А я ужъ думалъ объ этомъ, какъ не думать! спросите вонъ хоть у него. Антоша! ну, скажи, вѣдь думалъ я объ этомъ?

Антоша поспѣшно закивалъ головой и выставилъ рядъ острыхъ и длинныхъ зубовъ.

— Рекомендую вамъ его! — продолжалъ сынъ природы, подводя къ Ивану Самойлычу Антошу: — благороднѣйшій человѣкъ! Я вамъ скажу, мы много съ нимъ думаемъ, чортъ возьми! чудеснѣйшая душа! и какъ страдаетъ! право, никто такъ не страдаетъ! Антоша! другъ! пріятель!

Антоша осклабился.

— Очень радъ! — пробормоталъ Иванъ Самойлычъ, совершенно сконфуженный такою безцеремонностью.

— Вамъ, можетъ быть, странна такая откровенность? — говорилъ между тѣмъ господинъ съ усами и бородой: — я вамъ скажу, вы не удивляйтесь. Вѣдь я замѣчалъ за вами въ театрѣ-то; я видѣлъ, что подлѣ меня человѣкъ страдаетъ.

Молчаніе.

— Такъ какъ вы думаете, не соединиться ли намъ въ одни общія объятія? а? вѣдь какъ заживемъ-то! лихо, ей-Богу, лихо заживемъ... Братство — канальство! братство — вотъ моя метода! больше знать ничего не хочу! то-есть, отнимите у меня братство — просто, ничего не останется, просто, дрянъ-дряню сдѣлаюсь!.. Такъ, что-ли? братство, что-ли? Эхъ, канальство, да отвѣчай же, ракаля, забулдыга ты этакой!

И едва началъ Иванъ Самойлычъ соображать, какимъ образомъ могъ онъ вдругъ возбудить въ постороннемъ человѣкѣ столько симпатіи къ себѣ, какъ ужъ сынъ природы тискалъ его въ своихъ объятіяхъ и словно жесткою щеткою дралъ ему щеки своими усами и бородою, безпрестанно приговаривая: „вотъ такъ люблю! разомъ тебя

понялъ! разомъ увидѣлъ, что ты такое! у, да надѣлаемъ же мы имъ теперь вмѣстѣ дѣла!“

— Да ну, полѣзай же!—говорилъ онъ, обращаясь къ пріятелю Антошѣ и сталкивая его съ Иваномъ Самойлычемъ.

Антоша всѣмъ тѣломъ кинулся въ объятія оторопѣвшаго героя нашего.

Путники очутились около одного дома, котораго окна были ярко освѣщены. Сынъ природы остановился.

— А не запечатлѣтъ ли намъ? — спросилъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто у него вдругъ родилась чрезвычайно свѣтлая и благотворная мысль.— Антоша! пріятель! другъ! запечатлѣтъ? а?

И онъ мигалъ глазами вычурной вывѣскѣ, на которой въ живописномъ безпорядкѣ красовались бильярдъ, чашки, окорокъ ветчины съ воткнутою въ него вилкою и графины съ водкой.

Антоша три раза улыбнулся и шесть разъ кивнулъ головой.

— Ну, а ты?—обратился сынъ природы къ Ивану Самойлычу.

— Я не знаю,—бормоталъ Мичулинъ:—я забылъ... я бы съ радостью, да вотъ забылъ...

— Антоша! другъ! про что это онъ говоритъ? а? вѣдь про деньги, кажется, говоритъ, измѣнникъ, пррредатель!

— Ка... — заговорилъ Антоша и не кончилъ, а только клюнулъ кончикомъ носа въ стѣну.

Сынъ природы сталъ передъ Иваномъ Самойлычемъ, разставилъ ноги, уперся руками въ бока на подобіе фѣрта, взглянулъ ему въ глаза съ видомъ горько уязвленной дружбы и съ упрекомъ замоталъ головой.

— А, такъ вотъ ты каковъ, предатель! Деньги! развѣ я спрашивалъ у тебя денегъ? спрашивалъ? а? такъ вотъ я же тебя — деньги! Антоша, другъ!

И оба друга мгновенно взяли Ивана Самойлыча подъ руки и быстро потащили его вверхъ по тускло-освѣщенной лѣстницѣ.

Мичулинъ совсѣмъ растерялся. Онъ еще въ первый разъ видѣлъ къ себѣ столько сочувствія, столько горячей симпатіи. И въ комъ? въ людяхъ совершенно ему чужихъ, въ людяхъ, которыхъ ему довелось разъ только видѣть, и то мимоходомъ.

Половны засуетились. Машина заиграла.

— Эй, малый!—кричалъ сынъ природы:—да что это она, бра-

тецъ, тамъ у васъ размазню какую-то играетъ! ты намъ давай барабановъ — вотъ что! э? съ барабанами есть?

— Никакъ нѣтъ-съ, — отвѣчалъ половой, бодро потряхивая кудрями.

— Отчего жъ нѣтъ?

— Да не требуется, — отвѣчалъ половой.

— Не требуется? Э, братъ, видно, къ вамъ народъ-то такой, людишки-то все такіе — размазня — ходятъ! Нѣтъ, братъ, мы вотъ втроемъ, мы души крѣпкія, закаленные... Антоша, а, Антоша! другъ! закаленные души, а?

— О-о-охъ! — жаловался сынъ природы, покручивая усы: — времена-то наши еще не пришли, а то бы чего-чего мы втроемъ ни надѣлали. Слышь ты, осель! слышишь, олухъ? — продолжалъ онъ, обращаясь къ половому: — вотъ мы втроемъ какіе люди! такъ ты давай намъ барабановъ, бравуру давай — вотъ что, понимаешь? Ну, проваливай, да неси скорѣе, чтò тамъ у васъ есть!

Черезъ минуту столъ былъ уставленъ бутылками, графинами и стаканами. Въ сторонѣ скромно стояла закуска.

— Ужъ я таковъ есть! — говорилъ сынъ природы, наливая стаканы: — я вотъ весь тутъ на ладони, чтò хочешь со мною дѣлай! Любишь — другъ! не любишь — Богъ съ тобою! а я ужъ тутъ весь, какъ есть сынъ природы! Ни лукавства, ни хитрости!

Иванъ Самойлычъ выпилъ — горько.

— Да ну, пей же! она, водка, откровенная! вотъ и я откровенный! вотъ и постегали меня разъ, а я все-таки откровенный — не могу, нельзя мнѣ иначе! Антоша, Антоша! — продолжалъ онъ съ укоромъ: — и ты другъ послѣ этого? и тебѣ не стыдно, а? даръ природы стоять передъ тобою, и тебѣ не совѣстно? ай-да другъ! Ну, осрамилъ, братъ!

Антоша выпилъ однимъ разомъ...

И пили они много и долго пили. Иванъ Самойлычъ и не помнилъ счета; едва опоражнивалъ онъ стаканъ, какъ передъ нимъ вырасталъ новый и совершенно полный. Смутно, какъ будто во снѣ, мерещились ему тосты, предлагаемые зычнымъ голосомъ сына природы.

Иванъ Самойлычъ потерялъ всякое чувство. Онъ видѣлъ, правда, что сынъ природы какъ будто собрался куда-то выйти съ Антошей

и что-то указывалъ на него половому, но ничего не понялъ изъ всѣхъ этихъ жестовъ и разговоровъ.

Когда онъ проснулся, на дворѣ было ужъ свѣтло. На столѣ лежали объѣдки вчерашней закуски, стояли графины съ недопитой водкой. Въ головѣ его было тяжело; руки и ноги дрожали.

Онъ началъ припоминать себѣ происшедшее, искалъ глазами своихъ товарищей, но въ комнатѣ не было никого. Внезапно въ душу его закралось тревожное сомнѣніе. „Что, если это мошенники!“ — подумалъ онъ: „что, если они завели меня, чтобъ поужинать, да потомъ, напоивши, и оставили меня подъ залогъ?“

Эта мысль мучила его; на цыпочкахъ подошелъ онъ къ двери и приложилъ ухо къ замочной скважинѣ. Въ сосѣдней комнатѣ слышались ругающіеся голоса заспанныхъ половыхъ. Онъ вышелъ изъ засады и спросилъ шинель.

Начали искать шинель — шинели не оказалось; Ивана Самойлыча точно варомъ обдало. Половые засуетились; поднялась бѣготня, но ничто не помогало: шинель никакъ не отыскивалась.

— Да вы съ кѣмъ приходили? — спросилъ буфетчикъ.

— Я не знаю; я въ первый разъ ихъ видѣлъ.

— Мошенники! Лизуны какіе-нибудь!

— Да какъ же я безъ шинели?

— Не знаю, — отвѣчалъ буфетчикъ съ разстановкой: — ужъ, видно, такъ безъ шинели придется... ночью-то оттепело... Да вотъ еще счетецъ не заплатили...

Языкъ Ивана Самойлыча прилипъ къ нѣбу.

„Сонъ въ руку!“ — подумалъ онъ и всѣмъ тѣломъ затрясся.

— Такъ прощайте... я ужъ такъ, — сказалъ онъ, направляясь за двери.

— А какъ же счетецъ-то? — возразилъ буфетчикъ.

— Да я не знаю... это опи! — бормоталъ Иванъ Самойлычъ и все шелъ къ двери.

Но его не пустили; Мичулинъ вздумалъ-было силой прорваться на лѣстницу, но два дюжіе парня крѣпко держали его за руки и не хотѣли никакъ выпустить. Началась борьба; отчаяніе, казалось, удесятерило его силы; онъ уже заносилъ ногу за порогъ, онъ былъ ужъ на лѣстницѣ, какъ вдругъ у самого его носа, неизвѣстно откуда, вы-

рось удивительнаго размѣра городской, а въ ухахъ непріятно зазвучало: „а куда ты, шарамыга, лѣзешь?“

На такую апострофу Иванъ Самойлычъ почелъ за нужное отвѣчать, что онъ вовсе не шарамыга, а привыкъ, дескать, къ обращенію деликатному и тонкому; но городской, повидимому, и знать не хотѣлъ деликатнаго обращенія. Ему вдругъ очень ясно представилось, что шарамыга-то вѣдь грубить, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Иванъ Самойлычъ только оправдывался и объяснялъ, что вотъ, дескать, такъ и такъ и больше ничего...

— А! ты еще грубить—ты еще разсуждать! Эй, кто тамъ!—взять его и распорядиться!

Не успѣлъ гесподинъ Мичулинъ оглянуться, какъ подлѣ него очутилось три помощника, хотя и гораздо мѣньшихъ размѣровъ, нежели городской. Всѣ четверо схватили его и повели на улицу.

Тщетно умоляя Иванъ Самойлычъ городского отпустить, тщетно соблазнялъ онъ его, показывая въ рукѣ уцѣлѣвшіе у него два двугривенныхъ... тщетно! городской безстрастно шелъ возлѣ, и не только понуждалъ его за рукавъ, но даже для того, чтобъ публично выразить свое безкорыстіе, оралъ во все горло:

— И, что ты! Богъ съ тобой! да я тебя за сто рублевъ не выпущу! Ты, братъ, знай свои порядки! ты, братъ, слушайся, коли начальство приказываетъ—вотъ что!

А народу собралась цѣлая толпа, а въ толпѣ-то смѣхъ, въ толпѣ-то веселье: взяли, дескать, барина въ нѣмецкомъ платьѣ!

— Эвоя!—говоритъ бородатый молодецъ, уже поднявшій-было полу своего бараняго тулупа, чтобъ утереть носъ, и оставшійся въ положеніи совершеннаго изумленія: — глянь-ка, братъ, Ванюха? глянь-ка,—кургузаго ведутъ!..

— Что, видно, ваша милость прогуливаться изволите?—подхватываетъ другой, тоже, повидимому, очень бойкій молодецъ.

— Ги-ги-ги!—отозвался извѣстный Ивану Самойлычу голосъ дѣвушки, жившей своими трудами.

— Наше вамъ почтеніе!—подхватилъ близъ стоявшій бѣлокурый студентъ.

— Ха-ха-ха!—раздалось въ толпѣ.

Мичулинъ былъ ни живъ, ни мертвъ. Что скажутъ о немъ знакомые? а знакомые непременно всѣ тутъ, стоятъ себѣ рядомъ и смот-

рять ему прямо въ лицо... Чтò скажетъ Наденька? а Наденька не премѣнно здѣсь, и ужъ навѣрное думаетъ, что онъ, позабывшись, сходилъ за платкомъ, вмѣсто своего, въ чужой карманъ... О! это очень горестно!.. И онъ снова вынималъ изъ кармана завѣтные двугривенные, снова перевертывалъ ихъ въ глазахъ городского, стараясь, чтобъ на нихъ ударилъ какъ-нибудь солнечный лучъ и сообщилъ имъ ослѣпительный, неотразимый блескъ.

Наконецъ, его втокнули въ какую-то темную, преисполненную тараканами коморку; но и тутъ заклятые гонители не оставили его.

— Отпустите меня!—жалобнымъ голосомъ вопіялъ Иванъ Самойлычъ одному изъ приставниковъ своихъ, называвшемуся Мазулей: — голубчикъ! почтеннѣйшій! отпустите меня! Ужъ я послѣ отблагодарю вамъ, почтеннѣйшій! Вѣчно, всю жизнь буду вамъ благодаренъ, голубчикъ!.. Посудите сами: вѣдь я не какой-нибудь...

— Ахъ, другъ ты, право, другъ-гь!—отвѣчалъ Мазуля тономъ, впрочемъ, довольно мягкимъ:—ну, чего ты просишь, душа ты безпардонная! порядковъ ты не знаешь, дру-угъ! Ты сади-ись! ты на народъ посмотри! вѣдь тебя потреплютъ, потреплютъ—да и маршь! Вотъ чтò! дру-угъ! то-то, другъ ты! душа безпардонная! а вѣдь мнѣ...

И сердобольный наставникъ обратился къ окошку.

— Бородаукинъ! а Бородаукинъ! — кричалъ онъ стоявшему снаружи товарищу:—куда, братъ, рожокъ-то спряталъ? смерть хочется — носъ совсѣмъ свело! То-то, дру-угъ, порядковъ-то ты не знаешь! ахти-хти!

Дверь отворилась, и просунутая дружелюбною рукой Бородавкина тавлинка открыла дары свои охотнику до сильныхъ ощущеній Мазуль.

— Да чѣмъ же все это кончится?—спрашивалъ сквозь слезы Иванъ Самойлычъ.

— Извѣстно чѣмъ! отвѣчалъ Мазуля флегматически:—извѣстно чѣмъ! наибольшій разъ-два стукнетъ, да и отпустить—вотъ чѣмъ!

Наступило молчаніе.

— А можетъ, и три стукнетъ! какъ ему вздумается!—сказалъ наставникъ, подумавъ немного.

Новое молчаніе.

Иванъ Самойлычъ былъ въ самомъ мучительномъ положеніи. Чтò же онъ въ самомъ дѣлѣ такое, что его судьба такъ неумолимо пре-

слѣдуетъ? Ужъ не принцъ ли онъ какой-нибудь, свергнутый съ престола посредствомъ крамолы властолюбиваго царедворца и скитающійся теперь инкогнито? Но въ такомъ случаѣ онъ былъ готовъ сейчасъ же, и за себя, и за своихъ наслѣдниковъ, отказаться отъ всякихъ претензій на всевозможныя блага, только оставили бы его въ покоѣ въ эту минуту.

А между тѣмъ вошелъ и Бородавкинъ. О, какъ жестокъ онъ былъ съ Иваномъ Самойлычемъ! какъ презрительно и обидно обращался онъ съ нимъ! И первымъ оскорбленіемъ было то, что онъ, безъ всякихъ церемоній, сталъ скидать передъ нимъ свое платье, и въ сотый разъ не узналъ своей шинели, хотя въ сотый разъ ужъ держалъ ее у себя въ рукахъ; въ сотый разъ оглядывалъ и перевертывалъ ее на все стороны — и все-таки никакъ не могъ узнать, и снова искалъ, и снова не находилъ.

— Да гдѣ же она? — спрашивалъ онъ самъ себя, прибавивъ къ этому нѣсколько рѣзкое выраженіе: — да куда жъ она подѣвалась, распроклятая?

— Да она у васъ въ рукахъ! — осмѣлился замѣтить Иванъ Самойлычъ, но осмѣлился чрезвычайно робко и мягко, какъ будто бы дѣлалъ страшное преступленіе.

— Въ рукахъ? — ворчалъ Бородавкинъ себѣ подъ носъ, какъ будто и не слыхалъ, что замѣчаніе исходило со стороны Ивана Самойлыча: — а кто ее знаетъ! можетъ, и въ рукахъ! Вотъ какъ не нужно ее, распроклятую — такъ и лѣзетъ, такъ и лѣзетъ! глаза колетъ! а какъ нужда — тутъ ее и нѣтъ! Право, такъ! Хитерь, лукавъ нынче сдѣлался народъ! Ну, полѣзай! да полѣзай же, тебѣ говорятъ!

— Да когда же все это кончится? — спросилъ Мичулинъ.

Бородавкинъ пристально взглянулъ на него и отвернулся.

— Чѣмъ же я виноватъ? посудите сами! Вѣдь я ничего, право, ничего...

Бородавкинъ не отвѣчалъ.

— Да чѣмъ же все это кончится? — снова вопіялъ Иванъ Самойлычъ.

— Ты садись! — проговорилъ Бородавкинъ лабонически.

— Посудите сами, почтеннѣйшій! вѣдь я, просто, такъ... за что-жъ?

— Ты, братъ, совѣмъ какъ малый ребенокъ!—возразилъ Бородавкинъ:—ничего ты не понимаешь, никакого порядка! Ну, чего ты хнычешь? садись!

— Да посудите же сами, голубчикъ... вѣдь я человѣкъ образованный...

— Образованный! ну, какой же ты образованный, коли порядокъ не знаешь, набольшему согрубилъ? А образованный! да ты садись, а я съ тобой и говорить-то не буду, и слушать-то тебя не хочу!

И Бородавкинъ погрузился въ размышленія.

— Вѣдь мнѣ, братъ, — вотъ что! — сказалъ онъ подобно Мазуль, подумавъ нѣсколько времени.

Наконецъ, Ивана Самойлыча повели; проводники снова шли по сторонамъ. Вели его что-то долго, очень долго; и на дорогѣ встрѣчались разныя лица, которыя оборачивались и насмѣшливо поглядывали на блѣднаго и чуть живого отъ стыда героя этой повѣсти.

— Должно быть —мошенникъ! —говорилъ франтъ въ коричневомъ пальто и съ столь же коричневымъ носомъ.

— А можетъ быть и государственный преступникъ, —отвѣчалъ господинъ съ подозрительной физиономіей, безпрестанно оглядывавшійся назадъ.

— Мошенникъ! я вамъ говорю—мошенникъ! — возразило съ жаромъ коричневое пальто:—просто, платки воровалъ! Посмотрите, что за рожа! За ничто, изъ одного удовольствія готовъ зарѣзать человѣка...

Но подозрительный господинъ не угомонился и все-таки стоялъ на своемъ, что это долженъ быть важный государственный преступникъ.

Много мудрыхъ рѣчей слыхалъ Иванъ Самойлычъ во время земного странствія своего; много полезныхъ житейскихъ совѣтовъ прошло черезъ слуховой его органъ; но, по истинѣ, ничего подобнаго не могло даже и представить себѣ не совѣмъ бойкое его воображеніе тому, что изрекли уста набольшаго. Рѣчь его была проста и безыскусственна, какъ сама истина, а между тѣмъ не лишена и нѣкоторой соли, и съ этой стороны походила на вымыселъ, такъ что представляла собою одинъ величественный синтезъ, соединеніе истины и басни, простоты и украшеннаго блестящими поэзіи вымысла.

— Ахъ, молодой человѣкъ! молодой человѣкъ!—говорилъ на-

большій:—ты подумай, что ты сдѣлал! ты вникни въ свой поступокъ, да не по поверхности скользи, а сойди въ самую глубину своей совѣсти! Ахъ, молодой человѣкъ! молодой человѣкъ!

И дѣйствительно, Иванъ Самойлычъ вникнулъ, и какъ-то вдругъ ему представилось, что онъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалъ ужасно гнусное преступленіе.

— Да ужъ что-жъ дѣлать! — отвѣчалъ онъ, внезапно подавленный могучею силою угрызений совѣсти:—ужъ это грѣхъ такой случился! ужъ вы меня простите великодушно! право, простите!

Но наибольшій быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ, вѣроятно придумывая, какъ бы такъ вновь еще болѣе убѣдить своего подсудимаго и окончательно вызвать въ немъ пробужденіе закоснѣвшей совѣсти.

— Ахъ, молодой человѣкъ! молодой человѣкъ!—сказалъ онъ, спустя нѣсколько минутъ.

И снова зашагалъ по комнатѣ.

— Вы извольте сами милостиво разсудить, — началъ между тѣмъ Иванъ Самойлычъ: — вѣдь я человѣкъ благовоспитанный и одѣтъ, кажется, какъ слѣдуетъ благовоспитанному человѣку, а не то чтобъ какой-нибудь мужикъ!

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!—возразилъ наибольшій таинственнымъ голосомъ и покачивая головой, какъ будто въ одно и то же время и удивлялся неопытности Мичулина, и хотѣлъ ему сообщить что-то чрезвычайно секретное:— то-то вотъ неопытность! да вы не знаете, какія дѣла на свѣтѣ дѣлаются! да иной съ бобромъ, сударь, ходитъ! по-французски, по-нѣмецки и чортъ его знаетъ еще по-каковски — а плутъ! мошенникъ, сударь! естественнѣйшій мошенникъ! Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

Иванъ Самойлычъ снова понурилъ голову, и снова наибольшій зашагалъ по комнатѣ.

— Что же мнѣ съ вами дѣлать? — спросилъ наибольшій послѣ краткаго размышленія.

— Да ужъ будьте великодушны, простите!—замѣтилъ Иванъ Самойлычъ.

— Право, не знаю! истинно вамъ говорю — въ презатруднительное поставили вы меня положеніе! Съ одной стороны, и васъ жаль: думаешь, ни за грошъ пропадетъ, по неопытности своей, мо-

лодой человѣкъ! а съ другой стороны — примѣръ нуженъ, долгъ повелѣваетъ!.. наша обязанность... о, вы не знаете, что такое наша обязанность!

Мичулинъ согласился, что обязанность, дѣйствительно, отвѣтственная, но все-таки просилъ великодушно отпустить его.

— Ужъ развѣ для такого дня? — сказалъ наибольшій въ видѣ предположенія (день былъ, повидному, торжественный).

— Да, ужъ хоть для дня-то!

— Право, не знаю... дѣло-то оно такое затруднительное...

И наибольшій снова началъ шагать, все обдумывая, какъ бы ему выйти изъ затруднительнаго положенія.

— Ну, да ужъ Богъ съ вами — была не была! отвѣчу передъ Богомъ; ужъ, видно, дѣлать нечего — нравъ у меня такой... то-есть, повѣрите ли, послѣднюю рубашку готовъ съ себя снять, а ближняго безъ рубашки не оставлю... нѣтъ!

Иванъ Самойлычъ, съ своей стороны, отвѣчалъ, что и онъ готовъ снять съ себя послѣднюю рубашку, чтобъ выразить господину наибольшему свою чувствительнѣйшую благодарность, но что ужъ помнить оказанное благодареніе станетъ по гробъ, будьте въ томъ увѣрены!

— Что мнѣ ваша память! — отвѣчалъ наибольшій совздохомъ: — что мнѣ благодарность ваша! Спокойствіе совѣсти — вотъ гдѣ награда! Ахъ, молодой человѣкъ! молодой человѣкъ!

IX.

Незамѣченный никѣмъ пробрался Иванъ Самойлычъ въ свою уединенную комнату. Не сказавъ никому ни слова о случившемся съ нимъ происшествіи, заперъ онъ дверь и задумался, горько задумался... Происшествіе окончательно доканало его. А тутъ еще и лихорадка бьетъ, и мысли такія въ голову лѣзутъ... тяжело, совѣмъ тяжело жить на свѣтѣ!.. А лихорадка все бьетъ! а мысли все лѣзутъ, все лѣзутъ!

И Мичулинъ думалъ, думалъ... пока не пришелъ къ нему рыжій, плечистый мужикъ съ огненною бородою, и не сталъ настоятельно требовать удовлетворенія; за мужикомъ кидалась на него, показывая самые страшные и длинные когти, Наденька и тоже искала удовле-

творенія... Иванъ Самойлычъ совѣмъ растерялся, тѣмъ болѣе, что надъ всѣмъ этимъ хаосомъ возвышалось безконечное на безконечно-маленькихъ ножкахъ, совершенно подгибавшихся подъ огромную, подавлявшую ихъ тяжестью. Но всего обиднѣе то, что, вглядываясь въ это страшное, всепоглощающее безконечное, онъ ясно увидѣлъ, что оно не что иное, какъ воплощеніе того же самаго страшнаго вопроса, который такъ мучительно и настойчиво пыталъ его горькую участь.

И въ самомъ дѣлѣ, безконечное такъ странно и двусмысленно улыбалось, глядя на это конечное существо, которое, подъ фирмою „Иванъ Самойлычъ Мичулинъ“, пресмыкалось у ногъ его, что бѣдный человѣкъ оробѣлъ и потерялся въ конецъ...

— Погоди же, сыграю я съ тобой штуку! — говорило безконечное, подпрыгивая на уругихъ ножкахъ своихъ: — ты хочешь знать, чтò ты такое? изволь: я подниму завѣсу, скрывающую отъ тебя таинственную дѣйствительность, — смотри и любуйся!

И дѣйствительно, разомъ очутился Иванъ Самойлычъ въ странствѣ и во времени, въ совершенно неизвѣстномъ ему государствѣ, въ совершенно неизвѣстную эпоху, окруженный густымъ и непроницаемымъ туманомъ. Вглядываясь, однакожъ, пристальнѣе, онъ не безъ удивленія замѣтилъ, что изъ тумана вдругъ начинаетъ отдѣляться безчисленное множество колоннъ, и что колонны эти, принямая кверху все болѣе и болѣе наклонное положеніе, соединяются наконецъ въ одной общей вершинѣ и составляютъ совершенно правильную пирамиду. Но каково же было изумленіе бѣднаго смертнаго, когда онъ, подойдя къ этому странному зданію, увидѣлъ, что образующія его колонны сдѣланы вовсе не изъ гранита или какого-нибудь подобнаго минерала, а всѣ составлены изъ такихъ же людей, какъ и онъ, только различныхъ цвѣтовъ и формъ, чтò, впрочемъ, сообщало всей пирамидѣ пріятный для глазъ характеръ разнообразія.

И вдругъ замелькали ему въ глаза различныя знакомыя лица: вотъ и Беобахтеръ, философіи кандидатъ, съ гитарою въ рукахъ, вращающійся безсознательно въ одной изъ колоннъ; вонъ и занимающійся литературою Ваня Марасевъ, мужчина статный и красивый, но съ нѣсколько пьяными глазами; и всѣ эти знакомыя лица такъ низко стоятъ, такъ безсознательно, безлично улыбаются, завидѣвъ Ивана Самойлыча, что ему стало совѣстно и за нихъ, и даже за са-

мого себя, что могъ онъ водить знакомство съ такими ничтожными, не стоящими плевка людьми.

„А чтò, если и я...“ подумалъ онъ, да и не додумалъ, потому что мысль его замерла на половинѣ пути: такъ испугался онъ, вдругъ вспомнивъ, что этакъ и себя можетъ, пожалуй, увидѣть въ не совсѣмъ затѣйливомъ положеніи...

И какъ нарочно, огромная пирамида, до тѣхъ поръ показывавшая ему, одну за другою, всѣ свои стороны, вдругъ остановилась. Кровь несчастнаго застыла въ жилахъ, дыханіе занялось въ груди, голова закружилась, когда онъ увидѣлъ, въ самомъ низу необыкновенно объемистаго столба, такого же Ивана Самойлыча, какъ и онъ самъ, но въ такомъ бѣдственномъ и странномъ положеніи, что глазамъ не хотѣлось вѣрить. И дѣйствительно, стоявшая передъ нимъ масса представляла любопытное зрѣлище; она вся была составлена изъ безчисленнаго множества людей, одинъ на другого насаженныхъ, такъ что голова Ивана Самойлыча была такъ изуродована тяготѣвшею надъ нею тяжестью, что лишилась даже признаковъ своего человѣческаго характера, а часть, называемая черепомъ, даже обратилась въ совершенное ничтожество и была окончательно выписана изъ наличности. Вообще, во всей фигурѣ этого страннаго, миѣческаго Мичулина выражался такой умственный пауперизмъ, такое нравственное нищенство, что настоящему, издали наблюдающему Мичулину сдѣлалось и тѣсно, и тяжело, и онъ съ силою устремился, чтобъ вырвать своего страждущаго двойника изъ-подъ гнетущей его тяжести. Но какая-то страшная сила приковывала его къ одному мѣсту, и онъ со слезами на глазахъ и гложущею тоскою въ сердцѣ обратилъ взоръ свой выше.

И чѣмъ выше забирался этотъ взоръ, тѣмъ оконченнѣе казались Ивану Самойлычу люди

Онъ самъ теперь чувствовалъ, какъ страшная тяжесть давила его голову; онъ чувствовалъ, какъ, одно за другимъ, пропадали тѣ качества, которыя дѣлали изъ него человѣчскій образъ... Холодный потъ обливалъ его тѣло; дыханіе замерло въ груди; волосы, одинъ за другимъ, шевелились и вставали; весь организмъ трепеталъ въ паническомъ ожиданіи чего-то неслыханнаго... Онъ сдѣлалъ отчаянное, непомѣрное усиліе и проснулся.

Вокругъ постели его, въ глубокомысленномъ безмолвіи, стояли всѣ жильцы Шарлотты Готлибовны. Первымъ предметомъ, особенно поразившимъ его отяжелѣвшимъ отъ сна глаза, была Наденька Ручкина, та самая гордая и непоколебимая Наденька, которая столько разъ говорила ему, что ужъ если она что сказала,—такъ ужъ сказала, и слова своего не перемѣнитъ ни въ жизнь, и которая въ настоящую минуту сидѣла на его постели и заботливо укутывала ему ноги. Это отрадное явленіе въ одну минуту такъ поглотило все его вниманіе, что онъ забылъ все окружающее; въ душѣ его вдругъ мелькнуло что-то похожее на миражъ, и въ воображеніи незамѣтно начала рисоваться тихая, но полная счастья семейная жизнь съ любящей и любимой женою, съ ненаглядными дѣтьми... Онъ ужъ хотѣлъ-было весело и бодро вскочить съ постели, чтобъ поцѣловать эти розовыя губки, самыя розовыя, какія только возможно встрѣтить на цѣлой поверхности земного шара, и потомъ, ловко подмигнувъ однимъ глазомъ и посмотрѣвъ подъ постель сперва съ одной, а потомъ и съ другой стороны, тутъ же сказать, какъ и подобаетъ ласковому отцу семейства: „а куда спрятался этотъ плутъ-мальчикъ Коко или хитрая дѣвочка Варенька?..“; все это уже мелькнуло-было въ душѣ Ивана Самойлыча, какъ вдругъ глазамъ его представилась дѣйствительность—дѣйствительность самая нагая и безотрадная, какую только можно было себѣ вообразить; однимъ словомъ, дѣйствительность, составленная изъ Шарлотты Готлибовны, Ивана Макарыча, господина Беобахтера и Алексиса Звонскаго.

— А мы было-думали, что тебѣ ужъ того... карачунъ пришелъ!—заревѣлъ какъ изъ бочки сильный басъ друга и пріятеля Ивана Макарыча надъ самымъ ухомъ Мичулина.

— Да, именно ми думаль, што вамъ ужъ совѣмъ карачунъ,—отозвалась тощая фигура Шарлотты Готлибовны, томно опираясь на мощное плечо Пережиги.

— Смотри на васъ въ эту минуту, я понялъ, наконецъ, загадку жизни! Я видѣлъ блѣдную смерть, махающую неумолимымъ лезвиемъ косы своей... О, это страшная, торжественная минута! Мнѣ представлялась эта блѣдная смерть... *pallida mors*... вы читали Горация, Иванъ Самойлычъ?

Такъ проговорилъ свое привѣтствіе господинъ Беобахтеръ, но

проговорилъ его такимъ сладкимъ и пріятнымъ голосомъ, какъ будто бы дѣло шло о вещи самой обыкновенной.

— Да, мы думали, что вы ужъ совсѣмъ умерли!—отозвался, съ своей стороны, апатически-лаконическій Алексисъ.

Иванъ Самойлычъ благодарилъ сосѣдей за участіе, говорилъ имъ, что онъ еще совершенно живъ, въ доказательство чего и начиналъ было подниматься съ постели. Но онъ не могъ; голова его горѣла, въ глазахъ было мутно, силы ослабли, и какъ ни старался онъ казаться бодрымъ и свѣжимъ, а поневолѣ долженъ былъ снова опуститься на подушку.

— Благодари, братъ, Бога, что ты еще не околѣлъ и что тутъ не было квартальнаго надзирателя!—заревѣлъ снова Иванъ Макарычъ и протянулъ ужъ руку, чтобъ ударить больного, въ знакъ сочувствія, по плечу, и непременно ударилъ бы, еслибы не удержала его Наденька.

— Квартальный надзиратель?—прошенталъ Иванъ Самойлычъ едва внятнымъ голосомъ.—А что, развѣ я что-нибудь... того?

— Да, братъ, ужъ извѣстно... того.

— О, ви очень вольна мысль дѣлалъ!—прервала Шарлотта Готлибовна.

— То-есть, просто, донеси я или кто-нибудь другой, просто, найдись какая-нибудь этакая шельма, хриstopродавецъ—озолотятъ, ей-Богу, озолотятъ. Не будь я Иванъ Пережигалъ.. ну, а тебя, извѣстно, на казенную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ... ха-ха-ха! Такъ ли, Шарлотта Готлибовна?

— О, ви очень любезни кавалиръ, Иванъ Макаровичъ!

— Да, это ужасно! быть закованнымъ въ тяжелыя цѣпи, осужденнымъ на вѣчную тьму, вѣчно видѣть одно и то же сухое и прозаическое лицо темничнаго стража, слышать, какъ капля по каплѣ вытекаетъ жизнь!.. о, это ужасно!..—сказалъ господинъ Беобахтеръ, особенно нѣжно напирая на слова: „капля по каплѣ“.

— Ужъ какъ пошелъ, братъ, по мечтанію, — снова замѣтилъ Иванъ Макарычъ, — да началъ вывертывать въ головѣ разныя этикія штуки, такъ тутъ ужъ, братъ, адье монъ плезиръ, пиши пропало!.. Вотъ я про себя скажу: я въ жизнь свою никогда не мечталъ, а поди-тко, поинци другого такого молодца...

Шарлотта Готлибовна зардѣлась.

— Ну, так что-жь ты не встаешь? — продолжалъ онъ, обращаясь къ Мичулину и сильно тряся его за руку: — не спать же въ самомъ дѣлѣ цѣлый день! Не бойсь, раскись, укачали тебя домытые-то? Эка баба! просто, даже смотрѣть на тебя противно!

Но Иванъ Самойлычъ молчалъ; блѣдный какъ полотно лежалъ онъ безъ всякаго движенія на постели: пульсъ его бился слабо и медленно; во всемъ существѣ своемъ ощущалъ онъ какую-то небывалую, болѣзненную слабость.

Наденька Ручкина наклонилась къ нему и, взявъ его за руку, спросила, не нужно ли ему чего-нибудь, что онъ чувствуетъ, и такъ далѣе, какъ обыкновенно спрашиваютъ сердобольныя молодыя дѣвушки.

— Я не знаю... мнѣ больно! — чуть слышно отвѣчалъ Иванъ Самойлычъ: — мнѣ очень больно...

— А! — небойсь, и языкъ развязался! — ревелъ между тѣмъ Пережига: — не бойсь, расшевелился, какъ женскій-то полъ подошелъ!

— Оставьте меня... я боленъ! — шепталъ Иванъ Самойлычъ умоляющимъ голосомъ.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, пусть его тутъ бабится! Милости просимъ, господа, ко мнѣ!

Иванъ Самойлычъ остался одинъ-на-одинъ съ Наденькой; глаза его неподвижно были устремлены на нее; блѣдное, худое лицо выражало непереносное страданіе; медленно взявъ онъ ея руку и долго-долго прижималъ къ губамъ своимъ.

— Наденька! добрая! — сказалъ онъ прерывающимся голосомъ: — поцѣлуй меня... въ первый и въ послѣдній разъ!..

Наденька изумилась. По свойственной ей подозрительности, она начала ужъ было смекать, что все это не даромъ, что все это штука, что онъ хочетъ только усынить ея бдительность; но когда она взглянула на это изможденное лицо, на эти глаза, обращенныя къ ней съ мольбою и ожиданіемъ, ей вдругъ стало какъ-то совѣстно своихъ подозрѣній; маленькому сердцу ея сдѣлалось и тѣсно, и неловко, а притомъ и слеза, самая миньютюрная, крохотная слеза, какъ-то совершенно нечаянно навернулась на глаза и упала съ ея глазъ на раскрытую грудь Мичулина. Дѣлать нечего, Наденька отерла слезу, наклонилась и поцѣловала больного. Лицо Ивана Самойлыча улыбнулось.

— Что это съ вами, Иванъ Самойлычъ?—спросила Наденька:—вѣрно вы простудились?

— Охъ, нѣтъ! это все то... все по тому дѣлу... помните, по которому я къ вамъ приходилъ?

— А что, развѣ оно важное какое-нибудь дѣло, что такъ разстроило васъ?

— Да; оно знаете... дѣло капитальное!.. А какъ мнѣ больно-то, больно-то, если бы вы знали!

Наденька покачала головой.

— Не послать ли за лекаремъ, Иванъ Самойлычъ?

— За лекаремъ?.. да, оно бы не худо?—можетъ, что-нибудь и прописаль бы... а впрочемъ, зачѣмъ? — вѣдь дѣла-то онъ мнѣ все-таки не объяснить!.. нѣтъ, не нужно лекаря!

— Да, по крайней мѣрѣ, онъ помогъ бы вамъ, Иванъ Самойлычъ!

— Нѣтъ, ужъ это пустое дѣло, Наденька, самое пустое! я вамъ говорю, я знаю... Онъ, можетъ статья, и поможетъ, да толку-то въ этомъ чтѣ будетъ! Ну, выздоровлю... а потомъ-то?.. нѣтъ, не надо лекаря...

Наденька молчала.

— Да, къ тому же, лекарю-то вѣдь нужно денегъ; къ бѣдному хорошій-то и пойти не захочеть... вотъ оно что! а какой попадется-то—Христосъ съ нимъ,—только измучить... лучше ужъ такъ умереть!

Въ это время дверь съ шумомъ отворилась, и въ комнату ввалилась дебелая фигура Пережиги съ штофомъ въ одной и рюмкою въ другой рукѣ.

— А вотъ, хвати-ко, друже, бальзамчику!—ревѣль знакомый Ивану Самойлычу голосъ: — это, братъ, знаешь, какъ душу отведеть, ей-Богу, отведеть!.. А умрешь, такъ, видно, такъ ужъ оно быть должно; видно, такъ ужъ и Богу угодно! —ну-ка, выпей. Да не морщись же, баба!

И Мицулинъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ дрожащая и невѣрная отъ частыхъ жертвъ Бахусу рука Пережиги наполняла рюмку жгучимъ какъ огонь составомъ, заключавшимся въ графинѣ. Онъ началъ-было отказываться, говорилъ, что ему легче, что онъ слава Богу, но тщетно: рюмка была уже налита, да притомъ же и Наденька сво-

имъ мягкимъ голоскомъ убѣждала его попробовать, авось-де скать отъ этого немного и полегчить ему. Не переводя духу, выпилъ Иванъ Самойлычъ поданную водку и почти безъ чувствъ упалъ на постель.

— Эка водка! эка воръ-водка! — говорилъ между тѣмъ другъ и пріятель Иванъ Макарычъ, глядя на искаженное конвульсіями лицо Мичудина: — экъ ее забираетъ, экъ забираетъ! — у, бестіанская водка! еще какъ онъ не захлебнулся! — право, такъ живучъ, живучъ! — а вѣдь въ чемъ душа держится!

И Пережига съ самодовольною улыбкою любовался изнеможеніемъ и страданіями Ивана Самойлыча, какъ будто хотѣлъ сказать ему: — „а что, братъ! — задалъ я тебѣ задачу? — посмотримъ, какъ-то ты изъ нея выпутаешься... а живучъ! — живучъ!“

Дѣйствительно, выпутаться было ужъ довольно трудно. Наденька побѣжала за докторомъ и вскорѣ привела какого-то нѣмца нѣсколько нѣвеселъ, безпрестанно нюхавшаго табакъ и плевавшаго во все стороны. Лекаръ подошелъ къ больному, долго и съ напряженіемъ щупалъ ему пульсъ, какъ будто хотѣлъ повертѣть у него въ рукѣ дыру, и покачалъ головой; велѣлъ высунуть языкъ, осмотрѣлъ и тоже покачалъ головой; потомъ понюхалъ табакъ, снова пощупалъ пульсъ и пристально осмотрѣлъ языкъ.

— *Schlecht*, — сказалъ докторъ въ раздумьи.

— Что-жь? есть ли какая-нибудь надежда? — спросила Наденька.

— О, никакой! и не полагайте! — а впрочемъ, поднимите паціенту голову...

Голову подняли.

— Гм, никакой надежды! — ужъ вы повѣрьте! я ужъ знаю!.. вы давали ему что-нибудь?

— Да, Иванъ Макарычъ давалъ ему водки.

— Водки? *schlecht, sehr schlecht*... А есть у васъ водка?

— Не знаю; спрошу у Ивана Макарыча.

— Нѣтъ, не нужно; я такъ, болѣе изъ любопытства... а впрочемъ, ужъ если есть, такъ отчего и не выпить?

Наденька вышла и минутъ черезъ пять воротилась съ графиномъ.

— Водка очень часто здорово, а очень часто и вредно, — глубокомысленно замѣтилъ медикъ.

— Что-жь, умереть, что-ли, надобно?—робко и едва слышно спросил Иванъ Самойлычъ.

— Да, ужъ это будьте покойны!—умрете, непременно умрете!

— А скоро?—снова спросилъ больной.

— Да этакъ часа черезъ два, черезъ три надо будетъ... Прощайте, почтеннѣйшій; желаю вамъ покойной ночи!

Однако, ночь была неспокойна. По временамъ, больной, дѣйствительно, засыпалъ, но потомъ внезапно вскакивалъ съ постели, хваталъ себя за голову и жалобнымъ голосомъ спрашивалъ у Наденьки, куда дѣвался его мозгъ, зачѣмъ сдавили у него душу, и пр. На это Наденька отвѣчала, что головка его цѣла, слава Богу, а вотъ-моль не хочется ли ему выпить ромашки—такъ ромашка есть. И онъ бралъ чашку въ руку и безпрекословно выпивалъ ромашку.

На другой день, къ обѣду, ему сдѣлалось какъ будто и полегче: онъ былъ спокоенъ и хотя очень слабъ, но могъ однакожь говорить. Онъ бралъ у Наденьки руки, прижималъ ихъ къ сердцу, цѣловалъ ихъ, прижималъ къ глазамъ, ко лбу и плакалъ... тихими, сладкими слезами плакалъ.

И Наденькѣ съ своей стороны было тоже жаль его. Впервые она какъ будто поняла, что въ ея глазахъ умираетъ человѣкъ, что этотъ человѣкъ любилъ ее, а она жестко и неприязненно оттолкнула его отъ себя. Кто знаетъ, чтò причиною этой смерти? Кто знаетъ, можетъ быть онъ былъ бы и здоровъ, и веселъ, еслибы... о, еслибы ты взглянуло, доброе, чудное существо, взглянуло глазами состраданія и сочувствія на это обращенное къ тебѣ лицо!—еслибы ты могло уронить хоть одинъ лучъ любви на эту бѣдную, истерзанную горемъ и нуждою душу!—о, еслибы это было возможно!

— Послушайте! — говорилъ между тѣмъ Иванъ Самойлычъ, взявъ ее за руку:—вы забудьте, что я надоѣдалъ вамъ, что я оскорблялъ васъ... Оно, конечно, я много и много виноватъ, да вѣдь что жъ дѣлать? вѣдь я одинъ, Наденька, совсѣмъ одинъ... Вѣдь я же не виноватъ, что некрасивъ и неучень, —что же мнѣ съ этимъ дѣлать? Разумѣется, и вы не виноваты, что не могли любить меня...

Больной съ трудомъ перевелъ дыханіе; грустно посмотрѣлъ онъ въ лицо Наденьки, но Наденька молчала и, опустивъ глаза, смотрѣла въ землю.

— Думается мнѣ, однакожь, —снова началъ Иванъ Самойлычъ

слабымъ голосомъ:—что еслибы съ дѣтства... въ то время, когда и кровь-то въ насъ тепла, еслибы въ то время не положили меня подъ прессъ да не заковали, такъ, можетъ, и вышло бы что-нибудь изъ меня... Воспитали-то меня такъ, что ни къ чему негоденъ я сдѣлался... съ дѣтства такъ вели, какъ будто и цѣлый вѣкъ долженъ былъ малоумнымъ остаться да на помочахъ ходить... Вотъ какъ пришлось трудомъ кусокъ себѣ добыть—и негдѣ, и нечѣмъ... Да и тутъ, право, не знаю, винить ли мнѣ кого-нибудь... отецъ мой человѣкъ стараго вѣка и необразованный, мать—тоже: они не виноваты, что не вѣдали...

— А можетъ быть, я и самъ во всемъ виноватъ,—продолжалъ опъ чрезъ минуту:—потому что вѣдь Богъ далъ мнѣ волю, а я дѣйствовалъ какъ грубое животное!.. Да, я виноватъ, да и не передъ собою однимъ виноватъ, а еще и Богу отвѣтъ дамъ, что допустилъ такъ насмѣяться надъ собою... А впрочемъ, и тутъ опять-таки еще Богъ знаетъ, могъ ли бы я что-нибудь сдѣлать одинъ.

И снова умолкъ Иванъ Самойлычъ, и снова, потушивъ глазки, ничего не отвѣчала Наденька.

— Такъ вотъ такъ-то, Наденька! — продолжалъ больной:— часто мы и сами во всемъ виноваты, а другихъ винимъ!

.
 Вотъ это-то дѣло, оно-то и сгубило меня, Наденька! въ немъ-то именно и смерть моя! — а совсѣмъ не въ томъ, будто бы я простудился... Простудиться можетъ тѣло, простуду можно вылечить, а вотъ какъ душа-то больна, какъ сердце-то ноетъ да стонетъ, вотъ тогда-то страшно, Наденька!—не дай Богъ, какъ страшно!..

Онъ замолчалъ; Наденька задумчиво опустила голову и долго о чемъ-то размышляла. Думалось ли ей, что, дѣйствительно, самъ виноватъ Иванъ Самойлычъ въ томъ, что дозволилъ обстоятельствамъ до такой степени лишить себя всякой бодрости, или она оправдывала его тѣмъ, что обстоятельства все-таки обстоятельства, какъ ни борись противъ нихъ... Это ли, другое ли ей думалось, — дѣло въ томъ, что какъ-то грустно, необычайно грустно сдѣлалось бѣдной дѣвушкѣ. Можетъ быть, къ этимъ мыслямъ присоединилась другая, не менѣе горькая и безвыходная мысль — мысль ея собственнаго безотраднaго, чреватаго лишеніямъ и трудомъ будущаго, та мысль, что и она находится въ подобномъ же положеніи, и она должна бороться...

вѣчно и упорно бороться!.. И она забыла и объ Иванѣ Самойлычѣ, и объ апатически-лаконическомъ Алексисѣ; въ воспоминаніи ея вдругъ мелькнула деревенская избушка, старый господскій домъ, запущенный садъ съ поросшими травою дорожками; рѣвка, вяло и какъ будто нѣхотя катившая свои сонныя волны въ какое-то далекое, невѣдомое государство; стая утокъ, апатически полоскавшаяся въ водѣ; толпа грязныхъ и оборванныхъ ребятишекъ, столь же апатически копавшаяся въ грязи и навозѣ... Но все это такъ живо, такъ быстро воскресло въ ея памяти, такъ быстро одинъ за другимъ смѣнялись — и сосновый, синѣющій вдали лѣсъ, и вспаханныя борозды полей, и старая деревянная церковь... Лучше ли ей было тогда? лучше ли, чище ли сама она была въ то время?.. Лучше ли было бы, еслибы вдругъ, по какому-нибудь волшебному случаю, ей снова пришлось воротиться къ этой давно прошедшей, давно ужъ изгладившейся изъ памяти жизни?..

А между тѣмъ на дворѣ ужъ и смерклося; въ комнатѣ тихо, ни шороха, ни звука; Наденька подумала, что Иванъ Самойлычъ заснулъ, и вознамѣрилась идти въ свою комнату. Но передъ уходомъ, чтобъ ближе удостовѣриться, дѣйствительно ли спитъ больной, она наклонилась къ нему и начала прислушиваться къ дыханію. Но дыханія не было слышно... Она взяла его за руку — рука была холодна... Наденькѣ сдѣлалось страшно. Въ первый разъ въ жизни была она одинъ-на-одинъ съ мертвымъ человѣкомъ... а притомъ неподвижные глаза покойника такъ и смотрѣли, такъ и смотрѣли на нее, какъ будто хотѣли сконфузить бѣдную, будто упрекали ее за какое-то страшное преступленіе... Съ невольнымъ чувствомъ содроганія набросила она поскорѣе на лицо усоннаго одѣяло и выбѣжала изъ комнаты.

Черезъ пять минутъ всѣ нахлѣбники Шарлотты Готлибовны, и въ числѣ ихъ сама она подъ-руку съ Иваномъ Макарычемъ, явились на поклонъ къ покойнику. Толковъ было много; нѣкоторые даже сомнѣвались, точно ли умеръ Иванъ Самойлычъ. А Иванъ Макарычъ даже рѣшительно утверждалъ, что это все вздоръ, что господинъ Мичулинъ не можетъ умереть, потому что вчера еще далъ онъ ему такого лекарства, отъ котораго и мертвый изъ гроба встанетъ.

— Надо вамъ сказать, господа, — говорилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ: — что на свѣтѣ иногда чудныя бываютъ штуки!

Съ пьяну, что-ли, это дѣлается, а вдругъ человекъ ни пошевельнется, ни моргнуть — а между тѣмъ живъ и все слышитъ, что вокругъ него дѣлается!.. Я вамъ говорю, господа, что бывали даже примѣры, что и въ землю зарывали живыхъ...

Но для того, чтобъ окончательно убѣдиться, точно ли умеръ Иванъ Самойлычъ, и имѣть право развивать свои познанія насчетъ заживо погребенныхъ, любознательный Пережига подселъ къ нему поближе, потрясъ его за носъ — носъ былъ холодный, приложилъ руку ко рту — дыханія не оказалось!

— А кто его знаетъ! можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ умеръ! — сказалъ онъ съ убійственнымъ равнодушіемъ, отходя отъ бездушнаго трупа: — и водка не спасла тебя, бабья душа! И хорошо, братъ, сдѣлалъ, что умеръ!

Однакожъ, такъ какъ Мичулинъ не имѣлъ совершенно никакихъ родственниковъ, ни знакомыхъ, то Шарлотта Готлибовна почла нужнымъ послать за полицейскимъ чиновникомъ, напередъ пересмотрѣвъ всюду, не имѣется ли чего цѣннаго. Но цѣннаго оказалось всего только поношенный сюртукъ да изъ бѣлья кое-что. Вслѣдствіе такой бѣдности капиталовъ всѣ нахлѣбники тутъ же рѣшились сдѣлать складчину, чтобъ приличнымъ христіанину образомъ похоронить своего собрата.

Полицейскій чиновникъ не заставилъ долго ждать себя. Малый онъ былъ нрава веселаго и вообще любилъ при удобномъ случаѣ пошутить, не выходя, впрочемъ, изъ предѣловъ благопристойности... о, ни-ни, какъ это возможно!

— Скажите, пожалуйста! — началъ онъ, когда объяснили ему причину его призыва: — такъ вотъ-съ какое странное надъ вами стряслось дѣло! Ну-съ, дѣлать нечего, приступимъ къ освидѣтельствуванію; посмотримъ, не окажется ли какихъ боевыхъ и насильственныхъ знаковъ!

Шарлотта Готлибовна знала, что господинъ чиновникъ изволить шутить; поэтому нисколько не смутилась, а только сказала ему съ самою очаровательною улыбкою:

— О, ви очень любезный кавалиръ, Деметрій Осипичъ!

— Да-съ! ужъ этого, изволите видѣть, и законъ требуетъ, а я орудіе, ничего, какъ ничтожное орудіе... Да-съ, посмотримъ, посмо-

тримъ... а можетъ быть его и отравили?.. Ха-ха-ха! можетъ быть, у него и деньги были, мильонщикъ былъ... ха-ха-ха!

И веселый Дмитрій Осипычъ заливался добродушнымъ и звонкимъ хохотомъ.

Осмотрѣвъ тѣло Ивана Самойлыча и удостовѣрившись, что отравы или удавленія тутъ нѣтъ никакихъ, добродушный Дмитрій Осипычъ изъявилъ желаніе освѣдомиться объ имуществѣ покойнаго.

— Ну, давайте же намъ ихъ сюда, давайте намъ мильоны-то! — говорилъ онъ съ обычною своею веселостью: — вѣдь неравно наслѣдники будутъ, ха-ха-ха!.. Э, — продолжалъ онъ, перебирая пожитки умершаго: — да у него цѣлыхъ шесть рубахъ было! и фуфайка теплая... а умеръ!

— Скажите же пожалуйста, господа, — обратился онъ къ присутствующимъ: — что-жъ бы это за причина была такая, что вотъ жилъ-жилъ человѣкъ, да вдругъ и умеръ?..

— То-есть, вы хотите узнать философію смерти? — замѣтилъ Беобахтеръ.

— Да-съ, я, знаете, люблю иногда вечеромъ позаняться такими разными мыслями, и, признаюсь, есть вещи, которыя сильно интригуютъ меня: напримѣръ, вотъ хоть и это — жилъ-жилъ человѣкъ, да вдругъ и умеръ!.. Странное, очень странное дѣло!

— О, это не легко объяснить себѣ! тутъ цѣлая наука! — отвѣчала господинъ Беобахтеръ: — надъ этимъ многіе философы не мало трудились... Да, это трудно, очень трудно!.. тутъ безконечное!

— Чтò тутъ трудно! — прервалъ Пережига: — трудно, трудно! а дѣло-то очень просто объясняется! Извольте видѣть, ужъ какъ пошелъ человѣкъ по мечтанію, какъ пошло въ его головѣ разныя штуки да закорючки выкидывать, такъ ужъ извѣстно — плохо дѣло! Вотъ и смерть приключилась!.. Какое же тутъ безконечное? чтò за философія? То-то, братъ! все съ своими выморозками лѣзешь! Ужъ я говорю: растянуться и тебѣ, какъ ему! Право такъ, помяни мое слово!

— То-есть, чтò же вы разумѣете подъ словами: „пошелъ по мечтанію“? — спросилъ Дмитрій Осипычъ.

— Ну, да ужъ извѣстно чтò: скепцизмъ, батюшка, скепцизмъ одолѣлъ! вотъ чтò!

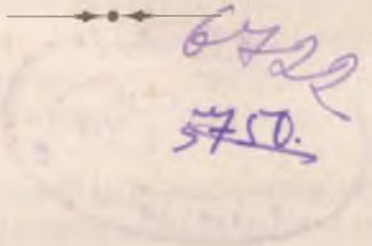
— Гм, скепцизмъ? — соображалъ Дмитрій Осипычъ: — скепцизмъ? то-есть, чтò же вы подъ этимъ разумѣете?

— А вотъ, примѣрно, человѣкъ съ собакой идетъ: ну, мы съ вами просто такъ и говоримъ, что вотъ, молъ, человѣкъ идетъ и за нимъ собака бѣжитъ, а скептикъ: нѣтъ, говорить, это, изволите видѣть, собака идетъ и человѣка ведетъ.

— Тес, скажите! такъ, стало быть, покойникъ былъ странный человѣкъ?—спросилъ Дмитрій Осипычъ и тутъ же съ упрехомъ покачалъ головою на Ивана Самойлыча.

— Я вамъ говорю: по мечтанію пошелъ! Ужъ какую онъ въ послѣднее время ахиною городилъ, такъ хотъ святыхъ вонъ понеси: и то нехорошо, и то дурно...

— Тес, скажите пожалуйста! — продолжалъ Дмитрій Осипычъ, строго покачавъ головою:—а вѣдь чѣмъ была не жизнь человѣку! и сытъ былъ, и одѣтъ былъ! званіе, сударь ты мой, имѣлъ! и вотъ не усомнился же возроптать на Создателя своего... Честью вамъ доложу, ужъ нѣтъ въ мірѣ животнаго неблагодарнѣе человѣка. Пригрѣй его, накорми его—укусить, непременно укусить. Ужъ такая, видно, его натура, господа!

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

3р

А. ДЕНА

р. ~~—~~

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. предыд. выдач _____

Зак. 2577.

